

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

IV

ОТ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое
Литературное
Обозрение

HISTOIRE DE LA VIE PRIVÉE

SOUS LA DIRECTION
DE PHILIPPE ARIÈS ET GEORGES DUBY

4

DE LA RÉVOLUTION À LA GRANDE GUERRE

ALAIN CORBIN, ROGER-HENRI GUERRAND,
CATHERINE HALL, LYNN HUNT, :
ANNE MARTIN-FUGIER, MICHELLE PERROT

VOLUME DIRIGÉ PAR MICHELLE PERROT

ÉDITIONS
DU SEUIL
PARIS

1999

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ФИЛИППА АРЬЕСА И ЖОРЖА ДЮБИ

4

**ОТ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО I МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

АЛЕН КОРБЕН, РОЖЕ-АНРИ ГЕРРАН,
КЭТРИН ХОЛЛ, ЛИНН ХАНТ,
АННА МАРТЕН-ФЮЖЬЕ, МИШЕЛЬ ПЕРРО

ТОМ ПОД РЕДАКЦИЕЙ МИШЕЛЯ ПЕРРО

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2018

УДК 316.728(4)(091)
ББК 63.3(4)-75
И90

Programme
Asso

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes
d'aide à la publication de l'Institut français
Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому
делу при поддержке Французского института

Редактор серии Л. Оборин

В оформлении обложки использована картина «Молодая женщина
за вышиванием» (1900) Мэри Стивенсон Кэссетт (1844–1926)

H. O. Havemeyer Collection, Bequest of Mrs. H. O. Havemeyer, 1929,
The Metropolitan Museum of Art.

**И90 История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби.
Т. 4: от Великой французской революции до I Мировой войны;**
под ред. М. Перро / Ален Корбен, Роже-Анри Герран, Кэтрин
Холл, Линн Хант, Анна Мартен-Фюжье, Мишель Перро; пер. с фр.
О. Панайотти. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 672 с.
(Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-0729-3 (т.4)

ISBN 978-5-4448-0149-9

Пяти томная «История частной жизни» — всеобъемлющее исследование, созданное в 1980-е годы группой французских, британских и американских ученых под руководством прославленных историков из Школы «Анналов» — Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби. Пяти томник охватывает всю историю Запада с Античности до конца XX века. В четвертом томе — частная жизнь европейцев между Великой французской революцией и Первой мировой войной: трансформации морали и триумф семьи, особняки и трущобы, социальные язвы и вера в прогресс медицины, духовная и интимная жизнь человека с близкими и наедине с собой.

УДК 316.728(4)(091)

ББК 63.3(4)-75

© Éditions du Seuil, 1987 et 1999

© О. Панайотти, перевод с французского языка, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Мишель Перро

Вторжение в частную жизнь всегда настораживало викторианского историка, чересчур стыдливого, подчас некомпетентного и слишком уважительно относящегося к системе ценностей, в которой заслуживающей внимания считалась лишь одна история — великая социально-экономическая история государств.

Чтобы проникнуть в сферу частной жизни, понадобилось изменить порядок вещей: частная жизнь перестала быть чем-то проклятым, запретным, темным и стала сферой, полной наслаждения и рабства, конфликтов и чаяний, одним словом, сферой человеческой жизни. Существование частной жизни было, наконец, признано и узаконено, частная жизнь — достижение нашего времени.

Тому, что сейчас частная жизнь в таком почете, способствовало множество факторов — великих исторических потрясений, великих книг. Во-первых, это давление политики. Деспотизм тоталитарных государств, чрезмерное вмешательство демократических государств вплоть до управления рисками — «рациональность отвратительного и рациональность обычного» (Мишель Фуко) — все это привело к размышлениям о механизме власти и к поискам сдержек и противовесов, рычагов сопротивления, эффективного противостояния общественному контролю в малых группах, даже у отдельных индивидов.

Современный рабочий находит у себя дома, на своей частной территории, убежище от всевидящего ока хозяина предприятия и заводской дисциплины. И рост благосостояния в западных обществах есть не только плод обуржуазивания, но и форма борьбы против смертельного холода.

Несмотря на все разнообразие идеологий, дискурсов и практик, проявившееся во всех областях экономики, политики и морали, XX век был отмечен взрывом индивидуализма. Размежевание в обществах идет по самым разным признакам — возрастным, гендерным, этническим, региональным. Женское движение настаивает на разнице полов, этом моторе истории. Молодежь рассматривает себя как отдельный социальный слой и стремится выделиться при помощи одежды и музыки. Всеобщее увлечение психоанализом, постоянные «рассказы о жизни» утверждают силу «я». Процессы диссоциации, разъединения, рассеивания идут повсеместно.

Эти сложные явления вызывают вопросы, касающиеся отношений публичного и частного, коллективного и индивидуально-мужского и женского, того, что выставляется напоказ, и того, что принято скрывать. Они порождают разнообразные оценки и поток разного рода литературных произведений; назовем лишь несколько. В то время как Альберт Хиршман описывает несбалансированные циклы, в которых общественные интересы превалируют над всеми остальными, преследующими частные цели, другие авторы считают приватность и индивидуализацию долгосрочной тенденцией, имеющей огромное значение.

Для Норберта Элиаса тенденция *приватизации** жизни созвучна цивилизации. Выискивая проявления цивилизованности начиная с эпохи Эразма, он демонстрирует, как то, что называют стыдливостью, уводит в глубокую тень отдельные

* В этом томе термин «приватизация» употребляется в том же значении, что и в томе 3 настоящего издания: речь идет о переходе чего-либо в сферу частной жизни, повышении уровня приватности. Как и в томе 3, мы выделяем это слово курсивом. — *Примеч. ред.*

физиологические акты, которые раньше без проблем совершались публично, например сморкание, дефекация, секс. Манера есть, мыться, заниматься любовью — и, следовательно, жить — меняется благодаря появлению нового самоощущения, связанного с телесной тайной.

Луи Дюмон видит в развитии индивидуализма то, что отличает Запад от холизма^{*} восточного мира, например Индии, где личные интересы подчиняются настоящим целям общества. Эпоха Возрождения положила начало глубинному движению, выразившемуся, можно так сказать, в «Декларации прав человека и гражданина». Однако для того, чтобы абстрактный индивид стал реальностью, требуется много времени. Об этом наша книга — об истории XIX века.

Юрген Хабермас и Ричард Сеннет обнаруживают в кратком периоде Нового времени, скорее даже в эпохе Просвещения, баланс публичного и частного. Высшей его точкой, по их мнению, является буржуазный либерализм; в дальнейшем наблюдается его деградация. Но они интерпретируют этот баланс по-разному. Для Хабермаса речь идет о повсеместном наступлении государства, играющего исключениями и нарушениями равновесия; для Сеннета — об изоляции в вездесущей и всепоглощающей нуклеарной семье с женщиной во главе; все это — определяющие факторы упадка социальности, о котором сожалел также Филипп Арьес. Для Сеннета тирания «узкого круга» была оправдана появлением в городской буржуазной среде XVIII–XIX веков публичного человека, которому, так сказать, была свойственна некоторая театральность.

Таким образом, XIX век был золотым веком приватности. Именно тогда сформировались ее понятия и терминология. Понятия гражданского общества, частного, интимного

^{*} Холизм — позиция в философии и науке по проблеме соотношения части и целого, исходящая из качественного своеобразия и приоритета целого по отношению к его частям. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания принадлежат переводчику.*

и индивидуального вступают в сложные запутанные отношения друг с другом.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории возникновения этой модели. Книга охватывает период от Великой французской революции, идеалы которой разбились о подводные рифы разногласий и противоречий предшествующей истории, до начала XX века, так сказать, зари новой эпохи, трагически прерванной войной, которая низвергла, заблокировала, почти изменила ход эволюции.

Изучая историю этого времени, можно пользоваться разными источниками — сверхподробными и неполными, многословными и молчаливыми, не открывающими завесу тайны. Надо сказать, что социальные, моральные, медицинские заботы составляют суть политической и экономической мысли; частная жизнь порождает бесчисленное количество теоретических, нормативных и описательных дискурсов, в центре которых находится семья. Что касается архивов, частная жизнь в них почти не отражена. Государство еще практически не участвует в жизни семьи, гражданское общество едва сформировалось, и лишь конфликты и беспорядки вызывают его вмешательство. Отсюда интерес к полицейским и судебным архивам. К концу XVIII века полицейский постепенно перестает быть защитником и доверенным лицом. Жертвы преступлений все реже обращаются к нему за помощью, и судебное наказание подменяется частной мстостью. К несчастью, юридические архивы, до недавнего времени находившиеся в судебных канцеляриях, сильно пострадали от неправильного хранения и практически не подлежат восстановлению. Можно пользоваться по истечении сроков, установленных законом для всех персональных документов, лишь уголовными архивами, помеченными литерой U*. Материалы следствия прорубают бреши в цитадели приватности, и историки смогли этим воспользоваться.

* Речь идет о французской системе архивов. — *Примеч. ред.*

Нельзя не отметить, что частные архивы — самые богатые источники информации — социально неравноценны и не всегда доступны, да и сохранность их тоже порой сомнительна. Для хранения документов нужны подходящие помещения. Хорошо, когда наследники увлечены историей и генеалогией — тогда старые бумаги превращаются в реликвии. В настоящее время происходит переоценка ценностей, отношение ко всякому «старому хламу» меняется. Между тем семейная переписка и «личная» литература (дневники, автобиографии, мемуары), представляющие собой незаменимые свидетельства истории, не всегда являются истинными документами приватности. Все они создавались в соответствии с приличиями и по принятым правилам. Нет ничего менее спонтанного, чем письмо; ничего менее прозрачного, чем автобиография, которая может быть написана как для того, чтобы что-то запечатлеть, так и для того, чтобы что-то разоблачить. По крайней мере, все эти слабые попытки скрыть или продемонстрировать нечто приоткрывают завесу тайны.

Такое свидетельство истории, как роман XIX века, посвященный семейным интригам и интимным драмам, вымысел более «истинный», чем реально прожитое, будет нами использоваться с осторожностью и лишь отчасти — например, при описании стиля жизни, — с учетом важности отделения литературы от реальности и специфичности работы с текстом. Вместе с тем герои романов живут в нас, музыка этих романов пронизывает все наше существование.

Так или иначе, изучение частной жизни ставит трудные задачи. Эти трудности связаны не только с малым числом исследований, что заставляет делать выводы без проведения анализа и на основании фрагментарных данных. Если в результате нашего исследования появятся другие данные, опровергающие сделанные нами выводы, это станет очень хорошим результатом нашей деятельности!

С уверенностью можно говорить о расхождениях в имеющихся источниках. В большей мере в них упоминается жизнь

в городах, тогда как сельская частная жизнь, находившая отражение в фольклоре, в источниках не описана. В городах взгляды буржуазии находятся на разных полюсах. Несмотря на значительные усилия документалистов из издательства Seuil, за что им следует выразить здесь благодарность, иконография все еще носит импрессионистский характер, основанный скорее на богатом воображении. В то же время нельзя забывать не только о столкновении частного и социального, но и о существовании различных типов частной жизни с едва заметной комбинацией устоявшихся элементов.

Еще одна трудность: невозможность охватить Запад во всей его полноте, не вступая в противоречия с предыдущими томами серии. Но этот разрыв не бессмыслен. Огромное количество материала, узость проблем, дефицит работ и прежде всего возникновение национальных территорий — все это неизбежно влекло за собой предвзятость нашего мнения. Центральной темой этой книги является история Англии, наиболее проработанная и оказавшая сильнейшее влияние на французское общество.

Изучение частной истории требует особых подходов. Классических методов, используемых при исследованиях экономической и социальной истории, в данном случае недостаточно. Несмотря на очевидную необходимость, историческая демография является лишь грубым остовом. Историческая антропология и так называемая история менталитетов, ответственная за взаимодействие теории и практики, оказывают более существенное влияние. Эффективны разного рода выводы, сделанные на основе интеракционизма (Эрвин Гоффман. Представление себя другим в повседневной жизни), детального анализа микроистории, а также социологии культуры. Мы очень признательны всему этому, но еще в большей мере — феминистским исследованиям публичного и частного, разграничения сфер влияния, взаимоотношения полов в семье и обществе, проводившимся в последние годы.

Есть еще одна трудность: невозможность оказаться, так сказать, по ту сторону зеркала и узнать нечто, кроме внешней стороны частной жизни. В этой области выразимое порождает невыразимое, тайный свет — тень. Мы с горечью понимаем, что чем больше мы узнаем, тем глубже становится тайна недосказанного, незнакомого, непознаваемого. Вероятно, нужны другие методы исследований, основанные на семиотике и психоанализе. Тьма сгущается, как только мы приступаем к изучению истории жизни отдельных людей вне семьи — как они жили, как действовали, что чувствовали и как любили, каковы были их душевные и телесные порывы, мечты и фантазии. Это касается и семейных интриг в романах Бальзака, истории желания у Жерара де Нерваля, прустовских описаний интимных переживаний.

Как бы то ни было, перед вами наша пьеса с тысячью действующих лиц, плод труда шести авторов. Действие разворачивается во Франции в XIX веке. Сразу после того как занавес поднимется, выступает странный дуэт: Французская революция и английский дом (*home*). Собираются актеры: семья и другие. Сцена: дома и сады. Наконец, тайные кулисы отдельного человека.

На заднем плане — намек на статую Командора, как бы тень государства, потому что, несмотря ни на что, история частной жизни — это и политическая история повседневности.

Итак, пусть же праздник начнется!

ГЛАВА 1
ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Мишель Перро

Линн Хант

Кэтрин Холл

ВРЕМЯ И МЕСТО

Мишель Перро

Время: Французская революция и частная жизнь

XVIII век четко разграничил общественное и частное. Публичное попало в сферу влияния государства, тогда как частная жизнь, некогда малозначительная, вдруг начала цениться очень высоко и стала синонимом счастья. Частная жизнь ограничивалась семьей и домом, но формы общения были весьма разнообразны.

Французская революция драматическим и противоречивым образом нарушила эту эволюцию, краткосрочные и долгосрочные результаты которой должны быть, впрочем, обозначены. В краткосрочном плане частная сфера, «частные интересы» считались благоприятной средой для разного рода заговоров и предательства. Публичность предполагает прозрачность; планировалось изменить нравы и характеры людей, создать иную модель пространства и времени и в ней — нового человека, с новой внешностью, речью и чувствами при помощи педагогики знака и жеста.

В долгосрочном плане Революция разграничивает публичную и частную сферы, придает большое значение семье, дифференцирует гендерные роли ее членов: публичный человек — мужчина, домашний — женщина. Семья остается патриархальной, но власть отца во многом ограничивается и признается право на развод. В то же время провозглашается

свобода личности, *habeas corpus*^{*}, право на личную безопасность, которое до сих пор так плохо соблюдалось во Франции; Революция закладывает основы этого права: так, начиная с 1791 года статья 184 Уголовного кодекса сурово карает за несоблюдение неприкосновенности жилища.

Бурная история повседневной частной жизни в эпоху Революции заслуживает отдельного тома. Линн Хант, специалист по этой эпохе, описывает здесь в общих чертах то, что происходило на заре XIX века.

Как под влиянием евангеликов, утилитаристов и экономического развития, в ходе которого место работы постепенно отделилось от места проживания, в Англии начала XIX века произошло разделение публичного и частного, отныне неотделимого от семьи, и в то же время более четкая дифференциация гендерных ролей? На примере нескольких характерных фигур, начиная с оскорбленной королевы Каролины^{**}, судебное разбирательство по поводу которой имело место в 1820 году, в результате чего общественное мнение стало требовать от короля образцового поведения, и заканчивая ювелиром из Бирмингема, целью и смыслом жизни которого стало обустройство собственного коттеджа, Кэтрин Холл рассказывает нам историю возникновения нового домашнего идеала.

Место: иностранные влияния и английская модель

Главное в английской модели — появление среднего класса и закрепление его роли. Средний класс начинает оказывать влияние на низшие сословия, навязывая им добродетели

^{*} *Habeas corpus* — название закона о свободе личности, принятого английским парламентом в 1679 году.

^{**} Имеется в виду Каролина Брауншвейгская (1768–1821), супруга короля Георга IV.

хорошей хозяйки. Рабочий класс принимает эти добродетели, но на свой манер и в своих собственных целях. Джентри же ограничивают свой круг общения стенами своих имений.

Под крылом тех, кого вскоре назовут «ангелами домашнего очага», между детской и садом, расцветает нежность своего дома (*home*). Мы подошли к истокам викторианской *privacy*, описанной в бесконечных книгах, покоривших Европу.

Каково же влияние этой модели на французское общество, ищущее равновесие между своей деятельностью и счастьем? Она проникает во французское общество разными путями — ее привозят путешественники и денди, изгнанники и коммерсанты, бонны и мисс, состоящие на службе в богатых семьях. Англomania была отличительной чертой французского света. От англичан перенимают привычку к гигиене (мыло, уборные, ванны), манеру одеваться, говорить (в речь французов входят слова *home*, *baby*), играть, чувствовать, любить — осталось огромное количество следов этой бытовой англomania, проникшей и в народную среду. Начиная с 1900 года профсоюзы ратуют за создание зеленых пространств в городах, приходит мода на спорт и проведение досуга на английский манер. Плакаты Всеобщей конфедерации труда, призывающие к установлению восьмичасового рабочего дня и «английской» рабочей недели очень напоминают рисунки Крукшанка*. И все это — на фоне англофобии, постоянно возникающей вследствие разного рода экономических и политических конфликтов.

Первенство Англии, в особенности в первой половине XIX века, абсолютно оправданно. В дальнейшем огромную притягательную силу приобретает выдающаяся в культурном отношении Германия, а в начале XX века — Соединенные Штаты.

Благодаря этим факторам все острее встает вопрос об иностранном влиянии на частную жизнь французов, исключая

* Джордж Крукшанк (1792–1878) — английский книжный иллюстратор и карикатурист.

приграничные и спорные территории (Эльзас, Ницца и Савойя). Является ли по-прежнему Италия, куда все ездили в романтические путешествия, владычицей эстетических чувств и эмоций, какой она была для Руссо и Стендаля, остается ли она такой же для Женевиэвы Бретон*, например? Из Северной, Восточной или Южной Европы приходят различные веяния во Францию XIX века, и когда именно? Трудный вопрос, может быть, лишенный смысла. Невозможно проанализировать культурное и бытовое влияние на частную жизнь. Отдельные люди, более или менее ассимилировавшиеся во Франции, не формировали стиль жизни, но все же нельзя сбрасывать их со счетов.

Если рассматривать Францию в плане открытости другим народам, можно увидеть противоречивую картину. Демографическая ситуация во Франции — низкая рождаемость, высокая смертность и, следовательно, крайне медленный естественный прирост населения — уникальна для Европы, и поэтому Франция становится страной иммиграции. Во второй половине XIX века во Францию хлынул поток иммигрантов — бельгийцев, итальянцев, евреев из Центральной Европы, бежавших от погромов (между 1880 и 1925 годами около 100 000 евреев прибыло во Францию, и 80% из них поселились в Париже). В 1851 году иммигрантов уже 380 000, а в 1901-м — больше миллиона. Таким образом, иммигранты составляли 2,9% населения страны и 6,3% населения Парижа. Как нетрудно понять, они были людьми бедными и малопривлекательными для принимающей стороны. Это видно по презрительному отношению к вновь прибывшим из центральноевропейских гетто евреям их давно ассимилировавшимся соплеменникам и по враждебности, с которой относились в рабочих районах к итальянцам, особенно в период кризисов. Без поддержки семей им было бы не выжить. В любом случае законодательство (например,

* Женевиэва Бретон жила во второй половине XIX века и всю жизнь вела дневники, позволяющие узнать о частной жизни семьи интеллектуалов.

закон от 1889 года о натурализации) способствовало их ассимиляции. Какое же влияние оказали все эти миграции на частную жизнь?

С другой стороны, самоуверенная якобинская Франция создает достаточно эффективную, прочную и несколько застывшую модель гражданского общества, равняющую всех под одну гребенку, не принимающую местные говоры, исправляющую акцент, навязывающую всем мигрантам, как внутренним, так и внешним, единый шаблон поведения. Вышедшая в свет в 1985 году книга Пьера Сансо «Франция чувствующая» свидетельствует об отступлении частной жизни под натиском публичной.

И совсем из другой области: не является ли отказ рассматривать сексуальность как главное в человеке, согласно великому венцу Фрейду, еще одной причиной сдержанного отношения к частной жизни и к восприятию себя?

Модели частной жизни в XIX веке практически неотделимы от национальных территорий.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Линн Хант

Во время Революции границы между жизнью публичной и жизнью частной были очень размыты. Дух публичности вторгся в сферы, обычно относившиеся к приватной жизни. В начале XIX века в связи с расширением публичного пространства и политизацией повседневной жизни перераспределились сферы влияния общественного и частного. В период между 1789 и 1794 годами общественное пространство непрерывно расширялось, и результатом этого процесса стало возвращение к себе, в лоно семьи, в собственные дома, и частное пространство приобрело более четкие очертания. Тем не менее, пока это возвращение не состоялось, частная жизнь подвергалась наиболее жестокой агрессии за всю историю западного мира.

Революционеры стремились разграничить публичное и частное. Ничто частное (а все интересы были именно частными) не должно было наносить ущерб общей воле новой нации. Девизом всех политиков, от Кондорсе до Тибодо и Наполеона, была одна и та же фраза: «Я не принадлежу ни к какой партии». Политическая деятельность всех партий, группировок и объединений частных лиц становилась синонимом конспирации и заговора, а «интересы» — синонимом «предательства нации».

В разгар Революции «частное» считалось «мятежным», а все, что к нему относилось, приравнивалось к бунту и заговору. Отсюда — стремление революционеров сделать все сферы жизни

абсолютно прозрачными. С их точки зрения, только постоянная бдительность государства, имевшего в то время очень четкое определение, может помешать проявлению «частных интересов» и мятежам. Все собрания и встречи, на которых могут обсуждаться политические вопросы, должны быть открыты для «общественности». Салоны и кружки могут быть моментально ликвидированы. В такой политизированной стране, как Франция в то время, любое проявление частных интересов рассматривалось не иначе как контрреволюционная деятельность. «Есть только одна партия — партия интриганов! — громогласно заявлял Шабо. — Все остальные — это партия народа!» Это маниакальное стремление не допустить ни малейшего проявления частных интересов парадоксальным образом стерло границы между частной и общественной жизнью.

Отношения аристократа и санкюлота наполнились новым смыслом: санкюлот, умерив свой революционный пыл, мог считаться аристократом; таким образом, проявление чего-то частного в людях приобрело политический смысл. В октябре 1790 года Марат разогнал Национальную ассамблею, обвинив ее в том, что она сплошь состоит «из прежних аристократов, прелатов, разных судейских крючкотворов, приспешников короля, офицеров, юристов, людей бездушных, безнравственных и бесстыдных, принципиальных врагов революции». Большинство депутатов, согласно Марату, — это «ловкие жулики, презренные шарлатаны». Это были «испорченные, хитрые и вероломные люди» (*L'Ami du peuple*). И дело не только в том, что можно было случайно примкнуть не к тому политическому лагерю. Все, кто проявлял какие-то частные интересы, сразу же объявлялись лишенными самых элементарных человеческих качеств. Любое частное лицо, если оно недостаточно рьяно защищало дело Революции, объявлялось коррупционером и предателем. Марат первым ступил на путь подобных обличений, остальные за ним последовали. В 1793 году об «умеренном, фельяне, аристократе» в каком-то грязном памфлете говорилось как о том,

«кто не способствует улучшению судьбы несчастного, патриотически настроенного народа, имея для этого все возможности; о том, кто по злобе не носит трехдюймовую кокарду; о том, кто не покупает национальной одежды и в особенности о том, кто не носит фригийский колпак — головной убор санкюлота». Одежда, манера говорить, отношение к беднякам, выполняемая работа, наличие или отсутствие недвижимости — все становилось критерием патриотизма. Где же проходила граница между частным и публичным?

Смешение частного с политикой, с публичностью не было свойственно разным собраниям и наиболее радикально настроенным газетам; самый яркий пример, без сомнения, — речь Робеспьера от 5 февраля 1794 года «О принципах политической морали». Отталкиваясь от постулата, что «движущая сила народно-революционного правительства — это добродетель и террор», рупор Комитета общественного спасения противопоставлял добродетели республики порокам монархии: «Мы хотим заменить в нашей стране эгоизм нравственностью, честь честностью, обычаи принципами, благопристойность обязанностями, тиранию моды господством разума, презрение к несчастью презрением к пороку, наглость гордостью, тщеславие величием души, любовь к деньгам любовью к славе, хорошую компанию хорошими людьми, интригу заслугой, остроумие талантом, блеск правдой, скуку сладострастия очарованием счастья, убожество великих величием человека...» и далее: «В системе французской революции то, что является безнравственным и неблагоразумным, то, что является развращающим, — все это контрреволюционно». Таким образом, даже если революционеры полагали, что частные интересы (под которыми они подразумевали интересы малых групп или заговорщиков) не должны были быть представлены на политической арене, тем не менее они были убеждены в том, что частные отношения и общественная добродетель тесным образом связаны. Так, «Временная комиссия республиканского

надзора, учрежденная в Освобожденном Городе» (Лион) декларировала в ноябре 1793 года: «Чтобы считаться истинным республиканцем, каждый гражданин должен совершить в себе революцию, подобную той, что изменила лицо Франции... всякий, кто думает о личной выгоде, всякий, кто считает, во сколько ему обходится земля, место, талант... все подобные люди, которые мнят себя республиканцами, лгут природе... и даже если они покинут землю свободы, они будут найдены, и кровь их обагрит ее (землю свободы)». Итак, можно сделать вывод, что революционные политические взгляды находились под влиянием Руссо. Качество общественной жизни зависит от открытости сердец. Взаимоотношения государства и индивида не требуют посредничества каких-либо партий и групп, но индивиды должны совершить революцию в себе, подобную той, что произошла в государстве. Это влечет за собой тотальную политизацию частной жизни. Согласно лионским революционерам, «Республике нужны лишь свободные люди».

Смена внешнего вида

Один из наиболее ярких примеров вмешательства публичного в частную сферу — повышенное внимание к костюму. С момента открытия Генеральных Штатов в 1789 году одежда обретает политический смысл. Мишле так описывает депутатов: «толпа людей, одетых в скромные темные одежды» (депутаты от третьего сословия) — и кучка депутатов от знати... в шляпах с перьями, в кружевах и золоте». Согласно англичанину Джону Муру, «подчеркнуто простая, даже изношенная одежда... считалась проявлением патриотизма». В 1790 году модные журналы представляют «конституционный костюм» для женщин, ставший в 1792-м «„костюмом равенства“, очень популярным среди республиканок». *Journal de la mode et du goût* в 1790 году рекомендовал «великосветским дамам» одеваться в «цвета

нации», «женщине-патриотке» — «в голубое королевское сукно, шляпу с черной лентой и трехцветной кокардой».

Мужская мода не сразу приобрела какие-то определенные особенности, но костюм быстро стал знаковым явлением. Он демонстрировал общественное положение частного лица. Например, по отсутствию кокарды сразу можно было понять, что человек — умеренный или аристократ. После 1792 года в человеке в красном колпаке, якобинской куртке карманьоле и широких штанах можно было узнать санкюлота, то есть настоящего республиканца. Одежда приобрела такое политическое значение, что в октябре 1793 года Конвент вынужден был принять закон о «либерализации костюма». Декрет звучит несколько бесцветно: «Никто, будь то мужчина или женщина, не может принуждать гражданина или гражданку одеваться каким-то особым образом... в противном случае он будет рассматриваться как лицо подозрительное».

Однако дискуссии в Конвенте показывают, что этот декрет был направлен против женских клубов, члены которых носили красные колпаки и заставляли других женщин поступать так же. По мнению депутатов, в самый острый период Революции — период дехристианизации — политизация одежды угрожала даже изменением порядка гендерных отношений. В Комитете общественной безопасности опасались, как бы дискуссии по поводу одежды не привели к маскулинизации женщин: «Сегодня требуют красного колпака; на этом не остановятся и вскоре потребуют ремень и пистолеты». Вооруженные женщины очень опасны в длинных очередях за хлебом; еще того хуже — их объединение в клубы. Фабр д'Эглантин отмечал: «в эти их общества не входили матери семейств и приличные девушки, занятые воспитанием младших братьев и сестер; наоборот, это были искательницы приключений, странствующие „рыцарши“, эмансипированные особы, солдаты в юбках». Аплодисменты, прерывавшие его речь, говорили о том, что оратор задел чувствительные струны в душах

депутатов; все женские клубы были упразднены, потому что они искажали «естественный ход вещей», «освобождали» женщин от их исключительно домашней (частной) идентичности. Шомет вопрошал: «Где это видано, чтобы женщина бросила свои святые обязанности матери семейства и ушла на площадь произносить с трибуны речи?» Женщины стали рассматриваться как субъекты частной жизни, и их активное участие в жизни общественной было отвергнуто всеми мужчинами.

Несмотря на открытую поддержку со стороны Конвента права одеваться по своему усмотрению, роль государства в этой области нарастала. Начиная с 5 июля 1792 года закон обязал всех мужчин носить трехцветную кокарду; с 3 апреля 1793 года все французы, независимо от половой принадлежности, обязаны были ее носить. В мае 1794 года депутат-художник Давид получил от Конвента заказ на обновление национального костюма. Давид предложил восемь эскизов, два из которых представляли униформу для гражданских лиц. Различия в костюмах чиновников и обывателей были минимальными. Все костюмы состояли из короткого открытого мундира с поясом-шарфом, обтягивающих брюк, невысоких сапог, шапочки и плаща длиной до колена. Этот костюм объединял элементы античного костюма, костюма эпохи Возрождения, но также напоминал и театральные одежды. Униформу, предложенную Давидом, не носил практически никто, за исключением нескольких молодых почитателей его таланта. Тем не менее сама идея об униформе для гражданского населения, возникшая в Народном и республиканском обществе искусств, говорит о стремлении полностью уничтожить границу между частным и общественным. Все граждане, солдаты или гражданские лица, должны носить униформу. Художники из Общества искусств отмечали, что тогдашняя манера одеваться была недостойна свободного человека: если Революция входит в частную сферу, необходимо полностью обновить костюм. Как можно добиться равенства, если социальные различия по-прежнему проявляются в одежде? Женская одежда в глазах художников

и законодателей имела меньшее значение, и в этом нет ничего удивительного. По мнению Викара, женщинам не требовалось ничего менять, «разве что носовые платки». Поскольку женщинам отводилась сугубо частная роль, им необязательно было носить национальную гражданскую униформу.

Даже после того как от грандиозного проекта реформирования мужской одежды отказались, костюм не утратил своего политического значения. Щеголи-термидорианцы носили белое белье и презирали якобинцев за то, что они не пудрили волосы. Костюм *à la victime** с точки зрения щеголей выглядел так: «клетчатая одежда без воротника, очень открытая обувь, свисающие волосы»; они были вооружены тросточками со свинцовым набалдашником. В целом Революция способствовала облегчению одежды. Для женщин это означало усиление тенденции ко все большему обнажению, и один журналист даже вынужден был сделать такой комментарий: «Многие богини появились в платьях столь легких, столь прозрачных, что мужчины были лишены удовольствия догадываться о том, что эти платья скрывают».

Смена повседневного декора

Предметы домашнего обихода тоже не были забыты. На самых интимных домашних вещах лежала печать революционного пыла. В домах зажиточных патриотов можно было обнаружить кровати «а-ля Революция» или «а-ля Федерация». Фарфоровая и фаянсовая посуда украшалась виньетками или изречениями республиканского содержания. Табакерки, бритвенные приборы, зеркала, сундуки — все вплоть до ночных ваз было разрисовано аллегорическими изображениями Революции. Свобода, Равенство, Процветание, Победа в виде молодых прелестных нимф

* «Как у жертвы» (*фр.*); этот костюм и сопутствующая ему прическа напоминали об облике жертв террора, отправляемых на гильотины. — *Примеч. ред.*

украшали частные пространства республиканской буржуазии. Даже у самых бедных портных и сапожников на стенах висели республиканские календари с новой системой дат и неизбежными революционными виньетками. Конечно, портреты античных героев и революционеров или картины, изображающие становление Республики, не полностью вытеснили гравюры с изображениями Мадонны и святых; нельзя утверждать, что взгляды простого народа так фундаментально изменились под воздействием нового политического воспитания, но можно с уверенностью заявить, что внедрение общественной символики в частные пространства способствовало созданию революционной традиции. Точно так же портреты Бонапарта и изображения его побед помогли создать наполеоновскую легенду. Благодаря страсти революционных правителей и их сторонников политизировать всё и вся у нового декора частного пространства были долгосрочные последствия.

Новый лексикон

Революционный символизм двигался и в обратную сторону. В то время как революционная символика захватывала сферу частной жизни, ее маркеры проникали в публичное пространство. Повсеместно распространилось фамильярное «тыканье». В октябре 1793 года некий ретивый санкюлот поставил на голосование в Конвенте проект декрета, согласно которому все республиканцы должны были «обращаться друг к другу на „ты“, под страхом попасть под подозрение». Он утверждал, что подобная практика «усмирит гордыню, устранил различия между людьми, сведет к минимуму всякую задушевность, сделает отношения между людьми более непринужденными, более братскими; следовательно, обеспечит равенство». Депутаты отказались законодательно требовать повсеместного «тыканья», но в кругах пылких революционеров этот стиль получил широкое

распространение. Манера выражаться фамильярно во время публичных выступлений имела осознанный разрушительный эффект. «Тыканье» ломало все правила публичных выступлений.

Еще более шокирующим было массовое появление простонародных речевых оборотов в печатном тексте. Начало этой тенденции положили правые газеты, вроде *Les Actes des arôtres*, анонимные памфлеты, например «Частная жизнь красавчика Лафайета, генерала васильков» и «Якобитские шабаши», пародировавшие католический ритуал и распространявшие «галантные шалости», столь высоко ценимые в старорежимном «свете». Левые газеты, в особенности *Le Père Duchesne* Эбера, сразу же ее подхватили. Вскоре простонародные ругательства и чертыхания стали на страницах газет общим местом, наравне с огромным количеством «стильных ругательств» (вроде «разрази его гром» и «тысяча чертей»). Больше всего Эбер и прочие изощрялись при описании Марии-Антуанетты: «Австрийская тигрица — самая жалкая проститутка Франции. Ее открыто обвиняют в том, что она обжимается по грязным углам со слугами, и трудно же бывает определить того, кто является отцом горбатых и заразных ублюдков, появляющихся из ее огромного, в складках, брюха» (*Le Père Duchesne*). Мария-Антуанетта изображалась антиподом всех нормальных женщин: диким зверем, а не порядочным человеком, шлюхой, а не женой, монстром, рождающим на свет уродов, а не матерью семейства. Для революционно настроенных мужчин она была воплощением всей той грязи, которая могла запятнать женщин, если они войдут в общественную жизнь. Революционеры опасались, что женщины перестанут быть собой, что вся женская сущность как таковая будет извращена. Вероятно, боясь этого, мужчины стали изъясняться на том гнусном языке, которым обычно рассказываются разные сальные истории. Пользуясь этим языком во время публичных выступлений, ораторы вторгались в личное пространство слушающих, стремились разрушить ауру благородства и почтительного отношения людей друг к другу.

Размытость границ между частным и публичным отражается в речи и иными способами. Революционное государство требовало повсеместного использования французского языка, все местные наречия и диалекты объявлялись вне закона. Барер* так объяснял это требование правительства: «Свободный народ должен изъясняться на едином языке, общем для всех». Конфликт между публичным и частным переместился на лингвистическое поле: новые школы должны были повсеместно насаждать французский язык, в особенности в Бретани и Эльзасе, и все официальные тексты публиковались на французском языке.

Для отдельных групп населения создание собственного языка компенсировало потерю частной жизни. Солдаты, лишенные какой бы то ни было частной жизни из-за призыва на службу, придумали себе «солдатский язык», чтобы отличаться от «штатских». У них для всего была собственная «терминология»: для обмундирования, оружия, воинских подразделений (гвардейцы назывались «бессмертными»), происшествий на поле боя, денежного довольствия (деньги получили название «карманная посуда») и даже для игры в лото («двойка» была «курочкой», «тройка» — «еврейским ухом»). Враг-немец назывался «кочаном квашеной капусты», англичанин назывался проще — «проклятым» (*goddam*).

Марианна

В смутный период, когда отсутствовало разграничение частного и публичного, символы семейной жизни также приобретали политический смысл. Эмблема Республики, римская богиня Свободы, часто присутствовала на официальных печатях, на виньетках, изображалась в виде статуй. Очень часто она

* Бертран Барер (1755–1841) — французский политик, адвокат, председатель Конвента во время суда над Людовиком XVI.

принимала вид юной девушки или молодой матери. Кто-то в шутку назвал ее Марианной — это было самое распространенное в то время женское имя, — и вскоре Марианна, олицетворявшая женщину, жену и мать, полностью лишенная каких бы то ни было политических прав (а может быть, именно вследствие этого?), стала символом новой Республики. Даже Наполеон вступился за этот образ в 1799 году. Чтобы быть эффективной, власть должна была вызывать любовь, ей следовало быть ближе к людям.

Политический дискурс и иконография революционного десятилетия подавались как история семьи. Вначале король выступал таким добродетельным отцом, признававшим трудности, с которыми столкнулось его королевство, и пожелавшим разрешить все проблемы при помощи своих повзрослевших сыновей (имелись в виду депутаты ордена третьего сословия). Но после его попытки бегства в 1791 году поддерживать эту версию стало невозможно: мало-помалу сыновья стали требовать фундаментальных изменений, вплоть до замены отца. Потребность в устранении этого отца-тирана удвоилась в связи с яростью, вызываемой у населения женщиной, представить которую в роли матери не удавалось: супружеская неверность Марии-Антуанетты была оскорбительной для нации, что до некоторой степени служит оправданием ее трагического конца. В новой семейной мифологии, созданной властью, королевская чета заменялась Братством революционеров, которое охраняло и защищало своих хрупких сестер — Свободу и Равенство. В новой республиканской символике никогда нет отца, отсутствуют и матери, за исключением совсем юных; есть семья, родители в которой исчезли. Грандиозная задача создания нового мира, как и забота об осиротевших сестрах, возлагалась на братьев. Иногда, особенно в 1792–1793 годах, появлялись изображения женщин, отважно защищающих Республику, но, как правило, они являлись предметом защиты. Судьба Республики все же зависела от мужского начала.

Частная религия против государства

Влияние Революции на частную жизнь не было лишь «символическим», то есть не заключалось только во внешних проявлениях политической культуры — одежде, речи и политических ритуалах. Новое государство начало наступление на самые разные общественные институты Старого порядка — на Церковь, на корпорации, на знать, на деревенские сообщества и семейные кланы — и одновременно с этим определило новое индивидуальное пространство для человека и его частные права. Конечно, этот процесс шел не без сопротивления. В первую очередь речь идет о католической церкви, принципиальном сопернике государства в контроле за частной жизнью. Католицизм, включавший в себя частные религиозные чувства и публичные церемонии, объединявший верующих и представлявший могущественную силу, был ареной ожесточенной борьбы. Первоначально революционеры надеялись создать толерантный по отношению к религии режим; вопросы веры должны были оставаться частным делом. Но вследствие старых привычек и постоянно растущей потребности в деньгах появилось спорное решение: конфискация церковных ценностей и подчинение духовенства гражданской конституции. Отныне должность епископа, как и практически все представительские должности, становилась выборной; революционные власти требовали, чтобы духовенство давало клятву верности, и запрещали духовным лицам носить сутану. Поддержка непокорных священнослужителей считалась контрреволюционной деятельностью; государственный контроль за местами и датами проведения религиозных церемоний становился все более жестким. Наполеоновский Конкордат 1801 года отменял тиранический контроль церкви со стороны государства, но лишь ценой признания права государства вмешиваться в вопросы религии.

Даже если многие из католических священников желали реформ, они категорически не принимали контроль государства. Впервые в истории частные лица — преимущественно женщины

и дети — приняли участие в общественном деле, встали на защиту своей церкви и своих ритуалов. По словам аббата Грегуара, конституционная церковь была задушена «взбунтовавшимися бабами». Они прятали непокорных священников, помогали проводить тайные мессы и даже «белые» мессы; после Термидора они заставляли мужей требовать открытия ранее закрытых церквей; они противились тому, чтобы их детей крестили или венчали священники, давшие клятву государству; когда же все рухнуло, они собирались на манифестации за свободу религии. В результате протестов против вмешательства государства в дело церкви вновь стали почитаться прежние святые покровители, а в наиболее враждебно настроенных к Революции местностях появлялись новые великомученики. Чтение молитвы во время бдений стало актом политического сопротивления. Вот что отважно писала некая Бесстрашная Сюзон в пасквиле, обнаруженном на VII год (революции) в городке Вильтьери в Йонне: «Нет более деспотичного правительства, чем наше. Нам говорят, что мы свободны и независимы, а сами запрещают петь и танцевать в праздничные дни и даже преклонять колени, чтобы помолиться Господу».

Под жесточайшим натиском революционного государства религия уходит в сферу частной жизни, особенно в городах. К 1794 году после эмиграции, депортации, казней, тюремных заключений, отставок и женитьбы священников остается так мало, что практически некому проводить публичные церковные службы. Люди молятся по домам, в кругу семьи или ближайших надежных друзей. Но после снятия всех ограничений частный мир потребует публичности для религиозных отправок. Приходские церкви, превращенные в амбары, конюшни, соляные склады, рыбные рынки или клубы, были отреставрированы и вновь освящены. Из укрытий извлекли церковное облачение и священные сосуды и стали проводить службы: если не было священника, то эти обязанности возлагались на школьного учителя или бывшего конторского служащего. Во многих областях, особенно в сельской

местности, люди не признавали декад (рабочих десятидневок) и собирались в церквях по воскресеньям, чтобы продемонстрировать свое нежелание работать. Следствием столь явного смещения публичного и частного оказалось появление новой структуры религиозной жизни: женщины становятся опорой Церкви, которую они так яростно защищали, мужчины же редко посещают службы. Новые формы публичной жизни — кабаре и кафе — отныне требуют мужского присутствия.

Семья, граница публичного и частного

Наиболее заметным было вмешательство государства в семейную жизнь граждан. Брак отныне становится светским, и чтобы он считался законным, церемония бракосочетания должна проводиться в присутствии муниципального служащего. При Старом порядке церемония заключалась во взаимном выражении согласия на вступление в брак, священник выступал только в роли свидетеля этого. Декрет от 20 сентября 1792 года возлагал на чиновника не только обязанность оформить акт гражданского состояния, но и объявить пару единой перед лицом закона. Отныне и впредь общественность будет принимать активное участие в формировании семьи. Государство фиксировало препятствия к заключению брака, восстанавливало и регулировало процесс усыновления детей, прописывало права незаконнорожденных детей (жестoko урезанные в дальнейшем Гражданском кодексе), учреждало развод и ограничивало родительскую власть созданием семейных трибуналов (их упразднили в 1796 году, однако государство продолжало ограничивать родительскую власть — в частности, в вопросах лишения наследства). Пытаясь создать новую воспитательную систему в стране, Конвент исходил из принципа, выдвинутого Дантоном, что дети «в первую очередь принадлежат Республике, и только потом — родителям». Бонапарт также

настаивал на том, чтобы «закон занимался ребенком с самого его рождения, заботился о его воспитании, регулировал, как и на каких условиях молодой человек может вступать в брак, путешествовать, выбирать профессию».

Семейное законодательство показывает озабоченность революционного правительства: следовало сохранить равновесие между защитой свободы личности, поддержкой единства семьи и укреплением контроля со стороны государства. Во времена Конвента в особенности, но и раньше, приоритет отдавался защите граждан от весьма вероятной семейной тирании и давления со стороны Церкви. В частности, это касалось «писем с печатью»*. Они рассматривались как позорное явление, потому что родители часто злоупотребляли ими, чтобы засадить в тюрьму своих непокорных отпрысков. Тем не менее после учреждения семейных трибуналов законодатели стали побуждать семьи улаживать внутренние конфликты; 20 сентября 1792 года был принят закон, разрешающий разводы. Гражданский кодекс будет гораздо меньше заботиться о счастье и автономности граждан, в особенности женщин, и усилит отцовскую власть. Семейные трибуналы дадут властные полномочия либо отцам семейств, либо государственным органам. В общем плане очевидно, что государство часто ограничивало контроль семьи или Церкви за личностью, чтобы распространить свой контроль. Государство гарантировало права индивида, поддерживало крепость семьи и ограничивало родительскую власть.

Право на развод

Рассмотрим напряжение, существовавшее между правами личности, семьей и государственным контролем на примере развода, впервые разрешенного во Франции во время Революции.

* Подробнее см. в томе 3 «Истории частной жизни» (с. 641–644).

Право на развод было логическим следствием либеральных идей, которые формулировались в Конституции 1791 года. Статья 7 секуляризировала брак: «Закон рассматривает брак только как гражданский акт». Если брак был заключен по взаимному согласию, он так же может быть и расторгнут при определенном стечении обстоятельств. Подчинение духовенства гражданской Конституции внесло раскол в католическую церковь, и множество пар отказывались обмениваться клятвами перед священником, присягнувшим государству. Секуляризируя брак, государство брало на себя контроль за гражданским состоянием и подменяло собой церковь как последний авторитет в вопросах семейной жизни. В немногочисленных (несмотря на новизну темы) дебатах по поводу разводов в пользу развода выдвигались и такие аргументы, как освобождение несчастливых пар, избавление женщин от деспотизма мужей и свобода совести для протестантов и иудеев, чья религия не запрещала разводов.

Закон 1792 года был весьма либерален. Подать заявление о разводе можно было по одному из семи мотивов: «слабоумие; наказание одного из супругов по приговору суда; грубое или жестокое обращение со стороны супруга; явная безнравственность; раздельное проживание по меньшей мере в течение двух лет; безвестное отсутствие в течение как минимум пяти лет; эмиграция». В этих случаях развод оформлялся немедленно. К тому же пара могла развестись по взаимному согласию через четыре месяца после подачи заявления или «в связи с несходством характеров» после шестимесячной попытки примирения. Вступить в повторный брак можно было не менее чем через год после развода. Расходы на оформление развода были так незначительны, что практически любой мог оплатить их; еще более удивительно — подать на развод могли как мужчины, так и женщины. Это был самый либеральный закон в мире.

В главе VI Гражданского кодекса количество мотивов для развода сократилось до трех: приговор суда, жестокое обращение, супружеская измена. В соответствии с восстановленными

Наполеоном правами главы семейства права женщины были во многом урезаны. Супруг мог требовать развода в случае неверности жены, супруга же могла требовать того же только в случае, если муж «приведет сожительницу в семейный дом» (статья 230). К тому же, если женщина была уличена в измене, ей полагалось двухлетнее тюремное заключение, тогда как к мужчине не применялось никакое наказание. Развод по соглашению сторон оставался в силе, но со значительными ограничениями: супругу должно быть не менее двадцати пяти лет; супруге должно быть не менее двадцати одного года и не более сорока пяти лет. Продолжительность брака должна была составлять не менее двух и не более двадцати лет; также требовалось разрешение родителей. В период между 1792 и 1803 годами во Франции развелись около тридцати тысяч пар, в дальнейшем — значительно меньше (разводы были запрещены в 1816 году). В Лионе, например, между 1792 и 1804 годами происходило по восемьдесят семь разводов в год, а между 1805 и 1816 — всего семь. В Руане 43% из 1129 заявленных в период между 1792 и 1816 годами разводов имели место в первые три года — между 1792 и 1795 годами; после 1803 года было лишь по шесть разводов в год.

Пережитый развод

Действительно ли возможность развестись повлияла на частную жизнь новых граждан Республики? В городах — вне всякого сомнения, но в сельской местности — минимально. Например, в Тулузе в период между 1792 и 1803 годами было 347 разводов, а в сельских районах Ревель и Мюре за тот же период — только два. В таких крупных городах, как Лион и Руан, распалось 3–4% браков, заключенных в революционный период, то есть менее чем через десять лет после их заключения. К началу XX века, после восстановления практики разводов в 1884 году,

распалось 6,5% браков, что, конечно же, значительно меньше, чем за последнее десятилетие XVIII века, если принять во внимание, что развестись можно было без больших проблем лишь в течение десяти лет, с 1792 по 1803 год. Разводы оформлялись представителями всех слоев городского населения, но больше всего разведенных пар было в среде ремесленников, торговцев и представителей свободных профессий. Женщины охотно пользовались новыми возможностями: в Лионе и Руане две трети заявлений на развод по иным причинам, нежели обоюдное согласие, подавалось женщинами. Разводов по взаимному согласию было не много: всего лишь 20–25% от общего их количества.

Наиболее распространенная причина развода — длительное безвестное отсутствие или уход одного из супругов. Вторая причина — несовместимость характеров. Сухие цифры статистики демонстрируют грустную картину: в Лионе четверть подающих заявление на развод жалуются, что не видели супруга десять лет и более! Добрая половина супругов отсутствовала более пяти лет. Революция дала возможность легализовать фактическую ситуацию; проблема была стара как мир. Разве удивительно, что мужчины и женщины называют в качестве основных причин желая развестись уход супруга или несовместимость характеров? На жестокое обращение жаловались, как правило, женщины. Отчеты семейных и, позже, гражданских трибуналов полны историй о мужьях, которые, вернувшись из кабака, били жен кулаком, метлой, посудой, утюгом и иногда даже ножом. В зависимости от причины развода несчастливая пара должна была обратиться к посредничеству семейного трибунала или семейного совета, состоявшего из родственников (или из друзей, если родственников не было), выбранных обоими супругами, для оценки обоснованности развода, а также для урегулирования финансовых вопросов и опеки детей.

Представляется, что идея развода была принята благосклонно, потому что лишь в трети случаев, иногда в половине, вопрос не решался положительно (без сомнения, под давлением

семьи). Количество состоявшихся разводов поражает, особенно если принять во внимание новизну явления и сопротивление Церкви. Даже те священники, которые присягнули государству, принимали развод только в том случае, если ни один из супругов не вступит в повторный брак при жизни второго, однако около четверти разведенных женились или вышли замуж вторично (после 1816 года Церковь стала признавать повторный брак, если предыдущий был гражданским, что, с точки зрения священников, не имело никакой силы). Разводы редко влекли за собой конфликты на почве опеки над детьми, с одной стороны, потому что большинство подающих на развод не имели малолетних детей (у 60% разводящихся пар дети были совершеннолетними), с другой — потому что ни трибуналы, ни родственники не рассматривали детей как составную часть семьи. Впрочем, в свидетельских показаниях, даваемых разводящимися супругами в ходе судебных дискуссий, ссылки на детей весьма редки; родители часто упоминают своих детей, даже не называя их по имени, а иногда и не говорят об их количестве.

Описание процедуры развода дает нам редкую возможность узнать что-то о сфере чувств в эпоху Революции. Трудно сказать, до какой степени изменилась эта сторона жизни. Нугаре* рассказывает историю некой девицы, забеременевшей от женатого любовника. Чтобы скрыть позор дочери, мать девушки объявила о своей собственной беременности. Таким образом мать и дочь смогли уехать в деревню и оставаться там до рождения ребенка. Эта образцовая мать, описанная на страницах сборника «Париж, или Поднятый занавес», не кажется слишком охваченной революционным духом. Семейные проблемы оставались теми же, что и до 1789 года. Жестокое обращение с женщинами — безусловно, не изобретение Революции. Но сама возможность развода отразилась на браке. Появились такие женщины, как Клодина Раме, которая решила расстаться

* Пьер Жан Батист Нугаре (1742–1823) — французский писатель и историк.

с мужем, потому что «не могла быть счастливой с ним». Для многих людей любовь должна была быть основой брака. Бракосочетание вошло в моду в период Революции: при Людовике XVI в год заключалось 239 280 браков, в 1793 году — 327 000. Но не все браки заключались по любви: доля браков, в которых муж не достиг возраста двадцати пяти лет и был на десять лет моложе своей супруги, к 1796 году достигла 19%, тогда как раньше таких браков было 9–10%. Возникает вопрос: не была ли женитьба лучшим способом избежать призыва в армию?

Частная жизнь — значит тайная жизнь

Рассказать о частной жизни самих революционеров очень трудно. Мемуары крупных политических деятелей до удивления безлики; они почти полностью посвящены жизни публичной, как и мемуары их предшественников из прежних времен, и большая часть аспектов частной жизни — любовь, супружество, здоровье — остается в тени, как если бы авторы этих мемуаров не имели ничего общего с великим экспериментом по созданию новой нации. Даже в мемуарах, написанных в более позднее время, подробностей крайне мало. Ларевельер-Лепо*, закончивший писать мемуары к 1820 году и посвятивший множество страниц рассказам о своих первых любовных похождениях, лишь в одной главе из трех томов рассказывает о своей «частной жизни до Революции». Такое впечатление, что частная жизнь автора закончилась с началом Революции и возобновилась только с его уходом из публичной сферы. «Одним из самых ярких обстоятельств [его] частной жизни» была встреча в юности с будущим депутатом Леклерком (от департамента Мен-и-Луара) в коллеже Анжера. Все его воспоминания о прошлом покрыты флером

* Луи-Мари де Ларевельер-Лепо (1753–1824) — французский политик периода Революции, член Национального собрания и Конвента, жирондист; в 1795–1799 годах — член Директории.

опыта публичной жизни в эпоху Революции. Единственные эпизоды частной жизни, о которых Ларевельер-Лепо повествует в своих мемуарах, посвящены важнейшим событиям его семейной жизни: выбору супруги и чувствам к ней и детям. Когда же он подробно описывает свой революционный опыт, он тщательным образом обходит все, что не связано с политикой. Смешивать публичное и частное было не принято.

Даже сама мадам Ролан* писала весьма условно. Зная, что ее ждала гильотина, она оставила нам «Исторические заметки о Революции», которые, как и мемуары политических деятелей, представляют собой политический дневник. В то же время в «Мемуарах», в которых она описывала свою частную жизнь, она обращалась к годам юности: «Я решила использовать время, которое провожу в заключении, для рассказа о том, что мне было свойственно». Она в деталях описывает свою жизнь в родительском доме и гораздо больше внимания уделяет чувствам, чего не делал Ларевельер-Лепо. Она с болью говорит о смерти матери; равнодушно рассказывает о первых встречах с господином Роланом: «Его солидность, характер, привычки, посвященные лишь работе, делали его для меня, так сказать, бесполом, или философом, существовавшим лишь в сфере разума».

В письмах, написанных в 1780-е годы, мадам Ролан удалось соединить горячий интерес к политическим событиям с меньшим вниманием к деталям повседневной жизни. Но в дальнейшем событий становится так много, что, полностью поглощенная общественной жизнью, мадам Ролан не сможет стать мадам де Севинье Революции, ее погружение в бурную политическую жизнь не оставит ей времени на досужую переписку. Признавая, что Революция нанесла удар по частной жизни, она писала 4 сентября 1789 года: «Честный человек может освещать себе путь факелом любви только в том случае, если

* Манон Жанна Ролан де Ла Платьер (1754–1793) — хозяйка литературного салона, писательница, жена экономиста и министра Жан-Мари Ролана де Ла Платьер.

этот факел будет зажжен от священного огня любви к родине». 1789 год был демаркационной линией в ее частной жизни, как и в национальной политике. Более личные «Частные мемуары» мадам Ролан охватывают лишь дореволюционный период. Уже зная, какая судьба ее ждет, мадам Ролан все же говорит о своих чувствах к дочери: «Пусть ей удастся в мире с собой и в безмятежности выполнить трогательный долг жены и матери». Участие в публичной жизни уничтожило частную жизнь этой женщины; для своей дочери она хотела другой судьбы.

Жизнь и смерть в эпоху Революции

То немногое, что известно об интимных чувствах людей в последнее десятилетие XVIII века, показывает их большую озабоченность прежде всего ходом Революции, затем созданием Империи. Так или иначе, все эти события затронули каждую семью: сыновья уходили на войну, священников изгоняли, церкви, до того как были заново освящены, превращались в общественные места, земли продавались с молотка, потом выкупались возвращающимися из эмиграции бывшими хозяевами, свадьбы не праздновались так, как раньше, и стал возможен развод. Влияние политики коснулось даже имен людей. В 1793–1794 годах детей называли Брут, Муций Сцевола, Перикл, Марат, Жеммап* и даже Челнок (Navette), Свекла (Betterave) или Жатва (Messidrice**). Чаще всего революционные имена получали мальчики, в особенности незаконнорожденные или подкидыши.

* Жеммап — деревушка в современной бельгийской провинции Эно, близ которой в ноябре 1792 года французские войска одержали победу над австрийцами.

** Мессидор — десятый месяц революционного календаря (19 июня — 18 июля). Взятие Бастилии, ознаменовавшее начало Великой французской революции, произошло 14 июля. Советским аналогом имени Мессидриса можно назвать имя Октябрина.

Мода на революционные имена прошла быстро, но время от времени и в начале XIX века то тут, то там появлялись *Прериали**, Эпикуры-Демокриты или Марии-Свободы (Marie-Liberté).

Озабоченность революционными событиями можно также проследить по некоторым письмам и автобиографиям, написанным малоизвестными людьми. В дневнике Менетра, парижского стекольщика, читаем о его жизни в эпоху Революции. В его речи встречаются «термидорианские» обороты: «Французы почувствовали запах крови... [Робеспьеровский Конвент был] сборищем разрушителей, мстительных людишек, желавших погубить одну партию и заменить ее другой». Рюо, хозяин книжной лавки в Париже, в письмах к брату в подробностях рассказывает о суете парижской политической жизни и практически полностью опускает все остальное. Однако оба они говорят о жизни своих семей (но не так подробно, как писала в «Мемуарах» мадам Ролан). Рюо прерывает переписку после смерти своего единственного сына, говоря в отчаянии: «Лихорадка или врач лишили нас самого дорогого, что было у нас в жизни. К чему теперь жить?» Менетра упоминает о разводе и повторном браке своей дочери и выражает надежду, что она забудет «тяготы и горести, пережитые с первым ужасным мужем». В самый тяжелый для всех 1795 год он с гордостью общался: «Я жил очень хорошо. <...> Мы ни в чем не испытывали недостатка... очень хорошо ели».

Те же, чьи дела шли хуже, оставили меньше свидетельств о своей частной жизни. Уровень смертности был самым высоким в 1794, 1804 и 1814 годах (но самая высокая смертность наблюдалась в 1847-м). В кризисные годы количество самоубийств достигает максимума. Больше всего их было между VI и IX годами, а во времена Империи все рекорды по самоубийствам были побиты в 1812 году. При Наполеоне в Париже происходило в среднем сто пятьдесят самоубийств в год, чаще

* *Прериаль* — девятый месяц революционного календаря.

всего люди топились в Сене. Среди самоубийц преобладали мужчины — их было втрое больше, чем женщин: без сомнения, сказывается крайне отрицательное отношение к самоубийству со стороны католической церкви, которая традиционно оказывала более сильное влияние на женщин, нежели на мужчин. Так заканчивали свою жизнь не только бродяги и разные темные личности: среди самоубийц было немало сломленных жизненными невзгодами людей, потерявших надежду на хоть какой-то поворот к лучшему. После них мало что оставалось: изношенная одежда и свидетельства родственников, друзей и соседей, пришедших опознать тело. О сокровенных чувствах этих несчастных нам известно лишь то, что они были в глубоком отчаянии и не могли продолжать жить.

Маркиз де Сад и сексуальная революция

Говоря о частной жизни в эпоху Революции, мы вынуждены опираться на количественные данные социальной истории (количество разводов и самоубийств) и на прямые свидетельства некоторых представителей элиты, записавших свои «частные мысли». Нам мало что известно о том, что происходило в душах простых людей. О чем думали солдат в палатке, заключенный в камере, жена революционера, занятая приготовлением обеда, водонос, который мерил шагами улицы или страдал от бессонницы в своей постели? Мы даже не можем быть уверены, что эти мысли имели какое-то значение для людей, живших в революционный период. Однако есть такой феномен, как маркиз де Сад, и его ни в коем случае нельзя не упомянуть при написании истории частной жизни. В своих записках де Сад исследовал крайние проявления сексуальности, безусловно, важнейшего аспекта частной жизни; его исследования до сих пор во многом определяют человеческое сознание. Вряд ли появление наиболее значительных произведений маркиза де Сада в промежуток

между 1785 и 1800 годами (а также нескольких других, предшествующих его смерти в 1814 году) было случайностью.

Ничто в юности Донасьена Альфонса Франсуа де Сада не предвещало того, что из-под его пера выйдут «Жюстина», «Философия в будуаре» и «Сто двадцать дней Содома». Юный де Сад учился в лицее Людовика Великого, после чего поступил в королевскую армию, как многие другие молодые представители знати, наследники дворянских титулов. В двадцать три года он женился и несколько месяцев спустя по письму с печатью попал в заточение в Венсенский замок за «возмутительный дебош», что положило начало длинной карьере либертина, прерываемой тюремными заключениями. Между 1778 и 1790 годами он проводит одиннадцать лет в Венсенском замке и в Бастилии и после 1801 года больше не выйдет на свободу (1803–1814 годы он проведет в психиатрической лечебнице в Шарантоне). Несмотря на благородное происхождение, маркиз де Сад выживет в революционном Париже, будет писать пьесы и даже служить чиновником в секции Пик*, прежде чем на долгие месяцы упадет в ту же тюрьму, куда был заключен Лакло.

До 1789 года де Сад был отъявленным распутником-либертином; в революционные годы он стал еще более смелым автором: в течение десяти лет, последовавших за первой публикацией в 1791 году, трехсотстраничная «Жюстина» выдержит шесть изданий. В 1797 году появится «Новая Жюстина» — в романе будет восемьсот десять страниц; в романе «Жюльетта», увидевшем свет в том же году, более тысячи страниц. «Алина и Валькур» и «Философия в будуаре» будут опубликованы в 1795 году. За «Жюстину» началась газетная травля де Сада, а за «Новую Жюстину» и «Жюльетту» он будет приговорен к тюремному заключению и уже не выйдет на свободу. Количество изданий и долгая слава «Жюстины» свидетельствуют о том,

* В годы революционного режима Париж был разделен на секции — это была новая модель городского управления. Маркиз де Сад жил недалеко от Вандомской площади. Секция получила название «Пик» (section des Piques).

что де Сад был весьма известен в годы Революции. «Лолотта и Фанфан» (1788), наиболее известный роман Дюкре-Дюминилья, экстравагантного автора сентиментальных романов, близкого к английской писательнице Анне Радклиф, тоже выдержал не менее десяти изданий, но Дюкре-Дюминиль был самым популярным автором своего времени. По оценкам, между 1790 и 1814 годами вышло в свет от четырех до пяти тысяч романов; интерес к ним подогревался появлением в Париже все новых читальных залов начиная с 1795 года, и творчество де Сада стало весьма заметным явлением.

Декларация прав Эроса

«Философские сказки» маркиза де Сада подрывали революционный идеал не тем, что отказывались от него, но тем, что доводили его логику до крайности, до самого отвратительного результата. Согласно Морису Бланшо, «он формулирует некую Декларацию эротических прав», в которых естество и разум обслуживают эгоизм, возведенный в абсолют. Во всем его творчестве прослеживается триумф порока и поражение добродетели. Саd заявляет: «Я в ее [природы] руках — лишь механизм, который она вертит как хочет». В новом мире всеобщего абсолютного равенства лишь сила, иногда грубая и жестокая, имеет значение. Происхождение, привилегии, сословные различия — все меркнет перед лицом революционного беззакония (в привычном значении слова «закон»). Свобода, равенство и даже братство в творчестве Сада прославлялись и одновременно с этим извращались. Свобода стала правом на поиск удовольствий с полнейшим презрением к закону, условностям, желаниям других (и эта свобода, безграничная для мужчин, как правило, оборачивалась рабством для их избранниц). Никто не имел права на удовольствия по рождению — все были равны, но выигрывали в борьбе за удовольствия наиболее безжалостные и эгоистичные (в первую очередь

мужчины). Нет более шокирующего примера в революционное десятилетие, чем четверка друзей из «Ста двадцати дней Содома» или «Общество друзей преступлений» из «Жюльетты», чьи ритуалы пародируют тысячи различных «Обществ друзей Конституции», более известных под названием «якобинцы».

Частное пространство в романах де Сада занимает особое место. Оно необходимо для экстремальных и жестоких игр и почти всегда имеет вид тюрьмы. Как когда-то заметил Ролан Барт, «секрет де Сада — театрализация одиночества». Подвалы, крипты, подземные коридоры, гроты — любимые места садовских героев. Самые подходящие места для секретов и тайн — замки, потому что они отрезаны от внешнего мира (общества). В романе «Сто двадцать дней Содома» дело происходит в замке Силлинг в Шварцвальде; место действия «Жюстины» — замок Сент-Мари-де-Буа. О внешнем виде замков говорится очень мало, а интерьеры описываются терминами, так или иначе связанными с заточением; эта мысль постоянно повторяется. В Силлинге «надо было замуровать все двери, через которые можно было проникнуть внутрь, и закрыться там, как в осажденной крепости. <...> Намерение было исполнено, все забаррикадировались так, что невозможно было определить, где когда-то находились двери, и устроились там внутри». Отрезанные от внешнего мира, заключенные в мире абсолютно частном, герои настаивали на четком выполнении приказа. Извращенность не есть синоним анархии — это последовательное уничтожение всех табу, упорядоченный слом всех границ, вплоть до совершения преступления, если того требует удовольствие.

Женщины, сексуальные рабыни

В этом сугубо частном пространстве объектами удовольствия и исполнителями приказов были, как правило, женщины: «Дрожите, угадывайте, слушайтесь, будьте предупредительными и...

может быть, вы окажетесь не очень несчастными» («Сто двадцать дней Содома»). За небольшим исключением, женщины в произведениях де Сада не свободны и редко получают удовольствие. «Любое разделенное с другими наслаждение становится менее сильным». Обычная гетеросексуальная любовь — исключение; вагине предпочитают другие отверстия. Женщины — это объекты мужской агрессии, не имеющие никакой физической идентичности. Жюльетта выглядит исключением из правил, но, чтобы выжить, она должна бесконечно воровать и убивать. Согласно некому токвилевскому искажению, равенство и братство мужчин льют воду на мельницу их деспотизма по отношению к женщинам. Многочисленные *жертвы* — аристократы, но человек нового садовского мира восстанавливает феодальную власть, спрятавшись в замке.

Не следует полагать, что отношение к женщинам в эпоху Революции было таким, как описывал де Сад; однако его творчество привлекает внимание к женщине как к персонажу частной жизни. В романах де Сада частная жизнь женщин, детей и юношей — это пытки и мучения во имя сексуального наслаждения мужчин. Возможно, перед нами типичное для де Сада пародирование якобинского взгляда на женщин? Революционеры свели роль женщины лишь к роли матери и сестры, полностью зависящих от супругов и братьев; де Сад делает из них профессиональных проституток или объекты сексуального рабства. В обоих этих случаях женщины не имеют никакой собственной идентичности — если только это не требуется мужчине; они представляются потенциальными разрушительницами, как если бы было слишком очевидно, что они никогда не согласятся по доброй воле на роли, которые им отводятся. Почему же якобинцы с таким жаром и, осмелимся сказать, с пеной у рта протестовали, когда женщины заявляли о своих правах на некие роли в публичной жизни? Откуда у де Сада такая страсть к закрытым замкам? «Чтобы отразить не очень вероятные внешние нападения и гораздо более сильное внутреннее сопротивление» («Сто двадцать дней Содома»).

Взгляд на женщину как на исключительно приватное существо очень популярен среди интеллектуалов конца XVIII века. Во всех дискуссиях, посвященных женщине, постоянно ссылаются на трактат Пьера Русселя* «О физической и моральной системе женщин» (1775, 2-е изд. — 1783). Женщина в нем предстает как изнанка мужчины. Ее идентифицируют с точки зрения сексуальной, телесной, тогда как мужчину — с точки зрения ума и энергии. Матка рассматривается как главный орган, определяющий эмоциональную и моральную женскую сущность. Представлялось, что женская репродуктивная система чрезвычайно чувствительна и что эта чувствительность детерминировалась интеллектуальной слабостью. Женская мускулатура менее развита, женщины привязаны к дому. Сочетание физической и интеллектуальной слабости с высокой эмоциональностью идеально для воспитания детей. Таким образом, исключительно материнскую роль женщины в обществе определяет наличие матки. Мнения медиков и политиков по этому вопросу совпадали.

Во время Революции Руссель иногда публиковался в «идеологическом» журнале *La Décade philosophique*, был членом Академии моральных и политических наук. Кабанис**, молодой коллега Русселя, разделял его взгляды на женщин. Мужчины биологически сильны, отважны и предприимчивы; женщины — существа слабые, робкие и пассивные. Несмотря на дружбу с мадам де Сталь и мадам де Кондорсе, Кабанис отрицал какие бы то ни было интеллектуальные и политические способности женщин; публичная карьера, с его точки зрения, разрушила бы семью, основу общества и естественного порядка. Последователь Кабаниса Жак-Луи Моро де ла Сарт, идеолог, как и его учитель, также сотрудничавший с «Философской

* Пьер Руссель (1742–1802) — французский врач и физиолог.

** Пьер Жан Жорж Кабанис (1757–1808) — французский врач, философ-материалист.

декадой», в своем двухтомном исследовании «О женской природе» пытался создать новое научное направление — «моральную антропологию». Его идеи созвучны идеям Кабаниса: «Если верно утверждение, что самец является самцом лишь в определенные моменты, а самка — в течение всей жизни, то это можно отнести только за счет наличия матки; именно матка постоянно напоминает женщине о ее половой принадлежности и оказывает влияние на весь ее облик». Вследствие этого «женщины больше, чем мужчины, склонны верить в потустороннее и иметь видения; они гораздо более суеверны и их предрассудки более многочисленны; в значительной мере именно им обязана слава месмеризма». Поэтому неудивительно, что женщины были так подвержены влиянию непокорных священников и подвергались самым ужасным формам сексуального рабства.

Уже давно замечено, что именно в XIX веке женщины оказались вытесненными в сферу частной жизни как никогда раньше. Эта тенденция началась в конце XVIII века (еще до Революции). Но именно Революция дала импульс эволюции отношений между полами и концепции семейной жизни. Женщины ассоциировались с частным пространством не только потому, что индустриализация позволила женщинам из буржуазных кругов ограничиться только частной сферой жизни, но и потому, что Революция наглядно продемонстрировала возможные результаты смены «естественного порядка» и опасность для мужчин, которую они несут.

Женщина стала символом хрупкости, которую следовало защищать от внешнего мира; женщина стала символом приватности. Женщины оказывались запертыми в замкнутом пространстве частной жизни из-за своей физической слабости, да и сама частная жизнь стала весьма хрупкой перед натиском политики и изменений в общественной жизни в ходе революционных событий.

Если государство могло вмешиваться в семейную жизнь и менять время суток и календарь, выбирать имена для детей

и приказывать, как одеваться, частная жизнь как таковая могла исчезнуть. Наиболее интимная, скрытая сторона человеческой жизни подвергалась невероятному давлению: это и секуляризация брака, и ограничение религиозных отправлений, и массовая мобилизация; естественный порядок жизни становился крайне нестабильным. Женщины могли теперь носить мужскую одежду и сражаться на войне, могли требовать развода, если считали себя «несчастливыми». Отмена какого бы то ни было почтения к королям, королевам, знати и богачам могла поставить под вопрос почтительное отношение жены к мужу, детей — к отцу.

Сами революционеры почувствовали необходимость обозначить границы частного и публичного: женщинам отводилась роль в частной жизни, мужчинам — в публичной. Начиная с 1794 года, в 1803-м, в 1816-м и далее на протяжении всего XIX века демаркационная линия между публичным и частным, мужчиной и женщиной, политикой и семьей лишь укреплялась. Даже самые пламенные революционеры не выдержали давления, возникшего из-за вторжения публичного мира в мир приватный, и задолго до Термидора постепенно стали умерять свой пыл в этом вопросе. Но отголоски произведенного ими шока звучали вплоть до 1970-х годов, когда французское семейное законодательство вспомнило о некоторых принципах 1792 года: закон о разводе от 11 июля 1975 года сделал эту процедуру такой же легкой, какой она была согласно закону от 1792 года; закон от 4 июня 1970 года освободил пару от пережитков главенствующей роли мужчины в семье, как это было в первые годы Революции, а закон от 3 января 1972 года обеспечил незаконнорожденным детям права, которые они уже получили на II году Революции. Чем можно лучше измерить современность революционных принципов и долговременные результаты (плохие и хорошие) наследия Революции?

SWEET HOME*

Кэтрин Холл

1820 год был в Англии годом королевы Каролины. Каролина Брауншвейгская, «оскорбленная королева Англии», была супругой принца-регента Георга, сына короля Георга III. Это не был «брак по любви», какая бы то ни было страсть отсутствовала. Практически сразу после свадьбы супруги разъехались; у них была единственная дочь — принцесса Шарлотта. Георг наслаждался жизнью, занимался политическими интригами. Он находил «немецкие» манеры жены вульгарными, ее любовь к сплетням и пустой болтовне — невыносимой, и мечтал отделаться от супруги. Столкнувшись с неприкрытой враждебностью мужа, оставившего у себя их дочь, Каролина покинула Англию и вела на континенте жизнь скитающейся принцессы.

Каролина, «оскорбленная королева»

В 1820 году Георг III скончался, и регент, выполнявший обязанности отца, впавшего в слабоумие на фоне таинственного психического заболевания, принял бразды правления. Но будет ли Каролина признана королевой? Новый король был решительно настроен воспрепятствовать этому и настоял, чтобы

* Милый дом (англ.).

ее имя было исключено из литургии. Взбешенная подобным отношением к своему, как она считала, законному праву, Каролина отправилась в Англию и прибыла туда в разгар бурной полемики, чем очень обрадовала радикально настроенных врагов короля, довольных представившимся случаем атаковать его. Министры посоветовали королю поторговаться, но компромисса достичь не удалось, тогда настроенный на развод король прибегнул к специальной процедуре в палате лордов.

Весь 1820 год бракоразводный процесс королевской четы занимал умы англичан. С газетных полос не сходили мало-приличные подробности происходившего во дворце, лорды выслушивали свидетельства о скандальных связях хозяйки со слугами и браке без любви.

Однако общественное мнение встало на сторону королевы, а не короля. Королева выступала в роли несчастной жертвы аристократических браков. Отцы, супруги и братья были призваны на ее защиту, как рыцари, сражались они во имя «домашней добродетели», самой главной ценности английской цивилизации. В защиту Каролины проводились настоящие демонстрации — например, жестянщики и медники устроили в ее честь рыцарский парад.

Однако Каролина не смогла как следует сыграть отведенную ей роль незапятнанной героини. Миф о ней быстро развеялся. После того как король проиграл бракоразводный процесс, Каролина вынуждена была забыть свою мечту о коронации. Король был коронован единолично, но за свой публичный триумф он заплатил сдачей позиций у себя дома.

Это дело демонстрирует появление нового взгляда на семейную жизнь. Джон Бульль*, этот символ английской чести и мужественности, писал в своей «Оде Георгу IV и его супруге Каролине»:

* Джон Бульль — традиционное прозвище англичанина, здесь — псевдоним, под которым укрылся автор процитированной оды. — *Примеч. ред.*

Покажи себя *отцом* для нации,
 Супругом для *королевы*
 И, уверенный в любви своего народа,
 Правь спокойно и безмятежно.

«Народ» требовал, чтобы король выполнял свои обязательства перед семьей и относился к гражданам страны с отеческой заботой. Быть настоящим королем означало также быть образцовым супругом и отцом. Невозможно обеспечить спокойствие нации, если в собственном доме у короля не царит безмятежность. Добропорядочность в семейной жизни — главная ценность английского менталитета, и народ не мог любить короля-отца, если добродетель в его семье не торжествовала.

История «оскорбленной королевы» сказалась на стиле поведения английских монархов. Наследник Георга IV Вильгельм IV и его супруга Аделаида были идеальной парой. Виктория, этот «английский розовый бутон», была образцовой женой и матерью. По словам некоего проповедника, произнесенным в 1849 году, «трон нашей честной и простой королевы возвышается посреди счастливых домов ее преданного народа. Она имеет право на наше доверие и на нашу привязанность прежде всего за свою семейную добродетель. Она королева — настоящая королева, — но она также и настоящая мать и супруга...»

Георг IV не смог добиться послушания и уважения со стороны своих подданных, не имея крепкого тыла в виде семьи. Виктория же была образцом женственности; она сумела завоевать доверие подданных, всей своей жизнью напоминая всем и каждому, что она не только королева, но и женщина. Каждая семья должна была стать империей любви, в которой отец был монархом, а его жена — королевой. Роман с продолжением о скандале в королевской семье оказал влияние на обычные английские семьи, и после 1820 года стало очевидно, что для завоевания популярности монарху следует быть хорошим семьянином. Свобода нравов больше не была трендом эпохи. В моду вошли семья и брак.

Евангеликализм: необходимость смены образа жизни

Критика аристократической модели семьи, не основанной на любви и взаимной привязанности, снисходительность по отношению к мужской неверности и бичевание женщин за те же самые прегрешения исходили из отдельных буржуазных кругов. В 1820 году кампанию вели радикалы, а именно сэр Фрэнсис Бардет, Джеймс Милль, друг Иеремии Бентама* и лидер утилитаристов, и Генри Брум, один из основателей *Edinburgh Review*** . Кроме них, королеву поддерживало большинство уни- тарианцев, тори, вигов и радикалов. Это новое большинство возникло в результате интеллектуальных боев последних десятилетий за создание новых семейных ценностей и обновление отношений между мужчинами и женщинами.

В этих боях роль евангеликализма была весьма значительна. Влияние этого реформаторского движения в лоне англиканской церкви начало расти в конце 1770-х годов. Возникший как реакция на методизм, который смог затронуть лишь низшие слои общества, евангеликализм стремился изменить Церковь изнутри, завоевав для начала доверие элиты. Вначале движение нашло опору в кругах деклассированного мелкопоместного дворянства — джентри; наиболее известные теоретики этого движения, Уильям Уилберфорс и Ханна Мор, пытались привлечь на свою сторону верхушку буржуазии, чтобы оживить английскую жизнь изнутри. Их месседж базировался на идее греха, вины и искупления. Обращение грешника, просветление, понимание своей природы — вот основной опыт евангеликализма. В центре

* Иеремия Бентам (1748–1832) — английский философ, юрист, теоретик либерализма и утилитаризма. — *Примеч. ред.*

** Под таким названием в Великобритании выходило четыре издания; имеется в виду третье (1802–1929), в XIX веке — один из самых влиятельных журналов в стране. — *Примеч. ред.*

видения мира находилась духовная жизнь каждого человека, и моральный упадок общества в XVIII веке был следствием падения качества этой (духовной) жизни. Общество прогнило до мозга костей, но это гниение — следствие отсутствия религии, веры. «Номинальное христианство», как называли представители евангеликализма поверхностную религиозную практику тех, кто ходил в церковь и читал Библию, но не слышал Слова Божия в своем сердце, убивало всякую надежду на исцеление. В основе истинного христианства должно лежать горячее желание начать жизнь заново.

Такая вера требовала множества адептов. Ее целью была трансформация индивида, который должен был стать новым человеком во Христе. Следует более осознанно относиться ко всему и всем — к членам своей семьи, к друзьям, прислуге и работникам, к отдаваемым и получаемым приказам, к еде и досугу, и делать это повсеместно — на работе и дома, в церкви и в хлеву. Бог все видит и слышит. Следует изучить все аспекты человеческого поведения. Духовная жизнь истинного христианина не должна прерываться ни на миг, он должен проживать духовно каждую минуту, каждый час, каждый день, каждый год. Нельзя давать себе ни малейшего послабления. Для приверженцев евангеликализма создание новой жизни начиналось с них самих, но целью их было изменение всего общества. Это реформаторское рвение укреплялось ужасом, который наводила на высшие слои общества Французская революция. Потрясение, вызванное событиями во Франции, побудило определенные круги английского общества сделать главным приоритетом наведение порядка у себя. Если для радикалов наведение порядка начиналось с требования выборной власти и критики Старой Коррупции, то для представителей евангеликализма это был вопрос греха и отсутствия морали. Единственным способом обновления общества было распространение учения среди как можно большего числа людей и обоснование новой религии. События во Франции

наглядно демонстрировали, что произойдет с нацией, если не совершится «революция морали».

В центре религиозной практики, согласно сторонникам евангеликализма, находится индивидуальная вера человека. Конечно, священник должен прилагать все усилия и использовать все свое влияние, но нельзя недооценивать самостоятельного чтения Библии и молитвы в одиночестве. Более того, этот «взгляд в себя», сосредоточенность на своем внутреннем мире и столь популярное у пуритан ведение дневника с записью всех своих целей должны находить поддержку в коллективной молитве всех членов семьи. Собираясь ежедневно для совместной молитвы, все домочадцы могли выступать в роли ангелов-хранителей и помощников для других, обсуждать вопросы потери благодати и находить утешение в божественной способности понимать и прощать. ¶

Таким образом, семейные религиозные собрания оказывались лучшей поддержкой христианской жизни. Внешний мир был местом гордыни и греха, и истинным христианам следовало прятаться от него в уединение истинно христианской жизни, в которой извращенные удовольствия, даваемые театром и светскими раутами, заменялись мирным познанием Господа. Эта навязываемая идея отказа от «света» представляла больше трудностей для мужчин, нежели для женщин, поскольку профессиональные занятия, становившиеся все более мужскими, не слишком подходили для религиозной жизни, а всякие домашние дела, которыми занимались женщины из буржуазных и аристократических семей, рассматривались как наиболее благоприятствующие развитию религиозности. Для представителей евангеликализма домашний очаг являлся такой же ценностью, какой ранее был для пуритан; он был надежным убежищем, где можно было скрыться от давления внешнего мира и где хозяин и хозяйка могли рассчитывать на то, что им удастся блюсти нравственность детей и прислуги. Таким образом, евангеликализм рассматривал семью как центр

борьбы за изменение к лучшему поведения и морали; семья могла стать «маленькой церковью», о которой ранее мечтали пуритане, «маленьким государством», подчиняющимся хозяину дома и способным следовать истинным христианским правилам, что бы ни происходило в окружающем мире.

Семейная мораль Ханны Мор

Осознавшим важность повседневности апологетам евангеликализма требовалось сформулировать правила поведения. Этим занялась Ханна Мор. Дочь разорившегося землевладельца, приятельница известного режиссера Дэвида Гаррика и знаменитого доктора Джонсона, член лондонской группы женщин-литераторов «Синий чулок» (*Bluestockings*), она была известной писательницей и интеллектуалкой вплоть до своего обращения в евангеликализм около 1770 года; этот процесс у Ханны Мор шел постепенно, как и у ее друга Уилберфорса, в результате чего полностью изменилась ее жизнь и система ценностей. Для нее, как и для множества людей ее поколения, Французская революция явилась решительным поворотом в истории, и она, чувствуя поддержку властей, посвятила себя убеждению представителей всех слоев общества в необходимости изучения христианской идеи.

Ее знаменитая серия дешевых брошюр «Недорогие охранительные трактаты» («*Cheap Repository Tracts*») была главным оружием в интеллектуальном арсенале *истеблишмента*. Этот традиционный патернализм вкупе с обновленным христианством смягчал репрессии, столь эффективно проводимые Питтом* в начале 1790-х годов. В своих брошюрах, адресованных беднякам, Ханна Мор говорила о необходимости подчинения

* Уильям Питт-младший (1759–1806) — премьер-министр Англии в 1783–1801 и в 1803–1806 годах.

властям предрержащим и о радостях, которые ждут читателей на небесах. Однако политический консерватизм, свойственный большинству евангеликов, плохо сочетался с религиозным радикализмом и пылом писательницы. Произведения, отмеченные ее страстью и убежденностью в собственной правоте, сделали Ханну Мор одним из самых читаемых писателей своего времени.

Самое известное ее произведение, роман «Целебс в поисках жены», опубликованный в 1807 году, моментально стало главной темой разговоров в столице, провинции и в самых отдаленных уголках империи. Роман был написан для буржуазии, для быстрорастущего среднего класса, для всех этих коммерсантов, хозяев мануфактур, банкиров, фермеров, врачей и адвокатов; в бедных же слоях общества евангеликализм, в отличие от методизма, не нашел отклика.

Роман был книгой одновременно нравоучительной и развлекательной. Полный советов на каждый день, он представлял изложение идей Ханны Мор по поводу взаимоотношения полов. Герой романа — молодой христианин, получающий неплохой доход от земельных владений. После смерти родителей он отправляется на поиски супруги. Шокированный увиденным в столице, он ретируется в деревню, место добродетели для евангеликов (как и для Руссо), и останавливается у Стенли, в идеальном религиозном семействе. Дом не только способствует течению праведной жизни его обитателей, но и облагораживает всех гостей. Мистер Стенли, глава семейства, обладает всеми добродетелями обновленного христианина. Землевладелец с высокими моральными устоями, он думает не только о собственных экономических интересах, но и о нравственном и религиозном долге, поэтому намерен неукоснительно выполнять все свои обязательства перед арендаторами. Мистер Стенли с наименьшей серьезностью относится и к своей семье: он прекрасный супруг и отец, охотно занимающийся воспитанием детей. Мастер своего дела и прекрасный семьянин, держит власть в своих руках, но распоряжается ею по-христиански. Что касается миссис Стенли,

она во всем поддерживает мужа, готовит дочерей к роли образцовых жен и матерей; ведет хозяйство с умом и думает о бедных. Таковы были обязанности дамы-христианки.

Две сферы: публичная мужская и частная женская

С точки зрения сторонников евангеликализма, мужчина — фигура публичная, тогда как женщина — хранительница домашнего очага и семьи. Они были убеждены, что мужчины и женщины от рождения имеют разные предназначения. Таков закон природы, подтвержденный обычаями; так заведено. Каждому полу свойственны определенные качества, и всякая попытка выйти за пределы своей сферы обречена на провал. Ханна Мор ненавидела Мэри Уолстонкрафт*; она не только видела в Мэри радикализм а-ля Томас Пейн 1790-х годов, но и считала равенство полов, за которое ратовала Мэри, аморальным и противоестественным. По мысли Ханны Мор, биологическая конституция определяет различия в судьбах представителей каждого пола, и если женщина пытается найти себя в мужской сфере, то это является отрицанием долга, возложенного на нее Богом. «Не случайно у рыбы есть плавники, — писала она. — У птицы есть крылья, чтобы летать, а мужчина физически сильнее и умнее [женщины], поэтому на него возложено тяжкое бремя принимать решения и давать советы».

Проповедники евангеликализма свято верили в право каждого, мужчины или женщины, на спасение души, но постулат о равенстве всех перед Богом не влек за собой утверждения социального равенства. Разделение сфер деятельности мужчины и женщины, «малый круг», делами которого занималась женщина, — все это свидетельствовало о том, что в социальном

* Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) — британская писательница, философ, автор трактата «В защиту прав женщин».

плане жена подчинялась мужу. «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу», — писал апостол Павел*; кто бы осмелился спорить с ним? Однако это не говорило о том, что женщины были лишены влияния — оно заключалось в том, что жены слушали мужей, принимали во внимание их советы, оценивали их речи. В безопасном мире, вдали от деловых забот, женщинам проще соблюдать свой религиозный долг; они более чувствительны к духовному влиянию, чем мужчины, потому что внешний мир меньше на них влияет. Их статус, безусловно, зависел от мужчин, но за ними признавались определенные эксклюзивные права.

Представителям среднего класса, как мужчинам, так и женщинам, обновленное христианство предлагало новую идентичность, давало новый смысл их существованию и возможность осознать этот новый опыт.

В начале XIX века евангелики-англикане были не единственными, кто хотел спасти Англию от падения нравов. Пока квакеры, унитарии и пресвитериане бездействовали, новые диссиденты — методисты, независимые, баптисты — быстро завоевывали сердца верующих. У них были не только общие с евангеликами духовные убеждения, но также общий взгляд на разделение публичной и частной сфер, на роль мужчин и женщин и общие идеалы домашней жизни, воспетые Ханной Мор и поэтом-евангеликом Уильямом Каупером. Эти идеи, с одной стороны, ломавшие образ мужественности, ассоциировавшийся с джентри и аристократией и лишенный какой бы то ни было религиозности, с другой стороны — разрушавшие опасные взгляды Мэри Уолстонкрафт и ее друзей на равенство полов, определили образ мысли истинных христиан и всей английской буржуазии XIX века.

Каким же образом состоялось это превращение? Почему были забыты разговоры о женской сексуальной ненасытности?

* Еф. 5:22.

Теперь говорили лишь о скромности и незаметности женщин. Почему труд замужних женщин, на который возлагались такие надежды, ограничился выполнением домашних дел? Почему буржуазия верила в существование отдельных сфер и организовывала свою жизнь в зависимости от этой идеи?

Для начала можно проследить этот процесс в религиозной области. Работа различных благотворительных обществ, занимавшихся распространением Библии среди бедняков и чтением и обсуждением прочитанного в группах молодежи, неизменно строилась по одной схеме: эти общества, основанные священником, пастором и еще какими-то мужчинами, функционировали благодаря деятельности женщин, но редко по их инициативе и никогда — под их руководством. В XVIII веке пасторов-профессионалов не было даже у квакеров, и доля проповедовавших женщин была довольно велика. В XIX веке женщинам стало значительно сложнее заниматься этим.

Так же обстояли дела и в сфере культуры, где сторонники евангеликализма были весьма активны. В организационной деятельности литературных, философских кружков, артистических обществ, существовавших во многих городах, женщины, будучи членами этих обществ и уплачивая взносы наравне с мужчинами, не могли играть никакой роли; они голосовали только по доверенности и часто не допускались до участия в отдельных мероприятиях, например, в ежегодных банкетах, где мужчины прекрасно проводили время за богато сервированным столом. В Бирмингемском философском обществе, как и во многих других, женщинам не разрешалось посещать читальный зал — это было прерогативой мужчин. Поэтому не удивительно, что все эти общества считались мужскими; женщин туда принимали неохотно, а те, кому это удавалось, вступали благодаря родству с кем-то из членов-мужчин: это мог быть отец, супруг или брат. Правила этих обществ не были установлены раз и навсегда, и к концу XIX века женщинам удалось ликвидировать многие запреты. В начале же

XIX века мужчины из буржуазных кругов очень гордились успехами в делах и, следуя своим религиозным запросам, стремились создать новый мир, в котором сферы мужского и женского резко различались.

Чета Кэдбери

Идеи, которые рассматривались выше, были живучи не только благодаря религии, но и в силу изменений материальных условий жизни, в которых разделение деятельности мужчин и женщин становилось все более явным. Рассмотрим это на примере семьи Кэдбери, коммерсантов из Бирмингема (конец XVIII века). Ричард Таппер Кэдбери, родившийся на Западе, был отдан в ученики к торговцу сукном. Он был из семьи квакеров, а квакеры имели связи по всей стране. Отец оставил ему в наследство некоторую сумму денег, которой хватило на открытие собственного скромного дела; в 1794 году он открыл в Бирмингеме на одной из центральных улиц — Булл-стрит — магазин по продаже суконных и шелковых тканей. В 1800 году с супругой Элизабет и детьми он поселился в помещении над магазином, как это было принято в те времена. Только самые богатые буржуа могли позволить себе иметь дом отдельно от предприятия.

Элизабет Кэдбери, в отличие от супруга, не удалось пройти ученичества. Женщинам можно было обучаться лишь немногим профессиям: считалось, что они вполне могут освоить производственные навыки прямо на рабочем месте. Только жены самых богатых людей могли не работать. Жена фермера торговала молочными продуктами; супруга торговца занималась магазином или вела бухгалтерию; вдова фабриканта могла возглавить предприятие после смерти мужа. Элизабет Кэдбери помогала в магазине, когда это было необходимо; следила за делами, когда муж отсутствовал; помимо собственно семьи,

у Кэдбери было много домочадцев — подмастерьев и продавщиц. За первые пятнадцать лет замужества она родила десятерых детей, восемь из которых выжили; в семье также жила ее старая мать.

В такой семье было очень много работы: кормить всех домочадцев, стирать одежду, шить и чинить белье и рубашки, таскать воду. Элизабет Кэдбери, которой по хозяйству помогали две служанки, удавалось активно заниматься торговлей. Когда Ричард уезжал в Лондон за новыми тканями для своего магазина, он писал жене письма, например: «Я искал бумазею [шелковую или хлопчатую ткань полотняного переплетения, используемую в основном для шитья траурной одежды], но ее трудно найти разных цветов. Та, что я видел, очень красивая, завтра поищу черную». Он расспрашивал, нет ли новостей из Ирландии, не привезли ли лен, который он ждал, рассказывал, что уже купил «кое-какие украшения и красные и разноцветные шарфики» и что он заказал чепчик для их дочери Сары. Его письма полны профессиональных подробностей и разговоров о семейной жизни: мужчина и женщина на равных занимались делами и вели социальную жизнь.

В 1812 году торговля процветала, и Ричард Таппер Кэдбери купил еще один домик на Ислингтон-роу, на окраине города, практически в деревне. Младшие дети переехали туда с нянькой и домашними животными — голубями, кроликами, собакой и кошкой. На клочке земли, который взяли в аренду, стали выращивать овощи и фрукты. Миссис Кэдбери теперь должна была заниматься двумя домами и ездила туда-сюда вместе со старшими дочерьми. Мальчики тем временем пошли по стопам отца: оба проходили обучение в разных городах, изучали разные секторы розничной торговли. Старший, Бенджамин, обучался у суконщика, в дальнейшем он должен был заняться семейным делом, а второй сын, Джон, изучал торговлю чаем и кофе, после чего открыл свой собственный магазин рядом с отцовским на Булл-стрит.

Дочери в этой семье не получили какого-то определенного образования. Мать учила их не только готовить еду и вести дом, но и комбинировать свои таланты, приходя на помощь в магазине, когда в этом была необходимость. Они могли работать в саду, помогать матери расстилать ковры, чтобы в доме зимой было теплее, или бежать в магазин, чтобы помочь отцу. В семейном деле участвовал каждый.

Дальнейшее разделение труда

Тем временем правила коммерции постоянно менялись, и участвовать в торговых делах семьи женщинам становилось все труднее. Замужние женщины не могли заключать контракты, вести судебные тяжбы, иметь долю в деле. В глазах закона ответственность за женщину нес ее муж. Женщины не имели права на легальное независимое существование. Только незамужние женщины и вдовы могли вступать в дело под своими собственными именами, и это часто случалось после смерти супруга или отца. В XVIII веке в фирме, подобной магазину Кэдбери, супруги играли роль партнеров без контракта; они делили поровну все коммерческие риски, так же как и остальные семейные проблемы и заботы. Тем не менее ответственность за предприятие лежала на мужчине, хотя в повседневной жизни это не очень бросалось в глаза. И все же существовал определенный круг деловых вопросов, решить которые мог только мужчина. Закупками занимался всегда Ричард Таппер Кэдбери, и даже хотя замужние женщины имели право брать кредиты от имени своих мужей, Элизабет Кэдбери, похоже, предоставила своему мужу право оплачивать счета. Фактическое партнерство (без контракта) в конечном счете предполагало главенство мужчины.

Развитие промышленности и коммерции, прогресс в сельском хозяйстве влекли за собой новую методику ведения

торговли, которая угрожала ранее сложившейся неформальной практике. В то время, когда партнерство было основой развития, но замужние женщины не имели никаких прав, а на дочерей не возлагалось никаких надежд, подавляющее большинство промышленных и коммерческих союзов заключалось между мужчинами, связанными узами родства или религии. Женщины не имели доступа к получению знаний для ведения дел. С начала XIX века открывались многочисленные школы, в которых мальчиков готовили к роли будущих «капитанов промышленности». Девочки всегда получали домашнее образование. Как только молодой человек входил в дело, у него появлялась масса возможностей заводить нужные контакты и связи, что было очень важно для поддержания его репутации, возможности получения кредита и расширения клиентуры. Женщинам в этот мир коммерческих сделок войти было очень трудно. Ссуды, которые ранее выдавались на дружеской основе, теперь все чаще можно было получить только через банк. Прежде пшеницей торговали на рыночной площади; теперь же для этого была специально построена хлебная биржа, и вход туда был разрешен только мужчинам. Так же и финансовая биржа, созданная для расширения финансового рынка, была закрыта для женщин. Первой отраслью, в которой стали применяться новые коммерческие методы, была торговля тканями.

Дело Кэдбери развивалось и процветало. Джон, второй сын, открыл свой магазин чая и кофе рядом с отцовским. Он воспринял все новшества розничной торговли, очень гордился своими витринами и решил открыть производство какао, как только у него будет для этого достаточно денег. Это предприятие не было частью семейного дела; напротив, он отделился от семьи и вел два своих дела параллельно. Со своей первой женой Присциллой, которая умерла через два года после свадьбы, в 1828 году, он, как и родители, жил над магазином. В 1832 году он снова женился на дочери коммерсанта по имени Кандия, и до рождения первенца они жили на Булл-стрит,

однако вскоре приняли решение уехать из центра города и поселиться в Эджбастоне.

Эджбастон находился примерно в миле от города; богатый землевладелец-евангелик лорд Кэлторп в первые годы XIX века начал продавать там земельные участки. По мысли Кэлторпа, Эджбастон должен был стать местом проживания буржуазии, с красивыми домами в окружении садов, вдали от грязи, городского шума и малоприятных соседей. По договору дома нельзя было превращать в лавки или производство, в садах также запрещалось открывать какие-либо мастерские. В Эджбастоне проложили хорошие дороги, посадили деревья, возвели церкви. Гордостью Эджбастона стали очаровательные сельские виллы, в которых были все городские удобства. Чтобы жить там, следовало полностью разграничить профессиональную и частную сферы; невозможно было управлять предприятием из Эджбастона. Проект лорда Кэлторпа был одним из первых в этом роде; провозглашалось намерение буржуазии отделить дом от работы, «нежность жены и детей» от «профессиональных забот и хлопот».

Этому разделению способствовали социально-экономические изменения. По мере развития предприятия Кэдбери жена потеряла возможность работать. Производство теперь находилось в стороне от дома, Кандия уже не могла следить за его деятельностью, как раньше это делала ее свекровь, которая одновременно помогала в магазине и воспитывала детей. Создание филиалов требовало дальнейшего разделения труда, использования мужской рабочей силы, разработки бюджета, облегчения производственных процессов для мужчин. Джон и его отец приняли участие в строительстве нового городского рынка, импозантного здания с дорическими колоннами, символа прогрессивных методов торговли, что очень облегчило коммерческую деятельность, но полностью маргинализировало женщин. Коммерция все больше становилась исключительно мужской сферой; женщины отныне могли лишь торговать продуктами

питания в маленьких лавочках или женской одеждой. Джон и Кандия предпочли полностью отделить предприятие от жилища и отказались от присутствия у себя дома учеников и продавщиц. Сделав такой выбор, они приняли принцип разделения сфер публичного и частного.

Коттедж и детская

Вскоре Джон и Кандия Кэдбери нашли дом, который стал семейным домом почти на сорок лет. Поначалу домик был маленький, но по мере того как росла семья и доходы от предприятия, хозяева достраивали его. Кандия проводила время дома, занималась детьми, кухней, стиркой и садом. Как позже писала их дочь Мария, «домик сначала был похож на коттедж и казался очень маленьким, но нам очень хотелось переехать в деревню, поэтому мои родители решились на его покупку; они пристроили к нему несколько комнат и разбили садик по своему вкусу. <...> Мама обожала работу в саду, но отец всегда был очень занят в городе, поэтому времени на сад оставалось мало». Вскоре в доме появилась комната для игр, которая позже превратилась в комнату для занятий, и на втором этаже — детская (*nursery*) для младших детей.

Это был дом нового типа. Такой дифференциации пространства невозможно было достичь на узких улицах с арками-полумесяцами городов XVIII века, или, быть может, в этом не было необходимости. Отдельные детские спальни, отделение кухни от столовой — все эти новшества ассоциировались с идеей отдельного места, где мужчины занимались делами. Строительство подобных домов, обладатели которых настаивали на уюте и комфорте, подтолкнуло развитие мебельного дела. Джон Клодиус Лаудон, законодатель буржуазной моды в архитектуре, мебелировке и ландшафтном устройстве, писал в своих книгах, имевших оглушительный успех, что такое детская,

как обставить салон, какие удовольствия мог доставить своим хозяевам сад, чем могли наслаждаться у себя в доме хозяева.

Идея сада, в котором стоит семейный дом, была так же нова, как и концепция дома, предназначенного исключительно для частной жизни. На площадях XVIII века были пространства для прогулок, окруженные решетками, и казалось, что этого достаточно. Но в середине XIX века сад стал главным элементом буржуазного стиля жизни. Облагороженная природа, окруженная деревьями и живыми изгородями, обеспечивала спокойствие частной жизни и прекрасно обрамляла жизнь семьи. Мужчины могли заниматься деревьями и виноградариком — Лаудон убедил их, что нет ничего зазорного в том, чтобы расслабиться, занимаясь садовыми работами после напряженного дня в городе. Женщины отвечали за цветы, чарующий аромат которых связывался с нежностью хозяек сада. Именно в это время возникли лингвистические ассоциации женщин с цветами. Мать могла также учить детей и высаживать цветы и ухаживать за ними в их собственных маленьких садиках.

«Ноте», *труд и добродетель*

Дом и сад Джона Кэдбери и его супруги прекрасно иллюстрируют определенную концепцию семейной жизни, обязанностей, возложенных на мужа и жену, и их взаимоотношения с внешним миром.

Мечты Ханны Мор об идеальной жизни воплотились в буржуазных жилищах. Намерения создать новый образ жизни, в котором бы постоянно уделялось внимание духовности всех домочадцев, нашли материальное выражение в постепенном разделении мужского и женского труда. Пока мужчины занимались развитием своего бизнеса и проявляли себя в публичной сфере, женщины отделились от этого мира и сделали своей профессией материнство и ведение дома. Разграничение мужской

и женской сфер имело религиозный подтекст: считалось, что публичная сфера опасна и аморальна. Мужчины, постоянно вращавшиеся в этой атмосфере, могли спастись только в высокоморальной обстановке собственного дома: разрушительным тенденциям мира бизнеса могли противостоять чистые ценности, носительницами которых выступали жены. Дом был местом милых радостей, тихой гаванью для усталого и озабоченного материальным благополучием своей семьи мужчины; супруга и дочери зависели от мужа и отца. Достоинство мужчины было связано с его профессиональной деятельностью, тогда как женщина, имевшая профессию, в глазах окружающих переставала быть женственной. В середине XIX века буржуазный идеал мужа, который обеспечивает свою семью материально, и жены, посвятившей себя дому, настолько распространился, что в переписи населения 1851 года даже появилась такая категория, как «домохозяйка», а во введении к соответствующему документу говорилось: «Желание каждого англичанина — иметь свой собственный дом; именно дома, в семье, человек находит убежище от невзгод, именно здесь он радуется и размышляет».

Многие англичане, без сомнения, были бы весьма удивлены, узнав, что они мечтают о «собственном доме»; но это заявление, сделанное от имени всех и каждого, очень показательно: оно демонстрирует важность буржуазного дискурса, с которым согласны все. Это частично было следствием религиозного рвения представителей истинных христиан и других буржуазных фракций, например утилитаристов, имевших свое видение того, каким должен быть обновленный мир. Они желали обратить в свою веру высшие классы и рабочих и прилагали к этому массу усилий. Аристократы и джентри должны были изменить свою порочную и праздную жизнь; бедняки должны были научиться трудиться. Всем и каждому следовало признать важность крепкой семьи и хорошо организованного семейного быта. В этом вопросе истинные христиане и утилитаристы достигли полного согласия. Сам

великий Иеремия Бентам был убежден в необходимости разделения мужской и женской сфер, а что касается их взглядов собственно на отношения между полами, они в равной мере базировались на теориях евангеликов и утилитаристов. Для последователей Бентама разделение сфер было фактом, а не вопросом моральных принципов, и то обстоятельство, что это разделение рассматривалось в начале XIX века как «естественное», отражает влияние теоретиков, обосновывавших необходимость этого явления.

Воспитание бедняков

Евангелики и утилитаристы прилагали огромные усилия для семейного воспитания бедняков. По всей стране в школах, в воскресных школах, в разных благотворительных обществах распространялась буржуазная концепция разделения полов. Проповедуя домашние ценности ученикам воскресных школ, девочкам из сиротских приютов и немощным старушкам из домов призрения, представительницы среднего класса одновременно определяли свою «сферу деятельности» и место представительницы рабочего класса: служанка в богатом доме или респектабельная мать семейства. Третьего варианта не было. Филантропки из Ассоциации по оказанию помощи престарелым и больным женщинам собирали средства в пользу одиноких старушек, организаторы этой деятельности стремились узнать, заслуживали ли эти женщины помощи, вели ли они праведную и респектабельную жизнь.

Мальчики и девочки обучались отдельно, получали различные знания, ориентированные на достижение различных целей. Mechanics' Institutes (образовательные учреждения для рабочих), находившиеся под сильным влиянием Бентама, первоначально предназначались исключительно для мужчин; они должны были готовить не только разумных, работающих людей,

давать им необходимые научные знания, но и воспитывать их хорошими супругами и отцами; выпускники этих заведений должны были в дальнейшем передавать знания своим женам, чтобы их семьи в конечном счете стали образцовыми.

Этим амбициозным проектам не было суждено стать успешными. У многих историков мы можем прочесть, что представители рабочего класса, как мужчины, так и женщины, не просто отказывались от ценностей, навязываемых им культурой господствующих классов.

Грей в книге о рабочей аристократии Эдинбурга конца XIX века описывает некий договор, заключенный между господствующим и подчиненным классами, который привел к появлению новых понятий достоинства и респектабельности, не оставшихся без влияния буржуазного взгляда на вещи, но основанных на доверии, например в профсоюзном движении, и на классовой гордости. Так же и Винсент, рассматривая в своем труде о «полезных знаниях» автобиографии рабочих, указывает на то, что представления рабочих отличались от буржуазных и имели специфическое содержание.

То же самое можно сказать и о мужской и женской сферах. Рабочий класс не до конца принял буржуазное представление об идеальном образе жизни, но отдельные религиозные и светские аспекты, отвечавшие некоторым нуждам рабочих, они переняли.

Рассмотрим характернейший казус — алкоголизм. Рабочие стали апостолами буржуазной респектабельности. Они стремились к самосовершенствованию, учились, тянулись к тем, чье социальное положение выше. Движение за абсолютную трезвость возникло среди тех, кто имел классовое сознание, в частности среди представителей чартистского движения. Но вера в возможность улучшения каждого члена общества часто вела к признанию буржуазной культурной модели. Аргументы против пьянства находили широкий отклик в семьях рабочих. Худшее последствие алкоголизма — это, безусловно,

разрушение и моральный упадок семьи. На плакатах очень популярной серии «Бутылка» знаменитого гравера Крукшанка мы видим сначала скромную и респектабельную семью рабочих, сидящих за столом в простой, но чистой и удобной комнате. Это образец счастливой семьи: одежда у всех заботливо починена, дети играют, в очаге горит огонь, засов задвинут, что говорит о безопасности дома. Далее мужчина предлагает стаканчик своей жене, и, сцена за сценой, Крукшанк показывает нам ужасный конец этой семьи — впавший в безумие отец убивает бутылкой жену, младший ребенок умирает; дочь становится проституткой, старший сын — сутенером. Поборники умеренности охотно использовали эти картинки, показывая несчастье семьи пьяницы и идиллическую жизнь семьи рабочего-трезвенника. ¶

Все это не предполагало буквального заимствования буржуазного идеала семейной жизни; у рабочих было собственное понятие о разделении ролей, и несмотря на влияние доминирующего идеала, самобытность этого понятия сохранялась. Джон Смит, бирмингемский поборник умеренности, утверждал: «Умеренность — неотъемлемая часть семейного счастья, а главное украшение дома — это хозяйка, хранительница домашнего очага. Наше блаженство и безмятежность на протяжении всей жизни — с детства до старости — целиком и полностью зависят от наших родственниц или подруг».

Похвала хорошей хозяйке: Фрэнсис Плейс

Все радости жизни рабочий получал от женщин из своего окружения, но эти женщины должны были обладать другими качествами, нежели представительницы буржуазного общества, от которых в первую очередь требовалось быть хорошими «хозяйками дома». Супруги и матери из рабочей среды должны были прежде всего иметь практические навыки

ведения хозяйства. Об этом писали два крупных политических теоретика, Фрэнсис Плейс и Уильям Коббет.

Фрэнсис Плейс, родившийся в 1771 году, был учеником в мастерской по пошиву кожаных штанов; в дальнейшем он стал успешным портным. Всю свою жизнь он прожил в Лондоне, в конце XVIII века примкнул к радикальным кругам, был секретарем Лондонского корреспондентского общества* и сыграл важную роль в реформе профсоюзов 1820 года. Позже он стал ярким последователем Иеремии Бентама и, накопив состояние и отойдя от дел, смог посвятить себя проведению реформ. В юности он познал настоящую бедность и разделял все тяготы жизни ремесленников. По мысли Плейса, женщина в то время играла строго отведенную ей роль. Например, его жена помогала ему каждый раз, когда это было необходимо. Однако он мечтал о фундаментальных переменах в нравах и морали рабочего класса; в автобиографии он с удовольствием описывал улучшения, наступившие в жизни бедняков. Так, он отмечал исчезновение популярных в годы его детства уличных игр, которые имели неприкрытый сексуальный подтекст; он осуждал склонность рабочих к пьянству, которое влекло за собой пренебрежение к семьям, — перед его глазами был пример собственного отца.

Задолго до того, как об этом было сказано в переписи населения, Плейс утверждал, что каждый должен стремиться иметь «свой собственный дом». По его мнению, «ничто так не ведет к деградации отношений между супругами, как то, что вся семья должна есть, пить, спать, а женщина к тому же — готовить еду, стирать, гладить и выполнять всю прочую домашнюю работу в том же помещении, где ее муж работает». Он был в восторге, когда его семья переехала в новый дом с маленькой задней комнаткой, где он мог работать. «Моя жена могла теперь держать дом в порядке, и ничего, кроме выгоды, это нам не принесло.

* Лондонское корреспондентское общество — одна из первых английских рабочих организаций, созданная в 1792 году.

Ей не приходилось больше заниматься ребенком в моем присутствии. Я больше не принимал участия в разведении огня, стирке, глажке и уборке, а также в приготовлении обеда».

В юности Плейс был отдан отцом в подмастерья, а его жена, не имея никакой квалификации, работала служанкой. Когда он смог найти работу, то начал получать гораздо больше, чем она, тем не менее жена ему помогала, заканчивала начатую им работу по шитью брюк, одновременно занимаясь домом и детьми. Всю свою жизнь он тянулся к знаниям, читал, размышлял, писал. По мере роста доходов он стал покупать книги и познакомился со многими известными интеллектуалами, хотя социальная рознь между ними до конца преодолена не была. Бентам и Милль поддержали его в намерении написать автобиографию, чтобы продемонстрировать, как рабочий, выходец из самой неблагоприятной среды, смог достичь процветания и мудрости.

Эволюция его жены шла другим путем. Она стала отличной портнихой и модисткой, способной «с первого взгляда уловить модную тенденцию и адаптировать ее под себя». По словам ее мужа, она осталась простой женщиной, радовавшейся тому, что все ее считали хорошей хозяйкой дома, прекрасной супругой и матерью, и не мечтала выйти за рамки своего положения. Если для мужчин Плейс видел возможности получить образование, отказаться от распущенности и стать уважаемыми людьми, то женщинам, по его мысли, достаточно было стать хорошими супругами и матерями.

Уильям Коббет и его «Экономика сельского дома»

Журналист и писатель Уильям Коббет, который, по мнению Э. П. Томпсона*, оказал наибольшее влияние на радикализм

* Эдвард Палмер Томпсон (1924–1993) — английский историк, публицист, активист пацифистских кампаний, теоретик социализма.

начала XIX века, выражал схожие взгляды на мужскую и женскую сферы. Томпсон выдвигает мысль, что Коббет создал радикальную культуру 1820-х годов «не потому, что его идеи были необыкновенно хороши, но потому, что он нашел тон, стиль, аргументы, убедившие и ткача, и школьного учителя, и корабельного плотника. Несмотря на различия в нуждах и чаяниях всех этих людей, ему удалось привести их к консенсусу». Но радикальный консенсус Коббета по-прежнему отводил женщине место дома. Он был безусловным адептом семейной жизни и того, что он считал моделью правильно устроенного дома. Счастливые семьи, говорил Коббет, — основа общества. Создавая «Экономику сельского дома», он надеялся возродить домашнюю и семейную деятельность; идеализировал прошлое и призывал вернуться к старинным идеям, которые считал весьма живучими; предлагал осовременить патриархальные структуры. Коббет также рекомендовал варить пиво дома не потому, что так выходило дешевле, но потому, что благодаря домашнему пивоварению муж будет проводить вечера дома, а не в кабаке. Женщина, не умеющая печь хлеб, писал Коббет, «не заслуживает доверия», является «обузой для сообщества». Он уверял отцов, что лучший способ удачно выдать дочерей замуж — это научить их всем премудростям ведения домашнего хозяйства, чтобы они были «умелыми, ловкими и активными во всех делах по содержанию семьи». «Ямочек на розовых щечках недостаточно» — надо еще уметь печь хлеб и варить пиво, снимать сливки с молока и сбивать масло, только это сделает женщину «достойной уважения». Какая картина может быть более угодной Господу, чем «труженик, вернувшийся домой зимним вечером после тяжких трудов, сидящий у очага с женой и детьми и слушающий, как завывает ветер и дождь стучит по крыше»?

Новые идеи о женской эмансипации, выдвигавшиеся некоторыми буржуазными деятелями, вызывали у Коббета лишь презрение. Он ненавидел претензии всех этих фермерских жен, которые превращали большую комнату в своем доме

в салон, ставили туда рояль и учили дочерей делать реверансы и строить глазки. Он настаивал на том, чтобы жена фермера по-прежнему доила коров, заботилась о батраках и готовила для них еду, как полагается. Однако он не требовал полного возврата к прошлому, поскольку выступал за расширение прав рабочих. Они должны получать столько, чтобы их семьи жили не в роскоши, но в достатке; они должны иметь право свободно думать, читать то, что им хочется, и говорить то, что думают. И главное — они должны иметь право голоса, потому что в основе выборной власти должна лежать не собственность, но честный труд и компетентность. Как глава семьи, мужчина вправе ожидать послушания от жены и детей и защищать тех, кто зависит от него материально и юридически. Мужчина должен нести ответственность за жену, потому что, по мысли Коббета, «ей не дано природой отвечать за себя, это нарушило бы гармонию и процветание общества». Принятие женской пассивности и покорности, убежденность в том, что быть домашней хозяйкой предназначено женщине «природой» и что разделение сфер на мужскую и женскую — единственная основа социальной гармонии, идет из глубин рабочей культуры и выражает идеи определенных кругов рабочего класса.

Семейный заработок и домохозяйка

Взгляды евангеликов и представителей определенных кругов рабочего класса на политику государства по вопросу о женском труде в 1840-е годы совпадали. В 1830-е годы мужчины признавались лицами ответственными, тогда как женщины оставались в тени. Были популярны идеи Плейса и Коббета о том, что мужчина должен зарабатывать столько, чтобы вся его семья могла существовать безбедно. Образ зарабатывающего мужчины и зависящей от него женщины прочно укоренился в буржуазных кругах и нашел отклик в среде

рабочих. В результате профсоюзы выдвинули мысль о том, что заработок квалифицированного рабочего должен считаться заработком всей семьи. Однако стоит видеть в этом не безоговорочное принятие буржуазных идей, а скорее их адаптацию применительно к специфическому классовому идеалу.

Приведем только один пример. В 1840-х годах буржуазия очень опасалась, что женщины начнут заниматься таким не свойственным им делом, как работа в шахтах. Устоялось мнение, что женщина из буржуазной среды, которая работает, чтобы заработать себе на жизнь, лишена женственности. В случае с работавшими женщинами из бедных слоев общества дело обстояло несколько иначе. Женщина могла иметь профессию, если только эта профессия являлась продолжением «естественной» роли женщины. В том, что служанка убирает дом, готовит и занимается детьми, не видели ничего зазорного. Профессии модистки или портнихи также считались подходящими, как и работа в сфере питания. Но отдельные профессии, которые практиковали женщины, считались абсолютно не свойственными их природе, в особенности если производственный процесс шел в смешанной среде: например работа под землей категорически отрицалась концепцией евангеликов. Комиссия, созданная для обследования детского труда в шахтах, была ошеломлена условиями, в которых работали женщины. Кроме всего прочего, они работали среди мужчин полуодетыми. Это был вызов общественной морали, угрожавший крахом рабочей семьи как таковой. По призыву евангеликов была начата кампания по запрету работы в забое для женщин.

Шахтеры поддержали запрет, однако по другим соображениям, нежели буржуазия. По словам некоего Джона, они не приняли суждений разных буржуазных деятелей типа Тременхир^{*}, для которых это был «первый шаг на пути к улучшению

^{*} Хью Сеймур Тременхир (1804–1893) — английский ученый, юрист, инспектор школ и шахт.

домашних привычек и гарантия респектабельности семьи». Они отказывались строить свою семейную жизнь под диктовку буржуазных идеологов. Шахтеры имели право самостоятельно контролировать свои семьи. Они хотели, чтобы жизнь их жен и дочерей стала лучше, и отмечали, что их жены имеют такое же право не спускаться в шахту, а оставаться дома, как и жена владельца этой шахты. Жены шахтеров имели право на достойную жизнь вне шахты; шахтеры угрожали тем, кто продолжал эксплуатировать женщин нелегально. Однако у них был и другой повод требовать запрета женского труда на шахтах. Ассоциация шахтеров Великобритании и Ирландии была образована в 1842 году, за три дня до того, как вышел документ, запрещающий принуждать женщин, не достигших восемнадцатилетнего возраста, покидать забой. Как говорилось в газете *Miner's Advocate*, прѣфсоюз с самого начала резко выступал против работы женщин в шахтах. Женский труд в этой отрасли рассматривался как угроза, так как средний уровень оплаты снижался. У шахтеров были свои собственные поводы желать, чтобы их жены оставались дома. Женщины, не имевшие возможности проявить себя в публичной сфере, были побеждены. Они ненавидели условия, в которых вынуждены были работать, но при этом нуждались в деньгах. Их голоса не были услышаны, и в результате самых долгих дебатов 1840-х годов государство, рабочие и буржуазные благотворительные организации окончательно признали мужчин кормильцами семей, а женщин — женами и матерями.

Аристократия: новая приватность

В 1820 году король Георг IV имел возможность на собственном опыте убедиться в приверженности могущественной английской буржуазии супружеской верности и семейным ценностям. Как же обстояло дело у аристократии и джентри? Добралась ли

до высших слоев общества главная буржуазная идея — разделение полов? И Стоун, и Трамбах утверждают, что XVIII веке взгляды крупных землевладельцев на частную жизнь очень изменились, и Стоун полагает, что это произошло под влиянием идей верхушки торговой и финансовой буржуазии. Журналы типа *The Spectator* восхваляли новый стиль отношений в аристократической среде, основанный на разделении гендерных ролей. Это было подхвачено, пересмотрено и отредактировано евангеликами. Нарастающее влияние среднего класса в экономике, политике и социальной жизни имело еще одно последствие: аристократия и джентри начали перенимать стиль жизни фермеров, фабрикантов и коммерсантов. Как пишет Давидофф, «модель буржуазного поведения отныне существует наравне с кодексом чести аристократов и джентри, и слово „буржуазия“ стало пониматься шире».

По словам Марка Жируара, к середине века произошло сближение высшей аристократии и верхушки буржуазии: «Высшие классы пересмотрели свой имидж, чтобы он стал более приемлемым для буржуазной морали. Их представители — искренне или, по крайней мере, внешне — стали более серьезными, более религиозными, начали более ответственно относиться к своей семейной жизни».

Буржуазная критика разложения аристократического общества достигла апогея в 1820–1840-х годах; в дальнейшем, по мере того как аристократия и джентри начали воспринимать домашние ценности, то, что Жируар называл «моральным очагом», в центре которого находилась счастливая безмятежная семья, где практиковались совместная молитва, соблюдение воскресного ритуала и правил повседневной жизни, эта критика несколько смягчилась. Женщины, не допускавшие к участию в делах или в общественной жизни, царили в жизни частной, выработывали систему этикета: как вести себя в «обществе», как проводить «сезон». Они руководили «обществом» и стояли на его страже: именно они

решали, кто может быть принят в «общество», а кого допускать не следует. Принцип был основан на связях: принимать у себя можно было лишь тех, кого знали лично. Социальная жизнь становилась более избирательной, более приватной и протекала в основном в богатых домах, куда допускались только люди одного с хозяевами круга. В этом взаимодействии решающую роль играли семья и близкие, благодаря которым можно было войти в круг избранных. Буржуазные дома, убежище жен и детей, куда мужчины возвращались отдохнуть от дел, выполняли несколько иную функцию в эксклюзивном мире «светского общества».

Озабоченность аристократии и джентри интимностью и изоляцией проявляется в строительстве и реконструкции их домов. На виллах буржуазии прислугу селили в верхнем этаже; в загородных домах была возможность сделать так, чтобы слуги были совсем незаметны — они пользовались служебной лестницей. Стали предъявлять требования к этажам, на которых жили слуги. Больше не могло идти и речи об их проживании в общем помещении; в каждой комнате было не больше двух жильцов.

У детей была своя спальня по соседству с родительской. Повсюду появлялись детские комнаты, описанные Лаудоном. Во многих домах одно крыло отводилось семье хозяев, в котором была спальня родителей, детская и гостиная. Двери комнат для холостяков и дам, как правило, выходили в разные коридоры и иногда даже эти комнаты находились в разных крыльях здания. Были обустроены курительные комнаты, предназначенные для мужчин, и маленькие гостиные для дам. Весь дом был разделен на пространства, предназначенные для мужчин и для женщин. Главный вход в дом служил местом встречи в интерьере, а сад был идеальным пространством, где гармонично сосуществовали и мужчины и женщины. Скромные устремления жителей Эджбастона в начале 1830-х годов превратились в готические сны землевладельцев.

Sweet Home: дом ювелира

В 1820 году, во время бракоразводного процесса королевы Каролины, бирмингемский ювелир Джеймс Лаккок, которому удалось отложить некоторую сумму, чтобы в возрасте пятидесяти девяти лет отойти от дел, вместе с женой, сыном и дочерью поселился в небольшом доме в Эджбастоне. Благодаря лорду Кэлторпу, у которого он приобрел участок земли, Лаккок построил дом своей мечты. Он хотел, чтобы дом был «уютным и комфортабельным», «скромным по цене и размерам». Он разделил участок на две части и сдал в аренду свой первый дом, что обеспечило ему постоянный доход. У него было «все, о чем [он] мечтал. [Он сам] спланировал дом и сад на живописном, ухоженном и защищенном от ветра участке, находившемся на западном склоне холма; почва была плодородная, и все, что [он] сажал, прекрасно росло». У себя в саду он посадил индийские каштаны и рябину, потому что [ему] «всегда казалось, что несколько величественных деревьев составляют неотъемлемую часть респектабельного сельского дома». Он не только выращивал овощи, но посадил также «нежные примулы и простую наперстянку, скромные подснежники, изящную лилию, пышные пионы». В этом вопросе он остался верен себе: в то время отдельные цветы, например гвоздики, считались цветами ремесленников, другие, как, например, георгины, более изысканными и дорогими. По всему саду он расставил декоративные вазы с написанными на них изречениями о гармонии семейной жизни. Канавка в дальнем углу сада была скрыта живой изгородью и ее можно было принять за ручей. В Лайм-Гроув, как Джеймс Лаккок назвал свой дом, он достиг «вершины блаженства», «счастья находиться вдали от мирской суеты и всех разочарований и обманов... был переполнен радостью от обладания маленьким раем». Он жил там, занимался садоводством, писал книги, принимал у себя друзей, участвовал в строительстве новой воскресной школы для унитарийцев из Бирмингема, посещал благотворительные собрания — в общем, выступал в роли публичного человека.

Полный энтузиазма поэт-любитель, он вдруг тяжело заболел и боялся умереть. Он отважился написать *от имени* своей жены стихи о самом себе. Он проник в духовную сущность жены, чтобы перечислить все добродетели супруга, которого ей будет очень не хватать — об этом мы читаем в стихах.

Кто в девственной груди моей
Открыл сокровища страстей
И сделал дрожь ее сильней?
Супруг мой.
Кто без корысти мне сказал:
«Тебе, хотя доход мой мал,
Охотно бы его отдал»?
Супруг мой.
Кто городскую чехарду
Покинул, чтоб со мной в саду
Предаться честному труду?
Супруг мой.
Кто принимал тяжелый бой
С неумолимою судьбой
И опыта нажил с лихвой?
Супруг мой*.

Мало кто из супругов воспевал свои достоинства от имени собственной жены! Однако жизнь и мечты Лаккока тронули множество сердец. В середине XIX века дом представлялся англичанам местом счастья и нежности, но взгляды мужчин и женщин на дом не совпадали. У мужчин, помимо дома, были публичная жизнь с ее заботами, страхами и удовлетворением, женщинам же редко удавалось вести хоть какую-то жизнь вне дома; дом для них был всем, «естественным обрамлением» их женственности.

* Оригинал стихотворения: Who first inspir'd my virgin breast, / With Tumults not to be express'd, / And gave to life unwonted zest? / My husband. / Who told me that his gains were small, / But that whatever might befall, / To me he'd gladly yield them all? / My husband. / Who shunn'd the giddy town's turmoil / To share with me the garden's toil, / And joy whith labour reconcile? / My husband. / Whose arduous struggles long maintain'd / Adversity's cold hand restrain'd / And competence at length attain'd? / My husband. — *Примеч. авт.*

ГЛАВА 2
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мишель Перро
Анн Мартен-Фюжье

Семья в XIX веке была главной сценой, на которой разворачивалась частная жизнь; именно в семье складывались характеры людей, создавались ритуалы и обычаи, плелись интриги и возникали конфликты. Семья была невидимой рукой, двигавшей развитие гражданского общества, отправной точкой всех поступков людей.

Во всех доктринах, от консервативных до либеральных и даже анархистских, она представляется ячейкой существующего порядка; на самом же деле она — очень хаотичный и противоречивый организм. Нуклеарная семья не без труда выделяется из сложной системы родственных отношений и очень зависит от того, живут люди в городе или в деревне, от местных традиций, от социальной и культурной среды.

Конечные цели отпрысков определяются тоталитарной семьей, но они все чаще восстают против ее диктата. В результате между представителями разных поколений и полов, между отдельными личностями, желающими самостоятельно решать свою судьбу, возникает напряжение, подпитывающее скрытые процессы, которые разрушают ее изнутри. Это тем заметнее, что семья все чаще прибегает к помощи правосудия для улаживания споров и ссор, как бы ставя себя в зависимость от внешнего контроля.

Автономной жизни семей, в особенности бедных, угрожает также нарастающее вмешательство государства, которое

нередко подменяет собой семью, главным образом в том, что касается детей, самого ценного, что есть в семье.

Безусловно, существуют и другие формы частной жизни, она не ограничивается лишь семейными рамками, тем не менее семья в XIX веке, отчасти по политическим соображениям, стремится подчинять себе всю частную жизнь людей, в особенности сексуальную, «зеркалом» которой, по словам Мишеля Фуко, она является, и определять правила и нормы. Разного рода общественные институты, в которых люди так или иначе проживают вне семьи, — тюрьмы и интернаты, казармы и монастыри, а также социальные группы — бродяги и денди, монахини и «амазонки», богема и хулиганы — часто вынуждены определять себя через семью, составляя ее периферию.

Мишель Перро

ТРИУМФ СЕМЬИ

Мишель Перро

Французская революция совершила попытку сломать границу между публичным и частным, создать нового человека, новую модель повседневности, по-новому организовав пространство, время и память, но этот грандиозный проект провалился, не выдержав сопротивления народа. «Нравы» оказались сильнее закона.

Этот опыт глубоко задел думающих людей того времени. Бенжамен Констан, Жорж Санд и Эдгар Кине в своих произведениях постоянно возвращались к революционным событиям. Каким именно образом Революция перевернула — или же нет — их жизни и жизни сограждан? Жорж Санд описывает сопротивление беррийских крестьян всеобщему «тыканью», которое хотели навязать им «городские», новая буржуазия, столь гордая от того, что теперь можно было тыкать своей бабушке или какой-нибудь мадам Дюпен. Бенжамен Констан обращает внимание на силу собственного мнения людей: «Я слышал тогда огромное количество речей; я видел десятки демонстраций; я был свидетелем самых торжественных клятв; все это не имело никакого значения, народ присутствовал на всех этих церемониях, не вступая в дискуссии, а потом каждый возвращался к себе домой, не чувствуя себя более вовлеченным в события, чем раньше».

Сказанное поясняет, почему отношения публичного и частного составляют суть любой политической теории в постреволюционное время. Главной проблемой становится установление

отношений между государством и гражданским обществом, между коллективным и индивидуальным.

В то время как в экономической мысли, которая расцвела на блестящем наследии XVIII века, господствует принцип невмешательства, идеал «невидимой руки», мысль политическая проявляет заботу об установлении границ и соблюдении «частных интересов». Новшество — это, безусловно, важное значение, придаваемое семье как базовой ячейке общества. Домашний мир — фундаментальный регулятор: он играет роль спрятавшегося бога.

Это общеевропейское соображение. Кэтрин Холл продемонстрировала, как в Великобритании начала XIX века благодаря одновременным усилиям евангеликов и утилитаристов возникла идея домашнего мира. Паноптизм (всеподнадзорность) Бентама в отношении гражданского общества — это контроль со стороны отца, играющего для своей семьи роль наместника Бога, являющегося символом здравого смысла.

Взгляды Гегеля: семья как основа гражданского общества

Вопрос обустройства публичного и частного, возможно, подробнее всего рассматривает Гегель. В работе «Философия права» (1821) он анализирует отношения между тремя основными инстанциями: индивидом, гражданским обществом и государством. Индивидуальное владение телом необходимо личности («Я») для самоощущения; самоубийство — крайняя степень суверенности личности («Я»), пусть и ошибочно понятой. Но индивид подчиняется семье, которая, наряду с корпорациями, является одним из основных «кругов» гражданского общества. Если бы не было семьи, государство имело бы дело лишь с «неорганическими множествами»*, с толпой, охотно подчиняющейся деспотизму.

* «Философия права» цитируется в переводе Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной. — *Примеч. ред.*

Семья — гарант естественной морали. В ее основе лежит моногамный брак, заключенный по взаимному согласию; всякого рода страсти чужды ей и даже опасны; лучший брак — это брак «устроенный», после заключения которого возникает взаимная склонность и привязанность, а не наоборот; семья создается на разумной добровольной основе, в ней очень сильны духовные (например, память) и материальные связи. Достояние семьи — это одновременно экономическая необходимость и символ. Семья, «объект поклонения для ее членов» — это моральный организм: «нечто единое, члены которого случайны». Глава семьи — отец, лишь смерть которого расчленяет семью, освобождая наследников. Семья должна главенствовать над своими членами; в обществе XIX века она представляет собой «холистскую» группу, по определению Луи Дюмона. Гендерное разделение ролей опирается на «естественный характер» представителей пола, согласно противопоставлению «пассивное — активное», «внутреннее — внешнее», которым руководствовались на протяжении всего столетия. «Действительная субстанциальная жизнь мужчины проходит в государстве, в области науки и т. д. и вообще в борьбе и в труде, в отношениях с внешним миром и с самим собой». «В семье... женщина имеет свое субстанциальное назначение и в этом пиетете свою нравственную настроенность». Дети являются членами семьи и одновременно с этим — отдельными личностями. Их следует воспитывать, не допуская злоупотребления игрой, что льстит их чувству собственного достоинства. Достигнув совершеннолетия, они могут завести семью, «сыновья в качестве глав семьи, а дочери в качестве жен». Однако на самом деле лишь смерть отца позволяет им перейти в новый статус. Возможность завещать имущество ограничивается семейным правом. По этому пункту Гегель активно критикует произвол римского права; опровергает право старшинства и исключение из завещания дочерей. На самом деле важно не потомство, тяжелое наследие феодализма, а семья, краеугольный камень современного общества. Сообщества

«самостоятельных конкретных лиц», мириады, «множества семей» формируют гражданское общество, которое есть не что иное, как «сочетание разбросанных семейных общин».

Дом по Канту

Если для Гегеля важно соотношение частного и публичного на макроуровне, то для Канта представляет интерес микропространство дома, как поэтично выражался Бернар Эдельман. Домашнее право — триумф разума; оно заставляет людей пускать корни дома и подавляет всякое желание бежать. Это «право живых, право самосохранения, которое погасит в сердцах охоту к перемене мест и зов варварских лесов». Дом — основа морали и социального порядка, сердце частной жизни, но частной жизни, подчиненной отцу. Только он способен обуздать инстинкты и приручить женщину, потому что постоянно существует угроза домашней войны. «Женщина может превратиться в дикарку, ребенок под ее влиянием — в существо безвольное или мстительное, слуга может попросить расчет». Если хозяйка дома — женщина двуличная, это тоже может представлять угрозу. «Если только ей удастся ускользнуть, она тут же станет мятежницей и революционеркой». Отсюда противоречие юридического статуса женщины, так тонко подмеченное Кантом: как индивид, женщина является субъектом личного права; как член семьи, она подчиняется супругу как монарху. Женщина «жаждущая» постоянно противопоставляется женщине «прирученной»*.

Либеральная семья

Французская философия семьи в XIX веке чрезвычайно многогранна: послереволюционные проблемы, связанные с полити-

* Цитаты в этом фрагменте — не из самого Канта, а из книги Бернара Эдельмана «Дом Канта» (1984). — *Примеч. ред.*

ческим, юридическим и социальным переустройством, очень остры. Границы между частным и публичным и понятие «сфер», содержание социальной жизни и роли мужчины и женщины — вот три главных направления мысли.

Либералы — например, Жермена де Сталь и Алексис де Токвиль — в первую очередь заботятся о сохранении барьера, который гарантировал бы свободу «частных интересов» как силу нации. «Только уважение к частной собственности и частным интересам может заставить полюбить Республику», — пишет мадам де Сталь, чья основная просьба — «чтобы не требовали, не давили». «Свобода имеет тем большую ценность, что реализация наших политических прав предоставит нам больше времени для наших частных интересов», — говорит Бенжамен Констан. Оба они противопоставляют людей Античности, живших либо ради Агоры, то есть ради политической деятельности, или ради войны, современному миру, миру коммерции и изобретательности индивидов, которым достаточно просто «не мешать». Сосредоточенность либералов на частном говорит о том, что они готовы отдать решение вопросов публичной жизни представительной власти. Выделение двух дополнительных сфер влечет за собой появление выборных органов и, до некоторой степени, профессионализацию политиков.

Пьер Розанваллон* недавно изучил взгляды Гизо на эти вопросы. В высказанных Гизо соображениях, вызывающих в памяти идеи Гегеля, анализируется функционирование разрастающейся власти. Порядок и свобода зависят от дееспособности элиты — «общественной власти», ответственной за гражданское общество и политическую власть, за их направленность; это мужское дело, а не легкомысленное салонное развлечение. Хоть общественная власть и базируется в значительной мере на домашних принципах, дело это не женское. Ключевой

* Пьер Розанваллон (р. 1948) — французский философ, политолог, историк демократии.

фигурой не случайно является отец, потому что он «олицетворяет высший разум и более, чем кто-либо другой, способен судить о том, что хорошо, а что плохо». Согласно Гизо, семья, существование которой держится на постоянном компромиссе, является политической моделью демократии. «В семье право голоса реально, как нигде более, и именно там оно практически является всеобщим».

Ройе-Коллар и Токвиль равно озабочены сущностью гражданского общества. «В Революции выстояли только личности... <...> Из разрушенного в прах общества родилась централизация», — пишет первый, видя в «естественных сообществах» — общине, семье — противоядие якобинству. Токвиль же, столь чувствительный к чарам частной жизни, обнаружил всю пагубность чрезмерного индивидуализма, когда «каждый за себя», о котором писал барон Дюпен. «Деспотизм, трусливый по своей природе, видит в изоляции людей залог своего собственного существования и, как правило, прилагает все усилия для усиления процесса этой изоляции. <...> Он называет хорошими гражданами тех, кто замыкается на себе самом» («О демократии в Америке», кн. II, гл. VIII). Во всех трудах Токвиля так или иначе затрагивается вопрос, как примирить счастье отдельного человека с публичной деятельностью. Он превозносит и восхваляет добродетели американской семьи, на основании которых создаются социальные связи. «Демократия ослабляет социальные связи, но укрепляет связи естественные, сближает родственников, но разделяет сограждан».

Таким образом, мы видим, что для либералов семья, «естественный организм», — это ключ к индивидуальному счастью и общественному благу.

Традиционалисты

Семья является предметом пристального внимания и традиционалистов, главные представители которых — Луи де

Бональд в эпоху Реставрации и, позднее, Фредерик Ле Пле и его школа. Их страсть — критика падения нравов, изменения гендерных ролей, все более «женственного» стиля жизни. Во всех военных поражениях и социальных потрясениях обвиняются женщины, забывшие о своем семейном долге. Положение вещей в период Реставрации (см. в работах Р. Денъеля), Нравственного порядка (см. у Моны Озуф), а позднее режима Виши (см. у Роберта Пакстона) с этой точки зрения окажется наилучшим примером*.

Наступление сторонников традиционного образа жизни во время Реставрации идет по трем направлениям. Первое — религиозное: уважение к семье становится излюбленной темой проповедников. «Где можно испытать большее блаженство, чем в лоне семьи?» — звучит в одном из религиозных гимнов в 1825 году. Второе — политическое: нападки на разводы, закон о которых принят в 1792 году и отменен в 1816-м. Третье — идеологическое: апостолом здесь является Бональд. Его произведения читает вся провинциальная знать (например, Рене де л'Эсторад, героиня романа Бальзака «Воспоминания двух юных жен», часто его цитирует), он воссоздает и оправдывает аристократическую мораль. Представления о «жизни в замке» и об аристократии как о погрязшей в разврате и роскоши столь укоренились в психологии народа, что их до сих пор можно обнаружить в комментариях экскурсантов, посещающих замки на каникулах; эти представления зародились в минувшие времена, во времена «сладкой жизни».

Бональд рассуждает о проблемах семьи, например, выступая в палате депутатов по вопросу о запрете разводов (26 декабря 1815 года). Развод — это извращение по своей сути, не только потому, что влечет за собой тяжелые последствия

* Раймон Денъель, Мона Озуф — современные французские историки; Роберт Пакстон — современный американский историк, специалист по истории режима Виши.

для женщин и детей, которые страдают от него в первую очередь, но и по моральным соображениям. Из-за неявного признания права на страсть чересчур преувеличивается роль любви в браке. То, что развод часто инициируется женщинами, ослабляет отцовский авторитет: «Домашняя демократия ведет к тому, что супруга, слабая сторона, восстает против авторитета мужа». Таким образом, величие матери семейства в ее подчиненности мужу, а после его смерти — старшему сыну, наследнику дома предков. Как фундамент монархического государства, семья сама является монархией в миниатюре, из поколения в поколение обеспечивая обществу стабильность и неизменность. Отец — естественный глава семьи, как король-отец — естественный глава Франции, которая тоже представляет собой «дом». Восстановление монархии означает восстановление отцовской власти. «Чтобы вырвать государство из рук народа, нужно вырвать семью из рук женщин и детей». Брак — не гражданский договор, но непременно акт религиозный и политический. «Семье необходима нравственность, а государству — законы. Укрепляйте домашнюю власть, естественную основу власти государственной; зависимое положение женщин и детей — залог послушания народа».

Взгляды Ле Пле: «семья — основа государства»

Не являясь контрреволюционными или либеральными (см. у Фр. Арну), идеи Фредерика Ле Пле оригинальны хотя бы в том плане, что помимо всего прочего он разработал стратегию социологического наблюдения, своего рода прелюдию к вмешательству в дела семьи. Враждебно настроенный к усилению роли государства, Ле Пле хотел укрепить гражданское общество через счастье семьи, счастье, которое он определил следующим образом: «Нравственный закон важнее хлеба насущного». «Частная жизнь накладывает отпечаток на жизнь

публичную; семья — это основа государства» («Европейские рабочие», 1877). В то же время Ле Пле является противником либералов. Эгоизм «частных интересов» на фоне принципа невмешательства, беспорядочная урбанизация и дикая индустриализация, забвение десяти библейских заповедей и морали — вот причины того настоящего несчастья, которым является пролетаризация. Средство борьбы с этим — возрождение одноветвевой семьи с единственным наследником, назначаемым родителями (пиренейская *mélouga*, близкая к жеводанской* *oustal*), которую Ле Пле противопоставляет нестабильной гражданской семье, а также семье патриархальной, где власть, перешедшая к нему по наследству, сконцентрирована в руках главы семьи. У Ле Пле семейная иерархия происходит не «от природы», а основывается на заслугах и способностях.

Соблюдение иерархии — условие равновесия, гармонии. Глава семьи, в свою очередь, должен уважать своих домочадцев и защищать их. Появление «социального вопроса» и нарастающее вмешательство в дела семьи государства — следствие того, что отцы семейств забывают о своем долге. Патернализм — лучший тип общественных отношений. Семья также подчиняется отцу. Однако Ле Пле уделяет большое внимание качествам хозяйки дома, как позже это делал его последователь Эмиль Шейсон, в монографиях которого о семье приводится много интересных документов о роли, задачах и власти матери в семьях простых людей и о домашней работе.

Идеи Ле Пле, изложенные в «Социальной реформе» — безусловно, самые разработанные среди всех, рассматривавших в XIX веке семью как основную движущую силу общества. Ле Пле отступает от высказанных идей по политическим и идеологическим мотивам, способствовавшим триумфу школы Дюркгейма, опоры Республики. Таким образом, семья

* Имеется в виду графство Жеводан на юге Франции.

стала невинной жертвой всех этих перипетий и на долгие годы перестала быть базовым предметом изучения социальных наук.

Социалисты и семья

До тех пор пока марксизм не вернул частную жизнь к ее буржуазным, даже мелкобуржуазным истокам, социалисты оценивали роль семьи очень высоко, как это продемонстрировал в своей диссертации, к большому сожалению неизданной, Луи Деванс.

Социалисты в один голос критиковали современную им семью, но мало кто из них хотел ее полного уничтожения. Также мало кто рассчитывал на полную отмену гендерных различий — так глубока была уверенность в естественном неравенстве мужчин и женщин. Тем не менее существует огромное количество разнообразных течений и взглядов. Странниками неограниченной свободы были Фурье, Анфантен, феминистка Клэр Демар, коммунисты 1840-х годов. К примеру, Теодор Дезами, чья работа «Кодекс общности» противопоставляется пуританскому фамилиаризму (приверженности семейным ценностям) «Икарии» Этьена Кабе. «Никакого раздельного хозяйства! Никакого домашнего воспитания! Никакой семейственности! Никакой власти мужа! Свобода союзов! Полное равенство полов! Свободный развод!» — восклицает первый, тогда как второй клеймит позором добровольное безбрачие и считает «сожителство и адюльтер... преступлениями, которым нет прощения». «Икария» — это непоколебимый морализм и мачизм в чистом виде. Впрочем, в американской колонии в Нову*, где Кабе попытается реализовать свою утопию, он столкнется

* Нову (Nauvoo) — городок в штате Иллинойс.

с сопротивлением женщин, которые из кокетства откажутся носить униформу!

Воззрения Фурье весьма радикальны, как в плане гендерных ролей, так и касательно взаимоотношений мужчин и женщин. Видя в женщинах «пролетариев из пролетариев», он считал их эмансипацию ключом к прогрессу. «Расширение привилегий женщин — вот главный принцип социального прогресса». В своих фаланстерах он провозглашает полное равенство, взаимозаменяемость, полнейшую свободу выбора полового партнера, брак поздний и легко расторжимый. Фурье по-мальтузиански недоверчиво относится к росту численности населения и выступает за легитимизацию контрацепции и аборт. Радикализм Фурье в вопросах пола испугал его последователей, в том числе женщин, например Зои Гатти де Гамон, и Виктора Консидерана, которые подвергли цензуре это положение теории Фурье. Они не издали самый революционный из его трудов, «Новый мир любви», который был опубликован лишь в 1967 году Симоной Дебу. В фамилистере, учрежденном Жан-Батистом Годеном в коммуне Гиза/Гюиза (департамент Эна), отвергалась всякая «стержневая» мораль, и фамилистер становился ближе к «Икарии», нежели к фаланстерам. При этом супруга Годена оставалась в тени, как, впрочем, обычно бывает с женами всех «великих людей».

Сенсимонисты после Анфантена, большинство коммунистов, социалисты с христианским уклоном — например, Пьер Леру, Константин Пекёр, Луи Блан и даже Флора Тристан — выступают за модернизацию института семьи, за равенство полов вплоть до получения образования, за право на развод. При этом моногамный брак остается в их глазах основой нуклеарной семьи, в которой царит взаимная привязанность и дети играют главную роль. После 1840 года большинство феминисток, которые, например, в 1848 году видели в государстве «большую семью», заняли более умеренную позицию, и их требованием стало гражданское равенство, что сделало

возможными конкретные действия. К ним относится, в частности, Жорж Санд, ведущая достаточно свободную жизнь, но при этом решительно выступающая за сохранение семьи.

Наконец, традиционалистское движение в социализме, к которому можно отнести социалистов-христиан, группирующихся вокруг журнала *L'Atelier*, последователей Ламенне^{*} и Прудона, упрямо поддерживало неравенство полов, идущее от природы, необходимость подчинения женщин, свобода которых в послушании, и патриархальный брак — гарант порядка и морали. Прудон, в частности, неизменно выдвигал идеи главенства мужского начала, созидательного превосходства целомудрия над чувственностью, труда — над удовольствием. Для этого теоретика анархизма традиционная семья является ячейкой частной жизни, которой следовало бы вобрать в себя жизнь публичную и таким образом упразднить государство.

Итак, от Фурье до Прудона идеи не развивались в сторону свободы нравов. Вероятно, социалисты вели борьбу по двум направлениям: с одной стороны, с ханжеством буржуазных идеологов, критиковавших пролетарскую дикость, с другой стороны — с собственной простонародной «клиентурой», для которой семейная экономика и мораль являлись основой классового сознания.

Нельзя не сказать об эволюции социализма как такового и его версии социальной трансформации. Социалисты первой половины века верили, что революция осуществится снизу и будет проведена практиками, что на базе семьи возникнут трудовые коммуны и сообщества, то есть это альтруистическая версия мелких предприятий. Отсюда — стремление к *прозрачности*, о которой говорил еще Руссо и которая вызывает разногласия по вопросу «публичности нравов»,

* Фелисите Робер де Ламенне (1782–1854) — французский философ, публицист, политический теоретик, один из основоположников христианского социализма.

противопоставляя Анфантену некоторых сенсимоновских дам, которые отстаивают право на интимность, считая это право победой женского достоинства. Клэр Демар в работе «Мой закон будущего» выступает против отдельных брачных ритуалов и против «придания гласности подробностей всех этих скандальных судебных прений, в ходе которых перед судьями приходится произносить слова „адюльтер“, „импотенция“, „изнасилование“, провоцирующие расследования и возмутительные аресты».

После появления бланкизма и особенно марксизма проблема взятия власти ставится иначе: политическая революция предшествует экономической, которая затем проводится государством. В социальном анализе способ производства занимает место семьи, а нравы уходят на периферию суперструктур. Напрасно Энгельс соглашается с выводами Бахофена и особенно Моргана о существовании в доисторические счастливые времена матриархата и рассматривает его уничтожение как «величайшее поражение женщин». Он говорит о социалистической революции как о необходимом, если не достаточном, условии восстановления равенства. Женщинам следует подчинить свои требования интересам классовой борьбы, а война полов — вопрос не главный. Отныне сущность феминизма объявляется буржуазной, и начинается длительное недоразумение.

Соответственно, марксизм — и социализм, который теперь находится под его сильным влиянием, — ограничивается антропологическим анализом, обвиненном в идеализме. Жак Капдевель показал происхождение этого затмения — оно является результатом не случая, а неприкрытой критики Марксом в работе «Немецкая идеология» гегелевской «Философии права» и отрицания им существования двойственности «государство — гражданское общество», «индивид — гражданин». Маркс не признает посредничества, недооценивает роль вложения капитала, богатства и смерти.

Надо отметить, что идея ликвидации семьи в социальной теории принадлежит не только Марксу, но и Дюркгейму — на это указывают Эрве Ле Бра и Эммануэль Тодд. Восставая против обобщений фактов, Дюркгейм согласен признавать лишь всеобщие социальные явления и при этом «уничтожает антропологию». В то же самое время историки-позитивисты, посвятившие себя построению нации и политики, исключили частную жизнь из своей области исследований.

В то время как семья как объект изучения ушла из общественных наук, она как никогда сильно занимала умы политиков, деятелей Третьей республики: Гриви, Симона, Ферри и других. Рассуждения о семье прекращаются, семья становится политическим вопросом.

Таким образом, функции семьи — функции назначенные, возложенные — представляют больший интерес, чем ее эвристическая ценность.

ФУНКЦИИ СЕМЬИ

Мишель Перро

Семья, этот атом гражданского общества, направляет «частные интересы», соблюдение которых — важнейшая составляющая силы государства и прогресса человечества. На нее возложено множество задач. Как основа производства она обеспечивает экономическое функционирование и передачу материальных благ. В качестве ячейки воспроизводства населения она дает жизнь детям и помогает им сделать первые шаги в обществе. Как гарант сохранения расы она следит за ее чистотой и здоровьем. В семье, как в горниле национального сознания, от поколения к поколению передаются символические ценности и историческая память. Именно в семье закладываются основы гражданственности и цивилизации. «Крепкая семья» — основа государства, и, в частности, республиканцы (Симон Ж. Долг (*Le Devoir*). 1878) видят связь между любовью к семье и любовью к родине, между материнскими чувствами и любовью к человечеству. Отсюда возросший интерес государства к семье, сначала к бедным семьям, слабому звену в системе, потом — ко всем остальным.

В то же время надо сказать, что на протяжении большей части XIX века семья функционирует свободно, соблюдая совершенно разные политические, религиозные и местные традиции и обычаи: Франция очень разная, несмотря на весь лоск централизованного государства.

Семья и семейное достояние

Семья — это общность людей и комплекс материальных благ; это одна фамилия, одна кровь, одно достояние, материальное и символическое, наследуемое и передаваемое. Семья — это владение собственностью, зависящее от государства.

Гражданский кодекс полностью упразднил старинные обычаи, запретил составлять завещание, отменил право старшинства, уравнил в правах наследников, как мужчин, так и женщин. С различных точек зрения это была революция, и революция весьма ощутимая. Не оттого ли Пьер Ривьер, «убийца с красными глазами» из нормандских лесов, убил свою мать (а затем сестру и брата), что она свободно распоряжалась имуществом, а с точки зрения нормандских традиций, не признающих никаких прав за женщинами, это было настоящим ниспровержением устоев? Баба, которая без конца заключает и расторгает контракты, — полная бессмыслица.

А каковы «правила игры в мирной буржуазной среде», как выразался Андре Арно? Здесь, наоборот, поражает, как многократно подчеркивал П. Урлиак, стойкость патриархальных ценностей, передача имущества по наследству в основном по отцовской линии. Только муж «распоряжается благами семьи» (ст. 1421); его полномочия ограничиваются лишь условиями брачного контракта. Последний, свойственный южным регионам Франции, в ходе XIX века теряет свои позиции даже в Окситании, где правила пользования приданым сохранились дольше всего. В первую очередь это происходило в Провансе и Лангедоке, потом во внутренних районах Окситании. То же самое наблюдается и в Нормандии: Ж.-П. Шалин обнаружил, что в Руане в 1819–1820 годах брачные контракты заключались в 43% браков, в середине века — в 24% и лишь в 17% — перед I Мировой войной. Правила пользования приданым дольше выживают лишь в буржуазной среде, что гарантирует

сохранность имущества женщины и в случае разорения сберегает часть состояния: таковы меры предосторожности семейного капитализма.

В отличие от того, что происходило в Англии, раздел имущества между наследниками в целом распылял собственность и тормозил развитие индустриализации, замедляя приток сельского населения в города. Однако во многих регионах, в частности в тех, где преобладают одноветвевые семьи, сопротивление Гражданскому кодексу было очень сильно. Так, в Жеводане, описанном Элизабет Клавери и Пьером Ламезоном, желание сохранить *oustal*, большую патриархальную семью, повлекло за собой целую серию попыток обойти закон. Родители — во всяком случае, всемогущий отец — еще при своей жизни устраивали семейные дела так, чтобы сосредоточить богатство в руках самого достойного (или самого любимого?); «младшие» иногда получали компенсацию и уезжали на заработки, но чаще они оставались холостяками, работали в сельском хозяйстве, иногда даже прислугой. Углубляющийся индивидуализм постепенно разрушал согласие, необходимое этой системе.

На деле большая часть населения не участвовала в каком бы то ни было разделе имущества. Как в начале, так и в конце XIX века (см. А. Домар, Ф. Кодаксьони) две трети покойных не оставляли после себя никакого наследства. Состояния концентрируются в руках меньшего количества людей: в Париже, например, в 1820–1825 годах 30% всех богатств владели 1% горожан, а в 1911-м — 0,4%. То же самое — в Тулузе и Бордо. В Лилле, пролетарском городе, обстановка хуже: в 1850 году 8% населения города владели 90% всего городского богатства, в 1911-м — 92%. Хотя подъем среднего класса и реален, но распределение состояний еще слабое, что подтверждает идею заблокированного общества, в котором шансы добиться успеха ничтожны и велика опасность уничтожения семьи из-за притязаний на имущество.

Виды имущества

В целом результаты аккумуляции богатства слабы, но желание быть богатым повсеместно огромно. В первую очередь это проявляется в приобретении недвижимости, обладание которой — непереносимый признак значительности хозяина, тогда как для самых обездоленных иметь свой угол — насущная потребность. Анри Брюлар, отец Анри Бейля*, — думает лишь о своем «имении», и если в мелкобуржуазной гренобльской среде разговоры о «деньгах, без которых не обойтись», являются табу, то «слово „дом“ произносится с благоговением».

В середине эпохи Второй империи городская недвижимость дает 18% общего дохода, сельскохозяйственное производство — 41% и только 5,9% — движимое имущество. Однако во второй половине XIX века привлекательность капиталовложений растет, стимулируемая развитием акционерных обществ, изменением банковской стратегии и спекуляциями, занимаясь которыми, множество богатых наследников пустили по ветру свои состояния. Облигации заменяются земельной рентой. Владение акциями и отслеживание их курса на Бирже становится очень распространенным занятием, даже в среде мелкой провинциальной буржуазии. Так, например, одна почтенная дама из маленького беррийского городка, дочь винодела и вдова столяра, подписала на финансовую газету и приобрела пакет акций — русские займы, Будапешт... — и купила рояль для своих дочерей.

Жак Капдевель продемонстрировал, как распространение почти во всех слоях общества духа собственности, этого фундамента беспринципной и радикальной Третьей Республики, превратило формулу «граждане = собственники» в один из рычагов политики и сделало распространение движимого

* Имеется в виду Мари-Анри Бейль, более известный под псевдонимом Стендаль. «Жизнь Анри Брюлара» — автобиографическое произведение Стендаля, прототипом Анри Брюлара послужил Анри Ганьон, дед писателя. — *Примеч. пер.*

имущества, неделимого и делимого, синонимом демократии. Он подчеркивал удивительное согласие, воцарившееся в конце века вокруг собственности, даже в социалистических и анархистских кругах. «Хороший отец семейства», центральная фигура идеологии санкюлотов и основа Республики, превратился в мелкого собственника, оставляющего своим детям наследство. И Гамбетта в своей речи в Осере в 1874 году превозносил «небольшие состояния, небольшие капиталы, весь этот маленький мир, который и есть демократия».

Так постепенно формируется капиталистический дух, который проникает в семейные разговоры и переписку и который изменяет представление семьи о себе самой.

Труд и семейная экономика

Независимо от того, состоятельна семья или нет, она является управляемой экономической системой, которую промышленная революция с ее неравномерным ходом использовала и укрепила. Появившаяся благодаря Чаянову и Жаку Годи экономическая антропология — один из наиболее интересных результатов современных исследований. Это важнейшая тема «Истории французов», опубликованной под редакцией Ива Лекена, на которую мы ссылаемся для проведения детального анализа. Не углубляясь в подробности «семейного способа производства», упомянем систему накопления, навыков и круговой поруки.

В сельских районах домашнее хозяйство — базовая экономическая единица. Семья и земля, которую она обрабатывает, составляют единое целое и необходимы каждому отдельному человеку. Жеводанская *oustal* — крайний случай, но даже в более умеренных условиях семья является предприятием, дом — помещением для работы, и каждый член семьи — родители и дети, молодежь и старики, мужчины и женщины — играют

свою строго определенную роль и дополняют друг друга. Безмятежность ситуации, однако, не стоит переоценивать, периодически случаются миграции, кто-то покидает родной дом.

На заре индустриализации ставка была сделана на семейное предприятие. Лучший пример домашнего производства — небольшие ткацкие фабрики с их строгим гендерным разделением труда и эндогамией, то есть заключением браков лишь в пределах своей социальной группы. Такая система стойко сопротивлялась появлению крупных предприятий; несмотря на чрезвычайно суровые условия труда и жизни в этой системе, многим ее будет не хватать, о чем в полной мере свидетельствует книга Сержа Графто «Матушка Сантер». Повсеместное внедрение электричества воплотило мечту о домашнем производстве, в котором анархист Петр Кропоткин видел путь к автономии.

Маленькое семейное предприятие — лавка или мастерская — очень живуче во Франции; несмотря на высокий риск разорения, оно неизменно возрождается. Такие мелкие предприятия часто выступают субподрядчиками в отраслях тяжелой промышленности. Процесс встречает упрямое сопротивление. В местностях, где идеалом считается домашнее производство, рабочие очень долго отказываются от сухого пайка или общего котла в обеденный перерыв — по крайней мере, требуют, чтобы жены приносили им горячую еду в полдень, — и устраивают забастовки, когда им сокращают время перерыва и запрещают ходить на обед домой (дело Ульма, Руан, 1827). Экономика здесь защищает привычный образ жизни.

В ходе индустриализации следовало принимать сказанное выше во внимание. Производство размещали прямо в городке, в непосредственной близости от места проживания потенциальной рабочей силы; нанималась семья целиком — отец работал на прядильном станке, жена и дети ему помогали; платили одну зарплату на всех. Таким образом решались проблемы трудовой дисциплины.

Хозяин служил примером поведения: он жил совсем рядом, иногда прямо во дворе своей фабрики; его супруга вела счета, рабочих приглашали на семейные праздники. Патернализм был первичной системой производственных отношений, по крайней мере относительно самых квалифицированных рабочих, которых хотелось удержать на фабрике. Такая система предполагает как минимум три элемента: проживание поблизости, обращение с персоналом, как с родственниками, и согласие работников. Если этот консенсус нарушается, вся система может рухнуть, что произошло во второй половине XIX века, когда рабочие восстали против скрытой *truck system*, то есть оплаты труда товарами. Они стали требовать денег и отказывались от всего, что казалось им пережитками крепостного права, путами зависимости. В остальном можно провести параллель между кризисами «традиционной» семьи и семьи индустриальной эпохи под натиском торжествующего индивидуализма.

Сила экономики рабочих семей

Вне рамок предприятия пролетарии живут по строгим законам семейной экономики. Основной доход составляет заработок отца, который сразу, как только становится возможным, дополняется тем, что приносят дети, — вот почему рождаемость в рабочих семьях была высокой. Этим же объясняется враждебное отношение к запрету детского труда. Долгосрочные цели блюстителей детского благополучия сталкиваются с сиюминутными интересами бедных семей. Домашняя экономика предполагает другой механизм равновесия, иной порядок вещей. Сокращение рождаемости в рабочей среде явится следствием всего, что предписывает соблюдение «интересов детей», — чем дороже они будут обходиться родителям, тем меньше их будет.

Женский труд также регулируется семейными обстоятельствами и часто прерывается беременностью и уходом за

младенцем. В любом случае заработок женщины — всегда лишь «дополнительные деньги», понятие давнишнее, но укоренившееся; часто эти деньги зарабатываются для приобретения чего-то конкретного. Домохозяйка, очень, впрочем, зависящая от своих заработков, которые повышают ее собственную ценность, помимо забот о детях, занимается хозяйством в самом широком смысле слова. Такой домохозяйке, незаменимой в повседневной жизни, рабочие без конца поют дифирамбы, при этом их экономические потребности сталкиваются с идеологическим обоснованием того, что практически профессиональный женский домашний труд — это нечто «естественное»; таким образом, рабочие, не подозревая о том, становятся в один ряд с теми, кто пытается придать выполнению домашних обязанностей вид непродуцируемого труда. Во времена кризисов дополнительный заработок женщин становится основным: рабочие, столкнувшиеся с жестокой безработицей 1884 года, пережили ее благодаря своим женам, которые дни напролет стирали и убирали чужие дома. Вот почему женщинам кризисные периоды запомнились как время, когда у них было много работы.

В более общем плане все сады и огороды, разбитые вплоть до пригородов Парижа, все обмены услугами или товарами свидетельствуют о крайней бедности и даже нищете. Они предполагают наличие горизонтальных связей, исчезновение которых в современных обществах говорит о высокой опасности безработицы и о зависимости от государства. Их существование в настоящее время в некоторых странах, например в Италии и Греции, позволяет понять значение теневой экономики в прежние времена: экономика была в основном семейная и соседская.

Семья — не только общий котел и бюджет. Она также регулирует заключение «профессионально-эндогамных» браков, следит за целесообразностью переездов из одной местности в другую и сменой социального статуса, как показал Маурицио

Грибауди на примере Турина. Миграции и переезды рабочих не случайны, они вызваны как родственными, так и профессиональными связями. Круговая порука позволяет легче интегрироваться в новую среду. Поддерживая связи с деревней, возможно вернуться обратно: например, Симон Парвери, пострадавший от несчастного случая при обжиге фарфора, смог вернуться и заняться сельским хозяйством у себя на родине. Родственные связи позволяют получать дополнительные деньги, родня зачастую играет роль посредника при поиске работы и дает ссуды. Сильные этнические сообщества помогают социальному росту — таково, например, овернское землячество в Париже (Ф. Резон-Журд). Благодаря семье «дикари» завоевывают города.

Именно в семье до наступления эпохи обязательного образования молодежь училась грамоте, в частности чтению: такова методика Жакото, методика «отца семейства», впрочем, и матери тоже (вопреки распространенному мнению, женщины были достаточно грамотными). На основе этой методики Распай* создал свою систему медицинских знаний для народа. Таким образом, народная семья не повторяла семью буржуазную, но была «естественной средой, где бедняки получали знания, приобретали жизненный опыт и где шла их эмансипация» (Ж. Рансьер).

Первоначальное накопление и семейный капитализм

Именно в семье, как в ячейке общества, происходило первоначальное накопление денежных средств и зарождался капитализм XIX века. История предпринимательства начинается как «семейная история». Она состоит из заключения браков и похорон, знает периоды расцвета и упадка. Нуклеарная семья оказалась

* Франсуа-Винсент Распай (1794–1878) — французский естествоиспытатель и политический деятель левого толка.

более приспособленной к началу индустриализации. «Домашний дух, частная жизнь прекрасно сочетались с почти муравьиным трудолюбием, скрытым стенами дома, как того требовала примитивная индустриализация» (Bergeron L. Histoire des Français. Т. II. Р. 155). Семья была экономической и принципиальной основой предпринимательства. В семье было проще сохранить секрет фирмы. Браки по расчету позволяли заключать деловые союзы и диверсифицировали бизнес. Способные наследники правильно и бесстрашно вели дела, в то время как бездарные и склонные к праздности и транжирству доводили фирму до упадка. Даже занятия финансовой деятельностью неплохо проходили в лоне семьи — это видно на примере коммандитных обществ, идеальной форме организации фирмы в период, когда преобладало самофинансирование. После 1867 года семейные фирмы без проблем трансформировались в акционерные общества, что позволило им увеличить капитал, оставив за собой большую часть акций и управление группой, сохранив таким образом собственное имущество.

Родословная предприятий повторяет генеалогию семей, которые ими управляют. Текстильная промышленность Севера дает потрясающий пример размножения почкованием в рамках семьи: так, в Рубе семейство Моттов и их многочисленные свойственники — Боссю, Лагаш, Бредар, Ваттин, Деваврен и др.; Полле, основатели компании Ла Редут (La Redoute); в Лилле — Тирье или Валлаэр, позднее Вийо. Ритм деловой жизни определяется идейными соображениями или разорениями (неудачами). В Нормандии, где сильна ностальгия по прежним временам, эндогамия достигает максимума и принуждает к инвестициям в землю, что тормозит промышленное развитие. В металлургической отрасли семьи Шнайдеров или Венделей не отстают от текстильных магнатов. Однако их привязанность к земле приводит их к господскому патернализму. Ле-Крезо, промышленный центр в Бургундии, также представляет собой квазифеодальную систему владения.

Основатели больших универсальных магазинов перевозили модель «хорошего хозяйства». Диорама на последнем этаже магазина «Самаритен» по сию пору* рассказывает историю его создания Эрнестом Коньяком и Луизой Жэй, в ней отражаются восторги от добропорядочности этой пары, по вечерам занимавшейся бухгалтерией при свете лампы. Овдовевшая мадам Бусико, не имевшая достойного потомства, стремилась сохранить семейное управление универсальным магазином «Бон Марше», и ее последователи культивировали идею лояльности, основу права на наследство, которая подкреплялась браками между представителями семей руководителей и крупных акционеров. Даже учреждения, целью которых было воспитание кадрового персонала путем внутреннего продвижения, подразумевают формирование «моральной семьи, за неимением биологической», достигая легитимности путем заключения союза труда и капитала. Все это сопровождалось строгим контролем за частной жизнью и «безжалостным закабалением».

Впрочем, речь не идет только о примитивной стадии. «Крупные частные предприятия, позже — общественные, гораздо меньше, чем можно было бы предположить, выходят из-под влияния семьи. <...> В среде воротил бизнеса семейные связи по-прежнему играют определяющую роль в карьере» (Л. Берже-рон); об этом же пишут Пьер Бурдьё и Моник де Сен-Мартен. На примере рода Коссе-Бриссак** они анализируют роль частных отношений в управлении современной публичной жизнью, внедрение родственных отношений в политику: колонизация государства горсткой семей! Таким образом, семейные дела могут представлять собой государственную тайну, и наоборот.

* Знаменитый универсальный магазин «Самаритен» в Париже закрылся в 2005 году, и в настоящее время здания, которые он занимал в первом округе Парижа, рядом с Новым мостом, реконструируются.

** Аристократический французский род.

Надо сказать также, что исключение из числа наследников по завещанию касается не только материальных благ. Наследство — это и символический капитал: отношения, репутация, положение, статус, «наследование обязанностей и добродетелей» (Сартр. Идиот в семье). Это лучшая протекция и самая большая несправедливость. Во время «Процесса Бовари» Флобер писал своему брату Ашилю 3 января 1857 года: «Надо бы довести до сведения Министерства внутренних дел, что мы здесь, в Руане, составляем то, что называется *семьей*; это означает, что у нас здесь глубокие корни; обвинения в аморальности в мой адрес больно ранят множество людей».

Семья, секс и кровь

Кроме вышеописанных реально выполняемых функций, у семьи есть и другая важнейшая миссия — воспроизводство многочисленного, здорового и плодovitого населения; во второй половине XIX века были сильны страхи вырождения нации, поэтому вопрос о здоровой сексуальности витал в воздухе.

Без сомнения, мысль о том, что наиболее благоприятные условия для «правильных» половых отношений возможны только в браке, что брак является залогом сексуального здоровья, уходит корнями во времена Античности. Мишель Фуко в работе «Забота о себе» (1984) показал, как в Древнем Риме в окружении императора Антонина и у стоиков возник идеал умеренной супружеской жизни. В XIX веке охотно ухватились за эту античную мораль. Возможно, это было пуританское влияние? В одном из часто переиздаваемых сочинений для народа Бенджамина Франклина под названием «Альманах

* Сразу после публикации романа в 1856 году «Мадам Бовари» Флобер и издатели журнала *La Revue de Paris*, в котором роман был напечатан, были привлечены к суду за оскорбление общественной нравственности.

бедного Ричарда» проповедуется умеренность. Врачи, эти новые священники, обожествляют брак, видя в нем, с одной стороны, регулятор затрат энергии, с другой — лекарство от опасного и разрушительного для населения секса в борделях.

Таким образом, именно поэтому во второй половине XIX века в «мифах о наследственности» (выражение Жана Бори), создаваемых как медиками, так и романистами (например, «Плодовитость» или «Доктор Паскаль» Эмиля Золя), сквозит боязнь великих «социальных бедствий» — туберкулеза, алкоголизма, сифилиса. Страх наследственных «пороков» и «испорченной» (сифилисом) крови заставляет семью быть бдительной. Целомудрие приветствуется даже у молодых людей, чьи проказы раньше считались залогом мужественности — лишь бы девушки сохраняли девственность.

Нуклеарная семья как храм обычного секса диктует нормы и клеймит позором секс на стороне. Супружеская постель — алтарь законных наслаждений. Она больше не окружена балдахином, но у спальни толстые стены, на двери надежный замок, и дети входят в эту комнату лишь в исключительных случаях. В то же время родители могут входить в спальню детей когда угодно. Церковь, прежде столь суровая, предписывает священникам во время исповеди не задавать лишних вопросов состоящим в браке людям, и прежде всего замужним женщинам. Мир тебе, супружеская постель! «Кристалл в диспозитиве сексуальности» (М. Фуко), семья также является гарантом рождения здорового потомства, «хорошей крови». Берегитесь, слабые звенья в цепи! Даже анархисты неомальгузианского толка, желавшие освободить бедняков и женщин, попавших в сексуальное рабство, от неконтролируемой рождаемости, впадают в соблазн евгеники, этой мечты о «чистоте» потомства, возникшей из неоднозначности социального дарвинизма.

Мы видим, что семья подвержена противоречивым влияниям. С одной стороны, роли, которые ей подчас навязывают,

укрепляют ее и заставляют хранить свои тайны. По мере нарастания тревоги *privacy* охраняется все более ревниво. Это наводит на мысль о матери семейства, тревожащейся за своего ребенка, которой Фрейд говорил: «Что бы вы ни сделали, это будет плохо».

С другой стороны, осознание роли семьи на демографической и социальной арене приводит власть — благотворительные организации, медиков, государство — к желанию окружить ее чрезмерной заботой, проникнуть в ее тайны и взять штурмом эту крепость. Речь здесь идет в первую очередь о бедных, самых обездоленных семьях, которые с точки зрения общественности не способны исполнять свои обязанности, в частности в плане воспитания детей. В начале XX века судебные органы, врачи и полицейские во имя «интересов ребенка» все больше вторгаются в частную жизнь.

Однако зачастую семьи, не чувствуя в себе сил и способности противостоять трудностям, сами обращаются за помощью к полиции, так что социальный контроль — не только внешнее давление, так называемая всеподнадзорность, но бесконечно более тонкая и сложная игра желаний и жалоб. В Жеводане в конце XIX века просьбы о вмешательстве правоохранительных органов все чаще поступают непосредственно от семей или от одного из членов семьи, подвергающегося нападкам со стороны родных.

Семья, «невидимая рука», «скрытый бог» социального функционирования, иногда тайно действующая в недрах политической демократии, находится на стыке непримиримых противоречий частного и публичного. Граница, которая разделяет эти две сферы, в зависимости от времени, места и среды проходит не всегда по одной и той же линии. Границу следовало бы провести, чтобы понять всю мощь конфликтов и страстей, которые раздирают семью.

А сейчас нам предстоит проникнуть в самую сокровенную суть семьи.

Разнообразие типов семьи и частной жизни

«Речь идет о семье», — как настоящий якобинец, говорил Мишле*. Сознвая, что слово «семья» в единственном числе неточно отражает ситуацию, мы тем не менее не сможем избежать его употребления. С одной стороны, сонная городская буржуазия, с другой — блистательный Париж, в результате чего в литературных источниках не найти однозначного определения национальной идентичности.

Безусловно, следовало бы употреблять слово «семья» во множественном числе — так велико их разнообразие в зависимости от того, городская это семья или сельская. У них разные представления о частной жизни, разная степень религиозности, разные политические взгляды, наконец. Действительно, в чем разница в частной жизни католиков, протестантов, иудеев, агностиков? Есть ли какая-то специфика, если отец семейства кальвинист или мать иудейка? Каким образом свободомыслие повлияло на сексуальные отношения или на видение человеческого тела? Существует ли эффективная социалистическая мораль? По-другому ли любят анархисты? В период между двумя мировыми войнами анархистская газета *L'En-dehors*, которую в 1922–1939 годах издавал Э. Арман (литературный псевдоним Эрнеста Жюэна), сделала свободный союз камнем преткновения индивидуальной свободы и описывала опыт адептов этого явления. История Виктора Куассака и его колонии «Гармония» показывает, насколько сильным было сопротивление. До претворения слов в дело было еще далеко.

Вспоминая кончину матери, свои чувства в тот момент и то, как они проявлялись, Стендаль противопоставляет

* Жюль Мишле (1798–1874) — знаменитый французский историк и публицист.

«сердца Дофине»* «сердцам Парижа». «В Дофине можно встретить свою особую манеру чувствовать — остро, упорно, сознательно, которой я не встречал ни в каких других краях. Для внимательного наблюдателя музыка, пейзажи, романы должны меняться с каждым тремя градусами географической широты»**.

То, что Стендаль, столь чувствительный к региональным различиям, объясняет климатом, Эрве Ле Бра и Эмманюэль Тодд в своем антрополого-политическом атласе «Изобретено во Франции», вышедшем сравнительно недавно, в 1981 году, скорее, относят к чрезвычайному разнообразию семейных структур, вследствие которого «с антропологической точки зрения Франция не должна была бы существовать». Критикуя универалистский подход к изучению истории ментальности с его вниманием к географическим различиям, авторы указывают прежде всего на разнообразие семейных укладов в разных регионах. Если смотреть с этой точки зрения, то можно обнаружить, что «разница между Нормандией и Лимузенем такая же, как и между Англией и Россией». Они уточняют классификацию Ле Пле, выделяя три больших типа семей и указывая на районы их преобладания: 1) нуклеарные семьи, в которых брачный возраст и количество холостяков и незамужних женщин нестабильны более, чем где-либо: Нормандия, внутренние районы западной части Франции, Шампань, Лотарингия, Орлеане, Бургундия, Франш-Конте; 2) семьи со сложной структурой и неконтролируемым возрастом вступления в брак: Юго-Запад, Прованс, Север; 3) семьи со сложной структурой и строго контролируемым возрастом вступления в брак: Бретань, Страна басков, юг Центрального массива, Савойя, Эльзас.

* Дофине — историческая область на юго-востоке Франции, главный город — Гренобль.

** Стендаль. Жизнь Анри Брюлара. Пер. Б. Г. Реизова.

В каждом из этих типов семей существуют властные системы, подчиняющиеся своей собственной семейной логике и влияющие как на взаимоотношения отцов и детей, так и на возраст вступления в брак и супружескую жизнь. «В каждом из этих семейных типов господствуют свои собственные семейные чувства. <...> В каждой семейной структуре — свои трудности и подводные камни». Количество внебрачных детей, число самоубийств, формы насилия, даже политические взгляды — все это находится под влиянием данного важнейшего параметра. Не углубляясь в дальнейшие подробности, мы с удовольствием заполним лакуны в нашем анализе региональной ситуации, в большей мере, чем в социальной.

Нам не хватает фактов, несмотря на исследования французской этнологической школы и особенно очень важные для нас материалы, представленные Элизабет Кавери и Пьером Ламезоном. В их работе, базирующейся на детальном разборе документов из судебных архивов, в первую очередь рассматриваются конфликты. Однако это — разумное противоядие к излишне доверчивому отношению к безмятежности, якобы царящей в традиционных семьях. Культурологические или структурные исследования, пытающиеся обнаружить инвариант, весьма косны, консервативны, в то время как общество XIX века, даже в отдаленных сельских районах, постоянно меняется и вместе с ним меняются границы частного и публичного, образ жизни, чувств, любви и смерти.

Разумеется, унифицирующие факторы очень могущественны: это право, различные государственные учреждения, язык, школа, этот пресс, уничтожающий всякие различия, средства массовой информации, предметы потребления, с которыми передается «парижская мода», притягательная сила столицы, обожаемой и пугающей одновременно, постоянное перемещение людей и вещей. Все это делает частную жизнь более единообразной.

Однако сопротивление этому процессу оказалось на удивление сильно. С точки зрения Юджина Вебера*, лишь II Мировая война положила конец «местному колориту». Что же касается рабочего класса, то он един лишь в перепуганном сознании буржуазии, позднее — в воинствующем сознании.

Секреты семей и тайны отдельных индивидов видоизменяются, но никуда не исчезают. Вот что нам следовало бы понять и что мы можем увидеть лишь мельком.

8

* Юджин Вебер (1925–2007) — американский историк, специалист в области истории Франции XIX–XX веков.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Мишель Перро

Фигура отца

В истории частной жизни XIX века доминирует фигура отца, рулевого семейного корабля, как и гражданского общества в целом. Право, философия, политика — во всех этих областях мы видим стремление установить и оправдать его авторитет. Все, от теоретика государственности Гегеля до анархиста Прудона, поддерживают его власть. Благодаря отцу человек является законнорожденным, у него есть фамилия; согласно Канту, только появление на свет в браке является настоящим рождением человека. Лишенные короля, традиционалисты желают возродить роль отца. Однако в этом вопросе им не уступают ни революционеры, ни республиканцы — как пишет Франсуаза Майёр* о Жюле Ферри**, лишь отцу семейства отдали они свои голоса на выборах. «Необходимость передать безраздельную власть семье, чтобы она перестала быть столь важной для государства, — это политическая аксиома. В этом отношении наша республиканская ассамблея ошибается, принижая роль

* Франсуаза Майёр (1933–2006) — французский историк, специалист в области образования в XIX веке и женского движения.

** Жюль Ферри (1832–1893) — французский политик, министр просвещения, министр иностранных дел в 1879–1885 годах, премьер-министр в 1880–1881 годах.

мужа и отца», — писал Жюль Симон, сожалея о принятых законах. Республиканцы принимают бредовые решения под недремлющим оком Марианны, и женщины оказываются повсеместно — у ног великих людей или, наоборот, получают от них награды. Но это надуманное страстное прославление «Музы и Мадонны» — всего лишь способ укрепить разделение публичного и частного.

Кодекс прав человека

«Разница, существующая в самой сути супругов, предполагает и разницу в их правах и присущих им обязанностях», — пишет Порталис*. От имени природы Гражданский кодекс устанавливает абсолютное главенство мужа в супружестве и отца в семье и недееспособность жены и матери. Замужняя женщина теряет всякую ответственность; у незамужней женщины или вдовы ее гораздо больше. Эта недееспособность, закрепленная в статье 213 («Муж должен защищать жену, а жена — слушаться мужа»), касается практически всего. Женщина не может выступать в роли опекуна или иметь право голоса на семейном совете: в случае такой необходимости обращаются к дальним родственникам мужского пола. Она не может быть свидетелем каких-либо нотариальных актов. Если женщина покидает дом супруга, она может быть насильственно водворена обратно и принуждена «выполнять свои обязанности и наслаждаться правами во всей их полноте». Неверная жена может быть приговорена к смертной казни, так как в результате ее измены может появиться на свет внебрачное потомство, а это — посягательство на святая святых семьи. В Жеводане более или менее терпимо относились к возможным интрижкам, но резко отрицательно к беременности как к их следствию, и женщине,

* Жан Этьен Мари Порталис (1746–1807) — французский юрист и философ. Участвовал в разработке Гражданского кодекса (Кодекса Наполеона).

допустившей незаконную беременность, никакой пощады не было. Неверный муж не рисковал ничем и пользовался полной свободой в этом вопросе, потому что претензии на установление отцовства были запрещены Гражданским кодексом, но обывательская мораль требовала, чтобы виновный в беременности девицы женился на ней.

Женщина не может распоряжаться своим имуществом, и такой жизненный уклад неизменно расширялся. Как и несовершеннолетний ребенок, она не получает на руки собственную зарплату, и так было вплоть до 1907 года, когда соответствующий закон отменил это нелепое положение. На виноградниках в департаменте Од в конце XIX века зарплата супружеской пары выдавалась мужу. Единственным документом, который защищал имущественные интересы женщины, были постепенно теряющие силу правила пользования приданым или все реже встречавшееся раздельное проживание супругов — в этом случае предполагался брачный контракт, заключение которого практиковалось в богатых семьях. Вероятно, эффективный в отношении богатых семей, кодекс оставлял совершенно ни с чем женщин бедных. Надо сказать, что существовала и точка зрения, считавшая закон недостаточно суровым. Александр Дюма-сын, например, полагал, что обманутый муж имеет полное право самостоятельно вершить правосудие. По мнению Прудона, в шести случаях, к которым относятся, в частности, распутство, пьянство, воровство, расточительство, «муж может убить жену в силу своей власти над ней» («Порнократия, или Современность», 1875).

Это всевластие распространяется и на детей. Любовь к детям не оказывает влияния на авторитет семьи и на отцовскую власть. Французская революция провела лишь незначительные реформы, касавшиеся ограничения родительской власти в отношении совершеннолетних детей, отмены практики лишения наследства, ограничения наказаний и т. п.; проект Робеспьера — забирать семи-восьмилетних детей из семей

и воспитывать их в детских учреждениях в духе уважения к новым идеям — никогда не обсуждался.

Несмотря на то что, по мнению Ле Пле, революция уничтожила отца, отобрав у него право составлять завещание, Гражданский кодекс поддерживает многие из старых понятий. Ребенок, даже совершеннолетний, должен испытывать «священное уважение к тем, кто произвел его на свет», и если «природа и закон ослабляют путы родительской власти, то разум велит крепче затянуть узлы». Родительское благословение на вступление в брак обязательно для лиц моложе двадцатипятилетнего возраста вплоть до 1896 года.

Как и раньше, во времена писем с печатью, отец может потребовать ареста своих детей «в воспитательных целях» при поддержке семейной полиции, действующей от имени семьи. В статьях с 375 по 382 Гражданского кодекса (кн. I, раздел IX) оговариваются условия этого. «Отец, у которого [имеются] веские основания быть недовольным поведением своего ребенка», может обратиться в окружной суд; если возраст этого ребенка не превышает шестнадцати лет, задержать его можно не больше чем на месяц, с шестнадцати лет до совершеннолетия — на шесть месяцев. Формальности, как и гарантии, сведены к минимуму: никаких писем, никаких юридических формальностей, если речь не идет об ордере на арест, в котором мотивы ареста не сформулированы. Если после выхода из тюрьмы ребенок «не прекратит безобразия», он снова может быть арестован. Чтобы бедные семьи имели доступ к подобной практике, сначала в 1841 году, затем в 1885-м государство взяло на себя расходы на питание и содержание арестантов. Юный нарушитель, «совершавший безрассудные поступки», попадает под арест «в воспитательных целях», и если его семья — прежде всего отец — не затребует его возвращения, может оставаться в исправительном доме вплоть до совершеннолетия.

По закону от 1838 года душевнобольные, выжившие из ума и слабоумные, лишены гражданских прав, по требованию

семьи могут быть помещены в закрытые учреждения. Право мужа распоряжаться судьбой жены наглядно иллюстрирует история, рассказанная Клеманс де Серийе, сестру которой по имени Эмилия муж с легкостью отправил в интернат, и семье несчастной женщины стоило большого труда освободить ее оттуда. Объявление женщин сумасшедшими с последующим помещением их под замок в XIX веке стало обычной практикой: в 1845–1849 годах таких случаев было 9930, а за один лишь 1871 год — около 20 000 (данные Янник Рипа^{*}). В 80% случаев при этих обстоятельствах заявителями были мужчины (мужья, отцы, хозяева-работодатели). Надо сказать, что в целом женщины обращались с заявлениями об аресте чаще, чем мужчины. Мы вернемся к этому позже.

Полномочия

Полномочия отца двойки. Он господствует в публичном пространстве. Только мужчина имеет политические права. В XIX веке политика стала исключительно мужской сферой, и Гизо^{**} предписывал даже прекратить какие-либо разговоры о ней в дамских светских салонах. Гамбетта однажды обратился к графине Арконати-Висконти^{***}, в салоне которой в конце XIX века собирались республиканцы, с просьбой не принимать у себя дам, потому что у нее велись серьезные разговоры; графиня выполнила эту просьбу.

* Янник Рипа (р. 1954) — французский историк, преподавательница Университета Париж VIII, журналистка.

** Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) — французский историк и политик, премьер-министр Франции (1847–1848).

*** Мария Луиза Жанна Арконати-Висконти (1840–1923) — коллекционер предметов искусства и меценат, хозяйка салона, в котором по четвергам бывали Жар Жорес, Жорж Клемансо, Леон Блюм. Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) — французский политик, участник революции 1870 года, в 1881–1882 годах — премьер-министр Франции.

Полномочия отца распространялись и на домашнюю жизнь. Ошибочно было бы полагать, что эта сфера целиком и полностью принадлежит женщине, хотя ее роль в семье и возросла. Во-первых, отец распоряжается деньгами. В буржуазной среде глава семьи выдает супруге деньги на хозяйство, часто эта сумма оказывается вполне достаточной. Бедняжка Каролина Брам-Орвиль не могла понять, почему муж, разъехавшись с ней в 1871 году, был крайне недоволен счетами от портнихи — это были единственные траты, которые супруга позволяла себе, потому что «хотела хорошо одеваться», но это был его долг. Даже щедрый отец и муж контролировали расходы. Виктор Гюго, например, желая удержать на острове Гернси свою семью, желавшую уехать оттуда, не давал им денег на отъезд, что крайне удручало его жену и дочь Адель, которые полностью от него зависели. Гюго огорчался, что был для семьи лишь «кассиром» (Анри Гиймен. Поглощенная. 1985). Но как могло быть по-другому? В сельских районах была схожая ситуация. Лишь в городской рабочей среде частично удавалось выйти из-под финансового подчинения отцу; жены — хозяйки магазинчиков или просто домохозяйки — отвоевали себе роль семейного «министра финансов», к чему так стремились.

Все важные решения принимаются отцом. Представляется, что в экономическом плане его полномочия даже расширились. Так, представительницы буржуазных кругов севера Франции, в первой половине XIX века принимавшие активное участие в управлении делами предприятия, занимавшиеся бухгалтерией или, как Мелани Полле (потомки которой основали фирму La Redoute), стоявшие во главе фирмы — во второй половине века вернулись в свои дома, отныне удаленные от производства.

То же самое касается и образования (в особенности для сыновей) и выбора жениха или невесты для отпрысков. Мать Мартена Надо, например, считала, что будет гораздо полезнее, если сын бросит учебу и поскорее начнет работать в поле. Однако отец в тот момент рассудил иначе и повел себя как

человек просвещенный. Множество браков заключается по решению отцов, тогда как матери, движимые эмоциями, занимают сторону плачущих дочерей, как в комедиях Мольера. Например, в болезненном конфликте между Виктором Гюго и его дочерью Аделью мадам Гюго была на стороне дочери.

Во многих случаях решение отца опирается на доводы науки и разума. Набожным и темным женщинам, слишком чувствительным, раздираемым страстями, истеричным, должен противостоять разумный отец — самец. Именно поэтому Кант, Конт и Прудон настаивают на главенстве отца в семье: домашняя сфера слишком важна, чтобы оставлять его слабым женщинам.

Муж имел право контролировать и то, кто приходит к его жене, где она бывает, что и кому она пишет в письмах. В конце XIX века развернулась целая дискуссия на эту тему, что говорит, с одной стороны, об отдельных проявлениях феминизма, которому симпатизировали некоторые мужчины, с другой стороны, о желании обуздать его, так как никаких мер по защите права женщин на тайну переписки принято не было, наоборот, большинство представителей власти высказались против. Газета *Le Temps* в марте 1887 года, заинтересовавшись мнениями читателей по этому вопросу, получила огромное количество писем и опубликовала некоторые из них. Александр Дюма-сын, например, был целиком и полностью на стороне мужей. Он полагал, что «муж, у которого есть сомнения в верности жены и который при этом не решается вскрывать ее письма, чтобы узнать, как на самом деле обстоят дела, дурак». Священники опирались на доктрину церкви: «Муж — хозяин в доме». Прессансе*, со своей стороны, выказывал гораздо более умеренные взгляды, противопоставляя право и нравы, а Жюльетта Адан** и мадам

* Эдмон Прессансе (1824–1891) — французский протестантский богослов и общественный деятель.

** Жюльетта Адан (1836–1936) — французская писательница, хозяйка салона, где собирались республиканцы.

де Пейребрюн* занимали либеральную позицию с некоторыми нюансами. Для первой (Жюльетты Адан) повседневная жизнь опровергает кодекс: женщина «добивается свободы в обход законов», переписывается «с матерью, сестрами, дочерьми, подругами». Вторая же обращала внимание на логичность позиции юристов, «на следствия законов, ущемляющих моральную свободу замужних женщин». Таким образом, надо было менять законы. В 1897 году заместитель генерального прокурора апелляционного суда Тулузы, выступая на торжественной конференции, приводил аргументы одних и других и сделал вывод о легитимности главенства мужей и подчиненности жен, в большинстве случаев радующихся своему зависимому положению! Однако вопрос о тайне переписки продолжал обсуждаться в юридической среде: решено было, что личные письма не могут попадать в руки третьих лиц, а в случае смерти адресата отправитель получал право на возврат писем; но вопрос о том, является ли муж «третьим лицом», оставался открытым.

Родительский дом

Глава семьи, так часто бывающий вне дома, остается в нем хозяином. У него есть свои собственные помещения: курительная и бильярдная, куда мужчины отправляются побеседовать после светских обедов; библиотека — потому что книги, как и библиофильство, остаются мужским делом; кабинет, куда дети входят лишь для получения нагоняя. Как писали братья Гонкуры, Сент-Бёв чувствовал себя самым собой лишь в своей «пещере» на втором этаже, вдали от шумных женских помещений внизу. Даже у работающей женщины нет своего кабинета — атрибута публичной жизни в частном доме. Элен Сарразен пишет о том, что Полина Реклю-Кергомар, инспектор

* Матильда Мария Жоржина Элизабет де Пейребрюн (Жорж Пейребрюн) (1841–1917) — французская романистка, редактор женских журналов.

детских садов, раскладывает свои бумаги в столовой под крики сына, в то время как ее муж Жюль дремлет в своем пустом кабинете («Элизе Реклю, или Страсть к миру», 1985).

В салонах роль и место каждого строго определены, по крайней мере на это указывает Кант. Образцовым в этом отношении является гостиная Виктора Гюго: стоящие мужчины в центре комнаты и сидящие вокруг женщины. Убранство дома, как ни странно может это показаться, тоже мужское дело. Перед свадьбой интерьер дома, где будут жить молодые, оформляют будущий зять и будущая теща, руководствуясь книгами по домоводству. Жюль Ферри «заваливает брата письмами с описанием, как должна выглядеть квартира», куда он собирается привести после свадьбы Эжени Рислер, «и указывает, какими должны быть мебель, занавески, ковры» (Pisani-Ferry F. Jules Ferry, *l'homme intime*). В то же время, как настоящий Пигмалион, он учит жену одеваться, причесываться, то есть выгодно подавать свою внешность. Имея привычку руководить публичной жизнью, мужчины и дома не забывают о ней. Богатые люди занимаются коллекционированием и наполняют жилища своими приобретениями — и фантазиями. Семья стусевывается перед натиском мужчины-творца.

Виктор Гюго всю жизнь хотел иметь светский дом. Оказавшись в ссылке, он смог осуществить свою мечту. Он купил Отвиль-Хаус на острове Гернси, перестроил его и отделал на свой вкус, не принимая во внимание мнение жены. «Мне не нравится, что мы собственники», — писала она сестре. Адель чувствовала, что это укоренение закрепостит ее, так любившую путешествия и жизнь в городах, а дети будут лишены нормального общения со сверстниками, столь необходимого в юности. «Я понимаю, что твоя слава, твоя миссия — вся твоя фигура — позволяют тебе поселиться на скале, где ты чувствуешь себя самодостаточным, но я понимаю также, что при этом семья приносится в жертву не только твоей чести, но и твоей личности, — писала она мужу в 1857 году. — Я люблю

тебя, принадлежу и подчиняюсь тебе, но я не могу быть твоей рабыней. Бывают обстоятельства, в которых личная свобода необходима». Отец, патриарх царствует в своем доме.

Гюго, этот «нежный тиран», как называл его сын, — одна из самых грандиозных фигур отца в XIX веке. В нем сочетались доведенные до абсолюта проявления щедрости и деспотизма, преданности и властности, со всеми этими смешными мелочами буржуазного папаши, волнующегося о том, что подумают люди; эгоизм жестокого отца, который согласен сдать в сумасшедший дом свою душевнобольную дочь — лишь бы не позорить «имя» признанием болезни и присутствием девушки в доме. «Несчастье может случиться всегда», — писал он по поводу дочери, и Анри Гиймен отмечает, что Гюго этого как будто желал. Прославленный, но опозоренный отец может прийти до убийства. Вот почему, чтобы выжить, надо его убить.

Отцы-победители, триумфаторы — характерная черта XIX века. Большая часть предпринимателей превратила свои дома в мастерские, а жен, дочерей или сестер — в секретарш: так Прудон, Элизе Реклю*, Ренан или Маркс, еще один портрет во весь рост в нашей галерее, частная жизнь которого известна нам по его переписке с дочерьми. Обожаемый и внимательный отец, но деспот и придира, когда дело касается выбора профессии или супруга. Элеонору, которую принудили отказаться от артистической карьеры и от любимого человека, Лиссагаре**, в конечном счете предал тот, которого ей в мужья выбрал отец, — Эвелинг***. Элеонора, прикованная к больному, не понимавшему ее отцу, была одной из целой армии дочерей, принесенных в жертву славе и прихотям отца. Нередко эти отцы открывали перед

* Жак Элизе Реклю (1830–1905) — французский историк, географ и путешественник, анархист, автор многотомного труда «Земля и люди».

** Проспер Оливье Лиссагаре (1838–1901) — французский журналист, республиканец, историк Парижской коммуны.

*** Эдуард Эвелинг (1851–1898) — английский политический деятель, социалист, муж младшей дочери Карла Маркса Элеоноры.

дочерьми все двери мира, потому что власть отца — это превосходная степень власти мужчины, самца, распространявшаяся на всех, в особенности на слабых, нуждавшихся в покровительстве.

Такой отец не обязательно был католиком — он мог быть и протестантом, и иудеем, и атеистом. Он не обязательно был и буржуа — это глубоко народный тип. Прудон возвел его в ранг добродетели. Он страстно желал стать отцом. Очень рано он стал задумываться о том, чтобы завести ребенка, «соблазнив за деньги девушку». В возрасте сорока одного года он женился на двадцатисемилетней работнице, «простой, миловидной и наивной», преданной работе и долгу, «самом покорном и нежном создании», с которой он познакомился на улице и которой сделал предложение в письме. Он пошел на этот шаг, чтобы вступить в наследство после смерти матери: «Если бы она была жива, я бы не женился». «Любви не было, но были фантазии о браке и об отцовстве. <...> В результате моя жена родила и выкормила сама трех светловолосых и румяных девочек, которые заполнили всю мою душу». «Отцовство заполнило пустоту внутри меня, — также писал он. — Оно как раздвоение личности, как имморальность».

Для пролетариев отцовство было одновременно элементарной формой выживания, достояния и чести; рабочий класс воспринял отцовство-мужественность — это классическое видение мужского достоинства, пришедшее из глубины веков, из общинной сельской жизни, — и создал на его основе свою идентичность.

Смерть отца

Смерть отца — наиболее грандиозное, напряженное и значительное событие частной жизни. О нем говорят, о нем помнят. «Последняя воля» больше не объявляется у постели умирающего — теперь она регулируется законом. Тем не менее постель умирающего остается местом прощания, передачи полномочий, около нее собирается вся родня, люди прощают друг друга

и мирятся или, наоборот, на почве несправедливого завещания между родственниками может начаться новая вражда.

Давно овдовевшая мать умирает тихо, как правило, в одиночестве, дети ее вылетели из гнезда, и она лишь изредка берет в руки ключ от кладовой или занимается делами. Иногда ее к себе в семью с неохотой берет младший сын. У постели отца, наоборот, как в басне, «собираются все дети». Каролина Брам из Лилля присутствовала при кончине старика Луи Брама, своего деда, основателя династии. Его враждующие сыновья были рядом. «Дедушка расцеловал нас всех, потом позвал моего отца и дядю Жюля и передал им книги, дела и порекомендовал им своих слуг. Выражение его лица было каким-то неземным», — писала она в дневнике. Отец Прудона, бедный бондарь, умер, как принц, в конце обеда, на который собрал всех своих родственников и друзей, чтобы попрощаться с ними: «Я хотел умереть в окружении вас. Ну же, пусть подадут кофе».

Смерть отца — это великий перелом в жизни семьи, событие, которое прекращает ее существование, но которое дает начало новым семьям и освобождает индивидов. Как следствие — нетерпеливое ожидание этой смерти и строгий закон в отношении отцеубийства. Эти кощунственные преступления, впрочем, весьма редки; чаще всего они приводят на эшафот и надолго оставляют на семье пятно позора.

Существует много способов избавиться от отца, в том числе — невроз наследников. Сартр считал болезнь Флобера «отцеубийством» («Идиот в семье», т. II). Ашиль Клеофас Флобер распоряжается жизнью сына и решает, что он будет заниматься юриспруденцией: «Гюстав станет нотариусом. Он им станет, потому что он уже им является, у него такое предназначение, и это предназначение — воля Ашиля Клеофаса». «Причина невроза Флобера крылась в его отце, этом супер-эго, поселившемся в нем и доведшем его до бессильного отрицания всего». Смерть отца освободила Флобера от невыносимой тяжести, которая давила на него. Назавтра после похорон он

сообщил всем, что выздоровел. «Это было как прижечь бородавку. <...> Наконец-то! Наконец-то я буду работать».

Смерть отца — один из важнейших сюжетных ходов в романах с продолжением, которые в первой половине XIX века часто описывают жизнь какой-нибудь семьи. Как говорит Лиз Кеффелек*, только после смерти отца сын достигает зрелости и может обладать женщиной.

Тем не менее власть отца ограничивается принятыми законами и нарастающим сопротивлением этой власти в обществе. История частной жизни в XIX веке можно рассматривать как полную драматизма борьбу между Отцом и Другими.

Отмена права составлять завещание по своему усмотрению — убийство отца, согласно Ле Пле, — влечет за собой раздел состояния и разрушает власть главы семьи. В местностях, где семьи большие, этот акт встречен враждебно, в других регионах, например в Центре страны, он приветствуется и считается освободительным. В 1907 году Эмиль Гийомен объявляет устаревшие порядки патриархальных семей «эксплуатацией детей отцом» и призывает отменить их навсегда. Даже в Окситании, где традиционная культура ревностно сохранялась, напряжение в течение века постоянно растет.

В XIX веке постепенно, очень медленно, сокращались прерогативы отца, с одной стороны, под натиском конкурентоспособных женщин и детей, с другой — в связи со все усиливающимся вмешательством государства, в особенности это касалось бедных семей, главы которых обвинялись в неподобающем отношении к домочадцам. Законы от 1889 года (о лишении родительских прав) или от 1898 года (против плохого обращения с детьми) повлекли за собой усиление контроля за соблюдением интересов ребенка. Закон от 1912 года после целой серии попыток начиная с 1878 года признал наконец законным

* Лиз Кеффелек (р. 1954) — профессор французской литературы в Университете Гренобля.

право преследования отца не только в случае похищения и насилия, но и при «умышленном соблазнении» (при наличии письменных доказательств). Сторонники закона — благотворительные организации, законодатели, священнослужители — защищают одинокую мать и брошенного ребенка.

Все более признаваемая дееспособность жен, право на развод (1884), на который все чаще подают именно женщины, как и на раздельное проживание, — все это свидетельствует о том, что отец, патриарх, сдает свои позиции. Можно проверить все до юридических мелочей: например, вопрос о праве посещения бабушки и дедушки со стороны матери детьми разведенных родителей, чьи дети остались с отцом. До Второй империи отец не имел никаких обязательств в этом отношении; в 1867 году было законодательно закреплено «в интересах ребенка» выполнять подобные просьбы предков по материнской линии.

Надо сказать, что закон медленно и робко, с опозданием, утверждает тихое, но постоянное требование, зреющее в лоне семьи, которое несет перемены. Демократичная семья, какую Токвиль наблюдал в США в начале века, не есть результат прогресса, но результат компромисса, который сам по себе является творцом новых желаний.

Брак и семейная жизнь

Существует множество этнологических и демографических исследований такого явления, как брак, поэтому нам необязательно останавливаться на этом вопросе надолго. Анна Мартен-Фюжье описывает брачные ритуалы; Ален Корбен показывает медленную эволюцию чувств, эмоциональных и сексуальных потребностей; эта эволюция меняет современную пару, подчас вступая в конфликт с семейными стратегиями.

Мы напомним лишь некоторые важнейшие моменты. В первых, существование хотя бы одной гетеросексуальной пары

автоматически означает отсутствие хотя бы одного гомосексуала и одного холостяка, этих изгоев общества. XIX век характеризуют полярные взгляды на брак, который пытается взять на себя все функции, не только функцию союза, но и секс. «Семья — это пункт обмена между сексуальностью и супружеством: она переносит закон и измерение юридического в диспозитив сексуальности, и она же переносит экономику удовольствия и интенсивность ощущений в распорядок супружества» (М. Фуко)*. Эта трансформация идет с разной скоростью. Буржуазия выступает здесь мотором: осознание своего тела — одна из форм самопознания. С другой стороны, отнюдь не всегда человек испытывает сексуальное влечение к своему партнеру по браку. В основе множества семейных драм — именно этот конфликт. Чем сильнее брачные стратегии пытаются скрепить узы брака, тем быстрее уходит или умирает сексуальное желание. Чем сильнее дух индивидуализма, тем яростнее он восстает против браков по сговору и расчету. Здесь кроется причина романтической драмы или преступления на почве страсти.

Вышесказанное можно проиллюстрировать двумя примерами. Во-первых, достаточно высокий и относительно стабильный уровень заключенных браков (около 16%, с небольшим снижением в эпоху Второй империи и особенно в период 1875–1900 годов). Это снижение вызвало тревогу демографов, ранее недовольных падением уровня рождаемости. Как результат — популяционистские морализаторские кампании и резкая критика не желавших вступать в брак. В то же время уровень холостяков и незамужних женщин во второй половине XIX века был весьма низок и составил соответственно 10 и 12%.

Во-вторых, снижение возраста вступления в брак. Поздний брак, брак как предприятие, был также средством предупреждения нежелательной беременности в традиционных обществах. По словам Прудона, его предки женились «как можно

* Из книги «Воля к истине». Пер. С. Табачниковой.

позже»; враждебный к зову плоти, он также находил это предпочтительным. Однако в XIX веке в буржуазной среде стала популярной идея контрацепции (хотя способы контрацепции только начинали разрабатываться), что способствовало снижению возраста вступления в брак.

Мелкие земельные собственники, рабочие и даже представители буржуазии стремятся вступить в брак как можно раньше. По словам Тэна, «в цивилизованном обществе главными потребностями человека являются профессия и партнер по браку». Это также средство ускользнуть из-под родительского гнета и жить независимо. Надо упомянуть и стремление найти более молодого и желанного партнера, в особенности это касалось женщин, которые отныне отказывались выходить замуж за стариков. Дюпен де Франкёй, автор высказывания «Старость придумала Революция», был старше своей жены на сорок лет, и такая разница в возрасте очень удивляла их внучку Жорж Санд. Кроткая Каролина Брам восстает против подобной практики: вот что она записала в дневнике 25 ноября 1864 года после свадьбы молоденькой девушки, вышедшей замуж «за друга своего отца, который был вдвое ее старше»: «Мне бы это совсем не понравилось». Она влюблена в своего ровесника, девятнадцатилетнего мальчика, которого, впрочем, ее семья отвергла.

На самом деле средние показатели не много значат в сферах, тесным образом связанных с семейными структурами. Данные Э. Ле Бра и Э. Тодда весьма красноречивы. «Снижение брачного возраста демонстрирует, как общество контролировало взрослую молодежь. <...> Более поздний возраст вступления в брак — признак авторитарного типа семьи. Это приводит к появлению огромного количества холостяков, которые живут, иногда всю жизнь, в семьях своих женатых братьев или замужних сестер, оставаясь „старыми детьми“, вечными дядями». В 1830-м и, в меньшей степени, в 1901 году особенно поздно выходят замуж в Бретани, в южной части Центрального массива, в Стране басков, в Савойе и Эльзасе. Живучесть

этой мальтузианской практики можно объяснить и тем, что в католических странах церковь рекомендует позднее вступление в брак как лучший способ контроля за рождаемостью.

Брак с себе подобным

Выбор брачного партнера — важное семейное дело. Гомогамия, даже эндогамия наблюдается во всех социальных слоях и местностях; это объясняется в том числе и формами общения: женятся на тех, кого знают, с кем встречаются. Однако не стоит забывать, что порядок социального воспроизводства (в смысле, который вкладывал в это слово П. Бурдьё) иногда нарушается поступками людей, идущих против течения.

В XIX веке эндогамных браков, единственно возможных в сельской местности при Старом порядке, становится меньше в связи с миграцией населения. Тем не менее семейные правила распространяются даже на тех, кто переезжает с места на место. Жизнь в первой половине века подчиняется сезонному ритму — овернцы или лимузенцы приезжают в Париж на временные работы; можно сказать, что они ведут двойную сексуальную жизнь: в городе в борделях и у себя на родине — в законном браке. Так было у Мартена Надо*, брак которого был одновременно заключен по любви и по расчету: воля родителей была полностью соблюдена.

Безусловно, либерализация в этом вопросе затронула прежде всего мужчин, ведущих более мобильный образ жизни. Мартина Сегален изучила опыт Вревиля (департамент Эр в Нормандии).

С последней трети XVIII века в городах начинается движение населения. Как показывают многочисленные демографические исследования, проведенные в разных городах (Кан (Caen, Нормандия), Бордо, Лион, Мелан (Meulan), Париж и пр.),

* Мартен Надо (1815–1894) — французский политик, историк, участник революции 1870 года, начинал карьеру каменщиком.

доля приезжих супругов постоянно растет. В городах отдельные кварталы заселяются выходцами из одних и тех же мест, складываются землячества. В Бельвиле в XIX веке, как пишет Ж. Жакме, будущие супруги, по существу, являются соседями, они встречаются на очень ограниченной территории. Молодые люди знакомы друг с другом с детства, их жизни переплетены; взгляды, слова и намеки взрывают правила приличия.

Гомогамия распространена повсюду. В буржуазной среде заключение брачных союзов обусловлено интересами семей и фирм, поэтому, например, в клане текстильных промышленников-протестантов из Руана мы видим переплетение имен кузин и кузенов, вступающих в брак между собой. В Жеводане выбор жениха или невесты для отпрыска делался на основе жестких принципов поддержания равновесия семьи (*oustal*) и сохранения имущества и приданого женщин. Главный наследник женился на «младшей сестре» (то есть бесприданнице); ее сестра, получившая приданое, выходила замуж за того, чье наследство было незначительным.

В рабочей среде наблюдается то же явление. Дети из семей стекольщиков, тесемочников или металлургов из Лиона женятся между собой и в присутствии свидетелей — представителей той же профессии (см. Ив Лекен, Э. Аккампо). Работа и частная жизнь наслаиваются друг на друга, как черепица. В этой «технической эндогамии» одновременно задействованы профессиональная деятельность, семья и территория: такое наблюдается в Сен-Шамоне в среде тесемочников, в Живоре — у стекольщиков, а в Круа-Рус или в парижском предместье Сент-Антуан в среде столяров-краснодеревщиков профессия в обязательном порядке передается от отца к сыну.

В этих маломобильных средах очень старательно соблюдают иерархию. Рассмотрим пример Марии, девятнадцатилетней перчаточницы из Сен-Жюньена (департамент Верхняя Вьенна). Напротив дома ее семьи живет кузен, высококвалифицированный перчаточник. «Никакого романа не намечается, — пишет

автор монографии об этой семье. — Мария занимает гораздо более низкое положение в профессиональной иерархии, чем ее кузен, и о браке между ними думать не приходится».

На индивидуальном уровне идет скрытый поиск приданого. Серьезные служанки и работницы в большой цене: воспользовавшись их сбережениями, мужа-рабочие могут расплатиться с долгами или попытаться открыть собственное дело; так поступил, например, Норбер Трюкен из Лиона. В простонародной среде женщины нередко играли роль сберегательной кассы.

Когда брак невозможен

В 1828 году газета *Le Journal des débats* описала одно преступление на почве страсти. За девятнадцатилетней девушкой-портнихой ухаживал двадцатилетний коллега по ателье. Однажды он, «держая ее под руку», проводил девушку домой и сделал ей предложение. На семейном совете было решено, что молодой человек не имеет ни денег, ни особых талантов; отец посчитал, что он «плохо выглядит» и что «по нему не скажешь, что он может стать портным». «Мне казалось, что я его люблю, — скажет потом девица, — но поскольку родители были против, я ему отказала». Получив отказ, неудачливый жених совершил убийство. Желание разбилось о гранит сопротивления группы. О печальных историях любви в XIX веке свидетельствует множество разнообразных фактов.

В мелкобуржуазной среде брак рассматривался как важнейший элемент социального продвижения; все тщательно просчитывалось и многое запрещалось. Гомогамия была не так сильна, потому что люди стремились найти себе чуть более высокопоставленного партнера по браку, чем они сами. Почтовые служащие, например, отказывались жениться на коллегах, потому что мечтали о женах, которые не будут работать. Отсюда — большое количество незамужних почтовых служащих-женщин, которые, в свою очередь, отказывались

выходить замуж за рабочих. Женщинам часто приходилось расплачиваться одиночеством за свою независимость. Для мужчин, желающих пробиться в жизни, деньги значили меньше, чем положение женщины, ее утонченность, качества хозяйки дома и даже красота. Вспомним хотя бы Шарля Бовари, ослепленного «хорошо воспитанной городской девушкой», белокожей Эммой, которая прячется от солнца под зонтиком. Будучи человеком зажиточным, он может позволить себе хорошенькую жену, за которую всю домашнюю работу будет делать служанка.

Брак — это сделка, которую заключают родители или свахи, друзья, близкие или кюре; в выборе супруга задействовано множество факторов. Вот что пишет небогатый дворянин из Лозера своей тетушке, занятой поиском невесты для него: ее приданого должно быть достаточно, чтобы он мог сохранить свой дом и замок; если это будет девушка одного с ним социального положения, то будет достаточно ста тысяч франков; если же ее положение будет «ниже, чем мое, то денег надо будет больше, чтобы компенсировать разницу» (около 1809; Clavierie et Lamaison. P. 139).

Надо сказать, что брачные стратегии усложняются и диверсифицируются. Деньги принимают разнообразные формы: мебель, недвижимость, ценные бумаги, «возлагаемые надежды». В дело вступают другие элементы: имя, положение (начинают пользоваться уважением свободные профессии), «класс», красота. Пожилой богатый мужчина, как король, ищет себе молодую красивую девушку. Внешность, которая начинает высоко цениться, становится оружием женского соблазнения. Некоторые же, кто нуждается в деньгах, берут замуж состоятельных одиноких матерей, как в романе «Марта».

Любовь и брак

Наконец, на сцену выходят склонность и даже страсть, к которым с таким недоверием относился Гегель и мысль о которых не допускали семьи. Во второй половине XIX века становится

все больше людей, стремящихся соединить брачный союз и любовь, счастье. Флобер писал о своей героине Эмме: «Если бы кто-нибудь отдал ей свое большое, верное сердце, то добродетель, нежность, желание и чувство долга слились бы в ней воедино...»^{*} Этого хотят в первую очередь женщины, для которых брак — единственный горизонт в жизни. Клэр Демар в книге «Мой закон будущего» (1833) требует радикальных изменений в подходе к воспитанию девочек, от которых «скрывают, как устроены мужчины». Она подвергает жесткой критике брак, «узаконенную проституцию», превозносит идею свободного выбора партнера, «необходимость физического контакта плоти», право на непостоянство. Все это было невозможно в те времена; Клэр совершает самоубийство, а ее подруги-сенсимонистки смягчают тексты, намекая, что она говорила о материнстве!

Далеко ходить не надо. Аврора Дюпен, еще не Жорж Санд, а мадам Дюдеван, объясняет в длинном письме к своему мужу Казимиру, что же именно их разделяет: «Я поняла, что ты совершенно не любишь музыку, и прекратила ею заниматься, потому что, едва заслышав рояль, ты убежал. Ты читал, желая сделать мне любезность, но книга падала у тебя из рук — ты засыпал от скуки. <...> Мне было очень больно, когда я поняла, что в наших вкусах нет ничего общего» (15 ноября 1825 года).

Общие интересы с любимой женщиной были также мечтой Бодлера. Вот о чем он сожалел на завтра после разрыва с Жанной, с которой прожил четырнадцать лет: «Меня удивляет, что когда я вижу что-то красивое, какой-то пейзаж — неважно что, — она не любит этим вместе со мной, не покупает это вместе со мной» (письмо мадам Опик, 11 сентября 1856 года).

Таким образом, мужчины тоже хотят перемен: не пассивного подчинения, но согласия; если уж не деятельность супруги, то хотя бы любовь; некоторые даже хотят равенства.

^{*} Пер. Н. Любимова.

От Мишле, который советует «самостоятельно создать свою жену» до Жюля Ферри, который, будучи убежденным сторонником гендерного разделения ролей и сфер, хвалится своим браком с Эжени Рислер: «У нее республиканские взгляды, и она философ. Она чувствует, как я, и я горд тем, что чувствую, как она» (письмо Жюлю Симону, 7 сентября 1875 года).

Эжен Буало, чью переписку с невестой изучила Каролина Шотар-Льоре, говорит о новом идеале республиканской пары, проникнутой духом римского стоицизма и свободомыслия, и возводит единство пары чуть ли не в ранг религии: «Когда я слышу бесконечно повторяемые окружающими слова: „Брак... — это рабство!“, я восклицаю: „Нет! Брак — это спокойствие, счастье; это свобода. Только сам человек (под этим словом я подразумеваю и мужчин, и женщин), человек, достигший полного развития, может прийти к настоящей независимости. Потому что он становится существом целостным; из этой двойственности рождается уникальная человеческая личность“» (письмо Марии, 24 марта 1873 года). Пара должна раствориться друг в друге, стать самодостаточной («Не будем никого пускать в нашу интимную жизнь, в наши мысли»), мужу следует стать «наперсником» своей жены: «Я бы посоветовал тебе доверять лишь другу, раскрывать душу только перед мужем, который скоро станет одним целым с тобой, осмелюсь утверждать, уже стал».

Супружеская жизнь: реванш женщин?

В зависимом положении женщин есть и положительные стороны: например, они более или менее защищены; им практически ничто не вменяется в вину; дамы из буржуазной среды живут в показной роскоши; в конце концов они живут дольше. У них также есть возможность действовать, тем более что частная сфера и женские социальные роли в ходе XIX века

постоянно пересматривались раздираемым противоречиями обществом, заботившимся о пользе и о детях. Как, вопрошал Кант, разрешить противоречие между правами личности, а женщина — это личность, — и правом супруга-хозяина, монархом по своей сути? Как, если не путем изобретения права личности с учетом реальных условий? Феминизм столкнулся с противоречиями права и принципов, как и с дискурсом о «социальном материнстве», развернутым церковью и государством.

Но что же было в повседневной жизни?

В сельском обществе

Мартина Сегален, Ивонна Вердые, Аньес Фин внесли большой вклад в освещение вопроса о месте и роли женщин во французской деревне. Дистанцируясь от уничижительных и маловразумительных описаний разных путешественников XIX века вроде какого-нибудь Абеля Гюго, Сегален настаивает на комплементарности задач в ситуации, где специфика работы размывает границы между публичным и частным. В целом остается впечатление некой гармонии между полами: женщина часто управляет финансами семьи и устанавливает свои порядки в доме.

Ивонна Вердые так описывает главных персонажей бургундского городка Мино и их веками сложившиеся роли: «Биология обуславливает социальную судьбу женщин». Знания и умения женщины-прислуги, главным образом прачки, а также портнихи и кухарки отлично вписываются в деревенскую жизнь. Они не сидят в четырех стенах.

Аньес Фин, анализируя рассказы о жизни разных людей, описывает, как отношения между матерями и дочерьми и, шире, между мужчинами и женщинами влияют на подготовку приданого, как биологическое начало через разные символы вписывается в социальную сферу.

Эти стройные описания имеют тем не менее вневременной характер. Иренизм, то есть миротворчество, культуры имеет тенденцию маскировать напряжение и конфликты, которые Элизабет Клавери и Пьер Ламезон, наоборот, подчеркивают. В системе *oustal*, где женщины рассматривались как разновидность имущества, жены, часто битые, порой не имели даже ключа от продуктовой кладовой; чтобы выжить, им приходилось воровать; чтобы женщины не вступали в сговор друг с другом, их выдавали замуж и держали в страхе перед мужчинами; отношение к внебрачной беременности было нетерпимым. Жизнь одиноких женщин была очень тяжелой; вдов подозревали в сексуальной ненасытности и изгоняли из домов, разрешая взять лишь одежду и немного денег; молодых женщин пастухи и хозяева насиловали с сознанием своей правоты. «Изнасилование считалось обычным делом в отношениях мужчин и женщин. <...> Не допускалась даже мысль о том, чтобы пожаловаться на насильника. Изнасилование, фрустрация, смерть — разновидности сексуальной нормы» (Op. cit. P. 218). Стоит ли видеть в возросшем угнетении женщин следствие сложного родства, что тем не менее больше, чем когда-либо, давало женщинам шанс получить наследство? Впрочем, на юго-востоке Центрального массива конфликты регулируются кровной мстью. Источники информации по этим вопросам очень противоречивы: с одной стороны, это фольклор и обычаи, с другой — уголовные дела, возбужденные по следам конфликтов. Все это не может адекватно отразить проблему.

Хозяйки буржуазных домов

Представляется, что в городских семьях все обстояло проще. Однако и здесь домашняя автономия определялась средой, типом жилья, расстоянием между домом и местом работы. С этой точки зрения поразителен пример буржуазных дам

Севера, портреты которых, ставшие с тех пор классическими, нам нарисовала Бонни Смит*. В первой половине XIX века эти женщины участвовали в управлении делами предприятий, вели бухгалтерию, предпочитали вкладывать деньги в дело, а не покупать шелковые платья. Во второй же половине века только вдовы продолжили эту традицию. В 1850–1860-е годы большинство женщин оставили дела и уединились в своих домах. Это подтверждают изменения в образе жизни — хозяйка больше не селится в непосредственной близости от предприятий; разбогатев, они избегают контакта с дымом, видом и запахом нищеты; возникают новые кварталы — например, Парижский бульвар в Рубе, — где появляются роскошные виллы, «замки», к которым во время забастовок приходят рабочие, чтобы освистать их. Все это говорит о том, что производственные отношения становятся менее патерналистскими. Женщины отныне занимаются домом, многочисленной челядью и не менее многочисленным потомством. Большое количество детей объясняется, с одной стороны, религиозностью, с другой — отвечает интересам бизнес-стратегии в текстильной промышленности Севера. Бонни Смит выделяет три главные моральные оси: вера в противовес разуму, милосердие в противовес капитализму и воспроизводство себе подобных как оправдание собственного существования. Этим женщины из буржуазной среды, обремененные детьми — в среднем во второй половине XIX века их в семье от пяти до семи, — оправдывают любое свое действие: от поддержания порядка в доме и красоты интерьера до фанатичного следования моде. «Дневные часы» женщины можно увидеть в акварелях Девериа**, от самых незначительных женских занятий (женщина всегда

* Бонни Смит (р. 1940) — американская исследовательница положения женщин во Франции.

** Ашиль Жак-Жан-Мари Девериа (1800–1857) — французский художник, акварелист, литограф.

должна быть занята) — к счетам, этому бичу хозяйки дома; она должна отчитываться перед мужем о своих тратах, каждая мелочь имеет значение в этой морали, суть которой скорее символическая, нежели экономическая. Функционируя в первую очередь как ритуал, она подчиняется строгому порядку. Преисполненные сознания собственной значимости, женщины Севера — отнюдь не пассивные и не смирившиеся. Напротив, они решительно настроены возвести свое видение мира в абсолют. Этот «христианский феминизм» (можно ли говорить здесь о феминизме? нет, если понимать под ним стремление к равенству: в данном же случае требуется признание различий) находит выражение в сочинениях романисток вроде Матильды Бурдон, автора бестселлера «Реальная жизнь», Жюли Бекур или Жозефины де Голль, которые создают целые домашние эпопеи, где сталкиваются добро и зло, то есть женщины и мужчины, чья губительная любовь к власти и деньгам приносит хаос и смерть. Женщины же, светловолосые ангелы домашнего очага, возвращают гармонию в мир семьи.

Эту окрашенную ангелизмом модель домашней жизни, которой культ Девы Марии мешает стать полностью викторианской, мы находим во всех слоях буржуазного общества. Она варьируется в зависимости от размеров состояния, количества слуг и местоположения дома, религии и системы ценностей. Ностальгия по прежним временам, царящая в предместье Сен-Жермен, в других местах гораздо более умеренна. Стремление здравомыслящей французской буржуазии к выгоде, к пользе значительно сильнее, чем принято считать. В буржуазных кругах настаивают на представительских функциях неработающих женщин, вся роскошь которых заключается в том, что они являются собственностью своих супругов и продолжают следовать придворному этикету. Подчеркивается важность семейной экономики и хозяйки дома. Наконец, ребенок, его здоровье и воспитание объявляются главным долгом и сферой влияния женщины. Феминизм как таковой в своих

требованиях опирается на материнство, и то, что женщины так упорно настаивают на своих различиях с мужчинами, является спецификой французского феминизма по сравнению с англо-саксонским, который фокусируется исключительно на равенстве индивидуальных прав.

На фоне теряющего силу отца женщина обретает уверенность в себе.

Домохозяйка из простонародья

Домохозяйки из городских низов весьма многочисленны. Они составляют большинство женщин, живущих в паре с мужчиной, состоящих в браке или нет. Зарегистрированный брак более распространен, особенно когда есть дети. Говорят, что простонародный образ жизни предполагает наличие женщины «у очага», что не означает «в интерьере»; бедное и убогое жилье было скорее местом, где семья собиралась, а не проживала. Хозяйка выполняла множество функций. Во-первых, она рожала и растила детей, которых в рабочих семьях было очень много, и рождаемость ничем не сдерживалась. Жена ремесленника или лавочница отправляли своих детей кормилице; самые бедные кормили детей сами, публично обнажая грудь, как путешественница третьего класса на картине Оноре Домье. Домохозяйка из народной среды повсюду таскает своих детей за собой; как только они начинают ходить, они всюду сопровождают мать — на рисунках или первых фотографиях городской жизни на улицах всегда присутствовала мать в окружении детей. Впрочем, дети очень рано начинали передвигаться самостоятельно, собираясь в целые уличные или дворовые банды. Опасности, поджидавшие детей на улице, были постоянной головной болью матерей — они боялись как несчастного случая, так и попадания в «дурную компанию». Постепенно ритм рабочего дня домохозяйки стал определяться ритмом жизни детей, в частности школьным расписанием.

Вторая функция — поддержание жизни семьи, «хозяйственные работы», включавшие в себя очень многое: женщины искали дешевые продукты, постоянно что-то выменивали, собирали остатки на рынках — в большом городе существовало много возможностей для этого; готовили еду для всей семьи, в том числе ту, что муж брал с собой на работу; таскали воду, топили печь, делали уборку в доме, стирали, а также перешивали, штопали, перелицовывали белье и одежду. Все это требовало значительных временных затрат. Во времена Второй империи начались попытки как-то рационализировать труд домохозяйки, о чем пишет Ле Пле: например, появились большие механизированные прачечные по примеру английских.

Наконец, домохозяйка изо всех сил пыталась заработать хоть немного денег, оказывая различные услуги: делала уборку, стирала, покупала и доставляла продукты (женщина, несущая хлеб, — обычная картина на улицах), торговала разными мелочами прямо на тротуаре.

Постепенно, особенно в последней трети XIX века, женщины начинают шить на дому. Прогрессивная швейная индустрия с ее разделением труда заполучила этот огромный ресурс рабочей силы. Швейная машина «Зингер» стала мечтой многих женщин; они прекратили слоняться по улицам в поисках заработка и стали заниматься надомным шитьем. На заводах заработает «потогонная система» — людей, трудящихся в одном месте, проще контролировать.

Домашний «министр финансов», женщина благодаря своим заработкам располагает властью, но власть эта неоднозначна. Похоже на то, что женщины, уставшие ждать денег от мужей, постепенно побеждают. Неизвестно, каковы были этапы этого движения. К середине XIX века во Франции, которая в работах Ле Пле противопоставляется Англии, многие рабочие начинают отдавать деньги женам; это происходит без конфликтов — скандалы время от времени потрясают предместья. Женщины, стараясь как-то справиться с безденежьем,

пользуются услугами больших магазинов, делающих робкие попытки регулировать потребление и рекламировать свои товары; им часто приходится жертвовать собой и отдавать мясо и вино — мужу, сахар — детям; сами же они довольствуются чашкой кофе с молоком и сыром: «котлета портнихи» — это кусок сыра бри.

Несмотря на все трудности, это скромное финансовое управление заложило основы «бюджетного матриархата», который до сих пор можно наблюдать в небогатых семьях. У домохозяйек были и другие сферы применения сил — забота о теле и душе, как сказали бы в XIX веке. В те времена медицинская помощь была практически недоступна рабочим семьям, поэтому женщины прибегали к многовековой мудрости народной медицины и современным методам гигиены. В частности, по совету Распая, этого «доктора бедняков», который обращался непосредственно к женщинам, зная их роль в семье, повсеместно применялась камфора. Об этом пишут Ле Пле и Фосийон в монографии 1856 года.

Женщины находят утешение в чтении романов с продолжением — в городах в XIX веке становится все больше грамотных женщин, и они по методике Жакото* учат читать своих детей, — а также в пении и танцах, и средства массовой информации (в те времена речь шла, конечно, о газетах) всячески этому способствуют. Часто они становятся очень религиозными, соблюдают все церковные праздники и общаются с другими прихожанками; это вызывает конфликты с более материалистически настроенными мужьями.

Женщина из народа говорит все, что думает, и нередко восстает против порядков как в частной жизни, так и в публичной. Часто ей приходится дорого платить за это — она становится мишенью для насилия, вплоть до «преступлений

* Жан Жозеф Жакото (1770–1840) — французский педагог. Его методика основана на стимулировании умственной деятельности обучаемого.

на почве страсти». Ее вмешательство в городскую жизнь становится более редким, но регулярным. Не факт, что модернизация дала ей больше власти — идентичность рабочего класса была ориентирована прежде всего на мужчин. Отсюда конфликты, проблемы с включением в общественную жизнь, уход в себя — к этому ее подталкивало буквально все (например, плакаты Всеобщей конфедерации труда, посвященные английской неделе), равнодушие к миру политики, к профсоюзам, которые ее игнорируют.

Родители и дети

«Когда рождается ребенок, вся семья...»* В XIX веке ребенок больше, чем когда-либо, главенствует в семье. Его любят, в него вкладывают деньги, его воспитывают. Ребенок — наследник, с ним связано будущее семьи, ее надежды и чаяния, ее борьба со временем и смертью.

Все эти вложения в детей — о чем можно прочитать в обширной литературе о детстве — не всегда делаются ради самих детей. Вот как Стендаль говорил о своем отце: «Он любил меня не как человека, а как сына, который должен был продолжить его род»**. Группа важнее индивида, и понятие «интересы ребенка» появится во Франции с опозданием. Пока же коллективные интересы выше личных; ребенок рассматривается как «социальное существо».

В самом деле, ребенок не принадлежит только лишь своей семье; он — будущее нации и расы, производитель, воспроизводитель, гражданин и солдат завтрашнего дня. Между ним и семьей — в особенности бедной, которую считают неспособной как следует растить ребенка, — появляются третьи

* Цитата из стихотворения В. Гюго «Когда рождается ребенок».

** «Жизнь Анри Брюлара» (пер. Б. Г. Реизова).

лица: представители благотворительных организаций, врачи, чиновники, которые хотят защищать, воспитывать, контролировать его. Первые социально ориентированные законы появились именно в связи с детством (в частности, закон от 1841 года об ограничении работы на производстве). Неважно, что сначала эти законы не работали эффективно. Они имеют очень важное символическое и юридическое значение — поворот от либерального права к социальному (Ф. Эвальд*).

Таким образом, детство — это сфера, где сталкиваются, иногда жестко, частное и публичное.

Детство также — сфера знаний, которая стала развиваться в последней трети XIX века благодаря совместным усилиям медицины, психологии и права. Эффект этих знаний противоречив. Благодаря им детство становится непостижимой тайной.

Тайны зачатия

Франция была в числе первых стран, где рождаемость контролировалась и люди знали «зловещие секреты» этого (Моо**, конец XVIII века); ребенок, безусловно, еще не «планировался» — не было такой возможности, но рождаемость уже ограничивалась: ее уровень постоянно снижался, и если в 1800 году он составлял 32 на 1000, то в 1910-м — уже 19 на 1000; стараниями демографов рождение — дело сугубо частное — превращается в рождаемость — дело государственной важности. Таким образом, детей начинают заводить относительно добровольно — конечно, с учетом социальных и региональных различий. Согласно Э. Ле Бра и Э. Тодду, различия

* Франсуа Эвальд (род. 1946) — французский историк и философ, профессор Консерватории искусств и ремесел.

** Жан-Батист Моо (1745–1794) — французский демограф, один из основоположников демографии.

объясняются желанием или нежеланием семьи заводить ребенка. На передний план обычно выходят идеологические факторы. В 1861 году начинают отчетливо выделяться три региона с низкой рождаемостью — Нормандия, Аквитания, Шампань, но дело там обстоит по-разному: если в Аквитании в среднем 1–2 ребенка в семье, то в Нормандии — очень большое количество бездетных пар (например, в Орне), а больше всего детей — в местности под названием Коньяк (за двадцать пять лет супружества — 9 детей и более); авторы исследования говорят даже о «невротическом поведении».

Повышение уровня внебрачных рождений детей, в котором Эдвард Шортер* видел проявления сексуальной свободы, несколько спутало карты. Это весьма неоднозначное явление. Наши авторы (Э. Ле Бра и Э. Тодд) противопоставляют Север и Восток, где значительна доля детей, признанных после заключения брака, Средиземноморскому Югу, где мужчина мог признать ребенка, но не заключал брак с его матерью. В первом случае мы видим признаки равенства полов и свободы женщин; во втором же случае на первый план выступает принуждение со стороны семьи.

Очень трудно разобраться в хитросплетениях исторической демографии, мы можем лишь признать ее невероятную запутанность, как на уровне простой констатации фактов, так и в плане их интерпретации. «Тайная история плодовитости», по словам Ле Бра, полна различных теорий, в которых присутствуют разные ее объяснения — социальные, биологические, идеологические (здесь обычно упоминают о «разрушительном» индивидуализме, частным случаем которого является феминизм), и лишь затем анализируется рождение ребенка как результат «решения» пары.

Мы добрались до самых сокровенных альковных тайн. Ничего удивительного нет в том, что многое ускользает от

* Эдвард Шортер (р. 1941) — канадский историк психиатрии.

исследователей, скрытое пеленой времени и молчанием действующих лиц и их потомков. Главное в жизни — зачатие человеческих существ — скрыто завесой тайны. Никто не знает, было ли его появление на свет случайным или желанным; приходится радикальным образом противопоставлять одно другому.

Согласно статистике, зачатие ребенка по желанию родителей и вместе с тем снижение брачного возраста, без сомнения, были следствием сознательного отношения к ребенку и всему тому, что влечет за собой его появление на свет, в частности воспитанию. Ухоженные, заласканные, очень любимые дети встречаются все реже. Средства достижения именно такого зачатия остаются для нас загадкой. Многие исследователи склонны думать, что это только лишь воздержание: чтобы избежать нежелательной беременности, женщины уклоняются от полового акта. При прерванном половом акте инициатива принадлежит мужу, он должен следить за тем, чтобы все прошло «как надо». В обеспеченных слоях общества возлагают надежды на английские методы или те, что применяются в борделях, предполагающих использование воды, что обеспечило успех такому изобретению, как биде, — успех запоздалый, по мнению Ж.-П. Губера*, и идущий вразрез с правилами приличия. Неомальтузианцы-анархисты, стремящиеся донести до пролетариев и их жен идею зачатия желанного ребенка, — «Женщина, рожай, только если ты этого хочешь» (1906) — пытаются распространять презервативы и впитывающие губки, но их пропаганда добровольного зачатия отвратительна женщинам, которым эти требования кажутся невозможными, а вторжение в их личные дела — шокирующим. В случае «неприятностей» многие так или иначе прибегают к аборту. Надо полагать, что во второй половине века аборт стал основным

* Жан-Пьер Губер — современный французский историк, специализирующийся на истории здравоохранения.

методом избавления от нежелательной беременности; к нему прибегало множество замужних многодетных женщин. Стоит ли видеть в этом, как А. Макларен*, проявление народного феминизма? По крайней мере, так проявляется воля женщин, не желающих рожать ребенка, и их ужас перед детоубийством. Очень распространенное в первой половине XIX века, строго преследуемое в годы Второй империи, детоубийство отступает, но остается уделом одиноких девиц, деревенских служанок, парижских горничных, живущих в мансардах, попавших в безвыходное положение и стыдящихся рождения внебрачного ребенка.

Каким бы ни был прогресс в деле планирования семьи в XIX веке, несовершенство противозачаточных средств приводит к большому количеству «несчастливых случаев». «Попасть в неловкое положение» — так говорили о нежелательной беременности. Это многое говорит и о судьбе нежеланных детей — брошенных, убитых или принятых как неизбежность.

Однако желание иметь ребенка было очень велико — не только по соображениям продолжения рода, но просто для себя, причем не только у женщин, для которых ребенок оправдывает их собственное существование, но и у мужчин. «Бездетная женщина — чудовище, — говорит Бальзак устами Луизы, героини романа «Воспоминания двух юных жен», — мы созданы для материнства»**. Десять месяцев спустя после свадьбы Каролина Брам-Орвиль с грустью пишет в своем дневнике: «Как печально, что у меня нет *беби*, которого бы я так любила, который сделал бы мою жизнь осмысленной» (1 января 1868 года). Она сделает все, чтобы родить ребенка: прибегнет к лечению, к поездке на курорт в Спа, и даже нанесет визит папе римскому. Спустя четырнадцать лет она родит девочку,

* Александр Макларен (1826–1910) — английский священник-нонконформист, шотландец по происхождению.

** Пер. О. Гринберг.

которую в честь Папы назовет Мария-Пий. Она считала, что заслуга в появлении девочки на свет принадлежит благословению Папы. Гюстав де Бомон* пишет Токвилю о беременности своей жены, которая так его волнует, что он даже откладывает написание книги, разрываясь между страданиями жены и желанием стать отцом: «Иногда, видя мучения бедной матери, мне хочется послать ребенка ко всем чертям. <...> Тем не менее событие, которого я жду, для меня счастье, и мы очень хотим, чтобы и вас постигла та же судьба, постоянно говорим и надеемся на это» (10 июня 1838 года). Желание стать отцом — не менее сильное, чем материнское чувство, появляется любовь к этому еще не родившемуся *беби*, плоду, который пока не принял человеческий облик.

Тем не менее желание иметь ребенка редко приводит к усыновлению — так прочно укоренилась идея кровного родства. Несмотря на первые шаги в этом направлении, сделанные в эпоху Второй империи, изменения в этой сфере будут происходить очень медленно; особенно это касается передачи имени.

Роды на дому

Рождение ребенка — строго частное дело, к тому же исключительно женское, разговоры о родах допустимы лишь между женщинами. Действо обычно происходит в общей комнате, предпочтительнее — в супружеской спальне, куда не допускаются мужчины, за исключением врача, которого медицина родов все чаще приводит к постели состоятельных рожениц. Повитухи, услуги которых дешевле гонораров врачей, пока занимают ведущее положение в процессе родов, но постепенно их роль сходит на нет. Нельзя, конечно, забывать

* Гюстав де Бомон (1802–1866) — французский политический деятель, публицист.

о традициях и целомудрии, которые не всегда позволяют пригласить врача. Роды в больнице — признак бедности и одиночества, это стыдно. В больницах рожают незамужние девушки, которые прибывают в город, чтобы освободиться от бремени и затем оставить ребенка. На Западе, Юго-Западе и в Центре «желание отказаться от внебрачного ребенка приводит мать в больницу», как указывают Э. Ле Бра и Э. Тодд. Первые робкие изменения произойдут лишь в период между двумя мировыми войнами, сначала в Париже, в самых передовых кругах общества, желавших избежать мертворождений, уровень которых во Франции остается одним из самых высоких в Европе. Роды для матери и ребенка — это тяжелое, нередко драматичное испытание.

«Беби»

Регистрация ребенка в мэрии, что, с точки зрения Канта, является настоящим рождением, напротив, дело отца. Придя в этот мир, ребенок входит в семью и общество.

В смутном, как бы бесполом и мягком периоде детства, в этой «стране без мужчин» (*no man's land*) можно выделить три момента, которые являются стратегически важными: подросток, восьмилетний ребенок и младенец. Внимание к подростковому периоду, переходному возрасту, когда происходит половая идентификация, очень велико; мы еще к нему вернемся. Второй момент — восемь лет — это порог сознательного возраста, он привлекает внимание законодателей, медиков и моралистов (Жюль Симон, «Восьмилетний рабочий»). Младенец, которого на английский манер называют *беби*, гораздо дольше остается в пеленках Младенца Иисуса, при том что в XVIII веке господствующие классы уже сделали открытие по поводу грудного вскармливания. Впрочем, XIX век в этом отношении парадоксален: количество детей, отданных кормилице, достигает максимума; число отказов от

детей бьет все рекорды. Тем не менее в конце века появилась новая наука — пуэрикультура.

Медленно, но верно матери начинают сознательно относиться к младенцам. Бальзаковская героиня Рене («Воспоминания двух юных жен»), внимательная мать, которая отказывается пеленать своего *беби* и прибегает к услугам няни-англичанки, — одна из первых на этом пути. В конце XIX века каждая хорошая мать прекрасно управляет со своим малышом, ласкает его и дает ему разные нежные прозвища. Дочери Карла Маркса Жени и Лаура, многодетные матери, подробно сообщают отцу обо всех достижениях своих детей. Большая часть буржуазной переписки содержит новости из детской. Каролина Брам-Орвиль дает ежедневный отчет о жизни своей долгожданной Мари. Берта Моризо делает зарисовки у колыбели. Колыбель — это всегда символ чего-то настоящего и глубоко интимного. Флобер однажды расхохотался, увидев колыбель на театральной сцене. Самые внимательные отцы лишь бросают рассеянные взгляды на своих малышек. Уже упоминавшийся Гюстав де Бомон начинает по-настоящему интересоваться сыном, только когда он научился ходить — это была мужская инициация: «Теперь он будет ходить вместе со мной на охоту, с деревянным ружьем».

Беспольный мир раннего детства

Раннее детство во всех социальных слоях — дело женское и феминизированное: мальчики и девочки носят платыца и длинные волосы до трех или четырех лет, часто и дольше, и держатся за юбки матери или прислуги. Детская комната во Франции появилась позднее; Виолле-ле-Дюк* проектирует детскую для своего дома, «так как следует все предусмотреть».

* Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк (1814–1879) — французский архитектор и искусствовед.

Детские игрушки валяются практически по всему дому — мы видим это на картинах художников той поры, в особенности в кухне. В городах игрушки становятся изделием массового спроса — в универсальных магазинах им выделяются целые полки; в деревнях покупных игрушек нет — отцы делают их самостоятельно, на свой страх и риск: маленький Вентра-Валлес^{*} долго будет вспоминать тележку, которую отец смастерил ему из елового полена и о которую он поранился, за что получил от матери шлепок, был объявлен «плохим мальчиком», а отец — слишком снисходительным. Куклы, относительно бесполые в начале XIX века, занимают важнейшее место в мире ребенка, их ломают прежде, чем успевают полюбить. Жорж Санд с нежностью посвящает своим куклам целые страницы.

Очень слабо разработанное, первоначальное воспитание детей — дело матерей, в том числе обучение чтению по методике Жакото. Они относятся к этому очень серьезно и с большим желанием, тем более что при этом они и сами чему-то обучаются. Аврора Дюдеван пришла к феминизму через материнскую любовь: «Я долго уверяла сама себя, что нам, женщинам, не нужны глубокие знания, что в книгах нам надо черпать добродетель, а не науку, что цель достигается, когда благодаря воспитанию мы становимся добрыми и чувствительными, и что, наоборот, если мы извлекаем из книг какие-то знания, мы становимся смешными занудами и теряем то, за что нас любят. Я продолжаю думать, что мой принцип был хорош, но боюсь, что следовала ему слишком буквально. Теперь же я полагаю, что должна подготовить сына своими собственными силами к получению дальнейшего образования, когда он будет на пороге отрочества. Я должна быть в состоянии обучить его азам и собираюсь к этому подготовиться» (письмо Зоэ Леруа,

* Жак Вентра — центральный персонаж автобиографической трилогии французского писателя и революционера, участника Парижской коммуны Жюлья Валлеса (1832–1885).

21 декабря 1825 года). Она с увлечением принимается искать подходящую методику обучения чтению.

По мере взросления детей социальные и половые различия в их образовании становятся все более заметными. За дело принимаются отцы, по крайней мере в отношении сыновей, иногда выполняя функцию воспитателя в буржуазных кругах, а в рабочих семьях обучают их своему ремеслу или берут к себе в артель. Воспитанием дочерей отцы занимаются реже, кроме некоторых интеллектуально развитых семей, часто протестантских. В семье Реклю, например, и мальчики, и девочки ехали в Германию для завершения образования и работали воспитателями в английских или немецких семьях; свободе перемещения девочек ничто не мешало. Гизо следит за обучением дочери: он пишет ей теплые письма и заодно исправляет орфографические оглибки. Не исключено, что именно в общении с дочерьми расцветает отцовское чувство — здесь нет места мужскому противостоянию, которое неизменно возникает при общении отца с подрастающим мальчиком. Иногда между свободным от предрассудков отцом и умной дочерью случается настоящая дружба, в особенности если мать настроена консервативно. Женестьева Бретон постоянно конфликтует со своей «Королевой-Матерью», которая ненавидит художников, потому что они «не из общества», зато с отцом они — веселые заговорщики. «Мы друг друга очень любим и всегда понимаем без слов, потому что оба мы молчуны». Впрочем, отец очень «комильфо», он «не может допустить, чтобы от его дочери пахло духами» и выкидывает все флаконы Женестьевы: он соглашается только на ирисовую пудру, «достойный аромат, подходящий хорошо воспитанной девушке».

Некоторые девушки, жаждущие эмансипации, выбирают мужскую модель поведения, лишь бы не походить на мать и всё, что она собой представляет. Жермена де Сталь пишет об отце: «Когда я его вижу, я спрашиваю себя, неужели я родилась

от его союза с моей матерью; я отвечаю себе на этот вопрос отрицательно, уверенная, что для моего появления на свет достаточно было отца»: Фрейд потом будет наблюдать это во многих случаях...

Отношения матерей и сыновей тоже весьма разнообразны: с одной стороны, нежная дружба Авроры Саксонской* и ее сына Мориса Дюпена, позже — дружба Жорж Санд с сыном делает эти пары идеальными, даже когда сыновья были подростками; с другой стороны, озлобленность Вентра-Валлеса на мать за то, что она пыталась сделать из него «мсье»; убийственная ненависть Рембо к матери, Пьер Ривьер, ужасавшийся новым свободам женщин; жалость Гюстава Флобера к овдовевшей матери, отношения с которой тяготили его... Влияние матерей на сыновей, впрочем, было ограничено подчиненным положением, которое определял для них закон (например, они не могли быть опекунами), за исключением вдов — их права были относительно гарантированы, даже в случае общего имущества супругов. Отсюда — плохое к ним отношение. Укрепление роли матери и ее домашних полномочий — одна из причин антифеминизма начала века. Дарьен**, Мориак («Прародительница»), позже Андре Бретон интерпретировали атавистический страх мужчин перед материнской властью. «Матери! — пишет Бретон. — Едва услышав это слово, мужчины испытывают ужас Фауста, подобный электрическому разряду, в этом слове скрывается мощь богинь, неподвластных ни времени, ни месту».

Матери несут гораздо большую ответственность в отношении дочерей, воспитание которых государство и церковь оставляют им, незначительно разделяя, впрочем, телесное и духовное, в особенности начиная с подросткового возраста:

* Аврора Саксонская — бабушка Жорж Санд.

** Жорж Дарьен (1862–1921) — французский писатель и журналист, анархист.

М.-Ф. Леви* хорошо это продемонстрировала («От матери к дочери», 1984). Мать вводит в мир, является первым исповедником, знакомит с моралью и Богом. Без всякого сомнения, общество желало бы, чтобы консервативная роль женщины переходила из поколения в поколение. У женщин нелегкая миссия — им надо выдать дочерей замуж. В романе «Накипь» Золя в нервной, почти экстравагантной манере рисует картину своего времени, лихорадочную деятельность матерей, пытающихся выгодно пристроить дочерей, — балы, приемы, уроки игры на фортепиано и вышивание не имеют никакой иной цели.

В сельской местности приданое символизирует и материализует все, что связано с замужеством; Аньес Фин в своем исследовании Юго-Запада говорит о культурной и чувственной сути «этой долгой истории матерей и дочерей».

Одновременно зависимые от матери и более к ней близкие, дочери, в особенности старшие, призваны заменять мать и очень страдают, когда она умирает. Иногда ушедшую мать заменяет дневник (как в случае Каролины Брам), что снова свидетельствует о глубинной связи поколений женщин.

Ласки и фамильярность

Различия в повседневных отношениях между родителями и детьми в городах и сельской местности, где проявления нежности считаются недопустимыми, весьма значительны; также на эти отношения влияют социальная среда, религиозные и даже политические традиции. Постоянная забота о своей власти, сознание собственной важности накладывают отпечаток на повседневные слова и жесты. С этой точки зрения семья развивается противоречиво. С одной стороны, контроль

* Книга Мари-Франсуазы Леви посвящена воспитанию и образованию девочек в XIX веке.

за жестами и проявлением эмоций усиливается: например, слезы теперь допустимы только для женщин, для простонародья, при испытываемой боли или в одиночестве; больше внимания уделяется детской речи, осанке и манерам: дети должны держаться прямо, есть аккуратно и т. д. С другой стороны, к проявлениям нежности между родителями и детьми, особенно в буржуазной среде, отношение терпимое, они даже желательны. Ласки считаются благотворными для расцветания юного тела. Каролина Брам, очень стыдливая, сокрушается по поводу того, что была лишена ласки после смерти матери. Эдмон Абу, путешествуя по Греции около 1860 года, обращает внимание на холодность семейных отношений в Афинах по сравнению с французской теплотой.

Другой признак близости — повсеместное обращение на ты. Здесь можно обнаружить двойной смысл. «Раньше „тыкали“ слугам, а к детям обращались на вы. Теперь наоборот, — пишет Легуве*. — При обычном течении жизни к детям следует обращаться на ты, чтобы иногда, когда необходимо продемонстрировать ребенку свое недовольство им, иметь возможность обратиться к нему на вы» («Отцы и дети в XIX веке»). Вот почему Жорж Санд так пугалась, когда бабушка начинала ей «выкать».

Телесные наказания

Воспитатели-либералы Жорж Санд и Легуве высказываются категорически против телесных наказаний. «Я испытываю ужас перед старинным методом [воспитания] и думаю, что плакала бы громче, чем они [дети], после того как побила бы их», — пишет первая. Но как обстоят дела в действительности? Весьма вероятно, что именно в этом вопросе социальные

* Габриэль Жан Батист Вильфрид Эрнест Легуве (1807–1903) — французский прозаик и драматург, член Французской академии.

различия наиболее заметны. Не стоит забывать и о том, что значили телесные наказания для общества, покончившего с феодализмом: это было страшнейшее оскорбление.

В буржуазной среде, как и в аристократической, дома детей больше не подвергают телесным наказаниям. Кое-где еще сохраняются розги или плетки, но отношение к ним становится все более отрицательным. Они почти исчезают из коллежей и лицеев с военной дисциплиной. Жорж Санд вздрагивает при воспоминании о директоре Лицея Генриха IV, который, «будучи ярым сторонником абсолютной власти, заставил отца одного из мальчиков поручить своему негру побить ребенка перед всем классом. Зрителям, собранным на это жестокое зрелище в креольском или московском духе, было под страхом сурового наказания запрещено проявлять малейшее неодобрение» («История моей жизни»). Однако постепенно подрастает восставать — как, например, Бодлер и его товарищи в Лионе в 1832 году, — и семьи протестуют. Дело дошло даже до того, что в рекламных проспектах учебных заведений стали особо оговаривать исключение подобных методов воспитания. Вмешивается государство, и в разного рода циркулярах указывается, что «детей ни при каких обстоятельствах нельзя бить»: в 1838 году появилось указание для приютов, в 1834 и 1851 годах — в отношении начальных школ. Школа Ферри выступает еще более категорично — в постановлении от 6 января 1881 года твердо заявляет: «Любые телесные наказания абсолютно недопустимы». Мишель Буйе, исследовавший эволюцию «телесной педагогики», показывает, как внедряются другие дисциплинарные меры. Как того желал Беккариа* в своей системе наказаний, речь идет о том, чтобы в первую очередь воздействовать на душу ребенка, а не на тело. Появляются новые различия в порядках государственных

* Чезаре Беккариа (1738–1794) — итальянский философ, публицист, один из самых выдающихся правоведов эпохи Просвещения.

и религиозных учебных заведений. Воспитательные методы в религиозных учреждениях более архаичны, идет ли речь о гигиене или о наказании. Провинившегося или плохого ученика монахи и монахини бьют указкой или линейкой, по крайней мере это касается детей из простых семей. Тому есть множество свидетельств.

Школьные методы воспитания не являются предметом настоящего исследования. Интерес для нас представляет желание семей повлиять на воспитательную систему или, по крайней мере, замедлить продвижение бонапартистских методов в воспитании. В данном случае частное оказывается важнее публичного, и обществу удастся повлиять на государство: это первое вмешательство родителей учеников в священные дела школы.

В деревне же, в городских низах и в мелкобуржуазной среде удары продолжают сыпаться. «Взбучки» (это жеводанское выражение находим в воспоминаниях Альбера Симонена о детстве в Ла Шапель в начале века) или «порки» прекрасным образом применялись при условии соблюдения некоторых границ: бить можно было только руками; палками и кнутами били только учеников на производстве. Избиения составляют существенную часть воспоминаний рабочих о своем детстве в XIX веке, об этом свидетельствуют Пердигье и Жиллан, Трюкен, Дюме и Туану. В мастерских же практиковалось избиение непокорного ученика всеми взрослыми рабочими, обязанностью которых было научить его профессии.

В основе всего этого лежит целый ряд представлений: например, мятежный дух надо усмирять; учиться надо всю жизнь: «Я сделаю из тебя мужчину, сынок». Идея мужественности замешана на физическом насилии. Некоторые, кто готов воспроизводить эту модель, похваляются тем, что прошли через насилие как через необходимую инициацию, возможно, преувеличивая то, что было в действительности. Но все больше становится детей и в особенности подростков,

которые восстают. Деятели рабочего движения и анархисты говорили, что этот горький детский опыт породил их ненависть к власти. Осознание себя начинается с осознания собственного тела.

Ребенок как объект инвестиций

В отношениях между родителями и детьми в XIX веке наблюдаются две тенденции. Во-первых, в ребенка вкладывают все больше денег, он — будущее семьи, часто по принуждению. Семья Анри Бейля (Стендаля) мечтает реализовать через него свою мечту об аристократизме и изолирует мальчика. Супруги Вентра-Валлес, стремясь подняться вверх по социальной лестнице, превращают маленького Жака в средство достижения этой цели. Отец — классный надзиратель в коллеже, и матери хотелось бы, чтобы Жак стал учителем. Во имя этого, сочетая крестьянскую хитрость с жадной респектабельностью, она устанавливает железную дисциплину, строго контролируя внешнюю сторону жизни. Быть опрятным, держаться прямо, носить подходящую случаю одежду («я часто в черном») и через эти полезные привычки усвоить любовь к порядку — такова была ее цель. Никаких ласк, никаких нежных слов. «Моя мать говорит, что нельзя портить детей, и бьет меня по утрам; если она утром занята, то в полдень, изредка — после четырех часов пополудни... Мать заставляет меня учиться, она не хочет, чтобы я был деревенщиной, как она! Она хочет, чтобы ее Жак стал *мсье*».

А какая драма разыгрывается, если ребенку не удастся оправдать чаяния родителей или он не хочет этого делать! Надежды семьи разбиваются. Ребенок чувствует себя виноватым. Взрослый не перестает напоминать ему об этом и постоянно муссирует тему его предательства. Вспомним Бодлера, который так и не смог заглушить угрызения совести по отношению к своей матери мадам Опик, или Ван Гога, который в письмах

к брату Тео выражал отчаянный протест «плохого сына». Источник экзистенциальной тоски, семейный тоталитаризм XIX века во многих отношениях имеет невротическое происхождение. Не так-то просто быть наследником.

В то же время ребенок — это предмет любви. После 1850 года по безвременно скончавшемуся ребенку начинают носить траур, как по взрослому. Его оплакивают наедине с собой, созерцая медальон, в котором хранится прядь его волос. Что это, буржуазная сентиментальность? В металлургическом краю, в Лотарингии, жены рабочих, «матери», «потеряв ребенка, полностью погрузились в свое горе. Каждый раз, встречаясь с приятельницами, они проливали несколько слезинок, которые вытирали большими клетчатыми носовыми платками», — вспоминает Жорж Навель («Труды», 1945). Легуве провозглашает высшим принципом воспитания привязанность и нежные чувства и превозносит уважение к автономии ребенка: надо воспитывать детей ради них самих, не ради себя, принимать тот факт, что их «интересы» могут не совпадать с интересами группы, что их ждет их собственная судьба, поэтому следует развивать их инициативность, даже культивировать некоторую неопределенность, которая сохранит у них способность быть свободными. Таковы были принципы педагогов-анархистов.

Из всех замечаний, которые делают ребенку, даже из мелочных школьных придилок, возникает его образ, он обретает голос. Его речь, его аффекты, его сексуальность, его игры — все фиксируется и разрушает сложившиеся стереотипы в пользу каждого конкретного случая, не похожего на остальные. Детство отныне рассматривается как лучший период жизни. С описаний детства начинается каждая автобиография, авторы подолгу останавливаются на своих ранних воспоминаниях, в то время как роман воспитания описывает юность героя.

Так или иначе, детство становится периодом, определяющим дальнейшую жизнь человека, а к ребенку отныне начинают относиться как к личности.

Отрочество, «критический возраст»

Вырисовывается новая фигура — подросток, существования которого не замечают в традиционных обществах. Между первым причастием и окончанием школы, призывом в армию у мальчиков и замужеством у девочек находится период, об особенностях и опасностях которого писали Бюффон и Руссо. Руссо посвятил весь четвертый том «Эмилия» этому «критическому моменту» — периоду полового созревания. «Мы рождаемся, так сказать, два раза: раз — чтобы существовать, другой — чтобы жить; раз — как представители рода, другой — как представители пола. <...> Как рев моря задолго предшествует буре, так и этот бурный переворот предвещается ропотом зарождающихся страстей; глухое брожение предупреждает о близости опасности»*.

Представление о критичности этого возраста было широко распространено в XIX веке, в частности среди врачей, которые в период между 1780 и 1840 годами написали множество диссертаций о половом созревании мальчиков и девочек и о том, как им помочь в этот период. Этот возраст опасен не только для индивида, но и для общества в целом. Подросток-нарцисс находится в поисках себя, своего морального и физического образа. Он не отходит от зеркала. Он тот «Единственный», о котором пишет Макс Штирнер** и, следовательно, стремится разобщить общество, как это подчеркивает Дюркгейм. То, что молодые люди с такой легкостью совершают самоубийства, связано с их плохой интегрированностью в различные социальные структуры. К тому же сексуальные аппетиты подростка нередко приводят его к насилию, жестокости, даже к садизму (например, по отношению к животным). Подросток склонен к насилию, ему нравится запах крови.

* Перевод П. Д. Перова.

** Речь идет о книге немецкого философа Макса Штирнера (1806–1856) «Единственный и его собственность».

Мы незаметно подходим к теме подростковой преступности, которую в типичной для того времени работе анализирует Дюпра («Преступность в юном возрасте. Корни социального зла и средства от него», 1909). Подросток, пишет он, — это «бродяга по своей сути». Влюбленный в путешествия, в перемещения, абсолютно непостоянный, он «сбегает, как это делают люди, страдающие истерией и эпилепсией, неспособные противостоять охоте к перемене мест». У него своя собственная патология, например гебефрения — «потребность действовать, влекущая за собой презрение к любым препятствиям и опасностям»^{*} и нередко ведущая к преступлениям.

Самое беспокоящее в подростке — его просыпающаяся сексуальность и осознание этого процесса. Мишель Фуко в работе «Воля к знанию» (1976) показал, как «секс ученика коллежа» в XIX веке стал излюбленной темой, главной характеристикой современного периода^{**}. Мастурбация, латентная гомосексуальность в интернатах, некая извращенная дружба постоянно очень беспокоили врачей, главных специалистов по телу. Мужская и даже женская гомосексуальность перестают быть правонарушением, если они не оскорбляют общественную нравственность, но рассматриваются как явная аномалия, как болезнь. В центре всего этого — подросток и его «дурные привычки». Знание и управление подростковой сексуальностью — суть воспитательных задач и постоянная социальная забота. Эти вопросы требуют особого подхода: справится ли семья с их решением?

Домашнее образование под бдительными взглядами отца, матери, воспитателей, воспитательниц — преимущественно английских *мисс* — остается мечтой семей, бредивших аристократизмом или идеями Руссо, которые отрицали вульгарные

* Современная психиатрия называет гебефренией тип шизофрении, при котором в поведении человека ярко выражены черты детскости, дурашливости, немотивированные поступки и расстройства речи. — *Примеч. ред.*

** Фуко пишет о «сексе ученика коллежа» применительно к XVIII веку. — *Примеч. ред.*

контакты своих детей. «Единственный сын», Анри Брюлар-Бейль хранит ужасные воспоминания об изоляции, которую ему навязали родители, чтобы избежать какого бы то ни было контакта с детьми простых людей. «Мне ни разу не разрешили поговорить со сверстником. <...> Я вынужден был выслушивать нудные проповеди об отеческой любви и сыновнем долге». Он обманом выходит оттуда и мечтает лишь о том, чтобы сбежать. Центральная школа Директории будет его освобождением.

Наконец, приходит время поступать в интернат или пансион. В возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет девушки отправляются туда, чтобы получить светское воспитание, научиться «изящным искусствам», чтобы произвести впечатление в гостиных, где собираются потенциальные женихи. Мальчики, запертые в коллежах и лицеях, готовятся к экзамену на степень бакалавра, этот «необходимый минимум» буржуазии. Надо сказать, что интернаты коллежей и лицеев имели плохую репутацию. Бодлер смертельно скучал там: «Мне так тоскливо, что я плачу без причины», — пишет он матери 3 августа 1838 года. Жорж Санд удручена необходимостью отправить туда Мориса. Сравнивая «эту ангельскую душу подростка», этого нежного андрогина, который очень походил на собственного отца, воспитанного внимательной матерью, с «плохо причесанным, мало что знающим лицеистом, уже пораженным каким-нибудь ужасным пороком, который успел разрушить в нем стремление к идеалу», она оплакивает домашнее образование. «Долг честных и спокойных семей — оставить детей дома и не отправлять их учиться жизни в коллежах и лицеях, где равенство достигается только при помощи кулаков» («История моей жизни»). На интернаты возлагают ответственность за мастурбацию и гомосексуализм. В посмертно опубликованном романе «Дневники полковника Момора», во многом автобиографическом, Роже Мартен дю Гар вспоминает сексуальные отношения в коллеже в начале 1880-х годов: «Онанизм поодиночке был правилом.

Разделенное удовольствие — исключением». Несмотря ни на что, общественное мнение обвиняет интернаты в «изнеженности» молодежи, в поражении 1870 года* и даже в сокращении населения Франции! В то время как семьи рабочих и крестьян обязаны были отправлять своих сыновей в пансионы, если они хотели продолжать образование, буржуазные семьи предпочитали экстернат, что Эрнест Легуве, как и Жорж Санд, считали лучшим решением. Больше чем когда-либо семья хочет для своего отпрыска возможности расширить кругозор и быть защищенным и, противостоя государству, превращает образование в частное дело. Этим будет объясняться успех «свободного» обучения.

Однако подростка все время подозревают в бунте, и сама эта подозрительность взрослых вызывает у него желание создать вокруг себя тайну. Подростки придумывают сотни способов завоевать право на частную жизнь. Чтение романов и стихов под одеялом, ведение дневников, наконец, мечты — все это способы завоевания личного внутреннего пространства. Важную роль играет дружба: у девочек дружеские отношения, завязавшиеся в пансионе, часто прекращаются с замужеством; мальчишеская дружба, основанная на разного рода ритуалах инициации, как описывает Флобер, вспоминая себя и своих приятелей по руанскому коллежу, часто длится всю жизнь, проявляясь в деловых и властных отношениях. Индивидуальный или коллективный протест — характерная черта жизни всякого крупного интерната, по крайней мере до начала 1880-х годов, как будто с установлением Республики исчезли поводы поднимать шум. Разумеется, падение монархии не было таким уж праздником для молодежи, и сексуальная свобода не признавалась, как это было в традиционных обществах. Молодые люди отныне рассматривались не как группа,

* Имеется в виду поражение Франции во франко-прусской войне 1870–1871 годов.

а как индивиды, которым надлежит слушаться и помалкивать. Вот почему их протест всегда политизирован и в большинстве случаев индивидуален; у молодых людей возникает конфронтация с семьями.

В простонародной среде дело обстоит так же. После первого причастия или после получения сертификата об обучении и до призыва в армию молодой рабочий живет в семье и отдает свой заработок родителям; книжки с записями о выплатах, отмененные для взрослых рабочих, сохраняются для молодых. В среде с крепкими семейными структурами, например у шахтеров, женитьба «до армии» считалась чуть ли не предательством. Тем не менее, как показывают многочисленные опросы, например проведенный в 1872 году по поводу «условий труда во Франции», молодежь демонстрирует нетерпение: на заводах Ла Вульт (Ардеш) «многие, едва начав зарабатывать, покидают родительский дом и устраиваются в пансионах, как поступили бы приезжие холостяки»; в Пикардии, текстильном краю, мальчики и девочки шестнадцати-семнадцати лет снимают себе жилье и больше не отдают деньги родителям. В некоторых семьях существует соглашение: начиная с восемнадцати лет дети отдают родителям только часть заработка или вносят оговоренную сумму на свое содержание.

Семьи, где есть подростки, — зона «турбулентности, тектонических сдвигов и извержения вулканов».

Братья и сестры

Отношениям родителей и детей, которые характеризуют вертикальные связи в семье, можно противопоставить отношения братьев и сестер — горизонтальные связи. Приведем примеры великолепных братских отношений, взять хотя бы Реклю, о которых рассказывала Элен Сарразен. Однако во многих случаях пол, старшинство, возраст, иногда — одаренность

кого-то из детей или родительские предпочтения порождают неравенство, временами даже настоящую конкуренцию среди братьев и сестер. Эта конкуренция максимальна там, где старший ребенок находится на особом положении: так обстоят дела в Жеводане, где нарастающее напряжение между старшими и младшими в течение века доходит чуть ли не до убийств и утихает лишь по решению суда или если кто-то из соперников уезжает. Младший брат часто находится на положении почти слуги и иногда не может создать семью и вынужден оставаться холостяком.

Конечно, следует различать также детство и юность, видеть, как детские ссоры перерастают в соперничество в отрочестве и даже в ненависть, когда настает время делить наследство. Главные внутрисемейные конфликты происходят между братьями и сестрами, делящими имущество, которое всегда переоценивается теми, из чьих рук оно ускользает; символическое значение этого имущества часто значит больше, чем его материальный эквивалент: очень трудно согласиться с тем, что выбрали не тебя, что ты — «другой».

Однако братские отношения — это не только раздел наследства. Это и удовольствие от совместных шалостей, и противостояние родительскому диктату, обучение младших старшими. Роль старшего брата в выборе профессии или идеологической ориентации может быть определяющей. Старшие сестры часто воспитывают младших (Виктор Гюго с волнением вспоминал, как Леопольдина, положив большую Библию на колени, учила читать Адель), учат их некоторым хозяйственным мелочам, посвящают в секреты тела и соблазнения. В случае смерти матери старшей сестре приходится заменять ее — как для младших братьев и сестер, так и для отца. Старшая дочь в семье часто приносится в жертву в случае ранней смерти матери; в народной среде, в особенности в сельской местности, она играет роль няньки при младших детях, младшая же дочь, последняя из детей, обычно ухаживает за престарелыми родителями.

В переписях населения, проводившихся каждые пять лет, часто упоминаются семьи, состоящие из двух женщин — пожилой матери и одной из ее дочерей. Таким образом, очередность появления на свет и разные непредвиденные случаи определяют жизнь семьи, взаимозависимость ее членов и их обязанности.

Конечно, братские отношения не всегда видятся в розовом свете, как в нравоучительной литературе, но они могут быть очень теплыми, о чем пишет Ален Корбен. Отношения между братьями и сестрами более сложные, чем между однополыми детьми: это первичная форма отношений с представителем противоположного пола. Задавленные религиозными и социальными запретами, эти отношения редко имеют сексуальную окраску, но очень часто — оттенок влюбленности. Бакунин признается в запретной любви к сестре, и это становится поводом для кампании против него. На деле цензура в этом отношении так сильна, что завеса тайны приподнимается лишь иногда: например, Пьер Муаньон, бывший каторжник, влюбленный в сестру, пишет о своей отчаянной страсти в дневнике, о чем мы узнаем из материалов уголовного дела.

Сестрички

Комбинация возраста и пола создает схемы взаимоотношений — старший брат/младшая сестра, старшая сестра/младший брат, в которых возраст обычно усиливает характеристики полов — отцовские или материнские. «Сестричка» из романа Золя «Труд» (1901) безудержно льстит брату; ни с кем не посоветовавшись, она приносит себя в жертву предприятиям Марсиаля Жордана, плачет от радости, выступая на вторых ролях, с виду со всем согласная. Эта фигура «младшей сестрички» — часто встречающийся мотив антифеминистской литературы начала века. Старший брат, заменяющий отца и мужа, вводит в жизнь, являет собой образец мужской идентичности в кризисный период.

Старшая сестра — защитница, отдает всю себя воспитанию и продвижению своего младшего брата. Эрнест Ренан многим обязан Генриетте, идеальный портрет которой он создал («Моя сестра Генриетта»). Родившаяся в 1811 году в Трегье, она была на двенадцать лет старше брата-тирана. Генриетта работала учительницей в Бретани, позже в Париже и даже в Польше, отказывалась от многочисленных предложений руки и сердца, желая посвятить себя семье. Благодаря именно ее деньгам Эрнест смог продолжить учебу и научную работу. В 1850 году брат и сестра обосновались в Париже. «Она относилась с огромным уважением к моей работе. По вечерам она сидела рядом со мной, боясь вздохнуть, чтобы не помешать мне; она хотела постоянно меня видеть, и дверь, разделявшая наши комнаты, всегда была открыта». Генриетта оказывала влияние на брата, в частности в том, что касалось вопросов религии, — неверующая Генриетта опережала брата на этом пути. «Она была моим идеальным секретарем; она переписывала все мои работы и вникала в них так глубоко, что я мог на нее положиться во всем». Когда Эрнест влюбился, разыгралась драма, хотя сестра сама побуждала его жениться. «Мы пережили в полной мере всю бурю чувств. <...> Когда она объявила мне, что уедет, как только я свяжу свою жизнь с другой женщиной, сердце мое помертвело». После женитьбы Эрнеста на мадемуазель Шеффер Генриетта перенесла всю свою любовь на маленького племянника Анри. «Материнский инстинкт, который переполнял ее, нашел здесь свой естественный выход», — пишет Ренан и с простодушием великого человека рассказывает о «потрясающих отношениях» его жены и сестры: «Каждая из них занимает рядом со мной свое собственное место, ни одна не обделена вниманием». Генриетта, однако, снова обрела счастье рядом со своим братом, лишь когда сопровождала его в миссионерской поездке в Сирию, где ее ожидала смерть. «Это был, честно говоря, единственный год без слез, единственная награда за всю ее жизнь», — пишет Эрнест. Иногда благодаря необычным ситуациям можно узнать правду о многих вещах.

Другие родственники

Вокруг нуклеарной семьи, состоящей из родителей и детей, существует несколько кругов более или менее близкой родни, различающейся по типу семейных отношений, по формам проживания, миграции, социальной среды. Связи эти довольно крепки в XIX веке, в том числе в народной среде. Как пишут современные исследователи социологии городской жизни (например, Анри Куэн), именно в рабочих семьях по воскресеньям устраиваются большие семейные обеды.

Бабушки и дедушки

В городской среде совместное проживание нескольких поколений семьи встречается гораздо реже, чем в сельской местности, где, впрочем, это вызывает проблемы, когда старики не могут больше работать. В городах престарелые родители могут жить с детьми лишь временно — это можно объяснить теснотой жилья. Рабочие, описанные в монографии Фредерика Ле Пле («Рабочие двух миров»), как правило, имеют отношения со своими предками, в особенности по женской линии, доверяют им своих малолетних детей и заботятся о них в старости. Однако эта межпоколенческая связь имеет тенденцию к разрушению, и брошенные старики с ужасом ждут богадельни. Вот почему вопрос о «днях старости» остро стоит во всех социальных слоях. В Жеводане представители старшего поколения, недовольные тем, что дети нерегулярно дают им деньги на жизнь, стали пользоваться системой узуфрукта*. В среде наемных работников усилились требования пенсии, в частности в государственном секторе. Сторожа из приютов для умалишенных обратились в 1907 году с письмом к министру внутренних дел: «Неужели мы не имеем

* Узуфрукт — право пользоваться чужим имуществом и присваивать доходы от него, сохраняя целостность и ценность имущества.

права на жизнь, как все остальные граждане, и на льготы, как любая другая категория служащих, которых государство защищает и которым обеспечивает будущее при помощи пенсионных касс?» Отказ Всеобщей конфедерации труда ратифицировать закон о пенсиях в 1910 году вызван несовершенством этого закона, а не несогласием с принципом, который, напротив, рабочие желали бы воплотить в жизнь, как свидетельствуют письма, полученные газетой *L'Humanité*; этими письмами занимался Фердинанд Дрейфус*. Тот факт, что старость, наравне с болезнью и несчастным случаем, следует страховать, одновременно показывает разрыв семейных связей и изменение восприятия обществом разных временных отрезков жизни. Это сознательное отношение к старости, которое бабушка Жорж Санд считала одним из соблазнов Революции, еще предстоит изучить.

В зависимости от того, живут они далеко или близко, бабушки и дедушки более или менее регулярно появляются в семьях своих детей. Как правило, им не надо воспитывать внуков и они могут отдать им всю свою нежность, быть «дедулей» и «бабулей». Они могут также заменить умерших, занятых или куда-то уехавших родителей. Оставшегося без матери Анри Бейля воспитывал его дед Ганьон; незаконнорожденного Ксавье-Эдуарда Лежена взяли к себе родители его матери; Аврора Дюпен (будущая Жорж Санд) воспитывалась бабушкой по отцовской линии, которая приютила и Ипполита Шатирона, внебрачного ребенка своего сына Мориса. Элизе Реклю до восьми лет жил у родителей своей матери, которые оказали на него огромное влияние.

Автобиографии почти всегда начинаются с воспоминаний о бабушках и дедушках, по поколению которых обычно проходит граница семейной памяти. Через их образы, почти такие же мифические, как образы аристократов, внуки впервые узнают, что такое смерть — вспомним о смерти бабушки

* Фердинанд Дрейфус (1849–1915) — французский юрист, историк и филантроп, сенатор от Сены и Уазы с 1909 по 1915 годы. Много занимался социальными проблемами.

рассказчика из романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Кстати, не стоит недооценивать роль бабушек и дедушек в передаче внукам опыта, знаний и традиций. В этом беспокойном веке рассказ об исторических событиях, о том, как эти события были пережиты предками, является как бы формой *приватизации* памяти, часто женской, потому что бабушки, рано выходящие замуж, как правило, дольше живут.

Кузины, кузены и тетушки

Дяди и тети, двоюродные братья и сестры — вот то облако, тот горизонт, которым, как правило, ограничивается семейное общение, переписка, связи. В народной среде семьи этих родственников служат канвой для трудовой миграции. В буржуазных кругах они формируют круг тех, кого принимают у себя в гостях и с кем встречаются на каникулах, в чьей компании приобретаетесь новый опыт, в том числе сексуальный. По мнению Фурье, тетушки помогают племянникам делать их первые шаги в свете, а дядям нужно быть очень благоразумными и добродетельными, чтобы устоять перед соблазном «милого инцеста с племянницами». Кузина, с прошлого лета превратившаяся в женщину, вызывает восторг; при виде красавца кузена с манерами студента-вольнодумца замирает сердце: «карта Страны Грез», воспитание чувств; семьи достаточно для всего, она предвидит все (навечно мыслями о романе Мишеля Бродо «Рождение страсти»). Если дело заходит слишком далеко, возможен риск, что этим отношениям будет положен конец, иногда в довольно жесткой форме.

Дяди и тети в случае необходимости выступают в роли опекунов. С учетом недееспособности овдовевшей матери их роль на семейном совете может быть весьма значительной, в особенности если речь идет о новом замужестве; с их точки зрения, в первую очередь должны быть соблюдены права осиротевших детей, вплоть до изоляции матери, согласно закону от 1838 года.

Привязанные к дому, часто одинокие, лишние, тетушки составляют весь детский мир, и именно их в первую очередь помнят племянники. Анри Бейль познал как жестокость своей тетки Серафи — «этого дьявола в юбке... которая была моим злым гением в продолжение всего детства»*, — так и нежность тетушки Элизабет. Жак Вентра вспоминает квартет своих теток: Розали и Мариу — с материнской стороны, и двух старых дев Мели и Аньес — с отцовской. Мели и Аньес жили бедно и вступили в небольшую общину блаженных около Пюиан-Веле. Тетушки играли роль матерей особенно для своих осиротевших племянниц. Каролину Брам повсюду сопровождала ее тетка Селин Терно, без сомнения, ответственная за ее замужество, как и за замужество очень многих в этой семье. Мари Капель — будущую мадам Лафарж** — посвятили в секреты супружеской жизни именно ее тетки: «После завтрака, долгого и проходившего довольно оживленно, тетки заперлись вместе со мной в маленькой гостиной и начали посвящать меня в ужасающие подробности моих новых обязанностей» (Mémoires. 1842. Т. II. Р. 103).

Что касается дяди, то он вносит свежий ветер. Он обладает престижем отца, но не имеет его недостатков. Он часто вступает в сговор с племянниками. Ксавье-Эдуард Лежен очарован проделками своего дяди-портного, который надевает редингот, чтобы отвести его к Венсенской заставе. Альбер Симонен восхищался своими дядями: Пьером, изобретателем и владельцем автомобиля задолго до 1914 года, и Фредериком, часовщиком и фонарщиком, самостоятельно построившим себе загородный домик. Поль Реклю боготворит своего дядю-географа Элизе и после смерти последнего издает его произведения.

* «Жизнь Анри Брюлара» (пер. Б. Г. Реизова).

** Мари-Фортюне Лафарж (1816–1852) — женщина, осужденная за отравление мужа; доказательством, убедившим суд, впервые в истории стала токсикологическая экспертиза. Лафарж до конца жизни утверждала, что невиновна, и в год своей смерти была помилована Наполеоном III.

Конечно, дядя, заменяющий отца, может представлять и опасность, но людям нравится выдумывать истории со счастливым концом. Дядя в Америке — один из распространенных семейных мифов.

Соседи и слуги

За пределами родства существует третий ближний круг: в состоятельных слоях общества это слуги, в народной среде — соседи; и те и другие иллюстрируют пространственную дифференциацию сцен частной жизни. Есть еще один общий момент: в обоих случаях их присутствие означает некую опасность.

Соседи — это одновременно соратники и враги. В деревнях практически невозможно ускользнуть от посторонних взглядов. В Жеводане «вся деревня прекрасно осведомлена обо всем; в игру, которая заключается в том, чтобы проникнуть в чужие тайны, сохранив свои, играют все». По поступкам и внешнему виду можно судить очень о многом. Отдельные места просто созданы для подсматривания, например церковь, «место, где можно узнать все, что происходит в деревне». Следят за присутствием на мессе, за регулярностью причащения (если кто-то не приходит, то это рассматривается как грех), за продолжительностью исповеди девушек. Известно, что все постыдные события связаны с женщинами, — поэтому очень бдительно следят за их фигурами. Умиrotворенные лица, расплывшиеся, а потом внезапно обретшие прежние формы талии — все это очень подозрительно. Предметом особого внимания являются вдовы. «Провинция не спускает глаз со вдов, — пишет Мориак. — Она строго следит за тем, сколь долго те не снимают траур. О степени горя она судит по длине траурной вуали. Горе той, что в знойный день приподняла вуаль, чтобы глотнуть свежего воздуха! Это было

замечено, и теперь не оберешься разговоров типа: „Быстро же она утешилась!..“»* Сквозь полуоткрытые жалюзи постоянно кто-то наблюдает. Слова и намеки, которыми обмениваются во время стирки в прачечной, превращаются в навязчивый шум. Деревня — это самоуправляющийся организм, отказывающийся от вмешательств извне, поэтому внутренняя цензура в ней очень сильна. Соседи способны погубить репутацию.

Соседи

А как обстоят дела в городской народной среде, больше ли свободы там? И да и нет. Да, поскольку сообщества складываются в городах временно, общих интересов у людей меньше, передвижения более интенсивны. Существует относительная солидарность, направленная против «них» — чужих, в частности полиции. Нет — из-за тесноты помещений: скрип кровати сообщает всем соседям о происходящем; через открытые летними вечерами окна доносится шум семейных скандалов и пререканий между соседями; во дворах-колодцах отличная слышимость; постоянно приходится сталкиваться на лестницах, около общего водопроводного крана, у вонючих сортиров, вечных предметов ссор между жильцами. Главный персонаж — консьержка (в домах, где проживает простой народ, это почти всегда женщина, постепенно вытеснившая швейцаров и портье). Ее недолюбливают — она занимает промежуточное положение между частным и публичным, хозяевами жилья и квартиросъемщиками, полиция всегда обращается к ней в случае каких-то происшествий и пытается сделать из нее осведомителя. Ее скрытая власть велика: она «фильтрует» жильцов, посетители и уличные музыканты входят во двор лишь с ее разрешения. Жилье, выходящее на улицу, было доступно не всем и гораздо лучше хранило тайну частной жизни.

* Франсуа Мориак. Провинция (пер. Т. Чугуновой).

«Большинство жильцов довольствуется крайне тесной жилплощадью», — отмечает Пьер Сансо («Чувствительная Франция», 1985). Улица, где все обо всем узнают, в большей степени, чем квартал, отделяет тайное от общеизвестного. Лавки со своими нормами вежливости и взаимными уступками — эпицентр новостей. Всегда есть кто-то, кто все видит, слышит, наблюдает; булочница, а еще скорее бакалейщик становятся «ухом или исповедником квартала или улицы» (Серто М. де. Изобретение повседневности). Квартал, более сложный организм, выводит в город, где секреты хранятся уже по-иному.

Здесь нас меньше интересует пространство, нежели люди, соседи, которых не выбирают, «Другие», которых, с одной стороны, надо опасаться, с другой же — любить. Соседи устанавливают правила приличия, поведения в доме и на улице; эти правила следует соблюдать, чтобы быть принятыми; существовала тенденция принимать в сообщество похожих и не допускать непохожих — людей другой национальности, с другим цветом кожи, приехавших из другой провинции, даже кантона. В Париже — как в деревне: например, в отдельных кварталах на улице Лапп живут овернцы; в конце XIX века в Марэ стали селиться евреи из Восточной Европы, и между улицей Фран-Буржуа в предместье Сен-Жермен и грязной и перенаселенной улицей Розье возникают различия (см. у Нэнси Грин*).

Соседский глаз очень влияет на частную жизнь каждого, возникает вопрос «Что скажут люди?». Неодобрение или, наоборот, терпимость и снисходительность соседей — это закон. В то же время от них можно как-то спрятаться. Закрыв дверь, человек оказывается «у себя», к нему проникают лишь шум в неурочное время, отвратительные запахи и подозрительные

* Нэнси Грин (р. 1951) — американский историк, преподавательница Чикагского университета и Университета Париж VII.

звуки. В то, что происходит за закрытой дверью, никто не вмешивается. Родители могут бить детей, муж — жену: это их дело, полицию до поры до времени вызывать не станут. Для того чтобы прозвучала просьба о помощи, нужна настоящая драма. Поводы для обращения частных лиц в полицию и правоохранительные органы — это интересный показатель порога толерантности и форм вмешательства, ими следовало бы заняться подробнее. В любом случае проблемы совместного проживания соседей с правовой точки зрения остаются делом гражданским, и существует определенный консенсус во взглядах на неприкосновенность частной жизни семьи и ее жилья.

Гораздо сильнее нетерпимость в политических вопросах, что можно увидеть из волн доносов, появляющихся в смутные времена, например во время Парижской коммуны. Очень многие были арестованы по доносу консьержки или соседа. Таков, например, печальный опыт Жана Аллемана*.

Неустойчивое равновесие отношений с соседями, изредка проявляющими солидарность, чаще же оказывающихся цензорами, как скорлупа каштана, скрывает частную жизнь людей.

В доме, где проживает буржуазная семья, в зависимости от ее положения в обществе и от традиций, существуют слуги и домашние животные, о которых мы сейчас и поговорим.

Домашние животные

О них мы не будем говорить долго. Животные действительно составляют некую часть частной жизни, которую дальше анализирует Ален Корбен. На протяжении XIX века люди все нежнее относятся к домашним животным — собакам, птичкам, позже кошкам; наряду с этим в общественной жизни

* Жан Аллеман (1843–1935) — французский социалист и профсоюзный деятель, участник Парижской коммуны; был осужден на пожизненную каторгу в Новой Каледонии, в 1880 году амнистирован.

проявляется экологическое сознание. Животные принадлежат семье, о них говорят как о старых друзьях, о них рассказывают и пишут в письмах (например, переписка Жорж Санд на эту тему составляет существенную часть ее творческого наследия), они спасают от одиночества. Каролина Брам и Женестьева Бретон получают в подарок от возлюбленных собачек. Первая называет свою Воительницей и дает фамилию хозяина; вторая ласкает собачку, как новорожденное дитя. Им выдают знаки отличия: собака мадам Дюпен носит ошейник, на котором написано: «Меня зовут Нерина, я принадлежу мадам Дюпен из Ноана, недалеко от Шартра»; она закончила свои дни на коленях у хозяйки, ее похоронили «в нашем саду, под розовым кустом; *погребли*, как выражается наш старый садовник; *похоронить*, с точки зрения набожного беррийца, можно только крещеного христианина». Домашнее животное постепенно поднимается по социальной лестнице, как человек, и в результате сегодня возникают затруднения у юристов: может ли хозяин завещать свое состояние собаке? Этот казус был решен не в пользу собаки, но многие юристы выразили несогласие с таким решением (1983). В последней трети XIX века права животных обсуждаются так же горячо, как и права ребенка. Отметим, что этот вопрос очень волновал феминисток, которые активно работали в Обществах защиты животных.

Прислуга

Количество и качество обслуживающего персонала зависят от социального статуса семьи и ее уровня жизни и одновременно могут о многом рассказать: «иметь служанку» значит подняться по социальной лестнице и присоединиться к высшей касте, касте людей *обслуживаемых*. Жены в таких семьях могут жить в праздности и купаться в показной роскоши. Здесь можно рассмотреть и стойкость аристократической модели, отрицающей финансовую независимость и базирующейся на личных

связях. Слуга отдает хозяевам все — свое время, свое тело, все свое существо. Отсюда — нарастающее беспокойство, которое вызывает в демократическом обществе эта архаика, и признаки упадка, появившиеся во второй половине века, — становится трудно «заставить себя обслуживать», на что жалуются буржуазные дамы, в том числе феминистки.

Мы не будем здесь подробно рассматривать социальную историю прислуги, которая неоднократно описывалась в других исследованиях, в большей мере нас интересует ее частная история, одновременно внешняя — место слуг в доме — и внутренняя — существует ли частная жизнь у слуг?

Домашняя прислуга — мир со строгой иерархией. Наверху этой лестницы — воспитатели и гувернантки, держать которых могут себе позволить лишь обеспеченные семьи, не желающие отправлять детей в различные пансионы. Вследствие развития обязательного образования домашних учителей-мужчин становится все меньше, гувернанток этот процесс не затронул. Флобер пишет о них: «Происходят всегда из хорошей семьи, потерпевшей неудачи. Опасны в доме, совращают мужей»*. В 1847 году ради юной гувернантки герцог Шуазель-Прален убил свою жену, а потом совершил самоубийство. Это страшное происшествие пошатнуло монархию — о чем можно говорить, если аристократы опускаются до совершения преступлений на почве страсти? Француженки в первой половине века, англичанки, немки или швейцарки во второй, *мисс и фройляйн* являются постоянными объектами желания хозяина. Вокруг «мадемуазель» создается атмосфера соблазна, которой она должна противостоять, ведя себя соответствующим образом, нося очки и строгую прическу.

Ситуация со слугами, занимающими более низкое положение, еще хуже, поскольку они социально не защищены. Крайняя двусмысленность их положения вызвана тем, что

* Гюстав Флобер. Лексикон прописных истин (пер. Т. Ириновой).

они одновременно внутри и вовне, включены в семью и в то же время исключены из нее, посвящены во все тайны дома, пары — и принуждены ничего не видеть и особенно ничего не говорить: у Бекассины*, появившейся в 1906 году на страницах журнала для девочек *La Semaine de Suzette*, не было рта. К сказанному надо добавить, что речь в основном идет об отношениях между женщинами. Упадок больших аристократических домов, как показал Марсель Пруст в третьем томе эпопеи «В поисках утраченного времени» — «У Германтов», вызывает появление «прислуги за все», с помощью которой мелкая городская буржуазия пытается реализовать свои претензии на шик. Профессия пролетаризируется и феминизируется, что говорит о ее относительной деградации и потере уважения со стороны общества.

Лакеи и горничные — исчезающие виды — находятся в катастрофическом положении. То, что их не считают за людей, — еще полбеды: какое значение может иметь контакт для бесполок существ. Так, в XVIII веке маркиза де Шатле требовала, чтобы ее купал в ванне лакей Лоншан, мужские качества которого были между тем весьма очевидны; это вызывало у него сильное волнение, о чем он написал в мемуарах. Полтора века спустя ванные комнаты превратились в святая святых, слугам больше не разрешалось видеть хозяев обнаженными. «Мадам одевается и причесывается сама, закрывшись в ванной комнате на два оборота ключа, и я практически не имею права туда войти», — жалуется Селестина де Мирбо, как будто она потеряла часть своей власти («Дневник горничной»). Жорж Вигарелло показывает, как «более требовательное отношение к себе» способствует вытеснению слуг (*Vigarello G. Le Propre et le Sale. 1985*).

Это усилившееся стремление к сохранению интимности проявляется не только в ванной комнате, но и в спальне — приличная женщина сама застилает свою постель — и во всем

* Бекассина — героиня комикса Эмиля-Жозефа-Порфира Пиншона.

доме. Слуги должны быть под рукой, но где-то в другом месте. Их можно видеть, по крайней мере вызвать, оставаясь невидимыми. Сэмюэл Бентам, брат Иеремии, знаменитого автора «Паноптикона»*, на полях плана тюрьмы набросал проект системы дистанционного вызова, увиденную им в доме одного англичанина. Во времена Директории во Франции в большом количестве появились звонки, о чем некая «гражданка Зигетта», явно выражавшая мнение графа Рёдерера**, сожалела как о потере интимности. Виолле-ле-Дюк в «Истории дома» (1873) придает огромное значение холлам, коридорам, лестницам, которые должны не только служить для передвижения по дому, но и предоставлять возможность разминуться. Об этой нетерпимости пишет Мишле: «Богатые люди... живут перед слугами (читай — перед врагами). Они едят, спят, любят на глазах у тех, кто их ненавидит и смеется над ними. У них нет ничего скрытого, секретного, своего». Тем не менее «жить вдвоем, а не втроем — важнейшее условие для сохранения мира в семье». Этот отказ от слуг, ставших чужими и враждебными, — без сомнения, знак новой чувствительности, но в то же время и признак персонализации слуги, что со временем приведет к исчезновению прислуги как таковой.

Другая новая черта отношений со слугами, появившаяся в XIX веке, — отрицание слуг, игнорирование их тел, фамилий и даже имен, о чем пишет Анна Мартен-Фюжье: «Девочка моя, вас будут звать Марией». Это означает полнейшую невозможность для служанки иметь какую-то личную, семейную жизнь или сексуальные отношения, потому что у нее нет ни какого бы то ни было личного пространства, ни времени, которое она могла бы потратить на себя, ни права иметь их. Спать

* Паноптикон — «идеальная» тюрьма, в которой один стражник может наблюдать сразу за всеми заключенными.

** Пьер-Луи Рёдерер (1754–1835) — французский политик, экономист и историк.

в мансарде, при всей ее тесноте и убожестве, означает установление определенной дистанции, там может существовать «украденное удовольствие». Отсюда — боязнь, что хозяйка проникнет на шестой этаж, где для служанок возможна хоть какая-то жизнь, *своя собственная*.

Обычно незамужняя, служанка не имеет ни любовника, ни мужа, ни ребенка. Если случается несчастье, она «выходит из положения». Среди женщин, преследуемых за детоубийство, много служанок; они заполняют родильные отделения больниц, приюты для одиноких матерей и часто вынуждены оставлять детей. Когда отношение к одиноким матерям становится более снисходительным, многие служанки забирают малышей, но необходимость воспитывать ребенка в одиночку заставляет их еще сильнее дорожить работой.

Если отец ребенка — хозяин дома, где работает девушка, она должна исчезнуть либо замолчать. Елена Демут на протяжении всей жизни скрывала существование сына, которого она родила от Маркса. Когда много лет спустя, после смерти родителей и Елены, Элеонора узнала правду, она заболела, ее поразила не внебрачная связь отца, а ложь, которая ее окутывала. Елена Демут, отдавшая всю себя семье Марксов, — парадоксальный пример самоотречения великодушных служанок, тех, кого можно увидеть в уголке семейной фотографии и чьего имени никто не помнит. Преданность этих женщин такова, что у многих из них нет другой крыши над головой, другой семьи, кроме хозяйской. Берта Сарразен ухаживает за Тулуз-Лотреком и сообщает родственникам новости о его здоровье. Дух «дома» для них — это неосознанная возможность не страдать и оправдать себя, найти в семье, к которой они относятся, как к богам, способ облагородиться. Так Селеста Альбаре* — Франсуаза у Пруста — или Берта,

* Селеста Альбаре была секретаршей и горничной Марселя Пруста на протяжении последних десяти лет его жизни.

горничная Натали Клиффорд-Барни*, были бдительными и нежными свидетельницами величия своих хозяев.

Этот пережиток феодализма несовместим с развитием самосознания. Если хозяева перестали страдать от постоянного пребывания на виду у кого-то, то слуги теперь не выносят того, что их не замечают и полностью игнорируют их существование. Общий протест наблюдается редко, скорее, это индивидуальные выступления. Слуги становятся мобильными, непокорными, не прислушиваются к советам и преследуют собственные цели. Молодые служанки копят деньги на замужество и слывут выгодными партиями. С другой стороны, передвижение их ограничено: в конце века все боятся сифилиса, этого «парижского зла». «Кризис прислуги», проявляющийся в увеличении количества газетных объявлений о поиске работы, небольшое повышение залога, зарождение профсоюзов и законодательства, защищающего права трудящихся, меняет межличностные отношения. Они становятся более демократичными.

* Натали Клиффорд-Барни (1876–1972) — французская писательница американского происхождения, более шести десятилетий — хозяйка знаменитого литературного салона.

ЖИЗНЬ СЕМЬИ

Мишель Перро

Семья — это «моральное существо», которое говорит, думает и представляет себя как единое целое. Ее единство поддерживают кровь, деньги, чувства, тайны, память.

Переписка

Живя в разлуке, семья поддерживает связь при помощи писем. Вести переписку в связи с прогрессом почты, весьма заметным в первой половине XIX века, а во второй еще ускорившимся благодаря железным дорогам, стало гораздо легче. Регулярное получение свежих новостей стало потребностью. Неугомимая любительница писать письма Жорж Санд просит, чтобы ей прислали из Парижа «этой бумаги с синими и желтыми буквами, которая такая уродливая, хотя и модная» (3 апреля 1830 года); она сравнивает дату на почтовом штемпеле с датой доставки писем. Почтальона, приходящего в назначенный час, всегда с нетерпением ждут.

Дети, живущие в пансионах и интернатах, должны писать письма домой еженедельно. Муж и жена, расставшиеся на какое-то время, пишут друг другу каждые два-три дня. По регулярности переписки можно судить о близости родства с другими родственниками. Письмо на Новый год — иногда единственная возможность сообщить о своей жизни — о здоровье

членов семьи, о том, кто умер в прошедшем году, кто родился, кто женился, кто чем болел, кто как сдал экзамены. Именно такие сведения содержатся более чем в одиннадцати тысячах писем одной буржуазной семьи из Сомюра в период с 1860 по 1920 год, которые изучила Каролина Шотар-Льоре. Это интересный пример — он показывает интенсивность и содержание внутрисемейной переписки, то, о чем можно было говорить и о чем нельзя. Не подлежат обсуждению деньги, смерть, секс. Обсуждаются болезни, подробности повседневной жизни, дети. Центральный сюжет многословной переписки семьи Гобло — школьные успехи детей. В письмах друг другу матери и дочери Серийе — в публикации их зовут Эмили и Марта — уделяется много внимания деньгам и болезням: всякие недомогания и колики описываются до неприличия подробно — очевидно, что в этой области понятия о допустимом и недопустимом сместились.

Обмен информацией идет по своим законам, это не спонтанный процесс, но всегда, по словам М. Босси, «компромиссная фигура» между публичным и частным, между личным и общественным. Семейная переписка — дело группы или подгруппы, со своей территорией и со своими тайнами.

Безусловно, переписку ведут люди грамотные, пишущие с легкостью, можно сказать, несостоявшиеся писатели: так, этой «жаждой писать» оказались охвачены многие женщины, например Жорж Санд и ее подруги по монастырю; поскольку публиковаться женщинам было запрещено или, по крайней мере, затруднительно, то многие отдавались эпистолярному жанру и видели в нем своеобразный реванш. Некоторые посвящают написанию писем большую часть дневного времени. Мужчины также обнаруживают склонность писать письма; в XX веке они откажутся от этого занятия.

Различия между полами в плане переписки не так велики, как между городом и деревней. В городе простые люди в случае необходимости прибегают к услугам умеющих писать

и доверяют им свои тайны. В деревнях новостей меньше и передаются они в устной форме. Например, возвращение сезонных рабочих-каменщиков в департаменте Крѐз — настоящий праздник; долгими зимними вечерами они рассказывают о своих городских приключениях. Для всех огромную роль будет играть почтовая открытка, появившаяся в 1900 году. Вот, скажем, семья из Мелёна, пять человек, мать домохозяйка, отец садовник, дочери в услужении: за период с 1904 по 1914 год они послали друг другу более тысячи открыток. Постепенно переписка становится более сжатой, что сближает ее с современным обменом информацией.

Память и темы

Для всех периодические семейные встречи, более или менее регулярные, торжественные и многолюдные, являются основной формой общения, а также демонстрацией единения. Анна Мартен-Фюжье описывает обстоятельства и церемониал этих встреч. Для религиозных и этнических меньшинств такие мероприятия являются способом выживания, даже сопротивления, поэтому они уделяют им особое внимание. Семейство Моно до недавнего времени собиралось на ежегодное чаепитие, где каждый из примерно двухсот человек писал свое имя на подкладке пиджака! Члены другого протестантского клана — Реклю — все вместе праздновали день рождения отца. Элен Сарразен удалось отследить эволюцию семьи, сравнивая фотографии с этих встреч.

Семейные фотографии — это материализация встреч, возможность сохранить их в памяти. С конца XIX века их бережно хранят в альбомах. В семьях скромного достатка есть только свадебные фотографии.

Фотографирование вошло в моду во время I Мировой войны. Перед отправкой на фронт, в Мазаме, например, пары с детьми шли к фотографу; эти фотографии будут потом

находить в окопах на телах погибших солдат. До изобретения фотографии обеспеченные семьи заказывали свои портреты. Х. Наэф посвятил пять томов одним только семейным портретам кисти Энгра.

Фотографические и живописные портреты дают возможность визуализировать род. Представления о предках — одно из средств памяти, забота о которой в ходе беспокойного века, вписывающегося в цепь поколений, усиливается. На Севере и в Руане в конце XIX века буржуазные семьи начинают изучать генеалогию в тайной надежде найти у себя какого-нибудь знатного предка или же, если семье удалось разбогатеть, доказать свой подъем по социальной лестнице. На кладбищах тем временем ставятся надгробные памятники, имеющие портретное сходство с покойным и подтверждающие древность рода.

Что касается автобиографий, в частности написанных, по словам Филиппа Лежёна*, «обычными людьми», они становятся скорее семейными, нежели личными. Адресованные детям и внукам, эти автобиографии охватывают в основном детство рассказчика, чтобы показать масштабы жизненного пути, похвалиться проделанной работой или, в случае неудачи, оправдаться перед потомками. Кондорсе очень нравились истории «огромных семей». Жорж Санд, «История моей жизни» которой в первую очередь — история ее родни, призывает народ писать воспоминания: «Вы, поумневшие ремесленники, вы, крестьяне, научившиеся писать, не забывайте отныне своих ушедших родственников. Рассказывайте своим детям о жизни отцов, придумайте себе титул и герб, если вам этого хочется, но займитесь этим». Ведь «у простого народа, как и у королей, есть предки».

Память предполагает *вспоминание*, передается из уст в уста, и главную роль в этом процессе играют дольше живущие женщины. Это обнаружил Филипп Жутар, изучая жизнь

* Филипп Лежён (р. 1938) — французский историк и социолог, исследователь дневников и автобиографий.

камизаров*. Воспоминания эти неполные и реконструированные, действительные события значат меньше, чем представления о них. Переселившиеся в Лотарингию итальянцы создают легенды о своих корнях и постоянно пересказывают их. Основатель рода мифологизируется, его путешествие превращается в настоящую одиссею.

Ритуалы и стиль жизни

Жизнь семьи, частная и публичная, регулируется правилами, более или менее четкими. В буржуазной среде, мечтающей о великосветской жизни, эти правила соблюдаются в высшей степени тщательно. Руководства по правилам хорошего тона отражают изменение шкалы «приличий», в чем Норберт Элиас вслед за Эразмом увидел исчезновение границ интимного; романтические источники, использование которых в данном случае допускается, потому что в них больше, чем где-либо, можно обнаружить типичный идеал, воспринятый пронизательными и очарованными рассказчиками, а также частные архивы позволили Анне Мартен-Фюжье в трех временных пластах — день, год, жизнь — описать этот буржуазный ритуал, одновременно реальный и выдуманный. Нормативная ценность этой модели, проработанной так же тщательно, как этикет, столь же стесняющей, как и аристократические церемонии, подтверждает место, которое ей отводится. Она выражает стремление к определенному стилю жизни.

Этот стиль жизни побеждает во всех европейских столицах, во всех крупных городах. Он навязывается даже королевскому двору. Луи-Филипп, так гордящийся огромной супружеской постелью, прежде всего хочет быть хорошим отцом

* Камизары — крестьяне-гугеноты на юге Франции, участники восстания против Людовика XIV в 1702–1704 годах.

семейства, «благовоспитанным, с простыми привычками, с умеренностью во вкусах» (Токвиль). В Версале «в гостиной королевы нет ничего примечательного, кроме большого рабочего стола с выдвигаемыми ящиками, от которых у принцесс есть ключи и куда они кладут свое рукоделие. Именно здесь собирается королевская семья» («Эмили»). Позже императрица Евгения, страстно увлеченная «пуэрикультурой», сама будет «заниматься своим малышом, как обычная мать, одевать его, баюкать, петь ему испанские песни» (Октав Обри*). Двор охвачен «манией семьи», как и весь город, задающий тон: происходит смена ролей; буржуазия торжествует. Семейственность становится моделью жизни.

Конечно, ритуалы подчиняются множеству традиций, скрытым потребностям. Так, интеграция протестантов и иудеев во французское общество была процессом хрупким и требующим бдительности. У лютеран Эльзаса, согласно обычаю, было по два крестных отца и по две крестные матери, католики и лютеране, которые в случае конфликта могли бы защищать ребенка. В еврейской общине массовый наплыв иммигрантов из Восточной Европы в 1880-х годах вызвал волнения. В Париже, в еврейском квартале Плетцль (Марэ) во времена Прекрасной эпохи в портновских мастерских и лавках шляпников появилось множество маленьких молелен, что вызвало протест со стороны официальных больших синагог. Успешность адаптации овернцев в Париже связана в первую очередь с тем, что они сохраняли региональные и семейные традиции: кухню, светские и религиозные праздники (день святого Михаила и день святого Ферреола) и даже коллективные поездки на родину, организованные «поездами Бонне**».

* Октав Обри (1881–1946) — французский писатель и историк.

** Луи Бонне (1856–1913) — выходец из Оверни, предприниматель, создатель «поездов Бонне» специально для поездок парижских овернцев на родину. Поезда курсировали по стране на протяжении 35 лет, с 1904 по 1939 год, с перерывом на I Мировую войну.

Итальянские иммигранты тоже держались за свои традиции, даже священники у них были свои; все это вызывало их стычки с французскими рабочими.

Хоть семья и заменяет собой Бога, тем не менее ритуалы в массе своей остаются религиозными. Свободная мысль так и не смогла найти им замену, за исключением гражданских похорон, доля которых составляла 38,7% в Париже в 1884–1903 годах, 21,5% — в Кармо в 1902–1903 годах (здесь это касалось только мужчин) и 50% — в Сен-Дени, рабочем пригороде Парижа, в 1911 году. Наиболее сильная секуляризация наблюдается в рабочей среде. В городе Энен-Льетар* около 40% заключающихся браков были гражданскими. «Общества солидарности» разрабатывают новые формулировки для заветаний и новые ритуалы. В Рубе Общество свободомыслия проводит по пятьдесят похорон в год; мужчины и женщины сами несут гроб; выступающие вспоминают заслуги покойного под звон колоколов.

Однако у секуляризации есть границы. В отдельных случаях рабочие хотели бы провести похороны по религиозному обряду, но получили отказ священников; на Севере это вызвало волну возмущения. Из всех религиозных практик самым стойким оказалось первое причастие — видимо, не удалось найти другого способа провести ритуал перехода к отрочеству. В регионах, где христианство ослабело, этот вопрос часто вносит раздор в семьи.

Ритуалы регулируют, как и во что верить, но в большей мере — как жить. Здесь очень заметны социальные различия. Этнология хорошо изучила сельский стиль жизни, тогда как жизнь горожан исследована в меньшей степени, потому что ученые сосредоточились в первую очередь на коллективном, а не на повседневной семейной жизни. В XIX веке обычаи, принятые в семьях рабочих, практически не имеют ничего

* Современное название — Энен-Бомон.

общего с ритуалами буржуазных семей. Они по-разному относятся к пространству и времени. Улица, кафе — для них театр. Отсюда — одежда как статья расходов в бюджете. Итальянцы, самые обездоленные в Лотарингии, по воскресеньям должны «хорошо выглядеть». Работа заполняет все существование. Отсутствие настоящего досуга (безработица не в счет) и каникул — вот главное различие. «Святой Понедельник»^{*} рабочих ничем не похож на буржуазное воскресенье. Тем не менее рабочие по праздникам совершали семейные «выходы» на обед. Население в рабочих кварталах весьма смешанное. Требования профсоюзов установить английскую рабочую неделю^{**}, выдвигавшиеся во второй половине XIX века, связаны с пожеланиями семей.

Комбинации разных элементов, компромисс между публичным и частным, между деревней и городом, вписаться в жизнь которого мигрантам не так легко, — ритуалы помогают разным социальным группам захватить жизненное пространство и определяют стиль их существования.

^{*} «Святой Понедельник» — народный обычай не работать по понедельникам в противовес христианскому воскресенью. Связан с рабочим и профсоюзным движением во Франции в XIX веке. Прекратил существование после Парижской коммуны.

^{**} Рабочая неделя с понедельника до полудня субботы.

РИТУАЛЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ БУРЖУАЗИИ

Анна Мартен-Фюжье

Любовь к воспоминаниям

«В замке Флервиль все было наполнено воздухом». Камилла, Мадлен, Маргерит и Софи с нетерпением ждали приезда кузенов. Они «ходили туда-сюда, поднимались и спускались по лестницам, бегали по коридорам, прыгали, смеялись, кричали, толкались». Все было готово к приезду мальчиков: комнаты, как и полные нетерпения сердца девочек, ждали их. Букеты цветов расставлены. Так начинается роман графини де Сегюр «Каникулы» (1859).

Во время летних каникул все ездят друг к другу в гости, девочки ждут мальчиков. Как настоящие хозяйки дома, они проследили за тем, чтобы все было сделано как надо (только посмотрите на букеты), и, своим волнением демонстрируя важность события, они играют роль женщин, потому что именно женщинам полагается следить за правильностью соблюдения ритуалов частной жизни, как и за проявлением чувств.

Каникулярное счастье — это время и место, где проходят каникулы. Едва встретившись, дети начинают вспоминать то, что было в прошлом году.

- Будем делать глупости, как два года назад!
- Ты помнишь, как мы ловили бабочек?
- А скольких мы упустили!

- А та бедная жаба! <...>
- А та птичка! <...>
- Ох, ну и повеселимся мы! — воскликнули они хором,
в двадцатый раз бросаясь друг другу на шею.

Воспоминания в прошедшем несовершенном времени неизменно предполагают будущее. Это обещание и уверенность.

Прошедшее несовершенное время может сопровождаться оплакиванием прошлого, передавать сожаление о том, что прошло и уже не повторится. Это романтическое прошедшее несовершенное:

Или верни меня в минувшее, Творец!
Расшевели, как встарь, безмолвное жилище
Биеньем молодых и радостных сердец!

<...>

Казалось, дышит дом, и свежестью душистой
Вся каменная плоть его напоена,
И жизнь являет нам свой лик, прекрасный, чистый,
Как личики детей, глядящих из окна.

<...>

И пошатнулся дом, скользя неторопливо
В пучину невозвратных лет,
И двери заперты, и двор порос крапивой,
И прежней жизни канул след!..*

Для Ламартина в поэме «Виноградник и дом» (1857) время убивает счастье, от которого трепетали даже камни.

Тем не менее счастье может продолжать жить в памяти, и в таком случае прошедшее несовершенное служит для сохранения счастливых воспоминаний, которые согревают настоящее. Настоящее время становится не только возможным для жизни, но, подпитываемое памятью, оно делает эту жизнь лучше, в нить времен вплетаются счастливые моменты бытия и наполняют ее собой.

* Перевод Е. Баевской.

В этой перспективе дети вдвойне важны. Надо стремиться к тому, чтобы они были счастливы, чтобы они сохранили счастливые воспоминания. Чудесные воспоминания о детстве облагораживают и обогащают.

Повседневная жизнь, большей частью весьма банальная, приобретает огромную важность, если мелочи, из которых она состояла, превращаются в сентиментальные ритуалы. Именно поэтому хозяйка дома, которая собирала всю семью за столом в определенное время, ассоциируется со счастьем: этот ритуал отмеряет ритм частной жизни и создает иллюзию ее неизменности.

В буржуазной среде повторение — это не рутина. Повторение создает ритуал, а ритуал придает моменту важность: сначала его ждут, к нему готовятся; потом его обсуждают и обдумывают. В ожидании моментов, которые размечают день, есть особое удовольствие. Ритуализация придает оттенок счастья событиям, которым предстоит стать воспоминаниями.

Свидетельства текущего времени

Собранные в течение жизни сувениры бережно хранятся. Супруга Альфонса Доде называет «женской хронологией» коллекции разных реликвий: одна собирает перчатки, другая — образцы всех тканей, из которых были сшиты ее платья. Собираются также разные записи — прозаические и поэтические строки, наброски рисунков, которыми дамы и девушки украшали альбомы.

Изобретение в 1836 году фотографии (сокращение «фото» появилось лишь в 1876-м) и ее бурное развитие начиная с 1850-х годов послужило поводом к созданию новых альбомов. Портрет, написанный маслом, создан для вечности, он вне времени; фотографии запечатлевают миг. С одной стороны, фотографии — это самые любимые сувениры. С другой —

по сериям фотографий в альбомах можно проследить ход времени, взросление ребенка, эволюцию семьи — все эти свадьбы, рождения и крестины.

Каролина Шотар-Льоре, которая изучала архивы семьи Буало, обнаружила три альбома с приблизительно сорока отпечатками, сделанными между 1860 и 1890 годами. Фотографии были присланы членам этой семьи их многочисленными корреспондентами. Во многих письмах кузены и кузины Марии Б. сообщают, что вскоре пришлют свои фотографии и фотографии родственников. Так, мы видим одну и ту же особу во младенчестве во время крестин, потом в семилетнем возрасте, в отрочестве, в момент бракосочетания, окруженную детьми, наконец, одинокую, накануне старости. Подобная практика создает «конкретное свидетельство масштабов семейных отношений». Мария Б., в свою очередь, по случаю свадьбы своих дочерей в 1901 году рассылает фотографии этого события всей родне. Начиная с 1910 года фотография становится обычным делом: в период между 1911 и 1914 годами Эжен, супруг Марии, наснимал целых шестнадцать альбомов!

Дневниковые записи — тоже резервуар воспоминаний. Габриэль Ланген, девушка из гренобльской буржуазной семьи, решила вести дневник в возрасте шестнадцати с половиной лет, в июле 1880 года: «Через много лет я, быть может, с радостью перечитаю всю ту ерунду, которую написала в дни молодости, когда была счастлива» (12 июля). 30 октября она продолжает эту мысль: «Потом, когда я буду совсем старой, мне будет весело перечитать дневник и увидеть себя в зеркале прошлого, какой я была тогда».

Очень скоро этот дневник становится справочником. Ведя его, девушка создает историю. Вплетая события настоящего в прошлое и будущее, она структурирует свою жизнь. Событий настоящего здесь меньше всего, оно моментально становится прошлым, объектом ссылок.

Будущее — это свадьба с кузеном Луи Беррюэлем, двадцати восьми лет, о которой она мечтает. Они женятся 3 октября 1891 года. Габриэль по-прежнему находится между прошлым («Ах, я счастлива! Мечта всей моей жизни осуществилась месяц и три дня назад») и будущим («Если я и желаю чего-то, то стать матерью хорошенького младенца; произойдет ли это в 1892 году?»). На этом ее дневник оканчивается. Он свидетельствует о поворотном моменте в жизни девушки. Она не только доверяет дневнику душевные переживания — последовательно описывая происходящие события, она фиксирует историю своего существования.

Двадцать лет спустя Рене Беррюэль, старшая дочь Габриэль, тоже начнет вести дневник в школьных тетрадах. Первая из тех, которыми мы располагаем, датируется 1905 годом, когда девочке было тринадцать лет. Но начала она вести его раньше, если верить записи от 9 марта 1910 года, посвященной пятисотой странице дневника: «Пятьсот страниц! Не может быть! Скоро уже восемь лет, как я веду его». Вначале была книга: «Был День Всех Святых, мы собрались у камина в столовой в Бюисьере. <...> Я не знала, чем заняться, и пошла в библиотеку, нашла там „Дневник моей матери“ Ламартина. Тогда мне и пришла в голову идея вести мой собственный дневник».

Личные дневники сообщают множество ценных подробностей из жизни их авторов. Они очень интересны и с точки зрения истории, портрета времени. Так же обстоят дела и с семейной перепиской. Каролина Шотар-Льоре изучила одиннадцать тысяч писем из переписки Марии и Эжена Буало с детьми и родственниками. В этих письмах содержится информация для всей семьи — о детях, делах, визитах друг к другу в гости и особенно о здоровье. В них почти не описываются интимные переживания. Эта переписка выполняла ритуальную функцию — показывала существование крепких семейных связей — и ценна прежде всего своей регулярностью.

В чистом виде желание размерить течение жизни видно в «книжечках для дней рождений», на манер английских *birthday books*. В 1892 году издатель Поль Оллендорф публикует «Сборник Виктора Гюго», который снабжает небольшим предисловием. Английские сборники, пишет он, содержат стихотворения Байрона или мысли Шекспира. Этот же сборник призван отдать должное нашему национальному поэту. Правые страницы разворота оставлены чистыми, на них указаны только даты. Левая страница предлагает цитату из Гюго на каждый день.

Книгу можно использовать тремя способами: во-первых, открыть страницу со своей датой рождения и посмотреть, какая цитата выпала на этот день; во-вторых, можно выбрать какое-нибудь стихотворение и прокомментировать его (или попросить кого-то из друзей сделать это); наконец, в-третьих, можно использовать его как дневник (в первую очередь это относится к женщинам).

Я держу в руках такую книжку, принадлежавшую Клэр П. из Шатофора. В зависимости от этапа своей жизни Клэр делала записи по-разному: либо записывала дни рождения и важные даты, либо в подробностях рассказывала о некоторых прожитых днях, как в дневнике, — это было в один из самых наполненных событиями периодов ее жизни: помолвка, поездка в Россию... По этой маленькой книжечке, найденной в лавке старьевщика, исписанной мелким, почти нечитаемым почерком, мы можем судить о времени, которое Клэр хотела сохранить от забвения.

Клэр родилась 1 сентября примерно 1870 года. В 1880-м состоялось ее первое причастие. Она жила то в Париже на авеню Ваграм, то в Монтрё, на берегу Женевского озера, где ее родители владели замком, проданным в 1896 году, после чего семья стала снимать виллу. Жизнь девушки состояла из вечеринок и прогулок, но самым главным в юности для нее было пение.

Основные вехи ее жизни — это путешествие в Россию в 1899 году, болезнь и смерть отца 17 августа 1900-го, помолвка с Эдмоном и свадьба в феврале и апреле 1902-го, рождение сына Альбера 11 января 1903-го.

«Сборник Виктора Гюго» содержит несколько записей об очень теплых отношениях Клэр и ее супруга. 6 апреля, на следующий день после свадьбы: «Красиво. Прогулка в карете с Эдмоном мимо мельниц, возвращение через Дампьер и по набережным Луары. Очень красиво!.. Я в восторге! Боярышник весь в цвету». 15 мая: «Доктор сказал, что я, возможно, жду ребенка. Действительно, у меня все симптомы! Я очень рада, Эдмон тоже. Он говорит, что любит меня еще сильнее! И я чувствую, как его любовь ко мне растет с каждым днем!» 6 августа: «Наш дорогой младенец, который скоро родится, все больше сближает нас». Она уезжает в Пулинген с невесткой, Эдмон присоединяется к ней на неделю с 10 по 17 августа. 20 ноября — это праздник Эдмона. «Я поздравляю его накануне вечером и дарю ему цветы и папоротник».

Альбер родился в воскресенье, 11 января 1903 года. Крестили его 15 февраля. Начиная с этих пор записи стали реже. 23 сентября: «Уезжаю из Лювини с Бебером (Альбером) и Нуну в Париж и Сомюр, чтобы воссоединиться с Эдмоном». 26 сентября у Альбера появился первый зуб, а 11 декабря — второй. 22 февраля в возрасте тринадцати с половиной месяцев его фотографируют в Сомюре. 19 июня: «Бебер ходит все увереннее. Были на пруду Белле с ним и Эдмоном. Восхитительный день». В 1905 году, 6 мая: «Возвращаемся в Сомюр, Бебер, Люси и я. Эдмон *потрясающий*, он счастлив меня увидеть после недельной разлуки. Бабушке, братьям и сестрам очень понравился Альбер, который очень хорошо разговаривает для своих двух лет и трех месяцев. Забавно! Дед потерял голову от внука!» Потом переносимся сразу в 1910 год. 8 декабря Клэр привозит сына в Монтрё. 25 декабря: «Рождественская елка очень красивая». 31 декабря: «Все идем кататься на санках.

День идеальный. Фотографировались. Альбер катался с горки с Ферди».

Последние записи сделаны уже после войны. 27 декабря она пишет: «Ницца, Симье*, вилла „Роза“. Над Аренами. С мамой, Мари и Альбером проводим зиму». 29 августа: «1919. Париж, улица Бельшас, 38. Проводим лето в Париже».

Эти «книжечки для дней рождения» — прекрасные документы, по которым можно изучать частную жизнь. В них отражены все этапы жизни человека из хорошего общества: первое причастие, отрочество, наполненное балами, прогулками и обучением искусству обольщения, помолвка, свадьба, рождение и крестины ребенка. Потом время измеряется ростом и взрослением ребенка. Выделяются разные периоды года, отмеченные религиозными праздниками, Рождеством и Пасхой.

Утро, день и вечер

Во всех учебниках хороших манер, которые в XIX веке все время издавались и переиздавались, описывается, как должен протекать день. Так, «Книга хозяйки дома», написанная мадам Паризе в 1821 году и позже переписанная мадам Сельнар, в 1913 году переиздана под названием «Новое полное руководство хозяйки дома». Также многократно переиздается «Полная книга хозяйки дома, или Образцовая хозяйка» мадам Гакон-Дюфур, впервые увидевшая свет в 1826 году.

Эти книги эволюционируют под влиянием урбанизации. В первой половине века Алида де Савиньяк предлагает вниманию публики две книги, два стиля жизни: для Парижа («Молодая хозяйка дома», 1836) и для деревни («Молодая владелица дома», 1838). Понемногу авторы начинают адресовать

* Симье — холм в Ницце, где находятся античные руины.

свои произведения лишь городским женщинам, посвящая хозяйкам сельских домов только приложения. Приложения эти становятся все более тоненькими и в конце концов полностью исчезают. Остается лишь модель городской жизни, а сельскую вспоминают как место каникул.

Учебники правил хорошего тона — наследники аналогичных пособий прежних времен. Во всех этих книгах прослеживается мысль об экономической рациональности роли женщины в частном пространстве, порядком в котором она должна управлять. Однако выпуск этих пособий в таком количестве — это проявление озабоченности изобретением нового образа жизни и нового типа счастья. Образ жизни в те времена был исключительно частным, идеальным обрамлением для образа счастливого человека считался семейный круг, а средство достичь такого счастья — правильное распределение времени и разумная трата денег. Книги объясняют, как успешно упорядочить различные моменты существования. В них описываются ритуалы, которые отмеряют время, и роль каждого члена семьи в этом процессе.

Главная роль принадлежит хозяйке дома, которой следует организовать как жизнь в узком кругу — ежедневные семейные трапезы и тихие вечера у камина, так и взаимоотношения семьи с внешним миром — общение со знакомыми, визиты, приемы гостей у себя. Она должна так решать хозяйственные вопросы, чтобы все, в первую очередь супруг, могли дома блаженствовать.

Мужчина ведет публичный образ жизни, его расписание продиктовано деловым ритмом. Праздного мужчину, который планирует день, как ему заблагорассудится, можно встретить лишь изредка. Если в 1828 году в учебниках по правилам хорошего тона *модникам* рекомендовалась праздность, то со временем публикации для мужчин в такого рода изданиях становятся путеводителем по карьере... Тех, кто живет на ренту, становится все меньше.

Частная жизнь — это гавань, где мужчины отдыхают от дневных трудов и от внешнего мира. Для гармонии жизни в этой тихой гавани нужно сделать все. Дом — это гнездо, в котором время останавливается. Идеализация образа гнезда ведет к идеализации хозяйки дома. Она должна, как фея, делать дом совершенным и никому не показывать усилий, приложенных для достижения этого совершенства. Пусть все видят только результат: «Как машинист сцены в оперном театре, она руководит всем, но никто не видит ее действий».

Распорядок дня

Хозяйка дома располагает главным инструментом — распорядком дня, который она обязывает соблюдать прислугу и которому неукоснительно следует сама. ¶

Основной закон правильного управления временем — регулярность. В первую очередь это касается подъема по утрам. Хозяйке полагается вставать первой и ложиться последней. Летом ей рекомендуется вставать в половине седьмого — в семь, зимой — на час позже. С самого утра она не должна терять бдительности. Даже если служанка будит детей, одевает их и кормит завтраком, прежде чем дети уйдут в школу, мать должна их увидеть.

За слугами надо наблюдать незаметно, но постоянно. В семьях представителей средней буржуазии их обычно трое: лакей-кучер, кухарка и горничная. С ними хозяйка подводит итоги прошедшего дня. Далее она дает указания на текущий день (составляет меню и список необходимых дел). Она знает, где хранятся продукты, дрова и уголь; она проверяет грязное белье, которое уносит прачка и которое на следующей неделе возвращает выстиранным. Если в доме всего лишь одна служанка, хозяйка участвует в приготовлении еды и работе по дому.

Если слуг достаточно, вторую половину утра хозяйка может посвятить себе: писать письма, музицировать, заниматься

каким-нибудь изящным рукоделием. Приличная женщина по утрам из дома не выходит; если же ее случайно встречают на улице, этикет велит не приветствовать ее. Это значит, что вышла из дома по делам благотворительности или идет в церковь, а подобные вещи обсуждать не принято.

Главные моменты в жизни дома — когда семья собирается за столом, и сделать эти моменты счастливыми — миссия хозяйки.

Приемы пищи

В статье «Обед» словаря «Ларусс XIX века» приводится длинное объяснение, похожее на лубочную картинку, изображающую семейный обед: «Все в сборе, дед, дети, Малыш, самый младший, пристегнут в своем высоком кресле. Вино дремлет в светлых кувшинчиках на белоснежной скатерти, служанка повязывает салфетки детям на грудь, потом приносит щавелевый суп, бараний окорок, завернутый в салфетку. Мать бранит Рене, который ест руками, или Эрнеста, задирающего младшую сестру. Малышу не сидится в кресле; отец разрезает ему мясо на мелкие кусочки или дает виноградину, которую предварительно подбрасывал у него перед лицом...» В провинции сцена «обеда» разворачивается в полдень. В Париже в это время был бы «завтрак».

В столице и провинции приемы пищи называют по-разному. Провинция «обедает» днем, а вечером «ужинает». В Париже «ужин» — это перекус чем-нибудь холодным после бала или званого вечера, в час или два ночи. Терминология сложилась по столичному образцу, но в провинции до сих пор иногда называют завтрак обедом, а обед — ужином.

В ходе XIX века время ежедневных приемов пищи менялось. «Первый завтрак» — сразу после подъема. Он состоит из чашки молока, кофе, чая или шоколада с кусочком хлеба или с гренком.

«Второй завтрак», называемый «завтрак а-ля фуршет» или «плотный и поздний завтрак», подается между десятью часами и полуднем. Он включает в себя закуски, колбасные изделия, холодное мясо, что-то легкое, что подают перед десертом. Жареное мясо и салат едят только в том случае, если завтрак подан позже обыкновенного. Завтрак героя романа Ипполита Тэна «Записки о Париже. Жизнь и мнения Фредерика-Тома Грендоржа» в 1860-е годы в Париже происходил в одиннадцать часов и состоял из холодного цыпленка или куропатки и бутылки бордо.

Время обеда может быть самым разнообразным. Его все время переносят на более поздний час. Стендаль сообщает нам в своем «Дневнике», что в 1805 году приглашали на обед к пяти часам. Сам он иногда обедал раньше. Например, вот что он пишет 3 мая 1808 года: «Без четверти четыре я пообедал, ел жареную баранину с жареным картофелем и салатом». Мадам Паризе пишет в 1821 году, что в конце XVIII века в Париже обедали самое позднее в четыре часа, теперь же самое раннее — в пять, часто в шесть. Она полагает, что перенос обеда на более позднее время связан с занятостью мужчин на работе.

В конце XIX века званые обеды назначались на половину восьмого. Согласно тогдашнему этикету, не в пример нынешним правилам, приходиться надо было минут на пять, даже на четверть часа раньше. Принято было ждать опоздавших минут пятнадцать, потом все направлялись к столу.

Многие так и не привыкли к новому расписанию обедов. Старики Рагены в романе Бальзака «История величия и падения Цезаря Бирото» приглашают гостей на обед к пяти часам, «потому что семидесятилетние желудки не могут подчиняться новым правилам хорошего тона».

В связи с повсеместным переносом обедов на более позднее время в моду вошел английский обычай «файф-о-клок» — чаепитие с пирожными в пять часов вечера.

Совместная трапеза — это не просто прием пищи, это возможность провести время в кругу семьи. Учебники хороших манер превозносят роль хозяйки дома в деле создания атмосферы счастья за семейными столом. Мадам Сельнар заявляет в своем «Руководстве для дам» (1833): «Накрывать стол по всем правилам надо не только в том случае, если присутствуют посторонние, — это надо делать для супруга, чтобы создать цивилизованную атмосферу в доме. Я употребляю это слово намеренно, потому что цивилизованность означает достоинство и получение удовольствия от удовлетворения всех наших потребностей. Это надо делать, потому что после выполнения мужчинами социальных обязанностей у них практически не остается времени на общение с семьей, кроме как семейные обеды, потому что опыт и искусство продления жизни говорят нам о том, что семейные трапезы должны протекать весело, что делает процесс пищеварения легким и незаметным. Вот почему обед должен сопровождаться приятной беседой».

Завтрак — это чисто семейная трапеза, посторонние оказываются за семейным завтраком редко. Поэтому его подают не на скатерти. Традиция семейных завтраков постепенно сходит на нет: мужчины слишком заняты делами, чтобы приходить в полдень домой. Мужчины едят теперь если не на рабочем месте, то во всяком случае вне дома. В 1908 году справочник «Светские обычаи» рекомендует избегать завтраков, которые разбивают день.

Воскресный завтрак или обед во многих семьях становится ритуалом. Эта возможность регулярных встреч отсчитывает месяцы и годы, так же как и календарные праздники. Спустя сорок лет Жорж Санд с волнением вспоминала о воскресных обедах в доме ее двоюродного деда де Бомона в 1810-х годах: «Было издавна заведено еженедельно собираться по воскресеньям одним и тем же обществом сотрапезников. <...> Ровно в пять мы с матерью приезжали; бабушка уже сидела в большом кресле, стоявшем напротив кресла моего двоюродного деда».

Много позже Морис Женева* в свою очередь вспоминает о воскресном ритуале 1895 года: «Мы обедали все вместе в столовой бабушки и дедушки. Нас было десять человек. <...> Почему, когда я думаю об этих обедах, мне все время кажется, что тогда была зима? Может быть, от теплого чувства единения и интимности, которое эти воскресные трапезы вызывали у меня маленького?» Снаружи — холод и ночь. Внутри — тепло во всех смыслах слова. Идеал счастья, по мысли Руссо и Мишле.

Послеполуденные часы

Вторая половина дня посвящена выполнению «обязанностей, связанных с обществом» — у себя дома или вне его. Начиная с 1830 года и вплоть до 1914-го у дам из приличного общества есть «приемный день». В начале светского сезона всем знакомым рассылаются визитные карточки с напечатанными словами: «Такая-то дама принимает по таким-то дням в такие-то часы». Во второй половине века приемные часы обычно бывали после обеда; в провинции принимали посетителей с двух до шести пополудни, в Париже — с трех до семи.

Хозяйка дома традиционно сидит в кресле справа от камина. Начиная с 1880-х годов вошло в моду легкое кресло в центре гостиной. Чтобы поприветствовать дам, пожилых людей и священников, она встает, но остается сидеть, когда появляются мужчины. Несмотря на то что дамы составляют большинство посетителей, мужчины тоже приходят в приемные дни. Не только рантье и литераторы (гордостью салонов были Поль Бурже** или Марсель Прево***), но и мужчины,

* Морис Женева (1890–1980) — французский романист и поэт.

** Поль Бурже (1852–1935) — французский критик и романист, занимавший консервативные монархические позиции.

*** Марсель Прево (1862–1941) — французский писатель и драматург, критик современной ему богемы.

занятые политикой и бизнесом, выкраивали иногда время на посещение салонов своих жен или приятельниц. Так как людей, свободных в дневные часы, к концу века становится все меньше, многие дамы начинают принимать по вечерам, начиная с половины девятого, чтобы мужчины имели возможность прийти к ним.

На столе стояли пирожные, печенье, сэндвичи, девушки-служанки подавали чай. Посетительницы проводили очень мало времени на этих «приемах», потому что им надо было зайти в этот же день еще в несколько домов. Приличным считалось провести в гостях от пятнадцати минут до получаса.

Приходя в салон, а в особенности уходя, чтобы не прерывать беседу, откланивались молча. Вероятно, пожимали руки. Чтобы уйти, рекомендовалось дождаться небольшой паузы в общем разговоре и неспешно встать. Если народу было очень много, уходили «по-английски», не прощаясь. В некоторых гостиных поток посетителей был нескончаемым. Ж. Ванье вспоминает, что его мать в своем особняке в Руане каждую пятницу принимала до двухсот человек.

В первой половине века считалось приличным, чтобы руки дамы, принимающей посетителей, были заняты каким-то изящным рукоделием. Молодая хозяйка дома Алида де Савиньяк вспоминает совет матери: «В гостиной займись вышивкой». По мнению мадам Сельнар (1833), мелкая работа с иглой выработывает хорошую осанку и позволяет продемонстрировать свою элегантность и хороший вкус.

Спустя пятьдесят лет мнение по этому поводу изменилось. Рукоделие в приемный день стало считаться вульгарностью. Следовало скрыть все следы работы — рукоделие, письменные принадлежности. Смешивать светское времяпрепровождение с какими-то своими делами стало неуместно.

Во времена Прекрасной эпохи общество устало от «приемных дней». Некоторые дамы, не желавшие раз в неделю быть прикованными к дому, сохраняют в своем распорядке такой

«день», но сокращают время приемов (принимают с пяти до шести) или выделяют для этого второй и четвертый вторник месяца. Ритуал «приемных дней» канул в вечность с началом I Мировой войны.

Визиты

Во второй половине дня, когда женщина не принимает посетителей у себя, она должна наносить визиты другим. На ней лежит обязанность поддерживать общение от имени своей семьи со знакомыми, которых может быть очень много. В списке людей, которым мать Ж. Ванье должна была наносить визиты, значилось сто сорок восемь фамилий.

Поводов для визитов было очень много: например, «послеобеденные» визиты наносились в течение недели после приема или бала, на который посетители были приглашены, вне зависимости от того, смогли они принять приглашение или нет; три или четыре раза в год следовало посещать тех, с кем хотели просто поддерживать отношения, особенно не сближаясь; поздравительные визиты (по поводу свадьбы, получения награды или продвижения по службе), визиты для выражения соболезнований, церемониальные визиты (раз в год было принято посещать начальство, супруга должна была сопровождать мужа); визиты перед отъездом в отпуск и после возвращения из путешествия, чтобы избавить от неудобства тех, кто может прийти с визитом во время отсутствия хозяев...

Если человек, к которому пришли с визитом, в данное время отсутствовал, прислуге или консьержке оставляли визитную карточку, скрученную трубочкой или сложенную пополам вдоль — в зависимости от моды. Сложенная карточка означает, что ее владелец ушел. Карточку не складывали, если ее передавали через прислугу или управляющего. Можно было воспользоваться услугами доставки карточек через «High-Life»,

предшественник нашего «*Bottin mondaine*»^{*}. Эти «карточные визиты», признанные с начала 1830-х годов весьма вульгарными, были очень распространены.

Визиты обязательно входят в расписание дамы из хорошего общества. Нарушившие этот обычай считаются по меньшей мере странными. Андре Жермен, внук основателя банка «Лионский кредит», женившийся в 1906 году на Эдме, дочери писателя Альфонса Доде, очень хотел, чтобы она ходила с визитами во второй половине дня. Она же отказывалась, предпочитая в одиночестве ездить на автомобиле в Булонский лес, пить чай в ресторане и слушать цыганскую музыку. Такой отказ от всех светских условностей был весьма подозрительным.

Поддержание отношений со знакомыми — одна из основных черт частной жизни буржуазии. Это дело хозяйки дома. Мелкобуржуазные дамы, стремящиеся войти в более высокие круги, тоже устраивают себе «приемный день», принимая посетителей у себя и отдавая визиты, следуя ритуалу, на котором базируются все социальные связи.

Вечера

Пространство гостиной парадоксальным образом расширяется и распространяется на публичное место, которое рассматривается как частное. Речь идет о ложе в театре или в Опере.

По неписанным правилам XIX века женщина может присутствовать на спектакле в одиночестве при условии, что она занимает отдельную ложу. Если же она сидит на балконе или в партере, то ее должен сопровождать мужчина — муж, брат или отец. Здесь женщина находится на виду, и если при ней нет мужчины, ее могут принять за «публичную» женщину, по аналогии с местом, где она находится.

* «*Bottin mondaine*» — ежегодный светский справочник с домашними адресами, издававшийся с 1903 года; аналогичный справочник «*High-Life*» был основан в 1879 году и возобновлен в 2000-м.

Ложа, напротив, это закрытый и защищенный мирок, как бы свой дом, воссозданный в театре. В обществе было принято покупать годовые абонементы в ложу. В 1850 году в руанском Théâtre des Arts годовой абонемент в ложу стоил 250 франков для мужчины и 187 франков для женщины. Лучшим выбором считалось снять ложу, при которой была небольшая гостиная. Во времена Второй империи шесть мест в ложе с гостиной стоили 1800 франков.

В театральной ложе дама ведет себя так же, как в своем собственном салоне: она не выходит оттуда, чтобы пройти за кулисы, принимает там друзей, соблюдая тот же этикет, что и у себя дома; друзья могут представить ей там своих знакомых.

Вечера, которые семья проводит у себя дома без гостей, очень отличаются от тех, когда в доме бывают посторонние. В городе и деревне вечера протекают по-разному и различаются по степени комфорта.

Вплоть до появления электричества вечерние часы проходили в сумерках. Только те, кто когда-то жил без электричества, в состоянии оценить масштабы перемен. Детство Бернара Казо, родившегося в Париже в 1909 году, прошло в квартире с газовым освещением. Он до сих пор вспоминает волнение, которое испытал, войдя в квартиру приятеля, которая освещалась электричеством. Темным закоулкам и сумеркам настал конец.

Эта маленькая революция приходит в парижские дома только в 1890-е годы. В начале XIX века состоятельные люди освещали жилища либо восковыми свечами, которые стоили значительно дороже по сравнению с сальными, либо масляными лампами. Вошла в употребление лампа Карселя (изобретенная в 1800 году), которая позволяла равномерно поднять масло на соответствующий уровень. Газовое освещение начинает распространяться с 1825 года. В 1828 году в Париже было около 1500 подключений, в 1872-м — почти 95 000, к концу века — 220 000. В 1855 году в результате слияния нескольких компаний

в одну Парижскую компанию газового освещения и отопления цена кубометра газа снизилась с 0,49 франка до 0,3.

У католиков семейный вечер может начинаться с общей молитвы, «обычая очень трогательного и очень полезного», отмечает мадам де Ламартин 5 сентября 1802 года. Это было полезно и для слуг, для которых общая молитва была моментом единения с хозяевами, и для хозяев, которым она напоминала о равенстве всех христиан. Буржуазия переняла и усвоила эту аристократическую традицию.

Семья по вечерам часто играет в карты или в кости. В Милли в сентябре 1806 года мадам де Ламартин играет с мужем в шахматы, а их дети весело учат наизусть басни Лафонтена. Чтение вслух — удовольствие, которое обычно разделяют с детьми.

Однако прежде всего семейные вечера — это «интимная беседа у камина». Орас Рессон* завершает свой «Гражданский кодекс» (пособие по правилам хорошего тона) «Апологией уголку у камина»: «Мы бы посчитали свою задачу не до конца выполненной, если бы наряду со строгими правилами этикета и церемонными удовольствиями салонной жизни не упомянули тихих радостей семейной жизни и уютного времяпрепровождения у домашнего очага». И чтобы проиллюстрировать мысль о «тихих радостях», столь типичных, впрочем, для XIX века, он вспоминает наших предков, которые, живя в мрачных готических замках, придавали огромное значение семейным посиделкам у камина — доказательство того, что они были искушенными знатоками искусства жить счастливо!

Столь высокая оценка домашнего очага перекликается с идеей о «гнезде», которая формируется на протяжении всего XIX века и в конце его становится просто навязчивой. Идея укреплялась по мере того как очаг в прямом смысле этого

* Орас-Наполеон Рессон (1798–1854) — французский журналист, писатель, друг Бальзака.

слова исчезал из домов: во второй половине века строились дома с калориферами, согревающими помещение горячим воздухом и призванными заменить собой дровяные и угольные печи и камины. Появляется ностальгический образ мелкобуржуазной семьи, собравшейся под лампой рядом с печкой, который войдет во все учебники светской школы.

Вечера, когда в доме есть гости, очень различаются в зависимости от количества приглашенных и от степени близости отношений хозяев с ними. На протяжении всего XIX века горюют по стилю общения в предыдущем веке. Представители буржуазии вроде братьев Гонкуров считают вечера, проводившиеся в предыдущую эпоху, идеальными: по их мнению, раньше возможно было с успехом сочетать торжественность приема с интимной беседой.

Знатные дамы, которые бывали при дворе Бурбонов и Наполеона I, способствовали созданию и поддержанию мифа об идеальном типе общения при Старом порядке. В 1836 году герцогиня д'Абрантес описала в *La Gazette des salons* вечера былых времен: ядро светского общества насчитывало тогда примерно восемьдесят человек, которые постоянно встречались, и около двухсот, которые ходили из одного салона в другой в течение недели; мужчины играли на бильярде, женщины вышивали или рисовали; в два часа ночи подавали ужин, и это был кульминационный момент вечера, время интимной беседы, «даже немного злой».

Падение Наполеона I положило конец маленьким светским кружкам; одновременно с этим зародилась традиция «раутов», как в Англии, — это были настоящие сборища, состоявшие из самой разной публики. Англичанка мадам Троллоп, посетившая Париж в 1835 году, сожалела о том, что рауты заменили собой ужины, где встречались люди недюжинного ума; с ее точки зрения, в этих ужинах заключался весь французский шарм.

На вечерах пользовались успехом любительское музицирование и театральные постановки. Друзья, игравшие на

разных инструментах или умевшие петь, охотно объединялись в ансамбли, особенно в провинции, где культурных событий было немного и приходилось развлекать себя самостоятельно.

Жорж Санд вспоминает, как однажды, около 1810 года, на ее родину в Берри приехала странствующая труппа актеров. Местные музыканты-любители тут же составили оркестр, чтобы аккомпанировать спектаклю: «В провинции в те времена все были артистами. В самой глухой деревушке всегда было из кого составить прекрасный квартет, и каждую неделю то у одного любителя музыки, то у другого люди собирались, чтобы играть то, что итальянцы называют «musica di camera», камерной музыкой. Это было честное и благородное развлечение, которое исчезло вместе со старыми виртуозами, последними хранителями священного огня нашей провинции». Жорж Санд, когда она писала «Мемуары», казалось, что привычка музицировать пропала. Тем не менее она была в ходу на протяжении всего века.

Мадам Бл., родившаяся в 1894 году, провела детство в Кане (Нормандия). Она была хорошей пианисткой и вместе с братьями и друзьями организовала ансамбль. В течение недели они репетировали, а в воскресенье выступали перед родителями и близкими. Раз в две недели по воскресеньям у нее проходило музыкальное собрание, другое воскресенье было посвящено бриджу — эта игра имела большой успех во времена Прекрасной эпохи. В Руане два человека прославились благодаря своим голосам — Феликс Буржуа по время Июльской монархии, Жорж Ванье — при Третьей республике. Их пение украшало светские вечера.

Любительский театр также стал неотъемлемой частью частной жизни. В XIX веке любимым развлечением были шарady. В 1859 году «Универсальный словарь практической жизни в городе и деревне» рассказывает о том, как функционирует это «приятное времяпрепровождение, когда участники игры по очереди являются то зрителями, то авторами». Половина

присутствующих разыгрывает шараду, вторая половина смотрит и старается угадать задуманное слово. Если зрители догадаются, следующую шараду разыгрывают они.

Прочим играм не удалось успешно конкурировать с шарадами. К началу 1830-х годов в моду вошли «картины»: «В гостиную приносят большую раму, покрытую тканью, за которой размещаются участники игры в костюмах героев какой-то картины, которую они должны представлять». Жоржета Дюкре в одном из романов описывает вечер у мадам де Дюрас, в ходе которого барон Жерар вызвался «изобразить свою излюбленную картину „Коринн“». Игра в картины имеет свои недостатки: чтобы изобразить сцену с точностью, требуется подготовка, что нарушает течение вечера и расхолаживает атмосферу.

Наряду с шарадами разыгрывались также сценки из жизни общества. Это мог быть короткий скетч, с которым выступали перед членами семьи или несколькими друзьями, а могла быть длинная комедия, которую светские бездельники видели в «Комеди Франсез» или в театре «Жимназ», а потом играли ее в гостиной перед четырьмя сотнями зрителей. В частности, успехом пользовались пьесы Скриба*.

Светская жизнь детей во многом имитировала взрослую, поэтому такое развлечение, как любительский театр, было популярно среди детей тоже. Так, в начале каждого года Рене Беррюэль и ее сестра приглашали к себе подруг. Они полдничали и разыгрывали маленькие театральные пьески: «Отчаяние Луизон», «Коломбина-наследница», «Тетушка Флора».

Любительство было представлено и на танцевальных вечерах, где приглашенные сменяли друг друга за роялем, а остальные присутствовавшие танцевали. Звучали контрдансы и польки, как писала газета *Le Journal des jeunes filles* в феврале

* Огюстен Эжен Скриб (1791–1861) — французский драматург-комедиограф.

1849 года. Контрданс вошел в моду в период между Первой и Второй империями; позже он был переименован в кадрили. Полька пришла во Францию из Праги в 1844-м. Что касается вальса, у него плохая репутация. Появившийся во Франции в конце XVIII века, в 1820 году он был все еще запрещен при дворе. В 1857-м году Флобер подвергся судебному преследованию за слишком откровенное описание эротических составляющих вальса. В конце XIX века такая же критика выпадет на долю танго.

Однако у любителей были пределы. На настоящий «званный вечер» приглашался профессиональный оркестр, под который танцевали гости. Также принято было приглашать оперную певицу, которая давала сольный концерт на дому.

Когда на вечеринке присутствовали посторонние, можно было заметить две противоречивые тенденции. Если дочери в семье играли на рояле, а друзья танцевали под их музыку, вечер по-прежнему считался семейным. Если же приглашались профессионалы, то интимность уступала место пышности. Однако место праздника оставалось частным пространством.

Ежегодные праздники

Ритм года отмеряет, с одной стороны, летняя жизнь на даче и на курорте, с другой — религиозные праздники. Буржуазия, по примеру аристократии, стала выезжать летом на дачи. Зарождалась идеология досуга и отдыха, и школа должна была адаптироваться к этому процессу, сделав летние каникулы более длинными.

Вне зависимости от того, являются ли люди верующими и ходят ли они в церковь, их жизнь зависит от христианского календаря. Год разделен праздниками — от Рождества к Дню Всех Святых, от рождения Христа к празднику усопших.

Эти церковные праздники, разбивающие год на периоды, постепенно становятся поводами для праздников семейных. Форма их остается прежней, но они обретают иной смысл. Рождество теряет связь с рождением Иисуса в Вифлееме и становится детским праздником. Мало-помалу семья превращает христианские праздники в свои собственные.

Рождественская елка

Традиция наряжать на Рождество елку пришла из Скандинавии. Шведы принесли ее в Германию в ходе Тридцатилетней войны (первая половина XVII века), но там она вошла в моду только в начале XIX века. В 1765 году, находясь в доме своего друга в Лейпциге, Гёте удивлялся, увидев наряженную елку (впрочем, обычай ставить у себя в доме рождественскую елку зафиксирован в Страсбурге в 1605 году).

В 1840-м немецкий обычай введен одновременно в Англии и во Франции. В Англии — принцем Альбертом, супругом королевы Виктории. В Париже — Еленой Мекленбургской, графиней Орлеанской и протестантскими семьями из Эльзаса и Германии. В годы Второй империи, поощряемая императрицей Евгенией, традиция установилась. Ее повсеместному распространению после поражения во франко-прусской войне способствовали эмигранты из Эльзаса и Лотарингии. Для Литтре и Ларусса это была всего лишь «большая ветка» ели или остролиста, увешанная конфетами и игрушками, предназначенными детям.

В конце века обычай был «национализирован»: каждый год миссионерам в Гренландию и поселенцам в Африку отправляли наряженные рождественские елки. В домах французов они стали практически такими, какими мы их знаем сегодня.

* Пьер Ларусс, Эмиль Литтре — составители классических французских словарей.

Рождественский вертеп

Литтре в 1863 году не пишет о рождественских вертепах ни в церквях, ни в домах. Ларусс несколькими годами позже упоминает лишь «живые» и «говорящие вертепы» в церквях и ругает провансальские вертепы. По его мнению, в них смешивается священное и профанное, они вызывают смех у верующих. Тем не менее есть некоторый прогресс: ангел начинает говорить по-французски, а не на местном наречии. Настало время покончить со старыми традициями...

Если верить Монсеньору Шабо*, в католических домах на Рождество устанавливалось множество вертепов. В год их продавалось более тридцати тысяч, цена их варьировалась от двадцати до трех тысяч франков. В вертепе семь или восемь основных персонажей.

Марсельские вертепы с их глиняными сантонами** развивались своим путем и имели итальянское происхождение. Помимо фигурок святых, туда стали ставить и точильщика, и барабанщика, и мельника, и подмастерье булочника, и пр. Вертепы «осовремениваются» появлением пяти-шестиэтажных домов, которые по вечерам освещает восковая свеча, и даже паровоза...

Пример Германии

Прежде чем традиция устанавливать рождественскую елку укрепилась во Франции, в обществе шла дискуссия по поводу этого немецкого обычая. Любопытно, что об этом говорили с сожалением, как если бы это была французская традиция, канувшая в Лету. *La Gazette de ménages* 23 декабря 1830 года сетует на то, что во Франции и в особенности в Париже «старые

* Альфонс Шабо (18...-1921) — священник; здесь упоминается его книга «Рождественская ночь во всех странах» (1906).

** Сантоны — фигурки святых и прочих персонажей провансальских и марсельских вертепов.

традиции позабыты», в противоположность Германии, где к ним относятся очень трепетно.

Уже упоминавшаяся *Le Journal des jeunes filles* в 1849 году вспоминает о немецких обычаях, сожалея, что французы не чувствуют волшебной атмосферы Рождества. В Германии подарки, принесенные младенцем Иисусом, спускаются прямо с неба. Французам стоило бы последовать немецкой традиции и превратить праздники конца года в повод для встречи всех поколений в семейном кругу, например в доме бабушки и дедушки.

Дискуссии 1830 и 1848 годов идентичны. Рождественские праздники прославляют частную жизнь. Сразу после обеих революций (1830 и 1848) нестабильности публичной жизни противопоставляется умиротворение жизни в семье: «Тихие семейные радости, — пишет журнал¹, — это то единственное счастье, которое никакая революция не может у нас отнять».

Тепло семейных праздников

В 1866 году Гюстав Дроз посвятил встрече Нового года в семье главу своей книги «Мсье, Мадам и Младенец». В семь часов утра Младенец стучится в дверь спальни родителей, чтобы пожелать им «счастливого Нового года». Отец берет его в кровать, служанка разводит огонь в камине; наступает время дарить подарки, а для Гюстава Дроза — момент прославления семейного счастья как наиболее ценного, что существует в жизни. Он описывает этот день, изображая милые картины жизни семьи.

Первый день года — это квинтэссенция всех радостей, в которые семья погружается, прежде чем войти в суету наступившего года. В 1866 году уже нет необходимости вспоминать немецкий пример. Дроз описывает праздник во французской семье как свершившийся факт. Надо полагать, что с ходом XIX века уверенность в ценности и незаменимости семьи растет. Только она может дать счастье. Дети становятся главными действующими лицами праздника.

Рождественская трапеза и подарки

Рождественская трапеза «особенная, она имеет место посреди ночи» (Литтре, 1869). День святого Сильвестра проходит в тишине. Я не нашла ни одного намека на праздничную семейную трапезу вечером 31 декабря. Флобер пишет, что однажды ждал полуночи, то есть наступления Нового года, куря сигару, в другой раз — думая о Китае.

Семьи католиков отправляются на полуночную мессу, затем возвращаются домой и садятся за стол. Поскольку слугам в Рождество принято давать выходной, ужин достаточно скромный и состоит из двух традиционных блюд — овощного супа с ванилью, который едят с гренками и жареной кровяной колбасой, и холодного мяса, например индейки с трюфелями; десерт включал в себя фрукты или мороженое.

Для рождественской трапезы готовили самые разнообразные печенья, вафельки, галеты, фруктовые слоеные пирожные, но нет никаких упоминаний о рождественском полене, которое мы все теперь знаем. В XIX веке о нем напоминает только толстое полено, которое кладут в камин, чтобы оно тлело всю ночь. Это была старая деревенская традиция — спать не ложились, чтобы присутствовать на ранней утренней мессе.

Во второй половине XIX века рождественская трапеза, первоначально имевшая религиозный смысл, становится мирским развлечением, так что в 1908 году в «Обычаях века» говорится: «Все празднуют Рождество за столом». Верующие — после полуночной мессы, относящиеся к религии спокойно взяли за правило ходить вечером в театр и садиться за рождественский стол после спектакля. Религиозный подтекст праздника постепенно уходит, и Рождество становится поводом для семейных или дружеских встреч. В рождественском меню сохранилась традиция подавать на стол индейку и кровяную колбасу, но овощной суп заменили горячим бульоном. Из Англии пришла мода на пудинг, символ Рождества. Иллюстрированные журналы публикуют рецепты его приготовления (например,

Fémina 1 января 1903 года). Из Англии также пришел обычай целоваться под веткой омелы: та же Fémina 15 декабря 1903 года иллюстрирует это фотографией.

По старинной традиции подарки дарят друг другу 1 января. Обязательно надо одарить слуг, консьержку, почтальона... все это требует больших затрат. Газеты и журналы шутят по этому поводу. La Mode в январе 1930 года публикует одноактную пьесу «Новый год, или Подарки, поддерживающие дружбу», герой которой буквально затравлен всеми, кто ждет от него подарков, начиная от лакея и кончая супругой.

На Рождество дарят подарки детям, на Новый год — взрослым. Например, так делала мадам де Гранмезон в 1892 году. Однако случается, что взрослые получают подарки на Рождество, а дети — на Новый год. А бывает и так, что и тех и других одаривают дважды.

Рождественский сапог и подарки

Накануне Рождества дети ставят свои сапожки перед камином в надежде утром обнаружить их полными подарков. От Младенца Иисуса? От Рождественского Деда (Père Noël)? Вероятно, оба персонажа существовали, но постепенно второй забирал у первого бразды правления.

Словарь собственных имен «Робер» сообщает, что Рождественский Дед появился в Европе во второй половине XIX века. Якобы он прибыл из Америки первоначально в коммерческих целях. В том, что торговля повлияла на его популярность, никакого сомнения нет. Сначала на ум приходит святой Николай (Санта-Клаус), день которого отмечается 6 декабря; в странах Северной Европы он приносит подарки послушным детям, тогда как его спутник, папаша Фуэттар, непослушным детям приносит розги. Очень вероятно, что Санта-Клаус с немецкими и скандинавскими иммигрантами попал в Америку, где и «коммерциализировался».

Даже если в начале века у Рождественского Деда не было такого статуса, который он приобрел позже, все же в Париже он был уже хорошо знаком: Жорж Санд вспоминает праздник Рождества в своем раннем детстве (в 1810 году ей было шесть лет): «Я точно помню, что свято верила в то, что Рождественский Дед, добрый старик с большой белой бородой, в полночь спускается по каминной трубе и оставляет в моем сапожке подарки, которые я нахожу утром. Полночь! Этот фантастический час, которого дети не знают, в который невозможно не спать! Сколько усилий я прилагала, чтобы не заснуть к моменту появления старика! Я одновременно очень хотела и очень боялась его увидеть, но ни разу не смогла дожждаться его появления, и назавтра, едва открыв глаза, я смотрела на сапожок, стоявший на каминной полке. С каким же волнением я разрывала белую бумагу — Рождественский Дед был очень аккуратным и никогда не забывал упаковать свой подарок. Я босиком бежала к своему сокровищу. Подарок никогда не был шикарным, потому что мы были небогаты, — пирожное, апельсин или красивое красное яблоко. Но угощение казалось мне бесценным, и я едва осмеливалась съесть его».

Рождественский Дед не имеет никакого отношения к рождению Христа, и католическая церковь долгое время не принимала этого персонажа. У верующих христиан подарки детям на Рождество приносил Младенец Иисус. Как писал Франциск Сарсе* (*Les Annales politiques et littéraires*, 22 декабря 1889 года), «дети видят, как он летит по небу, прижимая к груди руки, полные сладостей и игрушек; они чувствуют его над собой, такого доброго и справедливого; они говорят себе, что должны хорошо вести себя, иначе... сапожок останется пустым». Этот образ, однако, никого не увлек, и церковь, которая не могла остановить победное шествие Рождественского Деда в красной

* Франциск Сарсе (1827–1899) — влиятельный французский публицист и театральный критик.

шубе, с белой бородой и большой корзиной за спиной, реабилитировала его, сделав из него верного посланника Младенца Иисуса и проповедника простой морали воздаяния.

В декабре все газеты традиционно открывают рубрику о подарках. Они подают читателям идеи подарков, среди которых много специфически женских: козетки, рабочие шкапулки, «всяческие мелочи для будуара», надушенная цветная почтовая бумага, визитные карточки с вычурным орнаментом. Все эти предметы называют «милым подарком для женщины». Так никогда не назвали бы вещь, предназначенную мужчине. Типично мужских подарков в XIX веке не существует. Кое-где упоминаются «несессеры для мужчин и дам». Однако это не означает, что мужчинам не дарили подарков — просто об этом не принято было говорить.

Для детей самым роскошным подарком в 1836 году был маленький театр: «Представление в азиатском стиле — танец на канате, исполняемый маленькими фигурками из бумаги, которые можно незаметно двигать». Также предлагаются другие игрушки, имитирующие жизнь: настоящая водяная мельница, поющие птицы, куклы «на выданье» с полным набором приданого. Куклы по-прежнему очень ценятся. В начале XX века появились плюшевые медведи. Тедди, медведь-американец, датируется 1903 годом, Мартен, французский медведь, — 1906-м.

«Ларусс XIX века» пишет о новой культурной тенденции в связи с подарками для детей: на смену дорогостоящим безделушкам приходят красивые и интересные книги. Конечно, надо учитывать стремление словаря выдать желаемое за действительное и показать успехи педагогики, но нельзя не отметить, что к концу века все газеты настоятельно советуют дарить детям книги и составляют списки рекомендованной литературы (см., например, *La Mère de famille* за декабрь 1834 года, *La Femme et la Famille* за декабрь 1890 года).

Девочки, ведущие дневники, записывают, что получили в подарок они и их близкие. Рождественские и новогодние

подарки, которые родители дарят детям, это не только источник немедленного удовольствия, но инвестиции в будущее: дети будут вспоминать о подарках, копить эти воспоминания и хранить их в памяти. Так формируется ностальгия взрослых, которая со временем передастся детям.

Новогодние поздравления и праздничные визиты

Дети, получившие подарки от родителей, пишут им поздравления. Читаем в дневнике Элизабет Арриги 29 декабря 1877 года: «Мы тоже готовим подарки папе. С Пьером и Амели учим „Маленького савояра“^{*} и пишем слова песни на красивом листке бумаги; еще я выучила отрывок для двух рук и еще один для четырех, исполним его с мамой; Амели тоже что-то выучила, будем с ней играть в четыре руки».

В первый день года следует поздравить своих ближайших родственников: мать, отца, дядей, теток, братьев и сестер. Накануне — бабушек и дедушек, а также начальство. На следующей неделе — кузенов и кузин. Далее — близких друзей, до конца месяца — всех знакомых. Вот сколько визитов предстоит нанести и сколько открыток написать.

Чтобы избежать излишних перемещений, часто доставку открыток поручают слугам или специализирующимся на этом фирмам. Газета *Le Figaro* 24 декабря 1854 года удивляется парадоксальности этого парижского обычая. Те, кто таким образом получает поздравительные открытки, с презрением относятся к подобному вниманию «по три франка за сотню»; но, не получив открытки, они же скажут: «Такой-то не знает света: даже открытку не прислал».

Что же касается визитных карточек, посылаемых по почте, то их несметное количество: в конце века почтовые отделения Парижа отправляют больше миллиона карточек за

^{*} Французская народная песенка.

один лишь день 1 января. Графиня Панж вспоминала, что она писала и получала около полутора тысяч поздравительных открыток...

Пасха и День Всех Святых

Пасха — с разных точек зрения очень важный праздник. Во-первых, с религиозной, потому что каждый христианин должен «отметить Пасху» — исповедаться и причаститься в один из дней на Страстной или на Пасхальной неделе. Причащение раз в год на Пасху — это минимум, требуемый церковью. Страстная неделя начинается с Пальмового (Вербного) воскресенья. Жермена де Мольни вспоминает, что в этот день самые маленькие, которых приводили на мессу, держали в руках букетики из веток самшита, увешанных конфетами, лентами, гирляндами и маленькими подарочками, которые полагалось освещать. В четверг на Страстной неделе они с матерью обходили все церкви Лиможа. В пятницу мать велела Жермене и ее сестре закутать все статуи святых, которые были в доме, фиолетовой вуалью. Вся семья отправлялась на крестный ход в собор.

Пасха — это также праздник яиц: всякие сласти в форме яйца прятали по всему дому и в саду, чтобы сделать сюрприз детям; вареные яйца красили в разные цвета, иногда разрисовывали; ели их на завтрак; также делали упаковку для подарков в форме яйца. Традиция дарить подарки на Пасху существовала вплоть до начала I Мировой войны. В продаже появились шкатулки и футляры в форме яйца для любых мелочей — от оловянных солдатиков до ювелирных изделий. В апреле 1911 года журнал *Mon chez-moi* пишет о новой моде — усыпанном цветами яйце, которое может быть подарком само по себе или шкатулкой для дорогих безделушек. Поскольку обращаться к флористу для его изготовления довольно дорого, журнал дает советы, как сделать такое яйцо самостоятельно.

Пасха знаменует не только воскресение Христа, но и начало весны. Всей семьей идут на мессу и, несмотря на погоду, одеваются легко. Если на улице по-прежнему зима, на это не обращают внимания, потому что Пасха открывает новый сезон. По словам Жермены де Мольни, девочки красуются в светлых платьицах и в капорах из итальянской соломки, украшенных маргаритками и незабудками. Этот ритуал сохранялся вплоть до середины XX века.

Коль скоро начался новый сезон, надо приводить дом в порядок. Чистят и смазывают маслом каминные лопатки и щипцы, прежде чем убрать их до осени. Снимают занавески, драпировки и ковры и выбивают из них пыль. Протирают картины и взбивают матрасы.

В XIX веке нет школьных рождественских каникул, лишь 25 декабря и 1 января праздничные дни. Зато появляются пасхальные каникулы. В первой половине века по религиозным мотивам на Страстной неделе нет занятий в четверг, пятницу и субботу. В ноябре 1859 года было принято решение начинать недельные каникулы назавтра после Пасхи по школьным и семейным соображениям.

Третья республика предоставляет ученикам начальных школ такие же каникулы, какие уже есть у учащихся средних школ. По инициативе правительства и после дебатов в парламенте 9 марта 1886 года понедельник после Пасхи и Пятидесятницы (Троицы) объявляются официальными выходными днями. 1 августа 1892 года нерабочими объявляются половина среды, четверг и пятница на неделе, предшествующей Пасхе. Наблюдается постепенное движение к двухнедельным каникулам, которые существуют теперь; постановление о них было принято 18 февраля 1925 года*.

* Двухнедельные каникулы, связанные с церковными праздниками, сохраняются во Франции до сих пор (даты их начала и окончания зависят от региона); летние каникулы длятся чуть меньше двух месяцев. — *Примеч. ред.*

В ходе XIX века пасхальные выходные превратились в каникулы по окончании триместра. По этой же модели возникают и рождественские каникулы. Августовское постановление 1892 года предполагает восемь дополнительных свободных дней начиная с 1 января, которые руководитель и педагогический совет учебного заведения могут распределить по своему усмотрению. Если зафиксировать все эти праздничные дни между 25 декабря и 1 января, то получатся настоящие маленькие каникулы. Таким образом, последний учебный день перед рождественскими каникулами был 23 декабря, первый учебный день после каникул — 3 января. С 1925 года учебный год делится на три триместра.

Если Пасха открывала летний сезон, то День Всех Святых знаменовал наступление зимы. Во второй половине XIX века сложилась традиция ходить всей семьей на кладбище, навещать своих покойных близких.

Филипп Арьес продемонстрировал, как в это время сложился культ мертвых, в противоположность тому, что было веком ранее. В конце XVIII века парижские кладбища закрывались; в 1785 году было уничтожено Кладбище Невинных при полнейшем всеобщем безразличии*. К 1850 году ситуация коренным образом изменилась. Три силы соединились и повлияли на возникновение интереса к покойным и сохранению кладбищ в городах, в частности в Париже.

Позитивисты относились к культу мертвых как к гражданской доблести: «Могила — это неотъемлемая часть непрерывности рода, а кладбище показывает непрерывность жизни города и, шире, человечества», — пишет Пьер Лаффитт**

* Это не вполне верно: Кладбище Невинных уже долгое время было переполнено, условия захоронения на нем были чудовищными, оно угрожало санитарному состоянию города, и его закрытие в 1780 году стало для парижан серьезным облегчением. — *Примеч. ред.*

** Пьер Лаффитт (1823–1903) — французский философ-позитивист, ученик и душеприказчик Огюста Конта.

в 1874 году. Католики со своей стороны воспринимали идею культа мертвых и защищали его, как если бы все время его практиковали. Парадокс в том, что церковь несла частичную ответственность за небрежение к кладбищам веком ранее. Она утверждала в те времена, что бранные останки ничего не значат и что имеет значение лишь вечная жизнь. Наконец, наука доказала, что проживание поблизости от кладбищ не несет никакой опасности живым и что ядовитые газы, обнаруженные в XVIII веке, были всего лишь суеверием.

После 1850 года кладбище становится «целью посещения, местом размышлений». В Руане в 1860–1870-х годах растет количество роскошных семейных склепов. Поражение во Франко-прусской войне способствовало возникновению почитания умерших и культа воспоминаний. В 1902 году в Париже в День Всех Святых кладбища посетили 350 000 человек, то есть более 10% населения.

Если на Пасху женщины и девочки одевались в светлые летние наряды, то начиная со Дня Всех Святых они возвращались к темным пальто и фетровым шляпам, муфтам и ботинкам. Наступала зима.

Лето: каникулы и дачная жизнь

Переезд на дачу

В знаменитой трилогии «Сельская жизнь», поставленной в Венеции в 1761 году, Гольдони высмеивает это «невинное деревенское развлечение, ставшее в наши дни страстью, манией, разрушающее жизненный уклад». Во Франции в начале XIX века на лето из города выезжает лишь незначительная часть элиты. В 1870 году выражение «дачная жизнь» все еще считается неологизмом. «Ларусс XIX века» дает такое определение: «пребывание в деревне для отдыха». Аристократия и в целом богатая публика, рантье, которых дела не удерживают в Париже

и других больших городах, переезжают на лето в свои замки, имения, в деревню и возвращаются лишь в октябре или даже в ноябре, захватив сезон охоты. Таким образом, их год делится на две части: светский сезон — зима и весна, и курортный — лето и часть осени.

Буржуазия постепенно переняла эту модель. Огюст Вильмонт высмеивает это явление в *Le Figaro* от 15 мая 1856 года. По его мнению, если женщина, уезжающая из Парижа в мае и изображающая «сельскую простоту», забавна, то для мужчины, у которого дела в Париже, жизнь за городом превращается в ад. Журналист развлекается. Тем не менее буржуазные семьи охотно уезжали за город на летний сезон. Семья проводила там август и сентябрь. Многие руанские буржуазные семьи имели дом неподалеку от города и проводили там значительную часть года с родственниками и друзьями, одновременно с отдыхом следя за своими фермами, находившимися в окрестностях. Мадам Ж., родившаяся в 1888 году, дочь богатого коммерсанта из Бордо, вспоминает, как в детстве они с родителями, братьями, сестрами и полудюжиной слуг перемещались в Понтак, что в 78 километрах от Бордо, где у них был прекрасный дом, и проводили там время от Пасхи до Дня Всех Святых. Семья Антуана Арриги, придворного адвоката Наполеона III, оставляла весной свой парижский дом на улице Ренн и переезжала в Отейль, где мадам Арриги вместе со своей сестрой мадам Вильтар де Прюньер снимала дом, окруженный садом. В 1878 году, например, они уехали из Парижа 11 мая и вернулись 26 октября. Иногда семья Арриги выезжала на лето на берег Ла-Манша (жили в Лангрюне в 1876 и 1877 годах, в Сент-Обене с 1878 по 1884 год, в Мерсе в 1885-м, Брезвале в 1888-м) или на воды (в такие места, как Шаль в 1882 году, Ла Бурбуль в 1886-м, Женева в 1887-м).

Случаи, которые мы рассмотрели, демонстрируют разницу между буржуазией провинциальной и столичной. Первая проводит лето в своих имениях. Вторая редко имеет загородную

недвижимость — нет возможности следить за правильной эксплуатацией сельского дома. Поэтому парижане снимают на каникулы дома или живут в отелях. Благодаря этому они каждый год могут ездить на каникулы в разные места. Мадам Д., родившаяся в 1876 году, рассказывает, что ее отец, директор Высшей нормальной школы, любил перемены и никогда не возил свою семью на каникулы в одно и то же место. Он снимал большие дома за 500 франков в сезон. Благодаря этой его склонности однажды в 1880-е годы они жили в семнадцатикомнатном замке в Морбиане*.

Если нет возможности выезжать в деревню на полгода, горожане делают это хотя бы на выходные дни. По поводу нашумевшей книги Аглаи Адансон «Деревенский дом» *La Gazette des ménages* пишет 10 февраля 1831 года: «Уехать в субботу вечером, гулять все воскресенье (если нет дождя) и вернуться в город в понедельник утром — вот что многие парижане называют поездкой за город. При наличии кучера, садовника и кухарки у них есть все возможности для хорошего отдыха».

Летние переезды

6 августа 1854 года Огюст Вильмонт пишет в *Le Figaro* о сильной жаре и пустой столице: «Кажется, вся жизнь переместилась на железнодорожные платформы», где мужья сажают жен в поезда, отправляющиеся на море или в деревню. В Париже остаются лишь «портые да писатели». Это, конечно, шутка, но реальность такова: журналист насчитал 30 000 парижан, которые уехали из города на лето. Те, у кого есть средства, становятся «туристами». Этот синоним путешественника появился в 1816 году, но по-настоящему его вводит в употребление Стендаль, написавший в 1838 году «Записки туриста». «Ларусс

* Морбиан — департамент в Бретани.

XIX века» определяет туриста как человека, который «путешествует из праздного любопытства». Туристы не обязательно ходят по маршруту. Они могут остановиться на вилле на морском берегу и никуда оттуда не выезжать (слово «курортник» появилось лишь в 1920 году). *La Gazette des touristes et des étrangers* («Курортная газета»), основанная в 1877 году, публикует в основном курортные новости. Чтение летних номеров журналов мод подтверждает, что выезды на курорт имели большое значение: в каждом из них рассказывается о светской жизни «на водах». Этот термин относится как к морским курортам, так и курортам с термальными источниками: «Быть летом „на водах“ — все равно что зимой в гостиных», пишет *Le Journal des dames* 5 июня 1846 года.

К годам Первой империи относится начало использования минеральных вод — в 1809 году в Экс-ле-Бэн было около 1200 отдыхающих, а в годы Реставрации были открыты морские купания. В 1822 году граф де Бранка, супрефект Дьепа, основал первое курортное учреждение, и ему удалось пригласить туда герцогиню Беррийскую. До 1830 года в июле весь двор перебирался в Дьеп. Эту традицию после 1830 года продолжила аристократия из предместья Сен-Жермен. Дьеп в ту пору был единственным обустроенным курортом. В 1835 году заговорили о маленьком пляже в Биаррице, который в годы Второй империи станет любимым курортом императрицы Евгении. В конце Июльской монархии модным местом отдыха стал Трувиль на нормандском побережье, но это было более буржуазное и менее шикарное место.

С развитием железных дорог продолжительность поездки из столицы на курорт сократилась на две трети. К началу 1840-х годов в карете, запряженной лошадьми, дорога до Дьепа занимала двенадцать часов, при Второй империи на поезде туда можно было добраться за четыре часа. В августе 1848 года первый «поезд удовольствия» доставил пассажиров из Парижа в Дьеп. Во второй половине века поезда, позволяющие в конце

недели быстро добраться до побережья, познали настоящий успех, особенно с учетом того, что начиная с 1850 года железнодорожная компания стала продавать билеты со скидкой (5 франков — в третьем классе, 8 франков — во втором). Для обеспеченных клиентов курсирует «желтый поезд», или «поезд мужей». В 1871 году он выезжает из Парижа в субботу во второй половине дня и возвращает путешественников в понедельник до полудня — как раз вовремя, чтобы вечно спешащие деловые люди могли провести воскресенье с женой и детьми на море. Для самых богатых существовали ежедневные поезда класса «люкс», как тот, который курсировал между Парижем и Трувилем с 15 июля по 30 сентября 1904 года. Он состоял только из вагонов-салонов первого класса с дополнительными услугами. Поездка туда-обратно стоила больше 50 франков — столько, сколько рабочий зарабатывал за двадцать дней.

Конечно, благодаря прямому железнодорожному сообщению парижане охотнее уезжали из города, чем провинциалы. На нормандское побережье парижан выезжало больше, чем руанцев; несмотря на близость моря, до 1914 года они ездили туда редко. Зато руанцы часто ездили на поезде в Париж (линия Париж — Руан существовала с 1843 года).

Наряду с летними поездками в горы и на море существовал и зимний туризм — в особенности это касалось Средиземноморского побережья (название «Лазурный берег» появилось в 1877 году). После присоединения к Франции в 1860 году Ницца стала излюбленным местом зимнего пребывания. Зимой 1861/62 года здесь побывали 1850 семей, в 1874/75-м — 5000; в 1887 году в Ницце провели по несколько месяцев 22 000 приезжих. В первую очередь, наверное, их привлекал климат, но, возможно, повлияли и рекомендации врачей. К началу 1890-х годов для лечения туберкулеза вошла в моду смена климата: рекомендовалось проводить зимы в горах или в местности с мягким климатом. На Атлантическом побережье «зимний город» Аркашон представляет собой образцовый

пример слияния туризма и лечения. Аркашон был построен при Второй империи как противотуберкулезный курорт, но тем не менее в нем было и казино.

Необходимый досуг

Во второй половине века каникулы стали рассматривать как обязательную смену деятельности и образа жизни. Отдых и благотворное влияние природы противопоставляются урбанизации и индустриализации. Этот вкус к природе не нов, Робер Мози* писал о его появлении в XVIII веке. Новым же, как отмечает Анри Буаро в своем исследовании феномена каникул, «является то, что каникулы становятся частью жизни».

Отдых, то есть общение с природой, путешествия, развлечения, начинает чередоваться с работой. В сельском обществе и в среде ремесленников свободное время не выделялось в нечто особенное. В городском индустриальном обществе оно наступает для всех одновременно — летом. По мере проникновения в новые социальные слои досуг небывалым образом структурирует время — в течение года оно отныне распределяется по-новому. В статье «Вопрос о каникулах» в номере *La Revue hebdomadaire* от 6 июля 1912 года говорится: «Пятьдесят лет назад те, кто брал отпуск, казались оригиналами. Теперь же странными кажутся те, кто не берет его». Каникулы становятся необходимостью и рассматриваются как право. Концом XIX века датируется возникновение индустрии досуга — во Франции появляется туристическая ассоциация *Touring Club* (1890), издается «Путеводитель Мишлен» (1890), возникают объединения по обслуживанию туристов.

Изменения в обществе, приведшие от аристократических выездов за город к идее права на отдых — и, далее, к принятию

* Робер Мози (1927–2006) — французский ученый, историк литературы и философии XVIII века.

закона об оплачиваемых отпусках в 1936 году, — описаны в исследованиях истории отпусков и школьных каникул.

До начала XIX века школы могли не работать по двум причинам: с одной стороны, это религиозные праздники, с другой — полевые работы, из-за которых столько детей пропускало занятия, что учеба в начальных классах на время прекращалась. Постепенно выходные дни и каникулы отделились от церкви и сельскохозяйственных нужд, для них не было других причин, кроме как дать возможность отдохнуть ученикам и учителям; продолжительность их увеличилась, особенно при Третьей республике.

Летние каникулы в XIX веке продолжались максимум шесть недель, начинались приблизительно в день Успения (15 августа), а учебный год — в первые дни октября. 4 января 1894 года было принято постановление, согласно которому к шести неделям каникул «в школах, где организованы каникулярные классы», могли быть добавлены еще две. Первоначально каникулы удлинялись в виде исключения как компенсация персоналу, «который будет способствовать проведению регулярных занятий для взрослых и подростков», потом учителям начальных классов, которые будут заниматься с детьми после уроков. В 1900 году эти постановления подтверждаются, и сроки летних каникул устанавливаются с 1 августа по 1 октября. В 1912 году решением от 20 июля летние каникулы в средней школе начинаются с 14 июля и заканчиваются 1 октября. Только в 1935 году это распространится и на начальную школу.

В эпоху Реставрации ученики интернатов нередко оставались там круглый год, включая каникулы. Иногда такое встречалось в годы Второй империи. К концу века этого больше нет. Виктор Дюрю, министр народного образования, озабочился в августе 1866 года судьбой этих мальчиков и выразил желание, чтобы их приняли в лицеи, находящиеся на море. Это очень современная точка зрения, ее следует отметить особо,

как и его мечту организовать для школьников путешествия по обмену.

Школьное образование все чаще упрекают в недостаточной связи с реальной жизнью. В то же время признается важность воспитательного и оздоровительного аспекта каникул. Быстро развивается система летних лагерей, с 1911 года во Франции начинается движение скаутов.

Каникулы и семья

«Вы получите свои награды, когда начнется новый учебный год!» — утверждала мать мадам Р., увозя 1 июля своих троих детей на каникулы. Они были в лицее и хотели дожидаться наград... Парижанка мадам Р., родившаяся в 1897 году, на протяжении всего своего детства ездила на каникулы в Лангрюн, на нормандское побережье. Ее родители поздравляли с Пасхой хозяев виллы, которую желали снять на лето за 400 франков. Они также арендовали рояль (50 франков) и купальню (50 франков) и нанимали служанку за 15 франков в месяц. Отец, инженер-строитель дорог и мостов, приезжал к семье на несколько дней около 15 июля и 15 сентября и проводил с ними весь август. Все вместе они катались на велосипедах.

В годы отрочества мадам Р. и ее братья посещали казино на «семейном пляже». Там все друг друга знали, и родители спокойно оставляли детей потанцевать. Семьи завязывали отношения, и подрастающие дети могли безбоязненно передвигаться с большей свободой, чем в Париже.

Оставаясь увеселительными учреждениями, эти казино были настоящими светскими храмами общения для буржуазной молодежи с «семейных пляжей». Аналогичные заведения построили супруги Буало для своего личного пользования. Каролина Шотар-Льоре рассказывает, что эти вольнодумцы в своем имени Винье разрушили в 1894 году часовню, чтобы построить «семейный зал».

Это было помещение двадцати пяти метров в длину, обитое красным бархатом и деревянными панелями, в котором находились два каменных скульптурных камина с инициалами Эжена и Изабель, финансировавших проект. Зал был открыт в 1901 году, когда выдавали замуж дочерей Буало, Жанну и Мадлен. В дальнейшем зал служил столовой, где Эжен и Мари принимали летом по тридцать-пятьдесят гостей. Дом в Винье был для потомков Буало родовым гнездом, он сплачивал их всех. Многочисленные кузены и кузины приезжали туда на каникулы вплоть до 1950-х годов.

Важнейшие даты жизни

Жизнь делится на две части важнейшим событием — свадьбой. Брак — основа непрерывности социального и семейного существования. Частная жизнь, таким образом, включает в себя то, что было «до», и то, что было «после»; все, что происходит в жизни, неравным образом распределяется по этим двум периодам.

На пороге свадьбы

До свадьбы в жизни индивида существуют четко определенные этапы: вступление в отрочество, отмеченное в большинстве семей первым причастием, окончание среднего образования и бакалавриат для мальчиков (так как девочки не получают классического образования с изучением латыни, они не могут сдавать экзамен на бакалавриат; если же они все же хотят иметь диплом, им приходится довольствоваться свидетельством об элементарном образовании), выход в свет, поиск жениха или невесты, помолвка. В конце этого пути — свадьба, рождение детей. Далее частная жизнь течет до самой смерти практически без изменений и включает в себя воспитание

и устройство жизни детей; ритм в ней отмеряют семейные праздники.

Юноша из буржуазной семьи сдает экзамен на бакалавра после семилетнего среднего образования, полученного либо в одном из лицеев, учрежденных Наполеоном и ставших впоследствии королевскими коллежами, а в 1848 году снова переименованных в лицеи, либо в частном учебном заведении. До 1930 года среднее образование платное и, даже несмотря на государственные стипендии, является привилегией обеспеченных классов. В 1842 году экстернат в королевских коллежах, например в коллеже Людовика Великого, стоит сто франков в год, интернат — семьсот. В 1873 году старшекласник-экстерн парижского лицея платит триста франков, в конце века — четыреста пятьдесят, в хорошей частной школе — семьсот двадцать. Что же касается интерната в иезуитском коллеже в Париже, цена там приближалась к тысяче четыремстам франков, что составляло почти половину жалованья инженера-политехника. Для сравнения отметим, что в 1880 году все расходы на «прислугу за все» составляют около пятисот франков в год. В 1854 году из 107 000 учеников средних школ экзамен на бакалавра сдали 4600. Начиная с 1873 года от шести до семи тысяч человек получают дипломы.

Молодой человек из буржуазной семьи согласно закону от 1872 года подлежит призыву в армию. Путем жребия решается, на какой срок молодой человек попадает в армию: на пять лет или на год (который на самом деле сводится к шести месяцам). Впрочем, с одной стороны, бакалавр, который досрочно поступает на службу, при условии уплаты 1500 франков на экипировку служит всего год. С другой стороны, студенты Больших школ* и чиновники легко освобождаются от призыва.

После бакалавриата молодой человек может пойти учиться в высшее учебное заведение на юридический или медицинский

* Большие школы — неофициальное общее название самых престижных высших учебных заведений Франции.

факультет (поступить в университет стоит дорого: запись и допуск к экзаменам — 1000 франков на юридическом факультете и 3000 франков — на медицинском) или же поступить в одну из Больших школ — Политехническую, Школу мостов и дорог, Национальную высшую горную школу, Центральную. Он также может сразу войти в семейное дело. В любом случае на «ярмарку женихов» он попадает не в юном возрасте.

Для девушки из буржуазной семьи вопрос о высшем образовании не стоит, если у семьи достаточно денег, чтобы выдать ее замуж с хорошим приданым. Женское среднее образование, где бы оно ни получалось — в пансионе или, начиная с 1880 года, в одном из лицеев, созданных Камилем Се*, никогда не имело целью подготовку к экзамену на степень бакалавра или к поступлению в университет. По окончании среднего образования девушка может получить свидетельство об элементарном образовании или сертификат о среднем образовании. Но она не нуждается в дипломах. «Оставьте же заботу о дипломе тем, кому надо зарабатывать на жизнь!» — говорил Луизе Вайс ее преподаватель литературы в Лицее Мольера. Для малоимущих девушек в 1905 году начинают работать частные курсы по подготовке к бакалавриату. В лицеях такая подготовка начнется только после I Мировой войны.

Образование для девушки из буржуазной семьи — это прежде всего подготовка ее к роли хозяйки дома. Она должна уметь вести дом, руководить прислугой, быть достойной собеседницей супругу и воспитывать детей. Для этого совсем не нужна латынь или специфические научные знания, но требуется общая культура, умение рисовать и музицировать, а также теоретические и практические хозяйственные умения и навыки — кухня, гигиена, педагогика.

* Камиль Се (1847–1919) — французский юрист и политик, сторонник среднего образования для девушек («закон Камилля Се», 1880).

До замужества девушка под руководством матери совершенствует свои знания правил хорошего тона и светские навыки, а также посещает «школу домохозяек», например Школу матерей или Домашнего очага, и слушает лекции для светских девушек, например в Университете анналов*.

Выбор спутника жизни

Как правило, здесь помогают семейные и дружеские связи: женихом часто оказывается брат лучшей подруги, невестой — сестра друга; во время семейных праздников — свадеб, крестин — происходят встречи с дальними кузенами и кузинами.

Существует множество поводов для встреч буржуазной молодежи: благотворительные базары, занятия спортом (теннис и катание на коньках), танцевальные вечера. Специально для молодежи организуются «белые балы» — дебютантки появляются на них в белых платьях, символизирующих чистоту и невинность. На этих балах всегда присутствуют матери — следят за общим порядком, общаются, обсуждают возможное приданое и в целом оценивают потенциальные партии.

Во Франции принято, чтобы девушка выходила замуж в свой первый светский сезон. Если она совсем юная, она может выезжать две зимы подряд. Если же и на третий сезон не найдется претендента на ее руку и сердце, ее сбрасывают со счетов; либо закрадываются сомнения в безупречности ее поведения, либо, что случается чаще, приданое кажется недостаточным.

В буржуазной среде считалось уместным специально знакомить потенциальных женихов и невест. «Свахи» были настоящими специалистами своего дела. Как правило, это были старые девы, кузины или друзья дома из хорошего общества; безупречность их поведения внушала доверие. Они устраивали

* Учебное заведение, основанное в 1907 году Ивонной Сарсе, дочерью театрального критика Франциска Сарсе (см. примеч. на с. 223).

встречи молодых людей, которых считали подходящими друг другу. Так познакомились родители писательницы Симоны де Бовуар, историка и дипломата Жака Шастене, дядя и тетя романистки Эдме Реноден.

Такие браки не противоречили чувствам. Во-первых, с «сватаннным» супругом часто складывались прекрасные отношения. Во-вторых, если молодой человек или девушка влюблялись в кого-то по своему выбору, родители не отменяли сразу возможность брака. Они наводили справки об избраннике, убеждались в его почтенности, узнавали о доходах, о том, что о нем говорят. Политическую и религиозную принадлежность тоже следовало учитывать. Так, вольнодумцы Эжен и Мари Буало, у которых было пять дочерей на выданье, не рассматривали возможность породниться с католической семьей. Одна из их дочерей, Мадлен, встретила на бульваре в Туре в 1901 году красивого молодого человека, который ей очень понравился. О нем навели справки; оказалось, что он из семьи протестантов, сын промышленника. Значит, делу можно было давать ход. Старшая замужняя сестра организовала первую встречу. Далее события развивались стремительно. Два месяца спустя состоялась официальная помолвка, еще через месяц — свадьба, накануне которой Мадлен крестилась.

Помолвка

Если молодой человек решил жениться, он должен сделать предложение родителям девушки через какую-нибудь даму, хорошо знающую семью. Если предложение принято, родители молодого человека делают предложение родителям невесты по всей форме. С этого момента претендент становится официальным женихом и принимается в качестве такового в доме будущей супруги. В первый визит назначают дату помолвки.

Торжественный обед по случаю помолвки происходит в доме невесты, на нем присутствуют обе семьи. В этот вечер

жених дарит кольцо. Невесте полагается сделать ответный подарок — мужское кольцо, медальон со своим портретом или прядью волос. Она преподносит подарок спустя неделю, на обеде в доме родителей жениха.

Перед своим первым визитом молодой человек посылает невесте букет из белых цветов. Богатому жениху полагается посылать цветы ежедневно вплоть до свадьбы. Иногда он даже посылает цветы будущей теще. К концу века невесте посылались не только белые цветы. По восточному обычаю букеты постепенно розовели, и накануне свадьбы это были алые цветы, символ страстной любви. Все учебники хорошего тона находили этот обычай вульгарным.

Каждый день молодой человек ходит к невесте, чтобы «ухаживать» за ней. При этих встречах присутствует мать девушки или какая-нибудь родственница. Девушка должна вести себя с женихом сдержанно. Она не может ни писать ему, ни получать от него писем без ведома матери. Ей не следует слишком живо проявлять нежность и ускорять события, чтобы он не усомнился в ее стыдливости и чистоте. В принципе, в этот период молодые люди должны получше узнать друг друга. Очень важно, чтобы невеста оставалась как бы бестелесной, чтобы будущий муж мог ее идеализировать: «чтобы при самых разных обстоятельствах и даже, может быть, утратив иллюзии, супруг всегда вспоминал идеальную форму и чистый взгляд, выдающий действительно невинную душу».

Период от помолвки до свадьбы длится от трех недель до нескольких месяцев, чаще всего два месяца. Газета *La Corbeille* пишет 1 декабря 1844 года, что одна-единственная встреча может привести к молниеносной свадьбе: «Перед наступлением сезона балов находится период *летних свадеб*, которые являются результатом летних встреч и знакомств на водах, в замках, в путешествиях». Другие свадьбы — зимние, потому что «в большинстве случаев они являются следствием контрдансов или нескольких любезных слов, сказанных где-нибудь на концерте».

Брачный контракт

В это же время обе семьи обговаривают приданое и назначают дату подписания контракта. Когда этот день настает, жених и невеста с родителями или близкими родственниками отправляются к нотариусу или он сам приходит в дом невесты. В обоих случаях порядок действий одинаков. Нотариус зачитывает документ. Жених и невеста должны хотя бы делать вид, что это их мало интересует — неприлично думать о деньгах, а не о любви. Как только чтение закончено, жених встает и подписывает документ, потом протягивает перо своей будущей жене. Затем подписывают матери, отцы, родственники, друзья, которых можно приглашать на эту церемонию. Если у одной из семей есть какой-то важный знакомый или родственник, присутствие которого было бы лестным для всех, его могут попросить прийти и подписать контракт.

В Париже и других крупных городах понемногу взяли за правило устраивать бал в день подписания брачного контракта, а не в свадебный вечер, так что к началу XX века в день бракосочетания больше не танцуют. Невеста открывает бал, танцуя с женихом, второй танец традиционно отдается нотариусу, дальше она танцует с гостями.

Подписание брачного контракта — это буржуазная черта, как показали Аделина Домар и Жан-Пьер Шалин. Без этого женятся лишь бедные люди, их имущество считается общим и управляет им только муж. В буржуазной среде брачным контрактом оговаривается по крайней мере одно положение (общность имущества супругов, но разделение долгов); также имущество может разделяться или устанавливаются правила пользования приданым (супруга может распоряжаться половиной своего приданого, вторая же половина передается мужу).

В Париже в целом заключаются равные браки, однако прослеживаются две тенденции: коммерсанты, как правило, богаче своих невест; чиновники же и представители свободных

профессий, напротив, женятся на более богатых, чем они, девушках. Надо признать, что чиновникам платили очень мало: начальное жалование члена Государственного совета составляло 2000 франков в год, судья заканчивал карьеру, зарабатывая 6000 франков в год. То же самое наблюдалось и в Руане: инженер, имеющий 75 000 франков благодаря патентам на изобретения, женится на девушке, приданое которой составляет 741 000 франков. Приданое невесты позволяло молодой паре жить так, как их обязывало положение, а не в зависимости от доходов; таким образом поддерживался престиж семьи и ее стабильный имидж.

Если же бедный молодой человек, имеющий дипломы, благодаря которым перед ним открывалось неплохое профессиональное будущее, мог жениться на богатой невесте, то бесприданница имела все шансы остаться незамужней. Отсутствие приданого ни в коей мере не могло компенсироваться наличием высшего образования и профессиональной деятельностью (к 1914 году во Франции была дюжина адвокатесс, несколько сотен женщин-врачей и немногим более школьных учительниц). Зарабатывая себе на жизнь, женщина из буржуазной среды теряла свой статус.

Приданое

После помолвки девушка начинает заниматься приданым, которое включает в себя ее личное белье и домашний текстиль. Молодой супруг приносит в дом после свадьбы лишь свое собственное белье. Она вышивает метки, сначала первую букву фамилии мужа, рядом первую букву своей фамилии. Белье обычно составляет 5% приданого. Как пишет мадам Альк, в 1881 году скромное приданое составляло 2000 франков: всего было по три дюжины — простыней, скатертей, наволочек, рабочих передников и т. д., а шикарное — 25 000 франков: в этом случае все считалось по двенадцать дюжин.

Между богатым и скромным приданым очень большая разница в качестве кружева, мехов, домашних платьев, белья. В приданом графини де Панж, вышедшей замуж в 1910 году, дюжинами считались нижние юбки, панталоны, лифчики, нитяные и шелковые чулки, перчатки — длинные вечерние и короткие дневные. К тому же у нее было три платья от Уорта*, вечерние и домашние платья, три прогулочных костюма, шуба из выдры, чернобурка, соболиная накидка, наконец, четыре шляпы с перьями и цветами. Необходимость иметь столько белья была связана с тем, что в сельской местности стирали всего лишь два-три раза в год, в огромных чанах. В городах, где стирали в специально обустроенных прачечных и грязное белье сдавалось прачкам, это было не так необходимо. Белье имело не только материальную ценность, но и символическую. Жорж Вигарелло проследил его связь с чистотой и через эту чистоту — с восприятием тела. Иметь много белья — значит быть богатым. Вплоть до времен Второй империи его выставляют напоказ, как и подарки жениха, до кануна свадьбы. Позднее от этого обычая отказались под предлогом того, что демонстрировать столь интимные предметы неприлично.

Брачная корзина

В день подписания брачного контракта жених присылает будущей жене «корзину» — некоторое количество традиционных подарков, которые когда-то раньше укладывались в плетеную корзину, высланную белым атласом. Позже подарки стали присылать в маленьком шкафчике. К началу XX века довольствовались шкатулками и коробочками, которые доставлялись производителем.

* Чарльз Фредерик Уорт (1825–1895) — французский модельер английского происхождения, один из основателей «высокой моды».

Свадебные подарки жениха, как и приданое, составляли 5% от общей суммы приданого или были эквивалентны годовому доходу жениха. Сюда относились черные и белые кружева, которые передавались из поколения в поколение и за которыми тщательно ухаживали, фамильные либо современные драгоценности, ценные безделушки, веера, флакончики, бонбоньерки, ткани и меха. В годы Июльской монархии и Второй империи, например, очень ценились кашмирские шали. Наконец, в набор подарков входил молитвенник, предназначенный для венчания, и кошелечек, полный только что отчеканенных золотых монеток, которые дарят со словами: «Раздайте бедным».

Приданое выставляется в спальне невесты, а подарки жениха — в маленькой гостиной. На свадьбах очень богатых людей подарки бывают просто грандиозными. В 1904 году граф и графиня Грефюле выдавали единственную дочь замуж за герцога де Гиша. После церемонии приглашенные отправились в дом к бабушке невесты, где были выставлены 1250 полученных подарков...

Разные модные журналы вроде *La Gazette des salons* в 1835–1836 годах рекламировали разные модели «свадебных корзин» и перечисляли все, что туда входило, от перчаток и шалей до пеньюаров. В 1874 году Малларме под псевдонимом Маргарита де Понти описал в журнале *La Dernière Mode* различные драгоценности, которые можно положить в «корзину».

Свадебная церемония

Гражданская свадьба и венчание могут происходить в один день, в действительности же, особенно в Париже, где все время возникают непредвиденные задержки, венчание происходит день или два спустя. В мэрии собираются лишь четверо свидетелей и самые близкие родственники пары. Жених посылает карету за двумя своими свидетелями, другой экипаж — за свидетелями со стороны невесты, потом прибывает вместе

с родителями в дом к девушке, откуда они отправляются в мэрию. Мэр или его заместитель зачитывает документы и главу VI Гражданского кодекса, где говорится о правах и обязанностях супругов. Он спрашивает обоих, согласны ли они взять друг друга в супруги. Невеста первая подписывает документ, потом протягивает письмо жениху, который говорит ей: «Спасибо, сударыня».

Гражданский брак заключается бесплатно, но традиционно мэру дают пожертвование на бедных. В конце века в моду вошло устраивать пышную гражданскую церемонию, с цветами, оркестром и популярными певцами. Эта мода возникла благодаря исключительно гражданским бракам, в особенности повторным после разводов, а также смешанным бракам между католиками и иудеями. На таких свадьбах невозможно было устроить пышную церемонию в церкви.

Цены на религиозную свадебную церемонию очень разные: от 10 до 2000 франков у католиков, от 15 до 2000 у иудеев, «по высшему разряду» — 4000 франков. В храме, напротив, церемония бесплатна для всех. В зависимости от класса заказанных услуг жених и невеста имели право на главный алтарь или на часовню, на более или менее роскошные цветы и освещение, на более или менее грандиозную музыку. Заплатив, можно вызвать артистов из Оперы или Консерватории. Большие светские свадьбы были настолько изысканным зрелищем, что к приглашениям прилагали карточку на вход в церковь из опасений, что будет слишком много зрителей. По правилам, все расходы на церемонию в церкви берет на себя семья жениха, тогда как бал и свадебную трапезу — завтрак, обед или ланч — оплачивали родители невесты. В архивах Стаклера, крупнейшего производителя ситца из Руана, обнаружены записи о том, что общая стоимость свадьбы делилась между обеими семьями. Это могли быть огромные деньги: в 1899 году свадьба обошлась семье Стаклеров в 5641 франк. Было разо-слано 3200 приглашений.

Три воскресенья подряд священник оглашает предстоящее бракосочетание. Чтобы ограничиться одним оглашением, приходится платить. То же — если свадьба попадала на Великий или Рождественский пост и другие оговоренные даты (например, в пятницу жениться не принято). Эти деньги шли на приходских бедняков.

Бракосочетание — без сомнения, самый публичный из всех частных ритуалов. В нем все тщательно прописано: состав кортежа, порядок шествия, количество и выбор подружек невесты, одежда молодых, триумф черного и белого, жесты. Отец ведет дочь к алтарю, чтобы передать супругу. До того как девушка произнесет сакраментальное «да», она должна оглянуться в сторону матери, как бы прося ее одобрения. До конца XIX века обручальное кольцо носит только супруга. Мужское обручальное кольцо — иностранный обычай — постепенно входит в моду, но оно совсем не обязательно.

В провинции принято долго праздновать свадьбу. Вот что 29 августа 1832 года пишет Эмилю Реньо Жорж Санд, только что побывавшая на свадьбе их общего друга Дюверне: «Я сбежала сразу после выхода из церкви, чтобы не присутствовать на свадьбе, которую празднуют три дня и три ночи без перерыва». Также в провинции сохранилась традиция, исчезнувшая в Париже: друзья жениха стараются украсть подвязку невесты.

Иногда бывало и по-другому. Вот как непринужденно и эксцентрично вышла замуж за своего избранника — ориенталиста, переводчика «Тысячи и одной ночи» — поэтесса Люси Деларю-Мардрюс. Свадьба состоялась через десять дней после знакомства 5 июня 1900 года в церкви Сен-Рок. Молодая была одета в клетчатое платье для велосипедных прогулок и канотье. Для свидетелей и членов семьи были заказаны все четыре имеющиеся на тот момент в Париже фиакра-автомобиля. Посмотреть на процессию собралась толпа зевак. На свадебный завтрак пригласили в один из окрестных ресторанов. В свадебное путешествие молодые не поехали.

Все же такое отношение к свадьбе было редкостью. Для Жюль и Гюстава Симонов* («Женщина в XX веке») ничто не может заменить возвышенность церковного свадебного обряда. Они возмущены тем, что женщин лишили этой красоты в промежутке между 1789 и 1885 годами, когда из-за антиклерикальных настроений распространились гражданские браки. «Мы, мужчины, не можем понять, что значит для женщины церковь. Она с детства мечтала войти в храм в подвенечном платье, рука об руку с возлюбленным, под звуки органа, в облаке аромата ладана, оказаться в окружении взволнованных и улыбающихся друзей. Память об этом дне она пронесет через всю свою жизнь. Она не забудет ничего — ни запаха цветов, не мерцания свечей, ни нежного пения детского хора, ни старческого голоса священника, ни кольца, скользнувшего на ее дрожащий палец, ни вуали на голове, ни святого благоговения, ни горячего поцелуя матери на пороге церкви. Для девочек, только что переставших играть в куклы, подготовка приданого для старшей сестры — большое счастье, в ожидании подготовки своего приданого. Нельзя вырвать все это из жизни женщины». Что это? Мечта женщины или фантазии мужчины?

Свадебное путешествие

Мода на свадебные путешествия распространилась к началу 1830-х годов. В 1829 году «Супружеский кодекс» представляет супружескую пару у себя дома на завтра после брачной церемонии. Первой наносит визит мать новобрачной в сопровождении близких родственников и друзей. Новобрачные завтракают в обществе своих родителей. В путешествие они не уезжают, однако в книге говорится: «Свадебное путешествие — это

* Жюль Симон (1814–1896) — французский философ, публицист и политик, член Французской академии; Гюстав Симон (1848–1928) — французский писатель и журналист, сын Жюль Симона.

прекрасный английский обычай: молодые проводят месяц счастья, удалившись в деревню. Эта мода, несколько лет назад пришедшая во Францию, — отнюдь не худшее из всего, что мы позаимствовали у соседей».

Деревня — идеальное место для медового месяца. Здесь никакие светские условности и семейные обязанности не будут нарушать уединения пары. Это рекомендует и специальная литература. Молодым стоит взять с собой побольше вещей, и тогда «в каком бы отеле они ни оказались, в считанные минуты можно будет свить гнездо. Чтобы почувствовать себя как дома, надо лишь распаковать чемоданы».

Когда лучше всего уезжать в свадебное путешествие? Здесь сталкиваются два противоположных мнения. Можно, по примеру англичан, отбыть сразу после церемонии, под хруст риса под атласными туфельками. Можно, наоборот, задержаться на несколько дней. На закате Второй империи графиня де Бассанвиль отмечает, что уезжать сразу после церемонии немодно. В июне 1894 года *La Grande Dame* пишет: «Никто больше не уезжает в свадебное путешествие сразу после церемонии. Это мещанство. Теперь муж привозит молодую жену к себе в имение или туда, где он приготовил ей гнездо, изучив ее вкусы. Иногда, наоборот, родители уезжают на несколько дней и предоставляют молодым свой дом, чтобы те могли вполне насладиться друг другом и своей новой жизнью».

Последний крик моды в начале XX века — не ехать никуда далеко, а поселиться инкогнито в каком-нибудь парижском отеле. В любом случае поездка в Италию становится до такой степени общим местом, что те, кто желает отличаться от простых смертных, расширяют горизонты и едут в Швецию или Норвегию. Ибсен и страдающие героини его пьес имеют успех...

На деле же, даже если кое-кто находит ее вульгарностью, поездка в Италию стала почти ритуалом. Туристические агентства предлагают ехать через Страсбург и Швейцарию или через Лион и Средиземноморское побережье. Италия и Средиземное

море — идеальное место для новобрачных. Италия — страна любви. Мягкость климата, красота пейзажей, богатейшее культурное наследие, присутствие церкви — все создает атмосферу чувственности: эстетическое и священное раскрывают сердца и расслабляют тела. Дух Ромео и Джульетты остается в Вероне.

Страны, где «цветут апельсиновые деревья», располагают к раскрытию чувственности. Вспомним об открытии, которое сделала Жанна, героиня романа Мопассана «Жизнь», гуляя по корсиканским зарослям во время своего свадебного путешествия. Жара и неистовая красота пейзажа переворачивают душу и тело и дают выход наслаждению. Возможно, именно это вызывает противоречие между чувственностью свадебного путешествия и дальнейшим супружеским сексом.

Камилла Марбо, вышедшая замуж в октябре 1901 года в Сен-Жермен, едет в свадебное путешествие в Италию на полтора месяца. По ее словам, это варварский обычай: «Смесь удивления, вызванного новыми ощущениями, усталости и потрясения от посещения экскурсий, памятников и музеев». Ее муж хочет все увидеть, ей же тяжело за ним следовать — она моментально забеременела и вернулась совершенно опустошенная. Она потеряла ребенка и больше не смогла иметь детей. Вот почему медики рекомендовали тогда не пытаться объять необъятное. Молодым супругам следовало бы, по мнению врачей, проводить первые недели совместной жизни в деревне, а в путешествие ехать уже потом, когда они смогут получить от него больше удовольствия и пользы.

С точки зрения логики и здравого смысла это соображение безупречно, однако в нем не учитывается символический смысл свадебного путешествия. Марсель Прево в «Письмах к Франсуазе» в 1902 году защищает традиционное свадебное путешествие, заслуга которого в том, что оно «дает надежду и энтузиазм, так необходимые двум людям, которым предстоит вместе идти по жизни». Что бы ни принесла брачная ночь — разочарование или надежду на дальнейшее счастье,

главное заключается в том, что путешествие остается в памяти, запечатлевает важнейший момент существования. Память фиксирует образы. Все эти церемонии и ритуалы проводятся в большей мере для невесты, чем для жениха или для пары в целом. День свадьбы должен стать самым счастливым в ее жизни. Свадебные ритуалы утверждают роль женщины в частной сфере, коль скоро она исключена из жизни публичной.

От супружества к семье

Поженившись, люди, как правило, не разводятся. Развод — по-прежнему явление маргинальное. Согласно переписи населения от 1901 года, на 10 000 женатых французов в возрасте от 18 до 50 лет приходится 53 развода, а на 10 000 замужних француженок в возрасте от 15 до 45 лет — 70 разводов.

Теплота отношений между супругами очень ценится. Все чаще у них одна спальня и одна большая супружеская кровать. Дискуссия о необходимости иметь отдельные спальни прекращается. Мадам Париже в 1821 году очень советовала каждому супругу спать в своей комнате, однако в переиздании ее книги 1913 года упоминаний об этом нет. Пример берут с высокопоставленных особ: Луи-Филипп, проводя экскурсию по королевским апартаментам, с гордостью показывал ложе, которое он делил с супругой, королевой Марией-Амелией. Наедине супруги обращаются друг к другу на ты и охотно дают друг другу милые прозвища, одновременно смешные и трогательные. Уже упомянутый Цезарь Бирото зовет свою жену «Мими», «своей маленькой беленькой ланью», «любимой кошечкой».

После свадьбы вся частная жизнь подчиняется ребенку. Сразу начинают ждать беременности, потом появления ребенка на свет, его крестят, воспитывают, затем начинают думать о его образовании и о том, как ему следует проводить свободное время. Детей заводят мало (Поль Венсан выяснил, что больше половины женщин, родившихся в 1881 году, выйдя

замуж, имели не более двух детей), зато они — предмет любви и гордости.

Теплые супружеские отношения перерастают в семейную привязанность и любовь. Материнство и отцовство становятся абсолютными ценностями. Братья Гонкуры отмечают в своем «Дневнике» 26 марта 1860 года: «Ребенок, как и его мать, больше не обязан сидеть на женской половине дома, как это было раньше. Его показывают окружающим совсем маленьким, гордясь собой как производителем. Короче говоря, как сто лет назад почетно было быть гражданином, так теперь почетно быть отцом семейства».

Если отец с гордостью демонстрирует посторонним свое потомство, как мы видим на карикатуре Домье, то оставшись в кругу семьи, он с радостью отдается играм и ласкам. В спальню к Эжену и Мари Буало каждое утро приходят их дети в ночных рубашках, чтобы пожелать им доброго утра. Об этом можно судить по письмам, которые Мари пишет мужу, находящемуся в отъезде: «Если бы ты видел, что творится по утрам в моей постели! Они меня совершенно расслабляют, эти милашки. Жанна обнимает меня за шею своими ручками [ей два с половиной года], и берегись, кто захочет меня поцеловать! Она начинает драться и царапаться, говоря своим нежным голоском: „Мамочка только моя“, потом целует меня изо всех сил. Если бы ты был рядом, мой котик, как бы я была счастлива, или, вернее, как бы мы были счастливы» (1883). К материнству относятся подчеркнуто экзальтированно; оно является единственной настоящей наградой женщины.

Дети рождаются, дети растут. Крестины и первое причастие знаменуют их вступление в христианское сообщество, а также, в ходе XIX века, постепенно становятся семейными праздниками, поводом убедиться, что у всех все в порядке, и укрепить семейные связи.

С тех пор как Революция уполномочила государственные органы регистрировать гражданское состояние, отец обязан

в трехдневный срок после рождения ребенка явиться в местную мэрию в сопровождении двух свидетелей и заявить об этом событии. Врач, присутствовавший при родах, подтверждает факт рождения ребенка и его пол в течение суток после заявления отца.

Крестины

В принципе, крестины тоже должны состояться в течение первых трех дней жизни ребенка. В 1859 году «Универсальный словарь жизни в городе и деревне» утверждает, что не может быть по-другому без очень важных причин. Однако под давлением общества религиозные догмы отступают. Чтобы молодая мать могла присутствовать при этом событии, крестины откладываются на срок от полутора до двух или даже трех месяцев. Если состояние ребенка вызывает подозрения, его крестят сразу после рождения. Так, Клэр П. из Шатофора, родившая 11 января 1903 года, пишет, что аббат Деманж крестил ее сына Альбера 17 января. В воскресенье, 15 февраля, по случаю крестин будет дан большой торжественный обед.

Согласно обычаю, у ребенка должно быть три имени: одно дают родители, второе — крестный отец, третье — крестная мать. Во время церемонии в церкви крестный отец стоит справа от женщины, которая держит ребенка, крестная мать — слева. Они простирают над младенцем руку, другой рукой расправляют складки его одежды — это имеет символическое значение. Священник спрашивает их: «Чего вы просите?» — «Крещения», — отвечают крестные, и т. д. В конце они подписывают акт, после чего отправляются на обед, который устраивает отец их крестника.

Крестные отец и мать одаривают крестника традиционными подарками, подарки крестного отца более значительные. На них лежит задача христианского воспитания крестника, если его родителей вдруг не станет, однако в первую очередь

им надлежит дарить ритуальные подарки. Как добрые феи, они должны склониться над колыбелью, пожелать младенцу всяческого добра и в течение его детства и отрочества дарить ему подарки.

Крестные родители — главные гости на всех семейных праздниках. По традиции в качестве крестного отца первого ребенка приглашают его деда по отцовской линии, в качестве крестной матери — бабушку по материнской. Крестными второго ребенка будут дед по материнской линии и бабушка по отцовской. В случае если бабушек и дедушек нет, в крестные берут самых близких старших родственников. Это удвоенные роли бабушек и дедушек — отличный пример семейной автаркии.

Первое причастие

Первое причастие оспаривает у свадьбы титул «самого прекрасного дня жизни». Впрочем, это определение дает Флобер в «Лексиконе прописных истин». Это таинство во многом предвосхищает свадьбу, поскольку совершается перед всей церковной общиной. Все устроено так, чтобы вызвать волнение у действующих лиц и у зрителей: «Родители, матери в особенности, с волнением и нежностью смотрят, как их дети совершают первое действие своей религиозной жизни, и чувствуют прилив бесконечной любви», — пишет в 1841 году «Словарь для дам и юных особ».

Эмоции вызваны, во-первых, ожиданием важного дня и долгой подготовкой к нему, во-вторых, торжественностью праздника. Элизабет Арриги принимает первое причастие в двенадцать лет, в четверг, 15 мая 1879 года, в церкви Сен-Жермен-де-Пре. Вот что она пишет в первые дни 1879 года: «Наступил год моего первого причастия». Она постоянно говорит об уроках закона Божьего, на которых прекрасно успевает: получает похвальную «большую печать» и устное

поздравление от аббатов. В четверг 8 мая ей вручают подарки: белый молитвенник, несессер из слоновой кости, распятие, книги религиозного содержания. В субботу, 10 мая, она пишет в дневнике, что ей бы очень хотелось, чтобы отец тоже принял причастие одновременно с ней. 11, 12 и 13 мая она проводит в уединении. Проповедник говорит о смерти, аде, небесах. 14 мая — общая исповедь. Элизабет мучают угрызения совести: она упрекает себя в том, что обижала младшую сестру, и просит прощения у Бога. В воскресенье, 18 мая, она подробно описывает церемонию, состоявшуюся в четверг. Певчие, орган, толпа людей, процессия девочек в белых платьях — все это мешается со словами молитвы и вызывает экзальтацию: «Ах, я всю жизнь буду вспоминать волнение, которое испытала в тот момент!» Она «с трепетом» направляется к балюстраде, за которой находятся певчие, падает на колени, возносит молитву Господу, получает просфору, потом возвращается на место и погружается в молитвы. Восторг переполнял ее: «Я слушала Бога, его слова проникали прямо мне в душу, он говорил: „Я твой, располагай мною“». Это внутреннее волнение, которое испытывала девушка, сближает таинство первого причастия с таинством венчания.

В XIX веке первое причастие принимается обычно в возрасте двенадцати лет. В XIII веке на Вселенском соборе было принято решение проводить первое причастие, когда ребенок находится в сознательном возрасте, то есть когда он в состоянии отличать добро от зла и хлеб евхаристии от обычного хлеба. Тридентский собор* также рассматривал вопрос о «сознательном возрасте» и установил возрастные рамки от девяти до тринадцати лет.

В XIX веке в церкви шла дискуссия об обоснованности этого выбора. Около 1853 года провинциальные соборы Альби,

* Тридентский собор (1545–1563) — один из важнейших Вселенских соборов в истории католической церкви, считается началом Контрреформации.

Тулузы и Оша выносят предупреждение: надо, чтобы дети как можно раньше принимали первое причастие, «в том возрасте, когда, будучи в состоянии почувствовать тело Христово, они невинны и непорочны». Папа Пий IX осуждает принятие первого причастия в более позднем возрасте и одновременно для большого количества детей, как указывает кардинал Антонелли в послании ко всем епископам Франции 12 марта 1866 года.

Первое причастие: торжество или частное дело?

Дебаты на эту тему привели к появлению послания папы Пия X от 8 августа 1910 года «*Quam singulari Christus amore*», в котором предписывается впервые причащать детей, как только они приобрели элементарные религиозные знания, в среднем в семь лет. Этот документ преследует две цели, духовную и материальную.

Прежде всего речь шла об уничтожении любой янсенистской ереси при позднем первом причастии. Действительно, янсенисты представляют евхаристию как награду, тогда как на самом деле она должна рассматриваться как «защита хрупкого человека». Если у ребенка после двух лет уроков закона Божьего достаточно знаний для первого причастия, надо, чтобы он его прошел и в дальнейшем регулярно причащался и исповедовался: это лучшее средство для воспитания его души. Таинство евхаристии должно помогать противостоять искушению и греху. Раннее первое причастие в идеале должно привести к ежедневному причащению и сохранению чистоты души.

С другой стороны, папское послание призывает к сдержанности обряда; для сторонников другой точки зрения «день первого причастия — самый прекрасный день в жизни». Коллективное принятие первого причастия с присущей ему пышностью вошло в моду во Франции в середине XVIII века, сначала в некоторых религиозных учреждениях, особенно

в иезуитских, далее в приходах. В 1789 году этот обычай еще не получил очень широкого распространения и был принят повсеместно лишь после Конкордата Наполеона в 1801 году.

Пышность проведения обряда привела к его превращению в светское мероприятие, если не сказать — к профанации таинства. Вся эта показная роскошь в церкви нужна для того, чтобы оставить «неизгладимое впечатление и воспоминание на всю жизнь». И если мальчики одеты в строгие черные костюмы с шелковой повязкой на правой руке, то девочки, наоборот, одеты как маленькие невесты, в белые платья из муслина и вуали. Графиня де Жансе пишет в 1910 году: «Вся жизнь девушки протекает между двух вуалей — первого причастия и свадебной». Подарки, которые они получают, достойны того, чтобы лежать в брачной корзине. Только неблизкие знакомые дарят подарки религиозного характера — молитвенник или четки. Близкие люди выбирают вполне мирские подарки — ювелирные изделия, часы, изящные безделушки. В конце XIX века вошло в моду выставлять напоказ подарки с визитной карточкой дарителя — совсем как свадебные подарки. Чтобы закончить проводить параллели между свадьбой и первым причастием, скажем, что в конце семейного обеда после мессы подают огромный многоярусный торт, как на свадьбе.

Резкое снижение возраста первого причастия ведет к тому, что оно перестает быть предвосхищением свадьбы. Было бы смешно дарить семилетней девочке такие же подарки, как двенадцатилетней. Таким образом, девчушка будет меньше думать о подарках и платье. Но это означало пренебрежение интересами торговли, которая расцвела вокруг ритуала: «Все члены семьи в этот день должны быть одеты во все новое; для матери это прекрасная возможность получить от супруга новый туалет; священное соседствует с профанным. Ассортимент есть на любой кошелек: для девочек из бедных семей предлагается платье и корсаж за 3,75 франка, вуаль и шапочка за 0,85 франка; для тех, кто побогаче, — шапочка за 15 франков

и костюм, включающий в себя две юбки из муслина на шелковой подкладке за 130 франков. Пояс — от 1,45 франка до 140 франков».

Папа, безусловно, не рассчитывал, что первое причастие будет сопровождаться такой бессмысленной роскошью. Однако речь не шла о том, чтобы сделать менее торжественной религиозную составляющую этого события. Грандиозная церемония имела целью вызвать у прихожан — у родителей детей, принимающих первое причастие, у друзей, у всех верующих — прилив эмоций, сочувствия, чтобы хотя бы раз в год каждый христианин совершал таинство евхаристии.

Вот почему в течение долгого времени первое причастие совершалось на Пасху: оно «прекрасно побуждало к тому, чтобы все выполняли свой пасхальный долг». «Приходской бюллетень Сен-Сюльпис» так говорит о роли посредников между Богом и верующими, возложенной на причащающихся: «Очень многие из родителей и друзей сменяют друг друга перед алтарем, чтобы причаститься к Богу. Другие, менее удачливые или, может быть, менее отважные, завидуют их счастью, и не один из них, вернувшись домой, будет долго обнимать своего ребенка, чтобы получить от него частичку Иисуса» (25 мая 1909 года). Так через ребенка таинство из церкви попадает в семью.

Начиная с 1910 года заработала система, которая, не противореча посланию «*Quam singulari*», сохранит пышность этой церемонии, принятую в прошлом. Отныне первое причастие делится на два этапа: первый, который называют «маленьким» или «частным», происходит, когда ребенку исполняется семь лет; второй имеет место, когда он достигает 12-13-летнего возраста; это второе причастие называется «торжественным» и заменяет собой церемонию прежних лет.

Невозможно было просто перенести традиционное первое причастие с двенадцати-тринадцати лет на семь, потому что это не был только религиозный праздник, но событие,

знаменующее переход из детства в отрочество. Шатобриан подчеркивал в своих «Замогильных записках», что как молодые римляне в определенный момент начинали носить тогу, так юные христиане принимают первое причастие. Сам он прошел эту церемонию в 1791 году, когда ему было 13 лет. Это, говорил он, был «момент, когда в семье решалось будущее ребенка».

Вступление в отрочество, отмечаемое религиозной церемонией, стало для всех членов семьи настоящим праздником, и отказаться от него не представлялось возможным. Этот ритуальный переход из одного возраста в другой навсегда остается в памяти. Сохраняются и его материальные «следы». С одной стороны, виновники торжества раздают близким благочестивые картинки, на обороте которых напечатано имя ребенка и памятная дата; с другой — они позируют у фотографа в традиционной коленопреклоненной позе на скамеечке для молитвы.

Праздники, дни рождения и юбилеи

Наряду с ежегодными общими праздниками и датами в каждой семье есть свои особенные праздники и даты.

Рене Беррюэль пишет в дневнике 23 марта 1908 года: «Сегодня мы поздравляли маму. Я сшила сумочку, мы спели песенку. Каждая из нас подарила по маленькой вазочке, а папа — туалетный столик с ящичками и зеркалом». Кларисса Жюранвиль в своем учебнике хороших манер восторгается этими семейными праздниками, «когда сердце может выскочить из груди от счастья». Она вспоминает волнение, вызванное всеобщим вниманием в дни семейных торжеств. Вот, например, слова юной девушки: «Отец положил мне в комнату то, о чем я давно мечтала; сестра вышила воротничок, мама приготовила великолепный торт в мою честь; братик подарил букет цветов и сказал комплимент».

Эти даты, пишет она, очень важны для бабушек и дедушек. Дети и внуки готовятся к их празднику и поздравляют их. Они

же, в свою очередь, пользуются случаем, чтобы собрать всю семью за праздничным столом. День рождения — это отличный повод укрепить единство семьи и регулярно поддерживать связи с близкими.

Особого внимания заслуживают годовщины свадьбы. Они отмеряют ритм супружеской жизни, от хлопковой свадьбы (один год) до бриллиантовой (шестьдесят лет), а между ними есть оловянная (десять лет), фарфоровая (двадцать), серебряная (двадцать пять) и золотая (пятьдесят лет). Праздники с участием детей, внуков и правнуков — это торжества по случаю основания семьи.

Старость, смерть и траур

Средняя продолжительность жизни на протяжении XIX века росла. В 1801 году она составляла 30 лет. В 1850-м — 38 лет для мужчин и 41 год для женщин; в 1913-м — 48 лет для мужчин и 53 года для женщин. Конечно, богатые имели все шансы прожить гораздо дольше бедных. Статистика такова: во Франции в период с 1870 по 1914 год «на 10 000 богатых мужчин в возрасте 40 лет умирало 90 человек, на 10 000 служащих того же возраста — 130, на 10 000 сорокалетних рабочих — 160 человек». В Бордо в 1823 году средняя продолжительность жизни в буржуазной среде составляла 49 лет и 33 года — в городских низах. В Париже в 1911–1913 годах в буржуазных кварталах смертность составляла 11 на 1000, в бедных — 16,5 на 1000. Смертность от туберкулеза в разных социальных средах различается вдвое.

Таким образом, буржуазная публика могла в конце жизни наслаждаться покоем. Представители свободных профессий должны были жить за свой счет, потому что в XIX веке право на пенсию имели только государственные служащие. Закон от 9 июня 1853 года устанавливал право выхода на пенсию в возрасте шестидесяти лет для военных, чиновников и университетских преподавателей при условии тридцатилетней

выслуги. Закон фиксировал максимальную сумму пенсии: например, для служащих городской администрации она не могла ни при каких обстоятельствах превышать 6000 франков и двух третей среднего заработка за последние шесть лет работы.

Рабочие получали пенсию в исключительных случаях: речь могла идти лишь о государственных предприятиях, железнодорожных компаниях и некоторых крупных заводах. Многие вступали в кассу взаимопомощи. Что касается крестьян, они могли рассчитывать лишь на помощь семьи. Закон от 1910 года «о пенсиях для крестьян и рабочих», весьма спорный, затрагивает проблему лишь отчасти (см. Э. Хатцфельд).

В XIX веке врач или инженер, прекратившие профессиональную деятельность, жили на свои сбережения. Стабильность курса франка давала им возможность удалиться от дел в пятьдесят лет без снижения уровня жизни. Среди рантье многие являются выходцами из среднего класса. Пенсия — это воплощение мечты о досуге: больше не надо зарабатывать на жизнь, можно ежедневно наслаждаться свободным временем и жить для себя.

Буржуа уходили из жизни в своей постели. Больница в их глазах была «ужасным местом», где умирали одинокие бедняки. Даже клиники, рассчитанные не на простонародье, казались им местами ссылки. Смерть была вписана в концепцию жилья. Аббат Шомон писал в 1875 году, что супружеская спальня — это «святилище», которое однажды примет агонию. Вот почему там надо помещать «нежную, но весьма поучительную картину смерти святого Иосифа».

Члены семьи сменяют друг друга у постели умирающего. Жермена де Мольни рассказывала, как они, две сестры, подростки, в течение двух лет ухаживали за матерью, которая умерла от рака в Лиможе в 1910 году. Сестра Мари Буало Изабель, скончавшаяся в Винье в 1900 году, в течение шести лет прикованная к постели, была окружена заботой племянниц.

В крупных городах и в частности в Париже было очень трудно содержать тяжелобольных и умирающих на дому, потому что после перестройки города бароном Османом площадь квартир значительно сократилась. В тесных помещениях близость смерти мучительна, тем более что после открытий Пастера все было одержимо гигиеной. Теперь смерть, до сих пор бывшая частью жизни, воспринимается как гниение, тлен. Это отторжение смерти к 1930–1940-м годам приводит к явлению, которое Филипп Арьес назвал «спрятанной смертью в больнице».

Когда человек умирает, ему закрывают глаза, выпрямляют руки и ноги и накрывают белой простыней. Лицо оставляют открытым и освещенным, чтобы не пропустить момент, если промелькнет хоть малейший признак жизни. По этой же причине покойного не оставляют одного ни днем, ни ночью. Если покойный — католик, то ему на грудь кладут распятие и освященную ветку самшита. Наполовину прикрывают жалюзи в его комнате.

О смерти заявляют в мэрию, потом ждут врача, который выдает разрешение на захоронение. На основании этого заключения чиновник мэрии составляет акт о смерти. Для организации похорон следует обратиться в бюро ритуальных услуг и к викарию, который отвечает за религиозную сторону церемонии. В Париже существуют фирмы, специализирующиеся на проведении «тактичной и приличной» церемонии похорон.

Для похорон, как и для свадеб, существуют разряды (классы). В 1859 году религиозная церемония и услуги посреднической фирмы стоили 4125 франков, если хоронили по первому разряду, и 15 франков — если по девятому (последнему). Класс похорон зависит от используемых материалов и от торжественности пения.

В доме покойного, если семья богатая, устраивают специальное помещение. В гостиной принимают тех, кто пришел поклониться гробу и оросить его несколькими каплями святой

воды. Если же семья живет скромно, довольствуются установкой гроба недалеко от входной двери, задрапированной, как в часовне. Пока покойный находится в доме, семья не собирается за столом, каждый ест в своей комнате.

Когда траурной процессии приходит время двигаться, мужчины собираются в церкви с непокрытыми головами, либо приходят пешком, либо приезжают в экипажах. Самые близкие родственники идут во главе процессии. Дамы, как правило, собираются прямо в церкви, не заходя в дом к покойному. После религиозной церемонии на кладбище отправляется кортеж, состоящий только из родственников и близких друзей покойного. Старинный обычай, существовавший в начале XIX века в аристократических кругах, по которому женщины из семьи покойного не должны были ни идти в траурной процессии, ни присутствовать на погребальной службе в церкви, к концу века перестал существовать. В буржуазной среде постепенно вошло в обычай для вдовы носить траур, а совсем недавно она даже не упоминалась в уведомительных письмах.

В переписке семьи Буало, где столько внимания уделяется описанию болезней, почти не говорится о смерти. В 1900 году умирает тетюшка Изабель. Это единственное упоминание о ней в письмах. То же самое — в 1909 и 1914 годах, когда умирают два зятя. В письмах говорится о том, как вдовы переносят их уход, мужественно или нет, но ни слова о покойных. Страдания, боль, сожаление не описываются. Все интимные чувства и переживания скрываются от посторонних.

Единственные письменные следы смерти — это ритуальные уведомительные письма, черная рамка на почтовой бумаге, расходы на траурные наряды и кладбищенские услуги, записанные в ежедневниках. В ноябре 1900 года, после смерти сестры, Мари Буало пишет в записной книжке: «Оплачен траур для слуг: 274 франка; шляпы и траурные вуали от мадам Ришар: 180 франков; уборка на кладбище: 30 франков; кюре Б.: 50 франков».

Весь XIX век высказывались сожаления по поводу сокращения срока ношения траура. Мадам де Жанлис в 1812–1813 годах, Бланш де Жери в 1833-м с сожалением вспоминали мифическое прошлое, когда траур по своим ушедшим близким носили вдвое дольше. Долгий траур — символ добропорядочности... На самом деле все это не соответствовало действительности: в начале XVIII века королевским указом было вдвое сокращено ношение траура при дворе: траур по супругу полагалось соблюдать в течение года, в течение полугода — по супруге, родителям и бабушкам и дедушкам, в течение месяца — по прочим родственникам.

В XIX веке продолжительность ношения траура дольше и кажется неизменной на протяжении всего столетия: вдова носит траур в течение года и шести недель в Париже и в течение двух лет в провинции. В Париже, пишет в 1833 году мадам Сельнар, красавицы не хотят слишком надолго лишать себя светской жизни. В 1908 году «Обычаи века» отмечают разницу между тем, что прописано в кодексе — два года — и реальностью — полтора года и даже год и шесть недель... Мы снова обнаруживаем те же цифры.

Вдовец носит траур вдвое менее продолжительное время: полгода в Париже, год в провинции. «Новое полное руководство хозяйки дома» в 1913 году — единственное издание, предписывающее одинаковый срок траура для вдовы и вдовца: два года. Также нигде больше не говорится о двухлетнем трауре по отцу и матери; все остальные руководства говорят о годовом и даже полугодовом трауре — например, Гражданский кодекс 1828 года. Сравнивая упомянутый кодекс с разными справочниками по хозяйству, которые периодически выходили в свет в течение всего века, можно констатировать не уменьшение, а увеличение траурного срока. Траур по бабушке и деду увеличился с четырех с половиной месяцев до полугода, по братьям и сестрам — с двух месяцев до полугода, по дядям и теткам — с трех недель до трех месяцев. Траур по кузенам и кузинам остался практически

таким же: в 1828 году — две недели, до месяца — в дальнейшем. В годы Второй империи родители начинают носить траур по детям, умершим в младенчестве.

Траурный период делится на три части: вначале — глубокий траур, «средний» — на следующем этапе, полутраур — в завершение. Рассмотрим случай вдовы. В течение месяцев глубокого траура (полгода в провинции, четыре с половиной месяца в Париже) она должна носить черные шерстяные платья, черную шляпу и длинную вуаль из черного крепа, черные нитяные перчатки, никаких украшений, за исключением стальной пряжки, покрытой медью. Она не имеет права ни завивать волосы, ни душиться. Следующие шесть месяцев ей полагается носить черные шелковые платья, шляпу из газа и шерсти, кожаные или шелковые перчатки, деревянные украшения. В следующие три месяца полутраура черный цвет вдовой одежды может быть разбавлен белым, серым и лиловым. Ей можно носить украшения из гагата и стекляруса. Траурный этикет был настолько сложным, что в XVIII веке стали издавать специальный «Траурный вестник», где сообщались ценные подробности о порядке соблюдения траура, в частности когда бриллианты могли заменить черные камни, а серебряная пряжка — стальную.

Во время глубокого траура в черное должен был быть одет весь дом, включая детей и слуг и исключая дядей, теток, кузенов и кузин; экипажи должны были быть с черной драпировкой. Нельзя было показываться в публичных увеселительных заведениях (в театрах, на балах) или на ассамблеях. В первые шесть недель не полагается выходить из дома, а у себя принимать можно было лишь самых близких друзей. Женщинам запрещалась любая работа с иглой, даже в обществе родственников и друзей.

Траур проявляется не только в одежде, но и в предметах личного пользования: носовые платки должны быть окантованы черной лентой, почтовая бумага — с черной рамкой

шириной в сантиметр в первое время, в четверть сантиметра — в конце траурного периода. Как только траур заканчивается, письма снова пишут на белой бумаге, за исключением вдов: у них почтовая бумага до конца жизни окантована черной полосой, если они повторно не выходят замуж.

Эта привязанность к строгим правилам траура в XIX веке весьма интересна. Она говорит о том, что даже если на практике правила по-настоящему соблюдались лишь в великосветской аристократической среде, тем не менее существовал идеальный образ ритуала, вызывавший в памяти картины жизни монархического общества. Как будто бы XIX век опасался деритуализации и цеплялся за старинную модель ритуала, инспирированную королем.

Заключение

22 февраля 1871 года Виктор Гюго пишет: «Я гуляю с маленькими Жоржем и Жанной каждую свободную минуту. Обо мне можно сказать так: Виктор Гюго, представитель народа и нянька». Замечательное совмещение публичной и частной жизни! Для Гюго роли политического деятеля и деда одинаково важны.

В 1877 году, за восемь лет до смерти, он публикует «Искусство быть дедом». Через всю книгу проходит мысль: «Победитель, но побежденный»*. Человек, которого ни один тиран не смог подчинить себе, «побежден маленьким ребенком». Побежден не только собственными внуками, но и всеми остальными детьми, которых он встречает в саду Тюильри и в Зоологическом саду. Побежден святостью невинности. Дети — лучшая защита от мирового зла. Газеты могут сколько угодно нападать на него и осыпать оскорблениями — если Жанна засыпает, держа его за палец, он окутан и защищен ее

* Так называется одно из стихотворений Гюго.

нежностью. Через детей говорит Бог, и вот почему, глядя на них, обретаешь «глубокий покой, сотканный из звезд».

Благодаря детям осуществляется связь времен. «Сыновья наших сыновей очаровывают нас», и именно через них проходит нить времен, без конца повторяется цикл жизни: «Увидеть дочь моей Жанны! Ах! Это моя мечта!» Гюго представляет себе день, когда Жанна выйдет замуж и станет матерью: «Перед Жанной будет вся жизнь, / Создание, которое продолжит нашу судьбу; / Она будет серьезной молодой матерью...» Виктор Гюго поэтически выражает религиозность буржуазной семьи, описывая ее маленькие и большие торжества. Эти праздники могут быть тесным образом связаны с религиозной практикой либо полностью свободны от нее. Они вызывают сентиментальность, трогают за душу и доставляют удовольствие. Семья наслаждается. Она создает свою частную жизнь вдали от социальных потрясений, в которой соединяются противоречивые качества. Повторяющиеся семейные ритуалы придают жизни неизменность и постоянство; эта цикличность жизни, появление новых поколений — непреходящая ценность.

Семейные церемонии утверждают именно это свойство времени. Именно поэтому свадьба — главная церемония; именно поэтому дети обретают все большую важность. В праздниках — восторг семьи перед вечным воплощением.

СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ И КОНФЛИКТЫ

Мишель Перро

Семья в XIX веке находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, общество, видящее в ней основное средство поддержания порядка, наделило ее властью, и она стремится навязать своим членам свои собственные цели, объявляя приоритет интересов группы над интересами личности. С другой стороны, призывы к равенству, молчаливый, но постоянный прогресс индивидуализма пробуждают центробежные силы и порождают конфликты. Семья — это общество в миниатюре, находящееся под угрозой. Для сохранения семейного духа, для защиты чести семьи необходимо беречь секреты и тайны, которые скрепляют ее изнутри и делают крепостью, но иногда, наоборот, ведут к ее расслоению и распаду. Крики и шушуканье, скрип дверей и запертые на ключ ящики, украденные письма и жесты удивления, доверительные беседы и скрытность, косые и перехваченные взгляды, намеки и недомолвки создают внутренний мир общения тем более хрупкий, чем сильнее интересы, любовь, ненависть, стыд. Семейные интриги и происшествия — неисчерпаемый источник сюжетов для литературы. «Если семейная история — не всегда трагическая, то трагическая история — всегда семейная» (*Tricaud F. L'Accusation. Paris, 1977*)^{*}.

^{*} Перро цитирует книгу философа Франсуа Трико (1922–1999), посвященную агрессии.

В ходе века протест против семьи — против отца в первую очередь, но и против матери и братьев, к которым испытывают ревность и зависть, — становится все сильнее, и, чтобы выжить, семья должна эволюционировать. Индивиды все хуже переносят семейное давление. Буржуазная семья является мишенью критики со стороны художников и интеллектуалов — денди-холостяков, восставших против обязательной женитьбы; богемы, смеющейся над лицемерными правилами приличия; подростков, подающихся в бега; женщин, которые ждут не дождутся права жить самостоятельно. Накануне войны корабль раскачивается, но держится. Для многих отъезд мог стать освобождением, надеждой на собственное приключение, а не вызывать страх.

Узлы конфликтов

Деньги

Прежде всего поговорим о деньгах в широком смысле — в тех рамках, в которых семья является вектором передачи наследства (что Гегель считал основой ее существования, а Маркс критиковал как зачаток разложения). Деньги лежат в основе так называемых «устроенных» браков, весьма распространенных в обеспеченных слоях общества. Отсюда — обиды и упреки, если ожидания не оправдались. Чтобы получить недоданное приданое, многие зятья становятся бухгалтерами своих тестей. Когда режим пользования приданым, рекомендованный многими юристами в Лангедоке для защиты прав супруги, ограничивает мужу возможность управлять деньгами, он пытается обойти это положение. Так случилось с Клеманс де Серийе, вышедшей замуж за бывшего офицера, который заставил ее переписать на него все завещанное ей имущество, а потом при помощи своей семьи объявил ее душевнобольной и запер в сумасшедшем доме. Руки его были развязаны, и он стал свободно управлять всем имуществом. Власть мужа была

законной, поэтому семье несчастной женщины стоило большого труда ее вызволить. Раздельное проживание было признано невозможным, супруга «не могла жаловаться ни на побои, ни на насилие, ни на угрозы, ни на любовниц, которых муж приводил в супружеский дом», как того требовала статья 217.

Переписка этой семьи дает и другие примеры конфликтов, возникших на почве денег, и в частности на почве наследства. Какой-то кузен счел себя обиженным неполучением 60 000 франков, причитавшихся ему от деда по материнской линии, и воспользовался ситуацией для разоблачения семейных «махинаций»; любящие братья и сестры оспаривают друг у друга положения завещания отца; дело кончилось тем, что для улаживания конфликта пришлось привлечь юристов в качестве посредников.

Наследство — повод для самых серьезных конфликтов, и часто не помогают никакие прижизненные меры, принятые родителями для оптимального распределения благ между потомками. Этот вопрос очень трудно решить математическим путем, потому что существуют такие вещи, как желания, фантазии, чувство своей исключительности у кого-то из наследников. При всем своем богатстве братья Брам не смогли поделить замок Фонтен неподалеку от Лилля; интриги множились, и доходило даже до самоуправства; это дело стало причиной таких глубоких разногласий, что Жюль, старший брат, оставил мемуары для своих потомков, чтобы они помнили о братоубийственной борьбе в их семье.

Те, кто победнее, делили бельевые шкафы, ссорились из-за простыней и носовых платков, имевших скорее символическую ценность в семейной экономике и «цивилизации нравов»; пересчитывали кофейные ложки, делили библиотеки, вопреки всякому здравому смыслу разрушали книжные собрания, чтобы удовлетворить свое стремление к равенству. Смерть отца или предка — это повод для сведения счетов, когда каждый подсчитывает выгоду другого, оценивает его

воображаемую преданность покойному и неизбежно считает себя ущемленным. После всех этих разборок семейные отношения редко остаются неиспорченными, как правило, дело заканчивается разрывом. Все это обсуждается в разговорах и семейной переписке; самоцензура, возникающая при разговорах о деньгах, в данном случае отбрасывается.

Как правило, все эти разговоры остаются конфиденциальными; единственным свидетелем и, иногда, арбитром в спорах выступает нотариус. Иногда давление растет, особенно в сельской местности, где наличие собственности является условием выживания. В Жеводане дети, считающие себя обделенными назначением в наследники старшего брата, все чаще восстают против выбора отца. В конце XIX века обращение к юристам, заменяющее месть в частном порядке, — признак ослабления института семьи: семейные тайны становятся достоянием общественности.

В деловых и промышленных буржуазных кругах экономические решения и банкротства, способные бросить тень на честное имя, переживаются как семейные драмы. Тем не менее законодательство позволяет избежать путаницы, и общества с ограниченной ответственностью отступают перед натиском анонимных акционерных обществ, которые сохраняют имущество отдельных ветвей семьи. Однако некоторые семьи сохранили архаичные методы управления имуществом; в период между двумя мировыми войнами из-за неспособности наследников к ведению дел пропали значительные состояния, находившиеся в коллективном управлении.

Без сомнения, систематическое изучение гражданских процессов, например, процедуры оспаривания наследства, могло бы побольше узнать о семейных конфликтах по поводу денег, о которых, в сущности, историкам буржуазии известно очень мало.

Денежный вопрос очень часто отравляет повседневную жизнь. Муж и жена оспаривают друг у друга право на управле-

ние бюджетом. Интендант в буржуазной среде и «министр финансов» в народной, супруга всегда оказывается в зависимом положении, что заставляет ее прибегать к хитрости (плутовать со счетами) или к гневу. Анри Лейре вспоминает дни выдачи зарплаты: «В эти дни предместье выглядит особым образом, весело и вместе с тем встревоженно, в воздухе висит ожидание чего-то, как если бы на смену мрачной повседневности пришла новая жизнь. Хозяйки прильнули к окнам, спускаются на порог дома, иногда, не выдержав ожидания, с замиранием сердца идут навстречу мужьям. <...> На улицах слышен гул голосов; из домов доносятся ругательства и оскорбления; начинаются драки, раздается плач, детские крики, а в кабаках, наоборот, царит веселье, все опьянены пением больше, чем вином» (*Leyret H. En plein faubourg. Paris, 1895. P. 51*).

Тот же автор описывает придирки к детям, которых подозревают в том, что они отдали матери не весь свой заработок, в особенности к старшим; дочерей же, если они склонны к кокетству, постоянно подозревают в занятиях проституцией. Как видим, между стремящимися к свободе взрослеющими детьми из рабочей среды и их родителями постоянно возникают трения из-за денег.

Честь

Семья — это не только деньги. Ее символическим капиталом является честь. Во всем, что затрагивает репутацию и бросает тень на имя, таится угроза. Если семья может противостоять оскорблению со стороны чужака, то компрометирующая ее вина кого-то из своих — жестокий удар. И тогда становятся возможными любые средства — семья сплывается против нарушителя ее безмятежности, его подвергают семейному суду, изгоняют, объявляют ему бойкот. Горе тому, кто вызвал скандал в семье!

Скандал — вот основное понятие и в то же время совершенно относительное. «В истории и литературе нет более

банальной фигуры, чем некто благородный, очень чувствительный к любому намеку на унижение и в то же время погрязший в долгах, которые его совершенно не волнуют», — пишет Трико (Op. cit. P. 136). Во Франции XIX века существует множество кодексов чести, и было бы очень увлекательно изучить, что же вызывает скандал. В общем плане честь — категория в большей мере моральная и биологическая, нежели экономическая. Сексуальная распущенность и рождение внебрачного ребенка осуждаются гораздо сильнее, нежели разорение, и гораздо сильнее, чем в наши дни: вспомним «Цезаря Бирото». В целом считается, что бесчестье идет от женщин, они всегда на стороне стыда.

Рождение внебрачного ребенка считается очень тяжелым грехом, и именно таким отношением можно объяснить то, что незамужние матери (или родившие не от мужа) прибегают к детоубийству и абортам или же рожают анонимно в других городах и бросают детей. Чтобы ограничить убийство незаконнорожденных младенцев, в Империи начиная с 1811 года были учреждены специальные заведения. В 1838 году Ламартин выступает в палате депутатов в защиту этих заведений, видя в них лучшее средство для защиты чести семьи; возражая парламентариям-мальтузианцам, которые опасаются чрезмерной плодовитости бедняков, он превозносит идею «социального отцовства»: «Незаконнорожденный ребенок — это гость, которого следует принять; человеческая семья должна окутать его своей любовью». «Человеческая семья», а не законная семья, которая будет лишь стыдиться этого отпрыска. Эти учреждения считались ответственными за рост числа брошенных детей (67 000 в 1809 году, 121 000 в 1835-м) и постепенно закрывались: в 1860 году их было всего 25, и в том же году министерский циркуляр предписал их полное закрытие.

Отныне отказ от ребенка совершался открыто, по заявлению. Незамужняя мать, которая выражала желание воспитывать ребенка, получала пособие, равное плате кормилице в приюте.

Что касается брошенных детей, о них заботились благотворительные учреждения — по крайней мере, в Париже, — и отправляли их обычно в деревню. Сиротские приюты (например, «Принц Империи») и ремесленные училища (вроде «Учеников из Отейля») появятся лишь во второй половине XIX века.

Бастард — это скандал; он задевает честь девиц, потерявших девственность, и неверных жен, угрожает безмятежному существованию семьи. Скрыть свою вину, свой греховный плод становится навязчивой идеей женщин и заботой их окружения. Матери часто помогают своим дочерям скрыть позор, но всегда находится кто-то — соседка, служанка или даже кто-то из родственников, — кто придаст гласности настоящее положение дел. Для возбуждения уголовного дела иногда достаточно слухов.

Некоторые женщины — по убеждению ли, из нежности ли — оставляют ребенка себе. Часто они доверяют его своим родителям в надежде, что окружающие все забудут или удастся найти мужа, который усыновит малыша. Явление, достаточно распространенное в народной среде, сравнительно спокойно относящейся к незаконнорожденным детям, в обеспеченных слоях общества вызывает разного рода сделки. Выдать замуж одинокую мать — непростое дело, для его успешного завершения требуются компенсации, в частности финансовые. Такова история молодой аристократки Марты, забеременевшей от конюха. Вся семья бросается на поиски мужа для нее, потому что она, по ее собственным словам, физически нуждается в мужчине. Этот муж оказывается настоящим животным: он живет за ее счет, бьет ее, безусловно, пользуясь ее «виной». В конце концов она подает на развод, снова вызвав недовольство близких. Ребенок, отданный кормилице, умирает в возрасте четырех или пяти лет, и никто особенно не сожалеет о его смерти. По правде говоря, смерть — обычная судьба бастарда, нежеланного, брошенного, нелюбимого. В среднем, по статистике, в год умирает до 50% внебрачных детей, и понадобится кризис рождаемости

при Второй империи, чтобы государство обратило внимание на этот впусую растрчиваемый потенциал и изменило свое отношение к проблеме. Помощь одиноким матерям знаменует появление семейной политики, естественно, без их оправдания и реабилитации. В учреждениях, созданных для помощи незамужним матерям, к ним относятся с презрением, а семьи зачастую изгоняют их.

«Плохое рождение» — это неискупимый грех и несмываемое пятно на несчастном бастарде. Не имеющий легального статуса ребенок подвергается сильнейшей эксплуатации и унижению. В деревнях Жеводана он получает обидные клички. Общество видит в подкидышах преступников и относится к ним соответственно. Незаконнорожденные дети из сиротских приютов направляются напрямую в исправительные колонии. Далее этих «детей полка» ждет армия, и очень многие из них погибнут в дни Коммуны и на I Мировой войне.

Тайна «плохого рождения» так тяжела, что многие автобиографии, кажется, написаны для того, чтобы скрыть ее. Так, Ксавье-Эдуард Лежен — *Калико** — написал плутовской роман, чтобы завуалировать то, что потомки узнали из его метрики. Сколько же детей, с большим опозданием узаконенных, слишком поздно узнали тайну своего появления на свет, живя в неведении и подозрениях, которые неизменно вызывает молчание.

В начале XIX века Аврора Саксонская — мадам Дюпен — без проблем воспитала внебрачного ребенка своего сына Морриса; Ипполит Шатирон всю жизнь считался сводным братом Жорж Санд (наследство, конечно, ему не полагалось). С этой точки зрения нравы ужесточились. Вероятно, отчасти сокращение количества внебрачных рождений можно объяснить бдительным отношением к добрачным связям и увеличением количества признанных детей.

* *Calicot* (фр., разг.) — продавец в универсальном магазине.

Изъяны и кровь

Усиление представлений о семье как о генетическом капитале вызвало в обществе тревогу по поводу брачных союзов и рождений. На родителях ребенка с какими-то отклонениями лежит тень вины. Разного рода научно-популярные журналы полны изображениями и историями уродцев. *La Nature*, например, специализируется на описании рождений странных существ, уродства которых пугают тем более, что непонятна их причина: не являются ли они проявлением каких-то скрытых пороков? Ярмарочные павильоны и анатомические музеи — как, например, музей доктора Шпитцнера* — привлекают толпы заинтригованных зевак. Физические недостатки вызывают отвращение и отторжение, как если бы они были расплатой за какие-то грехи. Отсюда — смущение и ненависть, которые подчас испытывают к незаконнорожденным детям. Мадемуазель де Шантепи, состоявшая в переписке с Флобером, поведала ему историю Агаты, с которой ужасно обращались родители из-за ее уродства. «Лицо у нее было нормальное, но огромная голова на маленьком тельце смотрелась ужасно». Ее били, унижали, заставляли ходить босиком и в конце концов сдали в психиатрическую лечебницу (письмо от 17 июля 1858 года).

Сифилис — и, следовательно, секс — вот главная причина всех этих уродств. Отсюда — тщательное изучение здоровья будущих супругов и стыд, даже гнев, если обнаруживается какой-то тайный порок. Идут пересуды среди родственников, и в конце концов история загоняется на дальний план картины семейной жизни, что в дальнейшем сильно интригует потомков. Так, в переписке, которую изучала Каролина Шотар-Льоре, мать центрального персонажа, некая Эмма Бро, не получившая приданого и неудачно вышедшая замуж, восстала против

* Музей доктора Шпитцнера — анатомический музей, созданный в 1856 году эльзасским доктором Пьером Шпитцнером (1813–1894); в нем были собраны восковые муляжи человеческих тел и различных уродств. Со временем музей превратился в ярмарочный аттракцион.

мужа: стала упрекать его в какой-то «постыдной болезни» и отказалась спать с ним; как-то, в момент отлучки супруга из дома, выставила на всеобщее обозрение постельное белье — как символ супружеской неверности. В дальнейшем она покинула дом супруга и начала судиться с ним по поводу опеки над тремя детьми, которых муж отобрал у нее и отправил в Бельгию. В конечном счете она уединилась в своем доме в Рошфоре, где и умерла в полубезумии. В благополучной семье ее сына Эжена, стремившейся к стабильности и гармонии, мать едва упоминали.

Биологическое несчастье, о котором пишет Золя в эпопее о Рутон-Маккарах, — это новая форма бесчестья и источник конфликтов.

8

Безумие

Не меньший ужас вызывают душевные болезни, которых в XIX веке, по мере развития клиники, становится все больше. Девушка «со странностями» может напугать претендентов на руку и сердце ее сестер. Ее стыдятся, она бросает тень на нормальность отношений в семье. В деле Адель Гюго вызывает удивление в первую очередь единство семьи (за исключением матери) в деле нейтрализации этой ненормальной, способной бросить тень на славу великого человека, и в выдвижении какой-то версии происходящего для любопытствующих.

Преступность не всегда — по крайней мере, не во всех формах — является предметом скандала. Границы допустимого со временем меняются и зависят от социальной среды. Современные португальские крестьяне снисходительно относятся к преступлениям на почве страсти, но категорически не приемлют воровства или, более того, нищенства (например, в Фателе^{*}).

^{*} Фатела — район (фрегезия) в Центральном регионе Португалии. — *Примеч. ред.*

Местные кодексы чести необязательно соответствуют закону. Грабежи в XIX веке распространены повсеместно, и органы власти отступают перед их натиском. Власти попустительствуют малолетнему грабителю, женщине, собирающей хворост, даже браконьерам. В городах в первой половине XIX века матери бедных семейств побуждают детей просить милостыню и даже воровать. Народная мораль, направленная на выживание группы, занимает примиренческие позиции. Все это продолжается до тех пор, пока не затрагиваются интересы мелкой буржуазии, требующие уважения к закону и хороших манер. Дебошир, алкоголик, нищий, человек, погрязший в долгах, игрок, хулиган становятся нежелательными соседями и подвергаются всеобщей хуле. Занимать деньги теперь стыдно: отец семейства должен серьезно относиться к финансовым вопросам. Недисциплинированный наследник подвергается суровым санкциям со стороны семьи. На семейном совете было принято решение установить опеку над Бодлером, признанным недееспособным; его переписка с матерью, мадам Опик, — это бесконечные жалобы на финансовые трудности и вечные конфликты с адвокатом, призванным выплачивать ему ренту. В остальном же буржуазные приличия требуют не возбуждать разговоров о себе — идеал скромной посредственности. Экцентричность — разновидность скандала.

Еще больше, чем само правонарушение, пугает наказание: вмешательство жандармов, арест, заключение, судебный процесс. Постепенно тюрьма в представлении общества становится знаком бесчестия.

К мошенничеству, подлогу, в особенности в отношении государства, отношение более чем снисходительное. Разорение, напротив, воспринимается не только как личное поражение, но как моральное падение. Цезарь Бирото приносит себя в жертву во имя искупления; «исправление» — награда за его веру; его реабилитация имеет религиозный смысл. В XIX веке самоубийства на почве разорения — не редкость. Филипп

Лежён показал, что разорение — распространённый повод для написания автобиографии с целью оправдаться перед потомками. Очень антикапиталистически настроенные, женщины из буржуазных семей Севера с удовольствием захлопнули бы дверь перед банкротом, заподозренным в спекуляциях или в несправедливой жизни. Понадобится учреждение анонимных акционерных обществ, чтобы разделить семью и предприятие и освободить капитализм от предрассудков чести.

Постыдный секс

Центром сексуальности, которой в XIX веке все так интересуются и к которой создают научные подходы, становится семья, именно она устанавливает ее правила и нормы, причем сама часто оказывается обделенной: изначально священником, но еще в большей мере — врачом, экспертом в области сексуальной идентичности, свидетелем трудностей, распространителем новейших правил гигиены. Правда, к помощи врача в XIX веке прибегают еще с большой осторожностью.

Контроль над сексом со стороны семьи обычно осуществляется негласно. Нам об этом известно довольно мало — в частности об инцесте, который, согласно Фурье («Новый мир любви»), был обычным делом. Терпимое отношение к сексуальным преступлениям варьируется в зависимости от среды, возраста и совершенных действий. Без сомнения, именно здесь неравенство мужчин и женщин проявляется сильнее всего. Сексуальные подвиги — неотъемлемая часть мужественности. Насилие над женщинами и в особенности над девушками в Жеводане, например, остается практически безнаказанным, как и над детьми — лишь бы никто ничего не видел. Во второй половине XIX века началось уголовное преследование за такие преступления: на проблему наконец обратили внимание. В конце века генеральный прокурор осудил терпимость по отношению к сексуальному насилию.

Объектами усиленного внимания стали два типа сексуальности — подростковая, которая рассматривается как опасность не только для самого подростка, но и для общества: подросток в стадии полового созревания — потенциальный преступник; и женская: женщины всегда считались источником всех несчастий. Постоянная причина тревоги, женская сексуальность контролировалась Церковью — ей принадлежала главная роль в этом вопросе. Огромное количество религиозных организаций следило за невинностью девушек. Светские балы не приветствовались. «Только не вальс», — говорил Каролине Брам ее духовник. В народной среде девственность считалась капиталом и охранялась отцом или братьями, сопровождавшими девушек на деревенские праздники, где насилие не было редкостью.

Однако самый страшный грех — это супружеская неверность женщины. К мужскому адюльтеру относились практически равнодушно, если только это не было нескрываемое сожительство, к которому отношение было сугубо негативным; если же любовница приводилась в супружеский дом, это преследовалось по закону. Во всяком случае, если дамы из буржуазной среды часто не знали об изменах мужей, то в городских низах женщины были лучше информированы — улицы полнились слухами. Они эмоционально возмущались поведением мужей, особенно если считали себя обделенными в финансовом плане и беспокоились о благосостоянии детей. Судебная газета *La Gazette des tribunaux* публиковала их гневные обвинения в адрес неверных мужей и их «шлюх». К концу века грозным оружием обманутых жен иногда становилась серная кислота.

Женская неверность — зло абсолютное, против него у мужа есть все права, по крайней мере так было в начале и первой половине XIX века. В дальнейшем — Ален Корбен это демонстрирует — наблюдается тенденция к равенству, что выражается через более умеренные приговоры судов.

Формы конфликтов

Большинство конфликтов улаживаются в лоне семьи. Правила приличия, сдержанность, боязнь пересудов, одержимость репутацией заставляют скрывать конфликты и делать из них, можно так сказать, основу семьи. Ничего не показывать посторонним, избегать их вмешательства, «не выносить сор из избы» — вот правила крестьянской и буржуазной морали, которые укрепляют границу между «нами» и «ими»: внешний мир всегда таит в себе опасность. В рабочей среде скрывать свои тайны труднее: здесь не хватает стен и лесов. «Лежа у себя в постели, я слышал все, что происходило у Х.», — говорил один свидетель преступления. Из всех социальных слоев рабочие находятся в наиболее уязвимом положении; вероятно, именно по этой причине они с такой неохотой рассказывают о себе.

⁴ При возникновении конфликта в некоторых семьях устраиваются настоящие судилища, от виновника скандала требуют компенсацию или выгоняют его из семьи. Также создаются противоборствующие партии и кланы, родственники перестают разговаривать между собой и ходить друг к другу в гости. Приходится вести себя очень дипломатично и следить за всем, вплоть до того, кто с кем рядом будет сидеть за обедом. Примирение часто случается на похоронах — смерть не только разлучает, но и сближает. Некоторые родственники — обычно холостяк-дядюшка или незамужняя тетушка — проводят жизнь, отслеживая все перипетии семейных интриг и легенд. Иногда никто даже не знает, с чего началась вражда между ветвями семьи. Набожные души стремятся к восстановлению разбитой семейной гармонии, потому что всем хочется оставить в памяти потомков образ безмятежной семьи, как на старых фотографиях.

Насилие

В буржуазных семьях физические столкновения встречаются редко, здесь предпочитают более изощренные, но не менее

разрушительные действия: стратегию крота или паука, изнутри ломающую чью-то солидную репутацию. Крайняя мера этой тайной борьбы — яд; развитие производства токсических веществ — мышьяка, фосфора — облегчило задачу многим. «Это преступление прячется в темноте, вползает в дома, приводит общество в ужас, своей изощренностью бросает вызов науке, вызывает робость и смятение у присяжных; год от года этих преступлений становится все больше. Имя им — отравление», — пишет в 1840 году доктор Корневен. Молва приписывает эти преступления женщинам, скрытым от природы и погруженным в домашние хлопоты. Мари Лафарж, осужденная в 1838 году за отравление мужа, не отвечавшего ее представлениям об идеале, — преступление, в котором она так и не созналась, — прототип прекрасных отравительниц, которых свекрови подозревают в убийстве любимых сыновей. Судебная статистика такова: в 1825–1885 годах было возбуждено 2169 уголовных дел об отравлениях, жертвами которых стал 831 человек; было осуждено 1969 человек, из них 916 мужчин и 1053 женщины. Доля женщин составила 53%, что действительно значительно превышает средний уровень женской преступности — около 20%. Больше всего таких преступлений было совершено в период между 1840 и 1860 годами, а дальше цифры пошли на убыль. Даже в самый острый период — ничего с общего с тем, что было в воображении общества.

В сельской местности и в рабочей среде драки между братьями и кузенами — удобный и действенный способ сведения счетов. Бить жену — прерогатива мужчины. Побои и плохое отношение со стороны мужа — причина 80% заявлений о раздельном проживании. Еще больше, чем неверных жен, бьют женщин расточительных и плохих хозяек. Мужья, часто пьяные, возвращаясь с работы, бьют их смертным боем. «Обед не готов, печь нетоплена», — смущенно оправдывался обвиняемый, забивший жену до смерти.

Это классическая сцена из жизни простой семьи. Жоэль Гийе-Мори исследовала сотню убийств из ревности, совершенных в Париже в конце XIX века. Они почти всегда совершались мужчинами, как правило, молодыми. Они убивали жен, чтобы «отомстить за свою поруганную честь». «Ты моя жена. Ты мне принадлежишь». Как следствие — «я тебя убиваю». В данном случае речь идет о женщинах, замужних или нет, которые действительно сопротивляются, отказываются заниматься сексом с мужчиной, который им не нравится, заводят любовника, сбегают. Эти женщины чрезвычайно энергично и прямолинейно требуют права на свободу передвижения и выбора; они говорят о своих желаниях, жалуются на неверных, грубых мужей, импотентов или, наоборот, сексуальных тиранов. «Это был ад», — говорит одна из них. Они требуют телесной неприкосновенности, но платят за свой протест очень дорого, иногда жизнью.

Женщина — главная жертва любого домашнего насилия. Вот история Луизы Праде, любовницы Флобера, которую выгнал муж: «У нее отняли детей, лишили всего. Она живет в меблированной комнате на 6000 франков в год, без прислуги, в нищете» (письмо Флобера, 2 мая 1845 года). Тот же Флобер рассказывает о женщине из рабочей среды, имевшей любовную связь с именитым жителем Руана. Муж убил ее, положил тело в мешок и бросил в воду. За это преступление он получил всего четыре года тюрьмы. Расчлененное тело женщины — популярный сюжет газетного раздела «Происшествия» — наглядно иллюстрирует реальность XIX века: ярость по отношению к женщинам, эмансипация которых не принимается.

Месть

В народе по-прежнему широко распространена внутри- и межсемейная частная месть. Анна-Мария Зон, изучавшая юридические архивы второй половины XIX века, обнаружила уголовные дела, возбужденные по поводу преступлений, совершенных почти

исключительно в простонародной среде. Луи Шевалье описал интенсивность драк в Париже в первой половине XIX века. Окрестности кабаков, танцевальных залов, где дрались из-за девицы (как правило, жертвами этих нападений становились итальянцы, слывшие великими соблазнительями), пустыри, городские окраины — вот места, на которых сходились хулиганы, чтобы свести между собой счеты. Если же вмешивалась полиция, противники выступали против нее единым фронтом. Участие посредников для выяснения такого рода отношений не требовалось.

В сельской местности вендетта в чистом виде не существует больше нигде, кроме Корсики. Тем не менее статистика убийств и административные доклады позволяют очертить «регион мести»; сюда входит вся южная часть Центрального массива: Велэ, Виваре, Жеводан. Некоторые ученые относят эту местность к регионам с патриархальным типом общества. Э. Клавери и П. Ламезон изучили огромное количество уголовных процессов и продемонстрировали разнообразие механизмов мести, рост напряженности в обществе, вызванный экономическим упадком. Как следствие общей подавленности — внезапно летящие в голову камни, эпидемия поджогов, драки со смертельным исходом и непонятное оцепенение.

В то же время авторы указывают и на участвовавшие обращения за помощью в полицию. На смену частным потасовкам приходит закон. Место поджогов и драк постепенно занимают жалобы в полицию. Однако обращение в суд пока вызывает сомнения, люди смутно осознают, что благодаря судебному разбирательству все их тайны станут достоянием гласности. Возникают попытки «примирения», «полюбовного соглашения». Если они не имеют успеха, процедура идет до своего логического завершения. Признание человека уголовником, повестка в суд, заключение, к которым раньше относились безразлично, даже с некоторой бравадой, теперь считаются бесчестьем и могут служить поводом для мести. Жалобы в суд, эти свидетельства индивидуализации мировоззрения, способствуют развитию

юридического аппарата и погружению этого аппарата, некогда направленного вовне, в глубь народных проблем.

Право на частную месть, частично признаваемое судами присяжных рассматриваемой эпохи, по крайней мере по отношению к убийствам неверных жен из ревности, все менее признается криминологами начала XX века: они видят в этом праве проявление примитивности, безумия, «отрицания закона, возврата к варварству и животному состоянию», по словам Брюнетьера, выразителя просвещенного мнения (*Revue de Deux Mondes*, 1910).

Преследование обидчика по закону

В подаче жалобы, разумеется, нет ничего нового. Ив и Николь Костан изучили обращения за юридической помощью в Лангедоке в Новое время. Мишель Фуко и Арлетта Фарж описывали обращения родственников нарушителей спокойствия к помощи полицейского комиссара и к письмам с печатью, чтобы восстановить пошатнувшееся равновесие жизни семьи. В XIX веке этот тип взаимоотношений с юриспруденцией продолжается двумя путями: исправлением под эгидой отца и изоляцией по психиатрическим мотивам (по закону от 1838 года).

Исправление под опекой отца — мера малораспространенная: больше всего предписаний — 1527 — было выдано в 1869 году. Тем не менее между 1846 и 1913 годами под опекой отца находилось не менее 74 090 молодых людей. Наибольшее распространение это явление получило в департаменте Сена и в частности в Париже (75% предписаний, выданных в 1840–1868 годах, 62% — в 1896–1913-м). Первоначально инструмент в руках обеспеченных слоев общества, исправление под опекой семьи становится все более популярным, декрет от 1885 года освобождает бедные семьи от расходов на содержание; в 1894–1895 годах доля заявок на работы, связанные с физическим трудом, составляла 78%. Шокирующая деталь — доля

девиц, находящихся на исправлении: 40,8% в 1846–1913 годах, что является очень высоким показателем (в 1840–1862 годах доля молодых возмутительниц спокойствия составляла 16–20% от общего числа нарушителей, в 1863–1910-м — 10–14%). Отцы опасаются беременности дочерей и следят за их поведением: девственность по-прежнему является капиталом, и ее сохранение — веский мотив для изоляции девицы.

Исправление под опекой отца было предметом ожесточенных споров между защитниками авторитета отца и сторонниками «интересов ребенка», которые обвиняют семейную среду. Среди них — юрист-католик Бонжан, основатель Общества тюрем и журнала *La Revue pénitentiaire*, автор работы «Восставшие дети и виновные родители» (1895). В конце века становится достоянием гласности ужасное отношение к детям со стороны потерявших человеческий облик родителей. Несмотря на законы от 1889 года (о лишении родительских прав) и от 1898 года (о плохом отношении к детям), исправление под опекой отца остается в силе, постепенно сходя на нет, — вплоть до 1935 года, когда постановление, имеющее силу закона, отменило тюремное заключение, но поддержало идею трудоустройства, что было разумно с точки зрения плачевного состояния, в котором находилась исправительная система. Бернар Шнаппер подчеркивает чрезвычайно медленный темп эволюции в этой сфере, которую можно объяснить консенсусом по принципам власти между общественным мнением и юристами, находящимися в нерешительности. Тем не менее эти изменения указывают на отступление *privacy* под натиском государства и воздействие на семью во имя интересов ребенка как социального существа.

Изоляция душевнобольных

Закон от 1838 года позволяет семьям изолировать не только потенциально опасных сыновей и дочерей, нежеланных детей или нарушителей порядка, но и психически больных. Нет никакой

связи между сумасшедшим домом и тюрьмой — наоборот, разница огромна: речь идет об изоляции по медицинским показаниям, а не вследствие правонарушений. Ни одно должностное лицо не может выдать предписания на помещение под замок без медицинского свидетельства. Робер Кастель настаивает на этом новшестве. С другой стороны, справка может быть выдана врачом в связи с девиантным поведением и никакой душевной болезни на самом деле нет, но это уже другой вопрос.

Примеры такого извращения фактов — уже упоминавшаяся история Клеманс де Серийе, которую муж под надуманными предложениями обострения таинственной болезни с помощью своей семьи засадил в психбольницу ради финансовой выгоды; случай Эрсили Ру, сводный брат которой в целях получения наследства в 1854 году добился ее «добровольного помещения» в лечебницу — якобы образ жизни этой независимой художницы, искавшей одиночества, был следствием «острой навязчивой идеи», подтвержденной справкой от доктора Пеллетана. Женщине это стоило четырнадцати лет психбольницы. Или история мадам Дюбур, изолированной мужем за то, что она отказывалась от выполнения супружеского долга (в конечном счете он ее убил). Упомянем также Адель Гюго и Камиллу Клодель*, изоляция которых — результат стремления семьи сохранить репутацию великого человека.

Весьма интересна классификация женских психических заболеваний, описанная Янник Рипа (*Ripa Y. La Ronde des Folles. Paris, 1986*). Разного рода излишества и эксцессы, в частности любовная страсть, особенно запретная, — любовь к отцу, лесбийская любовь, даже любовь к мужчине моложе себя, а также стремление женщины самостоятельно принимать решения и, наконец, такое заболевание, как клиторизм, — все это ненормальность. «Любая женщина рождена на свет, чтобы

* Камилла Клодель (1864–1943) — скульптор, модель, муза и любовница Огюста Родена, сестра поэта Поля Клоделя. По настоянию семьи провела в больнице последние тридцать лет своей жизни.

чувствовать, а чувства — это почти истерия», — пишет Трела*. Для автора книги «Здоровое безумие» (1861) сексуальные расстройства и семейные неурядицы — главный источник слабости, в то время как гармония в семье — гарантия разумного поведения.

Безумие — это также результат настоящего семейного горя. Среди душевнобольных множество брошенных любовниц, женщин, неудачно вышедших замуж, обманутых жен, матерей, потерявших детей. Мужские душевные болезни в большей мере связаны с публичной или профессиональной жизнью. Банкротство, растрата, игра — вот наиболее распространенные причины мужских ментальных проблем. Не надо, впрочем, забывать, что пациенты-мужчины составляют в психиатрических лечебницах большинство.

В любом случае, даже если правоохранительные органы продолжают помещать нарушителей общественного порядка в психбольницу в целях коррекции поведения, главной причиной попадания туда были и остаются драма в частной жизни и семейный конфликт, и окончательное решение остается за врачом.

Раздельное проживание и развод

Существуют и менее болезненные средства разрешения конфликта для пары, жизнь которой не сложилась. При невозможности развода, отмененного в 1816 году и восстановленного только в 1884-м, это раздельное проживание. Эволюцию и характер этого явления с 1837 года (с которого ведется статистика) по 1914-й изучил Б. Шнаппер. Вот что мы видим. Впервые, это были лишь эпизоды — 4000 в год около 1880 года, то есть 13 на 1000 браков; после 1851 года, когда был принят закон о бесплатной юридической помощи для малоимущих

* Улисс Трела (1795–1879) — французский врач и политический деятель.

заявителей, наблюдался некоторый рост. Раньше эта процедура была доступна лишь буржуазии, теперь же она демократизируется: 24% заявителей — «рабочие, прислуга, домработницы» в 1837–1848 годах и 48,8% — в 1869–1883-м. Во-вторых, подавляющее большинство заявителей — женщины (от 86 до 93%). Как правило, это женщины в возрасте, матери семейств, имеющие за плечами опыт долгих лет брака; женщины, измученные не столько изменами мужей, сколько плохими отношениями с ними. «Раздельного проживания просит избитая, а не обманутая женщина». Еще одно наблюдение: раздельное проживание нашло наибольшее распространение на Севере Франции, где много городов и промышленных центров. В целом это признак модернизации, как и разводы, количество которых с 1896 года растет. Наконец, упомянем расширение спектра мотивов, по которым становится возможно раздельное проживание, что отмечает издательство Dalloz, специализирующееся на выпуске юридической литературы: юриспруденция помогает изменить нравы.

У развода много общего с раздельным проживанием: 80% инициаторов — женщины, причины те же (жестокое обращение, оскорбления в 1900 году составили 77%); есть некоторые социальные различия: на развод подают в основном представители свободных профессий и служащие. Одно из завоеваний Великой французской революции, развод был популярен среди городских женщин. Бональд и другие ультрароялисты настояли на упразднении этого права в 1816 году. Радикалы (например, Альфред Наке*) сделали восстановление права на развод основным пунктом своей программы и, в союзе с оппортунистами, в 1884 году поставили этот вопрос на голосование в парламенте. Безусловно, неравенство супругов остается весьма значительным: мужчины могут представлять

* Альфред Наке (1834–1916) — французский врач, химик, политик крайне левых взглядов.

в качестве доказательств компрометирующие письма, полученные их супругами, тогда как женщины не имеют такого права. Возникает вопрос о тайне переписки. «Каналья» и «злодей» — более сильных оскорблений со стороны женщины быть не может, тогда как мужу допустимо называть жену «коровой» и «свиньей». Тем не менее по закону от 1904 года разведенные супруги могут жениться на своих любовницах и выходить замуж за любовников, а по закону от 1908 года после трехлетнего раздельного проживания один из бывших супругов может заявить о факте развода. Эти юридические акты либерализуют процедуру развода, что вызывает скандал среди противников-консерваторов с Полем Бурже во главе. Несмотря на заговор молчания со стороны католической церкви и в целом неблагоприятное общественное мнение, развод, оставаясь явлением маргинальным (15 000 случаев в 1913 году), постепенно становится частью жизни. Вопреки представлениям о святости брака утверждая права супругов на любовь и счастье или хотя бы на мир в семье, он ведет к тому, что брак становится добровольным союзом.

Чтобы прийти к этому, потребовались огромные изменения в умах и наступление Республики в борьбе за светскость, в особенности же — действия феминисток и их союзников. Начиная с Клэр Демар и Жорж Санд, которая в первых своих романах «Индиана» и «Лелия» выступает за развод, и заканчивая Марией Дерэм* и Юбертиной Оклер**, требования остаются теми же, усиливаясь в смутные времена — например, в начале Третьей республики. В 1873 году Леон Рише*** издает

* Мария Дерэм (1828–1894) — французская феминистка и писательница, первая женщина, принятая в масонскую ложу. В конце XIX века была одним из основателей смешанного масонского ордена «Человеческое право».

** Юбертина Оклер (1848–1914) — французская феминистка, боролась за избирательное право для женщин.

*** Леон Рише (1824–1911) — французский журналист, масон, деятель феминистского движения.

свою работу «Развод» и начинает кампанию за ревизию Гражданского кодекса. В 1880 году Олимпия Одуар и Мария Мартен* создают «Общество друзей развода», рупором которого становится журнал *Le Libérateur*. В 1880–1984 годах кампания велась очень интенсивно.

Однако к концу века деятели феминистского движения стали опасаться, как бы неравенство полов не превратило развод в оружие в руках неверных мужей. «Мужчине быстрее, чем женщине, наскучивает любовная связь», — писала Маргарита Дюран** в своей газете *La Fronde*. Она предостерегает от развода по желанию лишь супруга — это может привести к тому, что немолодые женщины будут брошены мужьями на законных основаниях. Социальная незащищенность женщин требует гарантий от одиночества, поэтому следует пересмотреть Гражданский кодекс. Начиная с 1880 года Юбертина Оклер вмешивалась в церемонию бракосочетания, обращаясь к молодым супругам: «Граждане, вы только что дали клятву перед человеком, который представляет здесь Закон, но то, в чем вы поклялись, противоречит здравому смыслу. Женщина, будучи равной мужчине, не должна подчиняться ему» (6 апреля 1880 года, мэрия XV округа Парижа).

Понадобится целый век, чтобы ее слова были услышаны.

* Олимпия Одуар (1832–1890), Мария Мартен (1839–1910) — французские феминистки.

** Маргарита Дюран (1864–1936) — французская журналистка-феминистка.

МАРГИНАЛЫ: ХОЛОСТЯКИ И ОДИНОЧКИ

Мишель Перро

Семейная модель в XIX веке является абсолютной нормой жизни, она навязывается всем институциям и индивидам и создает широкий простор для произвола в отношении тех, кто по каким-то причинам живет по-другому, — вплоть до лишения их права на частную жизнь. Значительную часть тех, кто постоянно или временно, по собственному желанию или по стечению обстоятельств, живет не по правилам, составляют холостяки и одиночки. Иногда они берут за образец отсутствующую семью: у балерин есть «оперная мамаша», которая подыскивает им «отца»-покровителя в «доме» танца; в исправительной колонии Меттре неподалеку от Тура каждая группа представляет собой «семью», состоящую из «братьев», двое из которых — «старшие». В других случаях они изобретают собственный, альтернативный образ жизни. «Будь проклята семья, которая размягчает сердца смельчаков, толкает на подлости и компромиссы, которая окунает вас в океан слез», — пишет Флобер, этот «кузен» денди, Луи Буиле (5 октября 1855 года), предвосхищая слова Андре Жида: «Семьи, я ненавижу вас!»*

При отсутствии семьи в частной жизни человека существует лишь он сам и «общество»: самовлюбленный индивид (Стендаль); бесконечное количество связей в публичном

* Цитата из поэмы в прозе Андре Жида «Яства земные».

пространстве; средневековая или аристократическая ностальгия по ушедшему до-семейному миру; или, наоборот, передовое поведение.

Жизнь в закрытых учреждениях

В XIX веке в учреждениях для холостяков — образовательных, исправительных, социального обеспечения и т. д. — усиливается принцип сегрегации по половой принадлежности. Прибегают они к помощи волонтеров или нет (монастыри, семинарии, в некоторой степени — казармы), эти учреждения основаны на армейском порядке. Изоляция от внешнего мира, постоянная слежка с целью помешать возникновению каких бы то ни было горизонтальных связей, способных породить половые извращения и свержение установленного порядка, — в основе всего этого лежит глубокое недоверие к словам, телу и полу подчиненных, особенно по ночам. Идеально было бы поместить всех в камеры — *боксы*, как говорят в интернатах на английский манер. Но материальные условия этого не позволяют. В тюрьмах пытались ввести систему одиночных камер начиная с 1840-х годов; закон от 1875 года делает их обязательными, но остается лишь на бумаге. Инквизиторский взгляд надзирателя шарит повсюду. Отметим, что в XIX веке изоляция — это основной метод лечения психических заболеваний (см. Гоше и Свэн). «Дух подозрения пришел в мир», — говорит Стендаль.

Конечно, надо избегать сомнительных обобщений. Сходство между всеми этими заведениями лишь формальное. Существует большая разница в зависимости от того, идет ли или нет речь о выборе, даже о призвании. В этом случае подчинение дисциплине происходит добровольно, она принимается, усваивается и становится правилом. Монастыри XIX века, которые описывает Одиль Арно, проникнуты очень

двойственной духовностью, которая жестко разграничивает тело и душу, принцип, согласно которому надо заставить замолчать зло, забыть его и наказать физической и моральной аскезой, вплоть до смерти этого «Другого», который мешает слиянию с Богом. Умереть в молодости, как Тереза из Лизьё*, — мечта многих набожных юных девиц, иногда подерживаемых матерями. Набожность, однако, не исключает искушения, страстей, таящихся в тайниках души. Внутри монастырской ограды также существуют границы, разделяющие публичное и частное. Каждая деталь, каждое слово, малейший шум становятся там очень заметны. «В семинарии даже яйцо всмятку можно съесть так, что это будет свидетельствовать об успехах на пути к благочестию», — говорит критически настроенный Стендаль. Жюльен Сорель решил создать себе совершенно новый характер и «с трудом заставил себя поднять глаза»**.

Если же заточение вынужденное, то защита *privacy* — это непрерывная борьба. Бороться приходится за все — за время, за личное пространство, за возможность ускользнуть от контроля учителя или тирании со стороны группы; Валлес с восторгом вспоминает «крошечный закуток в углу дортуара, где учителя могут в свое свободное время уединиться, чтобы поработать или помечтать» («Инсургент»). Иногда «узникам» удается завязать дружеские отношения, что позволяет избежать одиночества и помогает совместными усилиями противостоять властному вторжению. Разрабатывается целая тактика, при помощи которой можно обойти строгие правила с их четким временным распорядком, придумываются укромные места, где можно «спрятаться»: темные углы и в особенности туалеты, которые во всех закрытых учреждениях представляли собой

* Тереза из Лизьё (1873–1897) — монахиня-кармелитка, католическая святая, удостоена титула «Учитель Церкви».

** «Красное и черное» цитируется в переводе С. Боброва и М. Богословской.

«свободную гавань», впрочем, весьма подозрительную с точки зрения начальства. Появляется целая азбука жестов: за спиной учителей передаются записки, создается свой особый язык интернатов и тюрем; эти жесты и слова позже становятся частью интернатской и тюремной субкультуры (см. работы П. О'Брайен). В закрытых учреждениях складываются компании, плетутся заговоры, завязываются разного рода дружбы. Лица противоположного пола — предмет страстных мечтаний или сублимации, поэтому скрытые или явные гомосексуальные отношения здесь не редкость. Все желания в этом мире приращения чрезвычайно остры. Запретный плод — в данном случае чтение, вкусная еда, ласки — как известно, сладок, до такой степени, что экзальтация подчас доходит до исступления. Конечно, бывает, что необходимость все время подчиняться с течением времени вызывает привыкание и потерю чувствительности. Симона Буфар вспоминает «пенитенциарный холод», охватывающий узника до такой степени, что у него пропадают любые желания и способность их удовлетворить. Эрвин Гоффман проанализировал «потерю автономии», царящую в психиатрических лечебницах и, шире, во всех закрытых учреждениях, и уход несчастного заключенного в себя, что ставит под вопрос его адаптацию к жизни во внешнем мире.

Мы не будем здесь рассматривать аспекты частной жизни тех, кто по каким-то причинам находится в изоляции: об этом мало что известно, так как доступа для наблюдателя и, следовательно, историка к этим сведениям нет. Нюансы все равно невозможно было бы передать. Даже если учащиеся сравнивали свой интернат с тюрьмой — как, например, Бодлер или Валлес, — все же сходство весьма относительно. Различные «тоталитарные» учреждения похожи друг на друга лишь внешне. Следует увидеть все их многообразие и историчность: какие из них наиболее проницаемы для образа частной жизни, принятого во внешнем мире? В случае с отменой телесных наказаний в школах огромную роль сыграло отрицательное отношение родителей к подобной

воспитательной мере. А как обстояли дела с перепиской, с решением покинуть заведение, со сном и с интимной гигиеной военных или заключенных? Чем более косным был распорядок в закрытых заведениях, тем сильнее было сопротивление индивидов или групп установленным правилам.

К началу 1860-х годов было 50 000 заключенных, 100 000 монахинь, 163 000 учащихся закрытых учебных заведений разного рода, 320 000 изолированных психически больных, около 500 000 военных, а также множество этнических групп со своими правилами частной жизни. О них тоже не следует забывать.

Холостяки

В XIX веке было мало убежденных холостяков, но множество одиночек, особенно среди женщин, овдовевших рано и подолгу живших в статусе вдов. Брачный возраст для представителей обоих полов снижается, но неравномерно. Согласно переписи населения, проведенной в 1851 году, более 51% мужчин являются холостяками, и только 35% женщин не замужем; однако среди тридцатипятилетних мужчин неженатых всего 18%, среди женщин того же возраста не замужем более 20%. Количество неженатых мужчин с возрастом снижается; меньше всего их среди шестидесятипятилетних — всего 7%; доля незамужних женщин никогда не опускается ниже 10%. В конечном счете мужчины вступают в брак чаще, чем женщины, хотя и позже, — жизнь в семье гораздо удобнее и уважабельнее. «Мне во что бы то ни стало нужна семья, — пишет денди Бодлер своей матери 4 декабря 1854 года — это единственная возможность работать и тратить меньше». Шокированный, как и Токвиль, американским стилем супружества, Гюстав де Бомон в письме к брату Ашилю от 25 сентября 1831 года выражает опасение, что это войдет в норму: «Боюсь, как бы мы не пришли к такому положению вещей, когда быть холостяком станет неприлично и только отцы

семейств окажутся в безопасности». Этих отцов семейств Пеги^{*} шестьдесят лет спустя назовет «героями современного мира».

Работы Жана Бори^{**} пролили свет на подозрение, которое вызывают в обществе холостяки. За исключением Церкви и Ле Пле, которые оценивают их позитивно, общество считает их «бездарностями». В «Лексиконе прописных истин» Флобер приводит колкие афоризмы, характеризующие современность: «Холостяки. Эгоисты и развратники. Следовало бы обложить их налогом. Готовят себе печальную старость»^{***}. Отмечено, что по отношению к мужчинам французское слово — всегда существительное; по отношению к женщинам — прилагательное. «Ларусс XIX века» упоминает «конфуз одного англичанина, который, имея скромные представления о синонимах французского языка, называл холостяками ресторанных официантов». Холостяк — это всегда самец. Незамужняя женщина — это «девица», «оставшаяся в девицах» и, что еще хуже, «старая дева», «ненормальная», «деклассированная» (графиня Даш^{****}).

Холостая жизнь, временная или постоянная, у мужчин и женщин протекает совершенно по-разному. Женщина в это время с нетерпением и надеждой ждет замужества: ниже Алэн Корбен пишет о молодых девушках и их затворничестве. Для молодого человека холостая жизнь полна приключений, приобретения опыта, тогда как брак — едва ли не конец жизни. Для мужчины это радостное время (по крайней мере, таким оно вспоминается): мимолетные любви, путешествия, мужская дружба, полная свобода нравов (см. письма Флобера); это время воспитания чувств и плоти, когда все позволено. Молодость проходит быстро, надо успеть пожить «на всю катушку». Только ужас перед сифилисом

* Шарль Пеги (1873–1914) — французский поэт и драматург.

** Жан Бори (1756–1828) — французский политический деятель, адвокат.

*** Пер. Т. Ириновой.

**** Графиня Даш (1804–1872) — французская писательница, настоящее имя — Габриэль Анна де Систерн де Куртира, виконтесса де Сен-Марс.

сделает к концу века молодых людей более разумными. Даже в народной среде существует традиция — прежде чем обзавестись семьей и пустить где-то корни, надо как следует погулять, получить профессию, поднабраться жизненного опыта.

В Париже студенты, часто плохо разбирающиеся в тайнах медицины или юриспруденции, составляют племя, природу которого трудно познать — так живучи легенды: во-первых, легенда Латинского квартала, постоянно раздираемого политическими страстями и, по крайней мере, до 1851 года находящегося под постоянным наблюдением (см. у Ж.-К. Карона*); во-вторых, легенда богемы, которую обессмертил Мюрже** и которую недавно пытался описать Дж. Сигел***: ее идентичность, трансформацию политических и литературных взглядов и перемещения в столице — с бульвара Сен-Мишель на Монмартр, с Монмартра — на Монпарнас.

Жизнь богемы

Богема — довольно разнородный слой общества; Мюрже выделяет в нем следующие группы: «любители» — молодые люди, «покинувшие домашний очаг», чтобы какое-то время вести жизнь, «полную приключений и зависеть от случая», а потом остепениться, и художники. Наиболее многочисленная группа художников — «непризнанные гении» — стоически живут в бедности и безвестности, пассивны и никогда не добиваются успеха. Они умирают в больницах от чахотки, «их косит болезнь, которую наука не осмеливается назвать настоящим

* Жан-Клод Карон (р. 1955) — французский историк, специалист по революциям XIX века.

** Анри Мюрже (1822–1861) — французский писатель и поэт, писавший о жизни богемы.

*** Джеррольд Сигел (р. 1936) — американский историк. Здесь идет речь о его книге «Богемный Париж» (1986).

именем, — нищета». «Соседей раздражает, что они кашляют, харкают кровью; приходится отпрапляться в „Шарите“» (Валлес**). Другие — их меньшинство — добиваются успеха и признания: «Их имена можно прочесть на афишах». Среди них много художников, скульпторов, литераторов, журналистов, связанных с «малой прессой»***, в которой публикуются карикатуры, кое-какая поэзия и «шутки».

Жизнь богемы — полная противоположность модели буржуазной частной жизни. Начать с того, что у богемной публики совершенно иное представление о времени и пространстве. Богема ведет ночную жизнь, у нее нет часов и расписаний; все ее интенсивное общение протекает в городе, в салонах, на бульварах и в кафе. Представители богемы «не могут и десяти шагов пройти по бульвару, не встретив приятеля». Главное их занятие и самое большое удовольствие — разговоры. Они живут и творят в маленьких кафе, в библиотеках, читальных залах — такое отношение к публичному пространству сближает их с народными массами. У них, вечно преследуемых кредиторами и судебными приставами, нет ни постоянного жилья, ни мебели — так, какие-то предметы. Герой Мюрже Шонар носит все свое добро с собой в карманах, «глубоких, как погреба». Они делят на несколько человек убогое жилье, которое к празднику украшают какими-нибудь безделушками или драпируют куском изысканной ткани. С презрением относясь к накоплению денег, этой добродетели «толстяков», они могут за одну веселую ночь прогулять все заработанные или одолженные деньги, часто не свои. Богема презирает

* «Шарите» (от фр. «милосердие») — парижская больница для бедных, существовавшая с начала XVII века до 1935 года.

** Цитируется роман Жюль Валлеса (см. примеч. на с. 156) «Отщепенцы» (1865). — *Примеч. ред.*

*** «Малая пресса» — общее название для весьма популярных дешевых газет, выходявших большими тиражами в Париже и провинции в конце XIX века.

собственность, у них все общее, в том числе женщины, которые переходят от одного к другому. Беспорядочные любовные связи — правило, а неверность — принцип. У Шонара целая коллекция прядей волос — шестьдесят. Гризетки и лоретки* берут на себя часть расходов, что делает сексуальные отношения, менее иерархичные, чем где-либо, все же неравными. В богемной среде, как и всюду, царит мужчина, даже если некоторым девицам, наиболее сообразительным, удастся сделать карьеру или, по крайней мере, получить удовольствие от жизни. Есть гризетки-победительницы, «ведущие мужской свободный образ жизни» (Себастьян Мерсье), этакие Растиньяки** в юбке, молодость и красота которых помогают им покорить город и для которых богема — лишь временный этап жизни. «Я одна, и мне это нравится», — говорит Риголетта, героиня Эжена Сю, ниспровергающая все моральные устои.

В этой суетной жизни любовь — единственное, что нуждается в соблюдении хоть какой-то тайны. Зарождающаяся взаимная склонность изолирует пару от сообщества; половой акт требует отдельной комнаты, закрытой двери и опущенных занавесок. Любовные отношения ни с кем не делятся: в целом в них есть что-то от супружества.

Картина жизни, больше похожей на сон, чем на реальность, написанная Мюрже, не должна оставлять никаких иллюзий, однако его произведения были очень привлекательны для молодежи, особенно провинциальной. Приехать в Париж, стать писателем, поэтом или журналистом, сбежать от пошлости буржуазной жизни — мечты многих «жертв книги», о чем Жюль Валлес немного позже напишет в более пессимистичных тонах.

* Гризетками (от gris — серый, по цвету платья) называли молодых городских девушек из социальных низов, которые сами зарабатывали себе на жизнь и придерживались вольных нравов; лоретками назывались девушки «легкого поведения», жившие за счет мужчин.

** Эжен де Растиньяк — герой романов Оноре де Бальзака, светский молодой человек, готовый на все ради достижения своих целей.

Симптоматично, что все эти «непокорные», подвигающиеся около «малой прессы» и коллегей, по воскресеньям чувствуют одиночество: все публичное пространство занято семьями, а богема лишена удовольствия проводить время с близкими.

Денди

Дендизм — это еще более осознанная и проработанная форма отказа от буржуазной жизни, оригинальность которой продемонстрировали книги Роджера Кемпфа и Марилен Дельбур-Дельфи. Британский по происхождению, аристократический по сути, дендизм возводит изысканность в принцип своего существования. Кодифицированный Браммелом, Барбе д'Оревилю, Бодлером, Фромантенон (Автором романа «Доминик»), он раскалывает общество. Богема тяготеет к левым, дендизм склоняется к правым. Денди, антиэгалитаристам по сути своей, хотелось бы воссоздать аристократию — безусловно, не в смысле денег или происхождения, но аристократию на основе темперамента и стиля. Денди нельзя стать — им можно только родиться.

Человек публичный, актер на подмостках театра городской жизни, денди прячет индивидуальность под маской, которую невозможно было бы разгадать. Денди склонен к иллюзиям и маскарадам, отлично разбирается в деталях и аксессуарах (перчатках, галстуках, тростях, шарфах, шляпах...). Гонкуры смеялись над Барбе и над «карнавальным костюмом, в котором он разгуливал круглый год». Денди — это «человек, который носит одежду. <...> Он живет, чтобы одеваться» (Карлейль). Туалет — одно из главных его занятий: Бодлер уверял, что никогда не проводит за этим занятием меньше двух часов в день. Но, в отличие от придворных прежних времен, денди одержим чистотой белья и собственной кожи. Барбе принимает ванну каждый день, а когда заболевший

Морис де Герен* должен был вернуться в замок Кайла, самой большой проблемой его сестры Эжени была нехватка воды и отсутствие туалетной комнаты.

Все это предполагает праздную жизнь с доходами, позволявшими не работать. Безусловно, гораздо более обеспеченные, чем богема, денди тем не менее не были очень состоятельными людьми. Презрение к деньгам как к цели, вкус к показной роскоши и к игре, но в то же время согласие на риск и возможность аскезы являются частью их морали, антикапиталистической и антибуржуазной. Они ненавидят выскочек — в частности, финансовых воротил-евреев, — бизнес и семейную жизнь. Брак в их понимании — худшая из ловушек, женщины — оковы рабства. Отношения с ними должны быть поставлены на коммерческую основу. Лучше уж любовь к мальчикам. Их гомосексуальность (это слово появилось лишь в 1891 году) становится все более явной с течением времени, по мере роста влияния семьи и женщин в обществе. Явление «новой женщины» вызвало настоящий кризис мужской идентичности во всей Европе, о чем говорил Отто Вейнингер** в главной своей работе «Пол и характер» (1903), и проявлением этого, безусловно, является распространение педерастии. Об этом свидетельствует и «Дневник» Эдмона де Гонкура после 1880 года. «Презрение к женщине» или, по крайней мере, к «женскому», которое декларирует Маринетти в «Манифесте футуризма» в 1909 году, является одним из постулатов дендизма; не женоненавистничество, но именно «презрение к женщине», по выражению Роже Кемпфа***. «Женщина — это антипод денди: она естественна, иначе говоря, отвратительна» (Флобер). Кроме того, денди отказываются

* Морис де Герен (1810–1939) — французский писатель и поэт.

** Отто Вейнингер (1880–1903) — австрийский философ и психолог.

*** Роже Кемпф (1927–2014) — французский писатель и философ, исследователь дендизма.

иметь детей, мысль о них невыносима для этих пессимистов и врагов всякого воспроизводства себе подобных.

Дендизм — это своеобразная этика, которая возводит холостой образ жизни и любое непостоянство в концепцию осознанного сопротивления. «Я ненавижу стадо, правила и уровень. Если хотите, я бедуин. Гражданин — никогда» (Письмо Флобера Луизе Коле от 23 января 1854 года). Праздные денди, позднее апаши — антиподы господина Прюдома*. Общество терпело первых, но не принимало вторых, хулиганов, выросших в предместьях и угрожавших безопасности богачей.

Одинокие женщины

Женское одиночество, будь оно добровольным, вынужденным или просто результатом обстоятельств, — всегда источник проблем, поскольку оно просто невыносимо. «Если у женщины нет домашнего очага и защиты, она не может существовать», — жалостливо говорит Мишле, которому вторит хор эпигонов: «Если и есть что-то вполне очевидное в природе, так это то, что женщина создана, чтобы находиться под покровительством: девушка должна жить с матерью, супруга — под защитой и властью мужа. <...> Женщина рождена, чтобы прятать свою жизнь» (Симон Ж. Работница). Вне дома и брака ей нет спасения.

Бесстыдница, живущая за счет своих прелестей, или никому не нужная дурнушка, одинокая женщина не заслуживает доверия, ее осуждают, над ней насмеются. Старый холостяк — человек с причудами; он скорее забавен, чем жалок. Чахлая старая дева пахнет прогорклым. Позор этому «бесплезному существу» (Бальзак). Сварливость, злословие, интриги, истеричность, недоброжелательность — качества, присущие

* Господин Прюдом — персонаж французского карикатуриста, драматурга и актера Анри Монье (1799–1877), самодовольный, пошлый и ничтожный буржуа, изрекающий банальности.

кузине Бетте из одноименного произведения Бальзака (1847). Она как городской паук, вобравший в себя все стереотипы. Лишь в XX веке под влиянием феминизма и писателей (например, Леона Фрапье) отношение к одинокой женщине изменится и она, наконец, получит право на одиночество.

Тем не менее одиноких женщин много. По результатам переписи 1851 года среди женщин старше пятидесяти лет одинокие составляют 46%: 12% — незамужние, 34% — вдовы. В 1896 году пропорции те же. В середине века доля одиноких женщин особенно высока на Западе, в Пиренеях, на юго-востоке Центрального массива; позже региональные различия стираются, одинокие женщины переезжают в крупные города, где устраиваются работать прислугой.

В действительности, рост количества одиноких женщин в Западной Европе начался с эпохи Средневековья. Тому есть множество причин. Во-первых, это брачные стратегии, которые задают порядок вступления в брак, и некоторые девушки исключаются из этого процесса; уход за престарелыми родителями, что часто оказывается обязанностью младших дочерей; вдовство, связанное с большей продолжительностью жизни женщин и малой распространенностью повторных браков. В буржуазной среде женщины защищены лучше, чем это было раньше, Гражданским кодексом и узуфруктом. В народной среде их судьба плачевна. Их бесконечный домашний труд никак и нигде не учитывается, временную работу трудно назвать «карьерой» (исключение составляют лишь работницы табачных фабрик), поэтому большинство женщин не имеют права на пенсию. Первые законы о пенсионном обеспечении рабочих и крестьян от 1910 года продемонстрировали их маргинальность. Лачуги и мансарды, больницы и психиатрические лечебницы забиты бедными брошенными старухами. При изучении старости, огромного пласта истории, который еще предстоит описать, следует исследовать старость мужчин и женщин отдельно.

Жизнь в одиночестве может быть также осознанным выбором, например если речь идет о религиозном или альтруистическом призвании (монахини или медсестры, сиделки, учительницы) или же если предпочтение отдается карьере, а не семье. Старшие мастера-женщины в квартале дю Солей в Сент-Этьене* не замужем. Их критикуют и в то же время ими восхищаются. Огромное количество незамужних женщин работает на почте. В 1880 году там работало 73% женщин старше пятидесяти лет (сто лет спустя, в 1975–1980 годах, — всего 10%). Исследования К. Дофена и П. Пезера демонстрируют, что незамужняя жизнь этих женщин была вызвана их желанием работать и быть финансово независимыми. Их коллеги-мужчины хотели иметь жену-домохозяйку, а не почтовую служащую. В XIX веке женщины могут достичь чего-то в социальной жизни, лишь отказавшись от семейной жизни. Таким образом, отсутствие семьи — это плата за карьеру.

Жили одинокие женщины в бедности. Их заработок всегда рассматривался как «дополнение» к предполагаемому семейному бюджету и всегда был ниже, чем заработок мужчины. «Женские профессии» были неквалифицированными по своей природе, как, например, шитье, которому все женщины-одиночки обязаны чуть ли не жизнью. Проводившиеся в конце века службой занятости опросы о надомном труде в сфере в высшей степени рационализированной швейной промышленности вскрыли существование целого мира одиноких женщин, прячущих свою бедность по дворам и мансардам и шьющих на своих «Зингерах» по десять-пятнадцать часов в день. «Котлета портнихи» — это кусок сыра бри, который вместе с чашкой кофе — «наркотиком» парижских работниц — составлял весь рацион бедных женщин. К тому же многие из них из кокетства предпочитают новую шаль или корсаж.

* Сент-Этьен — город в юго-восточной части Франции; квартал дю Солей (Солнечный) — промышленный район города, где сосредоточены металлургические предприятия и шахты.

Для самых молодых мощным оружием остается соблазнение. Связь с мужчиной может подправить материальное положение, ей будет с кем заниматься сексом вне брака и к кому испытывать нежные чувства. У девушки, которая хочет устроиться на работу в универсальный магазин, директор всегда спрашивает, есть ли у нее «покровитель» — иначе, по его мнению, она не сможет сводить концы с концами. Продолжая традиции гризетки прежних времен (которой признательные студенты, ставшие сенаторами, к началу 1880-х годов поставили памятник в парке Монтолон в Париже), многие «маленькие портнихи» или достойные служащие имеют «друга», «уважаемого» человека, обычно занимающего более высокое социальное положение. Некая Мадлен Кампана в течение пятнадцати лет поддерживает связь с врачом, за которого она, конечно же, вышла бы замуж, если бы он был свободен (*Campana M., Jaubert J. La Demoiselle du téléphone. Paris, 1976*), а сколько таких девушек живут мечтами, которые, не сбывшись, оставляют после себя только горечь! При этом в романах с продолжением, на которые эти девушки набрасываются с жадностью, постоянно говорится о том, что принцы никогда не женятся на пастушках.

Чтобы жилось чуть легче, многие (сколько их точно — неизвестно) одинокие женщины съезжаются и объединяют свои бюджеты. Проводившиеся каждые пять лет переписи населения вскользь упоминают о «домохозяйствах» одиноких женщин — матерей и дочерей, подруг (Виллерме, Ле Пле). Те, у кого нет семьи или сожителя, обычно объединяются и селятся в маленькой комнатке, которую обставляют сообща (Виллерме, 1840). Женщины пытаются как-то устроить свое одиночество, временное или постоянное, которого они не желали для себя, но которое все же предпочли неуголному браку.

А существовал ли какой-то женский эквивалент дендизма, когда жизнь в одиночку была выбрана добровольно и свободно? Примеры, наверное, можно найти в мире актрис, о подробностях жизни которых известно не многое. Надо сказать,

что если не выходить замуж было возможно, то освободиться от мужчины было гораздо сложнее. Некоторые куртизанки высокого полета пытались извлечь пользу из ухаживаний. Литература дает нам массу женских образов с разными судьбами. После того как мужчины «оказались у ее ног», Нана, «разлагающаяся Венера», умирает от оспы; Одетта, героиня Марселя Пруста, благодаря войне ставшая любовницей герцога Германта, царит в предместье Сен-Жермен, но теперь она лишь «впавшая в детство богатая вдова». Заранее узнать судьбу невозможно.

Наверное, женский дендизм в начале XX века можно было обнаружить у амазонок — Натали Клиффорд-Барни, Рене Вивьен, Гертруды Стайн и их подруг. Женщины творческие, эстеты ар-нуво или авангарда, лесбиянки, признанные всем Парижем отчасти из-за своего иностранного происхождения, эти свободные женщины требовали права жить как мужчины. Вокруг них собралась целая плеяда «новых женщин» — журнал-листок, писательниц, актрис, адвокатов и врачей, даже профессоров, которые больше не хотели довольствоваться вторыми ролями, а хотели ездить по свету и любить в свое удовольствие. Одни ими любовались, другие смешивали с грязью; ничто не давалось им легко. В романах Марсель Тинер («Мятежница») или Колетт Ивер звучит эхо огромных трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Им понадобилась вся дружба, или любовь, женщин — и некоторых мужчин, — чтобы противостоять этим трудностям. Что же, совершить сексуальную революцию сложнее, чем социальную? Возможно.

Смерть бродяг

Из всех одиночек самыми подозрительными являются бродяги; только человек, у которого есть постоянное жилье, может считаться гражданином; в бродяжничестве общество видит

протест против своей морали. В сельской местности, где крестьяне дрожат над своим имуществом, они видят в бродягах и нищих потенциальных воров, выгоняют и наказывают их. В Жеводане селяне бросили в овраг жестянщика, не заплатившего за стакан вина. Республика отцов семейств принимает энергичные меры: закон 1885 года о высылке в колонии рецидивистов, главным образом мелких воришек и бродяг, которые объявляются «неспособными ни к какой работе»; закон, закрепляющий за определенным местом разного рода кочевников и учреждающий для них санитарные паспорта и удостоверения личности. Бродяга угрожает семье и здоровью общества; является переносчиком болезней, микробов, туберкулеза (см. Ж.-К. Бон).

Холостяки, одиночки, бродяги — это маргиналы, живущие на периферии общества, центром которого является семья. Их материальное и моральное существование очень сложно. Их всегда в чем-то подозревают, они вечно обороняются, петля на их шее пока еще свободная, но она вот-вот затянется.

Тогда как средняя продолжительность жизни увеличилась, одинокие люди умирают раньше других, раньше стареют и чаще совершают самоубийства. Дюркгейм видит в распространности самоубийств среди холостяков доказательство их неинтегрированности в общество. Мигранты, переселившиеся из деревни в убивающие их города, — лионские ткачихи, парижские служанки, живущие в мансардах, каменотесы из XI округа — идеальная мишень для туберкулеза, часто называемого бичом одиночек. Туберкулез не дает им создать семью — так велик страх заражения.

Одиночество — это стиль отношений с самим собой и с другими. Оно еще не является правом, выбором индивида. В нем, как в зеркале, отражается общество, где главными ценностями являются порядок и тепло домашнего очага.

ГЛАВА 3
СЦЕНЫ И ПРОСТРАНСТВА

Мишель Перро
Роже-Анри Герран

РАЗНЫЕ ОБРАЗЫ ЖИЗНИ*

Мишель Перро

«Частная жизнь должна быть скрыта от посторонних глаз. Нельзя пытаться узнать, что происходит в доме другого человека», — советует словарь Литтре. Согласно Литтре, выражение «стена, окружающая частную жизнь», сформулированное Талейраном, Ройе-Колларом** или Стендалем, должно было появиться в 1820-е годы.

Тайна сохраняется разными способами. Мелкие группы и микросообщества занимают в публичном пространстве места для своих игр и сборищ. Клубы, аристократические кружки, ложи и общие комнаты, частные кабинеты, снимаемые на вечер, кафе, кабаре и бистро, «народные дома», в задних помещениях которых проводятся подпольные собрания профсоюзов, — буквально заполняют город. «Промежуточные пространства», служащие для встреч, посещаются почти исключительно мужчинами; для женщин, которые становятся подозрительными, стоит им выйти «на публику», в них места нет. Они общаются между собой на рабочих местах, в церкви или в прачечных, которые пытаются защитить от возросшего контроля со стороны мужчин. Гражданское общество — не та пустота, о которой мечтает подозрительно относящийся ко всему законодатель, но муравейник, кишаший тайнами¹.

* Авторские библиографические примечания к Главе 3 даны в ее конце (с. 410–419).

** Пьер-Поль Ройе-Коллар (1763–1845) — французский политик и философ.

Господствующие классы, одержимые идеей отделения от глупой и грязной толпы, устраивают в общественных местах, и в частности в транспорте, безопасные ниши: театральные ложи, являющиеся продолжением гостиной, каюты на кораблях и купальни, купе первого класса позволяют избежать тесноты и скученности и подчеркивают различия. «С тех пор как изобрели omnibus, буржуазия умерла!» — пишет Флобер, который по контрасту с omnibusом считает парижские фиакры, циркулирующие по городу с зашторенными окнами, символом адюльтера².

Домашний порядок

Главная область частной жизни — дом, материальная основа семьи и опора социального порядка. Кант прославлял его метафизическое величие так (по версии Бернара Эдельмана): «Дом, жилище — единственный оплот в борьбе против ужаса небытия, ночи и тьмы; он защищает своими стенами все, что человечество увлеченно накопило за многие века; он противопоставляется бегству, потере, отсутствию, потому что организует свой внутренний порядок, соблюдение приличий, страсть. Стабильность и сдержанность, а вовсе не открытость и безграничность — залог его свободы. Быть у себя — значит осознавать плавность жизни и удовольствие от неподвижного созерцания. <...> Таким образом, идентичность человека заключается в его доме. Вот почему в революционере, у которого нет ни кола ни двора, который не знает ни веры, ни закона, сконцентрирована вся тревога блужданий. <...> Человек ниоткуда — потенциальный преступник»^{*3}.

Дом привязывает человека к месту. Именно поэтому рабочие поселки стратегически очень важны для формирования

* Как и раньше, цитируется не Кант, а произведение Эдельмана «Дом Канта». — *Примеч. ред.*

стабильной рабочей силы, идеологий безопасности или семьи. Фредерик Ле Пле и его последователи изучили простонародные жилища; их подробные описания и тщательный анализ ведения хозяйства — ценный источник для историка. В прежние времена физиогномика детально изучала лицо, зеркало души. Теперь же обстановка в комнате может многое рассказать о жизни. Во времена Третьей республики дом сельского учителя должен быть как из стекла, а его комната — «маленькое святилище порядка, труда и хорошего вкуса» — противопоставляется «берлоге холостяка, который старается проводить у себя дома как можно меньше времени и не имеет чувства прекрасного», по словам инспектора Ришара, который в 1881 году сделал чертеж идеального дома. Аскетичная кровать, «как у слушателя Сен-Сира»*, туалетный столик со всем необходимым, что «доказывает, что обитатель комнаты следит за собой, но не делает из своей внешности культа», натертый паркет, плетеные стулья «без единого пятнышка», «красивый книжный шкаф», в котором стоят тома классической литературы, изучавшейся в Нормальной школе, витрина для разных научных коллекций, клетка, «в которой живут певчие птицы», несколько горшков с растениями — символ прирученной природы — вот идеальный интерьер для идеального республиканского миссионера. Единственный предмет роскоши — «старинная ковровая скатерть из материнского сундука», которая напоминает о достойном происхождении хозяина комнаты и «хорошем воспитании, которое он получил от внимательной и заботливой матери». Позже появятся рояль, несколько безделушек, «красивые копии скульптур» и репродукции живописных шедевров, которые «благодаря развитию техники гелиографуры стали доступны любому кошельку». Такое «симпатичное жилище» все — начальство, родители, ученики — могут посещать без боязни вторгнуться в интимное пространство⁴.

* Сен-Сир — высшее военное учебное заведение Франции.

Дом — понятие моральное и политическое. Не бывает бездомных избирателей, почетного гражданина без крыши над головой в городе и замка в провинции. Символ порядка и стабильности, дом предотвращает революции. В 1873 году, когда едва потухли огни Коммуны, Виолле-ле-Дюк публикует свою «Историю дома». В 1889 году — в год столетия Великой французской революции — темой секции социальной экономики на Всемирной выставке становится «Дом во все времена». Вскоре в науку об управлении будет включено ведение дома.

Пока же, в XIX веке, дом — дело семейное, здесь семья живет, здесь все собираются. Он воплощает амбиции пары и их реализацию. Создать семейный очаг — означает жить в доме. Молодые пары все реже живут с родителями. Читаем у Виолле-Дюка: «Я видел самые нежные отношения между женатыми детьми, живущими с родителями». Свой дом, *home*, как стало принято говорить в 1830-е годы, «свой угол», — средство и признак независимости. Во время конфликта с родителями на почве политики Гюстав де Бомон и его молодая жена ищут «нору, чтобы в ней зарыться». «Мы с Клементиной страстно хотим иметь свой дом, *home*. Обладание самой маленькой хижинкой кажется нам раем на земле»⁵ (1839). «Жить независимо в своем собственном доме — нет ничего более желанного», — пишет пролетарий Норбер Трюкен, бежавший от мира и революций (1888). *Внутренний мир дома*, в котором больше от дома, чем от человека, — условие счастья, а *комфорт* — условие благополучия. «Друзья мои, включите это слово в свой лексикон, и вы будете обладать всем, что оно означает», — советует Жан-Батист Сэй* «среднему классу», читательницам журнала *La Décade philosophique* (1794–1807); он противопоставляет «роскошь комфорта» показной роскоши⁶. Умение вести домашнее хозяйство, наука домашней экономики предполагает стабильность жизни.

* Жан-Батист Сэй (1767–1832) — выдающийся французский экономист.

Однако в стране, где недвижимость составляет значительную часть капиталов, а получение доходов от нее почетно, дом является также и собственностью, объектом инвестиций. Недвижимость — основная часть наследства, о которой Жак Капдевель говорит, что помимо собственно владения она представляет собой форму борьбы за продолжение рода. Не заключен ли в ней смысл жизни? Полученный по наследству семейный дом описывается, делится на части, наследники становятся врагами; родовое гнездо превращается в клубок змей.

Дом — также территория, на которой собственники разбивают сады и теплицы, где царит вечная весна, в домах собираются коллекции произведений искусства, проводятся частные концерты, хранятся семейные реликвии и сувениры, привезенные из путешествий, книги и иллюстрированные журналы — начиная с *L'Illustration* и заканчивая *Lectures pour tous* или *Je sais tout*⁷. Чтение в удобном кресле — новый способ познания мира, мир становится читаемым, а благодаря фотографии его можно увидеть. Библиотека открывает дому мир, через книги мир входит в дом.

В конце XIX века появляется безумное желание объединения дома и мира. Развитие техники — телефон, электричество — позволяет обустроить работу для всех прямо на дому. Маленькое семейное предприятие, где все работают под приглядом отца, — распространенная мечта и тема постоянно появляющихся утопий. Кропоткин, Золя в романе «Труд» (1901) видят в нем перспективы для будущего освобождения. Мужчина, самец, не уверенный в своей социальной идентичности, смог бы вновь обрести в этом небольшом предприятии свое достоинство главы семьи⁸.

Художники, в свою очередь, придумывают «тотальный дом», центр элитарного общения и творчества — таков дом в стиле модерн во всех его мельчайших подробностях. Эдмон де Гонкур посвящает два тома описанию «Дома художника». «Существует угроза, что жизнь может стать публичной», — пишет

он, называя дом единственным убежищем. Он называет его также женским: чтобы не быть прирученным, мужчина должен отвоевать дом у женщины, этой жрицы повседневности. Так же думает и Гюисманс, и все те, кто на заре XX века озабочен эмансипацией новой женщины.

«Семьи, я ненавижу вас! Закрытые ставни, запертые двери, ревниво охраняемое счастье!» — воскликнет позже Андре Жид. Крепость частной жизни, *privacy*, которую защищают одновременно порог, консьерж, хранители очага, и ночь, время интимности. Дом — ставка во внутренней борьбе, микрокосмос, испещренный границами, где сталкивается частное и публичное, мужчины и женщины, родители и дети, хозяева и слуги, семьи и индивиды. Распределение и использование помещений, лестницы и коридоры, по которым перемещаются люди и предметы, укромные места, заботы, душевные и телесные радости — все подчинено стратегии встреч и возможности не встречаться. Крики и шушуканье, смех и сдавленные рыдания, шепот, шум крадущихся шагов, скрипящие двери, неумолимые часы — все распространяет по дому волны звуков. Секс — главная тайна дома.

Буржуазные дома

Можно с уверенностью говорить о том, что модель идеального дома — дом буржуазии. Его черты можно обнаружить и в викторианском Лондоне, и в Вене конца века, и даже восточнее — в Берлине и Санкт-Петербурге. Можно предположить, что относительное сходство буржуазного образа жизни в XIX веке укрепляется благодаря единому архитектурному типу. Это неявная смесь функциональности, еще весьма ограниченного комфорта и ностальгии по аристократизму, живучей в странах, где существует придворная жизнь. Даже в демократических странах буржуазия с опозданием поняла, что такое хороший вкус, и декор идеального

буржуазного дома тяготеет к декору дворцов XVIII века. Сколько же нюансов и различий порождает национальная, религиозная или политическая культура в социальных отношениях, в семье, в гендерных ролях и, следовательно, в стиле жизни!

В «Истории молодости»⁹ Элиас Канетти сравнивает дома своего детства. В городе Руцук в низовьях Дуная во дворе-саду, куда каждую пятницу проникают цыгане, стоят три одинаковых дома: в одном живут родители, в другом бабушка с дедушкой, в третьем дядя с тетей. По дому бегают пять или шесть босоногих девчонок — служанок-болгарок, спустившихся с гор; по вечерам, забравшись на большой турецкий диван в гостиной, они рассказывают истории про оборотней и вампиров. В Манчестере в детской всем заправляет гувернантка; долгое рассматривание рисунка на обоях; по субботним вечерам дети спускаются в гостиную и читают гостям стихи (гости хохочут); по воскресеньям праздник: детям разрешается заходить в спальню родителей и забираться к ним на кровати, отдельные, как положено в протестантской Англии. Порядок ритуалов раз и навсегда регулирует пространство и время. В Вене квартира с балконом, занимающая весь этаж, в прихожей вышколенная горничная сортирует посетителей; чопорные прогулки в Пратере*. «Все крутилось вокруг императорской семьи; именно она задавала тон, и этот тон поддерживали знать и крупная буржуазия». В Цюрихе, напротив, «не было ни кайзера, ни имперской знати. <...> Я был уверен, что в Швейцарии каждый человек был достоин того места, которое занимал». Нельзя было отправить горничных на кухню, как в Вене, — они обедали за семейным столом; матери автора это стало претить, близость отношений и скрытность укрепились: «Мать всегда была рядом; не было никого, кто бы встал между нами, мы никогда не теряли ее из виду» в тесной квартире. Топография определяла нравы.

Пратер — парк в Вене.

Сельский дом, рабочее пространство

Различия есть и в другой плоскости. Во-первых, в той, по которой проходит линия, разделяющая город и деревню. Не стоит забывать, что на заре XX века основная часть европейского населения проживала в сельской местности. Во Франции в 1872 году крестьяне составляли 69% населения, в 1911-м — 55,8%. В деревне тоже существуют и интимность, и тайна, и слишком открытое пространство не мешает их существованию. Их скрывает молчание, а выдает — признание.

Надо сказать, что деревенская идентичность очень сильна. В Пикардии, как и в Жеводане, понятие «свой дом» имеет в большей мере локальный смысл, нежели пространственный. «Быть местным» значит узнавать элементы, составляющие пейзаж: небо, погоду, границы владений и местные истории. «Строго говоря, местный колорит — сопричастность», семейные истории, сотни раз пересказанные и пережеванные. Чувство границы здесь очень сильно: берегись чужаков и бродяг, особенно незнакомых!

Понятие «сельский дом» включает в себя земли. Рудиментарный, перенаселенный, сельский дом — в первую очередь рабочий инструмент, нежели «интерьер»; взгляд любопытного путешественника увидит лишь чудовищную скученность, особенно если люди и животные спят под одной крышей. Гумно, кусты, овраг в роще, группы деревьев в поле, где прячутся пастушки, тенистые берега реки — больше, чем общая комната, подходят для любовных утех и ухода за собственным телом. Здесь невозможно спрятаться, все постоянно находятся друг у друга на глазах. Нарушать правила возможно лишь с молчаливого согласия окружающих. Скрывать беременность, тем более роды — какая это мука для тех, кто не пользуется помощью местных женщин!

«Они все за мной следили. Отец всегда был у меня за спиной, следил за каждым моим движением. Ни разу не позволил мне сменить солому в моем тюфяке», — читаем у Элизабет Клавери и Пьера Ламезона рассказ сорокадвухлетнего человека¹⁰. По протоколам полицейских допросов можно проследить,

как нарастающий мелочный контроль, бывший неотъемлемой частью сельской жизни, постепенно начинал вызывать отвращение. Индивидуализация нравов, связанная с переездами, и расширение горизонта, вызванное развитием транспорта, от железных дорог до велосипедов, благодаря которым молодежь могла ездить на танцы в другие места, — повсюду делают это подчинение невыносимым. В период между двумя войнами отказ женщин от совместного проживания со свекровью, желание иметь личное пространство и «кокетство», требующее чистоты, станут причиной массовых переселений женщин и холостого образа жизни мужчин.

Народный стиль жизни

Представители городских низов, скученные в отвратительных трущобах, по-разному защищают интимные моменты своей жизни. Промискуитет, от которого они как будто получают удовольствие — даже Золя считает народные праздники поводом для спаривания, — с точки зрения представителей господствующих классов был символом примитивной сексуальности и дикости. С ростом народного самосознания самим беднякам такая жизнь нравится все меньше. «Люди живут все вповалку, как животные. Полнейшая дикость», — так Жан Аллеман описывает жилища рабочих. За пятьдесят лет до этого доктор Виллерме писал о жизни текстильщиков — ничего не изменилось. Хозяева промышленных предприятий, врачи-пропагандисты гигиены разрабатывают меры по расселению рабочих трущоб, чтобы спасти людей от туберкулеза и алкоголизма. С конца XIX века появляется понятие «минимальной нормы жилой площади» с определенным объемом воздуха и минимумом удобств. Рабочие, до поры до времени не требовавшие решения «жилищного вопроса», в начале XX века хотят «свежего воздуха» и «оздоровления»¹¹.

Не отрицая пользы от деятельности благотворительных организаций в жилищной политике, результаты которой, впрочем, были до начала I Мировой войны весьма ограниченными, следует отметить, сколь упорно они игнорируют образ жизни городских низов. Вынужденные «жить на улице», люди из низов умели пользоваться возможностями многонаселенных домов и квартала, этой важнейшей промежуточной зоны взаимопомощи и адаптации. В XIX веке рабочие предпочитали тратить деньги не на жилье, а на более доступную вещь — одежду, чтобы можно было не стыдяться выходить «в свет» и производить хорошее впечатление (делать «bella figura», как выражались итальянцы, знавшие в этом толк). На это обратил внимание Морис Хальбвакс*.

Их взгляды обращены на город. Они часто переезжают, что является не только лишь бегством от «домохозяина», но и средством и знаком социальной мобильности. Туринские мигранты, образ жизни которых изучал Маурицио Грибауди¹², постоянно ездят из центра на периферию и обратно, имея стратегические цели освоения территории.

Город — свидетель взлетов и падений, между удачей и несчастьем здесь граница весьма зыбкая. Рабочие хотят, чтобы город был открыт для них, хотят жить в нем свободно, как некогда их предки свободно жили в сельских коммунах. Частным владениям, куда доступ беднякам закрыт, городским садам и паркам, изначально предназначавшимся для прогулок буржуазии, они предпочитают пустыри, а зеленым массивам, страстно рекомендуемым борцами за здоровый образ жизни, — «черный пояс» Парижа**, куда выезжают погулять в выходные

* Морис Хальбвакс (1877–1945) — французский философ, социолог, психолог, один из пионеров в исследовании исторической коллективной памяти.

** «Черный пояс» Парижа — фортификационные сооружения вокруг города, построенные во времена Луи-Филиппа. В настоящее время по этой линии проходит Периферический бульвар — парижская окружная дорога.

дни; там же собираются разного рода маргиналы, апаши устраивают свои встречи. Эти задворки были для них тем же, чем парки и бульвары для буржуазии, очаровывавшие Вальтера Беньямина. Здесь можно назвать, например, пассаж Левалуа-Перре, куда полиция наведывалась с отвращением, или узкие и тесные улицы в индустриальных кварталах Лилля¹³.

Здесь по-другому относятся к пространству из-за ужасных жилищных условий; по-другому воспринимают собственное тело: многие действия, которые где-нибудь в другом месте сочли бы интимными, производятся снаружи. К вещам отношение тоже иное: утилизация отходов, переработка использованных вещей, обмен вещами и товарами составляют существенную часть бытовой экономики, не участвующей в монетарном рынке. В отличие от буржуазных дам, женщины из народа не заперты у себя дома, и роль их во всех этих делах весьма велика¹⁴. Для бедняков город — лес, в котором они охотятся. Если смотреть с этой точки зрения, можно увидеть множество аналогий с сельской жизнью, за исключением мобильности; дело только в масштабах.

Особенность жизни городских низов заключается в том, что их семейные связи не основаны ни на землячестве, ни на едином месте проживания. Желание иметь свое личное пространство во второй половине XIX века нарастает.

Быть свободным в первую очередь значит иметь возможность выбирать место проживания. Соппротивление рабочим кварталам, неважно, находятся ли они в ведении предприятия или города — как знаменитый «Сите Наполеон»*, потерпевший фиаско, — отмечалось многими исследователями. «Идея подобных поселений никогда не была популярна во Франции», —

* Cité Napoléon — комплекс из четырех зданий, построенных в 1849–1851 годах по приказу Луи-Наполеона Бонапарта, только что избранного президентом Второй республики в IX округе Парижа. Строгие правила жизни в этих домах (например, требование гасить свет в 22 часа) не пришлись по вкусу рабочим, и идея подобных жилых комплексов провалилась.

пишет историк и экономист Арман Одиган (1860): никто не хочет соблюдать дома порядки, принятые на заводах. «Нам предписывалось соблюдать правила, касающиеся всех наших частных действий. Мы не были хозяевами у себя дома», — говорили рабочие. Относительному комфорту, но постоянному контролю они предпочитали «самострой» на пустырях, которых было множество в промышленных городах.

Это стремление к автономии, самостоятельности имеет давние корни. В сельской местности в доиндустриальную эпоху люди были привязаны к дому, к ферме, как к средству производства, что отвечало требованиям семейной экономики, но тормозило индустриализацию в целом. Так, ткачи-надомники оказали ожесточенное сопротивление переселению в слишком сухие и неудобные помещения, которое муниципалитеты отдельных северных городов хотели им навязать, абсолютно не считаясь с производственными нуждами. «Все попытки переселить их в более здоровые, лучше проветриваемые и лучше построенные дома были напрасны; они решительно воспротивились», — Рейбо¹⁵ (1863). В Лилле их силой выгоняют из подвалов в центре города.

Здесь надо еще сказать о том, что большое значение имеет местоположение, которым дорожат. Как показывают отчеты опрашивавших (Ле Пле. Социальная реформа), на интерьер и удобства обращают мало внимания. У людей почти нет мебели: матрасы, кухонная утварь, стол, несколько стульев; редко у кого можно встретить «бабушкин сундук», в наличии которого зоркий глаз социолога усматривал признаки почтительного отношения к своим корням. Однако иногда в этих убогих жилищах можно заметить и желание создать уют: клетка с птицей, занавески с машинным кружевом из Кале на окнах даже в самых нищенских хижинах, сфотографированных Эженом Атже в начале XX века; на стенах цветные картинки, вырезанные из иллюстрированных журналов, семейные фотографии — фотографироваться вошло в моду начиная с 1900 года. Стены становятся первым освоенным пространством: устроиться на новом месте в первую

очередь означает сменить обои. Появление дешевых обоев было столь же революционным для интерьерера, как появление недорогих хлопковых тканей — для женской моды. Около 1830 года комната Агриколя Пердигье* в «жалкой лачуге» в предместье Сент-Антуан, с плохо уложенными плитами на полу и грубыми черными балками на потолке, оклеена «светлыми обоями, которые придают ей веселый вид»; на окнах «муслиновые занавески, сквозь которые видно, как колышется на ветру плющ». «Почти все, среди чего жил Агриколь Пердигье, было отвратительным, ужасным, но, раз придя к нему, как будто попадаешь в другой мир»¹⁶. Вот идеал жилья, каким его видят рабочие-сенсимонисты.

Растущее стремление к уединению

Рабочий класс ведет все более оседлый образ жизни; в результате ухудшения условий жизни рабочих появляются жалобы и требования. В ходе проведенного парламентом в 1884 году обследования выявлены претензии к грязи в меблированных «клоповниках» и доходных домах: грязные стены, забитые туалеты, тошнотворные запахи... Пожелания рабочих следующие: побольше места, хотя бы две комнаты, а если есть дети, «если отец семейства себя уважает, то хорошо бы три-четыре комнаты». В первую очередь требуют отдельных спальных мест. Как только это становится возможным, рабочие желают спать отдельно от детей. Деревянная кровать вместо соломенного тюфяка на полу — символ «обустройства»: одна женщина чуть не убила сожителя за то, что он истратил деньги, отложенные на покупку кровати. Кровать для нее была надеждой на прочность их союза. С другой стороны, требования к туалетам были более сдержанными: когда создавался проект дома для

* Агриколь Пердигье (1805–1875) — французский писатель и политик, считается первым французским синдикалистом.

рабочих, отдельные туалеты для каждой семьи не предусматривались: «Народ не настаивает на собственных туалетах». Людям хочется, чтобы дома были не очень большими, чтобы фасады выглядели по-разному — «ничто не должно наводить на мысль о рабочем поселке». Во всех этих отчетах сквозит желание иметь отдельное жилье, не похожее на казарму¹⁷.

Потребность в тепле, в чистоте и свежем воздухе, а вскоре и в возможности семейного уединения, неистовое желание независимости, интерес к пространствам, где можно было бы что-нибудь смастерить, — все это говорит о том, что отдельные дома нужны не только буржуазии. Об этом мечтают и анархисты. Воображая город будущего, Пато и Пуже* описывают его как город-сад. Тогда же британские исследователи обнаружили в английском рабочем классе возросшую потребность приватности (*privacy*) своего дома (*home*), «так велика боязнь неконтролируемого вторжения соседей»¹⁸.

«Рабочие больше ценят жилье, нежели город», — пишет Мишель Верре о «рабочем пространстве» в наши дни¹⁹. До начала I Мировой войны ситуация была иная, но все к ней шло.

В начале XX века появилось настойчивое желание интимности для семьи, для супружеской пары и для каждого человека в отдельности. Оно выражается, в частности, во все большем отвращении к тесноте и необходимости жить рядом с соседями и возросшем неприятии всеобщей поднадзорности в местах совместного проживания — в тюрьмах, больницах, казармах, интернатах, — где проводился личный досмотр. Против обысков на таможне крайне левый депутат Глэз-Бизуэн в 1848 году предложил законопроект.

Евангелик Давид Жетаз, заключенный в тюрьму в Шалоне, сохранил самые ужасные воспоминания об общей спальне («дыхание и храп всех этих мужчин до сих пор раздирают мне

* Эмиль Пато (1869–1935), Эмиль Пуже (1860–1931) — французские анархо-синдикалисты.

уши»), а также о невозможности уединиться с женой. «Невозможно было поговорить наедине, выразить привязанность, сказать все те нежные слова и поведать друг другу маленькие секреты, которые посторонние не должны слышать и которые всегда хочется сказать в такие моменты». Тюремщик следит за ними, «как если бы он никогда не видел людей, которые любят друг друга»²⁰. Всякие любовные жесты — проявление сугубо частной жизни. Стыдливая Каролина Брам с трудом переносит нежности, которыми осыпают друг друга молодожены²¹. Чем сдержаннее проявления любви, тем они изысканнее. Кровать в спальне буржуазного дома не окружена балдахином: это значит, что вся комната является интимным пространством, куда нет доступа посторонним.

Понятно, что в таких условиях персонал парижских больниц восстает против проживания на рабочем месте. «Жить сообща, что раньше было нормой для служащих больниц, теперь стало невыносимо для большинства работников. <...> Они страдают от необходимости есть в столовых, спать в общих спальнях. Находясь в больнице, они не чувствуют себя „дома“, здесь нет хотя бы относительного комфорта и возможности уединиться. В нерабочие часы они хотят быть свободными от какого бы то ни было административного гнета»²², — пишет в 1909 году муниципальный советник Мезюрер, в то же время сознавая, что для одиноких женщин, в массе своей приехавших из бедной Бретани, жизнь в условиях закрытого учреждения предпочтительнее с точки зрения морали и безопасности. Все больше работников отказываются от проживания на рабочем месте.

Даже не говоря о семейных и любовных отношениях, каждому человеку необходимо личное жизненное пространство. Вот что вспоминает Норбер Трюкен, землекоп из Лиона, вынужденный спать в общей спальне. «Самым отвратительным было ощущение контакта с другим мужчиной. Это был первый раз в жизни, когда у меня появился компаньон по постели»²³.

В богадельнях старики стараются обустроить свой уголок. «Приходится постоянно бороться с ними, чтобы помешать им устраивать за кроватями или по углам комнат склад всякогохлама — тряпья, битой посуды, — единственная ценность которого заключалась в том, что когда-то это была *их* одежда, *их* вещи; им казалось, что они создают свое собственное гнездо, *свой дом*»²⁴. Конечно, редактор статьи «Богадельни» в «Словаре политической экономии» Гийомена — либерал, благосклонно относящийся к заботе о доме. Но сопротивление бедняков госпитализации отмечается всеми. Умереть в своей постели — единственная возможность избежать вскрытия, этой тяжелой судьбы пролетариев.

В стремлении иметь собственный угол сквозит нарастающее желание телесной индивидуализации; писатели видят в этом проявления эгоизма. «Надо закрыть все окна и двери, скукожиться, как ежик, развести в *качине* огонь, потому что холодно, и подумать о великом»²⁵, — пишет Флобер. — Поскольку мы не можем отцепить солнце, надо зашторить все окна и зажечь люстры в комнатах»²⁶. Без сомнения, внутренний человек предшествовал внутреннему миру. Но в XIX веке собственная комната — это мечта; это модель мира.

Во всем, что происходит в частном пространстве, видны цели власти, межличностные отношения и поиск себя. Не удивительно ли, сколь важное место дом занимает в искусстве и литературе? Залитые солнцем сады Моне, приоткрытые окна Матисса, сумеречные тени на картинах Вюяра: живопись входит в дома и обнаруживает их тайны. Соломенный стул в комнате Ван Гога говорит нам об одиночестве.

Литература, долго молчавшая о внутреннем мире, начинает описывать его в мельчайших подробностях; в этом просматриваются изменения во взглядах на места и предметы. Какой путь проделан от сухих набросков Анри Брюлара до тщательных описаний «Момора», двойника Мартена дю Гара²⁷, и, наконец, до романа «Жизнь, способ употребления» Жоржа Перека!

Дом, памятное место

«Эти странные нагромождения камней и кирпичей, с разными ответвлениями, украшениями и какой-то особенной мебелью, со специфическими, неменяющимися формами, плотной и тяжелой атмосферой, в которых наша жизнь запутывается так же, как наша душа в теле, — какой только властью они не обладают над нами, какого только воздействия не оказывают на наше существование?» — пишет английский писатель, биограф и литературный критик Литтон Стрейчи, вспоминая Ланкастер-Гейт, дом (*home*) своей юности²⁸.

«Я мысленно видел то одну, то другую комнаты, в которых мне доводилось жить, и в заключение вспоминал их все в долгих мечтаниях, следовавших за моим пробуждением»* (Пруст).

Театр частной жизни, личный опыт, самое главное в детских воспоминаниях, дом — место глубинной памяти, в котором навсегда поселяется наше воображение.

* Пер. А. Франковского.

ПРОСТРАНСТВА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Роже-Анри Герран

Дом для приличной публики

Вдали от «варваров»

Отношение господствующего класса к рабочим на протяжении всего XIX века оставалось презрительным. Этих «варваров» — так тогда принято было называть людей из народа — даже невозможно описать, до такой степени они были ужасны. «Представители третьего, и последнего, класса — пролетариата, — пишет во времена Луи-Филиппа доктор Таксиль, — за редким исключением, абсолютно невежественны, суеверны, имеют дурные привычки, нравы дикарей. Их пошлость, неотесанность, глупость, расточительность, склонность к грубым развлечениям и оргиям, столь вредным для их благополучия, не поддаются описанию»²⁹.

Можно было бы с легкостью составить целую антологию текстов такого рода. Для победившей буржуазии пролетарий — очень опасный дикарь, представитель низшей расы. «Обеспеченные парижане, интересовавшиеся жизнью низов общества, более или менее сознательно ставили барьер между буржуазией и народом, и даже если они верили в необходимость социальной мобильности, совесть их была спокойна, потому что они рассматривали представителей народа как

низших существ как в моральном плане, так и в социальном», — пишет Аделина Домар³⁰.

В этом новом обществе, где высшей ценностью считалось богатство, имущество, между собственниками и теми, кто на них работал, существовала пропасть. В диссертации Ф.-П. Кодаксьони приводятся количественные данные по Лиллю³¹. В 1891 году состояние промышленника в среднем составляло 1 396 823 франка, рабочий же располагал 68 франками, соотношение было 1 к 20 541. В 1908–1910 годах и те и другие стали богаче, но разница между ними все еще составляла 1 к 9075. Вообразимо ли, чтобы эти антиподы сосуществовали в одном здании?

Из всех французских городов понемногу стали исчезать столь распространенные до революции здания смешанного назначения. Это видно на рисунках, представляющих дома в разрезе. Художники в XIX веке часто используют этот сюжет³², идя по следам демона Асмодея, персонажа романа Алена-Рене Лесажа «Хромой бес». На первых гравюрах мы видим, что чем выше этаж, тем беднее обстановка и скромнее комфорт, а на чердаке под самой крышей царит полная нищета. Жильцы этих домов не подозревают о существовании друг друга. Об этом пишут Бальзак* и другие. Жильцы благородного второго этажа вскоре переберутся в кварталы, построенные специально для них. В Париже этот процесс начался сразу после Реставрации — тогда в западной и северной частях города стали прокладываться новые улицы — и закончился градостроительной деятельностью Османа, переселившего всех представляющих опасность на периферию. Теперь изображение доходного дома в разрезе продемонстрирует социальную однородность жильцов. Постепенно в каждом более или менее крупном городе появятся кварталы для «приличной публики» и пролетарские гетто, где представители высших классов могут никогда не оказаться.

* Имеется в виду роман Бальзака «Кузина Бетта» (1848).

Дом в дорогом квартале

Во времена Второй республики, в дополнение к законодательным актам Старого порядка, касающимся высоты фасадов и ширины улиц, установлено следующее³³:

— если ширина улицы меньше 7,80 метра, то фасады зданий не могут превышать 11,70 метра;

— если ширина улицы от 7,80 до 9,75 метра, то дома не могут быть выше 14,62 метра;

— если ширина улицы превышает 9,75 метра, то максимальная высота фасадов 17,55 метра.

В рамках работ, проводимых Османом, Наполеон III добавил еще одну категорию ограничений: на бульварах, ширина которых превышает 20 метров, карниз может находиться на высоте 20 метров, при условии что в доме не более шести этажей, включая антресоль (верхний полуэтаж). Во всех зданиях высота этажа не должна превышать 2,60 метра³⁴.

Осман запретил делать выступы в сторону улицы, и конструкторы будут вести долгую борьбу с этим постановлением, мешавшим воплощать в жизнь их помпезные замыслы. Их пыл умерит следующее ограничение³⁵: на улицах шириной от 7,80 до 9,75 метра балконы могут выступать на 50 сантиметров на высоте не менее 5,75 метра от тротуара. Если ширина улицы от 9,75 метра — на 50 сантиметров на высоте не менее 4 метров и на 80 сантиметров — на высоте 5,75 метра и более. В начале XX века, хотя дома по-прежнему не должны быть выше 20 метров — для восьмизэтажного дома с учетом антресоли, — выступы могут достигать 1,20 метра, если ширина улицы 10 метров и более³⁶, благодаря чему начиная с 1890-х годов стали появляться *bow-windows* — эркеры, застекленные «клетки» для освещения столовых комнат.

Это позволит архитекторам при строительстве главных фасадов зданий черпать идеи Школы изящных искусств, для которой «археологический хлам» на протяжении века имел огромную важность³⁷. Этот период будет отмечен ожесточенной борьбой сторонников неоклассицизма и неоготики.

Пристрастие к ордерам вызвало к жизни использование всего разнообразия пилястр и колонн, примыкающих к стенам или выступающих вперед, с обязательными фронтонами, с орнаментальными фризами и с обработкой камня на итальянский манер. Выполняя эту благородную задачу, стипендиаты Французской академии в Риме будут вне конкуренции, потому что они с карандашом в руке провели среди античных памятников много времени. Их противники, которые обретут мощную поддержку в лице Виолле-ле-Дюка, будут строить готические произведения, как Бальзак — писать свои «Озорные рассказы» на псевдостарофранцузском языке. Когда Жером Патюро решил заказать себе дом³⁸, он обратился к юному лохматому архитектору, который предложил ему на выбор дом в романском стиле, лучистую, пламенеющую готику или ломбардский стиль.

Будет много подражаний Ренессансу: фасады некоторых зданий выполнены в стиле XVI века. В начале XX века растительные мотивы в декоре ар-нуво привнесут новизну в эту античную и в то же время средневековую картину, но конструкции этого типа встречаются в наших городах редко, исключение составляет Нанси.

Войдем же в один из таких домов, квартиры в котором для простых смертных стоят баснословных денег. При Османе они приобретают классические черты. Сезар Дали в работе 1864 года «Частная архитектура в XIX веке» детально рассматривает их. По мнению очень влиятельного основателя журнала *La Revue générale d'architecture*, можно выделить три класса жилья для буржуазии того времени.

Во-первых, дома первого класса, предназначенные для очень богатых людей. Окна в них выходят на две стороны, во двор и на улицу. Над подвалами в таких домах не более пяти этажей, три из которых с высокими потолками. К квартирам на втором, третьем и четвертом этажах ведет каменная лестница, выше — деревянная. Конструкция из дерева говорит

о снижении социального статуса жильцов. На последнем этаже живут семьи победнее или же дети и друзья жильцов трех «шикарных» этажей. Каждая квартира имеет выход и на служебную, «черную» лестницу. В зависимости от участка, на котором расположен дом, на эту лестницу можно попасть либо со двора, либо через потайную дверь из вестибюля. Служебная лестница всегда деревянная, она соединяет этажи со стороны кухни, по ней можно попасть на чердак, где живут слуги.

В домах такого типа отопление осуществляется при помощи калорифера, установленного в подвале; тепло распространяется по системе отдушин, расположенных в полу. Но выше третьего этажа эта система отопления не работает. Тепло в доме еще не является непременным условием; врачи настоятельно рекомендуют хорошо проветривать жилые помещения.

Далее следуют дома второго класса, предназначенные для публики, не обладающей значительным состоянием. Это уже шестиэтажные дома, на первом и втором этажах которых находятся магазины. Парадная лестница целиком деревянная; на каждой лестничной площадке по две квартиры. Служебная лестница в этих домах также есть.

Третья категория таких домов предназначена для наименее состоятельной части господствующего класса. Все этажи соединяет одна деревянная лестница. Здесь нет никаких дворов и двориков, иногда лишь узкие дворы-колодцы.

В этих домах обязательно присутствует консьерж; раньше их можно было встретить лишь в отелях: «Расшитый галунами праздный привратник Сен-Жерменского предместья играет на бирже; на Шоссе д'Антен привратник живет в достатке, в квартале Биржи почитывает газету, а в Монмартрском предместье представляет собой значительное лицо. Привратница в квартале проституции — бывшая проститутка; в Марэ — угрюмая, несговорчивая особа строгих нравов»*.

* Бальзак. Феррагус, предводитель деворантов (1833; цит. в пер. М. Казаса).

Отныне с легкой руки Эжена Сю этот новый персонаж человеческой комедии будет называться «господином Пипле»^{*}. Консьерж — очень важная фигура в жизни больших городов. Он станет излюбленным персонажем всех сатирических изданий — начиная от Charivari, публиковавшей карикатуры Домье, до иллюстрированного журнала L'Assiette au beurre, посвятившего консьержу специальный выпуск в 1900 году. Собственник дома, как правило, живет в другом месте, поэтому консьерж является его представителем: собирает с жильцов плату, дает объявления о сдающихся квартирах, следит за состоянием общих помещений зданий, а также за порядком. Он находится на границе частного и публичного, является своеобразным фильтром между улицей и квартирами. Злые языки приписывают ему также роль полицейского осведомителя: с точки зрения журнала L'Assiette au beurre он не менее вреден, чем приспешники Церкви и военных³⁹. Некоторые обозреватели сообщили об отсутствии удобств в ложе консьержа, но бывали и исключения. В одном из романов Поля де Кока во времена Второй империи консьерж Дроген живет в такой же кокетливой квартирке, как и молодая супружеская пара — представители среднего класса.

Пройдя мимо консьержа, этого цербера, попадаем на лестницу. В буржуазных домах она широкая. Наш взгляд упирается в статую неаполитанки, на голове которой амфора с выходящими из нее тремя газовыми рожками — читаем у Золя⁴⁰, но это может быть и фигура ландскнехта, и мавританки, также используемая в качестве осветительного прибора. Такие скульптуры стоят иногда в домах до сих пор. Стены из искусственного мрамора — продукции некоторых предприятий; перила чугунные; ковер, красный или с восточным узором, удерживаемый на ступенях медными стержнями, смягчает

* Господин Пипле — персонаж романа «Парижские тайны». Pipelet (фр.) — 1. консьерж, 2. болтун.

шаги. Лифт, изобретенный в 1867 году инженером Леоном Эду (он же — автор французского слова *ascenseur* — лифт), войдет в широкое употребление лишь в начале XX века.

Рационально организованное пространство

Интерьер каждой квартиры весьма рационален, чего не было раньше. В обязательном порядке есть некое публичное пространство для визитов, интимное пространство для семейной жизни и хозяйственные помещения. Сразу за входной дверью — передняя, где оставляют верхнюю одежду; отсюда нельзя пройти дальше, если посетителя не пригласили. Это «поворотный крут» буржуазного жилища. В начале XIX века прихожая, если она достаточно просторная, иногда превращалась в столовую. Читаем у Бальзака: «Баронесса поместила дочь в столовой, наскоро превращенной в спальню... прихожая стала служить столовой, как и во многих других домах»^{*}.

Столовая, если она в полной мере выполняет свою функцию, становится самым важным местом в доме. Здесь семья демонстрирует себя гостям, выставляет напоказ свое столовое серебро, в особенности то, что произведено каким-нибудь известным ювелиром. Кстати, еда — тоже немаловажный момент в социальных отношениях: «Именно за столом делаются дела, проявляются амбиции, заключаются браки. Гастрономические горизонты расширяются: еда становится знаком престижа, превосходства и победы, инструментом могущества, залогом удачи и счастья»⁴¹. Существует великое множество картин, изображающих тщательнейшим образом приготовленные трапезы. Мы видим накрытые столы и все разнообразие блюд: некоторые хозяева без колебаний заказывают их сначала себе, а потом предлагают гостям.

^{*} «Кузина Бетта», пер. Н. Яковлевой.

Пространство для приема гостей, столовая — еще и место встречи членов семьи. Представляется, что в ходе XIX века она перестала быть интимным пространством. Это отмечает по крайней мере один автор⁴²: «После обеда, убрав со стола скатерть и поставив лампу, жена брала вышивание, муж — книгу или газету, дети играли и весело болтали». Если верить Кардону, мать семейства проводила больше всего времени именно в столовой, потому что она была освещена лучше других комнат в доме. Он пишет, вероятно, о старинных особняках предместья Сен-Жермен и Марэ, превращенных в доходные дома. В большинстве домов, построенных в 1860–1880-х годах, особенно в Париже, под столовую обычно выделялась комната, окна которой выходили в темный и тесный двор. Поэтому вне обеденного времени она пустовала, предпочтение отдавалось уютной маленькой гостиной, где так хорошо было почитать и позаниматься рукоделием.

Не во всех буржуазных домах была такая комната, зато все буржуа стремились иметь «большую гостиную». Ни одна квартира, принадлежавшая представителям имущих классов, не могла обойтись без этого театрального пространства, через которое осуществлялась связь нового общества со старым: буржуазия перенимала аристократические ритуалы — приемы в определенные дни недели. Боро или Тиссо, художники, изображавшие светскую жизнь конца XIX века, неустанно это прославляли.

Отметим, что в домах представителей самой мелкой буржуазии, где поддерживались почти исключительно семейные связи, гостиная представляла собой мертвую зону — мебель стояла, закрытая чехлами. В конце концов отдельные специалисты по обустройству домов начнут возмущаться существованием этой нежилой комнаты и объявят ее бесполезной. При этом они недооценивали ее символическое значение: наличие гостиной — признак общительности и светскости, что говорит о принадлежности хозяев квартиры к классу буржуазии.

Необходимость сохранять в тайне малейшие проявления сексуальности привела к обязательному выделению в квартире священного места — супружеской спальни, храма деторождения, а не сладострастия. Времена, когда можно было принимать посторонних в помещении, где стоит кровать, безвозвратно прошли. Отныне накладывается табу на все, что так или иначе связывается с понятием «спальня», как если бы проникновение туда без точной цели представляло ужасную опасность.

Нельзя не сказать, что ни в XIX веке, ни ранее в книгах по архитектуре не упоминаются пространства, предназначенные для детей, — это подтверждает и изучение кукольных домиков. Вплоть до 1914 года новорожденных детей отдавали кормилице, а с седьмого класса школы — в интернат, о чем вспоминают авторы многочисленных мемуаров⁴³.

Уютные и загроможденные помещения

Чем дальше в историю мы углубляемся, тем заметнее, что главным принципом организации внутреннего пространства буржуазных квартир было накопление. Они напоминали лавки древностей, в них смешивались все эпохи: ренессансная столовая соседствовала со спальней в стиле Людовика XVI, а бильярдная в марокканском стиле выходила на веранду, оформленную по-японски. Повсюду переизбыток тканей, ковров, шелка. Драпируется все, вплоть до ножек рояля. Это золотой век отделки всего галуном, позументом и тесьмой с шишечкой на конце. Французскому декору предстоит долгий процесс освобождения от подобного пристрастия.

Аделина Домар дала этому явлению следующее объяснение⁴⁴. На протяжении всего XIX века буржуазия, в особенности парижская — а именно она задавала тон, — приходила в ужас при мысли о народных восстаниях, поэтому буржуазное жилище — *sweet home*, убежище: «Все пространство символически можно подразделить так: внутренний мир — семья — безопасность — с одной

стороны, внешний мир — чужаки — опасность — с другой». Стремление закрыть коврами стены и полы и не оставлять их «голыми», как в домах бедняков, становится наваждением. Редактор *L'illustration* — самого читаемого в буржуазных кругах журнала — 15 февраля 1851 года так описывает идеальное пространство буржуазного дома: «Все собираются в маленькой гостиной, скрытой от мира плотными двойными портьерами, щели в оконных рамах заделаны шелковым шнуром. <...> Повсюду — на окнах, на камине, на полу — огромное количество ткани. Сухое дерево, холодный мрамор скрыты под коврами и гобеленами».

Буквально теми же самыми словами в 1885 году Мопассан в «Милом друге» описывает квартиру журналиста Форестье: «Стены были обтянуты старинной бледно-лиловой материей, усеянной желтыми шелковыми цветочками величиною с муху. На дверях висели портьеры из серо-голубого солдатского сукна, на котором красным шелком были вышиты гвоздики. Расставленная как попало мебель разной формы и величины — шезлонги, огромные и совсем крошечные кресла, табуреты, пуфы — частью была обита шелковой материей в стиле Людовика XVI, частью — прекрасным утрехтским бархатом с гранатовыми разводами по желтоватому полю»^{*}.

Дурно пахнущие места

Буржуазная квартира, являясь вместилищем светской и семейной жизни, должна также обеспечивать функции переработки и выделения. Здесь готовят еду, поэтому надо куда-то выливать грязную воду, а также продукты жизнедеятельности человеческого организма. Казалось бы, здесь как ни в какой другой области нужна рационализация, однако этого не наблюдается. Мы видим здесь прямую связь с телом: известно, что порог чувствительности нового правящего класса по отношению

^{*} Перевод Н. Любимова.

ко всему «грязному» весьма низок*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в XIX веке архитекторы, одновременно представляя свой класс и в то же время находясь в зависимости от него, изгнали кухню из своего поля деятельности**. Кухни задвинуты в дальние углы квартир: здесь полно дыма, чада, тяжелых запахов; плита занимает почти все пространство, от нее исходит жар — сюда посетители заходят не часто. Лишь в конце XIX века врачи-гигиенисты, последователи Пастера, объявят кухню источником мух, заразы и палочки Коха.

Столь же безразличное отношение наблюдалось и к уборным, заставленным кувшинами и тазами. В Париже вода начнет поступать на верхние этажи домов на правом берегу лишь в 1865 году, на левом — на десять лет позже. О местонахождении в квартире ванны — если она вообще была — думали мало, потому что ванной комнатой не пользовались ежедневно. Вода начнет высоко цениться лишь после научных открытий Пастера: мытье рук станет новой социальной обязанностью.

Больше всего презрение буржуазии к телесным потребностям наблюдалось в отношении к туалетам. Кое-какие модели гигиеничного туалета — с использованием воды — появились в XVIII веке, о чем свидетельствует знаменитый сборник гравюр Мариетта⁴⁵. Такие туалеты вошли в употребление только в первой половине следующего века. Вера в то, что человеческие выделения представляют собой ценные удобрения, очень живуча, и парижские ассенизаторы продолжают по ночам выносить их на Монфокон***. Распространявшиеся

* Случай одного известного гигиениста, который гораздо лучше чувствовал себя в притоне, нежели в гостиной, и откровенно об этом говорил, — исключение, подтверждающее правило. Об этом сообщил Ален Корбен, представляя работу доктора Александра Паран-Дюшатле (Parent-Duchâtelet A. La Prostitution à Paris au XIXe siècle. Paris: Éd. du Seuil, 1981). — *Примеч. авт.*

** Книга Кардона посвящена исключительно парадным комнатам, он ничего не говорит о кухне. — *Примеч. авт.*

*** Имеется в виду холм на северо-востоке Парижа, где в XIII веке была сооружена огромная виселица.

оттуда зловонные испарения заражали воздух столицы. В отличие от Англии, где создание канализации было юридически закреплено в 1855 году, во Франции она представляла собой отвратительное месиво. На нее затрачивалось огромное количество воды, и сельское хозяйство несло значительные убытки.

В Париже более или менее соблюдался императорский закон от 1809 года об обязательном наличии выгребной ямы, но в провинции по-прежнему оставались в ходу средневековые традиции. В Лионе никого не удивляет спуск сточных вод в Рону; в Марселе из 32 653 домов, стоявших на учете в 1886 году, в 14 000 не было никакой системы эвакуации фекальных масс: на каждом этаже экскременты собирались в керамические емкости, откуда потом поступали в водостоки; в Бордо 12 000 плохо сконструированных выгребных ям отравляли грунтовые воды.

В это время в Великобритании наблюдалось стремительное развитие канализации. Начинается золотой век водопроводного дела, и вскоре вся Европа пойдет по пути Англии. Парижский предприниматель Пупар переведет капитальный труд Сэмюэла Стивенса Хеллера и отправит своего сына на стажировку к мастеру. Теоретики архитектуры отныне будут уделять этому вопросу большое внимание. Эмиль Трепа, основатель Специальной архитектурной школы, заявит на заседании Общественного медицинского общества в 1882 году: «Экскременты следует удалять из домов немедленно, они должны выводиться по герметичной системе под мощным потоком воды».

Столь резкий поворот в отношении к экскрементам вызван прогрессом в агрономии: появившиеся в 1850–1880-х годах гуано из Перу, чилийские нитраты и, наконец, полный спектр минеральных удобрений, которые стали применяться в это время, завоевали симпатии крестьян. Кроме того, открытия Пастера сеют в общественном мнении страх перед микробами: «Его опыты привели к тому, что выгребные ямы стали рассматриваться как резервуары страшных вирусов, пугающих род человеческий». Автор этих строк, инженер Вазон⁴⁶,

безапелляционно обвиняет стационарные выгребные ямы и поет дифирамбы канализации, что позволяет — по крайней мере, в Париже — создать огромную канализационную сеть: во времена Второй империи Белграном было проложено 140 километров в 1852 году, к 1869-му сеть составляла 560 километров.

Надо сказать, что процесс шел не без принуждения: закон от 1894 года по оздоровлению Парижа и Сены встречен собственниками домов враждебно⁴⁷. Архитекторы долго еще будут размещать туалеты где попало, вплоть до выгородки в кухне, потому что не пристало думать о «таких вещах».

Кто живет на последнем этаже?

Остается поговорить о последнем этаже домов, где теперь живут слуги. При Старом порядке прислуга была частью семьи и жила при хозяевах. С начала XIX века слугам больше не разрешается спать там же, где и хозяева, во избежание «случайных связей». Слуги, находящиеся в самом низу социальной пирамиды, имеют право только на то, чтобы хотя бы немного восстанавливать силы перед очередным днем Сизифова труда.

Им приходится довольствоваться маленькими комнатухами на последних этажах богатых домов. На бульваре Сен-Дени с 1828 года сохранился один такой дом, в котором «комнаты прислуги» выходят в длинный коридор. Свет в эти четырехметровые комнатухи без отопления проникает через слуховые окна, водопроводный кран и «турецкий» туалет* — на лестничной площадке. Так в целом выглядели все помещения для прислуги.

По этому поводу высказывались многие авторитетные персоны. Одним из первых был Жюль Симон, на страницах книги «Работница» он раскритиковал новую систему канализации, назвав ее такой же ужасной, как в Венеции. Профессор

* То есть туалет без стульчака: в нем сидят на корточках.

Буардель из Медицинской академии вспоминал о туберкулезе, спускавшемся с последнего этажа. Жюйера — изобретатель санузлов в парижских домах — опубликовал брошюру, в которой указал, при каких условиях комната прислуги может считаться пригодной для жилья. В 1906 году на выставке, посвященной проблеме туберкулеза, демонстрировались фотографии комнаты прислуги в VII округе Парижа, в квартале Елисейских Полей, самом шикарном начиная со времен Луи-Филиппа, и рядом с ней — фотография камеры тюрьмы Френе, которая, в отличие от комнаты прислуги, была вполне пригодна для жилья⁴⁸. В этом вопросе ничего не изменится вплоть до окончания II Мировой войны: хозяева домов привыкли спускаться и подниматься на лифте, но им в голову не приходит обеспечить такими же удобствами жильцов последних этажей своих домов.

Буржуазные дома, окна которых выходят на оживленные улицы, — Париж и другие большие города продолжают застраиваться на протяжении всего XIX века, — несмотря на трехсотметровые квартиры, всего лишь фальшивый фасад, скрывающий темные дурно пахнущие дворы. В период между двумя мировыми войнами перед международной архитектурной общественностью — не забудем, впрочем, о смелых попытках Франсиса Журдена* в 1910-х годах — встанет задача изменить положение и создать более успешные конструктивные проекты.

Особняки

Ни двора, ни сада

При Старом порядке подъем по социальной лестнице завершался приобретением частного особняка. Многие представители знати жили в квартирах, но для главных семей королевства

* Франсис Журден (1876–1958) — французский художник, архитектор, дизайнер.

наиболее знаменитые архитекторы строили дворцы, и разбогатевшие простолюдины подражали им. Так начиная со Средневековья создавалось архитектурное наследие, каждый век был представлен своим стилем, выразившим нужды и чаяния господствовавшего на тот момент класса.

В этом плане в XIX веке сложилась несколько иная ситуация: недавно разбогатевшие буржуа не знают никакой аристократической традиции, зато очень хотят выставить напоказ свое богатство. В результате они не могут устоять перед экстравагантностью архитекторов, выпускников парижской Школы изящных искусств, которые, впрочем, сами являются представителями правящего класса.

Некоторые эмигранты, вернувшись из-за границы, получили обратно свои особняки, а буржуазия поспешила заказать у архитекторов дворцы для себя. Начиная с эпохи Реставрации появляется новый тип особняка. Жилой корпус располагается в глубине двора, а в той части, что выходит на улицу, размещаются конторы и магазины: очень удачное с финансовой точки зрения решение. В квартале Новые Афины на севере Парижа архитектор Константен, много работавший с биржевым брокером Алексисом Доном, будущим зятем Адольфа Тьера, возведет дома в неоклассическом стиле, стоящие в центре дворика-сада, а Феликс Дюбан для немецкого дипломата графа Пурталеса построит за церковью Мадлен особняк в итальянском стиле с главным выходом на улицу.

Буржуазные сумасбродства

Причуды проявляются, например, так. В царствование Людовика XVIII был полностью разобран дом времен Франциска I (XVI век), находившийся в Море, и возведен заново в парке Кур-ла-Рен. Неподалеку от этого места, на авеню Монтеня, кузен императора принц Наполеон увлекся идеей воссоздания помпейского дома, что осуществил для него архитектор

Альфред Норман, влюбленный в Античность. Он должен был соединить археологическую древность — о которой имел весьма слабое представление — с требованиями современного комфорта и парижского климата.

Это время расцвета парижских «шикарных кварталов», появления новых роскошных резиденций, где новые господа — с которыми старые не чураются породниться, чтобы позолотить потускневший герб, — могут устраивать пышные приемы. Это, например, особняк, построенный на площади Мальзерб для Эмиля Гайяра, банкира графа Шамбора, — шедевр в стиле Людовика XII, из кирпича и камня; необарочный особняк шоколадного короля Менье, фасад которого выходит в парк Монсо; братья Перейр получили десять из девятнадцати гектаров парка герцогов Орлеанских, конфискованного в 1848 году, и разбили эту территорию на роскошные участки. Это «Розовый дворец» Бони де Кастеллана*, потомка одной из старейших семей Франции, который без колебаний женился на американской миллиардерше. Согласно воле хозяина, архитектор использовал модель Большого Трианона в Версале и имитировал версальскую парадную лестницу.

Провинция не отстает от столицы — это доказывает пример Лилля⁴⁹: особняки здесь больше, чем в Париже. Фасады 15-метрового здания иногда достигают 20–25 метров в длину, площадь каждого из четырех этажей 300 метров, подвальное помещение, где находится кухня и прочие служебные помещения, антресоль с двумя гостиными, столовой, кабинетом, бельэтаж (здесь размещались спальни), чердак. Сюда не входят бильярдная, библиотека, конюшни, жилые помещения для слуг. Фабриканты считают себя сеньорами и не скрывают своих амбиций. В Лилле незадолго до войны братья Девале, сыновья промышленника из Рубе, вообразили себя архитекторами.

* Бони де Кастеллан (1867–1932) — французский политический деятель, известный денди.

Профессионалы отступили перед их требованиями. Их творение с мраморными колоннами, увенчанное гигантскими гаргульями, напоминает ренессансные дворцы. Все комнаты выполнены в различных стилях, включая неизбежный мавританский. Как принц, вдохновленный астрологом, один из братьев хотел, чтобы его сон соответствовал фазам луны, поэтому его кровать вращалась при помощи швейцарского механизма.

Мыльный король Вессье пошел еще дальше. В 1890 году он поручил архитектору Дюпиру спроектировать замок, стоящий на четырех слонах. Архитектор отказался, но тем не менее нарисовал восточный дворец, увенчанный куполом с витражами: «Это мечта индийского раджи; это каприз, фантазия, буйство цвета, воплощенная в нашей туманной Фландрии».

В этом «архитектурном вагнерианстве» трудно было зайти дальше. Другие промышленники из той же местности, желающие пустить исторические корни, предпочитают для себя неоготические особняки во фламандском стиле с красивыми фасадами, в которых утвердился знаменитый ажурный конек, свойственный архитектуре северных стран. То же явление можно будет наблюдать и в Бретани, в частности в Ренне в эклектичной архитектуре проявятся региональные особенности⁵⁰.

В конце века возник новый тип резиденции крупной буржуазии. Эти дома можно было бы назвать особняками-виллами из-за их чрезвычайно живописного вида, заимствованного у курортной архитектуры. Вдали от центра городов, где еще можно приобрести большие участки земли, среди английских садов появляются строения, описать которые гораздо сложнее, чем классический особняк. Здесь мы видим орнаментальные излишества, возможные благодаря триумфу полихромного кирпича и обработанной древесины. Этот феномен наблюдается в Лилле и Руане⁵¹: выступы, уступы, пузатые эркеры, витиеватые купола, выступающие балки, деревянные балконы. В этих «архитектурных бастардах», не подчиняющихся канонам неоклассики, иногда проявляются тенденции

ар-нуво — изгибы линий, использование различных строительных материалов. Асимметрия форм, в которых архитектурные детали кажутся случайными, позже обнаружится в домах мелкой буржуазии на окраинах крупных городов.

Бильярдные и оранжереи

В частных особняках в XIX веке наблюдаются те же тенденции, что и в многоквартирных домах — например разделение пространства на публичное и частное. К этому добавляются элементы светской жизни и роскошь, которую богатые обитатели особняков могут себе позволить. Первое из этих новшеств — бильярдная. Бильярдные столы появились в Европе на исходе Средневековья, а в XIX веке поклонников этой игры стало больше, что запечатлено на литографиях Домье. Среди прочих — литография «Дождливый день», подпись к которой гласит: «Гость приговорен к шести часам игры через силу». Нет ни одного сколько-нибудь значимого особняка, в котором не было бы бильярдного стола, где, как в Версале во времена Людовика XIV, блистают знаменитые игроки⁵².

Однако самый знаковый элемент богатого дома — это оранжерея или зимний сад. Золя в романе «Добыча» (1871) описывает оранжерею спекулянта Саккара: она приделана сбоку к дому и сообщается с гостиной. Это классическое расположение. Такие легкие конструкции начали появляться в первой половине XIX века, а при Второй империи количество их возросло⁵³. Самый известный зимний сад принадлежал принцессе Матильде, внучке Наполеона I; ее оранжерея многократно запечатлена на картинах различных художников. Просторное помещение освещалось сверху и поддерживалось ионическими колоннами. Благодаря пальмам, плющу и декоративным растениям природа проникала в сердце парижской жизни.

Оранжерея, изображенная Луизой Аббема («Завтрак в оранжерее»), — гораздо более типична. Китчевый декор, столик

с точеными ножками в стиле Людовика XIII, африканское оружие, мавританский поднос, пуфы — все утопает в драпировках и экзотических растениях. Это идеальный антураж для Сары Бернар, подруги художницы. Зимний сад придает изысканности гостиним прустовской эпохи, позволяет шикарной публике беседовать под пальмами, когда за окном идет снег. В отличие от веранд кафе и ресторанов, выходящих на улицу, оранжерея обращена в сторону частного пространства, во двор или в сад. В буржуазных гостиных встречается имитация великосветских оранжерей, часто это лоджия с витражами, выступающая над тротуаром.

Неоготические замки

Если представители крупной буржуазии предпочитают жить в городе, поближе к тому месту, где совершаются серьезные финансовые операции, то знать обратила взоры в сторону деревни, оставленной ею задолго до Революции. Дворяне стали возвращаться на свои земли еще до восшествия на трон Луи-Филиппа, который решительно отстранил их от политической жизни, и сделали попытку восстановить символику своего феодального владычества. Отсюда мода на готику в легитимистских кругах, в то время как буржуазия предпочитала искусство Возрождения, эпохи, отмеченной деятельностью выдающихся личностей, что согласуется с ее индивидуалистической философией.

Долгое время расцвет готики во Франции в годы Второй империи, когда были возведены сотни замков, приписывали влиянию Виолле-ле-Дюка. Так, выставка, организованная Национальным обществом исторических памятников, выявила провинциального мастера, который не является последователем реставраторов Пьерфона⁵⁴. Дальнейшие исследования обнаружат и других. Рене Оде, архитектор из Анжу, построил в своем регионе четырнадцать замков, увеличил и отреставрировал десять дворянских усадеб. Он много работал для сохранившихся

верность легитимистской партии, среди прочих — для графа де Фаллу, для графа де Ларошфуко, для графа де Катребарб. Его заказчики не выносили фривольного искусства философического XVIII века. Хозяева, осознавая ценность своих земель, нередко демонстрировали научный подход к их использованию, стремились, часто не без успеха, вернуть под белые (королевские) знамена деревенское население.

Для них Оде проектировал замки мечты, с симметричными фасадами, имевшими все отличительные признаки феодального владения рыцарских времен: башни, бойницы, черепичную крышу, богато украшенные стрельчатые слуховые окна. Конечно, необходимо было переделать интерьер в соответствии с временем. В подвальном помещении располагались кухни. В бельэтаже по обеим сторонам от холла находились приемные, столовая, гостиная, бильярдная. По второму этажу проходил длинный коридор, соединявший спальни хозяев. На третьем этаже размещались комнаты для гостей и для высшего персонала, комнаты гувернанток, секретаря, детские. Туда можно было подняться по служебной или потайной лестнице, ведущей на площадку второго этажа. В отличие от прежних времен, замок XIX века стоял изолированно, хозяйственные постройки и фермы арендаторов находились на приличном расстоянии. В том же духе Оде перестроит дворянские усадьбы, снесет находящиеся поблизости фермы, что позволит пристроить башенки, и уберет перегородки, чтобы сделать просторнее столовую и гостиную.

Соседняя Вандея была еще сильнее преданна делу короля. Благодаря графу де Шамбору, которого уже считали королем Генрихом V*, в XIX веке было построено две сотни замков⁵⁵. Преобладает готика, но заметен также и ренессансный стиль, в котором в последнее десятилетие века появились «нормандские»

* Граф де Шамбор, герцог Бордоский, был внуком Карла X; формально он правил со 2 по 9 июля 1830 года, но так и не был ни провозглашен королем, ни коронован, оставаясь претендентом на французский престол под именем Генриха V до самой смерти в 1883 году.

черты, названные так в связи с обилием каркасных деревянных стен, настоящих или фальшивых. В этом регионе также не нуждаются в помощи парижских архитекторов. Уроженец Нанта Жозеф Либодьер, бывший ученик Паскаля, ассистент Шарля Гарнье при строительстве Парижской оперы, почти пятьдесят лет занимал пост главного архитектора Вандеи: по его проектам с 1880 по 1906 год будет построено четырнадцать церквей и большое количество замков в неоготическом стиле. На севере Франции, в Бондю, что рядом с Лиллем, Луи Кордонье, очарованный баварским замком Нойшванштайн, построит замок в том же стиле: дюжина фронтонов, фантастические трубы, примостившиеся на покатых крышах, донжон с бойницами, белые кирпичные стены...

В качестве антипода любителям сентиментальной монархической готики выступает Виолле-ле-Дюк, решительный противник увлечения прошлым. Его концепция — решение функциональных задач. Для него Средневековье ассоциируется не с феодалами, а с общинами, в которых появились первые демократические институты. Помимо реставрации Пьерфона, начатой в 1858 году*, — она не будет завершена при Второй империи, — Виолле-ле-Дюк построил пять замков⁵⁶ в разных регионах Франции. Все замки в неоготическом стиле, наиболее законченный из них — замок Роктаяд в Жиронде, отреставрированный и оборудованный согласно пожеланиям хозяев, не скупившихся ради осуществления своей средневековой мечты**. В ярких интерьерах этих замков много растительного орнамента, огромные монументальные каминные и мебель эпохи Средневековья, Ренессанса и XVII века.

* Пьерфон — замок на окраине Компьенского леса. Построен в конце XIV века, частично разрушен в 1617 году по приказу кардинала Ришелье. Начатая в 1858 году реставрация завершилась только в 1885-м.

** Находясь слишком далеко от места строительства, чтобы заниматься им серьезно, Виолле-ле-Дюк поручил работу над этим проектом своему ученику Эдмону Дютюа. — *Примеч. авт.*

Обособняк Ротшильдов

Любовь к неоготике спровоцировала появление ужасных картин: к постройкам XVIII века пристраивались башни-донжоны, они ставились на крышу над слуховыми окнами. Однако некоторые миллиардеры не поддались этому неврозу. В 1829 году Джеймс Ротшильд купил у наследников Фуше замок Ферьер, небольшое здание на берегу пруда, и снес его. Потом обратился к Джозефу Пакстону, архитектору Хрустального дворца. Первый камень будет заложен в 1855 году, работы закончатся три года спустя. Пространство этого квадратного здания с четырьмя одинаковыми башенками по углам организовано вокруг одного большого зала со стеклянной крышей. Это огромный холл, конструкция такого же рода, как та, что принесла Пакстону признание в Лондоне во время проведения Всемирной выставки 1851 года. На первом этаже его окружают комнаты для приема посетителей, гостиные, столовая, бильярдная, игровой зал; на втором этаже размещаются спальни⁵⁷.

Если архитектура Ферьера отличается от того, что предлагалось в Школе изящных искусств Парижа, то его внутреннее убранство уступает натиску окружающего эклектизма. Холл напоминает лавку древностей: белая гостиная в стиле Людовика XVI и кожаная гостиная, скорее ренессансная. В гостевых комнатах, представляющих собой целую анфиладу, видна забота о комфорте: тамбур перед спальней, ванная комната, туалет. Кухни были обустроены в подземном помещении в ста метрах от особняка; они соединялись с кладовыми галереей.

Ротшильды приезжали в Ферьер в начале октября и возвращались в Париж в январе: в деревне они занимались охотой, в лучших традициях французской знати. Так же поступали и Аркуры, которые в июле покидали особняк на площади Инвалидов и отправлялись в замок Сент-Эзож, что в Гатине⁵⁸.

В данном случае речь шла о настоящей экспедиции: перевозилось не только столовое серебро, фарфор и стекло, но и детские игрушки, учебники, рояль и т. д. Здесь мы видим ту же структуру: гостиную, столовую, бильярдную, библиотеку на первом этаже; десяток хозяйских спален и комнат для гостей на втором этаже; на третьем — детские, слуги — под крышей. Вплоть до Рождества замок не пустеет.

«Нормандское шале»

В XIX веке представители старых дворянских фамилий и «парвеню» обратили взоры на курорты, которые стали во множестве появляться на всех французских побережьях⁵⁹. Некоторые, как, например, Аркашон, возникли с легкой руки опытных бизнесменов, вроде братьев Перейр⁶⁰. Их не очень заботила архитектура, и вскоре здания уже не представляли собой виллы с верандами в колониальном стиле, как это было в первое время. Каждый дом приобретет свой собственный вид, в результате чего сложится мозаика из неоготических строений, вилл в мавританском стиле или швейцарских шале, богато украшенных деревянной резьбой.

Шале, идея которого была позаимствована в конце XVIII века в швейцарских кантонах, любимое крестьянами горной местности, первоначально украсит все английские парки на континенте. В дальнейшем такой тип здания войдет в моду на модных курортах. Их будет много в Довиле, где, как и в Аркашоне, можно найти и противоположные им по стилю здания⁶¹: вила принцессы Саган напоминает персидский дворец, а дом маркизы Монтебелло — замок Людовика XIII. Постепенно в конце XIX века в моду войдут фахверковые конструкции «нормандского шале», которое американский миллиардер Вандербильт, чьи потомки будут продолжать опустошать территорию Франции, выберет для своей «хижины».

«Хижины»

Мода на деревню

Судя по многочисленным работам и газетным статьям⁶², а также по успеху романов Бальзака и Жорж Санд*, в эпоху Реставрации и Июльской монархии сельскохозяйственные вопросы живо интересовали просвещенную публику. Впрочем, их нравоучительные сюжеты могли лишь заморочить голову читателю, принимая во внимание предвзятость суждений. Для Бальзака крестьянин, этот неутомимый «грызун», денно и ночью дробящий на куски землю со времен Революции, — существо низшее и аморальное, которое непременно станет могильщиком буржуазии. Доверившись мифу о Дикаре, автор «Сельского врача» смотрел на французских крестьян, как Фенимор Купер на краснокожих и как Эвелина Ганская на своих мужиков, воздающих ей лицемерные почести. Что касается героев произведений Жорж Санд, они все как статуэтки севрского фарфора. Ее «честные труженики» и «молодые пастушки», всегда милые и хорошо одетые, живут в «прелестных хижинах», а на столе у них всегда свежий хлеб и жареная курица, которую они запивают легким местным вином.

Таким образом, бесполезно искать у этих двух авторов точное и правдивое описание реальных условий жизни в деревне — миф и поэзия не потерпели бы этого. В то же время многие архитекторы в послереволюционное время разрабатывали концепцию крестьянского дома, внедрение которой в жизнь могло существенно улучшить положение крестьянства. Среди них — таинственный Франсуа Куантро, создавший в 1790 году в Париже школу сельской архитектуры и переехавший потом в Лион. В своих трудах он развил идеи касательно глинобитных конструкций и крыш из негорючих материалов⁶³.

* «Сельский врач», «Сельский священник», «Крестьяне», «Франсуа-найденый», «Маленькая Фадетта», «Чертово болото». — *Примеч. авт.*

Его последователем окажется Ластери дю Сайан: в 1802 году он без колебаний переводит книгу, выпущенную в свет Лондонским сельскохозяйственным бюро, с прилагаемым к ней атласом строительных материалов⁶⁴. Прежде чем во времена Второй империи появится фундаментальный труд Луи Бушара-Узара⁶⁵, будет много других работ, посвященных той же теме⁶⁶. Их авторы настаивали на необходимости разделения жилья и надворных построек не из соображений престижа, но для удобства и соблюдения гигиены.

Халупы бедняков

Что представляли собой мелкие фермы, которых на территории Франции было большинство? В свойственной ему живой манере инженер Виктор Консидеран, последователь Шарля Фурье, описал свои впечатления от путешествий по французским деревням⁶⁷: «Следует увидеть Шампань и Пикардию, Лотарингию и Ниверне, Солонь, Лимузен, Бретань и т. д., и увидеть их с близкого расстояния. В домах одна комната, которая одновременно и кухня, и столовая, и общая спальня — для отца, матери, малышей... Эта же комната еще и подвал, и чердак, и амбар, и птичий двор. Свет проникает внутрь через узкие щели, все продувается насквозь, стекла почерневшие и разбитые, если они есть. Существуют целые провинции, в которых практически не используется оконное стекло. Помещение освещается чадящей масляной лампой. Пол земляной, неровный и сырой, кое-где встречаются лужи. Вы входите внутрь. По полу ползают маленькие дети. Говорю вам, я видел там уток, которые ищут корм!»

Возмущение Консидерана подтверждается объективными данными. Самое раннее обследование из тех, что нам удалось изучить, относится к первым годам Июльской монархии. Оно опубликовано в докладе департаментского совета по здравоохранению и содержит данные по деревне в окрестностях Труа⁶⁸.

Автор доклада заявляет, что в этой деревне, где проживают четыреста два человека, нет никакого понятия о гигиене. Все дома построены из земли и крыты соломой. В каждом из них всего одна комната, в которой проживает до десяти человек: «Именно здесь готовится их еда, здесь свалена в кучу пропитанная потом одежда, здесь созревают сыры, здесь подвешены засоленные туши, служащие им пищей».

Практически в тех же терминах в одной медицинской диссертации того же времени описываются дома городка Тарн⁶⁹: «В одном и том же месте готовится пища для людей, свалены отбросы, идущие на корм животным, и мелкий сельскохозяйственный инвентарь; в одном углу стоит каменное корыто, в другом — кровати; с одной стороны висит одежда, с другой — засоленные туши; здесь же киснет молоко и поднимается тесто; здесь же едят и справляют свои физические нужды домашние животные; через короткую и широкую трубу входит ледяной воздух и выносятся дым. Вот в какой обстановке живет земледелец и его семья».

Однажды доктор Виллерме оставил город, свою обычную территорию обследования, и обратил внимание на крестьян. Его оценка не слишком отличалась от оценок его предшественников: «Это надо видеть. Надо войти в жилище бедного бретонского крестьянина, в его убогую хижину, крыша которой почти срослась с полом, а стены почернели от дыма. В этой ужасной халупе, куда свет проникает лишь через открытую дверь и гаснет, когда она закрывается, живет его полураздетая семья, весь скарб которой состоит из колченогого стола, скамьи, котла и нескольких предметов домашней утвари из дерева или глины; в качестве кровати — какой-то ящик, вместо постельного белья и одеяла — охалка соломы; в другом углу этой конуры на куче навоза жует свою жвачку тощая корова (хорошо еще, если она есть), молоко которой кормит всю семью»⁷⁰. По сведениям префектур, Виллерме насчитывает четыреста тысяч крестьянских домов в Бретани, в которых не больше трех оконных и дверных

проемов. Похожее описание за пятьдесят лет до Виллерме дал Камбри, автор «Путешествия в Финистер»⁷¹: он говорит о хижинах, полных дыма, где пол не покрыт ни плитами, ни досками, где в ямах копошатся дети.

На закате Июльской монархии деревенский дворянин из Ниверне А. де Бургуэн⁷² публикует небольшую работу, в которой подхватывает тон Консидерана: «Жилище крестьянина тесное, сырое, темное; чаще всего в нем нет окон; свет и воздух проникают в него только через плохо закрывающуюся дверь; зимой сквозь нее в дом входит холод, и в любое время года — зловонные испарения навоза и нечистот, гниющих в лужах прямо перед домом».

Такая же ситуация — в соседней Верхней Вьенне; о том, что там творится, сообщает наблюдатель на заседании генерального совета⁷³: «В наших деревнях нет и десятой части домов, в которых условия жизни можно было бы признать сносными с точки зрения гигиены, не говоря уже о морали. <...> Большинство фермерских домов — одноэтажные, в них не больше двух комнат общей площадью двадцать пять квадратных метров. Полы сырые, если они выложены плитами, то плиты эти плохо соединены. Высота потолка — не более 2,33 метра, низкая дверь, никаких стекол в окнах. В кухне — убогая мебель, какая-то домашняя утварь; в спальне кровати, одинаковые для всех, вне зависимости от пола и возраста. На сеновале, как правило, четыре, пять, шесть спальных мест».

Существует множество подобных примеров, которые нет нужды приводить здесь, настолько они однообразны и безрадостны⁷⁴. Сельский пролетарий, живущий в одном помещении со своим скотом, находится в нездоровой обстановке, несмотря на «свежий воздух», о пользе которого ему ничего не известно и от которого он поэтому стремится спрятаться в своем убогом жилище. В результате консерватор Адольф Бланки согласился с утопистом Консидераном, написавшим в *Journal des économistes* следующие строки⁷⁵: «Не увидев,

невозможно представить себе все убожество одежды, мебели и пищи обитателей наших деревень. Есть целые кантоны, где одежда передается от отца к сыну; где вся домашняя утварь — это несколько деревянных ложек, а мебель — это скамья и шаткий стол. Сотнями тысяч исчисляются люди, которые никогда не знали, что такое постельное белье, никогда не носили обуви; миллионы людей не пьют ничего кроме воды, никогда или почти никогда не едят мяса и даже белого хлеба».

Не была ли нищета крестьян следствием их индивидуализма? 16 ноября 1936 года Эмиль де Жиранден описывал в газете *La Presse* одну коммуну из парижского предместья, где 1540 гектаров земли были «разделены на 38 826 клочков». Можно ли было интересоваться судьбой таких дикарей?

Места, где плодится инфекция

Несмотря на то что во Францию пришла эпоха Второй империи, в деревнях по-прежнему царит Старый порядок. Рассмотрение четырех медицинских диссертаций⁷⁶ показывает, что повсеместно люди живут вместе с животными, помещения не проветриваются, в печах отсутствует вытяжка, вся семья живет в одной комнате. Следствие такого положения вещей, как отмечает доктор Луи Карадек⁷⁷, — формирование среды, идеальной для распространения некоторых болезней: «Обстановка в этих низких, сырых, темных домишках, где люди и животные живут вместе, способствует появлению золотухи и туберкулеза и вызывает гнойную инфекцию. Появляются абсцессы, кариес, болезни суставов. В первую очередь непобедимость кожных болезней в деревнях связана с недостатками в строительстве, с антисанитарией, и уже потом — с плохим питанием и наследственностью».

В начале периода Третьей республики рабочих и крестьянин постепенно становятся инструментами политических партий. Бывший коммунары Артюранк запрещает писателям рассказывать о рабочих, тогда как крестьянин принадлежит

правым, которые пытаются сохранить легенду. Так, сразу после выхода из печати романа Эмиля Золя «Земля» (1887) автор был обвинен в клевете на французское крестьянство. Справедливости ради надо сказать, что горожанину не достаточно недельного пребывания в деревне, чтобы правильно описать сельскую жизнь, несмотря на всего его романтические иллюзии. Золя в своих описаниях фермы ограничивается дважды повторенной фразой: «Четырехугольный двор Бордери, ограниченный с трех сторон хлевами, овчарней и амбарами, был совершенно пуст». И несколькими страницами позже: «По трем сторонам большого квадратного двора тянулись длинные постройки: в глубине находилась овчарня, направо — амбары, налево — хлев, конюшня и жилой дом»*.

Отметим, что на научном уровне сведений практически не было. Помимо того, что можно найти у Бодрийяра^{78,**}, существует всего одно общее исследование сельских поселений во Франции конца XIX века, опубликованное в 1894 году под руководством А. де Фовиля и озаглавленное «Типовые дома». Оно включает в себя пятьдесят одну монографию, посвященную домам из разных регионов Франции, но не сообщает ничего нового об эпохе Наполеона III. Слишком общий план изложения и заключения, которые делают авторы на основании некоторых фактов, в один голос оплакиваемых в ту эпоху, оставляют это исследование на полях прогрессистского движения. Приведем два примера такого типичного пассажа из романа некоего Рене Базена, вышедшего в свет в период между двумя мировыми войнами. Монография № 23, дом в альпийской долине Вальгодемар: «Как бы ни было прискорбно скопление всех членов семьи в одной тесной конуре, на морали это никак не сказывалось. Я жил там и никогда не слышал ни

* Перевод Б. Горнунга.

** Имеется в виду не философ, а французский экономист Анри-Жозеф-Леон Бодрийяр (1821–1892). — *Примеч. ред.*

о каком скандале. Деятельная жизнь, благонравные привычки, строгие отец и мать — все это ни в коей мере не способствовало распушенности нравов». Монография № 46, типовой дом в Авранше: «Мораль совершенно не страдает от того, что все или почти все жители дома спят в одной комнате; наоборот, благодаря этому возможен взаимный контроль. Общая спальня предпочтительнее кельи. Это, конечно, не совсем прилично, но это меньшее зло, чем предполагают те, кто привык жить в своей собственной отдельной комнате».

Десятью годами ранее доктор Лайе в большой работе⁷⁹ приводил примеры, собранные по всей Франции, с самого начала века осуждающие крестьянский стиль жизни: «Мы считаем своим долгом, — писал он, — показать, как мало внимания уделяет крестьянин своему дому, в котором кроются все причины ухудшения здоровья проживающих. Непроходящая сырость, отсутствие свежего воздуха, теснота, зловонные испарения — таковы пагубные влияния нездоровой обстановки, которая сводит на нет всю пользу от дня, проведенного на солнце».

В таких условиях периодически возникают эпидемии дизентерии, брюшного тифа, холеры. В 1888 году в округе Лорьян от оспы умерло 782 человека; в 1890 году там же 232 ребенка умерли от кори. Доктор Ле Шевалье утверждает даже, что в Бретани встречалась проказа, что обсуждалось в Медицинской академии⁸⁰.

Во всех работах, касающихся медицинской топографии, столь распространенных в XIX веке, повторяется мысль о нездоровой обстановке в крестьянских домах. Конечно, встречались и положительные примеры, но их меньшинство, и их можно было обнаружить в хозяйских домах. Деревенский мир решится изменить условия повседневной жизни и принять городские гигиенические нормы лишь после II Мировой войны. Отметим особо, что эти изменения произойдут достаточно быстро потому, что будут результатом действий самих заинтересованных лиц, ведомых профсоюзными организациями.

Городские трущобы

Золотой век трущоб

Жилищные условия неимущих классов долгое время оставались без внимания специалистов по социальной истории, которые довольствовались упоминанием об их неэстетичности. Удивительно, но Анри Се — человек левых взглядов — упрекал Артура Юнга*, путешествовавшего по Франции накануне Революции, в том, что он ругал грязные кривые улицы старых городов и не оценивал их «живописность»⁸¹. Подпись Луи Жирара к фотографии Марвиля, сделанной в годы Второй империи⁸², — «Живописная интимность старого города» — может показаться очень странной в свете работ, появившихся в два последних десятилетия⁸³.

Теперь широко известно, что скандал с жильем простонародья в течение всего XIX века был вызван социальными реформаторами, стоявшими на самых разных позициях — от консерваторов до анархистов, настроенных против любой собственности. В Париже, на наиболее изученной территории, наблюдения велись с самого начала века. Все они говорят о тесноте и антисанитарии, царящих в домах рабочего класса, что подтвердит официальное расследование, проведенное в 1832 году в Париже после эпидемии холеры, унесшей 18 602 жизни⁸⁴. В заключение доклада говорится: «Скученность бедняков в грязных тесных трущобах увеличила количество жертв эпидемии». На самых грязных и узких улицах смертность составила 33,87 на 1000, в других районах города — 19,25 на 1000.

Барон Осман, перестраивавший город в годы Второй империи, занимался лишь богатыми кварталами и вытеснял пролетариев на периферию⁸⁵. Несмотря на все его блестящие успехи, трущобы никуда не делись. В конце 1859 года Луи Лазар

* Артур Юнг (1741–1820) — английский писатель, много путешествовавший по Европе.

приводит в своем журнале *Revue municipale* следующие факты: «Бегло осмотрев Париж от центра до фортификационных укреплений, мы обнаружили 269 улочек, кварталов, дворов, пассажей или вилл, построенных в обход какого бы то ни было муниципального контроля. Большинство этих частных владений весьма уродливы, существуют незаконно и вызывают отвращение». В романе «Деньги» Золя изображает такого «незаконного содержателя», который следит за своими «жалкими постройками, сделанными из земли, старых досок и листов оцинкованного железа, похожими на груды развалин», сидя в доме, построенном из добротных камней и стоящем на красивой улице.

В последней четверти XIX века в социальном анализе начинают действовать количественные принципы. Теперь стали доступны цифры, придающие больший вес эмпирическим данным, отношение к которым по-прежнему остается весьма уважительным. Появляется все больше официальных документов, касающихся трущоб: описание кварталов Жанны д'Арк, Доре и Крумир стало классическим примером социальных исследований, проводимых многочисленными врачами и «филантропами»⁸⁶.

В бедных парижских округах — VI, XIII, XIX и XX — обнаруживаются кварталы, пассажи, тупики, где заправляет мафия главных квартиросъемщиков, которые, сняв территорию на длительный срок, застраивают ее одноэтажными хибарами частично из досок, частично из строительного мусора, и сдают эти так называемые квартиры на неделю. Также надо упомянуть поселенцев, живущих без всяких прав в зоне *non aedificandi** в районе стены Тьера**, которая показала всю

* Зона *non aedificandi* (лат.) — территория, которая по тем или иным причинам не подлежит застройке.

** Стена Тьера — оборонительная городская стена, возведенная в первой половине 1840-х годов. Снесена в 1920-х.

свою бесполезность во время осады Парижа в 1870 году. Они присоединяются к прежним собственникам, владевшим территорией в момент возведения защитных сооружений, и не возятся с лишними бумажками. При помощи колышков и металлической проволоки эти смельчаки обозначают захваченные участки на территории «апашей», чтобы в дальнейшем сдавать их более простодушным беднякам⁸⁷.

Ничего удивительного в том, что в этой антисанитарной среде эпидемии наносят тяжелый удар. В 1873 году брюшной тиф в Париже унес 869 жизней; в 1882-м количество жертв составило 3352. От холеры в 1884 году умерло 986 человек. Доктор Бюккуа, автор доклада по этому вопросу, констатировал, что болезнь никогда не проникала в благоустроенные дома, содержащиеся в порядке, где владелец обеспечивал доступ жильцов к воде: «Мы обследовали все места, где эпидемия нанесла наиболее сильный удар; там, где соблюдаются элементарные правила гигиены, не было ни одного случая заболеваний»⁸⁸. Последняя в XIX веке эпидемия холеры в департаменте Сена убила еще 1797 человек, 906 из них — в Париже. Самые пострадавшие округа — XI (104 жертвы), XVIII (116) и XIX (106)⁸⁹.

Релевантные данные опросов

Наиболее полно вопрос перенаселенности столичных домов будет освещен в работе доктора Жака Бертильона, руководителя службы статистики Парижа и брата изобретателя антропометрии⁹⁰. Статистические данные собирались в ходе переписи населения 1891 года, был составлен специальный опросник. Результаты, полученные в пригородах Парижа, использовать было нельзя, так как большинство опрошиваемых не участвовали в опросе или отвечали неточно из опасений, что обследование приведет к появлению новых налогов.

В Париже, напротив, не ответило лишь 2%. В основном это были одинокие люди, проживавшие в неблагополучных

кварталах. В результате в опросе приняло участие 884 345 семей. Доктор Бертильон, посетовав, что статистические данные по поводу жилищных условий населения во Франции отсутствуют, сделал следующий вывод: «Мы считаем жилплощадь перенаселенной, если количество членов семьи вдвое превышает число занимаемых комнат: например, если в трех комнатах проживает семь человек или в четырех комнатах — девять».

Чем более многочисленна семья столичных жителей, тем хуже ее жилищные условия: только 35% семей из двух человек, 27% семей из трех человек, 20% семей из четырех человек, 18% семей из пяти человек, 13% семей из шести человек располагают больше, чем одной комнатой на человека. Согласно Бертильону, 331 976 парижан, то есть 14%, живут в ужасающей тесноте. Демографы сопоставили такие показатели, как перенаселенность и смертность. Там, где в одной комнате проживало наименьшее количество лиц, в VIII и IX округах, смертность была ниже, и наоборот, в XIII, XIX и XX округах кривая смертности шла вверх.

Тем временем на протяжении всего XIX века цены на небольшие квартиры продолжали расти, как и заработная плата — с 1853 по 1891 год заработки выросли на 48%, — но удел неимущих классов — нестабильность положения: понижение зарплаток в период депрессии, сокращение рабочего времени, увольнение при снижении количества заказов; экономисты той эпохи называли это положение «нормальной» безработицей. Как же сверстать бюджет в таких условиях? Доктор дю Мениль продемонстрировал это множество раз: рабочий, который работает на постоянной основе в мастерской, может лишь приблизительно прикинуть свои доходы и расходы, потому что ему надо иметь в виду возможную болезнь и внезапную потерю работы. «Что же касается поденщиков и надомников, живущих одним днем и не имеющих никаких гарантий работы не то что на месяц или неделю, но и на завтра, — для них планирование бюджета невозможно».

В провинции ситуация была не лучше, чем в Париже — это подтверждает знаменитое обследование Виллерме, проведенное в годы Июльской монархии⁹¹. Тем не менее надо сказать, что добрейший доктор не занимался благотворительностью, как и Адольф Бланки — тот потребует специального законодательства по поводу жилья, «антисанитарное состояние которого является основной причиной преждевременной смертности и беспримерного имморализма, выкашивающего население некоторых наших крупных городов»⁹². Медицинские обследования, проведенные по всей Франции, и отчеты советов по здравоохранению полны описаний жилья, непригодного для проживания. Доступ к этим документам затруднен, но есть и другие тексты, доступные всем. «Работница в Европе» Жюля Симона, оппозиционера времен Второй империи, — одна из самых успешных книг второй половины XIX века⁹³. Здесь можно найти подробнейшее описание городских трущоб. «Все промышленные города представляют собой одну и ту же картину», — заключает автор.

Жилой комплекс для рабочих «Наполеон»

Еще в начале века прозорливые умы поняли, что хорошее жилье — ключ к общественному согласию и лучшее средство борьбы с утопиями, а после 1848 года — с социализмом. В начале 1849 года в Париже было создано общество, которое предлагало строить в двенадцати столичных округах добротное жилье по ценам ниже, чем рабочие платят за свои грязные конуры. Эти квартиры состояли из кухни и одной-двух комнат. Принц-президент внес значительную сумму, так же как и несколько Друзей Порядка*. Сначала был построен жилой комплекс на улице Рошшуар, 58 (XI округ), который существует до сих пор. Это было первое социальное жилье.

* Так называли себя противники Парижской коммуны.

Торжественно открытый 18 ноября 1851 года, комплекс получил императорское имя — «Наполеон» — и был полностью заселен к 1853 году. В этом жилом комплексе в двухстах квартирах проживало шестьсот человек. Самая большая квартира состояла из комнаты с печкой, большого светлого кабинета и маленькой кухни-прихожей. Санузлы размещались на каждом этаже и были общими. Во дворе находилась колонка-гидрант, где можно было брать воду. Консьерж поддерживал порядок на лестницах, жильцы имели доступ к прачечной и бане, маленьких детей при необходимости оставляли под присмотром в специальном помещении, по утрам можно было получить бесплатную медицинскую консультацию, а в случае надобности вызвать врача на дом⁹⁴. Все эти удобства очень высоко оценивались жильцами.

Арман де Мелен и закон от 1850 года

В то время как строился «Наполеон», в палате депутатов состоялась серия дебатов, главной темой которых было жилье для народа. Инициатором выступил виконт Арман де Мелен, первый сторонник социального католицизма, которому удалось включить идеи благотворительности в законодательство⁹⁵.

В 1847 году он основал Благотворительное экономическое общество и в 1849 году был избран в Законодательное собрание, где сразу же внес законопроект, посвященный оздоровлению трущоб и запрету антисанитарного жилья.

Он заявил, что его предложения не являются уступками социалистам, он не выступает против права частной собственности: «Мой законопроект направлен против безжалостности, против несоблюдения божественных и человеческих законов, против злоупотреблений, не знающих границ, против алчности». Предлагаемые им меры были весьма осторожными, одновременно прогрессивными и консервативными. Каждому муниципальному совету поручалось создать комиссию из

специалистов, которые будут выявлять антисанитарное жилье и запрещать его использование. Это отсутствие принуждения, в то время как во всех коммунальных советах преобладают собственники жилья и другие важные лица, сводило на нет закон от 13 апреля 1850 года, который почти никогда не применялся — лишь в Париже Осману удалось адаптировать его к своим замыслам.

Во времена Второй империи домовладельцы не пытались последовать примеру дома на улице Рошшуар. Тем не менее историк Жан-Пьер Баблон смог найти в Париже жилой комплекс под названием «Гобелен» — сегодня это дом номер 59–61 на авеню Гобеленов. Дом был построен в 1854 году господином Левеком. Это был «комплекс зданий, адаптированных к нуждам рабочего класса... лишенных известных неудобств, которые можно встретить в домах для рабочих». Так говорил застройщик, явно не желавший иметь ничего общего с фурьеризмом.

Все специалисты, изучавшие столичную благотворительность, не раз сообщали, что самые большие доходы собственники жилья получали из бедных парижских округов. Этот парадокс замечательно объяснила Аделина Домар: «В бедных кварталах квартплата по отношению к стоимости домов была выше, чем в богатых кварталах, не только в относительном выражении, но и в абсолютном, потому что расходы на содержание домов были сведены к минимуму, тогда как в богатых или коммерческих районах домовладельцы вынуждены были проводить дорогостоящие работы по ремонту и оснащению зданий, чтобы удовлетворить требования жильцов».

Перед лицом опасности социализма, вновь возникшей с возвращением из Новой Каледонии ссыльных коммунаров (Гед и Лафарг* создали рабочую партию, активизировались

* Жюль Гед (1845–1922) — французский политик-социалист. Поль Лафарг (1842–1911) — французский экономист и политик, теоретик марксизма, зять Карла Маркса.

анархисты, для которых «честный человек — это не тот, кто исправно платит за квартиру»), у консерваторов появляется идея «индивидуальной инициативы».

Первые филантропические решения

Филантропическому обществу, на протяжении целого столетия занимавшемуся благотворительностью и представленному громкими именами, в 1888 году было поручено совершенно новое дело — освоение средств фонда Гейне. В 1889 году был полностью заселен 35-квартирный дом № 45 по улице Жанны д'Арк в XIII округе (архитектор Шаброль). Квартплата в среднем составляла 227 франков в год для двухкомнатной «квартиры», общая площадь которой не превышала 29 квадратных метров. Это обстоятельство не помешало отдельным «филантропам» удивляться тому, что рождаемость в доме не повысилась. Почти одновременно по проекту того же Шаброля был построен еще один многоквартирный дом на бульваре Гренель в XV округе, в котором было сорок шесть квартир немного большей площади; средняя квартплата составляла 316 франков в год⁹⁶.

О чем еще стоит упомянуть? В 1890 году Железнодорожная компания «Париж — Орлеан» организовала Общество экономичного жилья. Вскоре с ней стала конкурировать железно-дорожная компания «Париж — Лион — Средиземное море». По ее заказу были построены четыре дома: № 10 и 12 по улице Дюнуа и № 123 по улице Шевалере (XIII округ), № 54 по улице Кориолис (XII округ): в целом — сто тридцать три квартиры по 32 квадратных метра (вместе с домом на улице Жанны д'Арк) по 282 франка в год. Обеспечен минимальный комфорт: вода, туалет в каждой квартире, мусоропровод. Этим все и ограничилось в Париже. Настоящих друзей бедняков гораздо меньше в этом городе, хотя «проекты» насчитываются сотнями.

В провинции тоже приходится искать постройки, сделанные по частной просвещенной инициативе. С начала XIX века

руанские трущобы были описаны многократно; в 1885–1886 годах некто Эдуард Лекёр, инженер-архитектор, в самом бедном районе города на деньги Анонимного общества владельцев маленьких квартир, состоящего из видных жителей города, построил комплекс «Эльзас-Лотарингия»: шесть пятиэтажных домов, три квартиры на лестничной площадке, две трехкомнатные, одна двухкомнатная, пятнадцать магазинчиков в первых этажах. Для рабочего жилья комфорт был просто неслыханным: газ, санузлы со сливным бачком, мусоропровод, канализация, прачечные, медпункт, даже пресс для сидра — очень редкий пример включения элементов сельской жизни в городскую среду⁹⁷.

Лион всегда был центром благотворительной инициативы, поэтому неудивительно, что в 1886 году банкир и политический деятель Эдуард Эйнар, а также строители железной дороги Феликс Манжини и Ж. Жилле основали Анонимное общество экономичного жилья с капиталом в 300 000 франков. 1 июля 1887 года были построены и заселены пять пятиэтажных домов на улицах Эсслинг и де ла Рез в III округе. Квартиры состояли из трех комнат, каждая от 11 до 16 квадратных метров. Низкая себестоимость была обеспечена использованием «шлакоблоков, которые со временем твердеют и становятся настоящим монолитом»*. Другие комплексы появятся на улицах Жабулэ и д'Анвер; некоторые из них недавно были перестроены.

В 1902 году, после смерти Манжини, Общество, которое он всеми силами поддерживал, стало самым крупным собственником недвижимости в Лионе, уступая только Hospices (университетской больнице Лиона). В полутора тысячах квартир ста тридцати домов, принадлежавших Обществу, проживало около восьми тысяч человек. Предрассудки о неплатежеспособности рабочих отступали перед цифрами: просрочки по

* В 1891 году Манжини опубликовал работу «Небольшие жилища в больших городах, особенно в Лионе», в которой обвинял архитекторов, не способных строить экономично. О Манжини см. брошюру Э. Эйнара «La Vie et les Œuvres de F. Mangini» (1903). — *Примеч. авт.*

квартплате в 1902 году составили 536,80 франка при суммарных выплатах в 389 818 франков.

Можно сделать следующие выводы. Были выполнены плотные проекты. Застройщики иногда проявляли активность и разумность. Количественные результаты смехотворны, за исключением ситуации в Лионе, — слишком велика была потребность в дешевом жилье. Замкнутые в своей системе, тогдашние «либералы» не хотели понять, что сначала следовало резко поднять уровень жизни и уже потом искать решение проблемы. Они всегда презрительно относились к народу.

Еще один «необязательный» закон

Закон от 30 ноября 1894 года, первый французский закон, который открывал источники кредитования, позволяющие строить дешевое жилье, не принес результатов разработчикам, Жюлю Зигфриду и Жоржу Пико: они ожидали, что правящий класс отнесется к нему с должным вниманием. Ни Налоговая касса (la Caisse des dépôts), ни сберегательные кассы не захотели рисковать и вкладывать деньги, которые доверил им народ, в операции, целью которых тем не менее являлось именно народное благосостояние.

«В заключение, — уточнил Пико на заседании Французского общества дешевого жилья⁹⁸ в феврале 1905 года, — законы от 1894 и 1895 годов задолжали французским строительным компаниям более пяти с половиной миллионов, тогда как Сберегательная и пенсионная касса Бельгии выделила более пятидесяти миллионов на строительство в Бельгии. Маленькая страна с населением в шесть раз меньше нашего сделала дело в десять раз значительнее нашего!»

Таким образом, все остается на уровне благотворительности. В 1905 году, как и до 1894-го, в судьбах миллионов семей не произошло никаких улучшений. «Рабочий живет так, как может, а не так, как хочет. Он не может выбирать между просторной

квартирой и конурой; ему предоставляют одну или две комнаты, почти никогда — три; сколько бы детей у него ни было, ему приходится довольствоваться тем, что ему предлагают, и платить назначенную цену. В первую очередь полагается соблюдать требования собственника жилья». Этот вывод сделан на основании обследования жилья рабочих округа Люневиль в 1896 году, но то же самое можно сказать и обо всей Франции в целом.

Такая ситуация очень плохо сказывалась на семьях и морали. «Рабочий, тратящий на жилье 12–15% заработка и при этом живущий с женой и детьми в ужасающей тесноте, духоте, антисанитарии, пользуется любой возможностью уйти из дома. Недовольный собой, своим окружением, пребывая в плохом настроении, он влезает в долги и, случается, бросает работу. Не в силах победить нищету, он кочует из города в город, и его дети мечтают лишь о том моменте, когда они станут свободны и смогут вырваться из этой среды». Так писал автор работы о жилье рабочих в округе Маренн в 1898 году.

Общественная инициатива частных лиц в жилищном секторе потерпела неудачу. Социальное неблагополучие чувствовалось сильнее, чем когда-либо. Да и могло ли быть иначе в условиях соглашательства с властью? Промышленники и банкиры приняли Республику только на условиях ее полного невмешательства в дело накопления капиталов. Игра на бирже была гораздо более доходным делом, нежели строительство дешевого жилья, и правящие классы — и их клиенты-рантье — с жаром отдались ей*. По признанию Леона Сэя**, одного из руководителей Третьей республики, «благотворительность имеет границы, а хорошее размещение капитала — нет».

* Согласно Ежегодному статистическому справочнику за 1894 год (*Annuaire statistique de la France, année 1894*), количество котируемых ценностей на Парижской бирже в этом году возросло до 938. В 1869 году оно составляло 402. — *Примеч. авт.*

** Леон Сэй (1826–1896) — французский экономист, дипломат, государственный деятель.

От фаланстера к рабочим поселкам

Фаланстер инженера Консидерана

Концепция унитарного жилья, изобретение Шарля Фурье, вызвала к жизни — скрыто или явно — появление множества систем и конкретных опытов в области строительства жилья для народа, и так продолжается до наших дней: подсчет денег пророка Гармонии не прекращается. Проницательный наблюдатель реальности своей эпохи, он не мог игнорировать то, что бросалось в глаза: «Наши моралисты, противники совместного труда представителей разных полов, не видят ничего ужасного в том, что три десятка бедняков, мужчин и женщин, набиваются, как селетки в бочку, на чердаки, вперемешку с больными. Цивилизованный обычай это допускает»⁹⁹. Фурье не понаслышке знал «грязные и уродливые города»¹⁰⁰ и деревни, «скопище отвратительных хижин»¹⁰¹.

В его идеальном обществе люди будут жить не в «хаотически стоящих домишках, соревнующихся, который из них грязнее и уродливее», — семьи будут жить в «фаланстерах» или «общественных дворцах», вмещающих до трех с половиной тысяч человек. Фурье приводит схематический план своего фаланстера и дает краткое пояснение к нему. Мысль будет подхвачена Виктором Консидераном, одним из первых популяризаторов идей Фурье¹⁰².

Здание, которое воображает Консидеран, повторяет прототип, придуманный учителем, однако, будучи инженером, он дополняет проект большим количеством технических подробностей и формул. Вот как Консидеран описывает структуру нового жилья: «В нем все предусмотрено, организовано и скомбинировано, и человек по-хозяйски управляет водой, воздухом и теплом». Горячая и холодная вода будет проведена в каждую квартиру, будет установлено центральное отопление: «Одного центрального калорифера будет достаточно, чтобы распространять тепло по всем частям здания: подавать его

на галереи, в мастерские, залы и квартиры. Тепло будет проводиться по системе труб, снабженных кранами, при помощи которых можно регулировать температуру в любой точке общественного дворца».

Предполагается, что фаланстер будет разделен на рассчитанные на любой кошелек квартиры с мебелью или без нее. Благодаря централизованному снабжению цены на еду в местном ресторане будут приемлемыми. Все квартиры на каждом этаже будут выходить на застекленную галерею, открытую летом и отапливаемую зимой; галерея обеспечит единство общественного дворца: «Галерея, которая опоясывает здание, соединяет все его части в единое целое, обеспечивает контакт центра и периферии здания, является каналом, по которому циркулирует жизнь в большом теле фаланстера, артерией, по которой из сердца ко всем венам перейдется кровь»*.

Функциональное здание фаланстера не будет только лишь «машиной для проживания»: «Там надо будет гармонично соединить воду, огонь, свет, гранит и металлы; это будет творческий процесс!» «Этот идеал слишком красив, чтобы его невозможно было создать!» — патетически завершил Консидеран свой труд. «Если у вас есть жилье, то у других его нет! Многие люди страдают зимой от холода, летом от жары, вам это известно? Есть и такие, чьи соломенные тюфяки промокают, когда на улице дождь, чей пол превращается в грязь! Человек не создан для того, чтобы жить в берлоге. Человек — это не животное, он не может жить в норе. Это человек, он нуждается в жилье!»

Нет такой абсурдной проблемы, которую человечество не попыталось бы решить, и идея соединения законов гармонич-

* Представляется, что идея улицы-галереи очень заинтересовала современников Фурье. В 1930-е годы Тиссо в работе «Сравнение Парижа и Лондона» рассматривает некоторые механизмы, явно позаимствованные у фаланстера, включая центральное отопление. К этому новому комфорту он добавляет также лифт: «Можно будет подниматься и спускаться при помощи машин, работающих на паровой или механической тяге». — *Примеч. авт.*

ной архитектуры с человеческим организмом встретила сопротивление. Военный инженер Консидеран знал, какие миллиарды ежегодно идут в Европе на нужды армии. Нельзя ли потратить часть этих денег более продуктивно и легко, инвестируя их не в военный корабль, а в строительство жилья? «Неужели проще отправить 1800 человек в открытый океан, чем построить жилье для крестьян где-нибудь в Шампани или в Босе?»

Депутат Учредительного собрания при Второй республике, Консидеран 14 июля 1849 года внес проект закона о государственном финансировании жилищных товариществ. Речь шла о том, чтобы поселить пятьсот человек на территории поблизости от Парижа. Государство должно было бы построить за свой счет дома, собственность на которые вернулась бы к нему в конце срока концессии. Собрание не стало обсуждать этот проект. Однако последователи Фурье не отказались от основной идеи фурьеризма. Они подхватили инициативу Консидерана, слегка видоизменив ее.

В первых рядах этих борцов мы видим романиста Эжена Сю, интерес к мнению которого в народной среде был весьма значителен. Без сомнения, этот писатель очень поспособствовал распространению идей Фурье. Промышленник Франсуа Арди, герой его романа «Вечный жид», увидевшего свет в 1844 году, практикует фурьеризм, сам того не зная. В пригороде Париже он возвел для своих рабочих «дом-коммуну», соответствующий канонам хозяина, с квартирами, состоящими из комнаты и уборной для одиноких жильцов, из трех комнат — для семей.

Каллан и его «семейный дворец»

Надо сказать, что ни один фаланстер еще не возник в социальном пространстве, когда архитектор Виктор Каллан¹⁰³ в 1850-х годах возобновил проект Фурье, назвав его «семейным дворцом». Его вдохновила основная идея теории мэтра:

«Семейный дворец — это план социального единства, основанный на личной свободе, адаптированный к домашним нуждам и выступающий в новой архитектурной форме, которую можно реализовать повсюду. Собрать в одной точке как минимум сотню семей; разместить их в просторном гармоничном доме, чтобы каждый мог там существовать свободно; научить их с умом комбинировать свои силы и расходы и благодаря этому многократно увеличивать сумму; наконец, вывести людей из состояния изоляции и враждебности и сблизить их: такова фундаментальная задача этой концепции».

Несмотря на поддержку Мелена в деле социального примирения — Каллан был из фурьеристов-католиков и разработал план 84-квартирного жилого комплекса, — капиталисты не заинтересовались его идеей. Тем не менее «семейный дворец» войдет в историю народного жилья. Этим мы обязаны единственному последователю Фурье, чья деятельность была длительной и плодотворной, — промышленнику Жану-Батисту Андре Годену.

Существует множество исследований, посвященных основателю Фамилистера и его разнообразным опытам по соединению капитала и труда¹⁰⁴. Мы ограничимся здесь описанием Фамилистера в Гизе как реального опыта фаланстера, его связей и духа.

Мечта Фурье, воплощенная Годеном

По словам Марии Море, Годен прочитал в 1842 году статью в местной газете *Le Guetteur de Saint-Quentin* и был очарован идеей Фурье. В результате в следующем году он вступил в контакт с его парижскими последователями и быстро стал одним из активных деятелей движения. Он изучает документы, вносит деньги, когда это необходимо, пишет в редакцию *Démocratie pacifique*, печатного органа секты, становится рьяным пропагандистом школы во всех городах, в которые

поставляет свою продукцию. Его фабрика в Гизе, производящая кухонные плиты и сковородки, процветает, но состояние, которое он сколотил, является для него лишь средством осчастливить человечество.

Идея создания поселения для фабричных рабочих появилась у Годена в первые годы Второй империи, о чем свидетельствуют письма. 16 марта 1853 года он пишет члену фаланстера Кантагрелю следующие строки: «Я уже много раз задавал себе вопрос, не смогу ли я построить рядом с фабрикой рабочий городок и поселить людей в комфортабельных условиях, особенно по сравнению с теми, в которых они живут теперь».

В 1857 году ноябрьский номер *Bulletin du mouvement sociétaire en Europe et en Amérique* привлек внимание Годена к брошюре «Отмена платы за жилье благодаря возведению всех жильцов в ранг собственников», большие фрагменты из которой он приводил. Речь шла об одной брошюре Каллана, и Годен, прочитав ее, сразу же написал автору. Он посвятил его в свои планы создания жилья для рабочих и посетовал на то, что никто до сих пор не заинтересовался архитектурой фаланстеров: пока архитекторы были озабочены лишь расселением семей. В заключение он спросила Каллана, на каких условиях он согласился бы создать проект рабочего поселения.

Архитектор Ленуар, друг Каллана, отправился в Гизу и предложил Годену свой проект, но тем дело и кончилось. В 1858 году промышленник купил 18 гектаров земли и сам начертил план своего здания: фундамент был заложен в 1859-м. Годен приводит полное описание Фамилистера — с чертежами и гравюрами — в «Социальных решениях», главной своей работе¹⁰⁵.

Впервые с тех пор, как Фурье обнародовал свою идею, рабочим семьям было предоставлено современное жилое здание. Убеденный в правильности теории Консидерана об управлении воздухом, водой и светом в фаланстере, Годен принялся внедрять ее на практике.

1. *Воздух*: система вентиляции в каждой квартире; печные трубы в стенах, стены с отверстиями для вытяжки от кухонных плит, сделанными заранее; застекленные хорошо проветриваемые дворы.

2. *Вода*: водопроводные краны на каждом этаже; прачечная в специальном здании, в котором есть центрифуга и сушильный шкаф; душевые кабины и крытый бассейн площадью 50 квадратных метров с заменяемым полом — для детей.

3. *Освещение*: окна каждой квартиры выходят на две стороны — на улицу и во двор; в ночные часы все помещения общего пользования освещаются газом.

Кроме того, Годен сделал изобретение, уникальное для своего времени, — большой мусоропровод для золы. *

Желая заменить общественными заведениями те услуги, которые богатые получают от прислуги, Годен создал службу по уборке помещений общего пользования Фамилистера: дворы, лестницы, галереи, фонтаны, туалеты* и прочее убирались женщинами, получавшими за это заработную плату.

Как мануфактурщик Харди, герой «Вечного жида», Годен организовал медицинскую службу, основанную на принципах взаимопомощи. Каждый житель Фамилистера вносил в месяц от 1 до 2,5 франка и мог пользоваться услугами двух врачей и акушерки, которые присутствовали в медпункте Фамилистера ежедневно. Лекарства предоставлялись бесплатно, заболевшие рабочие получали пособие по нетрудоспособности. Больные могли изолироваться от своих семей в специальных помещениях, снабженных всем необходимым для этого.

Таковы были главные положения Фамилистера, направленные на благосостояние его жителей. Существовала и «кулинарная мастерская», где готовилась еда**, и потребительский

* По свидетельству Ойона, который первым в 1865 году описал Фамилистер, их мыли три раза в день. — *Примеч. авт.*

** Этот опыт Годену не удался, жители дворца предпочитали самостоятельно готовить себе еду. — *Примеч. авт.*

кооператив, где продавалось большое количество продуктов питания и предметов потребления по самым низким ценам. И здесь Годен оказался прозорлив. Он писал: «Коммерсанты закупают оптом то, что потом продают в розницу с выгодой для себя, но за счет потребителя. Потребитель получает за ту же сумму меньшее количество продуктов и предметов потребления, потому что каждый должен потратить некоторую сумму на посредника. Однако в связи с рассредоточением населения и разнообразием его интересов публика видит в большом количестве посредников лишь средство, облегчающее приобретение предметов первой необходимости поблизости от места жительства, хотя на самом деле здесь скрывается наиболее обременительный налог — налог на потребление»¹⁰⁶.

Таким образом, Годен осуществил утопию школы фурьеризма: «Не имея возможности превратить хижины и лачуги во дворцы, мы хотим переселить рабочих во дворец, которым Фамилистер и является: это социальный дворец будущего». Бедняки «приравнялись к богачам» следующими средствами: «Размещение бедных семей в комфортабельных квартирах; снабжение этих квартир всеми удобствами, которые есть в квартирах богатых людей; превращение квартиры в место покоя и отдыха; замена общественными заведениями тех услуг, которые богатые получают от прислуги».

Социальный дворец Годена, как и предсказывал Фурье, говоря о фаланстерах, стал знаменит в 1865 году, когда центральное здание было полностью заселено. Его посетило множество журналистов из разных стран; исследование А. Ойона, первая работа, посвященная Фамилистеру, представило его в наиболее выгодном свете.

Однако традиционные либералы не могли остаться равнодушными по отношению к опыту Годена, которому они противопоставили целую серию классических аргументов. Жюль Муру возмущался «иждивенчеством» обитателя Фаланстера: ему обеспечено жилье, он покупает продукты

по безоговорочно низким ценам; детские ясли казались ему губительным изобретением, которое лишало жену рабочего самых сладостных материнских обязанностей. «Еще один шаг — и все почувствуют железную пяту коммунизма у себя на голове». Следовательно, подобные учреждения не должны существовать. «Это курьез, который ничего не дает для решения имеющейся проблемы».

Спустя полвека в докторской диссертации по юриспруденции Фернана Дюваля¹⁰⁷ высказывались те же оценки. Фамилистер — это казарма, «он отбирает у индивида большую часть его свободы и регламентирует каждый шаг, что парализует его инициативу».

Золя и стеклянный дом

Золя, прочитавший несколько работ, в популярной форме рассказывающих о фурьеризме¹⁰⁸, заинтересовался этими идеями и посетил Фамилистер. В заметках по поводу композиции романа «Труд» (1901), в котором коммуна превращается в ассоциацию, действующую согласно идеям Фурье, он не скрывал своего отношения к ним. Отклонение от них наблюдалось, лишь когда речь шла о жилье. Дворец Годена его не вдохновил: «Стеклянный дом. Недоверие к соседу. Невозможность остаться наедине с собой. Отсутствие свободы. <...> Порядок, регламент, комфорт — но где же приключения и риск? Нельзя всем жить одинаково».

Что такое «свободная жизнь, полная приключений» для французского рабочего XIX века? Трудобой, которыми полна вся территория Франции. Можно подумать, что читаешь о пионерах Дикого Запада. Золя разделял все заблуждения правящих классов своего времени о магической власти частной инициативы. В организаторе новой формы общественной жизни — не лишенной принуждения, потому что каждый обитатель Фамилистера обязан был носить в кармане маленькую

красную книжечку, сборник статей, регламентирующих внутреннюю жизнь во дворце, — собственники разоблачили предателя, извращавшего либеральную мораль.

Как решали проблему жилья для рабочих хозяева предприятий

О «респектабельных» промышленниках, осознавших выгоды, которые можно извлечь из стабильности положения рабочих, до начала XX века информации не так много. Можно упомянуть семью Шаго, основателей Общества угольных шахт Бланзи, в Монсо-ле-Мин¹⁰⁹. Надо сказать, что они никогда не скрывали своих целей: «Комфортабельное и недорогое жилье естественным образом входит в систему мер, направленных на постоянное участие в жизни рабочего: ребенок получает образование и защиту, а после тридцати лет добросовестного труда человеку полагается пенсия в 300 франков и квартира с отоплением. Таким образом, ему обеспечивается достойное существование до конца жизни, он получает справедливое вознаграждение за свой труд». Жилье, о котором идет речь, представляло собой домики на одну семью.

В Бриаре другой передовой промышленник, Ф. Баптерос, изобретатель-самоучка, нашел себя в керамике. Он опередит англичан в серийном производстве фарфоровых пуговиц и «жемчужин», которые наши исследователи будут распространять в Черной Африке. В 1865 году на его предприятии, выкупленном за двадцать лет до этого у конкурента, трудилось уже около тысячи рабочих, мужчин, женщин и детей. Он тоже практиковал полную заботу о людях, начиная с ясель и заканчивая приютом для престарелых: «Он знает и любит рабочих, они — его дети. Ему знакомы их страсти, их недостатки и проблемы; он руководит ими ловко и твердо, но по-доброму! Чтобы они жили в хороших условиях, он строит дешевые дома, целые рабочие городки, и хочет, чтобы они были благословлены

церковью»¹¹⁰. Баптерос предпочитал не отдельные домики, а многоквартирные дома-коробки: в его городке было шесть таких зданий длиной по 108 метров, в каждом из которых проживало от 36 до 50 семей; они стояли между фабричными корпусами и домом для престарелых.

Тогда же Шнайдеры, задолго до Второй империи отказавшиеся от домов-казарм, сочли, что отдельно стоящие домики лучше всего отвечают морализаторству теоретиков социального патернализма, в число которых они входили. Они встретили согласие рабочих Крезю, тогда как в Кармо аналогичная попытка, предпринятая в 1865 году, потерпела неудачу. Спустя почти тридцать лет, в 1892 году, здесь будет проживать лишь двести один рабочий Угольной компании, то есть 6,9% от общего числа сотрудников.

Нуазель, царство шоколада

Самый яркий пример частной инициативы в плане создания рабочего городка — это, без сомнения, поселок, основанный Эмилем Жюстенем Менье для тысячи семисот рабочих. Если Годен популяризировал печи и кухонные плиты, то Менье сделал доступным для широких народных масс шоколад: если в 1849 году во Франции производилось 350 тонн шоколада, то благодаря деятельности Менье, наладившему производство в Южной Америке, к 1889 году его производилось уже 15 000 тонн.

Как и Годен, Менье был увлечен социальными и экономическими вопросами. Он опубликовал множество работ, в которых восхвалял свободный обмен — в эпоху протекционизма — и предлагал реформу налогообложения. Депутат от левых в коммуне Мо (департамент Сена и Марна) в 1876 году, он голосовал за амнистию для депортированных коммунаров.

После окончания строительства завода, который был одним из первых в мире зданий с металлическими несущими конструкциями, Менье дополняет это удивительное новшество

созданием в 1874 году городка Нуазель, представляющего собой комплекс небольших зданий на площади в 20 гектаров. Это были двухквартирные кирпичные дома с подвалами. На первом этаже находилась кухня на два окна, с печью и раковиной для мытья посуды. На втором этаже — спальня родителей и детская комната, под крышей — чердак. В каждой комнате была печь, шкаф, на окнах — решетчатые ставни. В саду — туалет: в ассенизационных бочках, предварительно смазанных отходами производства какао, делалось замечательное удобрение, используемое всеми семьями. Водоснабжение осуществлялось за счет множества колонок. Домики, себестоимость которых не превышала 10 000 франков — 5000 за квартиру, — сдавались по цене 150 франков в год, или 12,5 франка в месяц. Благодаря разным премиям и компенсациям некоторые рабочие вообще не платили за квартиру.

По примеру Годена Менье открыл магазин, торгующий по очень низким ценам продуктами питания, напитками, тканями, одеждой, обувью, топливом; столовые для персонала, проживающего в соседних с Нуазелем городках; две гостиницы-ресторана для холостяков; шестилетнюю школу с группой продленного дня; бесплатную аптеку (заболевшие рабочие-мужчины получали по два франка в день, рабочие-женщины — по одному)¹¹¹.

Фаланстер Фурье, этот новый райский сад, столь понравившийся Эжену Сю, будет прославлен Гектором Мало, одним из самых популярных писателей конца XIX века. Не разделяя всех идей утопического социализма, но все же склоняясь к нему, этот друг Валлеса был одним из немногих, кто помогал ему после поражения Парижской коммуны. В романе «В семье» (1893) владелец прядильной фабрики Пендавуан, попавший под влияние своей внучки Перрины, построил для рабочих и их семей больницу и ясли. Холостяки и незамужние женщины смогут проживать в двух гостиницах, в первых этажах которых размещаются рестораны, где за 0,70 франка можно

получить неплохой обед: суп, рагу или жаркое, хлеб и сидр. Каждая семья будет жить в своем собственном домике, окруженном садом, плата за который составит всего 100 франков в год. Это же Нуазель! Перрина отправила кого-то поближе познакомиться с его функционированием. Дома Менье понравились Гектору Мало — который сам владел небольшим домиком, — они были созвучны его духу индивидуализма.

Благодаря усилиям гигиенистов, ведших борьбу с туберкулезом, вспышки которого наблюдались в основном в народной среде, рабочие городки, созданные хозяевами предприятий, все больше приобретали вид городов-садов, где дома утопали в зелени. В коммуне Дурж в Па-де-Кале Общество шахт закрывает старые шахтерские поселения, чтобы создать «настоящий маленький санаторий», более пятисот живописных домиков, каждый с отдельным входом, прихожей и четырьмя комнатами¹¹². Кажется, промышленникам-либералам удалось найти в коттедже тип идеального жилья для народа...

Заточение в отдельном доме

Приобщиться к Мюлузу!

Активная деятельность авторитетных сторонников достижения социального и даже нравственного благополучия через собственность началась во времена Второй империи в Эльзасе. Промышленное общество Мюлуза, основанное в начале XIX века, было признано общественно полезным в 1832 году. 24 сентября 1851 года один из его членов, текстильный магнат Жан Цубермладший, представил коллегам свои заметки по поводу жилья для рабочих¹¹³. Он изложил на заседании бюро Общества план идеального дома, построенного в Великобритании, и попросил, чтобы этот вопрос включили в повестку дня.

Его призыв был услышан. На заседании 30 июня 1852 года доктор Пено представил результаты опроса владельцев жилья

для рабочих, проведенного в департаменте Верхний Рейн. Он выделил два типа жилья — барак и индивидуальный домик. От первого следует отказаться по моральным соображениям: «Скопление в одном доме большого количества чужих друг другу семей редко способствует внутренней гармонии и может привести к серьезным конфликтам».

Из всех представленных проектов отдельных домиков наиболее подходящим был признан проект бумажной фабрики Цубера на острове Наполеона. Дома-павильоны состояли из погреба, двух комнат и кухни на первом этаже, двух комнат на втором и чердака; уборная во дворе. Впервые «социальные авторитеты» неявным образом признавали, что рабочие могут пользоваться таким же комфортом, что и их наниматели. В заключение своего выступления доктор Пено выразил пожелание, чтобы щедрые граждане сообща построили дома по проекту Цубера: «серьезные инвесторы» могли затем последовать их примеру.

Сразу после этого текстильный промышленник Жан Дольфюс заявил, что примет участие в эксперименте: в порядке опыта он заказал архитектору Мюллеру строительство четырех домов. 30 ноября 1853 года доктор Пено объявил, что 10 июня было официально создано Общество рабочих поселений Мюлуза. Капитал составил 300 000 франков, после дотации Наполеона III — 600 000 франков. Далее капитал был разделен на 60 акций по 5000 франков¹⁴, из которых 35 принадлежало Жану Дольфюсу. Оставшиеся акции были распределены между одиннадцатью текстильными промышленниками. Первая статья устава не оставляла никаких сомнений: «Целью Общества является строительство в Мюлузе и его окрестностях домов для рабочих. Каждый дом будет рассчитан на одну семью».

27 июня Дольфюс представил акционерам план; 20 июля началась стройка. Общество располагало участком в 8 гектаров, на котором возвели дома трех моделей: две пары домов, стоящих «спиной» друг к другу; блок из четырех домов в центре сада; между двором и садом.

Это были двухэтажные дома с погребом или кладовой; на первом этаже — кухня и большая комната, на втором — три спальни; также имелся чердак и санузел. Все они должны были быть проданы по цене от 1850 до 2800 франков согласно специальным условиям. После выплаты наличными суммы от 300 до 500 франков — в зависимости от выбранной категории дома — следовало ежемесячно вносить от 20 до 30 франков, с тем чтобы расходы на совершение платежа и выплата половины капитала с учетом соблюдения взаимных интересов в конце каждого года осуществлялись в течение пяти лет или даже раньше, если это было возможно. Что касается второй половины суммы, покупатель мог взять кредит под 5% годовых и выплачивать его в течение тридцати лет.

Менее чем через десять лет, в 1862 году, во время переписи было обнаружено, что из 560 домов 488 были проданы к 31 марта¹¹⁵. В этой старинной торговой республике присутствовали почти все преимущества фурьеристского фаланстера: дома с семнадцатью комнатами с мебелью для рабочих-холостяков, бесплатная медицинская помощь, прачечная с сушилкой-центрифугой, баня, пекарня, где хлеб продавался ниже себестоимости, недорогой ресторан, магазин, торгующий товарами первой необходимости по низким ценам.

Удачный опыт Мюлуза — в 1867 году в рабочем городке было 800 домов, в которых проживали 6000 человек¹¹⁶, — переняли в других городах Верхнего Рейна: в Гебвиллере в 1854 году стал строить подобное промышленник Буркар, потом, с 1860-го, — акционерное общество; в Бокуре, владении семьи Жапи, строительство началось в 1864 году; в Кольмаре — в 1866-м. В этих трех случаях в точности копировался опыт Мюлуза: создавалось акционерное общество, которое управлялось четырьмя или пятью членами во главе с держателем контрольного пакета акций; в Мюлузе это был Дольфус, в Бокуре — Жапи.

Во всех этих деяниях чувствовался дух консерватизма и патернализма. «Это благотворительность, — писал доктор

Пено, — цель которой — приучение рабочих к экономии при стимулирующем соблазне обладания собственностью». В Мюлузе городом управлял человек, пользующийся доверием местных промышленников. Женатым рабочим очень не рекомендовалось пользоваться рестораном. «Жаровня с тушеным мясом, — претенциозно заявлял доктор Пено, — это, в конце концов, один из краеугольных камней семьи, и очень досадно видеть рабочих, которые отказываются от домашних трапез ради сомнительных развлечений за общим столом». Семьи должны были замыкаться на самих себе и отдавать приоритет обустройству своего дома; каждый год их посещала комиссия, присуждавшая денежную премию тем семьям, которые «отличаются порядком, чистотой и в целом хорошим поведением»¹¹⁷.

В 1895 году строительство рабочего городка в Мюлузе было закончено; он насчитывал 1240 домов — до сих пор обитаемых, — в которых проживало около 10 000 человек, то есть более 10% населения города. Опрос, проведенный в 1874 году, показал, что он не превратился в гетто, потому что в нем жили представители восьмидесяти профессий. Однако исследование С. Жона продемонстрировало, что заработка главы семьи, занятого в промышленности, не хватало для внесения ежемесячной платы: нужно было, чтобы работал не только он, но и его жена и дети. Они шли на это ради получения собственности. Ловушка захлопывалась.

В ближнем парижском пригороде Клиши, на улице Кайу, 14, скопировали опыт Мюлуза: там появился городок Жуффруа-Рено, состоящий из сорока павильонов пяти различных моделей: в каждом от двух до четырех комнат плюс погреб, чердак, небольшой садик. Максимальная годовая плата за такое жилье составляла 380 франков. Через пятнадцать лет регулярных платежей, то есть после уплаты 5700 франков (что практически вдвое превышало цену Мюлуза), дом переходил в собственность.

В том же духе на закате Второй империи архитектор Дольфюс предлагал «порядочным, трудолюбивым и аккуратным» столичным рабочим домики с садом в предместье Сент-Антуан¹¹⁸. По утверждению застройщика, это было очень просторное жилье, вмещавшее до десяти человек; в подвале находились мастерская и кухня, на первом этаже — две комнаты, на втором — еще три. Наличествовали стенные шкафы, санузел. Квартплата составляла 1 франк в день; чтобы в дальнейшем выкупить дом, надо было доплачивать еще по 49 сантимов в день в течение пятнадцати лет. В целом стоимость дома превышала 8000 франков. Неизвестно, был ли этот проект хотя бы начат. В любом случае понятно, что такие цены значительно превышали финансовые возможности рабочих того времени.

Парламентская деятельность Третьей республики началась с проведения малоизученного опроса о положении рабочего класса во Франции. Одним из докладчиков по этому поводу выступал Арман де Мелен¹¹⁹. Жилищный вопрос по-прежнему был приоритетным для вдохновителя закона от 1850 года; он сообщил, что в целом этот опрос был весьма полезен. Он оценил усилия, приложенные в годы Второй империи для обеспечения рабочих жильем. По его мнению, городки барачного типа не принесли хороших результатов: такой стиль жизни не соответствует характеру независимых французов. К тому же они представляли моральную и даже политическую угрозу, и за ними надлежало бдительно следить. А вот в городках, состоящих из индивидуальных домиков, такого не наблюдалось. Мелен воздал должное хозяевам предприятий, которые облегчили своим рабочим приобретение собственного дома; он говорил: «Собственность вырабатывает ценное качество: она делает своего обладателя более аккуратным, более трудолюбивым, не дает ему возможности предаваться сомнительным развлечениям, удерживает его дома, в семье, и дает возможность с пользой проводить досуг».

Подходящий выход из затруднительного положения

Так с официальной трибуны была открыта дискуссия по вопросу рабочего-собственника. Эта тема оказалась главной в конце века. В идеале рабочие должны были сами стремиться к собственности и осуществлять свою мечту самостоятельно, а не с помощью государства, как некоторые уже осмеливались утверждать; Мелен говорил: «Передавая государству, всесилие которого несколько переоценено, заботу о своей судьбе, народ как бы освобождается от необходимости действовать самостоятельно, что всегда достаточно тяжело и требует новой организации общества и проведения политики, зависящей от его воли; на самом деле все эти блага рабочие должны были бы получать, лишь упорно работая и честно выполняя свой долг».

Так же думал и Фредерик Ле Пле, основатель Общества социальной экономики (1856)¹²⁰. Анализируя отсутствие порядка в либеральном обществе, он выступает теоретиком, успешно поспособствовавшим распространению идеи морализаторского характера обладания недвижимостью: «Нерушимая связь семьи с домом оказывает самое благотворное влияние на ее мораль и благополучие», — писал он¹²¹. Эта мысль развивалась в его главной работе — «Социальная реформа»¹²².

В первом томе¹²³ Ле Пле заявляет, что одна из самых плодотворных традиций Европы — право собственности на жилье для каждой семьи. Во Франции этот обычай сохранился лишь в сельской местности. В городах и промышленных центрах преобладает проживание в съемном жилье. Последствием этого являются социальные потрясения: «Строгое применение принципа спроса и предложения дезорганизует общественные отношения как в жилищном вопросе, так и в отношении заработной платы».

Развитие промышленности изменило жизнь простого народа: рабочие снимались с родных мест и массово оказывались там, где не было никаких институтов, способных

предотвратить порок и легкомыслие. Там не стоял вопрос об отдельном проживании семьи, которая является «одной из основ любой цивилизации». Семья должна была довольствоваться углом в бараке, что влекло за собой тяжелые последствия¹²⁴: «Съемное жилье без какого бы то ни было комфорта говорит прежде всего о том, что семья потеряла чувство человеческого достоинства. Отца почти никогда нет дома, он либо занят на работе, либо предается грубым и эгоистичным удовольствиям. Мать нередко уходит из дома и занимается проституцией или, наоборот, честно выполняет тяжелую работу. Мальчики и девочки, с раннего возраста вынужденные трудиться, постепенно приобретают порочные привычки. Родители, преждевременно состарившиеся и ослабевшие вследствие лишений, умирают значительно раньше положенного природой срока».

Единственный выход из такого положения — покровительство правящих классов. Главной заботой руководителей промышленных предприятий должно стать побуждение рабочих к приобретению жилья в собственность; матери семейства всегда следует находиться дома. Поэтому надо строить предприятия в деревнях. Именно город вверг семьи в тесноту трущоб, что сильно навредило их нравственности; в деревне же жизнь народа будет идти стабильно и домашние очаги рабочих будут крепкими. Исчезнут, наконец, бараки, вызывавшие «удивление и проклятия» у иностранцев. Живя в отдельном доме, мы не будем больше «пускать по ветру частицы нашей личности».

Каждой семье — отдельный дом

Эта безумная идея волновала в то время умы всех буржуазных реформаторов: модель совместного проживания постоянно критиковалась на конгрессах гигиенистов, проходивших начиная с 1876 года. На брюссельском конгрессе¹²⁵ один

из докладчиков заявил: «Проживание каждой семьи рабочих в благоустроенном и удобном отдельном доме, который в дальнейшем может перейти в собственность, обеспечивает материальное и моральное благополучие народа, здоровую обстановку и в конечном счете общественную безопасность».

Два года спустя, во время второго международного конгресса гигиенистов в Париже¹²⁶, Эмиль Трела, автор доклада «Рабочие городки — дома для рабочих», утверждал: «Идея улучшения жизни рабочих путем поселения их в бараки потерпела неудачу. Для рабочего отказ от экономических преимуществ, которые он получал от такого проживания, — дело чести и человеческого достоинства». И отважно заключал: «Отныне следует признать абсолютно недопустимым проживание рабочих в бараках».

Без дальнейших промедлений защитники индивидуального жилья приступили к беспрецедентному действию — размещению представителей рабочего класса в парижском округе, в который буржуазия инвестировала средства для дальнейшего использования исключительно в своих целях. В 1880 году сенатор Диет-Моннен (компаньон Жапи), Поль Леруа-Больё и еще несколько консерваторов основали Анонимное общество рабочего жилья в Пасси-Отейле¹²⁷ с капиталом в 200 000 франков (2000 акций по 100 франков). На участке, предоставленном Эмилем Каше, специалистом по строительству небольших жилых домов, предполагалось построить четырехкомнатные дома с водопроводом, газом и канализацией. Рассрочка предоставлялась на двадцать лет, первый взнос составлял 500 франков, дальнейшая годовая плата за дом — около 600 франков. В 1893 году было построено шестьдесят семь таких домов, в которых проживало более трехсот человек.

Плата за подобное жилье была достаточно высока, и позволить себе жить в таких домах могла только часть «трудолюбивых и аккуратных рабочих» — мастера, бригадиры

и главным образом служащие, этот новый слой мелких бюрократов, в услугах которых с некоторых пор промышленники стали очень нуждаться. Какая честь — быть допущенным на территорию, где живут хозяева! Речь идет об окраинах XVI округа, улице Буало — здесь в начале XIX века квартплата в среднем составляла 600 франков в год. (Это самая низкая цена в самом дорогом округе Парижа: в Шайо — 2000 франков в год, в районе Порт-Дофин — 1900 франков, в квартале Ла-Мюзет — 1100 франков.)

Какими бы серьезными ни были кандидаты, происхождение у них было весьма сомнительное, и Общество проявляло осторожность: если поведение «стажера» становилось «аморальным» (?), контракт сразу разрывался и кандидат изгонялся. В том же морализаторском духе любая субаренда запрещалась. Для городка Пасси-Отейль наступил час славы: он стал витриной либерализма, которую президент Республики торжественно открыл и которую видели иностранные гости.

Учредители ждали от своего предприятия важных результатов. Об этом свидетельствует отчет на первом общем собрании, сделанный инженером Эмилем Шейсоном, крупным общественным деятелем-консерватором, и появившийся на страницах *L'Économiste français*, еженедельника, издававшегося Полем Леруа-Больё: «Обладание домом полностью меняет рабочего. <...> С домиком и садиком он превращается в главу семьи, по-настоящему достойного этого звания, то есть высоко нравственного и предусмотрительного, чувствующего свои корни и имеющего авторитет в семье. <...> Скорее, он сам принадлежит дому, который делает его лучше, привязывает к себе и преобразует»¹²⁸.

Нельзя было лучше выразить мысли имущих классов. Как и Ле Пле, последователем и другом которого он являлся, Шейсон был инженером-политехником. Оказавшись изолированным в своем доме, рабочий отвернется от коллективной борьбы и профсоюзной деятельности. Архитекторам

же специально поручалось проектировать отдельно стоящие домики так, чтобы общение их жителей друг с другом было затруднено. Свободное общение соседей приведет к «сексуальной распущенности» — эта мысль была настоящим наваждением в буржуазных кругах на протяжении всего XIX века — и к политическим волнениям, которые начнут представители «безответственного меньшинства».

В провинции то здесь, то там совершались попытки облегчить приобретение рабочими жилья в собственность. Эжен Ростан — отец поэта и дед естествоиспытателя — активно занимался этим вопросом в Марселе, где Сберегательная касса приняла экстраординарное решение: стала дотировать строительство социальных домов для неимущих слоев населения в неоклассическом стиле: эти дома напоминали особняки богачей. Таким образом, в Марселе в 1889 году была начата программа строительства индивидуальных домов, домов с трехкомнатными квартирами и жилья для холостяков¹²⁹.

Гаврское Общество рабочих поселков в 1889 году построило сорок домов, отдельно стоящих или сдвоенных¹³⁰; в Бове по заказу промышленника Рюппа построены двадцать восемь домов¹³¹. В Лионе архитектор Руштон выполнил заказ «Коттеджа» — Лионского общества добротного недорогого жилья; общество было создано «для облегчения доступа к собственности благодаря труду и экономии». В каждой программе эта идея фигурирует в завуалированной форме...

В 1903 году все строительные газеты с энтузиазмом будут освещать Международную выставку жилья, строительной промышленности и общественных работ, которая пройдет в Большом дворце* с 30 июля по 15 ноября. В заключение своей статьи редактор *La Construction lyonnaise*¹³² наивно

* Большой дворец (Grand Palais) был построен к Всемирной выставке 1900 года. В настоящее время — культурный и выставочный центр.

радовался: «Не свидетельствует ли это о том, что философы, искатели идеала, художники, промышленники, коммерсанты, рабочие — одним словом, все работающие сыновья Франции — найдут в Большом дворце если не полностью, то хотя бы частично воплощение своей мечты?» Последователи Франсуа Энбика, изобретателя железобетона, воспользуются этой возможностью, чтобы прославлять свой излюбленный материал, «который должен бы заинтересовать строителей дешевого жилья своими замечательными качествами: надежностью, гигиеничностью, долговечностью, а также себестоимостью, которая вряд ли превышает себестоимость местных стройматериалов»¹³³.

В соответствии с точкой зрения властей на выставке продвигалась идея индивидуального дома: были представлены разные модели с мебелью; указывались цены. Развитие строительной отрасли во Франции в 1894–1904 годах на деле подтверждает важность жилых комплексов, состоящих из индивидуальных домов. В Дюнкерке — городок Розендаль; в Рубе — 96 домов в комплексе «Рюш Рубезьен» («Улей Рубе»); в Алансоне — 45 домов, построенных Сберегательной кассой; в Бордо — 74, в Монпелье — 14 домов, построенных обществом «Домашний очаг на сбереженные деньги»; в Безье — 18 домов для местной Сберегательной кассы, которая в Марселе начала строить 24 дома. Парижские пригороды станут стартовой площадкой для продвижения социальной недвижимости: вскоре появятся имитации Коттеджа Атис (Cottage d'Ahis) и Семейной Крыши (le Toit familial) в Аржантее¹³⁴.

С согласия хозяина Медана

В это время описываемый тип жилья пользуется популярностью у литераторов: не его ли избрал Золя для утопического города Боклера из романа «Труд», одного из последних своих произведений, увидевшего свет в 1901 году? Никаких казарм

типа Фамилистера в огромном саду, которым стала бывшая деревня, — только отдельно стоящие домики, «разбросанные тут и там [не по линейке, что Золя отмечает особо], для более мирной, здоровой и счастливой жизни». Вспоминать в райском хаосе Боклера о канализации или состоянии дорог — притом что жители уже передвигаются на двухместных электромобилях — все равно что подрезать крылья идеалу. Золя много говорит об электричестве, которое будет освещать каждый дом; возникает вопрос, не забыл ли автор о проводах, по которым оно должно поступать в дома.

Однако наш романист-«натуралист» противоречит сам себе: после того как он вообразил «флотилию белых домов», наводняющих Боклер, он описывает весьма далекие от этой чистоты здания, сложенные из керамического лома, который стал очень цениться после триумфа на выставке 1889 года: «Они были украшены песчаником и ярким фаянсом, черепицей, покрытой эмалью, коньками, рамами, панно, фризами, карнизами». Сегодня Золя испытал бы целую гамму эмоций, потому что этот материал сохранился — или же был реставрирован — и теперь присутствует на улицах некоторых парижских пригородов.

Золя показал свой идеал — идеал мелкобуржуазного собственника (роль, которую он играл в Медане)*. Тогда как французская буржуазия, сопротивляясь натиску социализма, ищет клиентуру в верхушке рабочего класса, купившей себе дома в кредит, ненавистный буржуазии писатель своим талантом создает «павильонный миф», который начинает захватывать весь французский средний класс.

На деле только он, средний класс, и имеет доступ к этим строениям из известняка или тесаного камня, упрощенным подобиям буржуазных вилл, постепенно заполонившим все

* Медан — городок в департаменте Ивелин (регион Иль-де-Франс), в котором жил Эмиль Золя.

парижские пригороды и окрестности других городов. Пятикомнатный дом с садом в парижском пригороде стоит в 1910-х годах в среднем 12 000 франков. Средний годовой доход рабочей семьи составлял тогда 1700 франков, мелкие служащие получали в среднем 2200 франков. Дневной заработок парижских рабочих, занятых в строительстве, не превышал 5,5 франка, в целом по стране — 4,86 франка.

Выходцам из низов общества, желающим приобрести жилье в собственность, приходится довольствоваться мини-вариантом, который отдельные архитекторы, чувствуя тенденции рынка, поспешили ввести в употребление. Так, хитроумному Петипа — директору газеты *Ma petite maison*, основанной в 1905 году, — удастся снизить цену двухкомнатного дома с кухней и туалетом до 1300 и даже 1200 франков¹³⁵. Его собрат Бурникель¹³⁶ будет представлен издателем Гарнье, который в нескольких строках как нельзя более явно даст понять, что уроки Ле Пле и его конкурентов усвоены отлично: «Можно сказать, что тот, кто не имеет собственного дома, не живет в безопасности. <...> Глава семьи собирает всех своих у настоящего очага, дает им возможность избежать пугающей тесноты: от этого выигрывает достоинство, мораль, воспитание каждого члена семьи».

Тон задан, и Бурникель представляет все свои модели домов: от маленького домика для рабочей семьи он переходит к некому временному пристанищу коммерсанта и небольшому дому промышленника и заканчивая элегантно буржуазной виллой, с покатой крышей, увенчанной флюгером, и башенкой, добавляющей пейзажу средневековой утонченности. Самые скромные его произведения почти всегда имеют красивое крыльцо — фирменный знак такого рода построек. «Довольствуюсь малым», «Мне многого не надо», «Ничто не дается даром» и прочие высказывания такого рода свойственны французам, прячущимся от «богачей» и «чужаков»; в межвоенные годы начнется дробление участков на доли,

мечта разобьется о грязный барак. Но какое это имеет значение, если обладание хотя бы какой-нибудь собственностью — основная идея современности? Газета, которая будет выходить на протяжении пятнадцати лет, получит простое название — *Not' cabane* («Наш домишко»), что является дополнительным лингвистическим свидетельством того, что во Франции с нежностью относятся ко всему «маленькому»*.

И тем не менее: откуда уверенность в том, что кокетливый домик обязательно принесет счастье? По крайней мере один писатель ополчился на этот миф. Эжен Даби, один из наших незаслуженно забытых пролетарских писателей, в 1932 году опубликовал роман «Вилла „Оазис“, или Фальшивые буржуа», в котором рассказал историю приобретения виллы в парижском пригороде парой бывших содержателей гостиницы. Трехэтажный дом как символ успеха, в саду за высокой стеной, которая должна была помешать нежелательным отношениям с соседями, декоративный бассейн, гараж — потому что хозяева имеют автомобиль. Казалось бы, есть все, чтобы быть счастливым в этой идеальной модели жизни, растиражированной миллионами экземпляров. Однако судьба иногда бывает неблагодарной: дом убьет своих хозяев.

Новые дома для народа

Частная инициатива выходит на передовые позиции

Разрушительный ветер социализма и социального искусства¹³⁷ в конце XIX века не пощадит и Школу изящных искусств: некоторые молодые дипломированные архитекторы, казалось, страдали из-за того, что их деятельность сильно отличалась от работ их предшественников, служителей

* *Not'* — просторечное сокращение *notre*, «наш».

немеркнувшей Красоты. Появлялись печатные работы, авторами которых выступали инженеры или врачи¹³⁸. Создавался новый рынок, и проницательные представители профессии очень быстро осознали это: «Раньше строительство недорогого жилья было простой благотворительностью, теперь же оно становится надежным размещением капиталов и делом просвещенного социализма. Нашим коллегам предстоит изучить этот вопрос с точки зрения техники». Таковы были мысли редактора издания *La Semaine des constructeurs* в 1890 году.

После голосования по вопросу о законе от 1894 года в Париже было реализовано несколько проектов. Благотворительное общество продолжило свои усилия: в 1897 году появились 54 квартиры в доме 19 по улице Отпуль (XIX округ), в 1898-м — 38 квартир в доме 77 по улице Клиньянкур (XVIII округ). В этом последнем, к отчаянию Жоржа Пико, очень мало детей — менее одного на семью: что это? Последствия неомальтузианской пропаганды? Однако жильцы, как, впрочем, и в других домах, принадлежащих Обществу, регулярно вносят квартплату. Таким образом, на заре XX века Благотворительному обществу удалось вырвать 190 семей, то есть 622 человека, из кошмара парижских трущоб...

В 1902 году Шарль Гийон возвел для Гражданского общества домов для рабочих¹³⁹ — на самом деле, фонда сахаропромышленников Лебоди — три корпуса на улице Жанны д'Арк, 5 (XIII округ). В них была 71 квартира и места общего пользования: библиотека, помещения для велосипедов и колясок, прачечная, сушилка, душевые кабины, внутренний двор. Для того же заказчика в 1905 году Лабюсьер построил жилой комплекс на 175 квартир на улице Эрнеста Лефевра, 5-7 (XX округ).

Отличилось Анонимное общество экономичного жилья, для которого уже упоминавшийся Шарль Гийон построил в ближайшем парижском пригороде Сен-Дени в 1902 году

одиннадцать домов на 342 квартиры и двадцать один индивидуальный дом.

Подумали даже об одинокой женщине — предмете постоянной заботы Жоржа Пико: он не побоялся выступить в 1900 году в *La Réforme sociale*, журнале Ле Пле, с заявлением о том, что «в меблированных домах нет места для женщины, желающей вести в Париже трудовую жизнь». Какой-то полицейский начальник ответил ему: «Я убедился в том, что девяносто пять проституток из ста оказались на панели только из-за проблем с жильем»¹⁴⁰. В разных домах создано около тысячи мест для одиноких женщин, а согласно переписи населения, проведенной в 1891 году, в Париже живут 339 344 работающих женщины, из них 165 774 — в возрасте от двадцати до тридцати девяти лет.

Благотворители не игнорируют эту важнейшую моральную проблему. Благодаря дару в 500 000 франков баронессы Гиш в 1902 году Благотворительное общество открывает в 1902 году отель для дам и девиц в доме 37 по улице Гран-Карьер (XVIII округ): 20 комнат по 1 франку за ночь, 36 комнат — по 60 сантимов. В комнатах нет умывальника, но существует ванная комната (20 сантимов) и душ (10 сантимов). В 22 часа сторож закрывает дверь. Не разрешаются никакие встречи в комнатах, принимать посетителей можно только в общей гостиной с 17 до 18:30, а визиты мужчин проходят только в кабинете директрисы. Вскоре правительство сделало большой подарок женщинам-служащим. В 1906 году в VII округе, в доме 41 по улице Лилль, в самом центре буржуазного квартала и за Налоговой кассой, был открыт Дом для дам — служащих Почтового ведомства. Это великолепное здание в стиле ар-нуво существует до сих пор. В нем было 111 комнат, предлагалось коллективное обслуживание.

Надо, однако, сказать и о сопротивлении и обиде со стороны общества «Свободных друзей Парфенона», которое располагалось напротив Лувра, рядом с Французским институтом — в храме, предназначенном исключительно для

искусства Греции и Рима, как в 1863 году заявил Энгр, когда Наполеон III решил реформировать Школу. Об этом свидетельствует L'Architecte (1906–1935), официальный орган Государственного общества дипломированных архитекторов. Это общество представляло собой большую силу: в него входили почти все дипломированные архитекторы и большинство лауреатов Римской премии. Так, с момента своего появления и до войны, в период, когда были сделаны значительные усилия для реализации программы по строительству дешевого жилья (НВМ), L'Architecte уделит им всего восемь статей и покажет лишь один проект, многоквартирный дом, — в 1913 году.

НВМ никогда не получит Римской премии

Об этом проговаривается в том же году другой важный журнал — L'Architecture, орган Центрального общества архитекторов. Его редакторы не игнорируют вопрос о жилье для рабочих (ему посвящено много статей), но стараются сохранять дистанцию. О направлении проектов на выставки архитектор Анри Саладен писал: «Я вижу дома для рабочих, НВМ, экономичное жилье и снова НВМ. Мне не хотелось бы прослыть капризным критиком, но так ли ценно НВМ с художественной точки зрения, чтобы присылать нам проекты в таком количестве? Оно не должно, за исключением каких-то особенных заслуг, фигурировать в Салоне (на выставке). Это отличные работы архитекторов и в то же время это не произведения искусства»¹⁴¹. Таким образом, жилье для рабочих никогда не достигнет того высшего достоинства, которое позволяет претендовать на Римскую премию. Эти милые молодые люди предпочтут, чтобы их имена связывались с резиденцией какого-нибудь посла или с базиликой для паломничества. К счастью, отдельные смельчаки, иногда без дипломов, смогут уйти от формализма и шаблонов и найти решения, подходящие для нужд рабочих. Мы опишем некоторые из них.

Анри Соваж в XVIII округе

В июне 1904 года министр торговли Жорж Труйю, антиклерикально настроенный радикал, открыл в XVIII округе Парижа, на улице Третень, 7, первый многоквартирный дом, построенный Обществом недорогого гигиеничного жилья, во главе которого стоял Франц Журден, один из пионеров архитектуры из металла и решительный противник неоклассицизма.

Анри Соваж, тридцатилетний автор этого шестизэтажного здания с бетонными несущими конструкциями, наполнением из кирпича и предельно четким планом, уже был известен. Ученик мастерской Паскаля в Школе изящных искусств, не получивший диплома, как и Огюст Перре, он стал одним из виднейших архитекторов ар-нуво, уровня Гимара, своего друга, после того как в 1898 году построил в Нанси виллу для мебельщика Мажорея¹⁴². На улице Третень находим все приспособления и удобства, которых требовали утописты и гигиенисты для рабочего жилья: баню и душ, магазин кооперативного потребительского общества «Пролетарский», ресторан, народный университет и даже ныне не существующий висячий сад для принятия солнечных ванн, которые считались средством профилактики туберкулеза. Здесь Соваж отказался от неоготического или растительного декора ар-нуво — лишь в отдельных деталях можно найти его следы. Ансамбль позиционируется как шедевр аскетичности — от которой отказался Перре, покрыв керамическими украшениями весь фасад здания на улице Франклина. В этом разница между XVI и XVIII округами...

На сцену выходят престижные банки

Соваж построит и другие дома для народа в том же духе, в том числе в 1922 году собор на улице Адмиралов (XVIII округ). Кто отныне осмелился бы говорить о дешевой архитектуре? Конечно, не эти «Господа Братья», столь чувствительные ко всему Прекрасному...

. В январе 1905 года Фонд Ротшильда¹⁴³ объявляет «конкурс на строительство нескольких домов с экономичными благоустроенными квартирами» на треугольном участке площадью 5629 квадратных метров в XII округе, недалеко от Лионского вокзала (улицы Пражская, Шарля Бодлера и Теофиля Русселя). Точные параметры не задавались. Это должны были быть дома из нескольких этажей со служебными помещениями, с рентабельностью 3–4%. Конкурс должен был проходить в два этапа, гарантии осуществления победившего проекта не давалось. 31 марта 1905 года 127 анонимных конкурентов представили свои работы, обозначенные девизами, в ратушу, где они были выставлены в актовом зале. В жюри входили шесть архитекторов и шесть членов Фонда, в числе которых были Шейсон, Пико и Зигфрид.

Сначала отобрали 25 проектов, потом число свели до 7. Триумфатором оказался аутсайдер, Адольф-Огюстен Рей, девиз «Все для народа», премия 10 000 франков. Следом шел Анри Провансаль, девиз «*Utile dulci*»*, премия 9000 франков. Оба были учениками Школы изящных искусств и получили диплом государственного образца; Провансаль поддерживал тесные дружеские связи с Соважем. Анатоль де Бодо, по проекту которого была построена церковь Сен-Жан де Монмартр, сошел с дистанции в первом туре; Тони Гарнье, знаменитый благодаря созданию Индустриального городка в Риме, дошел до второго; его проект, напоминавший санаторий, отвечал чаяниям гигиенистов: полное отсутствие дворов и двориков, расположение домов зигзагами для максимального использования естественного освещения, просторные квартиры с ванными комнатами — новшество, которое было еще не во всех буржуазных квартирах.

Участники второго этапа конкурса были единодушны в отношении принципа открытых дворов. Рей выделился

* *Utile dulci* (лат.) — приятное с полезным.

тотальным характером своего проекта: вентиляция по лестницам в форме вертикальных улиц; небывалое оснащение кухонь — мусоропровод, ящик для белья, стенные шкафы, поддон для душа, кладовые с фильтрами для воздуха; полный набор коллективных услуг — душевые кабины, прачечная, сушилка, помещение для велосипедов, ресторан, комната для собраний, комнаты для холостяков, терраса для приема солнечных ванн. Как и Соваж, Рей выбрал в качестве строительного материала бетон («серьезные» архитекторы его тогда презирали), добавив несколько живописных деталей в духе времени — выступающие крыши и маркизы.

Ни один проект не обошел вниманием вопросы, обсуждаемые гигиенистами на протяжении почти тридцати лет: жилье, пропорциональное размеру семьи, изолированные комнаты, осознанный подход к потребностям. Конкуренты сомневались: следовало ли предоставлять рабочим все желаемые услуги, рискуя при этом покуситься на неприкосновенность частной инициативы? Не будет ли обустроенный конференц-зал или библиотека социалистической пропагандой? Не введут ли ясли матерей в соблазн бросить детей? Эти вопросы обсуждались правыми реформаторами с самого начала XIX века.

Конкурс Ротшильда вызвал всеобщий интерес к профессии, и вся специализированная пресса посвятила ему благожелательные статьи. Тем не менее был один пункт, который воспринимался враждебно: фонд заявил о своем намерении создать архитектурное агентство, и верхушка различных группировок усмотрела в этом посягательство на либеральные ценности. Впрочем, эти «Господа Братья» подняли не слишком большой шум: агентство работало эффективно, как одна команда. На мраморной доске, висевшей у входа в каждый дом, построенный фондом, значились фамилии всех, кто был занят в его строительстве, вплоть до контролера.

В первом возведенном доме, находившемся в XI округе, на улице Маршала Попенкура, 1, было 76 квартир. Торжественное

открытие состоялось в 1907 году. Далее появились дома по следующим адресам: улица Бельвиль, 117 (XIX округ), — 102 квартиры (1908 год); Пражская улица, 10 (XII округ), — 321 квартира (1909 год); улица Барг, 11 (XV округ), — 206 квартир (1912 год); улица Маркаде, 256 (XVIII округ), — 420 квартир (1913–1919).

В этом впечатляющем списке особое место принадлежит ансамблю на Пражской улице. Его прозвали «Лувром для народа», потому что он был *non plus ultra*, пределом мечтаний самых смелых утопистов, иногда частично реализованных, как, например, в Фамилистере в Гизе: прачечная с самой современной техникой, включая сушилку, использующую горячий воздух, ваннные комнаты и душевые кабины, профилактические диспансеры, детский сад, группа продленного дня, в которой дети могли оставаться по окончании уроков, а по четвергам* — весь день, школа домашнего хозяйства, кухня, предлагающая горячие блюда два раза в день в целях популяризации здорового и рационального питания.

На этот раз инициатива группы лиц, осведомленных о проблеме и располагающих мощными финансовыми средствами, сыграла свою роль, и последствия этого будут весьма значительными. Оба лауреата конкурса, в особенности занявший первое место Рей, смогут по-настоящему открыть сами себя. Из архитектора, первоначально специализировавшегося на строительстве религиозных сооружений, Огюстен Рей превратится в проповедника НВМ, будет присутствовать на всех конгрессах и опубликует книги и брошюры, в которых выступит чуть ли не сторонником перевода земель в муниципальную собственность. В 1907 году он заменит в Высшем совете НВМ Трела. Шнайдер, генеральный секретарь фонда Ротшильда, присоединится к нему в этом органе в 1912 году, а Аттон тогда же войдет в фонд Лебоди. Эти два человека будут представлять элиту частной инициативы.

* Раньше по четвергам начальные школы во Франции не работали.

Париж объявляет конкурс

В августе 1912 года был объявлен первый городской конкурс на строительство дешевого жилья. Организаторов вдохновил конкурс 1904 года¹⁴⁴, его ждал такой же успех у прессы и публики. Были представлены 111 проектов, 58 — для участка на авеню Эмиля Золя в XV округе, 53 — для участка на улице Анри Бека в XIII округе. В первом случае надо было спроектировать дом из нескольких этажей с пятью разными типами квартир: от четырехкомнатных плюс кухня-столовая, общей площадью 55 квадратных метров, до небольших студий для холостяков — комната с кухонным уголком, площадь которых все же не могла быть меньше 18 квадратных метров.

На улице Анри Бека предполагалось построить нечто гораздо менее комфортное. В данном случае мы видим презрение к беднякам: им отказывают в праве на элементарные удобства и достаточное для жизни пространство, несмотря на указания, данные кандидатам, что их проекты не должны базироваться на «идее барака, рабочего поселка или приюта». Как минимум квартира должна была состоять из общей комнаты и еще одной, разделенной низкой перегородкой. Общая площадь должна была превышать 30 квадратных метров. Интересно было бы узнать, что за «авторитетное лицо» указало на отсутствие необходимости обустроить в квартирах санузлы и водопровод. «Господа Братья» продемонстрировали гораздо большее уважение к парижскому пролетариату...

Первую премию в 15 000 франков получит Пере-Дортай за проект 143-квартирного здания на авеню Эмиля Золя, похожего на дом Ротшильда на улице Бельвиль: по бокам два хозяйственных двора, куда возможен въезд транспорта, в центре — сквер. Альбанк и Гонно будут награждены за проекты для улицы Анри Бека. Была ли отмечена их забота об экономичности? В пикку всем гигиеническим требованиям они спроектировали всего один санузел на две или даже три квартиры. Это было начало карьеры троих упомянутых архитекторов

на ниве строительства социального жилья: после I Мировой войны они окажутся в группе Анри Селье, председателя Агентства НВМ Парижа и департамента Сена и застройщика бульваров Маршалов*, на месте стены Тьера.

Через несколько месяцев после этого похвального усилия Парижа Анри Шерон, министр труда и социальной защиты, почтил своим присутствием окончание строительства коттеджного поселка, к которому общество, вдохновленное радикализмом, испытывало большой интерес. Общество семейного жилья построило сорок коттеджей вокруг сада на улице Давьель, 4 (XIII округ), для семей, в которых было не менее шестерых детей. В них было по три двадцатиметровых комнаты — такого просторного жилья у рабочих еще не было.

Тридцатилетний архитектор, построивший этот жилой комплекс, происходил из далекой провинции, где царили строгие нравы, — Монбельяра**. Сын промышленника-протестанта, выходца из Эльзаса, Жан Вальтер — позже всемирно известный под именем Вальтер де Зеллиджа — уже зарекомендовал себя на востоке Франции. Там он строил дома по неслыханно низким ценам — например, трехкомнатный дом с кухней, погребом и чердаком стоил в Монбельяре 2400 франков. Собратья по творческому цеху не принимали также его предложений по индустриализации отдельных элементов строительства и рационализации стройки.

На пути к «машине для проживания»

Именно по этому пути следует двигаться тем, кто хочет сдавать коттеджи людям, которым скромность доходов не позволяет стать собственниками жилья. Появилось множество

* Бульвары Маршалов — бульварное кольцо в Париже на месте стены Тьера. Названы в честь наполеоновских маршалов.

** Монбельяр — местность на востоке Франции, в 13 км от границы со Швейцарией.

смельчаков, отважившихся на поиски технических решений, которые сделают возможным массовое строительство. В издании *L'Immeuble et la Construction dans l'Est*¹⁴⁵ читаем: «Жилье для многодетных семей следует производить промышленным способом, изобрести новые материалы и строить из них: производить каркасы из дерева, металла, шлакоблоков, из армированного бетона и т. д.; перекрытия, несущие конструкции и лестницы делать одного и того же размера, так же как и двери и оконные рамы; скобяные изделия, сантехника, различные приборы также должны быть унифицированы. Идентичность материалов и изделий из них, простота их использования позволили бы экономить значительные суммы, в то же время допуская определенные внешние различия, что, конечно же, было бы для наших архитекторов лишь игрой». Низкие потолки нисколько не смущали жрецов Прекрасного, несмотря на образование, полученное в школе на улице Бонапарта, где постоянно поминали императорские форумы...

Тем не менее государство очень интересуется этими тривиальными проблемами — такой вывод можно сделать из сообщений в профессиональных газетах в том же 1913 году: министерство труда в 1915 году будет награждать медалями разные общества, занимающиеся строительством дешевого жилья, а также архитекторов, которые найдут лучшие методы производства строительных материалов и изделий и экономично адаптируют их к использованию при строительстве жилья для населения с низкими доходами.

Если бы эта церемония состоялась, можно было бы не сомневаться, что пальму первенства получил бы родившийся в 1853 году ветеран Жорж Кристи, бывший вице-президентом Национального общества архитекторов Франции накануне войны. Редактор профессиональных изданий, занимавшихся популяризацией идеи экономичного жилья, может претендовать на место в истории благодаря понятию «машина для проживания». Раньше Ле Корбюзье, который удивительным

образом тоже пользовался этим термином, никогда не отдавая должного его изобретателю, Кристи представил проект «виллы домино»¹⁴⁶, одноэтажного коттеджа, состоящего из четырех комнат. Он писал: «Решение проблемы дешевого жилья может быть найдено только в использовании приемов экономичного строительства из определенных материалов, в том, что я называю промышленным подходом к строительству домов».

Отныне мы будем добавлять эту цитату к тем, что содержатся в антологиях «Современного движения» (*Mouvement moderne*), прилагая к ним несколько фотографий ансамбля с улицы Саида (XV округ), 60 четырехкомнатных квартир для Группы домов для рабочих: Лабюсьер не без успеха попробовал строить из бетона Энбика. Накануне войны строительство этих аскетичных домов стало лебединой песней частных фондов.

Закон, принятый в 1912 году, принес наконец кое-какие результаты. В мае 1914 года создание Агентства НВМ Парижа и департамента Сена, которому вменялось в обязанности изучение проблем народного жилья и управление домами, построенными на заем в 200 миллионов франков. Публичное не будет пренебрегать компетентностью частного: Шнайдер из Фонда Ротшильда и Лабюсьер из Фонда Лебоди входят в совет директоров агентства, в котором с жаром начинают организовывать ту же структуру, что и у «Господ Братьев». Провансаль и Беснар — лауреаты конкурса 1905 года — туда тоже приглашены, как и Местрас, будущий создатель городского сада в Сюрене.

Однако не будем обольщаться. Интерпретация результатов Публичных архитектурных конкурсов¹⁴⁷ могла заставить поверить в успешную реализацию социальных проектов, но профессионалам известно, что на самом деле рынок выглядит иначе. С начала XX века появилась тенденция к роскоши, что подчеркивают все наблюдатели¹⁴⁸.

В предвоенные годы жизнь подорожала и квартплата тоже возросла, что вызвало негативную реакцию народа,

и отдельные политические деятели поспешили этим воспользоваться. 6 января 1910 года по инициативе Констанана был создан Профсоюз рабочих квартиросъемщиков¹⁴⁹. Время анархистского насилия прошло — Бонно со своей бандой стигнул в уголовном мире, — и профсоюзные ячейки возникли во всех парижских округах и более чем двадцати коммунах предместий Парижа. Все они публикуют программу, которую должны были поддержать левые политические партии: неприкосновенность движимого имущества рабочих, отмена «божьего денье»* и обязательных подарков консьержу, возможность задержки платежей, установление твердых расценок на жилье, ответственность собственника квартир за их санитарное состояние.

Жорж Кошон и «Полька квартиросъемщиков»

В начале 1911 года генеральным секретарем профсоюза квартиросъемщиков был избран Жорж Кошон, парижский рабочий, активный деятель профсоюзного движения, наделенный уникальным чувством юмора и даром публичности. Проводимые им мероприятия были весьма зрелищными, число их умножится после того как в 1913 году он будет смещен со своего поста и организует Национальную и международную федерацию арендаторов жилья — в Париже и провинции.

Казалось, вернулись прекрасные времена Антисобственнической лиги, знаменитой в 1890-х годах внезапными переездами без предупреждения собственников жилья. Снова появились народные песни, восхваляющие парижского Робин Гуда**, имя которого — редкая находка для авторов текстов этих

* Деньги, которые давались консьержу, когда новый жилец заселялся в квартиру.

** Под парижским Робин Гудом подразумевается Жорж Кошон, чья фамилия переводится как «свинья».

песен. «Кошонетка» и «Полька квартиросъемщиков» зазвучат во всех бедных парижских кварталах, а свидетели действия Кошона будут подхватывать хором припев Монтегю*:

Вот Кошон переезжает,
Не сказав о том ни слова,
Вот Кошон переезжает,
Никому не сообщив.

Или:

Вот господин Пуанкаре,
Президент Республики.
А вот господин Кошон,
Президент нищих.

Или:

Это Кошон, это Кошон,
Ему на хозяев плевать.
Это Кошон, его друзья переезжают.
Это Кошон, друг пролетариев.
Это Кошон, ему на начальство начхать.

В июле 1913 года Кошон совершил один из самых дерзких своих подвигов: граф Антуан де Ларошфуко предоставил ему особняк на бульваре Ланн, из которого только что съехал, но плата за который была внесена вперед на полтора года. Кошон заселил туда восемь семей, в которых в общей сложности было тридцать пять детей. На стене этого нового бастиона Шаброль повесил плакат кошоновской Федерации, нарисованный Стейнленом**.

* Монтегю (настоящее имя Гастон Мордехай Брунsvик, 1872–1952) — революционно настроенный французский шансонье.

** Теофиль-Александр Стейнлен (1859–1923) — французский художник-график и иллюстратор, прославившийся плакатами, сценами из жизни Монмартра и «кошачьими» картинами.

В борьбе, вызванной жилищными проблемами, появляются новые действующие лица: они лучше образованы и менее требовательны, но их не могут игнорировать власти. Речь идет о защитниках французской семьи. В 1896 году уже упоминавшийся доктор Ж. Бертильон¹⁵⁰ основал заслуживающий всяческого уважения Национальный союз за рост численности населения Франции, членом которого среди прочих был Шейсон. Мы здесь лишь скоромно упомянем реформу налога на недвижимость. Многодетные семьи среднего класса, принужденные занимать большие квартиры, должны были платить больше. Завышенная ставка налога на недвижимость не говорила о благосостоянии семьи. Конечно, не стоило ждать от Бертильона и его друзей фронтального наступления на собственность, но Народная лига отцов и матерей многодетных семей, созданная в 1908 году капитаном Мэром, отцом десяти детей, будет вести себя куда резче: некоторые ее члены примут участие в антисобственнических демонстрациях левых¹⁵¹.

Геройство Кошона нашло отражение в прессе: журналисты обратили внимание на скандальную ситуацию с бездомными. В 1912 году *Le Matin* — одна из четырех главных ежедневных французских газет, издававшаяся тиражом 600 000 экземпляров, оказывавшая поддержку Бриану и специализировавшаяся на национальных делах, — основала комитет в поддержку дешевого жилья, в который вошли два лауреата Римской премии — Нено, архитектор-советник Фонда Ротшильда и Бернье, автор *Опера-Комик*. Но практически ничего не строится; строительная отрасль не хочет заниматься массовым жильем. Тем не менее 2 августа 1914 года народ всколыхнется*, встанет под знамена вчерашних антимилицаристов, хотя ему будет нечего защищать...

* В отличие от некоторых анархистов и неомальтузианцев, среди которых был скрывшийся в Испании Эжен Юмбер, Кошон дождался 1917 года, чтобы дезертировать. — *Примеч. автора.*

Примечания

1. *Agulhon M.* Le Cercle dans la France bourgeoise (1810–1848). Étude d'une mutation de sociabilité. Paris: Armand Colin, 1977. О понятии «промежуточного пространства» см. заметки Исаака Жозефа (Isaac Joseph) (*Urbi*. 1980. No. 3).
2. *Flaubert G.* Correspondance. Paris: Gallimard, 1980 (Bibl. de la Pléiade). Т. II. P. 518. См. письмо Луизе Коле, 29 января 1854 г.; о фиакрах, этих «храмах члена», письмо ей же, 29 ноября 1853 г.; также фиакр Леона и мадам Бовари в Руане.
3. *Edelman B.* La Maison de Kant. Paris: Payot, 1984. P. 25, 26.
4. *Richard M.* Conseiles pratiques aux instituteurs // *Revue pédagogique*. Avril 1881. No. 4. Цит. по: Enseignement primaire et Éducation spécialisée: thèse doctorat de 3e cycle, 1982. P. 51, 52.
5. *Beaumont G. de.* Correspondance avec Alexis de Tocqueville // Tocqueville A. de. Oeuvres complètes. T. VIII/1. Paris: Gallimard, 1967 (письмо № 106, 31 июля 1839 г.).
6. *Regaldo M.* La Décade philosophique (1794–1807). P. 876.
7. См. об этом: *Bertholet D.* Conscience et Inconscience bourgeoise. La mentalité des classes moyennes françaises, décrite à travers deux magazines illustrés de la Belle Époque, 2 vol. Thèse de doctorat de l'université de Genève, 1985. И, шире, о завоевании мира при помощи книг — «Французы, нарисованные ими самими» и «Физиологии» (а также комментарии по этому поводу Вальтера Беньямина). См. также: *Sieburth R.* Une idéologie du lisible: le phénomène des Physiologies // *Romantisme*. 1987. Vol. 1. No. 85. P. 39–61.
8. Это подчеркнуто в работе: *Mogue A-L.* La Littérature antiféministe en France, de 1871 à 1914: Thèse du 3e cycle. Paris-III, 1983.
9. *Canetti E.* La Langue sauvée. Histoire d'une jeunesse (1905–1921). Paris: Albin Michel, 1980.
10. *Claverie É., Lamaison P.* L'Impossible Mariage. Violence et parenté en Gévaudan au XVIIe, XVIIIe et XIXe siècle. Paris: Hachette, 1982. P. 80; *Hubscher R.* L'identité de l'homme et de la terre // *Histoire des Français, XIXe–XXe siècle / Direction d'Yves Lequin*. Т. 1: La Soci-

- été. Paris: Armand Colin, 1984. P. 11–57 (два фундаментальных исследования).
11. La Question du logement et le Mouvement ouvrier français / Ed. par J.-P. Flamand. Paris: Éd. de la Villette, 1981.
 12. *Gribaudo M.* Espace ouvrier et parcours sociaux. Turin dans le premier-siècle. Сообщение, резюмирующее тезисы диссертации «Procès de mobilité et d'intégration. Le monde ouvrier turinois dans le premier-siècle». Paris: EHESS, 1985.
 13. *Gervaise P.* Les Passages de Levallois-Perret (1860–1930): thèse du doctorat. Paris-VII, 1985; об образе жизни в трущобах Лилля — ценное свидетельство в кн: *Vanderwielen L.* Lise du Plat-Pays. Lille: Presse universitaire, 1983, и в послесловии Франсуазы Крибье.
 14. *Perrot M.* Les ménagères dans l'espace parisien au XIXe siècle // *Annales de la recherche urbaine.* 1980. Automne. No. 9.
 15. *Reybaud L.* Le Coton, son régime, ses problèmes, son influence en Europe. Paris: Calmann-Lévy, 1863. Автор подчеркивал привязанность ткачей-надомников к своему жилищу (пример: «Они скорее согласятся на меньшую оплату, чем на переезд на новое место. Их держит то, что они находятся под собственной крышей, около своей семьи и имеют кое-какую свободу», p. 222).
 16. Цит. по: *Rancière J.* La nuit des prolétaires. Archives du rêve ouvrier. Paris: Fayard, 1981.
 17. *Perrot M.* Les ouvriers, l'habitat... P. 28.
 18. *Bédarida F.* La vie de quartier en Angleterre. Enquêtes empiriques et approches théoriques. Le Mouvement social. 1982. Vol. 1. No. 118. P. 14.
 19. *Verret M.* L'Ouvrier français. L'Espace ouvrier. Paris: Armand Colin, 1979.
 20. *Robert D., Encrevé A.* Mémoires de l'évangéliste David Gétaz // *Bulletin de la société d'histoire du protestantisme français.* 1984. Oct. — déc. T. CXXX. No. 4. P. 480–555.
 21. Le Journal intime de Caroline B. Enquête de Michelle Perrot et Georges Ribeill. Paris: Montalba, 1985. P. 211: «Меня никогда никто не увидит за такими нежностями на людях».
 22. Цит. по: *Leroux-Hugon V.* Infirmières des hôpitaux parisiens (1871–1914). Ébauches d'une profession, thèse de 3e cycle. Paris-VII, 1981. P. 160.

23. *Truquin N.* Mémoires et Aventures d'un prolétaire à travers les révolutions. Paris: 1888. P. 203–204.
24. Dictionnaire d'économie politique. Paris: Librairie de Guillaumin et cie, 1852. P. 868 (статья «Hospices»).
25. *Flaubert G.* Op. cit. P. 701 (письмо Морису Шлезингеру, начало апреля 1857 г.).
26. *Ibid.* P. 666 (письмо Элизе Шлезингер, 14 января 1857 г.).
27. *Martin du Gard R.* Le lieutenant-Colonel de Maumort. Paris: Gallimard, 1983. В этом во многом автобиографическом романе описания интерьеров занимают особое место. Автор вспоминает о Гонкурах и о длинном описании салона принцессы Матильды.
28. *Strachey L.* Lancaster Gate // *Urbi*. 1984. IX. P. III–XI.
29. Topographie physique et médicale de Brest et sa banlieue. 1834.
30. La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. Paris: SEVPEN, 1963.
31. De l'inégalité social dans une grande ville industrielle: le drame de Lille de 1850 à 1914. Lille: Éditions universitaires, 1976.
32. Статья Л. Ру (L. Roux) в *Le Cabinet de lecture*, декабрь 1838; литография Ж. Картли для *Le Magasin pittoresque*, декабрь 1847 г.
33. Принято 15 июля 1848 г.
34. 22 июля 1862 г.
35. Постановление от 23 июля 1884 г.
36. Постановление от 13 августа 1902 г.
37. По этому вопросу см. подробнее: *Hauteceur L.* Histoire de l'architecture classique en France. Paris: Picard. T. VI, VII. 1955, 1957.
38. *Reybaud L.* Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale. Paris: Paulin, 1864.
39. *Deaucourt J.-L.* Le Concierge, mythe et réalité. DEA, Paris-VII, décembre 1981.
40. В романе «Накипь».
41. *Aron, J.-P.* Le Mangeur du XIXe siècle. Paris: Lafont, 1973. 310 p.
42. *Cardon É.* L'Art au foyer domestique. Paris: Librairie Renouard, 1884.
43. *Du Camp M.* Souvenirs littéraires (1882); *Rochefort H.* Les Aventures de ma vie (1896–1898); *Bataille H.* L'Enfance éternelle (1922).
44. La Bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848.

45. L'Architecture française, recueil de plans, élévations, des maisons particulières, châteaux, maisons de campagnes, bâtis nouvellement par les plus habiles architectes. Paris: Chez Jean Mariette, 1727.
46. Principes techniques d'assainissement des villes et habitations suivis en Angleterre, France, Allemagne, États-Unis et présentés sous forme d'études sur l'assainissement de Paris: 1884.
47. *Gerran R.-H.* La bataille du tout-à-l'égout // L'Histoire. 1983. Fév. No. 53. P. 66-74.
48. *Martin-Fugier A.* La Place des bonnes: la domesticité féminine a Paris en 1900. Paris: Grasset, 1979.
49. Le siècle de l'éclectisme, Lille 1830-1930. Bruxelles: Archives de l'architecture moderne, 1979. T. 1.
50. *Veillard J.-Y.* Rennes au XIXe siècle, architectes, urbanisme et architecture. Rennes: Éd. Du Thabor, 1978.
51. *Chaline J.-P.* Le Bourgeois de Rouen, une élite urbaine au XIXe siècle. Paris: Presse de la Fondation nationale des sciences politiques, 1982.
52. *Bourgeois Th.* La Ville moderne. 1903.
53. *Marrey B., Monnet J.-P.* La Grande Histoire des serres et des jardins d'hiver, 1780-1900. Paris: Graphite, 1984.
54. *Derouet Ch.* Grandes Demeures angevines au XIXe siècle, l'œuvre de René Hodé entre 1840 et 1870. Paris: Caisse nationale des monuments historiques, 1976.
55. *Bedon M.* Le Château au XIXe siècle en Vendée. Fontenay-le-Comte: Lussaud, 1971.
56. Viollet-le-Duc. Paris: Galeries nationales du Grand Palais, 1980.
57. *Rotschild Guy de.* Contre bonne fortune... Paris: Balland, 1983.
58. *Chabot P.* Jean et Yvonne domestiques en 1900. Paris: Tema-Édition, 1977.
59. *Burnet L.* Villégiature et Tourisme sur les côtes de France. Paris: Hachette, 1963.
60. La Ville d'hiver d'Arcachon. Paris: Institut français d'architecture, 1983.
61. *Désert G.* La Vie quotidienne sur les plages normandes du Second Empire aux années folles. Paris: Hachette, 1983.
62. См.: *Donnard J.-H.* Les Réalités économiques et sociales dans la «Comédie humaine». Paris: Armand Colin, 1961. P. 173-194.

63. Cahiers de l'architecture rurale, 1790–1791.
64. *Lasteyrie C. P.* Traité des constructions rurales. Paris: Chez F. Buisson, 1802.
65. Traité des constructions rurales et de leur disposition. Paris: Ve Bouchard-Huzard, 1858–1860. 2 vol.
66. *Pertius de Laillevaut L.* Traité d'architecture rurale. Paris: Chez Deterville, 1810; *Vitry U.* Le propriétaire architecte. Paris: Audot, 1827; *Roux A.* Recueil de constructions rurales et commerciales. 1843.
67. *Considerant V.* Destinée sociale. Paris: Chez les libraires du Palais-Royal, 1834.
68. Recueil des principaux travaux des conseils de salubrité du département de l'Aube. 1835.
69. *Bon H.* Recherches hygiéniques sur les habitants de la campagne de la commune de Lacaune. 1837.
70. Rapport d'un voyage fait dans les cinq départements de la Bretagne pendant les années 1840 et 1841 // Mémoires de l'Institut (Académie des sciences morales et politiques). 1844. T. IV. P. 635–794.
71. Voyage dans le Finistère ou État de ce département en 1794 et 1795. Paris: De l'imprimerie-librairie du Cercle-Social, 1798. 3 vol.
72. Mémoire en faveur des travailleurs et des indigents de la classe agricole des communes rurales de France. Nevers: I.-M. Fay, 1844.
73. Заседание Генерального совета 30 августа 1850 года, доклад о непригодных для жилья домах (Archives nationales, F8 210).
74. *Dr Bertrand.* Mémoire sur la topographie médicale du département de Puy-de-Dôme. Paris: Chez Baillière, 1849; *Édouard Noël J.-S.* Quelques considérations générales sur l'hygiène dans les campagnes des Vosges. Paris: 1851.
75. Tableau des populations rurales de la France en 1850. 1851. Jan. P. 9–27.
76. *Eugène Deflandre J. F.* Essai sur l'hygiène des campagnes de la Picardie: thèse de Paris: 1853; *Abel-Poullain N. P.* Essai sur l'hygiène des habitants dans le canton d'Arc-en-Barrois (Haute-Marne): thèse de Montpellier, 1855; *Henri Demathieu, J. B. M.* Essai sur l'hygiène du paysan du haut Limousin: thèse de Paris: 1863; *Castenau P.* Quelques Considérations sur sur l'hygiène d'une partie de la population de la Haute-Garonne: thèse de Montpellier, 1864.

77. *Caradec L.* Topographie médico-hygiénique du département du Finistère ou Guide sanitaire de l'habitant. Brest: Anner, 1860.
78. *Baurdrillart H.* Les Populations agricoles de la France, 1885–1893, Paris: Librairie Guillaumin et Cie, 1893. 3 vol.
79. *Layet A.* Hygiène et Maladies des paysans, étude sur la vie matérielle des campagnards en Europe. Paris: G. Masson, 1882. P. 36–76.
80. *Chevalier A. Le.* Essai sur l'habitation rurale en Bretagne. 1898.
81. *Young A.* Voyages en France. Paris: Librairie Armand Colin, 1932. T. 1 (Préface).
82. Nouvelle Histoire de Paris: la Deuxième République et le Second Empire, 1848–1870. Paris: Hachette, 1981.
83. *Chevalier L.* Classes laborieuses et Classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle. Paris: Plon, 1958; *Daumard A.* Maisons de Paris et Propriétaires parisiens au XIXe siècle, 1809–1880. Paris: Éd. Cujas, 1965; *Guerrand R.-H.* Les Origines du logement social en France. Paris: Éditions ouvrières, 1966.
84. Rapport sur la marche et les effets du choléra-morbus dans Paris et les communes rurales du département de la Seine. 1854; *Leca A.-P.* Et le choléra s'abattit sur Paris. Paris: Albin Michel, 1982.
85. *Gaillard J.* Paris: la ville, 1852–1870. Paris: Champion, 1976.
86. *Dr Octave de Mesnil.* L'Habitation du pauvre. Paris: Librairie Jean-Baptiste Baillière et fils, 1890; *Comte d'Haussonville.* Misère et Remède. Paris: Calmann Lévy, 1886.
87. *Fernandez M.* La Ceinture noire de Paris: thèse de 3e cycle. Paris-VII, 1983.
88. Rapport général sur les épidémies pendant l'année 1882. 1884.
89. L'Épidémie cholérique de 1892 dans le département de la Seine. Conseil d'hygiène et de salubrité du département de la Seine, 1893.
90. *Bertillon J.* Essai de statistique comparée du surpeuplement des habitations à Paris et dans les grandes capitales européennes. Paris: Imprimerie Chaix, 1894.
91. *Villermé L. R.* Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. Paris: Jules Renouard et Cie, 1840. 2 vol.

92. *Blanqui A.* Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Paris: Librairie Pagnerre, 1849.
93. *Simon J.* L'Ouvrière. Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1861. P. 146–176.
94. *Babelon J.-P.* Les cités ouvrières de Paris // *Monuments historiques.* 1977. No. 3. P. 50–54.
95. *Duroselle J.-B.* Les Débuts du catholicisme social en France (1822–1870). Paris: PUF, 1951.
96. *La Construction moderne* 1890, 1 févr. P. 200–202; 1890, 20 sept. P. 598–600; *Bulletin de la Société française des habitations à bon marché.* 1890. No. 2. P. 119–152.
97. *L'Architecture et la Construction dans l'Ouest.* 1907. Sept. P. 102–107.
98. *Bulletin de la Société française des habitations à bon marché.* 1890. No. 3. P. 204–224; 1891. No. 3. P. 316–346. См. также: *Marrey B.* Rhône-Alpes. Paris: Éd. de l'Équerre, 1982.
99. *Fourier Ch.* La Fausse Industrie... Paris: Bossange, 1835–1836. 2 vol.
100. Из рекламного объявления книги Фурье «Nouveau Monde industriel et sociétaire» (1830).
101. *Fourier Ch.* Traité de l'association domestique-agricole. Paris: Bossange, 1822.
102. *Considerant V.* Op. cit.
103. О Каллане см. нашу работу «Les Origines du logement social en France» // Op. cit. Ch. IV. P. 153–160.
104. Основная работа написана его женой Марией Море: Documents pour une biographie complète de J.-B. A. Godin. Familistère de Guise (Aisne), 1902–1910. 3 vol. См. также недавние исследования: *Desroche H.* La Société festive: du fouriérisme écrit au fouriérismes pratiqués. Paris: Éd. du Seuil, 1975; *Brauman A.* Le Familistère de Guise ou les Équivalents de la richesse. Bruxelles: Archives d'architecture moderne, 1976; *Le Familistère Godin à Guise. Habiter l'Utopie.* Paris: Éd. de la Villette, 1982. *Delabre G., Gautier J.-M.* Godin et le Familistère de Guise. Laon: Société archéologique de Vervins et de la Thiérache, 1983.
105. *Godin, J.-B. A.* Solutions sociales Le palais social. Paris: A. le Chevalier: Gillaumin et Cie, 1871. P. 435–625. Эта книга, подготовленная и про-

- комментированная Ж.-Ф. Реем и Ж.-Л. Пинолем, была переиздана в 1979 году (Quimperlé, La Digitale).
106. *Godin, J.-B. A. Op. cit. P. 461.*
 107. *Duval F.J.-B. André Godin et le Familistère de Guise. 1905.*
 108. *Roberts A. D. Zola and Fourier: thèse de l'université de Pennsylvanie, 1959.*
 109. *Figueroa J. La politique du logement de la Société des houillères de Blanz y de 1833 à 1900 // Milieux. 1980. Juin. No. 2. P. 34-39.*
 110. *Bougaud M. Communication à la Société d'encouragement à l'industrie nationale, le 26 mars 1886 (Ф. Баптерос скончался годом ранее).*
 111. *Выставка 1889 г. Menier, type des maisons de Noisiel; Bulletin de la Société française des habitations à bon marché. 1892. No. 4. P. 450-455; Marrey B. Un capitalisme idéal. Paris: Clancier-Guénaud, 1984.*
 112. *Société des mines de Dourges. Habitations ouvrières, 1909.*
 113. *Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse. 1852. Août. No. 117. P. 127-129.*
 114. *Rapport du Comité d'économie sociale sur la construction d'une cité ouvrière à Mulhouse // Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse. 1864. Avr. No. 124. P. 299-316.*
 115. *Rapport sur les forces matérielles et morales de l'industrie du Haut-Rhin pendant les dix dernières années (1851-1861) // Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse. 1862. Oct. P. 469-473.*
 116. *Les institutions privées du Haut-Rhin, notes remises au comité départemental de l'Exposition universelle de 1867 // Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse. 1867. Févr. P. 81-91.*
 117. *Об истории городка см. исследование: Jonas S. La Cité de Mulhouse (1853-1870): un modèle d'habitas économique et social du XIXe siècle. Paris: Secrétariat de la Recherche architecturale, 1981. Современная точка зрения членов Промышленного общества была изложена Ж.-П. Оли в журнале, выпущенном по случаю 150-летия общества (1976. No. 3. P. 111-115).*
 118. *Muller É. Cité ouvrière à Paris: faubourg Saint-Antoine. Maisons isolées avec jardins.*

119. Journal officiel. 1875. 14 août. No. 222. Annexe N 3283 (séance du 27 juillet). P. 6788-6792.
120. О Ле Пле см.: *Duroselle J.-B.* Op. cit. P. 672-684.
121. L'École de la paix sociale, son histoire, sa méthode et sa doctrine. 1881. Программа правительства, ст. 2: «Облегчить семье возможность приобретения жилья в собственность».
122. *Le Play F.* La Reforme sociale. Paris: Plon, 1864. 2 vol.
123. Ibid. T. I. P. 170-181.
124. Ibid. T. II. P. 14-21.
125. Congrès international d'hygiène, de sauvetage et d'économie sociale tenu à Bruxelles du 27 septembre au 4 octobre 1876. Paris: Germer Baillière, 1877. T. II. P. 487-550.
126. Congrès international d'hygiène tenu à Paris du 1 au 10 août 1878. Paris: Imprimerie nationale, 1878. P. 1-8.
127. Устав и типовые условия этого общества опубликованы в: Bulletin de la Société française des habitations à bon marché. 1893. No. 3. P. 250-279.
128. L'Économiste français. 1881. 27 août.
129. *Rostand E.* L'Action sociale par l'initiative privée. Paris: Guillaumin et Cie, 1892. L'Habitation du peuple. P. 147-348; *Dumont G.* La Question du logement sociale à Marseille de 1875 à 1939: thèse de 3e cycle, université d'Aix-Marseille, 1973.
130. Bulletin de la Société française des habitations à bon marché. 1890. No. 1. P. 35-75.
131. La Construction moderne. 1898. 29 juillet. P. 210-212.
132. 1 февраля и 1 марта 1903 г.
133. Beton armé, organe des concessionnaires et agents du système Hennebique. Sept. 1903. P. 49-51.
134. Большинство домов, которые мы упоминаем, описывались в статьях, иногда с иллюстрациями, в La Construction moderne и Le Bulletin de la Société française des habitations à bon marché.
135. Maisons de campagne, Villas et Cottages. 1913.
136. Pour construire sa maison. 1919.
137. См. нашу работу: *Guerrand R.-H.* L'Art nouveau en Europe. Paris: Plon, 1965.

138. *Lucas Ch.* Études sur les habitations à bon marché en France et à l'étranger. Paris: 1899; *Provensal H.* L'Habitation salubre et à bon marché. Paris: Charles Schmid, 1908; *Schatzmann E.* Conditions hygiéniques nécessaires dans l'habitation des enfants. 1911; *Guillot É.* La Maison salubre. Paris: H. Dunod et E. Pinat, 1914.
139. *Hatton E.* Fondation «Groupe des maisons ouvrières», ses immeubles en 1907, leur exploitation, services généraux. 1907.
140. Les Garnis d'ouvriers à Paris. 1900. 1er juin. P. 823–851; L'Habitation de la jeune fille dans les grandes villes. 1901. 16 juil. P. 145–153.
141. L'Architecture aux salons de 1913. 1913. 14 juin.
142. О Соваже см. каталог выставки, организованной Обществом дипломированных архитекторов, состоявшейся в Париже в 1976 г. (Bruxelles, Archives de l'Architecture moderne: 1976).
143. О Фонде Ротшильда до сих пор существует лишь одна работа: *Dimont M.-J.* La Fondation Rontschild et les Premières Habitations à bon marché de Paris: 1900–1914. Mémoire de 3e cycle, Unité pédagogique d'architecture. 1980. No. 1.
144. Ville de Paris. Premier Concours pour la construction d'HBM: отчет жюри.
145. 1913. 12 oct. P. 461–463.
146. Moniteur des beaux-arts et de la construction. 1913. Août-sept. P. 1854–1855; 1914. Janv. P. 1909–1914.
147. Revue mensuelle. 1895–1914.
148. См. текст А. Гайярдена в *La Construction moderne* (1913. 2 févr.).
149. Впервые движение парижских квартиросъемщиков исследовала Сюзанна Магри. См.: *Magri S.* Le Mouvement des locataires à Paris et dans la banlieu parisienne, 1919–1925. Paris: Centre de sociologie urbaine, 1982.
150. О Бертильоне — «воспроизводителе населения» см. нашу работу: *Guerrand R.-H.* La Libre Maternité, 1896–1969. Paris: Casterman, 1971.
151. О семейном движении см.: *Talmy R.* Histoire du mouvement familial en France, 1896–1939. Paris: UNCAF, 1962. P. 317, 382.

ГЛАВА 4
ЗАКУЛИСЪЕ

Ален Корбен

Согласно Луи Дюмону, Декларация прав человека провозглашает триумф индивида, но в XIX веке индивид остается категорией абстрактной, расплывчатой. Гражданин медленно получает всю полноту прав. Установленное в 1848 году право всеобщего голосования распространяется исключительно на мужчин. Гарантии тайного голосования утверждены лишь в 1913 году — с этого момента вводятся кабины для голосования и конверт для бюллетеня.

Личности не хватает законодательных основ. Члены Учредительного собрания хотели бы зайти дальше в определении ее прерогатив, но вмешались «обстоятельства» или, возьмем глубже, фундаментальный якобинизм, сопротивлявшийся появлению настоящего *habeas corpus*, которое до сих пор все еще не установлено во французском праве. Однако это заботит умы законодателей. В 1792 году провозглашена неприкосновенность жилища, в 1795-м — запрещены ночные обыски. Дом и ночь становятся пространством-временем *privacy*, признается человеческое достоинство (запрещаются почти все виды телесного наказания) и свобода. Гомосексуальность, например, больше не считается преступлением, если только она не посягает на стыдливость и не проявляется публично.

Прогресс в юриспруденции в XIX веке отстает перед натиском публичной или семейной власти. Право тайны переписки признано с большим опозданием. Только при Третьей республике был введен запрет на контроль корреспонденции в почтовых отделениях. Однако мужьям не запрещалось следить за перепиской супруги, а в интернатах и тюрьмах беззастенчиво вскрывали все письма.

Развитие средств информации ставит новые проблемы. Арман Каррель дерется на дуэли с Эмилем де Жирарденом,

угрожавшим опубликовать в газете La Presse его биографию; он гибнет и платит жизнью за право иметь личные тайны. Пресса гоняется за «жареными фактами», раскрывающими скандалы частной жизни. Надо постоянно прятаться, использовать псевдонимы и замечать следы: XIX век — это маскарад. «Нежелательные последствия господства общественного мнения, что, впрочем, защищает свободу, заключаются в том, что оно вмешивается туда, где ему нечего делать, — в частную жизнь», — пишет Стендаль.

«Желание все узнать», увидеть и услышать заставляет проводить время у замочной скважины; XIX век — это время разнообразных расследований, слежки за разными группами людей и отдельными индивидами; назрела необходимость защищать личность. Так, в начале века в тюрьме Шарантон столкнулись два мнения, начальника тюрьмы и местного врача Ройе-Коллара. Первый желал собрать досье на каждого заключенного, проследить его медицинскую и социальную историю; второй считал это чуть ли не инквизицией (см. у Джен Голдстейн*). В этом проявляется двусмысленность современности — с одной стороны, научные достижения, позволяющие узнать многое, с другой — забота о себе, о своих тайнах.

И вот повсеместно, конечно, в зависимости от социальных и местных условий, в идеях и нравах проявляется мощное стремление к индивидуализации жизни. Закон отстает от происходящего. На деле все большее количество людей восстает против коллективных порядков и семейной кабалы и требует личного времени и пространства. Спать отдельно от других членов семьи, спокойно читать книгу или газету, одеваться по своему вкусу, ходить куда хочешь, есть что хочешь, гулять с кем хочешь, любить кого хочешь... Все это говорит о праве на счастье, которое предполагает выбор собственной судьбы.

* Джен Голдстейн (р. 1946) — американский историк, исследовательница психиатрии, профессор Чикагского университета.

Демократия легитимизирует желание быть счастливым, рынок его подогревает, миграции благоприятствуют ему. Город, эта новая граница, снимает семейный или местный гнет, стимулирует амбиции, меняет убеждения. Город создает свободу, открывает новые удовольствия; город, который так часто оказывается жестокой мачехой, завораживает, несмотря на все проповеди моралистов. Парадоксальным образом он притягивает к себе толпы и отдельных индивидов, провоцирует одновременно разрыв с прошлым и события в будущем.

Денди, художник, интеллеktуал, бродяга, оригинал воплощают протест против массового конформизма. Однако, помимо этих фигур, неизбежно составляющих меньшинство, есть и более многочисленные группы, которые настойчиво требуют права на существование: подростки, женщины, пролетарии. Женщин не устраивает прежде всего патриархальная система; их крики и шепот, очень надеюсь, звучат на каждой странице этой книги. Пролетарии же критикуют буржуазный порядок. При этом классовое сознание, проявляющееся все сильнее, не исключает взрыва желаний и разнообразия проектов. «Мы из таких же плоти и костей, как и вы», — говорили в 1890 году рабочие Вьена своим хозяевам. Либертарианский синдикализм разделяет неомальтузианские предложения о сокращении рождаемости. «Многодетные семьи порождают нищету и рабство. Имей мало детей». «Женщина, научись становиться матерью лишь по своему желанию», — призывает Всеобщая конфедерация труда. Никогда индивидуалистические анархистские настроения в обществе не были столь активными, как в конце века (М.-Ж. Давернас). Свобода тела, интерес к природе и спорту, свободная любовь — вот основы «свободных кругов»: отвага их представителей встречает сопротивление приличий и условностей. Не так-то легко выпускать на волю свои желания.

Юридически слабый, индивид становится глубже и структурируется. Человеку вообще (как грамматической категории)

и безмятежному человеку эпохи Просвещения романтизм противопоставляет своеобразие лиц, темноту ночи и снов, переменчивость интимных связей и реабилитирует интуицию как форму сознания (см.: Gusdorf G. L'Homme romantique). Не только внутреннее пространство становится предметом его самосозерцания («Я представляю собой неподвижное пространство, в котором вращается мое солнце и мои звезды», — пишет Амьель), более того, он — центр и выразитель мира. «Внешнее надо искать внутри себя», — говорил Виктор Гюго. Сознание становится маргинальным, на первый план выступает бессознательное, которое руководит людьми; именно в нем — ключ к пониманию их поступков. Целые общества подпадают под власть образов.

В XIX веке научные основы «чистого индивида», по выражению Марселя Гоше, следовало искать в нейробиологии. Неопозитивистская и материалистическая французская медицина отступает под натиском германского органицизма и продолжает разграничивать «тело» и «душу», хотя эта граница становится все менее заметной. Стоит ли видеть здесь корни латинского сопротивления психоанализу? Или же их надо искать в отказе считать семейную сексуальность причиной истерии, неврозов и прочих личных проблем (Элизабет Рудинеско)? Или сослаться на большое разнообразие семейных структур во Франции и ослабление фигуры отца (Э. Ле Бра)? Индивидуальность француза выделяется на фоне других западных типов, что порождает сравнения.

Во время, когда ширится движение толпы, утверждается политическая, научная и, особенно, экзистенциальная ценность индивида. Именно в этом чудесном открытии себя через себя, которое порождает новые связи с окружающими, убеждает нас Ален Корбен. Настало время проникнуть за кулисы театра, где разыгрывается главная интрига.

Мишель Перро

СЕКРЕТ ИНДИВИДА

Индивид и его след

Оригинальность имени, или «имя для себя»

На протяжении всего XIX века проявляется и распространяется стремление к индивидуальной идентичности. Первый показатель этого — имена, которые дают новорожденным. Начавшийся в XVIII веке процесс рассеивания имен продолжается; он вступает в противоречие с реформой, начатой католической церковью, которая желала придать вес наиболее важным святым. Революция в данной области не оказала сильного влияния; может быть, лишь ускорила начавшийся ранее процесс.

На протяжении десятилетий процесс рассеивания имен идет циклично, под влиянием моды. Эти циклы становятся все короче; ускорение говорит одновременно о стремлении к индивидуализации, о разрыве межпоколенческой связи и о желании подчиниться новой норме, установленной правящим классом. Мода на отдельные имена распространяется сверху вниз, от аристократии к народу, из города в деревню. Усложнение социальной иерархии благоприятствует распространению моды по «системе капилляров».

В то же время обычай давать детям какие-то определенные имена постепенно сходит на нет. Наречение ребенка именем крестного отца или крестной матери, то есть, традиционно, именем деда или бабушки, двоюродного деда или двоюродной бабушки, старшего сына — именем отца или покойного деда,

чаще встречается в деревне; хотя не стоит преувеличивать вероятность заката этого явления, все же надо сказать, что оно вступает в противоречие с новой модой. То, что отмирает обычай передачи имени в семье от отца к сыну, говорит об изменениях в наследовании имущества и в то же время в отношении к имени как к чему-то священному. Потеря веры в наследование вместе с именем характера свидетельствует об индивидуализме.

Существование семей со сложной структурой, вероятность путаницы из-за небольшого выбора имен приводят к тому, что система наречения детей остается очень архаичной. Так обстоят дела в некоторых деревнях Центра и Юга, в частности в Жеводане. Здесь по имени почти никого не называют — его место занимает прозвище. Имя отца по-прежнему тесно связано с домом, и тот, кто, женившись, приходит в семью жены примаком, теряет свое имя. В то же время в этих деревнях эволюция благоприятствует новому использованию имени, полученному при крещении, и верности имени отца, записанного при регистрации ребенка. Использование прозвищ постепенно вытесняется в маргинальные круги: артистическую среду, богему, преступный мир, бордели, которым был свойствен архаичный тип поведения.

Надо сказать, что начавшийся процесс диверсификации объясняется не только желанием индивидуализироваться. Одинаковые имена увеличивают вероятность путаницы, чему способствует также урбанизация, поэтому возникает стремление к оригинальности в именах. Рост числа грамотных и посещающих школу создает новые связи человека, его имени и фамилии. Кольцо для салфетки и металлический стаканчик, обложка тетради, метки на одежде и монограммы, вышитые на белье из приданого девушки на выданье, инициалы на одежде живущих в пансионатах и многое другое напоминает о неотступном присутствии имени и фамилии. Растет число брачующихся, которые в состоянии поставить подпись

в свидетельстве о браке. Начиная с эпохи Реставрации, пишет Жар-Клод Польгон, в Фонтенбло появился обычай писать свои инициалы на скалах или стволах деревьев. Это было принято среди бедняков: понимая, что, в отличие от сильных мира сего, они не оставят никакого следа в этом мире, они рассчитывали на то, что их инициалы, процарапанные на коре деревьев или камнях, сохранятся навсегда.

Во второй половине века циркуляция почтовых отправок — а именно восьми миллионов открыток в год к началу 1900 года — способствовала накоплению символов «меня» и индивидуальных знаков принадлежности; это иллюстрируют, в частности, ставшие обыденностью визитные карточки и записные книжки. Даже домашние животные постепенно получают собственные имена; уже во времена Июльской монархии писательница Эжени де Герен изысканным образом назвала любимых собачек.

Зеркало и телесная идентичность

Созерцание собственного образа понемногу перестает быть привилегией. В связи с этим стоит пожалеть о том, что нет большого исследования распространения и способов использования зеркал. Множество признаков говорит о том, что история взгляда на себя важна. В деревнях в XIX веке настоящее зеркало есть только у цирюльника, и оно предназначено исключительно для мужчин. Бродячие торговцы продают маленькие зеркальца, в которые женщины и девушки могут посмотреть на свое лицо, но больших зеркал, в которых можно увидеть себя в полный рост, в сельской местности нет. Крестьяне постигают свою внешность глазами других и слушая внутренний голос. «Как жить в теле, которого никогда не видел в малейших подробностях?» — задается вопросом антрополог Вероника Наум; этот вопрос стоило бы задать историкам сельской жизни. Стало бы понятнее, почему в крестьянской

среде запрещалось пользоваться зеркалом; откуда появилось мнение, что если подарить зеркало ребенку, то он перестанет расти; почему нельзя оставлять зеркало открытым назавтра после чьей-то смерти.

В обеспеченных слоях общества правила хорошего тона предписывали девушке избегать смотреть на себя в зеркало обнаженной, вплоть до отражения в ванне. Существовали даже специальные порошки, которые насыпали в воду, чтобы сделать ее непрозрачной и тем самым избежать стыда. Эротизация образа тела, вызванная подобными запретами, будет преследовать это добропорядочное общество, которое завесит зеркалами бордели и в конечном счете разместит зеркало на дверце шкафа в супружеской спальне.

В конце века распространение зеркал, этого двусмысленного предмета мебели, приведет к возникновению новой телесной идентичности. Нескромные зеркала создают иной стандарт красоты. На сцену выходит эстетика стройности, и диетология направляется по новому пути.

Демократизация портрета

Не менее важным моментом в социальной жизни будет и распространенность портретов, «прямая функция самоутверждения и осознания себя», как отмечает Жизель Фройнд. Приобретение и выставление напоказ собственного изображения снижает чувство тревоги; владелец портрета заявляет о собственном существовании и гарантирует, что оставит след в этом мире. Портрет означает жизненный успех, демонстрирует положение в обществе. Для буржуа, одержимого ролью героя-основателя, как раньше для аристократа, речь теперь идет не о том, чтобы вписаться в непрерывность поколений, но о том, чтобы продемонстрировать потомству престиж своего личного успеха. В это время каждый лавочник создает свое генеалогическое древо и гордо выставляет его напоказ.

Разумеется, мода на портрет проникает в процесс имитации, что давно уже было замечено Габриэлем Тардом^{*}; портрет удовлетворяет желание равенства. Не забудем и о стимулирующей роли техники, которая умножает желание иметь собственное изображение, становящееся одновременно товаром и инструментом власти.

Портреты, долгие годы остававшиеся привилегией аристократии и богатой буржуазии, на закате Старого порядка получают распространение и становятся все более интимными. Тогда царила миниатюра, и любимыми лицами стали украшать кулоны, медальоны, крышечки пудрениц. Писатель Барбе д'Оревилли подчеркивал жар, с которым элита эпохи Реставрации поддерживала моду на портрет-украшение. Для дамы с бульвара Сен-Жермен превращение своего тела в портретную галерею предков означало попытку символическим образом стереть из истории Революцию.

Между 1786 и 1830 годами физионотрас, изобретение Жюль-Луи Кретьена, весьма поспособствовал распространению моды на портреты, по крайней мере в столице. Буквально за одну минуту художник воспроизводил при помощи аппарата контуры тени от лица модели; дальше надо было лишь перенести профиль на металлическую пластинку и сделать гравировку, и можно печатать сколько угодно изображений по умеренным ценам. При желании можно было делать эти портреты на дереве или слоновой кости, или же, на английский манер, прикреплять к рисунку волосы и одежду. К сожалению, эти изображения, иногда очень похожие на модель, были статичными и невыразительными. Дагеротипия исправит этот недостаток и будет с успехом выполнять социальный заказ.

В 1839 году Дагер подал заявку на получение патента на изобретение процесса, который позволяет фиксировать единственное изображение на металлической пластинке после

^{*} Габриэль Тард (1843–1904) — французский социолог и криминолог.

пятнадцатиминутной экспозиции. Стоит такой портрет от пятидесяти до ста франков. Художник, желавший прежде всего выразить психологию модели и в меньшей степени — подчеркнуть социальную значимость изобретения, создавал портрет с учетом внешности и психологии. К сожалению, не было возможности тиражировать чистые, четкие изображения, полученные при помощи дагеротипии.

Демократизировать портрет позволит фотография. Впервые человеку из народа станут доступны фиксация, обладание и серийное воспроизведение своего образа. Изобретение, патент на которое получен 1841 году, в течение десяти следующих лет будет технически совершенствоваться. Время экспонирования будет понемногу сокращаться, и в 1851 году экспозиция станет мгновенной. В 1854 году Дисдери* начинает печатать фотографии размером с визитную карточку (6 × 9 см). С этих пор фотография стала вытеснять дагеротипию. В 1862 году Дисдери продавал по две тысячи четыреста карточек в день. Надо сказать, что теперь для изготовления клише требовалось не больше нескольких секунд, поэтому набор из двенадцати портретов стоил всего 20 франков. Фотографы открывают свои ателье в самых маленьких городках; ярмарочные балаганы устанавливаются на улицах, там фотографии продаются по одному франку.

Доступность обладания своим собственным изображением пробуждает чувство собственной значимости, демократизирует стремление к общественному признанию. Фотографы очень хорошо уловили это веяние. Отныне в своих студиях-театрах, битком набитых всякими колоннами, занавесами, маленькими столиками, они делают портреты во весь рост. Портреты эти весьма напыщенные, после 1861 года у некоторых фотографов входит в моду фотографировать заказчиков

* Андре-Адольф-Эжен Дисдери (1819–1889) — французский фотограф, запатентовавший фотографию-визитную карточку.

верхом на лошади. Эта театрализация положений тела, жестов и выражения лица, короче говоря, позы, историческую важность чего подчеркивал Жан-Поль Сартр, постепенно входит в повседневную жизнь. Миллионы фотопортретов, бережно хранящихся в альбомах, задают новую норму жестов, что вносит новизну в частную жизнь; глядя на эти портреты, люди начинают по-новому относиться к собственному телу, в частности к рукам. Фотопортрет способствует появлению новой манеры держать себя, распространяет новый код восприятия. Отныне любящего деда или мыслителя можно изобразить, слушая указания режиссера-фотографа.

Желание идеализировать внешность, неприятие уродства в сочетании с канонами официальной живописи созвучны композиции фотопортрета. Толпы посетителей Выставки 1855 года* были очарованы демонстрацией ретуши. Эта техника становится очень популярной после 1860 года; черты смягчаются; веснушки, морщины, прыщи исчезают с гладких лиц, овеванных артистическим флером. Опасность для традиционной культуры, исходящая от нового образа красоты, добралась и до деревень.

Семейный фотоальбом очерчивает семейный круг и укрепляет связи внутри группы, дальнейшему существованию которых в то время угрожало экономическое развитие. Вторжение портрета в глубь самых разных слоев общества изменило представление о различных этапах жизни, а следовательно, чувство времени стало иным. Как отмечает Сьюзен Зонтаг, фотографии были *memento mori*** . Благодаря им становится проще вообразить закат собственной жизни, что позволяет по-новому взглянуть на стариков и пересмотреть судьбу, которая им уготована.

* Имеется в виду Всемирная выставка, проходившая в Париже с 15 мая по 15 ноября 1855 года.

** *Memento mori* (лат.) — «помни о смерти».

Напоминая о прошлом, фотографии вызывают ностальгию. Впервые в истории большинство людей получает возможность увидеть ушедших предков и незнакомых родственников. Юность старших родственников, которых люди видят каждый день, обретает для них реальные черты. Происходят изменения в семейной памяти. В общих чертах можно сказать, что символическое обладание кем-то другим направляет сентиментальные потоки, придает большую значимость видимым отношениям по сравнению с органическими, изменяет психологические условия отсутствия. Фотографии покойных смягчают боль от их потери и способствуют ослаблению угрызений совести, связанных с их исчезновением.

Наконец, новое изобретение благоприятствует популяризации созерцания наготы. Делаются попытки нарушить равновесие в способах эротической стимуляции, ускорить появление желания; об этом свидетельствует престиж «Обнаженной натуры 1900» («nu 1900»). Законодатели очень быстро заметили это; уже в 1850 году продажа непристойных фотографий в общественных местах была запрещена. В 1880-х любительская фотография вытесняет посредника-профессионала, упрощает ритуал позирования и раскрывает частную жизнь во всей ее полноте перед объективом, с этих пор жадным до интимных сцен.

Непрерывность воспоминаний

То же желание увековечить себя, оставить след можно видеть и на кладбище. Филипп Арьес рассмотрел связь триумфа индивидуальной могилы и появления нового культа мертвых на заре XIX века. Нас здесь интересует персонализированная эпитафия, вещь также совершенно новая для большинства людей; новый призыв к непрерывному течению воспоминаний. История популяризации этого похоронного дискурса начинает вырисовываться со всей четкостью.

В подцензурные времена монархии множество эпитафий прославляли заслуги отца, супруга или гражданина. На могильном камне читается подъем в частной жизни — *privacy*. Вследствие этого усложнение специально построенных кладбищ, переход к промышленному производству могилы по-немногу стирают всякую оригинальность, делают все могилы одинаковыми; к счастью, медальоны-фотографии помогают отличить одну от другой.

Многие работы демонстрируют, что эта эволюция шла неравномерно и встречала препятствия. На кладбище в Аньере, деревушке, затерявшейся в департаменте Эна, первая эпитафия появилась лишь в 1847 году. В 1856 году вдова местного «воротилы», которого недолюбливали сограждане, обнесла оградой могильный памятник супругу. Этот жест вызвал волну враждебности; даже кюре возмутился тому, что мрамор будет хранить воспоминания об этом дрянном христианине, в то время как могила его набожного церковного старосты канет в вечность и он будет забыт. В мелких деревенских приходах дорогое убранство могилы и эпитафия будут сталкиваться с желанием равенства. В 1840 году писательница Эжени де Герен сочтет себя обязанной сохранить белую колонну, которая прославляет ее покойного брата Мориса на кладбище в Андийаке.

В мелких приходах появление похоронного дискурса — знак посмертной респектабельности; после смерти каждый лавочник становится фигурой. И наоборот, желание оставить след благоприятствует поддержке и даже усилению дискредитирующих слухов.

Все эти процедуры, направленные на усиление самосознания, чувства «я», — попытка героизации, гипертрофированное тщеславие — связаны одной нитью. В то время было много и других признаков растущей меритократии: важность, которая придавалась занесению в книгу почета, ритуалу распределения премий, дипломы, которые развешивались по стенам гостиной или общей комнаты, престиж наград,

агиографический тон некрологов. Для множества бедняков прочитав свою фамилию в газете было большим событием в жизни. Кто угодно теперь мог принять позу героя; эта новая тенденция была направлена на изменение семейной среды. Это просматривается и в преступных деяниях. Начитавшись разного рода литературы в стиле Плутарха, юный убийца из города Онэ-сюр-Одон чуть ли не с гордостью начал свои мемуары так: «Я, Пьер Ривьер, зарезавший мать, сестру, брата...»

Границы всеподнадзорности

Место индивида определяют власти, которые постепенно перестают быть анонимными. Огромная молчаливая толпа, заполняющая улицы, теряет свою театральность; она превращается в совокупность индивидов, поглощенных своими частными интересами. Становится понятным, что процедура идентификации оптимизируется и что социальный контроль отныне более тщательный.

До победы Республики (1876–1879) определение места индивида остается невнятным; его ненадежность определяет границы всеподнадзорности, которую утверждает власть — конечно же, не без некоторых эксцессов. Гражданское общество, секуляризованное в 1792 году и кодифицированное 28 плювюва за III года, перепись населения, проводившаяся каждые пять лет и составившиеся на ее основе именные списки и списки избирателей с учетом ценза (избирательное право было только у мужчин) — вот основные положения системы. Некоторые категории населения подвергаются особым процедурам: рабочие, теоретически обязанные иметь удостоверение личности со времени Консульства, которое они получают по закону от 22 июня 1854 года, к большому сожалению хозяев предприятий; военные; слуги, от которых требуют представления рекомендаций от предыдущего хозяина; проститутки, зарегистрированные в префектуре полиции или в муниципалитете;

дети-найденыши или подкидыши, которых предполагается поместить под замок; путешественники и в частности бродяги и кочевники, которые должны получить паспорт прежде чем отправляться в путь.

Изучение лимузенских мигрантов и путешественников, пересекающих департамент Эндр, наглядно демонстрирует, что в сфере исполнения предписаний, как и во многих других областях жизни, царит попустительство, если не сказать — тотальная анархия. На протяжении долгого времени отношения властей и мигрантов строятся на основе узнавания друг друга и зрительной памяти. Тем не менее рост грамотности населения и фокусирование внимания на разного рода административных требованиях способствует получению, использованию и расшифровке «бумаг». Непринужденность в отношениях, оживившаяся в связи с распространением практики заключения контрактов в сельском обществе, делает все более редкой и вскоре невообразимой встречу с человеком, который не знает, сколько ему лет — как крестьянин, который в разговоре о возрасте с Эжени де Герен ошибся на семь лет, чем вызвал ее восклицание: «Какое это счастье — не знать, сколько тебе лет!» Отныне каждый знает, когда он родился, что делает будущее просчитываемым, если не предсказуемым. Конструирование времени собственной жизни позволяет создавать свою историю, что является условием идентификации и автономной коммуникации.

Чтобы составить как можно более полное представление о чьей-то личности, чаще всего по-прежнему наводят справки о моральном облике или, по крайней мере, требуют представить сертификат о добропорядочности. О ком бы ни шла речь — о претенденте на руку и сердце, кандидате на какую-то должность или попросту о прислуге, — этим вопросом занимаются мэры и приходской священник; они должны представить сведения и выразить свое мнение по поводу подопечных или прихожан. Интересно, что отношение к этой практике,

узаконивающей обращение к слухам и срывающей покровы тайны с частной жизни, весьма терпимое. Переписка родителей Марты позволяет живо, хотя и с опозданием, представить себе, как происходило разведывание слухов. Когда требуется выбрать или, скорее, «состряпать» жениха для этой непутевой девицы, прибегают к помощи целой команды осведомителей: духовники и священники становятся сводней, провинциальные родственники собирают сведения, адвокатам и нотариусам поручается выведать секреты у собратьев по профессии, служащие государственных органов опрашиваются по поводу качеств их подчиненных, слугам вменяется в обязанность собирать слухи. Кажется, что лишь врачи остаются в стороне, как если бы к соблюдению профессиональной тайны теперь относились с большим пиететом. Мимолетом сказанные фразы, какие-то рекомендации, легкое давление, даже шантаж доводят семью до полного изнеможения; ее попытки как-то защитить себя демонстрируются нам с замечательным бесстыдством.

Взгляд полицейского

Надо сказать и о процедуре опознания, то есть об описании внешности, или, если угодно, об особых приметах. В этом плане полиция сыграла роль лаборатории: именно здесь выработывались техники, которые в дальнейшем применялись в других сферах. Перед полицейским как перед обычным гражданином вставал вопрос: как доказать собственную идентичность? Как определить, кто перед тобой, даже если этот кто-то — труп?

До начала 1880-х изобретательному человеку ничего не стоило стать кем-то другим и обрести новое гражданское состояние — достаточно было знать дату и место рождения того, чью личность он решил присвоить. Обман мог раскрыться только в том случае, если появлялся свидетель, что было маловероятно, да и показания этого свидетеля, основанные лишь

на его зрительной памяти, тоже нетрудно было опротестовать. Метаморфозы Жака Колена*, Жана Вальжана и Эдмона Дантеса читателям того времени вовсе не казались невероятными. Идентификация ребенка-найденыша — отнюдь не само собой разумеющееся действие, поэтому так важны были разного рода метки: браслеты, цепочки, родинки или башмачок Эсмеральды. По той же причине перед юристами остро стоит проблема рецидива; прежде всего к провалу свода прав, установленных в эпоху Консульства, привели трудности в опознании проституток.

До начала периода Третьей республики власти продолжают использовать методику «описания». Зоркий глаз полицейского замечает цвет волос и глаз, оценивает рост, наличие каких-то увечий. Документы, составленные разными призывными комиссиями и полицией нравов, а также записи в тюремных книгах показывают несовершенство метода, основанного на неточных и невыразительных описаниях. В самом деле, чтобы раскрыть обман, полиция может рассчитывать только на проницательность агентов, особенно после того как в 1832 году будет отменено клеймение каленым железом. Однако именно эта ужасная процедура лежит в основе регистрационных книг, предусмотренных кодексом ведения следствия по уголовным делам от 1808 года, имеющихся в каждом полицейском участке, и, начиная с 1850 года, судебной картотеки, которая составлялась судебной канцелярией.

Идентификация по костям

В конце века решена двойная задача: новая техника позволяет установить личность каждого и легко это доказать. Отныне нельзя выдать одного человека за другого, это относится даже к близнецам; фальсификация гражданского состояния

* Жак Колен (между 1485 и 1495–1547) — французский дипломат, поэт.

становится невозможной. Коротко говоря, новая система опознания запрещает метаморфозы. Даже двоеженство становится «подвигом» теперь, когда разрешены разводы. В то же время положен конец мукам с доказательствами; трудности, с которыми столкнулся герой Бальзака полковник Шабер, остались в прошлом.

В 1876 году полиция начинает использовать фотографию; к концу десятилетия Префектура располагает уже шестьюдесятью тысячами карточек, которые, правда, пока мало чем помогают, так как лица сфотографированы под разными углами и сами отпечатки не систематизированы. Установить личность фальсификатора пока трудно. Все меняется в 1882-м, когда начали использовать антропометрическое описание, предложенное Альфонсом Бертильоном. Голосование от 27 мая 1885 года по вопросу о рецидиве^{*} заостряет необходимость идентификации преступника, а метод Бертильона, использованный с соблюдением всех требований, позволяет сделать это с большой степенью достоверности.

Метод Бертильона, завершающий длинный путь поиска решения, отмеченный работами Баррюэля^{*} об индивидуальном запахе и крови каждого человека, исследованиями Амбруаза Тардьё^{**}, Кетле^{***} и членов Общества антропологии, будет безраздельно господствовать вплоть до начала XX века. Он будет улучшен своим изобретателем, который к опознанию, основанному на «костном методе», добавит особые приметы — шрамы и родимые пятна, а затем к антропометрическому бюллетеню предложит прилагать фотографию.

* Огюстен Баррюэль (1741–1820) — французский священник-иезуит, публицист.

** Огюст-Амбруаз Тардьё (1818–1879) — французский врач, один из основоположников судебной медицины.

*** Адольф Кетле (1796–1874) — бельгийский астроном, математик, социолог, один из основоположников научной статистики.

На самом деле метод Бертильона — это всего лишь один из этапов. В начале XX века наступил триумф идентификации по следам, оставляемым телом, в частности по отпечаткам пальцев. Старое китайское открытие, используемое в Бенгалии английской администрацией, было очень высоко оценено Гальтоном*, которому удастся убедить Альфонса Бертильона включить получаемые этим методом данные в свой антропометрический бюллетень.

Накануне I Мировой войны необходимость идентификации выходит за рамки пенитенциарных учреждений, процесс распространяется не только на преступников и правонарушителей. Так, закон от 16 июля 1912 года обязывает бродяг и переезжающих с места на место, то есть коммерсантов и ярмарочных торговцев, иметь «антропометрическое удостоверение личности», в которое занесены имя, фамилия, дата и место рождения, родственные связи, отпечатки пальцев и фотография; это был предок нашего паспорта.

Начинаются волнения: не угрожают ли новые процедуры тайне частной жизни? По мере развития метода антропометрия влечет гнев дрейфусаров и вызывает оживленную дискуссию. В то же время вызывает тревогу и хлынувший поток жалоб, который заставил префекта Лепина отменить требование, предъявляемое к содержательницам домов свиданий, предоставлять фотографии женщин, которые часто посещают их заведения. Можно было бы назвать и другие признаки чувствительного отношения к новшеству; историк Филипп Бутри пишет, например, о появившейся начиная с 1860 года во многих приходах департамента Эна ранее не встречавшейся нетерпимости к каким бы то ни было нарушениям тайны исповеди. Священники, которые считались «красноречивыми

* Сэр Фрэнсис Гальтон (1822–1911) — английский ученый-полимат, занимался географией, социологией, антропологией, психологией, статистикой, основоположник нескольких психологических дисциплин (дифференциальная психология и психометрия).

критиками индивидуальных злоупотреблений», постепенно вынуждены были считаться с новой реальностью и уважать чужую частную жизнь и неприкосновенность личности.

Начиная с 1860 года во всех описанных сферах наметился поворот, который к 1880 году стал весьма крутым. Коротко говоря, слом происходит в момент триумфа Республики. Движение за индивидуализацию, вызванное политическими событиями, достигает кульминации, в то время как руководство страны находится под влиянием неокантианства, а Пастер выдвигает теорию о микробах, возмутителях спокойствия в живом организме; эта биологическая модель, применяемая на социальном поле, делает контроль за индивидом принципиально важным для выживания группы.

Одновременно с этим страх перед нарушением свободы личности и посягательство на ее тайну порождают призрачное желание «расшифровки» личности и проникновения в интимный мир другого человека; это влечет за собой снобистское желание сохранять инкогнито, на фоне которого возрастает поток анонимных писем и процветает слежка за другими. Появляется фигура частного детектива, идущего по следу. Первым об этом написал Гастон Леру, еще до Конан Дойла; он создал не из идентификации, а из самой личности преступника и из его попыток выпутаться сюжет для детективных романов.

Угрозы со стороны тела

Душа и тело

Бесполезно пытаться понять чувство интимности, которому подчиняется частная жизнь в XIX веке, предварительно не поразмыслив о вечной двойственности души и тела, которая управляет всеми отношениями. Это удивительное разделение варьируется в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою, культурного уровня и религиозного рвения.

Кроме того, вера каждого отдельного человека, как и постоянное взаимовлияние различных слоев населения друг на друга, делает все попытки проанализировать ситуацию сомнительными. Поэтому не стоит упускать из виду смешения понятий, которые мы, заботясь о ясности, будем искусственным образом различать.

Многие этнологи, в частности Франсуаза Лу, обнаружили связь и влияние мудрости тела в традиционном обществе. Любопытно, что оно игнорирует дихотомию, о которой я говорю. Пословицы, собранные фольклористами в конце XIX века, отражают светский взгляд на жизнь, дающий привилегии органике. Эти пословицы восхваляют умеренность, отказ от излишеств; соблюдение правил приличия лучше удовольствия сохраняет здоровье и обеспечивает благополучие. Это этика трудолюбивого крестьянина, ценящего усилия для достижения цели и с недоверием относящегося к беднякам, источнику насилия и беспорядка, ментальность, основанная на пессимизме и смирении, которые заставляют прислушиваться к сигналам тела, и убежденная в их тесной символической связи с космосом, растительным и животным миром. Внимание, уделяемое фазам луны, небесному регулятору циклов женского организма; прислушивание в случае смертельной опасности к звукам, доносящимся с птичьего двора*; измерение скорости роста дерева, посаженного в день рождения сына; строгие правила того, как надо обращаться с отходами человеческого тела — плацентой, обломками ногтей, выпавшими зубами — все это говорит о навязчивом характере архаичных верований. При этом существующая гигиеническая норма допускает отрыжку, громкий выход газов, чихание, пот, проявления сексуального желания, безропотно принимает признаки угасания. Все эти «правила», требующие сопротивления научно обоснованной гигиене, через кормилиц и служанок попадали в буржуазные дома, поэтому не стоит удивляться тому,

* Имеется в виду примета: если курица закричит петухом, это к смерти. — *Примеч. ред.*

что суеверия из социальных низов частично проникали в элиту общества и закреплялись в ней, в том числе — через лекарей-самоучек, представителей «народной медицины», которые тоже были сторонниками «здоровой среды».

На другом полюсе старинных верований — существование и, в отдельных сферах, акцентуация христианского посылка об антагонизме тела и души. Пренебрегая догматическими рамками о презрении к плоти, которые устанавливают тайна Боговоплощения, таинство евхаристии и вера в Воскресение, пессимистическое видение мира, облагороженное Отцами Церкви, в частности Тертуллианом, и подхваченное Боссюэ и янсенистами, сводит телесную оболочку, будущую пищу для червей, к временной тюрьме. Тело, которое кюре из Арса называет не иначе как «труп», своими инстинктами компрометирует душу и мешает ей подняться на небесную родину. Этим оправдывается вечная война против разных телесных проявлений; если у души нет тела, то оно, как дракон, поднимется и поработит ее. На этом квазишизофреническом раздвоении основана аскеза.

Эти практики, зародившиеся в отдаленном прошлом и поддерживаемые благодаря преумножению разного рода монастырей, пансионеров и монашеских орденов, в ходе XIX века постоянно эволюционировали. Жесткий аскетизм и ригоризм существуют вплоть до Второй империи. Это насилие вполне согласуется с романтическим образом Христа на Голгофе, которого набожные граверы изображают залитым кровью. Начиная с середины века практика умерщвления плоти постепенно сходит на нет среди мужчин, но как бы феминизируется. Церковь, желающая реванша и делающая в связи с этим ставку на женщин, должна принимать в расчет мнение медицины, подчеркивающей хрупкость Христовых невест. Кровь, боль заменяются тысячами мелких умерщвлений плоти, в соответствии с ритмами женского организма. Таким образом, самоотречение входит в плоть и кровь женщины в повседневной жизни, и начинают подсчитываться мелкие жертвы.

Ученый дискурс становится более новаторским. В этом отношении весьма показательно распространение во Франции в конце XVIII века трудов Георга Штала^{*} и их влияние на медицинскую мысль. Ссылались ли они на витализм школы Монпелье, анимизм или органицизм, большинство врачей того времени, в частности те, кто, как Руссель, были сторонниками теории о специфичности женского пола и разделяли идею примата души над телом. Душа, направляющая, держащая в узде телесные желания, руководит их исполнением. Таким образом, вовсе не особенности анатомии и не специфика физиологии определяют характер женщины и подтверждают ее материнскую миссию; материнство — в первую очередь метафизическое призвание женщины, соратницы Природы.

Идеи кинестезии

Ученый мир в XIX веке постепенно отходит от примата души. Идеологи, в частности Кабанис, отказываются от понятия направляющей души и витального принципа. По словам Жана Старобинского^{**}, они стремятся «унифицировать поле медицины и физиологии». Одновременно с этим они обращают внимание на отношение физического и морального, на связь между органической жизнью, жизнью социальной и мыслительной деятельностью. Так, проявления женского начала они рассматривают не с онтологической точки зрения, но с физиологической и социальной. Возрастает интерес к старинному понятию, унаследованному от Аристотеля, если не от Аристиппа Киренского, и в дальнейшем исследованному Декартом и Шталем. Это понятие последовательно называлось «тактом»

^{*} Георг Эрнст Шталь (1659–1734) — немецкий врач и химик.

^{**} Жан Старобинский (р. 1920) — швейцарский филолог, культуролог и критик.

или «внутренним осязанием», а позже, в конце XVIII века, кинестезией. Под ним следует понимать некое внутреннее телесное восприятие или, скорее, комплекс органических ощущений, которые, согласно Кабанису, являются инстинктами.

На протяжении всего XIX века специалисты были убеждены в сильнейшем влиянии бессознательного, рассматриваемого как «смутный отзвук висцеральных функций, время от времени прерываемый осознанными действиями» (Жан Старобинский). Бессознательное формирует личность. Гениальность Фрейда заключается не в открытии того, что от сознания индивида ускользают многие стороны его личности, но в том, что он лишил органическую жизнь монополии на бессознательное и сделал это бессознательное частью психики.

То, что кинестезии тогда придавали такую важность, говорит о некоем слушании тела, которого больше нет. Вдохновленный вульгаризованным неогиппократизмом*, который придает особую важность воздуху, воде и температуре, человек следит за влиянием погоды и времени года на самочувствие и ритм дыхания, на интенсивность ревматических болей или стабильность настроения; так развивается некая внутренняя метеорология «души». Точно так же внимательно прислушиваются к функционированию организма и влиянию органических функций на менталитет; постоянно обращают внимание на пищеварение и менструальный цикл, нарушаемые дизентериями и гинекологическими заболеваниями. Этот интерес базируется также и на доктрине темпераментов — холерическом, флегматическом, сангвиническом, нервном. Теодор Зельдин** весьма справедливо демонстрирует стойкость и живучесть этой доктрины, несмотря на дискредитацию теории стихий.

* Неогиппократизм — направление в медицине, возникшее в 1920-х годах. Во главу угла ставит возвращение к принципам учения Гиппократата об индивидуальном и комплексном подходе к пациенту.

** Теодор Зельдин (р. 1933) — английский философ.

Таким образом, конструируется примитивная система образов физического и психического здоровья, которая позволяет управлять индивидуальным поведением. Чтение частных документов со всей очевидностью показывает, что озабоченность этими вопросами формирует фактуру частной жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать дневник Мена де Бирана^{*} или Эжени де Герен, недавно опубликованные записки Шарля Фердинанда Гамбона^{**} или переписку семьи Буало де Винье с семьей Марты. Это лишь примеры из каждой четверти XIX века. Вероятно, сопоставление кинестезических опытов вызывает разговоры о влиянии погоды, определяет настороженное отношение к воде и солнцу, от которых рекомендуется прятаться, как и от сквозняков, боязнь которых превратилась в настоящую фобию.

В XX веке тело становится главным; следует исправлять вред, наносимый ему городской жизнью, условиями труда, загрязнением окружающей среды; доставлять ему физические удовольствия, что продиктовано нарастающим самолюбованием. Происходит революция, к разговору о которой мы еще вернемся, а именно — телесная идентификация, смягчающая презрение ко всему органическому, животному. Постепенно желания индивидуализируются, начинают восприниматься как свои собственные, а не спровоцированные Другим. Это одновременно пугает и привлекает. Невнимательный историк, не заметивший изменений статуса желания, рискует стать психологическим анахронизмом.

Постель и отдельная комната

На протяжении всего XIX века шел процесс установления, так сказать, телесной дистанции, начатый на закате Старого

^{*} Мен де Биран (1766–1824) — французский философ-метафизик, политический деятель.

^{**} Шарль-Фердинанд Гамбон (1820–1887) — французский общественный деятель, один из самых известных политиков-республиканцев XIX века.

порядка. Отдельная кровать — старая монастырская норма — стала простой санитарной предосторожностью, в частности в больницах. На деле же личное пространство больному выделялось долго и неохотно, потому что это противоречило народным ритуалам. Это на примере лионских больниц продемонстрировал Оливье Фор. Тем не менее для нас важно отметить, что медленно, но верно процесс шел; его ускорила эпидемия холеры 1832 года, с опозданием показавшая, как вредны были теснота и скученность, царившие в жилищах бедняков.

Открытия Лавуазье и новое понимание механизма дыхания убедили врачей в благотворном влиянии кислорода и подстегнули их борьбу за отдельное спальное место для каждого. Понемногу они будут услышаны. Последствия их трудной победы переоценить невозможно. Отдельная кровать укрепляет чувство уникальности каждой личности, благоприятствует ее автономии, облегчает внутренний монолог; происходит переворот в молитвах, мечтах, меняются условия сна и пробуждения, даже кошмары снятся реже. В связи с тем что дети перестают спать вместе, у засыпающего маленького ребенка появляется потребность в кукле или материнской руке. Все это благоприятствует получению удовольствия от обособленного положения.

В мелкобуржуазной среде постепенно входит в обиход отдельная спальня, предмет озабоченности гигиенистов, которые пишут об этом целые тома, советуют удалять из спальни слуг и грязное белье. Спальня юной девушки, ставшая храмом ее частной жизни, полна символов; эта комната становится частью своей хозяйки, автономность которой она подтверждает. Распятие в углу, клетка с птичкой, ваза с цветами, бумажные обои с пасторальными сценами, секретер, в котором хранятся девичий альбом и личная переписка, иногда книжный шкаф — все это помогает понять характер Цезарины Бирото или Генриетты Жерар*.

* Героини романов Бальзака «История величия и падения Цезаря Бирото» и Луи-Эдмона Дюранти «Несчастье Генриетты Жерар».

в еще большей мере — Эжени де Герен, чей дневник — нескончаемый гимн удовольствию жить в собственной комнатке, которую прославляет также и Каролина Брам.

Идиллическая мансарда юной портнихи, умное поведение которой говорит о ее добродетели, свидетельствует о произошедших изменениях модели. Требование «отдельной комнаты каждому» выдвигается даже в домах терпимости, находящихся под контролем полиции нравов. В деревнях интимное супружеское пространство постепенно начинает обозначаться занавесками, даже наскоро сколоченными перегородками. Когда хозяин дома решает отойти от дел и передать власть наследнику, в дарственной обычно оговаривается положение о выделении для него отдельной комнаты; таким образом он обеспечивает себя пространством, в котором будет протекать остаток его жизни.

Одновременно с этим идет дальнейшее обособление туалетных помещений. В многоквартирных домах для народа обладание ключом от туалета на лестничной площадке становится важным элементом *privacy*. Когда около 1900 года появляются туалетные кабины, а потом и ванные комнаты с солидными замками, обнаженное тело становится защищенным от любого вторжения. Это пространство становится храмом чистоты и самосозерцания.

Интимная гигиена

Прогресс в этой сфере произвел революцию в частной жизни и отношениях людей. С самого начала века этому способствовали многие факторы, пришедшие из монастырской жизни. Открытие механизмов потения, как и весьма успешное изучение различного рода инфекций, показало, как опасна грязная, недышащая кожа, от которой дурно пахнет. Немного позднее пиетет, с которым относились к понятию «очищение», потребовал тщательного ухода за «выделительными органами». Физическое состояние влияет на нравственное, поэтому стали

высоко цениться чистота и аккуратность. Возникают новые правила приличия; акцентированная разборчивость и брезгливость элиты, желание не иметь ничего общего с органическими отходами, напоминающими о животном начале, грехе, смерти — короче говоря, забота о чистоте — ускоряют прогресс. Этому же способствует желание дистанцироваться от вызывающих отвращение народных масс. Все это способствует переходу на новый уровень сексуального желания и отвращения, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему распространению гигиены.

В то же время суеверные люди призывают к осторожности. Вода, значение которой для физического и морального состояния, с их точки зрения, переоценивается, требует бдительности. Существуют жесткие нормы для мытья в зависимости от возраста, пола, темперамента и профессии. Забота о том, чтобы избежать вялости, самолюбования, даже мастурбации, тормозит ход дела. Бытовавшее в те времена мнение, что мытье напрямую связано с бесплодием, затрудняло распространение женской интимной гигиены.

Как бы то ни было, прогресс постепенно проникает из высших сфер в мелкобуржуазную среду, но речь пока идет лишь о фрагментарном уходе за телом. В течение дня неоднократно моют руки, ежедневно — лицо и чистят зубы, по крайней мере передние, ноги моют два раза два в месяц, голову — никогда. Менструальный цикл продолжает регулировать календарь омовений. Большинство женских монастырей в XIX веке руководствуются правилами, установленными святым Августином. К концу века английская мода на мытье в большой лохани, а также крайне умеренное распространение душа изменяют ритм ухода за телом. К душе отношение благосклонное — он оказывает бодрящее действие. Однако ему по-прежнему приписываются лечебные функции. Согласно внутреннему распорядку Нормальной школы Севра, установленному в 1881 году, душ могут принимать только больные под присмотром медсестры. Тогда же поняли, с каким опозданием пришла сексуальная

гигиена. Ги Тюилье констатирует, что такие изобретения, как биде и гигиенические прокладки, появились у благонаправленной нивернезской буржуазии лишь на заре XX века.

Сельское население, с детства привыкшее купаться в реке в сильную жару, остается в стороне от прогресса вплоть до I Мировой войны. Конечно, власти пытаются приучить людей к воде: в Нижней Нормандии в период Реставрации создается целая сеть фонтанов и прачечных, во время Июльской монархии — в Ниверне, в начале Третьей республики — в Мино, в Шатийонне. Конечно, больницы, тюрьмы, позже школы и казармы конкурируют в деле внедрения гигиены, пропагандируемой неутомимыми сельскими врачами, олицетворением которых стал доктор Бенаси*. Но, как мы уже отмечали, научный подход к гигиене часто вступает в противоречия с народной мудростью: слишком частая стирка портит белье; тщательное ведение хозяйства — всего лишь потеря времени; грязь улучшает цвет лица. Медицинские предписания часто рассматриваются как недопустимое вмешательство городских господ в деревенскую жизнь.

В рабочей среде наблюдается двойственное отношение к занимающему нас вопросу: в конце века чистота становится потребностью; в желании переодеться после работы проявляется чувство собственного достоинства; стремление к чистоте нередко становилось причиной забастовок в парижском регионе накануне I Мировой войны. В то же время исполнение закона от 1902 года шло трудно. Медицинский осмотр воспринимался как невыносимое вторжение в частную жизнь. В Ниверне хозяева предприятий и рабочие совместно стали пренебрегать новыми предписаниями.

Откровенно говоря, в народной среде гигиена пока понимается как внешнее проявление. «Быть чистым» значит не оставлять жирных следов, носить одежду без пятен (в Лионе

* Доктор Бенаси — герой романа Бальзака «Сельский врач».

красильщик называется «пятновыводителем»), избегать грубых манер, причесываться, иногда мыть руки и лицо и, несколько позже, пользоваться одеколоном. Для героини романа Жюль Ренара «Старуха Раготт» гигиена заключалась в том, чтобы быстро съесть свой суп, а в доме ее соседки Фифиль Миньбеф ребенку приказывали вытирать с пола общей комнаты менструальную кровь. Сама республиканская школа, на которую возлагались такие надежды в отношении гигиены, не имеет никаких амбиций; чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно перечитать «Путешествие двух детей по Франции» Ж. Брюно^{*}. Решительный бой разворачивается вокруг расчески и правил посещения туалета. Мальчику следует прекратить причесываться пальцами, а трусики девочки должны быть чистыми.

Тем не менее к началу XX века намечается поворот: постепенно развивается производство санитарно-технического оборудования, в спортивных обществах начинают активно пользоваться душем, органы санитарного надзора чаще посещают с проверками туристические гостиницы и шикарные бордели — все это способствует установлению санитарно-гигиенических норм и выработке соответствующих привычек, однако только в период между войнами появятся жестяные эмалированные ванны, а в 1950-х душ и ванная комната станут обычным делом. Лишь после этого можно будет говорить о революции в гигиене.

Угрожающие желания

Человек готовится к встрече с посторонними у себя, в своем частном пространстве; именно там формируется его представление о себе. В этой сфере тоже произошла революция. В XIX веке возникает и, позже, навязывается стратегия внешнего вида и поведения; единственной целью этих ритуалов

* Книга для школьников, написанная в 1877 году Августиной Фуйе под псевдонимом Ж. Брюно.

является частная жизнь, однако постепенно специфика, в свое время базировавшаяся на гипертрофированности различий между внешним и внутренним, начинает отмирать. Так, с течением времени ночную рубашку стало возможно носить лишь в спальне. Она стала символом эротической близости, малейший намек на которую, даже скрытый, отныне неуместен; в ночной рубашке супруги нет ничего от подростковой простоты. У каждой приличной женщины существует целая гамма дезабилье, предназначенного для утреннего туалета. В этих одеждах она не должна показываться постороннему мужчине, если только он не ее любовник; требования скромности возрастают вместе с ростом изысканности этих туалетов. Фразу Фейдо* «Не разгуливай совсем голой» не следует понимать буквально. То же касается и волос: с распущенными волосами женщина может находиться только у себя; на людях такая прическа возможна лишь у домохозяйки или проститутки. Все эти условности способствовали ограничению выхода женщины в публичное пространство и в то же время делали ее появление более торжественным. Различение «внутреннего» и «внешнего» затрагивало и мужчин; ни один парижанин не вышел бы на улицу в том виде, в каком пребывал у себя дома.

Еще одна особенность того времени — женское нижнее белье. Чрезвычайная усложненность этой одежды повышает ценность наготы. Никогда, отмечает Филипп Перро, женское тело не было так скрыто, как в период между 1830 и 1914 годами. После рубашки начинают распространяться женские панталоны. Сначала их носили только маленькие девочки, но в период Второй империи, с появлением моды на кринолин, панталоны стали носить и взрослые женщины. В 1880 году они стали обязательной деталью туалета, по крайней мере в буржуазной среде. Что касается корсета, то он выдерживает жестокие нападки со стороны медиков. «Ленивый»

* Жорж Фейдо (1862–1921) — французский драматург-комедиограф.

способ шнуровки позволял женщине одеться самостоятельно, без участия горничной, что давало широкий простор для адюльтеров.

В конце века женское белье украшалось роскошными кружевами и вышивкой, чего ранее не было. Никогда не будет столь очевидным извращение стыдливости: чем больше времени требуется на раздевание, тем с большим нетерпением мужские пальцы преодолевают препятствия в виде узлов, крючков и пуговиц. Это эротическое нагромождение, способствующее возрождению мифа о распутстве (графическое изображение которого остается табуированным, за исключением карикатур), распространяется с шокирующей скоростью во всех слоях общества. Вскоре даже деревенский соблазнитель должен будет уметь разбираться с этими неожиданными препонами.

Надо бы задуматься о том, что означает принятие этой изысканной сложности в сочетании с гипертрофированной мнимой эротичностью, через которую выражается в буржуазной среде навязчивая страсть к разного рода покрывкам, чехлам, футлярам и стеганой изнанке. Желание все сохранить в тайне, замести следы, постоянная озабоченность угрозой, которую несет желание, вызывает неврозы.

Поэтому не вызывает особенного удивления фетишизм, описанный Бине и Крафт-Эбингом в конце века, симптомы которого были детально проанализированы Золя, Гюисмансом и Мопассаном. Мистика изгиба талии, фиксация желания на шелковистых округлостях груди, эротическая привлекательность ножки и кожи, из которой шит ботинок, желание отрезать прядь женских волос и с наслаждением вдыхать ее аромат стали историческими фактами, как и фетишизм в отношении передника, символа интимности, допускающего любые вольности в обращении. Нижнее белье, на котором остаются следы интимной близости, болезни, иногда даже преступления, может скомпрометировать хозяйку; с него начинаются слухи, распространяемые горничными и подхватываемые прачками.

Прачка, работающая в замке, располагает богатой информацией; в деревне она пользуется уважением, как женщина, знающая тайны красивого белья.

Внешность

В частном пространстве происходит подготовка к выходу в пространство публичное. Этот тяжелый бесполезный труд, на протяжении долгого времени бывший прерогативой элиты, распространяется повсеместно в период между 1880 и 1910 годами. У этого процесса есть несколько характерных черт, главной из которых является весьма определенный половой диморфизм, определяющий специфику ролей. Женщине принадлежит монополия на духи, косметику, румяна, на шелковые ткани и кружева, но главное — на такое затягивание фигуры в корсет, что всякие сомнения в ее праздности улетучиваются. Она — как бы витрина деятельности мужа, приговоренного носить черные и серые складчатые одежды, как если бы, по словам Бодлера, все мужчины были в трауре. Мужскому нижнему белью не хватало изысканности. Мужчина XIX века не гордится своим телом, разве что растительностью на лице. В то время в моду входит «волна Марсея» (по имени Марсея Грато, в 1872 году получившего патент на изобретение щипцов для укладки волос), и парикмахеры не обходят вниманием и мужчин, предлагая от пятнадцати до двадцати моделей усов, бород и бакенбардов.

В распространении этой моды нет ничего смешного: появляется новый стиль частной жизни. Она говорит о важности изменений, которые происходят в период 1860–1880 годов. Раньше деревня не доверяла всему, что приходило из города; в дни ярмарок крестьяне с гордостью щеголяли в своих деревенских одеждах на городских улицах. Надо сказать, что 1840–1860 годы — время экономического подъема на селе — были золотым веком местного костюма. Затем начинаются имитации, что приводит к утрате его символизма, к постепенному

исчезновению региональных костюмов, бережно собираемых фольклористами. Чепцы и рабочие блузы постепенно сходили со сцены — модные журналы проникали в самые отдаленные деревни. Возможность получать покупки по почте, увеличение количества филиалов универсального магазина Printemps, повсеместное появление модисток и портних в конце века — все это подталкивало эволюцию. Жизнь молодых девиц, поступавших в ученицы, изменилась. Ивонна Вердые продемонстрировала это на примере Мино (Бургундия), правда, не выделяя особо того факта, что речь шла об историческом феномене, ограниченном по времени.

Городская рабочая среда также не осталась в стороне от этого процесса. Долгое время специфика профессии выражалась через костюм; до Второй империи на улице мелькали куртки рабочих, черные костюмы судейских и прочих представителей власти, воротники клерков. После 1860 года появилось понятие выходной одежды. Рабочий одевается, как буржуа, и смешивается с праздничной городской толпой. Воскресный отдых с тех пор меняется. Одеться в выходную одежду значит показать себя приверженцем чистоты. Юные девушки из рабочей среды осваивают новые средства понравиться: ботиночки, надушенные носовые платки, платья с облегающим лифом; у них меняются позы, жесты, походка; все стремятся научиться делать правильные покупки; ростовщичество процветает. Множество новеллы Мопассана и песен того времени говорят обо всех этих новшествах, как и появление в модных ателье и лавках «девушек на побегушках», дальних родственниц гризеток.

Стыдливость и стыд

В XIX веке поведением руководят стыдливость и «стыд». За этими терминами скрывается двойственное чувство: с одной стороны, страх увидеть тщательно скрываемые телесные проявления Другого, с другой — боязнь того, что нечто тайное,

секретное попадет под нескромные взгляды окружающих. Первое чувство вызывает напряжение, ужас перед естественными проявлениями организма, напоминающими о том, что тело существует. Ричард Сенетт пишет по этому поводу о «бледной немощи» женщин, названной так по цвету лица больных, — запорах, вызываемых страхом выпустить газы в публичном месте. Врачи описывают клиническую картину «эритрофобии» — мучительного страха покраснеть. Второе чувство проявляется, например, в отказе от гинекологического осмотра при помощи зеркал, что долго считалось «медицинским изнасилованием»; вплоть до конца века аболиционисты используют этот аргумент в борьбе против регламентированной проституции. К этому же типу фобий относится отказ выходить на улицу из боязни преследования незнакомцами.

Эта двойная забота усиливает требование «скромности» поведения и вдохновляет воспитателей женских монастырей. Монастырская педагогика направлена в первую очередь на то, чтобы умерить пыл детей. Подавление душевных порывов сопровождается здесь желанием исчерпать источники переживаний и ограничить приток чувственности. Поскольку чувства — это ворота для демонов, нужно учить осторожности, следить за тем, чтобы руки юного существа всегда были заняты, прививать страх перед взглядом на себя самого, умение говорить тихо или, лучше, проникнуться добродетелью молчания. Одиль Арно обнаружила в монастырях середины века явное ужесточение педагогических методов, следовавшее за свободой, даже настоящей раскрепощенностью отношений. Стремление к бестелесности обостряется с экзальтацией модели ангела; для множества девушек наступает момент самоидентификации. Это наваждение, по мнению Жана Делюмо, появляется и усиливается под влиянием неоплатонизма; сопровождается нарастающую под воздействием молитв экзальтацию девственности, восторг целомудрия. Показательно в этом отношении распространение культа Филомены начиная с 1834 года. Модель этой святой (в реальности она

никогда не существовала^{*}, но стала героиней множества житий) позволяет создать молитвы, эмблемы и даже орденскую ленту для девушек, решивших сохранить девственность. Не будем забывать о том, что в веке, где говорить разрешалось только мужчинам, женщина могла проявлять себя лишь взглядами, движениями тела и выразительными жестами.

Остается поставить вопрос о распространении монастырских правил поведения. Сюзанна Вуалькен, девушка из народа, рассказывала о настоящих испытаниях, которым ее подвергали учительницы из обители Сент-Мерри в 1805–1809 годах, позже — унылые нормандские старые девы, у которых она проходила ученичество с девятилетнего возраста. Надо сказать, что ангельская антропология, вновь возникшая в романтическую эпоху, приходит в движение лишь тогда, когда усиливаются антикатолические настроения, то есть после 1850 года. Монастырские приемы воспитания проникают в народную среду. Совсем недавно Мари-Жозе Гарниш-Мерритт собрала подробные свидетельства народной памяти и нарисовала впечатляющую картину того, как в 1900–1914 годах в небольшой коммуне Бюэ-ан-Сансерруа монахини «воспитывали» девочек. В сельских приходах создаются юношеские конгрегации. Бесконечные ассоциации Детей и Служанок Марии, которых было не меньше тысячи, — и все эти девушки, получившие награду за добродетель, поддерживают мораль и поведение, насаждаемые в республиканской школе, которая унаследовала ласаллевские правила поведения^{**}. В Турени

* В начале XIX века в христианских катакомбах в Риме действительно было найдено захоронение девушки по имени Филомена (как следует из надгробной надписи), но история ее мученичества (она решила посвятить себя Христу и отказала сватавшемуся к ней императору Диоклетиану, за что была казнена) — плод видения католической монахини Марии Луизы ди Джезу.

** Речь идет о системе христианских школ для бедных детей, основанной французским священником и педагогом Жаном-Батистом ла Саллем (1651–1719): воспитание в духе христианских ценностей сочеталось здесь с уважительным и индивидуальным подходом к ученикам. — *Примеч. ред.*

мэр и кюре совместно проводят праздник награждения самой добродетельной девушки деревни. Утром этого же дня врач должен засвидетельствовать девственность виновницы торжества. В Нантере дехристианизация не мешает проведению подобных мероприятий.

В простонародных семьях также идет тенденция к обособлению. Селин в частично автобиографическом романе «Смерть в кредит» рассказывает о муках, которые доставляют юному герою родители, мелкий служащий и лавочница из одного из парижских пассажей. Было бы очень долго перечислять все, что привело к превращению ранее прилюдных практик в интимные акты. Раздеваться прилюдно, прежде чем улечься в общую для всех братьев кровать, совершать туалет при посторонних, заниматься любовью в общей комнате становится стыдно.

Остановимся немного на «половозрелой девице», фигура которой привлекала взгляды моралистов. Специально для девушек писались руководства по физиологии и гигиене. В этих книгах изображалось дитя, испуганное или удивленное радикальными изменениями, происходящими в организме, ведущими к началу менструаций. Странная девочка, с непонятными вкусами, тем более опасная, что она еще не оформилась в настоящую женщину и что находится слишком близко от стихии, бушующей в ней. Эта странность выражается через томность, апатию, вздохи, непрошенные слезы, которые настораживают ее окружение. Ей все время что-то запрещают, по крайней мере теоретически. Медики стараются не стимулировать ее интереса к вопросам секса. Урбанизация лишает молодежь зрелища совокупления животных, закрытая дверь супружеской спальни не позволяет увидеть родителей, занимающихся любовью; все это множит число ничего не знающих о сексе дурочек, многие из которых вскоре «принесут в подоле». Остается лишь точно определить долю уловок, несоответствие между установкой и внутренним монологом;

план, увы, нереализуемый. Клодина и ее подруги по школе, участвующие в конкурсе на лучшую грудь, предлагают нам совсем иной образ девушки*.

Удовольствие, получаемое в одиночку

Ужас, навеваемый одиночными сексуальными практиками, является ценным свидетельством размаха лицемерия. Историки, от Жан-Луи Фландрена до Жан-Поля Арона, подчеркивали, как переоценивалась эта напасть, на протяжении многих веков осуждаемая духовенством. Публикация в 1760 году знаменитого «Онанизма» доктора Тиссо, без конца переиздававшегося вплоть до 1905 года, — важная веха в этой истории. Специалисты много дебатировали о распространенности этого явления, но очевидно, что ничего с ним поделать нельзя. Повышение брачного возраста, появление настоящих гетто холостяков в сердце городов, отмирание традиционных форм сексуальности, таких как предвкушение, в сельской местности, повсеместное появление интернатов для мальчиков, отдельные комнаты и отдельные постели, страх, вызываемый возможностью подхватить венерическое заболевание, — все это влечет за собой мастурбацию, если не предполагать сублимации. Добавлю, что все, что возбуждает индивида, подпитывает его внутренний диалог, может лишь способствовать подобной форме получения удовольствия. Не будем забывать и о привлекательности нарушения правил, удовольствие от чувства вины: так, неудовлетворенные замужние женщины, желая компенсации или мести, несмотря на возможные неприятности, заводят любовников. Все наводит на мысль, что без чрезвычайного распространения этого явления моралисты не развили бы такой бурной деятельности.

* Имеются в виду написанные в 1900–1904 годах четыре автобиографических «романа взросления» французской писательницы Колетт, главная героиня которых — девушка по имени Клодина. — *Примеч. ред.*

Однако вернемся к научному дискурсу, в котором продолжают звучать пугающие ноты. Бесконечная диатриба о сексуализации детства, выявленная Мишелем Фуко, основана в первую очередь на фантазме потери, на необходимости экономии всего и вся, в частности спермы. В этом контексте мужской онанизм ведет к быстрому истощению. Изнурение, преждевременная старость, смерть — вот чем отмечен путь этих исхудавших, бледных и почти обессиленных субъектов, осаждающих кабинеты врачей. Клиническая картина драматизируется страхом: как бы расход энергии не повредил работоспособности. Скрывается отказ от науки получения удовольствия, отрицание гедонических функций.

Наслаждение, испытываемое женщиной без участия мужчины, расценивается как нечто совершенно недопустимое и рассматривается как порок. Для мужчины это абсолютная тайна, бесконечно бóльшая, нежели волнение, вызываемое соитием. Здесь речь не идет об истощении, потому что женская способность к сексу представляется неисчерпаемой, но на горизонте вины вырисовывается нечто другое, не менее ужасное. Речь не идет об опасности стать нимфоманкой, истеричкой или проституткой — здесь обнаруживается широко известное враждебное отношение врачей XIX века к клитору, органу, предназначенному исключительно для получения удовольствия и бесполезному для деторождения.

Контроль за онанизмом

Борьба с этим явлением инициируется родителями, духовенством и в особенности врачами. В глазах воспитателей-клерикалов сон эквивалентен смерти, постель — могиле, а пробуждение — воскресению. В спальне интерната всегда присутствует монахиня, следящая за «скромностью» засыпания и подъема. В течение дня детей стараются не оставлять в одиночестве надолго. Регламент таких учреждений, руководимых

монахинями-урсулинками, предписывает девочкам постоянно быть в окружении подруг. Что касается медиков, то они советуют избегать чрезмерно теплых и влажных постелей; запрещаются перины и слишком большое количество одеял, для сна рекомендуются определенные позы. Они не одобряют верховую езду для девочек, как и шитье на швейной машине, которая в 1866 году подверглась критике со стороны Медицинской академии.

Техническое оборудование и при необходимости ортопедические приспособления также стоят на страже нравственности. В 1878 году специалисты рекомендуют делать дверцы туалетных кабин с отверстиями сверху и снизу, чтобы можно было контролировать, что происходит внутри. Отдельные врачи настаивают на том, чтобы мальчики носили длинные рубашки с завязками по низу. Для борьбы со стойким онанизмом вплоть до 1914 года рекомендуются различные бандажи и даже «сдерживающие пояса» для девочек. В приютах для умалишенных нимфоманкам надевают наручники и устанавливают разные приспособления, мешающие соединить бедра. В отдельных случаях прибегают к хирургической помощи. Весьма распространенный метод лечения — прижигание уретры. Теодор Зельдин пишет о муках восемнадцатилетнего служащего магазина, семикратной жертвы терапевтической меры, предназначенной всего-навсего для пресечения нежелательных потерь спермы. Еще более показательны страдания Амьеля*, скрупулезно описанные самой жертвой. «Каждое семязвержение — это удар кинжала по вашим глазам», — заявил девятнадцатилетнему юноше какой-то врач. С тех пор испуганный молодой человек описывал каждую из своих ночных поллюций, принимал меры во избежание этого: по вечерам принимал холодные ванны, ел толченый лед, протирал низ

* Анри Фредерик Амьель (1821–1881) — швейцарский писатель и философ, знаменит прежде всего своим дневником, насчитывавшим 17 000 страниц.

живота уксусом. Ничто не помогало. 12 июня 1841 года он решил спать не более четырех-пяти часов в сутки, сидя в кресле.

Прижигание клитора и входа во влагалище — процедуры достаточно редкие, еще реже имело место удаление клитора, практикуемое доктором Робером начиная с 1837 года, а ближе к концу века — доктором Деметриусом Замбако. Следует сказать об осторожности, с которой делались эти ужасающие операции; к тому же, не отрицая их значимости, не стоит переоценивать их распространенность.

Телесные вопросы находились в центре частной жизни. Прислушивание к неясным знакам, подаваемым телом, беспрерывный поиск искушения, постоянная угроза, которой подвергается стыдливость, привлекательность нарушения установленного порядка — все это вместо того, чтобы соблюдать правила. Совокупление животных больше не наблюдают. Простой намек вызывает непристойное поведение со стороны мужчин — теперь трудно представить себе, что раньше оно вызывало улыбку. Разные певческие общества собираются лишь для того, чтобы посмеяться и поговорить о сексе. Тщательно скрытая нагота рождает у мужчин эротические фантазии. Гости графини Сабины, одной из героинь романа Эмиля Золя «Нана», подолгу обсуждают ее бедра. Для сравнения, наша знаменитая покорность телесным импульсам и порывам выглядит почти развязностью.

«Расшифровка личности» и самоконтроль

Банализация процесса самоанализа

Одновременно с мнимым расцветом личности желание понять себя, подвергнуться «расшифровке», углубляется. Интроспекция, «взгляд в себя» становится общим местом. Этому процессу благоприятствовало развитие и распространение в обществе духовных практик, появившихся в эпоху, последовавшую

за Тридентским собором. Процедура суда совести, анализа своих поступков, самоанализа, парадоксальным образом разворачивается в момент, когда сокращается количество соблюдающих религиозные обряды. Новое понимание моральных требований теологии дает доступ массе католиков к мыслительной деятельности, долгое время остававшейся уделом избранных. В эпоху Реставрации множатся ретриты и миссии; и те и другие приводят к общей исповеди; они становятся причиной для тщательного самоанализа. Клод Ланглуа показал, как укоренялась в народе практика ретрита в Ваннской епархии. 24 марта 1821 года, сообщает Жерар Шольви, шесть тысяч человек, со свечами в руках, приняли участие в церемонии «аманд онорабль»**, важном событии большой миссии в Монпелье. Около полувека спустя, в 1866 году, по случаю приезда проповедников в Шастрадес, маленькую коммуну в недоступном Жеводане, происходит возврат к себе, и языки неотесанных крестьян развязываются. Проведение на протяжении нескольких десятилетий двойной исповеди и дифференцированного отпущения грехов, практика поэтапной общей исповеди, прерываемой длительными периодами самоанализа, в том виде, как это было провозглашено кюре из Арса, миссионера времен Июльской монархии, побуждают скрупулезно вспоминать свои грехи.

Дальнейшая регламентация жизни, определенность «решений» сопровождают углубление самоанализа. Проповедники и религиозные наставники призывают к этому набожные души. Так регулируется поведение в частной жизни. По совету воспитательниц родители устанавливают строгие правила для

* Ретрит — духовная практика, заключающаяся во временном удалении от мира (например, в монастырь), уединенной молитве, часто — общении с духовными наставниками; может быть коллективной. — *Примеч. ред.*

** Аманд онорабль — вид наказания во Франции времен Старого порядка: осужденный, обычно босой и обнаженный по пояс, публично каялся в своих прегрешениях. — *Примеч. ред.*

юных девушек, вернувшихся из пансионов, дабы оградить их от соблазнов праздной жизни. Об этом свидетельствует волнующий дневник Леопольдины Гюго. Некоторые добрые души заставляют девочек вести дневник, неизбежное следствие таинства исповеди. Двенадцатилетняя жительница Марсея Изабель Фрессине вынуждена каждый день в качестве наказания выполнять дополнительные задания. Дневниковые записи показывают также духовный рост взрослых, облегчают сомнения, вызванные мелкими ежедневными ошибками. Распространение такого явления, как женские дневники, после 1850 года, образцом которых можно считать дневник Софьи Петровны Свечиной*, опубликованный издательством Falloux. В нем сквозит то же желание описывать свои переживания в назидательных целях.

Главное в этом процессе — секуляризация расшифровки личности, начатой в тени исповедальни. Человек в XIX веке одержим чувством вины; это чувство вызывается тем же страхом потери, который заставляет тщательно вести домашнюю бухгалтерию, который порождает ужас от потери спермы или просто от сознания того, что с каждым днем жизнь становится короче. Это желание избежать потери чего бы то ни было выливается на страницы интимного дневника.

В поисках автора дневника

Выдающийся «Опыт о расписании дня, или Метод правильного распределения времени в течение дня, первое средство для счастья», написанный в 1810 году Жюльеном, отставным военным, ясно показывает преемственность мнений. Работа автора, ссылающегося на Локка и Франклина, будет высоко оценена Антуаном Франсуа де Фуркруа, французским графом

* Софья Петровна Свечина (1782–1857) — фрейлина, писательница-мистик, хозяйка литературного салона в Париже, одна из самых заметных фигур в русском католицизме XIX века.

и политическим деятелем. Жюльен рекомендует делить день на три части по восемь часов. Первую он предлагает посвятить сну, вторую — работе и учебе, третью — еде, отдыху и физическим упражнениям. Самое главное, говорит он, надо вести три дневника: в одном описывать состояние здоровья, в другом — различные сомнения нравственного порядка, в третьем — мыслительную деятельность. «Аналитический дневник» и исчерпывающая картина положения вещей, исследуемые каждые три или шесть месяцев, позволят подвести итоги и оценить развитие. Здесь стремление к внутреннему просветлению в сочетании с навязчивым страхом потери влечет за собой практику, которая не имеет ничего общего с диалогом с Создателем. Итог постоянного самоанализа в данном случае зависит от собственного взгляда на себя и взгляда других. Долгий внутренний монолог позволяет контролировать свои внешние проявления и одновременно с этим оставаться загадкой для Другого; необходимость хранить тайну о себе способствует интроспекции.

Великие авторы дневников первой половины XIX века постарались решить задачу внутренней ясности, не впадая в литературные амбиции. Их произведения, в которых нередко описаны одновременно труд, деньги, досуг и любовные похождения, — ценное свидетельство перемен. Ведение интимного дневника — попытка прогнать страх смерти, который возникает в процессе записей. Проследить растрачивание себя означает создать стратегию сохранения. «Регистрируя все свои ощущения, — пишет Делакруа 7 апреля 1824 года, — я живу два раза; прошлое возвращается ко мне. Будущее всегда со мной». Так формируется память, одновременно являющаяся «историей болезни» и поминовением.

Ведение дневника внутренне дисциплинирует; бумаге доверяются тайны. Записи позволяют проанализировать внутреннюю вину, регистрируют сексуальные неудачи как удушьющее чувство неспособности к действию; снова и снова возвращают к секретным решениям.

Объяснить столь распространенное увлечение дневниками можно разными факторами. Мен де Биран желал создать науку о человеке по соотношению физических и моральных проявлений. Поиск себя стимулируется всеми историческими событиями, которые углубляют чувство идентичности. Ускорение социальной мобильности порождает неуверенность. Оно подталкивает автора дневника задавать себе вопросы о собственной позиции, оценивать, каким может быть мнение окружающих. Общество молчаливо присутствует в его частной жизни. Новый стиль межличностных отношений, диктуемый урбанизацией, наносит многочисленные раны самолюбию, порождает фрустрацию, заставляющую уйти в себя. Мен де Биран в 1816 году предсказывал этот поиск психологического реванша; он предчувствовал время, когда «психологически уставшие люди захотят оставить дела и найти таким образом отдых, спокойствие и утешение, которые можно обрести только наедине с собой».

Усиление чувства собственности не чуждо этому новому явлению, что заметил Мен де Биран; он поздравляет себя с тем, что его друг аббат Мореле в своих записках обосновал право «каждого человека на себя самого, на все свои способности, на свое „я“».

Практика описания себя

Остается определить, кто они, эти авторы дневников. Среди них существуют великие, вошедшие в историю, и тогда наша задача легковыполнима. Многочисленны женщины, которым правила приличия не позволяют публиковать свои произведения и которые через дневниковые записи реализуют потребность писать (если речь не идет о графомании). Эжени де Герен признавалась в своем неистовом желании писать. Есть все основания полагать, что так же обстояли дела и у мадам де Ламартин, матери поэта.

Зачастую неуютно себя чувствующий в обществе, в котором ему приходится жить, автор дневника страдает от невозможности общаться с окружающими. Ему трудно принимать решения. В мае 1848 года, в возрасте двадцати семи лет, Амьель пишет в своем дневнике о предполагаемой женитьбе. Записи делаются в форме нескончаемых уравнений. «Я создаю себе проблемы из ничего», — признается Мен де Биран, подавленный тем, что он называет «озабоченностью», — мы бы сказали, тревогой, — которую приписывает «недоверию к себе самому».

В целом автор дневника вполне может показаться больным; уж точно — человеком робким, если не беспомощным; иногда это некто обуреваемый гомосексуальными страстями, которые он не в силах удовлетворить. Провинциальная буржуазная микросемья весьма предрасполагает к ведению интимного дневника. Эта структура благоприятствует привязанности к матери и к воспоминаниям о детстве; Беатрис Дидье утверждает, что автор дневника страдает от регрессии и что его записи говорят о желании вырваться из этого плена. Трудно отрицать, что эта ежедневная дополнительная работа в качестве наказания является одним из методов воспитания юношества.

Ведение дневника — прежде всего упражнение. Это изнурительная работа — вспомним хотя бы о семнадцати тысячах страниц, написанных Амьелем! Для тех, кому нравится разговор с самим собой, внутренний монолог, — это изысканное удовольствие. «Когда я один, — заявляет Мен де Биран, — у меня множество дел: я должен следить за ходом своих мыслей или впечатлений, ощупывать себя, наблюдать за настроением и образом жизни, извлекать лучшее из того, что есть во мне, записывать идеи, которые случайно приходят мне в голову, или те, что навевают чтение». В этом смысле интимный дневник — венец радостей *privacy*: «Я стремлюсь стать собой, вернуться в частную жизнь, в семью, — признается тот же автор дневника. — Пока это не случится, я буду ниже себя самого, буду ничем». Однако, как можно догадаться,

дневник — враг супружества! В первую очередь женщинам приходится писать украдкой. Эжени де Герен даже от своего обожаемого отца скрывает тетрадь, в которой делает записи по ночам в своей любимой «спаленке», любясь звездами. Беатрис Дидье обнаружила в ведении дневника даже сходство с мастурбацией.

Историки еще не в полной мере оценили распространенность этого социального явления, изучение которого остается монополией филологов. Кроме того, хрупкость этих документов ведет к тому, что их количество недооценивается. Очень многое указывает на то, что интимный дневник сопровождает частную жизнь множества людей. Мелкая буржуазия здесь тоже не отстает, как свидетельствует Пьер Гиацинт Азаис, скромный парижский самоучка; интимный дневник предстает здесь как отдаленный потомок семейного дневника и как компаньон амбарной книги. Нетрудно догадаться, что дневники ведут тысячи девушек, нашедших в нем отдушину для выхода чувств. Каролина Брам, чьи дневники были обнаружены на блошином рынке, Мария Башкирцева и уже упоминавшаяся Изабель Фрессине в этом не одиноки.

Здесь уместно вспомнить об огромной волне альбомов. Во времена Июльской монархии, пишет Пьер Жоржель, каждая девушка из приличной семьи имеет свой альбом, который демонстрирует друзьям дома. Альбом Леопольдины Гюго обнаружил Ламартин. До тринадцати лет Дидина доверяла ему свои детские мечты, описывала игры; в дальнейшем читатели с удивлением обнаруживают первые вздохи и признания обожателей, к которым девушка начинает проявлять внимание. С этого момента она заботится о своих туалетах, записывает даты балов и спектаклей, которые посещает, и впечатления о путешествиях. Альбом — это как чулан; туда попадает все: школьные ведомости с оценками, живописные гравюры и прочее; когда наступает время выходить замуж, альбом занимает место в семейном архиве.

В народной среде тоже существует подобие альбома или дневника. Разве собственноручно вышитое приданое не может рассматриваться как внимательное описание себя самой, своих мечтаний о будущем? В любом случае подготовка приданого — это нечто большее, чем просто желание иметь достаточное количество белья накануне свадьбы. Аньес Фин показывает, как заботливо юная жительница Пиренеев прядет, вышивает, помечает красной нитью это богатство, которое никак ей не послужит. Богатая наследница тоже включается в этот ритуал, для нее абсолютно бесполезный. Это занятие объясняет чрезвычайную привязанность женщины к символическому накоплению. Автор утопического романа «Путешествие в Икарию» Этьен Кабе будет обвинен в желании конфисковать приданое. Придавая огромное значение сундуку с бельем, который герой романа «Труженики моря» унаследовал от своей матери, Виктор Гюго подчеркивает важнейший элемент народных чувств.

Мудрость амбиций

Ретроспективный поиск себя, которым занимается человек, ведущий дневник, вызывает сожаления, ностальгию, но в то же время дает надежду и стимулирует воображение, пробуждает амбиции, увы, неясные. Очевидно одно: будущее представляется весьма умеренным; эта осторожность противоречит образу века, в ходе которого должны разыгаться аппетиты. Не следует забывать о привлекательности воспроизводства себе подобных и силу механизмов, которые его поддерживают. Всесторонняя опека, система «рекомендаций», коротко говоря, груз и запутанность семейных отношений долгое время тормозят меритократию, которая, даже после установления республики, будет в загоне. По словам Теодора Зельдина, боязнь переутомления, эксцессов, внедренная в сознание медиками, способствует умерению амбиций. Следовало бы

также упомянуть, что снисходительно-пренебрежительное отношение к классической гуманистической *rektnheit* уменьшает ее влияние. Сколько зрелых людей, читавших Горация, стремились в первую очередь к праздности (*otium*), жили по принципу «лови момент» (*carpe diem*), по образу поэтов-префектов, описанных Винсентом Райтом*, хозяина шоколадной фабрики, чиновника из романа «Несчастье Генриетты Жерар» Луи-Эдмона Дюранти. В погоне за публичным признанием, о чем свидетельствует страсть к приукрашиванию, начинают стремиться к богатству, а сложность положения парвеню прекрасно демонстрирует, что дело не только в деньгах.

Отныне становятся понятны некоторые цифры, и в первую очередь непреходящая привлекательность свободных профессий и государственной службы. Опрос, проведенный в 1864 году среди учащихся провинциальных классических лицеев, показал, что амбиции молодежи этой среды фокусируются на юриспруденции, медицине и военной карьере, а именно на Сен-Сире. Буржуазия предпочитает государственную службе бизнесу. Кристоф Шарль оценил солидность механизмов воспроизводства и непреходящую привлекательность государственной службы. Политехническая и другие высшие школы также привлекательны, хотя практика пантуфляжа** еще не вошла в широкое употребление и, следовательно, подобная карьера пока не может принести большого дохода.

В рабочей среде гордость за свое мастерство, престиж помощи сдерживают желание социального бегства; эти факторы объясняют одновременно размах технической эндогамии и малую вероятность продвижения по службе. Господствует стабильность социального статуса, и то, что от поколения

* Эрнест Винсент Райт (1873–1939) — американский писатель, автор романа «Гэдсби», в котором ни разу не встречается буква *e*.

** Пантуфляж (от фр. *gantouffles*, домашние тапочки) — переход высокопоставленных государственных чиновников к частному предпринимательству.

к поколению люди все чаще стремятся сменить профессию, в данном случае не должно вводить в заблуждение.

Жак Рансьер со всей очевидностью показал важность опыта, полученного в 1830–1850-х годах рабочими, на которых свалилась новая напасть. Жалея времени, украденного работой, и предполагая для себя иное предназначение, нежели эксплуатация со стороны хозяев предприятия, они страдали от некоего избытка бытия. По ночам эти пролетарии грезили о будущем, о своей идентичности. Такое напряжение испытывали немногочисленные индивиды, которые жили, как рабочие, но старались говорить и писать, как буржуа; это достигалось ценой величайших усилий — чтением сложной литературы, переписыванием текстов, заучиванием наизусть. То, что во времена Июльской монархии все больше рабочих заставляли себя посещать вечернюю школу, свидетельствует о распространенности подобных амбиций. Истории отдельных индивидов смягчают немые цифры и дают нам возможность узнать о происхождении этого желания.

Деревенский народ также понемногу начинает задумываться об ином будущем; следы первых проявлений этого процесса следует искать не в словах, а в жестах. Так, жестокое преступление убившего свою семью Пьера Ривьера может быть интерпретировано как признак персонального осознания коллективного неблагополучия. Амбиции формируются медленно и неравным образом, в зависимости от образа жизни и структуры семьи; создаются имущественные структуры и — очень кстати — решается проблема, поставленная младшими детьми одноветвевой семьи. По мнению Грегора Далласа, изучавшего крестьянство в исторической провинции Орлеане, дальнейшая индивидуализация ослабляет связь матери и детей, усугубляет чувство неуверенности и ведет к распаду «крестьянского хозяйства», которое без этого смогло бы выстоять во времена экономических потрясений. Теплота отношений исчезает, и семья распадается. Несложно проследить множество других случаев подобного непочтительного отношения

к родне, угасания чувств. Приведем лишь такой пример: один мигрант из департамента Крёз отказался присылать отцу часть заработанных денег, в результате чего отношения прервались, и он долгие годы не приезжал к матери и сестрам.

Деревенская молодежь обуреваема тремя амбициозными идеями, в зависимости от семейной иерархии и — в особенности — от места, занимаемого во фратрии*. На первом месте — традиционное желание стать землевладельцем, реализовать которое теперь не так трудно, как в прошлом, о чем свидетельствуют высокие цены на землю, дробление семейного наследия и освоение целинных земель; второе место занимает желание стать мельником или держателем кабака; на примере деревень в районе Па-де-Кале Рональд Хюбшнер показал, что эти профессии — трамплин к социальному успеху; на третьем месте — переезд в город, опасность чего уменьшается благодаря землячествам, за десятилетия сложившимся в городах: вновь прибывающих встречают, обеспечивают жильем, по крайней мере на первое время, устраивают на работу. Складываются новые сети и новые маршруты, которые позволяют следующему поколению добиться настоящего успеха. Показателен в этом отношении пример овернцев, изученный Франсуазой Резон.

Призванные служить богу

Не забудем и о духовном призвании, венчающем шкалу амбиций: его неумолимость очень часто в XIX веке нарушала спокойный ход частной жизни многих семей. Желание посвятить себя Богу в обществе нарастало, о чем свидетельствует увеличение численности священников и монахов вплоть до начала Третьей республики. Сфера рекрутирования кадров для церкви варьировалась от епархии к епархии, и напрасно

* Фратрия (лат. братство) — здесь: дети одной семьи, братья и сестры, имеющие общих родителей.

пытаться определить, к каким социальным группам принадлежали будущие священники и монахи. В целом обнаруживается, что духовенство теперь имеет деревенское происхождение. Нередко впервые желание посвятить себя духовному служению или уйти в монастырь проявляется накануне торжественной церемонии первого причастия, что позднее описала Жорж Санд и пережила несчастная Каролина Брам. После 1850 года восторженное отношение к фигуре ангела, распространение культа Девы Марии, утверждение догмата о Непорочном зачатии, всплеск набожности, рост интереса к разным святым, о которых раньше не вспоминали, и отступление от господствовавшего в предыдущие годы антимиристицизма — все это становится частью борьбы за обострение юношеской чувствительности, за отрицание тела. Явление Девы Марии в Ла Салетт в 1846 году и в Понтмене в 1871-м говорит о небесном присутствии и увеличивает количество желающих уйти в монастырь.

Стоило бы поразмышлять о секуляризации процесса. Некоторые буржуазные политики-популисты всей своей жизнью свидетельствуют о реальности этого. Участник революции 1848 года, богатейший Шарль-Фердинанд Гамбон, потерявший пятнадцать лет жизни на каторге, сопротивлялся мольбам семьи и невесты, терпел жестокость тюремщиков, только чтобы не подавать прошение императору о помиловании; освободившись, он посвятил остаток жизни республиканскому делу. Огромное количество рабочих, ведущих почти апостольский образ жизни, феминистки, решившие сохранить девственность или, по крайней мере, не выходить замуж, множество учительниц-аскетов более или менее сознательно строят свою жизнь по старинной модели. Франсуаза Майёр уже давно выявила монастырские черты в Севрской нормальной школе, педагогическом учебном заведении. Здесь было бы, без сомнения, полезно в стремлении частных лиц уйти от мирской жизни и крахе коллективной мечты обнаружить многие положения из «Словаря рабочего движения», изданного неутомимым Жаном Метроном.

Пока же возникает уверенность, подтверждающая эти мысли об истории амбиций: большинство испытывало разочарование. Согласно опросу, проведенному в 1864 году, учащиеся старших классов классических лицеев видели себя в будущем генералами, патронами промышленных предприятий или адвокатами, но в реальности становились школьными учителями, мелкими служащими или клерками в конторах ростовщиков. То же самое происходило с девушками из буржуазной или крестьянской среды: они мечтали о прекрасном принце или добром друге, но весь ход матримониальной стратегии говорил о том, что они достанутся какому-нибудь старому холостяку или деревенскому простофиле.

Странствия души

Новое освоение пространства

В первой половине XIX века произошли революционные изменения в способах путешествовать. Возникает новый опыт, который должен занять важное место в мечтах людей. Классическая модель путешествия, спокойного и безмятежного, в которое иногда пускался горожанин, чтобы насладиться произведениями искусства и зрелищем памятников, постепенно отходит на второй план, уступая место экспедициям Соссюра в Альпы, Рамона де Карбоньера в Пиренеи и Камбри в Финистер*. Основными целями путешествий становятся теперь волнение души, обогащение себя новым опытом освоения пространства, знакомство с новыми людьми, смена привычной обстановки. Путешественнику нравится опасность, первозданные пейзажи. Он хочет залезть на скалу, посидеть на краю пропасти, вскарабкаться по склону горы и спуститься в долину, встретиться с аборигенами. Образы

* Финистер — департамент в Бретани, самый западный во Франции.

Уэверли*, Индейца из «Прерии» или с берегов Миссисипи вызывают интерес к этнологии. Ученые-археологи указывают путешественнику на следы, отпечатавшиеся на почве, и намекают на таинственную связь между минералами, растениями и человеком.

Представители «водяного общества», отдыхающие на курортах, время от времени собираются в группы и совершают восхождения на окрестные горы. Начиная с 1816 года Мен де Биран отваживается на путешествия в Пиренеях, впечатленный книгами Рамона де Карбоньера. Туристические путеводители сначала указывают местонахождение «смотровых площадок», потом «панорам»; формируется новый взгляд на пространство, чему поспособствовало появление и развитие фотографии. Обновляются маршруты: сначала Альпы и Овернь, позднее — Нормандия и Бретань, несмотря на слабое развитие индустрии гостиниц и постоялых дворов. При Июльской монархии и Второй империи постепенно перестают быть редкостью путешествия со сменой часовых поясов. Пока добропорядочные буржуа ездят из Руана в Швейцарию, Перришон** сражается со льдами в Альпах.

Изменяется и самая простая прогулка. Желание вырваться из обыденности, интимные переживания, вызываемые созерцанием безмятежной природы, коротко говоря, опыт Руссо на острове святого Петра — все это остается, но обновляется. Пещеры, деревни, в которых свищет ветер, берега, изрезанные волнами, высокий обрыв с маяком на вершине скоро станут излюбленными местами для посещения. Чтение «Рене»*** или «Доминика»**** побуждает вести себя по-новому. Жан-Пьер

* Герой романа Вальтера Скотта «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (1814).

** Герой пьесы Эжена Лабиша «Путешествие мсье Перришона».

*** Имеется в виду роман Шатобриана «Рене, или Следствия страстей» (1802).

**** Имеется в виду роман Эжена Фромантена (1862).

Шалин отмечает, что, несмотря на близость моря, лучшее времяпрепровождение на каникулах для добропорядочного буржуа из Руана — долгие прогулки в одиночестве по полям и лесам.

В эпоху Июльской монархии складывается новый стиль — о чем свидетельствуют бретонские путешествия Флобера и Дюкана*. Теперь нет прежнего ожидания пробуждения земли, прежнего метафизического и этнологического поиска, прежней заботы о согласии. Зато гораздо больше внимания уделяется сигналам со стороны тела, телесные проявления являются важнейшей частью этих прогулок. «Спящие» Гюстава Курбе, гребцы Мопассана, мода на пляжи, куда приходят насладиться свежим воздухом (пока еще не солнцем), морские купания смельчаков в тринадцатиградусной воде, о которых нам рассказывает Дидина (Леопольдина Гюго) в своем альбоме, — все это свидетельствует о начале обнажения тела.

Здесь следует упомянуть о том, какую роль играло в становлении образованного молодого человека путешествие на «Восток», то есть в Испанию**, Грецию, Египет или Турцию, на Босфор, а также о появлении, а затем о потере интереса к свадебным путешествиям, этой двойной инициации, синтеза древних практик, ради которого молодые направляются в Венецию или Тунис или, напротив, на побережье Бретани или в норвежские фьорды.

Путешествие — это ритуал; из него привозятся сувениры, важность которых теперь трудно понять. Обязательный альбом, полный обрывочных впечатлений, зарисовок, навеянных модой на живописные путешествия, множество дневников и рассказов, опубликованных всеми великими, от Стендаля до Флобера, от Теофиля Готье до Жерара де Нерваля, свидетельствуют о большой увлеченности новым видом времяпрепровождения.

* Максим Дюкан (1822–1894) — французский журналист и писатель, член Французской академии.

** Вероятно, Испания причислена к странам Востока из-за обилия мусульманских памятников архитектуры. — *Примеч. ред.*

Однако эти развлечения касались элиты; чтобы и сельское население приобщилось к путешествиям и испытало те же эмоции, что и сильные мира сего, нужно было дождаться появления увеселительных поездов и в особенности распространения больших паломничеств, то есть экспансии монашеского ордена ассомпционистов между 1871 и 1879 годами.

В городах появляется такой персонаж, как фланер, обнаруженный Виктором Гюго и изученный Бодлером. В нем выражаются одновременно изменения в публичном пространстве и размах *privacy*, частной жизни. Новый тип «прогуливающегося» в каменном пейзаже города открывает путь для новых стратегий приватности, которые развернутся в публичном пространстве; в этом смысле фланер — переходная фигура. Гуляя по городу, он оценивает пространство, что позволит ему изменить условия частной жизни; сама улица для него как бы воспроизводит образ квартиры. Парижские пассажи, которые множатся под влиянием урбанизации, и кафе, которые в них прячутся, облегчают появление нового стиля жизни; для фланера они — как бы фальшивый интерьер, дом. Порожденные османизацией* вокзалы и в особенности универсальные магазины, новые торговые лабиринты, будут для фланера последним пристанищем. Постепенно он уступает место прохожим. Спешащий пешеход, заботящийся о своей безопасности, голова которого занята мыслями о собственных проблемах, не может просто наблюдать за тем, что происходит на улице; она ни в коем случае не является продолжением его жилища.

Дороги мечтаний и сновидений

Известно, как смело романтики обновили воображаемое, проложили новые дороги сновидений, обогатили внутренний

* Речь идет о масштабной перепланировке Парижа, проводившейся с 1853 по 1870 годы под руководством барона Жорж-Эжена Османа.

монолог и вызвали у читателей желание медитации, созерцательное настроение, даже мистический экстаз. Мы можем здесь лишь упомянуть этапы этого чудесного обновления. В эпоху Реставрации господствует восторженное отношение к природе: оно предложено Жан-Жаком Руссо и обогащено Ламартином. Такое отношение помогает отдаться движениям души. Мысль о смерти, о побеге в прошлое, созерцание океана или звездной ночи, слушание соловьиного пения способствуют медитативному настроению.

После 1830 года дороги воображаемого расширяются; мечты-чувства уступают место несбыточным мечтам-фантазиям, дающим широкое поле воображению, устремляющимся к экзотическим странам или очень отдаленному прошлому.

Остается узнать, в какой мере эти литературные сюжеты подпитывали реальность. Очевидно, что умножение барьеров, охраняющих частную жизнь, распространение знаний о соматике, а также возросшая точность в управлении временем могли лишь поспособствовать бегству в область воображаемого. Попавшие в зависимость от этого юные девушки мечтают о возвышенной любви, о чем свидетельствуют многочисленные романы в письмах, которые писали все, от Бальзака до Эдмона де Гонкура и Марселя Прево. Недоступность девушки, изоляция ее в пансионе, создавая препоны в плане сексуальных отношений, заставляют молодого человека мечтать о сильфиде. Хрупкий силуэт, мельком увиденный в церкви, идеальный овал лица, мелькнувший в окне, подпитывают его фантазии.

В архивах частной жизни молодежи можно найти следы такой влюбленности. Прогулки Эжени де Герен по кладбищу навеяны образом девушки и смерти. Дневник Леопольдины Гюго, который она вела в возрасте шестнадцати-семнадцати лет, свидетельствует о том, что она умела прекрасно писать «задумчивые сочинения», и открывает ее удивительную способность к медитации, редкую для столь юного существа. Один из текстов под названием «Вечер» представляет собой подробный

анализ состояния полумечты-полусна. Жорж Санд вспоминала, как в ее почти детском воображении возникал Версальский парк, которого она никогда не видела. Затем юная Аврора завела привычку отдаваться сиюминутным мечтам и самым безумным иллюзиям; необычные мечты стали ее манией. Проявляется ее знаменитая девичья странность, которую даже пробовали лечить; возникает флюберовское искушение вести придуманную жизнь, а не реальную, явление, распространенность которого в обществе оценить, к несчастью, невозможно.

Диверсификация образов из сновидений

Жан Буске обнаружил исключительный интерес к вопросам снов и сновидений в XIX веке: эта область считалась самой секретной в личности каждого человека и защищалась многочисленными преградами его дневной жизни. Достаточно напомнить о некоторых очевидных вещах, которые скрылись из вида в связи с увлечением фрейдистскими теориями. В первые десятилетия XIX века философы задавались вопросом о том, что происходит с душой ночью; Мен де Биран полагал, что она тоже спит; Жюффруа*, напротив, считал, что она бодрствует; Лелю** — что она отдыхает; для романтиков сновидение — это настоящее воскресение. Сны — не что иное, как высказывание существа, которое спрятано глубоко в человеке.

На протяжении долгого времени научные объяснения механизмов сновидений даются с точки зрения влияния физической стороны на моральную. В результате переоценивается роль органических сигналов, идущих от внутренних органов или мозга, а также влияние того, чем человек занимался накануне,

* Теодор Симон Жюффруа (1796–1842) — французский философ-спиритуалист и политик.

** Луи-Франциск Лелю (1804–1877) — французский врач, философ, исследователь психических расстройств.

и обрывков дневных ощущений. Отсюда — различия, установленные Меном де Бираном и, позднее, Моро де Туром*, Альфредом Мори** или Макарио***, между снами сенсорными, эмоциональными или интеллектуальными.

В 1845–1860 годах во Франции появилась целая плеяда ученых, по-новому взглянувших на сны: для них сны относились всего лишь к механизмам регрессии и распада высших форм психизма. Сновидения — это патология, стоящая в одном ряду с бредом или безумием. Исследователи начали уделять большое внимание сомнамбулизму и гипнагогическим состояниям — то есть тем смутным ощущениям, которые мы испытываем, находясь на пороге сна, когда распадается целостность мысли. Работа Моро де Тура «Об идентичности сна и безумия» (1855), как и чары «Аврелии» Жерара де Нерваля, передают эту психиатризацию анализа. Складывается наука о сновидениях, которая, по крайней мере во Франции, будет безраздельно господствовать до появления психоанализа.

Исследователи деликатнее подходят к проблеме историчности феноменологии снов и распределения сновидческих практик. Жан Буске начинает здесь дискуссию в весьма решительной манере. По его мнению, «после 1780 года мужчины видят во сне лишь странные бессмысленные игры». Если верить ему, это одновременно форма, содержание и функция сна, которые в конце XVIII века могли конкурировать между собой.

Как бы то ни было, все специалисты согласны в том, что предварительный сон стирается. В будущем сновидческая активность не будет поляризоваться. Согласно Джорджу

* Жак-Жозеф Моро де Тур (1804–1884) — французский психиатр.

** Луи Фердинанд Альфред Мори (1817–1892) — французский историк.

*** Морис-Мартин-Антуан Макарио (1811–1898) — французский врач, автор книги о сне и сомнамбулизме, директор лионского института гидротерапии.

Стайнеру, распространение ньютоновской космологии и, позже, эволюционной теории Дарвина больше не позволяет искать в снах отдельных людей приметы будущего. Однако популярность у простого народа разного рода сонников, которыми торгуют вразнос, говорит о стойкости архаических верований.

Другая очевидность — поворот снов к индивидуальному прошлому. Об этом говорят романтики, рассматривающие сон как возвращение человека к своим корням. Эта эволюция сочетается с переоценкой образа детства, которая происходит внутри семей.

Меньше подтверждения находят эротические сновидения в том виде, в каком они описываются. В литературе XVIII века они предстают как чистое желание, а уже в 1840–1850-х годах — как платоническая любовь. Таким образом, сновидения являются продолжением дневных грез. В дальнейшем совершается решительный возврат к эротизму в чистом виде; об этом пишет, например, Флобер. Если верить Шангаль Бриан, это происходит между 1850 и 1870 годами; обаяние продажной любви и имперский разврат преследуют людей в снах. Альфред Мори видит здесь проявление потребности в освобождении от чувства неудовлетворенности, вызванного стремлением подавить телесные проявления. Действительно, увлечение эротизмом случилось одновременно с появлением ангелизма. Больше всего эротическим снам были подвержены истеричные женщины и молодые девственники — здесь можно обнаружить драму нежелательной потери спермы, — а также «люди, занятые интеллектуальным трудом и размышлениями» (Макарио). Некоторые ночные сновидения, описанные Эдмондом де Гонкуром, а также увиденные во сне сцены инцеста из дневника Жюль Ренара говорят о том, что в эпоху зарождения психоанализа связь между снами и сексуальными желаниями прекрасно осознавалась.

Следует отметить распространенность еще одного сюжета из сновидений. Речь о путешествиях на поездах и в дилижан-

сах, а также о пейзажах. Это говорит о сильном воздействии нового стиля жизни. Альфреду Мори снятся величественные пейзажи, которые он видел во время путешествий; он упоминает не менее шести городов, образы которых приходят к нему во сне; по поводу особого состояния в момент засыпания он говорит: «В минуты, когда явь переходит в сон, я всегда путешествую».

Интересно было бы рассмотреть политические сюжеты сновидений; отметим, что революционные действия — лейтмотив в работах специалистов по снам. Что это? Свидетельство тревоги? Бергсону, а до него Мори снилась гильотина. Щипцы в снах Мори, вероятно, были навеяны событиями июньских дней^{*}; но, может быть, это просто садистские сны, о распространенности которых в конце XIX века пишет Шанталь Бриан?

Эти несколько соображений кажутся весьма фрагментарными по сравнению с величественной картиной, нарисованной Жаком Буске: он проанализировал сотни записанных снов. По мнению этого автора, на излете Старого порядка сны людей сильно изменились — ранее в них чаще всего встречались образы рая и ада. В «райских» снах мелькали картины садов, пейзажей; к «адским» можно отнести образы подземелья и городов, те же видения — в описанных психиатрами бредовых состояниях; именно эти картины стали новой формой кошмаров. Также в снах встречались разного рода запреты, произвольные действия и мотивы раздвоения личности. Уже в 1850 году, когда секуляризация сновидений завершилась, «райские» и «адские» сны перемешались. Так появились современные, странные или абсурдные сновидения.

Этот увлекательный обзор, как и несколько замечаний, которые ему предшествуют, направлен на то, чтобы поддержать антифрейдистскую гипотезу об историчности сновидений.

^{*} Видимо, имеется в виду подавление восстания в июне 1848 года, после чего президентом был избран Луи-Наполеон Бонапарт.

В самом деле, многочисленные соответствия, установленные между историей воображаемого и эволюцией сновидений, поразительны.

Разговоры с Богом

Молитва в одиночестве и размышления

Количественная оценка распространения религиозной литературы, проведенная Клодом Саваром, призывает к осторожности: в период расцвета Второй империи она переиздается, при этом книги для простого народа, распространяемые торговцами вразнос, не поддаются подсчету. Это наводит на мысль о том, что религиозные чувства и формы индивидуального обращения к Богу меняются очень медленно. Духовные практики находятся под влиянием прошлого. «Подражание Христу» Фомы Кемпийского в новом переводе, выполненном Ламенне в 1824 году, надолго стало самым распространенным руководством набожного христианина. «Добрый кюре» из Арса* оказывается вневременной моделью духовного эклектизма, синтезом множества моделей санктификации, а благочестивая Эжени де Герен с глубочайшим почтением читает сочинения святого Августина, святого Франциска Сальского, Боссюэ и Фенелона. Миссионеры эпохи Реставрации, неутомимо напоминающие о муках ада, вдохновлены драматическим тоном проповедников из прошлого. Романтик, очарованный смертью, трепещет от речей Тертуллиана или святого Бернара; совершенно естественным образом возникают размышления о конце света.

Со всеми оговорками, не будем все же отрицать оригинальности молитвы в XIX веке. Этой темой социологи ре-

* Имеется в виду Жан-Мари Батист Вианней (1786–1859) — кюре из города Арса, которому приписывалась чудодейственная сила. Канонизирован в 1925 году.

лигии занимались мало, их больше интересовали масштабы дехристианизации. Анализ мотивов молитвы и свидетельств признательности говорит о повседневности проблем, которые вызывают обращение к Богу. Молитвы о спасении супруга или брата, процветании в делах или успешной сдаче экзамена добавляются к мольбам о выздоровлении, благополучном морском путешествии или безопасности солдата; здесь свидетельство последователей кюре из Арса совпадает с результатами исследований, проведенных Бернаром Кузеном. Никогда еще экс-вото (разного рода таблички с обращением к Богу с благодарностью за исполненную просьбу, содержащуюся в молитве, устанавливаемые в церкви) не были столь распространены, как в XIX веке; в Провансе явление пошло на спад лишь в 1870-х. Этот материальный знак признательности говорит о том, что мелкая буржуазия стремилась отблагодарить Бога за помощь. Кроме того, растущее внимание к личности получателя помощи созвучно с усилением индивидуалистических тенденций, которые мы встречали на каждом шагу.

О том, что к Богу теперь обращаются с более простыми просьбами, свидетельствует и распространение молитв о грешных душах. Чтобы облегчить страдания покойных членов семьи, чьи призывы, как ему кажется, он слышит, благочестивый сын заказывает мессы, отпевания, причащается, молится, старается получить отпущение грехов. В 1884 году деревенский священник, аббат Бюге, который называл себя «коммивояжером грешных душ», основал в Ла-Шапель-Монлижоне «Покаянное дело», которому был уготован оглушительный успех; в 1892 году количество участников достигло трех миллионов. Это мощное движение обнаруживает потребность в том, чтобы покойный оставался в том месте, где он жил; этой же потребностью объяснялась мода на спиритизм, которая охватила образованные круги французского общества на заре Второй империи. С тех пор как сложился семейный культ умерших,

появилось желание воскрешать их в памяти. Понятно, почему с этих пор о пламени чистилища предпочитают много не говорить: по мнению Филиппа Арьеса, оно превращается в обладеживающую «приемную».

По мере распространения агностицизма и развития свободной мысли рождаются новые эпизоды духовной жизни, новые ритуалы перехода души в мир иной. Множатся ряды тех, кто потерял веру. Молодой человек должен победить свои сомнения в возрасте между шестнадцатью и двадцатью пятью годами, когда он вступает во взрослую жизнь. На периферии сознания маячит трагический след революционного прошлого, который усугубляет непрочность веры; — священник-рenegат, высмеивающий духовенство. Именно этот образ вдохновил Барбе д'Оревильи на создание самого замечательного своего романа. Одновременно вырастает фигура обращенного. Новые ревностные христиане пытаются отвоевать позиции религии и находят поддержку в индивидуальном опыте. От Софьи Свечиной в 1815 году до «лиловой шпанской мушки» Евы Лавальер* в 1917-м, от Гюисманса до Клоделя, преклонившего колени у колонны в Соборе Парижской Богоматери, — знаменитые раскаявшиеся, внезапно пораженные верой, помогают другим унять страх сомнения и ужас покинутости Богом.

Экзальтация боли

Обобщая, надо еще раз сказать, что XIX век делится на два разных периода. Первый отмечен барочной чувствительностью, которая ярче всего проявлялась в эпоху Реставрации. В это время доминировала экзальтация боли. Об этом свидетельствуют иконография и литература, поддерживающие молитву. Реалистичность, с которой описываются страдания

* Ева Лавальер (1866–1929) — парижская актриса, ставшая монахиней.

Христа, граничит с садизмом. Этот период обозначен публикацией в 1815 году «Внутреннего мира Иисуса и Марии» Жана-Никола Гру и перевода «Воззрений Анны-Катарины Эммерих на жизнь Христа и его страдания» в 1835-м. Страсти Христовы служат темой для множества ужасных страниц. В этой литературе, вдохновившей появление неоламартиновской школы, кровь течет рекой и покрывает тело распятого Христа. Принято описывать сердце Христа в терновом венце. На картинках изображается Христос, указывающий пальцем на свою разверстную грудь. Романтики описывают страдающим и Младенца Христа; именно тогда в иконографии появляется образ Младенца со Святым Сердцем, опоясанным кровавым венцом. Об этом же свидетельствует культ Девы Марии, в центре которого — фигура *Stabat mater*, Скорбящей Матери. В 1846 году, когда двоим детям из французской деревни Ла Салетт явилась Дева Мария, на ней были знаки Страстей.

Эта трагическая чувствительность находит отражение в религиозных практиках. Она основана на том, что кровь Христова течет в истории. Весьма многочисленны женщины и даже девушки, входящие или не входящие в разные монашеские ордена, которые, по примеру знаменитых религиозных персонажей, облачаются во власяницу и носят чудовищные металлические вериги. Кюре из Арса бичует свой «труп», а Лакордер* заставляет топтать себя и плевать в лицо. Подражания Христу недостаточно; в новых молитвах появляется тема идеального спасения. В них говорится о желании жить в Сердце Христовом, проникнуть в него посредством созерцания ран. О том же свидетельствует и богослужение Крестного пути, однако это явление не получило широкого распространения и имело место лишь во второй половине века,

* Жан-Батист Анри Лакордер (1802–1861) — французский теолог, журналист, один из самых влиятельных католических проповедников XIX века. Восстановил орден доминиканцев во Франции.

о чем свидетельствуют исследования, проведенные в епархиях Арраса и Орлеана. Ив-Мари Илер отмечает по этому поводу, что никогда не ставилось такого количества придорожных распятий, как в XIX веке.

Молитва, обращенная к ангелу

Это явление распространяется буквально назавтра после братской революции февраля 1848 года. За десять лет до этого врач-траппист* Пьер Дебрен уже критиковал жестокость аскетизма, говорил, что он ведет к истерии и к чахотке. Более эмоционально окрашенная религия ставит под сомнение царство страха и антимистицизма. Иконографические темы эволюционируют, изображения становятся более спокойными, кроткими. Новый культ явления Девы Марии и эволюция догмы вызывают к жизни молитву, обращенную к ангелу; излучающая свет Мадонна Лурдская не похожа на Скорбящую Мать Ла Салетт; пленительный образ Непорочного зачатия из собора в Се (Нормандия) созвучен успокаивающему образу ангела-хранителя, чей триумф не за горами. Мадонна из собора Святого Сердца в Исудёне уже не имеет никаких трагических черт.

Спад напряжения символизирует новая сцена: совместная детская и материнская молитва. Книжки по воспитанию воспитываются «трогательной картиной». Матери предлагается посадить ребенка к себе на колени, сложить его ручки и предложить произнести первые слова молитвы. Благодаря этому в детском сердце должны укорениться образы Богоматери и Младенца Христа, которые будут ассоциироваться с собственной матерью ребенка. Это ласковое обучение призвано вдохнуть новую жизнь в домашнюю религиозность, пока плохо изученную историками. Оно готовит декрет *Quam singulari*,

* Трапписты — католический монашеский орден, ответвление ордена цистерцианцев, основанный в 1664 году в монастыре Ла-Траппе.

который в 1910 году разрешает проводить первое причастие в частном порядке.

Культовые святых таинств и более частое принятие причастия противостоят спаду религиозного напряжения. Непрерывное поклонение Святым дарам, которое сначала было учреждено в 1852 году в Орлеанской епархии, а годом позже — в Аррасе, вызвало новый поток индивидуальных эмоций. Это чудодейственное общение с Богом один на один производило впечатление на самых недоверчивых. В окружении «доброго кюре» любили вспоминать о неотесанном крестьянине, который проводил долгие часы в маленькой церкви — общался с Добрым Богом; тому, кто спрашивал его о том, что с ним происходит, этот крестьянин отвечал: «Я его вижу и он меня видит». Этот «нулевой уровень» воцерковленности призывает не забывать о важности молитвы и перебирания четок. Такая практика переживала расцвет в 1850–1880 годах благодаря многочисленным вновь возникшим или воссозданным братствам.

После 1850 года множатся особые культы. Мелочность просьб, с которыми обращаются к Богу, разнообразие святых, к которым взывает молящийся (об этом свидетельствуют многочисленные непритязательные скульптурные изображения святых) — все это знаменует ловкий маневр для начала борьбы с народным культом «добрых святых» и «святых источников»: живучесть этого культа историки обнаружили в Шаранте и Лимузене, в Луаре-и-Шере и Морбиане. О том же говорит и возрождение или создание новых паломничеств, епархиальных или даже кантональных; процесс длился до падения Парижской коммуны, когда поднялась волна больших национальных манифестаций, организованных ассумпционистами*.

В начале 1860-х годов возникает новый образ серьезной религии, морализирующей и, главное, весьма расчетливой, мало

* Ассумпционисты — католическая монашеская конгрегация, основанная в 1845 году французским священником Эммануэлем д'Альзоном.

заботящейся о том, чтобы быть бесплатной и спонтанной; в молитвах теперь чувствуется влияние капитализма — таков главный вывод исследования Клода Савара. Новая, утилитарная концепция молитвы, созвучная с модой на экс-вото, ведет к обновлению аскетизма. Скамьи в церкви становятся все более удобными для молящихся: необходимость физического страдания отступает на второй план, а духовным заслугам уделяется все больше внимания. Ежедневная дисциплина, тяжелый труд, умеренность — все учитывается. Молитва становится частью повседневности.

Кукла и внутренний монолог

Внутренний монолог требует молчаливых слушателей, которые помогают излить душу. Три таких слушателя играют немаловажную роль в XIX веке. Прежде всего это кукла, чье сложное посредничество мы не проанализировали до конца.

Как отмечает Робер Капиа, в первой половине XIX века «французская кукла не выглядела, как маленькая девочка, а наоборот, представляла собой фигурку женщины в миниатюре, одетой по последней моде». Тонкая талия и широкие бедра соответствовали канонам женской красоты того времени. Тело куклы было сделано из ткани или кожи ягненка и набито опилками. Голова и шея делались из папье-маше, зубы — из соломы или металла. Кукла сопровождала девочку на прогулке. Модели кукол, богатство их приданого, размеры дома воспроизводят положение в обществе семьи хозяйки; таким образом, игрушки помогают осознанию ребенком своей социальной идентичности. Кукла очень подходит на роль подруги, которой можно доверить секреты. Литература, которая оживляет куклу и наделяет ее речью, наравне с техническим прогрессом стимулирует эту психологическую функцию. С 1824 года производят говорящих кукол; в 1826-м появляются куклы, умеющие ходить.

В середине века (в 1855 году) происходит революция: кукол начинают делать из только что появившейся гуттаперчи,

они теперь выглядят, как маленькие девочки, их называют «пупсиками». Со временем появляется новая модель. Это «омоложение» куклы облегчает идентификацию, стимулирует размышления над отношениями «мать — дочь», которые, воспроизводясь в воображении, развивают его. В то же время одновременное существование в эпоху Второй империи игрушек в виде взрослых и «пупсиков» обеспечивает чрезвычайно богатые возможности. Изготовление приданого для куклы, проведение бала в ее честь или свадьбы — это подготовка к аналогичным событиям в собственной жизни; все эти занятия с куклой развивают детскую общительность, что позволяет изучить роль женщины и светские обычаи.

Постоянное «омоложение» куклы понемногу меняет тему обращенных к ней речей, психологическое содержание которых обедняется. Когда в 1879 году появляется кукла-младенец, когда ее гардероб сведется к пеленкам, когда кукольный домик станет колыбелью, никакие доверительные разговоры уже невозможны. Новая игрушка теперь готовит только к роли матери и домашней хозяйки.

Эволюция куклы заканчивается в 1909 году, когда появляется новый пупсик с головой, как у новорожденного мальчика. Новая модель имела оглушительный успех; в 1920 году появился целлулоидный «купальщик». Однако пришло время плюшевых зверей. Мягкие игрушки призваны воспроизводить и стимулировать отношения, которые будут становиться все глубже на протяжении века.

Любимое животное

История любимых животных в свою очередь обнаруживает важность изменений, наметившихся в разгар эпохи Второй империи. Раньше в ходу было элитистское отношение к животным, сложившееся при Старом порядке. Уже двор Людовика XVI порвал с христианской традицией безразличного — если не

сказать презрительного — отношения к бездушным животным, а также с картезианской идеей животного-машины. Прошли те времена, когда Мальбранш^{*} пинал ногой в живот беременную кошку, оставаясь глухим к ее крикам, которые он приписывал «животному духу». Привязанность, которую Руссо испытывал к своей собаке, вошла в моду в салонах; животное перестали рассматривать как живую игрушку и увидели в нем индивидуальность, достойную любви.

На заре XIX века, если верить Валентину Пелоссу, нормой стало теплое отношение к животным; упомянем о двух формах, в которых оно проявлялось. Прежде всего надо сказать о восторженном отношении женщины к собаке. Нежные улыбки и взгляды, «невинные ласки», «игривые шалости» — так проявлялась тяга к нежности, способность к сочувствию, которую врачи признают в женщине. Эти женские жесты соперничания предназначены в первую очередь мужчине. Животное, таким образом, выполняет новую функцию в домашнем пространстве, функцию медиатора чувств.

Вторая привязанность, о которой надо сказать, это дружба стариков с собаками. Собачья преданность старикам описана в литературе, назовем проповедь Лакордера о последнем друге старика, образ белой собаки священника из поэтического сборника «Жослен» Альфонса де Ламартина и волка Гомо из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется».

Богатые люди относились к животным с нежностью у себя дома, а простой народ, наоборот, проявлял к ним жестокость в публичных пространствах. На улицах, к сожалению, льется кровь, и возникает настоятельная необходимость этому воспрепятствовать. Администрация Июльской монархии начинает с того, что требует убрать из виду скотобойни, по крайней мере в Париже. В 1850 году Законодательное собрание голосует

* Николя де Мальбранш (1638–1715) — французский философ-метафизик, последователь Декарта.

за закон Граммона, запрещающий жестокое обращение с домашними животными; эта мера не принесла значительных результатов, лишь показала прочность барьеров, защищающих частную жизнь.

Романтическая эпоха дала множество примеров нежного отношения к животному-компаньону. Эжени де Герен любит своих собачек; она их ласкает, ухаживает за ними, молится за них, оплакивает смерть одной из них и решает похоронить ее достойно. Эта сторона жизни занимает важное место в ее дневнике. Ее любовь распространяется и на птицу, а именно на соловья; она с нежностью относится даже к букашкам, бегающим по ее книге. Животное помогает победить одиночество. Оказавшись в 1841 году в одиночестве в Чивитавеккье, где он был консулом, Стендаль находил утешение в обществе двух своих собак. Мериме, состарившись, жил в компании кота и черепахи. Виктор Гюго был очень привязан к своей собаке, которая составляла ему компанию в ссылке. Еще более показательны в этом отношении дневники Шарля-Фердинанда Гамбона. Участник революции 1848 года описывал волнение, вызванное взглядом быка, живостью лошади, хрупкостью барашка. В тюрьме, как и итальянский писатель Сильвио Пеллико, много времени проведенный в заключении, он кормил паука и дружил с улиткой. В Дуллане, в тюрьме Мазас, потом в Бель-Иле он ухаживает за птичками-славками, ставшими его самыми дорогими друзьями. Один из товарищей по несчастью, крестьянин из Лимузена, научил его отличать пение щегла; он даже проводил музыкальные диктанты.

Подобная сцена демонстрирует привязанность простого народа к животным. Не стоит заикливаться на грубости ломовых извозчиков или жестокости организаторов петушиных или собачьих боев. Около 1820 года крестьяне Онэ-сюр-Одон поражаются жестокости Пьера Ривьера по отношению к лягушкам и птицам, возмущаются тем, как он ведет себя с лошадьми. Из переписки семьи Одоар де Меркюроль узнаем о том, что

у крестьян из Дрома существовал обычай не убивать животное, которое служило им верой и правдой; увлечение рабочих Севера голубеводством также широко известно. В 1839 году вышла в свет «История полковой лошади» Сеона Ж.-Б. Рошá: молодой земледелец не побоялся уйти добровольцем на войну, чтобы не разлучаться со своей лошадей, купленной для армии. Он умер от чахотки, и лошадь не смогла пережить его.

Возникновение невроза

После 1860 года любовь к животным распространяется повсеместно и даже переходит в настоящий коллективный невроз. Уже в 1845 году в Париже стало работать Общество защиты животных. Это было, конечно, данью англomanии, но тем не менее, нельзя не упомянуть нескольких французов — любителей животных, во главе с доктором Париже. В годы Второй империи собака в квартире стала обычным явлением. Особенно в моде были пудели. Начинают проводиться выставки собак; очень ценится собачья родословная, за состоянием шерсти тщательно следят; фотографии собак соседствуют в семейных альбомах с портретами детей. Появляется традиция хоронить собак в саду; позже открываются собачьи кладбища, что говорит о начале нового культа. Железнодорожные компании вынуждены резервировать в каждом составе вагоны для собак. Во времена Июльской монархии клетка с птичкой в комнате юной девушки из буржуазной семьи или в мансарде портнихи является признаком чувствительности хозяйки и показателем ее добродетели. В 1856 году Мишле посвящает птице книгу, что укрепляет эту привязанность.

В последней четверти века статус домашнего животного меняется. Нарастающее влияние свободомыслия благоприятствует установлению настоящих братских отношений между человеком и его любимцем. Защищать права животного, заботиться о его благе — значит стараться разрушить

новое одиночество рода человеческого. Вопрос не ставился в экологических терминах; речь шла о гуманистических чувствах и социальной пользе. В начальной школе уделяют много внимания животным. Популяризация эволюционных доктрин, развитие ветеринарной медицины, успехи зоотехники благоприятствуют появлению нового братства и оживляют соблазн антропоморфизма, который достиг тогда апогея: появляются работы, свидетельствующие о жажде диалога; в частности, «Зоология с любовью» Альфонса Туссенеля.

Однако и в этой области открытия Пастера несколько корректируют отношения. Конечно, речь не идет о том, чтобы из соображений асептики ласкать животных только в перчатках, что в первое время рекомендовали некоторые специалисты; по крайней мере, боязнь микробов сыграет в пользу кошки, менее дурно пахнущей и имеющей репутацию более опрятного животного, чем ее конкурент. Кошки, которых раньше держали у себя светская публика и представители артистической среды, постепенно попадают и в простые дома. Сиамские кошки императорской семьи, компаньоны Теофиля Готье и Шарля Бодлера в большом фаворе у консьержей, и не только потому, что истребляют крыс. На заре XX века отношения человека и животного меняются: коты постепенно становятся хозяевами в доме.

Рояль, женский гашиш

Эдмон де Гонкур вряд ли преувеличивал, когда называл рояль «женским гашишем»; именно таким предстает этот музыкальный инструмент в воображении. Даниель Пистон насчитала в романах того времени более двух тысяч сцен, в которых он появляется. Половина сцен — с участием девушек; в четверти сцен участвуют замужние женщины. Рояль входит в моду в 1815 году; этому благоприятствует стремление к целомудрию, тогда как арфа, виолончель и скрипка начинают казаться неприличными. В годы Июльской монархии рояль появляется

в домах мелкой буржуазии и, таким образом, становится более демократичным. С 1870 года он начинает казаться даже вульгарным; тогда же наступает условный закат эры рояля.

Самый очевидный вывод из работы Даниель Пистон — социальная функция инструмента. Умение играть на рояле создает девушке хорошую репутацию, говорит о достойном воспитании. Виртуозное владение инструментом — часть брачной стратегии, так сказать, «эстетическое приданое». Рояль лишь иногда является контекстом любовных диалогов; эта роль отдана пению, в частности исполнению романсов. Рояль — это друг, доверенное лицо, покровитель, которому можно излить душу. Этот образ будет постепенно исчезать в ходе десятилетий, рояль перестанет быть задушевым другом и превратится в обезличенную мебель.

Под невинными пальцами ни о чем не подозревающей девушки клавиши говорят то, что невозможно выразить словами. Именно поэтому Бальзак рекомендует своей сестре Лоре Сюрвиль обзавестись роялем. Рояль становится любимой отдушиной для робкой души, что дает возможность развернуться литературной сцене, в которой девушка, считавшая, что она одна, обнаруживает в себе порывы, существование которых трудно было бы в ней заподозрить; рояль поднимает ее душу к идеалу.

Реже рояль становится эхом тоски по несбывшейся любви или несет вести отсутствующему любовнику. Он может выразить жалобы души, израненной разрывом с любимым. По мнению Эдмона Абу, рояль входит в число ритуальных подарков покинутой возлюбленной. Эта практика созвучна литературному стереотипу: добрая, не очень красивая, все понимающая и чувствительная женщина с разбитым сердцем импровизирует на рояле душераздирающие мелодии; коротко говоря, женщина, о которой Жюль Лафорг воскликнул, что она «делает себе вскрытие, играя Шопена».

Третья из литературных сцен встречается наиболее часто; рояль в ней играет роль отдушины для выхода страстей; он

успокаивает смятенные чувства герцогини де Ланже*. В таких случаях он заменяет собой верховую езду или прогулку во время грозы; здесь следует отметить семантическую близость этих трех образов. Эдмон де Гонкур, опережая психоаналитиков, связывает эти действия с мастурбацией.

Игра на рояле показывает также бесполезность женского существования; она позволяет убить время в ожидании мужчины; по мнению Ипполита Тэна, она помогает женщине смириться с «никчемностью своей жизни». Тем не менее все эти сцены, говорящие о важности инструмента в интимной жизни женщины, дают представление прежде всего об образе женщины за роялем, возникающем в мужском воображении. Распущенные волосы, лицо, освещенное свечами на пюпитре, затуманенный взгляд — женщина предстает беззащитной перед желанием мужчины.

Одинокое занятие на досуге и тайные сокровища

Доступность книг

В первой половине XIX века книги стоят дорого. В эпоху Реставрации покупка нового романа обошлась бы в треть месячного заработка сельскохозяйственного рабочего. Этим объясняется малочисленность книжных магазинов вплоть до времен Третьей республики. Позднее в Париже эпохи Реставрации большую роль играли кабинеты для чтения, о которых мы знаем благодаря Франсуазе Паран-Лардер. Эти книжные магазинчики выдают книги поштучно или по подписке; читатель, уезжающий в деревню, может взять с собой от двадцати до ста книг одновременно. Такие кабинеты посещает сорок тысяч парижан; большинство из них — новая мелкая буржуазия, которую устраивает подобная система «проката» книг. Однако наряду с рантье и студентами

* Героиня одноименного романа Бальзака (1834).

здесь можно встретить людей, контактирующих с представителями правящих классов: горничных, портье, продавщиц из модных магазинов. Прислуга с бульвара Сен-Жермен читает у себя в комнатах книги, взятые для хозяев. В квартале Тампль основную клиентуру этих магазинчиков составляли гризетки и портнихи, а рабочие туда никогда не заходили. Кабинеты для чтения существовали также и в провинции, там они появились позже, чем в столице. Во многих кантонах Лимузена во времена Июльской монархии и Второй империи многие лавочницы пользуются прокатом книг за небольшую плату.

Жители отдаленных деревень прибегали к услугам почты. Книга была ценным предметом; получить ее по почте было неожиданной радостью; так было, например, когда жители бедного селения Кайла в окрестностях Альби получали произведения Вальтера Скотта или Виктора Гюго.

В таких местах действуют торговцы вразнос, работающие от крупных книжных магазинов, — как правило, пиренейцы. Наиболее активны они при Второй империи. Они пришли на смену бродячим торговцам, распространившим огромное количество книг «Телемак», «Симон де Нантуа», «Женевьева де Брабант» или «Робинзон Крузо» в течение предыдущих десятилетий.

В 1860-е годы складывается более эффективная система распространения книг. Конечно, публичные библиотеки продолжают бездействовать; хранящиеся в них классические и научные книги, частично полученные из монастырей, интересуют разве что специалистов, которым неудобно расписание работы библиотек. Тишина, царящая в этих учреждениях, и требования к внешнему виду посетителей резко противостоят народным привычкам, в связи с чем эти суровые книгохранилища вряд ли играют существенную роль в приобщении народа к чтению. Зато в городах теперь существовала довольно развитая сеть книжных магазинов, поставляющих книги в вокзальные библиотеки. Распространение недорогой

литературы переводит в разряд архаики бульварные газетенки начала XIX века, в отличие от альманахов, которые продолжают настойчиво предлагать крестьянам.

Эволюция манеры чтения

Появляется тройная сеть приходских, народных и школьных библиотек; первые, открытые в годы Июльской монархии повсеместно, включая самые маленькие городки и деревни, распространяют «правильные книги»; вторые, организованные в период Третьей республики, — простую, но благонаправленную литературу; третьи, появившиеся начиная с 1865 года, пользуются спросом в основном у молодежи, которой в школе привили вкус к чтению. Школьная библиотека играет ту же роль, что и несколько дорогих книг, стоящих на полке в крестьянском шкафу. Всего этого недостаточно, чтобы заполнить пробел, зияющий в отдельных сельских районах, где очень не хватает книг. Пробел этот вызван затуханием продажи книг вразнос и появлением многотиражной региональной прессы.

Эволюция привычек влечет за собой изменения сети распространения. Такое явление, как чтение вслух, некогда очень популярное в семьях, постепенно сходит на нет, как и письмо под диктовку. Во времена Июльской монархии руанская буржуазия еще сохраняет традицию чтения в гостиных по вечерам у камина, но постепенно это занятие из прошлого, на котором настаивают старшие члены семьи, сменяется музицированием, пением, рисованием. Чтение вслух, таким образом, становится делом преданной дочери или компаньонки. Уходит в прошлое и обучение чтению неграмотных слуг, которым по несколько раз в день занималась экономка кюре из Арса.

Надо сказать, что до I Мировой войны чтение вслух остается главным занятием крестьянского досуга. Здесь оно отличается от монотонного чтения в буржуазных гостиных; прочитанное обсуждается собравшимися. В конце века стало

практиковаться чтение вслух в мастерских, например на фарфоровых заводах в Лиможе. Это явление пришло из монастырских трапезных, продолжало существовать в коллежах при монастырях, но в других местах постепенно вытеснилось чтением про себя.

Читать про себя не означало читать в одиночку; читали в библиотеках, в кафе, в читальных кабинетах. Однако такой вид чтения требовал сосредоточенности, способности абстрагироваться от окружающего — коротко говоря, целого комплекса умений, которых простой народ еще долго не будет иметь. В то же время читать в одиночку иногда означает сознательно занять место в группе читателей и общаться с воображаемыми собеседниками. Читатель, имеющий право голоса, который читает газету в салоне, участвует в общественной жизни, и именно в этом заключается его общественная деятельность. Быть подписанным на газету *La Quotidienne* в Нанси во времена Люсьена Левена означало входить в узкий круг легитимистов. Руанская буржуазия читает много; светские разговоры всегда касаются новостей; в основном читают про себя. Читают в гостиных, в спальнях, на скамейке в саду или на природе.

Это элитарное времяпрепровождение распространяется параллельно с грамотностью. Паран-Дюшатле* не без удивления отмечает, что многие проститутки часами читают любовные романы. Очень привлекательным было чтение по ночам для узкого круга рабочей элиты сразу после Июльской революции. В 1826–1827 годах во время своего путешествия по Франции Агриколь Пердигье читает запоем все подряд. К увлечению литературой, продаваемой вразнос, к восхищению песнями рабочих и подмастерьев добавляется новая страсть — книги самых посредственных авторов, у которых вдруг стали выходить полные собрания сочинений.

* Александр Паран-Дюшатле (1790–1836) — французский врач-гигиенист.

Привычка читать меняется в зависимости от пола и возраста. Как никогда сильно желание ограничить детское чтение, недавно вошедшее в моду, сказками и легендами. К бесчисленным переизданиям сказок Перро и мадам д'Онуа* присоединяются произведения, авторы которых, от графини де Сегюр** до Жана Масе***, стремятся понять специфику детского воображения. Еще одно новое явление — вал книг, предназначенных для детей из буржуазных семей; цель этих книг — внушить юным читателям превосходство социального над моральным. Целая плеяда добропорядочных дам во главе с мадам Некер де Соссюр и мадам Гизо вдохновлены моделью, предложенной мадам де Жанлис. Все они согласны с врачами, советующими следить за тем, что читают дома подрастающие девочки; все выступают против чтения романов, средоточия всего вредного и запретного.

Гораздо большая свобода признается за замужней женщиной, о чьем круте чтения, кстати говоря, добропорядочные дамы особенно не задумываются. Литературный кругозор многих молодых супруг значительно расширяется в ходе свадебного путешествия. Во времена Поля Бурже литература, которая частично разоблачает тайны секса, обращается к молодым женщинам, которые сами так недавно познали эту сторону жизни, что не будут удовлетворять тревожное любопытство девственниц. Что касается мужчин, то они хранили эти книги на дальней полке; трудно сказать, до какой степени они были в моде. Однако ожесточенность борьбы, которую в конце века с подобного рода литературой вели сенатор

* Мари-Катрин д'Онуа (1651–1705) — французская писательница-сказочница.

** София де Сегюр, урожденная Софья Ростопчина (1799–1874), — французская детская писательница русского происхождения, одна из самых популярных в XIX веке.

*** Жан Масе (1815–1894) — французский преподаватель, писатель, политик, основатель Лиги народного образования.

Беранже и разнообразные моральные лиги, дает основание полагать, что она имела большой успех и распространялась по «очень частным» каналам.

Очевидно, что чтение зависело от социального происхождения читателя. Здесь надо сделать ремарку: до основания школьных библиотек молодой крестьянин, испытывающий жажду знаний, должен довольствоваться случайными книгами, ценность которых он преувеличивает и которые иногда оказывают на него огромное влияние. В 1820 году поступок Пьера Ривьера ничем не отличается от того, что совершил в XVII веке фриульский мельник и что было изучено итальянским историком Карло Гинзбургом. Оба несчастных стали жертвами беспорядочного чтения. На протяжении долгого времени манера чтения самоучек будет отмечена беспорядочной ненасытностью, что вызовет насмешку Жан-Поля Сартра в романе «Тошнота». Полвека спустя после Агриколя Пердигье валансьенский шахтер Жюль Муссерон будет хвататься за любую книгу, попавшуюся ему под руку. Менее отважные женщины-работницы во времена Прекрасной эпохи будут испытывать вину, тратя на чтение время, предназначенное для работы. Они не станут хвастаться своими литературными предпочтениями, но будут жадно читать популярные романы и пересказывать их друг другу в омнибусе или в ателье.

Содержание чтения

Что же предпочитают читать люди, достигшие возраста, когда сами могут выбирать себе книги? Здесь не следует поддаваться очарованию истории литературы. Клод Савар показал распространенность в 1861 году религиозной литературы, а анализ посмертных описей имущества говорит о необходимости отдельной книги об этом. Книжные шкафы юристов из Пуатье заполнены правовой литературой, а на полках деревенских

практикующих врачей стоят книги по медицине. Кроме того, на всех полках присутствует классическая литература. Аделина Домар обнаруживает презрение, с которым парижская буржуазия относилась к современным авторам; Эжен Буало, с 1872 года заточенный в своем замке Винье, пишет комментарии к сочинениям Сенеки и Бенжамина Франклина, двух авторов, которые оказывали на него сильное влияние. Также следует отметить интерес к поэзии в XIX веке. Долгое слушание литургических текстов в церкви, любовь образованной публики, чаще всего двуязычной, к древнеримским поэтам, успех любительского стихотворения, прочитанного в конце обеда и переписанного в альбомы, множество поэтических обществ и, может быть, еще в большей мере, мода на написание песен и увеличение количества поэтов-рабочих обеспечивают повсеместное присутствие поэтических текстов. Приведем лишь два примера: почти в каждой шахтерской семье в Валансьене во времена Прекрасной эпохи у девочек есть тетради-песенники, а Мари-Доминик Мамуш-Антуан обнаруживает ту же традицию в семьях шляпных дел мастеров из долины реки Од.

В остальном современники отмечают растущую популярность романов и исторических книг в ущерб классическим авторам. При Июльской монархии неслыханного успеха добился роман-фельетон. Низкая цена на эти издания обеспечивалась их широким распространением, модель которого удачно создал издатель Шарпантье. Тогда же добились успеха Жюль Верн и Эркманн-Шатриан*, чему способствовали сциентизм и патриотизм, насаждаемые в то время в школах. В маленьких деревушках Креза стали появляться библиотеки, в которых произведения братьев Виктора и Поля Маргерит соседствовали с книгами этих трех авторов.

* Эркманн-Шатриан — общий псевдоним писателей Эмиля Эркманна (1822–1899) и Александра Шатриана (1826–1890).

Начало коллекционирования

Привычка к чтению сопровождается растущим увлечением разными «кабинетными удовольствиями». В XIX веке коллекционирование остается почти исключительно мужским занятием; только мужчина может задумать и спланировать коллекцию. Женщина же занимается только пустяками. И в 1892 году, и в 1895-м выставки женских работ вызывали лишь иронию критиков, которые отказывались признавать ценность этих смехотворных «произведений», сделанных от скуки. С точки зрения этих критиков, только сентиментальность могла заставить женщину складывать в ящички секретера какие-то семейные сувениры.

У коллекции есть своя история. В первой половине века складывается новая практика. Предметы, украшавшие кабинеты аристократов, оказались рассеянными повсюду революционными бурями и находились в плачевном состоянии. Виктор Гюго в романе «Девяносто третий год» приводит впечатляющую картину того, как эти бесценные вещи гибнут в лавках старьевщиков. Создаются большие коллекции, выставившиеся для публики, а слом сословных границ сопровождается развалом системы знаков социального различия.

И вот тут появляется новое племя коллекционеров. На протяжении четверти века (1815–1840) конъюнктура для покупателей была благоприятной. Как герой Бальзака кузен Понс, любители порыться в лавках старьевщиков и на барахолках, очень часто безденежные маргиналы, за короткое время умудрялись собрать удивительные коллекции. В 1840–1845 годах приходит мода на коллекционирование. Буржуазия хлынула к торговцам подержанными вещами. Складывается определенный кодекс коллекционера. Визит в антикварную лавку, терпеливый поиск, основанный на новом знании и умении покупать, превращается в ритуал. Июльская монархия была золотым веком «кабинета археологии», домашнего музея. Коллекционер стремится приобрести старинные предметы; он мнит себя «спасителем истории»

и пока не думает о возможной перепродаже. После его смерти все это богатство уйдет с молотка. В провинции тоже знаком этот тип. В Тулузе, например, насчитывалось с десяток коллекционеров.

Начиная с 1850 года определяется ценность предмета, структурируется торговля антиквариатом. Сокровища Понса попадают в руки малокультурного господина Попино, и это означает скорую перепродажу. С этих пор происходят перемены. Тон задает плеяда богатейших коллекционеров. Надо подчеркнуть: все, кто занимался большим бизнесом, испытывали желание коллекционировать ценные вещи. Некоторых — это очевидно — страсть к коллекционированию захватила полностью. Крупнейшие банкиры, в частности братья Перейр в своем особняке в предместье Сент-Оноре и Ротшильды в Ферьере, были буквально поработаны ею, как и многие промышленники. Эжен Шнайдер коллекционирует голландскую живопись и рисунки. Все его сокровища заперты в кабинете, а ключ он постоянно носит при себе, так что картины никто не может видеть. Владельцы универсальных магазинов — чаще всего парвеню — тоже охвачены новой страстью: Бусико коллекционирует драгоценности, Эрнест Коньяк и Луиза Жэй, основатели магазина «Самаритен», — вещицы XVIII века.

Все они к тому же являются меценатами и оказывают значительное влияние на моду. Импрессионизм и ар-нуво во многом обязаны этим амбициозным буржуа. После 1870 года крупные коллекционеры не желают, чтобы коллекции после смерти владельца распадались и распродавались. Отныне они желают славы и признательности будущих поколений. Чтобы навсегда остаться в национальной памяти, они передают свои коллекции национальным музеям, где их именами называют залы.

Одинокие «кабинетные удовольствия»

Амбициозные коллекционеры желают основать новые династии и аккумулировать семиофоры, чтобы закрепить за собой

занятые позиции. Коллекция — вещь престижная; она может позволить коллекционеру направлять вкусы общества и художественное производство. В результате аристократические и буржуазные корни переплетаются, и какой-нибудь Арно Майер* попадает в эту ловушку и путает Старый порядок и буржуазную эклектику.

Желание коллекционировать обнажает секретную психологическую структуру, историю частной жизни. Учреждение частного музея является результатом многих желаний. Коллекция может быть лишь простым набором личных сувениров. Шкатулка, в которой Нерваль хранит пряди волос и письма Женни Колон, или чувственные душистые вещицы, которые напоминают Флоберу о пьянящих ночах с Луизой Коле в его доме в Круассе, — это коллекции, которыми следует наслаждаться наедине с собой. Появление таких коллекций может быть вызвано желанием контролировать, скрывать свое собственное либидо.

Коллекция как обладание чем-то в чистом виде, без какого-то функционального применения, удовлетворяет индивидуальную потребность иметь частную собственность, но коллекционирование также может быть бегством от реальности в мир предметов, которые являются нарциссическим эквивалентом «Я». Разговоры о снобизме и эстетическом удовольствии служат только для отвода глаз, и можно почувствовать, что коллекция компенсирует неудачу, реальную или мнимую. После того как карьера мелкого служащего Анри Одоара была уничтожена имперской администрацией, он удалился в Шантемерль, где с большим тщанием занялся наведением порядка в семейных архивах и коллекционированием морских раковин и медалей. Отступление в сторону домашнего мира подтверждает неудачу в отношениях, о чем также говорят полумрак, обивка мебели и избыток драпировок буржуазного интерьерера 1880-х годов.

* Арно Майер (р. 1926) — американский историк люксембургского происхождения, специалист по истории Европы XX века.

Стоит ли усматривать в этом повороте неосознанный страх толпы или угрызания совести расхитителя, о чем имплицитно сообщает нам роскошь собранных предметов? Приходит в голову невроз дез Эссента*.

Вероятно, эта серийная игра подчиняется регрессии, как и ведение дневника. Эти два варианта времяпрепровождения суть удовольствия, получаемые в одиночестве, и в то же время формы самоуничтожения. Как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что повсеместное распространение коллекционирования — одна из важнейших черт истории привилегированных классов XIX века. Игнорировать ее означало бы лишиться себя понимания того, что двигало руководителями экономической жизни.

Распространение коллекционирования в обществе

Постепенно это занятие, долгое время бывшее элитарным, распространяется в обществе. В 1890–1914 годах на подъеме филателия, также коллекционируют почтовые открытки, раковины, медали, кукол. Мелкая буржуазия, особенно провинциальная, захотела обзавестись сначала семейными архивами, потом коллекциями сувениров. Шанталь Мартине изучила, как эта тенденция распространялась в обществе и дошла до самых низов. Вскоре после того как Анри Одоар навел порядок в архиве своей семьи, повсеместно начали хранить фотографии, письма, помолвочные платья, засушенные букеты и венки невесты. Сокровища «ручной работы» вскоре присоединятся к юридическим документам и порядковым номерам рекрутов, которые будут благоговейно храниться, пока смерть не лишит их значения. Что это — желание имитировать,

* Герой романа Гюисманса «Наоборот», страдающий многочисленными неврозами и анализирующий их наедине со своей библиотекой и предметами искусства.

демократизация явления? Наверняка, но не только. Можно говорить о распространении в обществе чувства угрозы, нависшей над ценностями прошлого, и отказе соглашаться с разрывом межпоколенческих связей. Неспособность обеспечить преемственность поколений порождает в этих кругах новое чувство вины; именно оно, это чувство, побуждает собирать воедино все, что хранит следы ушедших поколений. Кроме того, мы видим здесь желание персонализировать надгробную надпись. «Жозеф Брюне — это человек, говорю вам, верьте мне!» — написал в 1864 году на титульном листе одной из книг своей библиотеки некий неизвестный владелец.

Есть и другие явления, в которых явственна имитация. Начиная с 1880 года, когда декорирование буржуазных интерьеров достигает кульминации, приобретатели из народа жадно скупают подделки; расцветает торговля фальшивым антиквариатом; складываются целые коллекции подделок. Спальня «в стиле Людовика XV», буфет «в стиле Генриха II» создают новые отношения между народом, его мебелью и интерьером. Это затронуло весь ритуал частной жизни.

Затворничество владельца со своей коллекцией, как было с писателем Пьером Луисом в его доме в деревушке Буленвилле, — это крайняя форма замкнутости на себе. Такое поведение позволяет понять, насколько утомительным может быть желание общения. Изучение досуга, проводимого в одиночестве, наводит на мысль о стремлении к интимности, о желании рассказать о себе кому-то, связать с кем-то тело, душу и мысли.

ИНТИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, или ПРЕЛЕСТЬ НОВИЗНЫ

Признание вины и дороги доверия

Чувство уязвимости, сопровождающее дальнейшую индивидуализацию, крах отношений, который толкает представителей правящих классов к одиночным радостям, интериоризация императивов сексуальной морали, которая становится все суровее и раздувает чувство вины, — все это делает личное свидание более привлекательным. При этом возникает доверие, становятся изысканнее удовольствия — и вместе с тем муки признания.

Век исповеди

Специалисты называют XIX столетие золотым веком таинства исповеди. Божий суд, пишет Филипп Бутри, находится в самом сердце «религии интроспективной, пытливой и иногда вызывающей чувство вины», что является специфической чертой католицизма того времени. Допрос и признание выступают главнейшими условиями избавления. Кроме того, это таинство входит в стратегию поддержания семейной морали: удерживает молодых людей от соблазнов, предупреждает супружеские измены и, позднее, помогает избежать разводов. Наконец, оно способствует поддержанию социального порядка. «Вот в чем защита от социализма, вот в чем спасение Франции», — пишет в 1853 году мало кому известный аббат Денене.

Иногда священник исповедует на частной территории. Надо сказать, что это случается крайне редко; такую возможность оставляют больным и узкому кругу избранных, в чьих домах есть часовня и даже иногда собственный священник. Чаще всего исповедь происходит в церкви или в ризнице. Повсюду появляются исповедальни, конструкции которых постепенно усложняются. Это может быть грубое кресло, сколоченное из двух досок, — такое использует кюре из Арса, чтобы выслушать людей, а может быть роскошная отполированная дубовая кабина, закрытость которой вызовет гнев Мишле.

Слишком легко были проведены параллели между исповедальней и кушеткой психоаналитика. Конечно, совпадений много: священнику, как и врачу, полагается быть собранным, внимательным, пронизательным и скромным; скрытый за решеткой исповедальни, он не должен показывать ни лица, ни взгляда. Впрочем, тайна исповеди хранилась свято — духовенство дорожило своей честью. Но как же сильно отличается поведение человека, пришедшего на исповедь, от поведения пациента психоаналитика. Поза, жесты, одежда — все в нем говорит о смирении. Стоя на коленях, сложив руки, мужчина без шляпы, дама с опущенной вуалью, кающийся отдает себя на волю священника. Он вполголоса перечисляет свои грехи, старается владеть собой и говорить тихо, что для крестьян, привыкших изъясняться во весь голос, было делом трудным.

Исповедь католика должна сопровождаться раскаянием. Только в этом случае грехи могут быть отпущены. Отсюда огромная важность отказа от отпущения грехов, часто практиковавшегося во второй половине XVIII века. Эта ригористская мера объявляется публично; не раскаявшегося отказываются причащать на Пасху; у него появляется мысль о возможном проклятии. «Друг мой, вы потеряны», «Мальчик мой, вы прокляты», — не побоялся сказать Жан-Мари Вианней двум кающимся грешникам.

Было бы ошибкой противопоставлять исповедь и духовное руководство. Большинство духовных лиц, набожные девушки и женщины (аристократки или буржуазки в большинстве своем), а также некоторые старые девы, живущие по соседству от дома священника, получают постоянное, персонализированное духовное руководство. Этой привилегией пользуется меньшинство. Тем не менее исповедь требует подчинения духовному наставнику; несколько слов, которые предваряют объявление наказания грешнику, призыв к правильному решению являются формой — конечно, достаточно неявной — духовного руководства.

Теоретически верующий должен исповедоваться священнику своего прихода. До 1830-х годов сельское духовенство очень ревностно относится к этой прерогативе; в дальнейшем наступает некоторая свобода выбора. В религиозной среде самостоятельный выбор исповедника — настоящий ритуал посвящения; для девушки, вернувшейся из пансиона, которая вскоре должна начать выезжать в свет, это очень важное решение. Из переписки юной Фанни Одоар можно понять, насколько велико влияние, оказываемое на нее исповедником, аббатом Сибуром, будущим парижским архиепископом. Качества, присущие духовникам, при случае могут стать темой для дамских разговоров. В городских приходах иногда существует специализация священников: одни предпочитают исповедовать детей и молодежь, другие слуг. Некоторые из этих пастырей пользуются отменной репутацией; когда возникает какая-то сложная нравственная проблема, они оказывают огромную помощь. Кюре из Арса представляет собой образец апостола исповеди. На протяжении тридцати лет он по семнадцать часов в день выслушивал своих прихожан, которые толпились перед исповедальней. О важности таинства исповеди свидетельствует настоящее паломничество к «доброму кюре». Однако Жан-Мари Вианней не один такой. Отец П. А. Мерсье, в возрасте шестидесяти шести лет удалившийся в Фурвьер, менее чем за четыре года выслушает двадцать тысяч человек.

Не удовлетворенный рутинной исповедью, верующий может совершить полное покаяние в своих грехах. Так поступают вновь обращенные, например один учитель, очарованный кюре из Арса, который не был на исповеди в течение сорока четырех лет. Такую исповедь можно пройти перед выходом в отставку, перед миссионерским путешествием или совершением паломничества; также она показана умирающим, сохранившим ясность ума.

Проведение таинства

Клод Ланглуа отмечает, что в епископстве Ванн в 1800-1830-х годах регулярность таинства отпущения грехов варьировалась в зависимости от личности кающегося. Ежемесячная исповедь отныне становится обязательной во всех средних учебных заведениях. Некоторые набожные души, обычно всей семьей, причащаются и исповедуются так часто, что епископ начинает беспокоиться, как бы вверенное ему духовенство не переутомилось. Однако было бы опрометчиво переоценивать эту новую потребность народа. На протяжении всего XIX века селяне, жившие в окрестностях епархии Белле, будут настроены к частой исповеди враждебно. В епархии Арраса сами пастыри с недоверием относятся к подобной практике. В Бретани такой рьяности не будут отмечать вплоть до наступления XX века. До этих пор верующие ограничиваются тремя-четырьмя визитами на исповедь в год.

В гендерном отношении существовали различия в совершении таинства исповеди. Статистические исследования, проведенные в Орлеанской епархии по просьбе монсеньора Дюпанлу, анализ количественных данных исповедовавшихся у кюре из Арса, жалобы священников во время пасторских визитов, короче говоря, во всех имеющихся источниках упоминается феминизация исповеди. Эта тенденция подчеркивается «исповедью в зависимом положении» (Ф. Бутри): миссия

священника — следить за соблюдением невинности девушки, за верностью супруги и за честностью служанки.

В первой половине века исповедь детей совершенно не интересует французское духовенство. В Бретани, пишет Мишель Лагре, она не практикуется до первого причастия, то есть до двенадцатилетнего возраста. В 1855 году Рим начинает критиковать это ограничение. Французские священники постепенно подчиняются новому указанию; в 1861 году синод бретонских епископов постановил, чтобы священники исповедовали маленьких детей не только формально. Детская исповедь набирает обороты; в конце XIX века процедура полностью повторяет исповедь взрослых. В 1910 году, сразу после обнародования декрета *Quam singulari*, в епархиях было учреждено частное причастие. Однако в епархии Сен-Бриё в Бретани, и это лишь один пример, новая практика вызвала негодование верующих.

Мальчики, как правило, прекращают ходить на исповедь после первого причастия. Безразличие мужчин варьируется в зависимости от региона; в долине реки Лис в конце века 60% мужчин причащались на Пасху; несколькими километрами южнее, в Артуа, таких не больше 20%. В частности, многим молодым рабочим исповедь приносит разочарование. Норбер Трюкен со смехом рассказывал, как, во время единственной попытки, он ушел от добрейшего священника, который спросил, «видел ли он женщин». Духовенство не настаивало на том, чтобы вернуть в лоно церкви этих мужчин; при необходимости священники умели проявить широту взглядов. В 1877 году синодальные статуты Монпелье советовали исповедникам особенно не ждать мужчин, избегать излишних расспросов по поводу их сластолюбия и проявлять к ним все возможное снисхождение.

Эволюция моральной теологии

Эти советы напоминают о том, что моральная теология и позиция священников на протяжении XIX века постоянно

эволюционировали. С момента заключения Конкордата (1801) и до 1830 года торжествовал ригоризм, вписавшийся в традицию галликанства* и, более того, янсенизма. Пасторы одержимы идеей проклятия и страхом кощунства. Ригоризм созвучен проповедям о конце света. Отказ и отсрочка в отпущении грехов в то время — повседневная практика. В первую очередь этому подвергались публичные грешники и те, кто многократно совершал один и тот же грех, не те, кого теологи рассматривали как «случайных» или «рецидивных». Неудивительно поэтому, что в приютах для умалишенных находилось огромное количество женщин, одержимых религиозной манией, которые изводили себя самоистязаниями и гибли от анорексии во имя того, чтобы Бог избавил остальное человечество от наказания за их грехи.

Ригоризм суда совести основан на осуждении всего, что связано с весельем и сластолюбием и что не подчиняется духовенству. Балы, «ассамблеи», бретонские «пардоны»**, кабаки, крестьянские вечеринки, свадебные ужины, молодежные сборища и даже простое кокетство — все вызывает гнев священников-мракобесов. Древние разговоры о неприличном обнажении шеи вдруг ожили благодаря гильотине, страшной мстительнице за старорежимные грехи. Жан-Мари Вианней порицает молодежь и их родителей, а кюре из Вереса мешает крестьянам танцевать. Даже во времена Второй империи священник из Массака, что в Тарне, перед началом мессы инспектирует внешний вид женщин; одной из них не постеснялся отрезать прядь волос, посчитав ее прическу чересчур вызывающей.

Однако с 1830 года начинаются послабления. На протяжении следующих двух десятков лет, благодаря усилиям решительно

* Галликанство — общее название религиозных доктрин, характерных для Франции Средних веков и Нового времени; среди основных галликанских идей — относительная автономия французской церкви от папы и вмешательство высшей светской власти в дела церкви. — *Примеч. ред.*

** Народные праздники, устраивавшиеся (преимущественно в Бретани) в честь какого-нибудь святого.

настроенных священников, например монсеньора Деви, епископа Белле, в семинариях и разных собраниях духовенства понемногу начинают утверждаться доктрины Альфонсо де Лигуори* в переводе кардинала Томá Гуссе. Эта новая моральная теология призывает духовника к осторожности и снисхождению; она советует не приводить грешника в отчаяние. Успокоить грешную душу отныне представляется более полезным для спасения, нежели привести в ужас. Влияние иезуитов и вообще изменения в итальянской церкви благоприятствуют гуманизации исповеди. Верующие в массе своей начинают принимать самые простые принципы моральной теологии, поэтому пастырское слово не должно уже быть столь тяжелым; и вот ужасный кюре из Арса, отныне подобривший, мешая свои слезы со слезами тех, кто пришел к нему на исповедь.

Частичный возврат к ригоризму наблюдается при Второй империи; секс в браке вызывает новый гнев со стороны клерикалов. Доктор Бержере из своего кабинета мечет громы и молнии в адрес «супружеского мошенничества», а духовенство решило взяться за «онанизм супругов»**. С 1815 по 1850 год, отмечает Жан-Луи Фландрен, церковь слегка упустила из виду эту сферу, в результате чего началось «тайное распространение» контрацепции. Контроль за рождаемостью распространяется по всему приходу в Арсе, как и в епархии Ле-Мана, что признает местный епископ монсеньор Бувье. Однако римские теологи по-прежнему считают, что супруга может соглашаться на сексуальные отношения, пусть даже она по опыту знает, что ее муж практикует прерванный половой акт. Церковь видит в этом попустительстве средство против того, чтобы женщина становилась жертвой насилия и чтобы мужчина не скатывался в блуд.

* Альфонсо Мариа де Лигуори (1696–1787) — католический епископ, теолог, основатель Конгрегации Святого Спасителя.

** Здесь имеется в виду не мастурбация, а прерванный половой акт (от имени библейского Онана). — *Примеч. ред.*

С 1851 года отношение Рима к сексу становится более суровым; соперничество, которое устанавливается между человеком и Богом за обладание источниками жизни, вызывает беспокойство. Отныне теологи Святого Престола категорически осуждают любое содействие, даже пассивное, женщины по отношению к супругу, который занимается онанизмом. Во французской церкви эта эволюция произошла быстрее, чем полагал Жан-Луи Фландрен. Сразу после провозглашения Второй империи монсеньор Паризи призвал духовенство епархии Арраса к большей твердости. Начиная с 1860 года новый епископ Белле занимает ту же позицию. Падение Парижской коммуны усиливает ригористские тенденции. Исповедники, ранее очень сдержанные в том, что касалось плоти, отныне будут задавать очень нескромные вопросы; прошли те времена, когда рекомендовалось ждать, пока исповедующийся сам заговорит на эти темы.

Коварная власть духовника

Расследование начинается, когда разворачиваются антиклерикальные действия. Дебаты открыла книга Мишле «О священнике, о женщине, о семье». Известно, как романисты подходят к теме. Золя («Завоевание Плассана»), Эдмон де Гонкур («Госпожа Жервезе»), Жорж Санд («Мадемуазель Ла Кинтини»), Жозеф Пеладан («Главная ошибка») рассматривают исповедь как одну из главных проблем времени. Разворачивается публицистическая кампания. В 1885 году Лео Таксиль и Карл Мило публикуют «Распутство исповедника». Антиклерикальная литература и пресса пережевывают сюжет; Жан Фори исчерпывающе показал это на примере Тарна*. Враждебное отношение к исповеднику появляется и в народной среде: уже в 1839 году

* Имеется в виду работа Жана Фори «Клерикализм и антиклерикализм в Тарне, 1848–1900». Тарн — департамент на юге Франции (в Окситании). — *Примеч. ред.*

крестьяне Домпьер-ан-Домб выступили с петицией против своего кюре, который «задавал слишком много вопросов». Даже в тени исповедальни священник зависит от деревенских слухов. Впрочем, в рабочей среде шпионаж кюре уже давно считался повседневной проблемой.

Антиклерикальные выступления идут по четырем направлениям. Лукавая власть исповедника не дает свободы индивиду; постоянная обязанность исповедоваться противопоставляется автономии личности, на которой, согласно неокантианству, базируется нравственная жизнь. Нескромное желание исповедника узнать все, его расспросы родственников и соседей ведут к тотальному контролю самых интимных действий индивида; все это может кончиться полным стиранием личности, что Мишле называет трансгуманизацией.

Клерикалов часто обвиняют в излишнем интересе к сексуальности паствы, нередко эти обвинения звучат противоречиво. Уверенный в своем знании плотского греха исповедник излишними вопросами пробуждает у невинной души первый интерес к пороку. Испуганная разговорами своего духовника и испытывающая отвращение, четырнадцатилетняя Сюзанна Вуалькен решает больше не ходить на исповедь.

Священник одержим женщиной; женское платье напоминает сутану, чувствительность женщины близка ему; необходимость соблюдать целомудрие вызывает у него подавленность; в любой момент он может испытать смятение и даже потерять голову от бесстыдных признаний кающейся грешницы. Образ священника-соблазнителя не сходит со страниц обличающей литературы. Исповедник требует отчета о разных супружеских «шалостях»; хочет узнать о самых интимных тайнах и пытается руководить тем, что происходит в чужой постели. Вследствие этого пара рискует не получать удовольствия друг от друга. Слишком ревностная слежка за соблюдением девичьей чести иногда срывает матримониальные планы; пастырское слово может даже привести в монастырь дочь вольнодумца.

Для супруга, ревниво относящегося к своей власти и авторитету, священник становится конкурентом. Антиклерикалы, тоже сильно озабоченные соблюдением женской добродетели, защищают вовсе не свободу женщин. Вмешательство священника наносит удар по его чувству собственника. Эта ревность к чужаку, который вздумал руководить его частной жизнью, который злоупотребляет визитами в его дом, который сидит в засаде и ждет, когда же ему достанется хрупкая душа чужой жены, принимает, по словам Жана Фори, форму настоящего «антиклерикального мачизма».

Угроза, которую представляет духовенство для финансового состояния прихожан, — последнее из направлений этой битвы. Согласно статье 909 Гражданского кодекса, священник не может получать наследство от своего исповедующегося. Любые претензии на наследство со стороны священников будут отныне рассматриваться антиклерикалами как грабеж.

Накал этих ссор наводит на размышления о том, что игра стоила свеч. Исповедь, в глазах ее противников, одновременно угрожает охраняемой тайне частной жизни и новой индивидуалистической этике, а также расцвету того и другого, о чем мечтал Мишле. Если любопытствующий узнает все подробности вины и нарушений, он вполне может углубиться и в остальные семейные тайны.

Иногда обнаруженная переписка позволяет приподнять завесу тайны над тем, какой драмой была исповедь в реальности. В 1872–1873 годах молодой богатый антиклерикал Эжен Буало, коллекционировавший вырезки из газет о скандалах, связанных со священниками, рассказывал своей невесте в волнующих письмах, какой видит их будущую жизнь. С возмущением узнав о том, что исповедник терроризирует девушку, пытается соблазнить и ограбить ее, Буало приказал невесте порвать с этим негодяем. Дети, которые родились в их браке, не были крещены.

Секс и врачебная тайна

Постараемся оценить, насколько непросто было признаться в наличии какого-то порока развития или болезни, передаваемой половым путем. Это доказывает боязнь называть вещи своими именами — в хорошем обществе это было невозможно. Если в романе шла речь о чьей-то импотенции, автор называл это «неудачей». Сифилис именовали «святой Вероникой», начиная с 1902 года он стал называться «аварией». Это мягкое выражение было позаимствовано в театре Бриё и позволило касаться печальной темы в салонных разговорах. В одиннадцати тысячах четырехстах письмах семьи Буало ни разу не упоминаются сексуальные проблемы или болезни, передаваемые половым путем, так же дело обстоит и с чахоткой.

Медицинская литература подтверждает трудность признания в наличии этих болезней. Профессор Альфред Фурнье, автор книги «Невинные жертвы сифилиса», рассказывает о девственнице, заразившейся через поцелуй: несмотря на то что все ее тело было покрыто язвами, она никому не поверяла ужасную тайну. Один офицер, узнав о своей болезни, пустил себе пулю в лоб, чтобы не признаваться целомудренной невесте в том, что у него сифилис. Один юноша не мог сказать матери, что он заражен, и даже отцу ему трудно было об этом сообщить. «Не бойся мне признаться, если что-то такое случится», — пишет Мари-Лоран Одоар своему сыну Анри, учившемуся в Париже.

В столь деликатной сфере доверенное лицо, часто единственное, — это врач. И даже в тиши медицинского кабинета говорить об этом сложно. Практикующие врачи сообщают о том, что боятся выслушивать молодого онаниста. Бержере приходилось проявлять огромное терпение в ожидании признания своих пациентов в супружеских изменах. Как мы уже говорили, женщины с трудом соглашались на гинекологический осмотр. Начиная с 1880 года страх венерических

болезней стал навязчивым. Утверждение догмы о наследственном сифилисе вызывает мысль о невозможности вылететь; в голове больного возникает образ будущих детей — нежизнеспособных уродов. Запад переживает искушение евгеникой. Святость врачебной тайны пошатнулась.

Надо признать, мало кто пользуется благами врачебной тайны в полной мере. Призывные комиссии могут проводить публичный осмотр. В больницах туберкулезников демонстрируют студентам-медикам; доктор Шарко показывает душевнобольных женщин из больницы Сальпетриер в хорошем обществе. Толпы больных венерическими заболеваниями собраны в больнице на улице Лурсин или в тюремной больнице Сен-Лазар, сифилитиков помещают в специальные палаты провинциальных больниц или тюремные камеры, где они никак не могут скрыть своего состояния. Опытная сводня провожает до самой кровати; соседи по кварталу знают, кого следует опасаться. В деревнях слухи о тех, у кого «кровь испорчена», распространяются быстро. Лишь в самом конце века устанавливается подобие сохранения медицинской тайны.

В буржуазной среде, представители которой составляют частную клиентуру специалистов, дела обстоят по-другому. Здесь генетические заболевания могут расстроить брачные планы. Даже выздоровление не гарантирует молодому человеку удачную партию, если известно, что он болел чахоткой. Страх рецидива или рождения больного потомства заставляет относиться к нему как к инвалиду; отсюда необходимость хранить тайну. Семья Марты опасается, как бы предполагаемая истерия молодой нормандки не воспрепятствовала удачной женитьбе ее бургундских кузенов. К счастью, статья 378 Уголовного кодекса предписывает врачу хранить тайну.

В период между 1862 и 1902 годами возникли сомнения в теории наследственности. С точки зрения отдельных медицинских светил, прежде всего следовало воспрепятствовать появлению на свет дегенеративного потомства. Профессора Бруардель,

Лакассань и Жильбер-Балле советуют родителям девушек прибегать к уловкам: например, просить жениха застраховать свою жизнь. Это заставит его пройти тщательный медицинский осмотр. Бруардель советует также устроить встречу двух семейных врачей; каждый затем выскажет свое мнение, не выдавая тайны. Дюкло предлагает жениху давать честное слово... Небольшая часть врачей во главе с Луи-Адольфом Бертильоном настоятельно рекомендует «медицинскую картотеку» или «санитарное досье», где будут собраны истории болезней претендента на руку и сердце и его предков. Отдельные последователи Гальтона склонны к проведению осмотра и выдаче сертификата, подтверждающего, что холостяк «годен к браку». Однако до I Мировой войны врачам не удалось навязать какие-то меры. В 1903 году опрос, проведенный «Медицинской хроникой», показал, что практикующие врачи в массе своей настроены против «брачного закона». Время страха перед плохой наследственностью прошло; мы увидим, что последователи Пастера больше не испытывают такой тревоги, как последователи Бенедикта Мореля или Проспера Люка*. Этот провал «брачной политики» показывает также, как ревностно и с каким согласием правящие классы готовы защищать тайну частной жизни.

Кому доверяет молодежь

Изоляция, навязанная мальчикам и девочкам из буржуазных семей, которых тщательно оберегали от общения с просто-народьем и сильно ограничивали в светских отношениях, в высшей степени кодифицированных, вызвала потребность в дружбе; трудности признаваться в чем-то на исповеди увеличивали желание рассказать свои секреты другу, которого выбираешь сам. Доверительные отношения среди подрастающих

* Бенедикт Огюстен Морель (1809–1873) — французский психиатр. Проспер Люка (1808–1885) — французский врач, исследователь вопросов наследственности.

детей — девочки делились тайнами с девочками, мальчики — с мальчиками — играли главную роль в становлении личности.

Выбор подруги, которой можно все рассказать, — важнейший эпизод в жизни девочки-подростка. Матери приветствовали длительные отношения между серьезными и честными девочками. Они надеялись, что эти прочные отношения, в отличие от легкомысленной светской дружбы, будут для дочерей ориентиром в дальнейшей жизни. Мы скоро увидим, что в деревне тоже заботились о прочной девичьей дружбе: в это время рушились ритуалы молодежного общения, и иметь подругу было очень важно. У девочки из католической семьи чаще всего завязывалась дружба со сверстницей, одновременно с ней получавшей первое причастие. Опрошенные в 1976 году старушки из Бюе-ан-Сансерруа признали, что у них были такие подруги.

Девочке, оторванной от семьи и помещенной в пансион, где подчас царила атмосфера жестокости, подруга была на-сущно необходима. Согласно регламенту, установленному мадам де Ментенон*, каждая старшая девочка должна была брать под свое крыло младшую воспитанницу. Жорж Санд в подробностях описывает эту трогательную дружбу. Отношения неразлучных друзей в этом закрытом мире, где мальчики и девочки содержались раздельно, иногда были неоднозначными. Здесь девочки обменивались клятвами и дарили друг другу свои портреты. Часто эти отношения были длительными. Выйдя из пансиона и ожидая замужества, «большие девочки» без конца писали друг другу письма и наносили визиты. Существует огромное количество примеров прочности такой привязанности. Эжени де Герен сама была удивлена тем, что создала целую сеть дружеских связей с девочками умными, нежными и рано повзрослевшими (они столкнулись со смертью кого-то из домашних). Конечно, доверенными подругами

* Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон, — официальная фаворитка Людовика XIV, основательница школы Сен-Сир — первой светской женской школы в Европе.

часто становились кузины. В семье Буало они говорили друг с другом по-английски, чтобы пресечь любопытство родителей. Фанни и Сабина Одоар, одна из Нима, другая из Меркюроля, обменивались друг с другом тысячами секретов. Поражает серьезность этой переписки: речь шла не о прекрасных принцах, а о совести, о правилах жизни. Когда была объявлена эпидемия холеры, юная Фанни спрятала в надежное место свои личные бумаги и приготовилась к переходу в мир иной. Привыкшая играть роль медсестры в семье и ангела-благотворителя для местных бедняков, девочка из этой среды знает, что такое боль.

Девичья переписка заставляет сомневаться в справедливости избитого мнения, главным образом мужского, о том, что девушки с нетерпением ждут рассказа лучшей подруги о первой брачной ночи. Этот сюжет описан Бальзаком в «Воспоминаниях двух юных жен» (1842) и Эдмоном де Гонкуром в «Милочке» (1889).

Совсем иной, но также очень крепкой, предстает дружба мальчиков, завязавшаяся в пансионе, коллеже или на студенческой скамье. Молодые люди имеют любовный опыт, часто извращенный. Невозможно признаться в этом родителям; на исповедь они не ходят, а сексуальные партнеры не поймут таких признаний. Эти юные буржуа, в глубине души сознающие, что им предстоит стать адвокатами или служащими нотариальных контор, в то же время имеют огромные амбиции; они ненавидят пошлость и считают, что их ждут великие дела. Они полны гордости от сознания собственной культуры. Все это дает возможность обсудить приобретенный опыт, превращает мужскую дружбу в один из аспектов чувственного и сексуального воспитания. Они ценят насмешку, шутку и смех. Именно так обстоят дела, по словам Ж.-П. Сартра, в «мальчишеско-франкмасонской» компании молодого Флобера.

Глубокие дружеские отношения молодых людей складывались не в большой компании, а в ходе вечерних или ночных визитов друг к другу. Флобер долго будет тосковать по вечерам в Круассе, проведенным за трубкой с одним из друзей,

Альфредом Ле Пуатвеном, Эрнестом Шевалье или Максимом Дюканом. Совместные прогулки по полям и, еще в большей мере, визиты вдвоем в бордель скрепляли эту дружбу навечно. «Девки, — замечает по этому поводу Жан-Поль Сартр, — ответственность коллективная, их делят между собой и рассказывают другу подробности своих плотских утех»; в этом проявляется «желание принести женщин в жертву ради дружбы мужской и иногда гомосексуальной, что является одним из проявлений мужественности».

Друзья ведут переписку, обмениваясь признаниями о сексе, и только смерть может положить конец этой дружбе. Похвальба своими победами в борделе, грубые ругательства в адрес буржуа, повторение старых шуток — все это для того, чтобы успокоить боль от столкновения с реальностью взрослой жизни.

С 1872 года, когда начнется призыв в армию, эти молодежные дружества станут популярной моделью отношений с однополчанами. Пока же мобильность, к которой принуждают молодых пролетариев больших городов превратности рынка труда и бытовая неустроенность, мешает установлению прочных дружеских отношений, которые, как представляется, остаются только у крестьян, сплоченных длительным проживанием по соседству, и у буржуа, которые пользуются благами *privacy*. Редко кто из рабочих, писавших дневники, упоминает о дружеской симпатии к соседу по общежитию или компаньону по работе в мастерской. Текучесть и размытость приятельских отношений наблюдаются и в среде временных мигрантов. Надо признать, что эта тема изучена мало и заслуживает внимательного анализа.

Братья и сестры

Вернемся к буржуазии. Здесь есть исключение, ломающее преграды между представителями разных полов: речь идет об отношениях брата и сестры, о важности которых, на мой

взгляд, говорится очень редко. Существующая между матерью и дочерью связь, которую четкая дифференциация гендерных ролей только укрепляет, безусловно, поспособствовала тому, что привязанность друг к другу братьев и сестер оказалась в тени. Брат — единственный мальчик, с которым девочка может вести себя фамильярно; сестра — единственная благонравная девочка, с которой мальчик близко знаком. Строгость морали и правил поведения ведет одновременно к возвеличиванию важности братско-сестринских отношений и к сдерживанию горячих чувств. Взаимные эротические фантазии поддерживают «маленькую тайну», благодаря которой пропадают влечение и страх открыться. Флобер начинает выбирать выражения, когда обращается к Каролине, младшей сестре, с которой его связывает глубокое чувство.

Сестра, как правило, покоренная мужской культурой и опытом мира мужчин, восхищается братом и одновременно испытывает к нему глубокую, почти материнскую привязанность. Она боится, что он может заболеть, потерять веру, потерпеть неудачу. Родители, кстати говоря, рассчитывают, что дочь может благотворно повлиять на брата. Преданность Эжени де Герен Морису представляет собой крайность; однако те же чувства, может быть не такие сильные, мы находим у Сабинны Одоар, которая, как представляется, гораздо сильнее привязана к своему брату Анри, парижскому студенту, чем к малоинтересному мужу, которого выбрала для нее семья. В обоих случаях прослеживается та же односторонность чувств, те же бесконечные жалобы на редкие письма и отсутствие доверия.

Сестра же является для брата воском, мягким и податливым, что оправдывает пигмалионизм брата; иногда становится его двойником. В этих отношениях «мальчик» как бы приобретает боевой опыт; ему рано дается возможность создать образ девушки своей мечты и таким образом подготовиться к супружеству, которое ему приходится откладывать. Можно без конца приводить примеры таких пар, начиная с волнующих

отношений Рене и Люсиль. Самые знаменитые из них — Бальзак и Лора, Стендаль и Полина, Мари де Флавиньи и Морис де Герен. Представляется, что экзальтация этих отношений, которая напоминает чудо двух существ, созданных друг для друга, и миф об андрогине, была более живуча в эпоху романтизма. В конце века эта тенденция сходит на нет: мягкая и нежная старшая сестра Жюля Ренара очень раздражала его.

Циркуляция семейных тайн

Как видим, семейная переписка в XIX веке была чрезвычайно напряженной. Члены семьи, живущие в разных местах, не теряли связи. Это заметно по случайно сохранившимся архивам Одоаров из Меркюлора, Дальзонов из Шандола и Буало из Винье.

Переписка подготавливает визиты, сопровождает обмен подарками и услугами. В письмах рассказывают друг другу об общих знакомых, дают рекомендации и советы, сообщают биржевые слухи. По переписке можно судить о семейной иерархии. Место в ней зависит от того, каким по счету является ребенок в семье, или от личных достижений. Эме Дальзон, инженер из Сент-Этьена, сделал блестящую карьеру. Он очень любит своего брата Арсена, оставшегося дома. Он издали помогает семье, берет на себя соблюдение многочисленных бюрократических формальностей; описывает брату последние новости шелководства, позволяет ему пользоваться связями своего тестя. Именно он выбирает пансионы для племянников и племянниц.

Переписка взрослых людей содержит мало откровений и признаний. В ней ничего не говорится о сексе. Читатель находит в ней больше сдержанности и меньше иллюзий. «Сумасбродства» остались в прошлом. В то же время в письмах без конца обсуждаются семейные тайны, кроме переписки Буало, где корреспонденцию было принято читать вслух всей

семьей и где письма весьма скупы на откровенность. Сохранность семейных тайн очень волнует всех, по крайней мере тех, кто отвечает за домашнюю сферу. У Одоаров речь идет о душевной болезни старшего сына Огюста и проступках дяди-священника, который — мы никогда не узнаем почему — решил укрыться в монастыре Трапп. В переписке семьи Марты пути распространения семейных тайн принимают карикатурный характер. «Вина» девицы, любовницы конюха, выставляется на всеобщее обозрение с самого начала, с 1892 года, а подробности о том, что у покойного отца был сифилис, появляются понемногу. Намеки и недомолвки о «горе» матери, истерии дочери наводят на подозрения, пока наконец зять не выкладывает все начистоту. Становятся понятны страхи в связи с возможной женитьбой кузенов; вскрывается грустная судьба сестры Элеоноры, обреченной на безбрачие — лишь после ее смерти осмелятся сказать, что у нее была гидроцефалия. После всего этого образ Аделаиды Фук из «Ругон-Маккаров» не кажется столь ужасным.

Перед лицом собственных вины и порока семья сплачивается и хранит тайну. Бесконечное переживание горя в семье укрепляет и компенсирует отказ от бегства, нейтрализует искушение предать гласности подробности семейной драмы. Любопытно, что в самом сердце буржуазной семьи можно обнаружить те же черты, что этнологи находят у крестьян. Для видных буржуа, как и для зажиточных крестьян, сохранение тайны частной жизни — капитал чести и, следовательно, условие стратегического успеха. При этом и тем и другим необходимо проникнуть в чужие тайны. Если деревенская публика отправляет своих младших детей в деревенский кабак послушать, о чем говорят односельчане, чтобы выработать тактику поведения, то буржуазные семьи, когда им нужно выяснить подробности о кандидате на руку и сердце дочери, прибегают к целой агентурной сети, сложность организации которой мы знаем.

Воспитание чувств и традиционное общение

Романтическая любовь

Любовь и поведение, которое она вызывает, пробуждают одновременно эротические мечты и напряжение в обществе. В этой сфере воображаемая модель и социальная практика тоже постоянно эволюционируют. Современная история оставила этот аспект неизученным, предпочтя подсчитывать количество добрачных беременностей, а не анализировать интимную переписку.

Оковы прошлого здесь очень крепки, к тому же никогда не следует упускать из вида старинные коды, которые исподволь руководят чувствами. Знают влюбленные XIX века о том или нет, но куртуазная любовь с ее размышлениями, ренессансный неоплатонизм и его ангелическая антропология, классический дискурс об «урагане страстей», осуждение «безумной любви» Реформацией — все это давит на них. Очевидно, что еще сильнее сковывает наследие эпохи Просвещения. Размышления метафизиков о сути души, мысли врачей и психиатров о статусе страсти, существовании двух сексуальных природ и опасности физиологических эксцессов, рассуждения теологов об относительной тяжести сексуальной вины определяют любовное поведение.

Не менее важны сначала появление, затем закат романтической любви. Разнообразные теории, определяющие связь души и тела, формируют фон новой организации любовного чувства; мы не будем это рассматривать. Лучше остановиться на биполярности женской природы, необходимой для понимания ментальности того времени. Отмеченная печатью давнего союза с дьяволом, дочь Евы в любой момент готова ринуться в омут греха; сама ее природа требует изгнания бесов. Женщина близка к органическому миру и знает механизмы жизни и смерти. Желая слиться с природой, она живет в постоянной угрозе со стороны земных сил, существование которых подтверждают

нимфоманки и истерички. Когда поток этой кипящей лавы вырывается на свободу, слабый пол, ненасытный в любви, фанатичный в вере, пугающий своими безумными действиями, освобождается. Вдохновленные системой представлений, обновившейся на закате Старого порядка, художники XIX века сделают акцент на загадке женственности. Одновременно богиня и животное, женщина-сфинкс, женщина-змея с глазами, горящими хищным огнем, вполне соответствует стилю модерн, в том виде, в каком его блестяще проанализировал Клод Киге. Романисты, в частности Золя, введут этот волнующий образ пожирательницы в описание народа из предместий. Мужчинам того времени, одержимым страхом потери женщины, теперь следовало особенно ревностно контролировать сексуальность своих подруг и подчинять их мужской власти.

Здесь вмешивается религиозный код. Дочь Евы одновременно и духовная дочь девы Марии. Это белая, ангельская сущность женственности. Методизм уже восторгался искупительницей. XIX век будет искать в ней доброго ангела мужчины. Способная к состраданию, рожденная для милосердия, женщина должна быть вестницей идеала. В этом проявляется влияние мартинизма. Неоспоримое существование нематериальных сущностей — ангелов — требует наличия созданий-посредников, без которых божественная связь прервется. Женщина должна воспитывать себя, чтобы занять место этого посредника, после чего снизойти до мужчины и проявиться в нем небесным явлением.

Еще до утверждения догмата о Непорочном зачатии (1854) и роста числа свидетельств о явлениях Девы Марии (1846–1871) духовная литература и мистическая живопись говорят о бегстве от телесности к прозрачности ангелизма. Зародившаяся в недрах лионского иллюминизма, живопись Луи Жанмо, в частности прекрасная серия «Virginitas», передает это стремление. Молодая женщина поднимает глаза к небу и обеспечивает связь своего супруга с невидимым миром.

В этой перспективе любовь будет вторым небом, близостью, пережитой в общем духовном приключении.

Между исповедью и любовной диалектикой создается тесная связь, как если бы, по словам Люсьен Фрапье-Мазюр, подавленное желание следовало ассоциативными путями, по которым шло его подавление. Опыт романтической любви заимствует у таинства исповеди религиозный язык признания, искупляющую функцию страдания, ожидание воздаяния. Здесь появляется женщина со своим непререкаемым авторитетом; именно она подтверждает выбор.

Однако романтическая любовь гораздо сложнее; религиозный язык в ней сочетается с новым статусом страсти. Душевные волнения, смятение сердца, ошибки и заблуждения, коротко говоря, код, сложившийся по меньшей мере в XVII веке и вновь пережитый между 1720 и 1760 годами, отступает на задний план. Во Франции в 1820–1860 годах происходит настоящее перерождение чувств. Страсть отныне — лишь энергия, предваряющая любовь. Любовь же — одновременно связь между двумя индивидами и их общее проникновение в магическую сферу — обеспечивает превращение естественного порядка в поэтический. Это чувство порождает такую духовную близость, что каждый из партнеров приобретает уверенность в вечном согласии. «Любовь в своей полноте, — пишет Пол Хоффман, — ускальзывает из реальной жизни и живет там, где трудно различить присутствие и отсутствие, любимое лицо и образы мечты и воспоминаний».

Именно женщине предстоит пробудить мужчину, вызвать в нем «турбулентность души», неутолимую тоску по идеальному миру. Руссо предложил романтическому веку эту совершенную полноту. Он возродил миф о духовном андрогине; и было бы немного легкомысленно видеть в Софи лишь махистский образ поработенной подруги. Эта актуализация старинной ностальгии по примитивной неделимости, первородной мифической целостности порождает сексуальную

нерешительность партнеров, столь очевидную в живописи какого-нибудь Жанмо. Братское стремление к идеалу вызвано путаницей, сумбуром.

Круг неожиданно замыкается, и обнаруживается обратная сторона женственности. Воздушная, почти неземная дева до такой степени не признает сексуальности своего мужа, что практически кастрирует его. Мужчина оказывается жертвой той, которую он поместил среди ангелов, чтобы изгнать ее животную сущность.

Потрясение от встречи

С этого времени в литературе появляется новый образ поведения, рисуются новые духовные маршруты, создается новая система любви. Самые популярные литературные штампы той поры — потрясение, шок от встречи, «явление» женщины, мимолетное видение силуэта. Сцена любви тоже меняется: роща сменяется аллеей сада. Слово здесь опосредовано: теперь главенствует передача мыслей на расстоянии. Первая встреча взглядов, отдаленная музыка голоса, аромат тела, доносящийся сквозь легкую одежду — все это хранит женскую стыдливость и кует нерушимые цепи.

Романтическая любовь меняет форму признания, обостряет реакцию стыда, создает новую форму выяснения отношений. Проявление мужского желания противоречит ангельскому коду; именно здесь зарождается рафинированный эротизм системы. Неуместные в данной ситуации разговоры заменяются взглядами, улыбками, в крайнем случае прикосновениями; волнение, румянец, многозначительное молчание говорят больше слов.

Все эти литературные клише являются частью воспитания чувств. Этот опыт демонстрирует трудности роста. Женщина восполняет потерю материнской любви. Получаемое при этом утешение, возникающее полное доверие создают чудо второго

рождения, возвращения в рай, заслуженное страданиями, предшествовавшими встрече. Мадам де Варан, мадам де Реналь, мадам де Куэн, мадам де Морсоф* и многие другие составляют когорту «вторых матерей», которые вводят героев в мир любви. Запретное удовольствие, образ властной женщины, скрывающийся за ключевым персонажем этого чувственного воспитания, сковывает проявления романтической сексуальности.

После 1850 года, несмотря на то что хорошие словари, например «Ларусс», хранят верность идеалистическому примату, романтическая модель любви стала распадаться. Семантическое поле этого чувства состоит из тех же элементов, но дезорганизуется. Неудача поколения 1848 года вызвала флоберовскую иронию, положившую конец вере в ангелов в этой сфере. Дороги воспитания чувств приводят в тупик. Потеря веры в романтическую любовь ведёт, как мы увидим, к ее демократизации; она стала предметом потребления, почти товаром. По ощущениям Эммы Бовари и ее любовника Родольфа в конце их романа, элементы, составляющие это чувство, весьма разрозненны и вот-вот исчезнут навсегда. Так будет на протяжении следующих пятидесяти лет. Когда ангел уступает место сфинксу, неудержимый порыв к идеалу заменяется робкими попытками воссоздать чувства, мечты, воспоминания, страхи.

Реальные проявления любви

Для историков, отныне имеющих больше информации о том, куда вело воображение, самой насущной задачей становится изучение пережитого опыта. Первых немногих работ достаточно, чтобы увидеть и обилие разнообразных моделей поведения,

* Мадам де Варан — наставница и любовница юного Ж.-Ж. Руссо; мадам де Реналь — героиня романа Стендаля «Красное и черное»; мадам де Куэн — героиня романа Сент-Бёва «Сладострастие»; мадам де Морсоф — героиня романа Бальзака «Лилия долины».

и пропасть, которая образовалась между их формированием и воплощением в жизнь.

Николь Кастан отмечает, что в самом конце XVIII века даже в народе распространяется любовь-страсть; это видно по силе чувств и движениям души. Даже у самых обделенных появляется новая риторика. Даже самые неграмотные дают «нежные клятвы» и «льют слезы»; даже в этих кругах звучит эхо «Новой Элоизы».

Жан-Мари Готье, проанализировавший множество интимных писем первой половины XIX века, отмечает жестокость страстных речей сразу после Революции. «Любовь до гроба» захлебывается в рыданиях; ревность доходит до безумия; глубина чувств чуть не сводит в могилу. Коротко говоря, в то время как слезы становятся частным делом, в поведении заметнее проявляется классический код самоотречения. Однако тогда же расцветает и ангелический дискурс, в котором царит религиозная метафора: возлюбленный — это небесное создание; ему надо молиться и обожать.

Спустя полвека (1850–1853) те же настроения появляются в мелкобуржуазной среде. Юный Жюль Одоар потерял голову от любви к деревенской учительнице, крестьянской дочери. Очень насыщенная переписка показывает губительные последствия этой безумной страсти. Влюбленный шлет подруге «долгие обжигающие поцелуи». Кровоточащие сердца молодых людей претендуют на сходство с романтическим образом сердца Христа: «Боже мой... пусть исполнится воля твоя», — пишет Жюль, лишенный «божественного утешения», которым является для него тело любовницы.

Мы не будем подробно анализировать стиль поведения, однако систематический анализ все же возможен. Прогулки в саду, взгляды, признания, пожатия рук — вехи на пути зарождающейся любви Виктора Гюго и Адель, и проявления страсти Стендаля к Метильде не выходят за эти рамки. Точный в своих оценках Гизо говорит о воспитании чувств,

калькированном с романтической модели. Ипполит Пута^{*} описал страсть молодого протестанта к подруге своей матери; будущий министр чуть было не покончил с собой от горя.

«Деревенская любовь»

Изучить любовь в традиционном обществе, казалось бы, означает проникнуть в совсем иной мир. В крестьянской среде XIX века не было принято описывать свои чувства. В немногих письмах, которые временные лимузенские мигранты посылали своим женам, о любви речь не шла — только о хозяйственных вопросах.

Отсюда следует необходимость соблюдать осторожность: свидетельства очевидцев — это этнологический взгляд, затуманенный предрассудками. Крестьянин в этих свидетельствах, вдохновленный веком Просвещения, — это дикарь, которого на пути к цивилизации задержала необходимость адаптироваться к «климату». Наблюдатели, вялые последователи Кондильяка^{**} и идеологов, убеждены, что между органами чувств существует конкуренция; сила, даже насилие, вызванные тяжелым физическим трудом, антисанитарные условия, в которых протекает жизнь крестьян, мешают появлению тонких чувств и деликатности души. Также эти свидетели полагают, что крестьянину страсть доступна лишь в чудовищных формах. С их точки зрения, крестьянин абсолютно закрыт для романтической любви, посылающей деликатные сигналы объекту страсти. Для виталистов грубая телесная оболочка доказывает убожество души. Они сводят любовь в народной среде к грубым инстинктам и самоотверженности.

* Ипполит Пута (1886–1974) — французский историк, специалист по политической и религиозной истории Франции.

** Этьен Бонно де Кондильяк (1715–1780) — французский философ-сенсуалист.

Некоторое время назад историки и этнологи отправили в утиль эту систему взглядов. Они смогли обнаружить любовь в сельском обществе. «О ней говорят, ею занимаются», — пишет по этому поводу Мартина Сегален. Но она действует в соответствии с другим кодом; именно это ввело свидетелей в заблуждение. Кроме того, существовали и значительные региональные различия.

Чувства выражаются не словами, а жестами. Люди встречаются на праздниках, ярмарках, вечерних посиделках, при найме на работу, при выходе из церкви. Друг друга замечают, друг другу нравятся. Влюбленный крестьянин немногословен; он может выражать свою склонность лишь иносказательно: ласковыми ругательствами или грубыми шутками. На любовном пути существуют вежи-жесты: руку сжимают до хруста, выворачивают запястья, трутся щеками или бедрами; сюда же относятся тяжелые похлопывания по плечам, тумаки; метание камней друг в друга — явное признание во взаимной склонности. Значение каждого такого жеста и даже градация ответов известны каждому.

Если молодые люди приняты в семьях друг друга, они могут ухаживать друг за другом. С этого момента «общение», раз и навсегда ритуализованное, становится объектом внимания социальной группы. Это ухаживание часто протекает в тишине. Оно является частью «секса ожидания», также строго кодифицировано; за ним тоже наблюдают, на этот раз молодежь. Самые знаменитые модели подобных ритуалов, как мы увидим дальше, — вандейское «сюсюканье» и «возня». Девушка может позволить парню ласкать ее грудь.

Трудности интерпретации

Такое поведение отныне хорошо известно; оно создает множество проблем. Следует различать общение в группе, которое может привести к вышеописанному, при этом партнерша может быть случайной, и общение личное, которое говорит о склонности именно к этой девушке и протекает в другом

темпе. Необходимо также не смешивать публичное признание отношений, часто сопровождаемое ритуалами, и произошедшее после соблазнения девушки, которое проходит гораздо скромнее и которое не всегда доходит до этнологов. Взаимный интерес и чувства возникают всюду и все время — когда пасут коров, едут на рынок или возвращаются из церкви, и постоянный контроль этому не мешает.

Вопрос изучал Эдвард Шортер. По его мнению, первая сексуальная революция началась в XVIII веке. Понемногу молодежь захотела освободиться одновременно от ритуалов, контроля со стороны представителей различных возрастных групп и семейных стратегий. Прогрессу в сфере чувств и любовных отношений между партнерами благоприятствовали массовые миграции сельского населения и изменение структуры деревенской жизни. Это создало новую, более индивидуалистическую модель отношений. Распространение романтической любви — *romantic love* — слишком созвучно тому, что нам удалось увидеть, чтобы критиковать его.

Не стоит все же думать, что подчинение правилам, навязанным традиционным обществом, говорит об отсутствии личных чувств. Семейные стратегии не всегда противоречили взаимной склонности. Как отмечал Пьер Бурдьё, говоря о Беарне, эти стратегии дают возможность развернуться некой игре, в которой проявляются чувства участников. Рекомендации старших — не категорическое навязывание своей стратегии, они основаны на положительном или отрицательном опыте предыдущих поколений. Эти семейные нормы усваивались с раннего детства и служили для устранения чувственной уязвимости.

И это было счастьем для деревенской молодежи XIX века, потому что, как мы знаем, требования брачных стратегий никуда не исчезают, а, наоборот, становятся все более жесткими, особенно для наследников. Детей одной семьи разделяет пропасть; младшие чувствуют себя свободнее, чем старшие, а дочери поденщиков могут позволить себе гораздо

больше, чем «наследницы». В деревнях Па-де-Кале, отмечает Рональд Хюбшер, внушенная ими любовь порой позволяет им удачно выйти замуж.

Не следует также преуменьшать значения разделения полов: это результат наступления клерикалов, кульминация которого — период между 1870 и 1880 годами. Строгость контроля за молодежью, практикуемая в отдельных сельских регионах, говорит о том, что процесс эмансипации шел не линейно. Самая строгая слежка за девушками наблюдалась в Бюе-ан-Сансерруа накануне I Мировой войны.

Любовные отношения развиваются по заранее установленной модели; надо иметь в виду социально-экономические условия. Желание быть свободным чаще всего провоцирует сделанное, неестественное поведение. Шортер, безусловно, прав, думая, что «романтическая любовь» более индивидуалистична, чем традиционная крестьянская; при этом не стоит переоценивать ее спонтанность. Не будем также переоценивать свободу крестьянина, перебравшегося в город. Здесь речь идет о старом стереотипе восприятия опасных и порочных классов, сложившемся у буржуа. Образ свободного поведения крестьянина возник у историков в связи с незнанием среды, в которую попадал вновь прибывший. В городах функционировали землячества, осуществлявшие контроль за мигрантами, и слухи о чем-то слишком свободном поведении распространялись быстро.

Очень важно проанализировать, как романтическая любовь дошла до самых низов социальной пирамиды. Церковь внушала пастве ангелические мечты. С первых лет Июльской монархии в деревнях Лимузена началось увлечение романами и мелодрамами, в которых рыдала какая-нибудь Марго, эти романы передавались из рук в руки и читались прямо на работе, в подсобных помещениях; позже пришло время романов-фельетонов, которые тоже создавали новый сентиментальный образ. Мари-Доминик Амауш-Антуан показывает, что после 1870 года

репертуар кафешантанов и кабаков способствовал воспитанию чувств жителей долины реки Од. Для влюбленных, которые не вполне понимают, по какой модели им выражать свои чувства, начиная с 1890 года появятся почтовые открытки к Дню святого Валентина. Объяснение в любви демократизируется.

В ожидании свадьбы партнеры сожительствоуют со студентами — это является формой сексуального поведения взрослых. Эти дисгармоничные союзы поспособствовали распространению романтических образов любви и сладострастия. Молодой буржуа без опасений привносит новую мимику и жесты в любовный арсенал гризеток. Даже такие вещи, как налет развязности, времяпрепровождение на диване, вечер в отдельном кабинете и деревенские развлечения, также способствуют усвоению романтического кода.

Плотская любовь в романтическую эпоху

Попробуем хотя бы схематично проследить хронологию этой загадочной сферы, «черной дыры», скрытой покровом тишины и устоявшимися предрассудками, согласно которым секс не рассматривается учеными. Поворот намечился в 1860-х. Начнем же рассматривать первую половину века, то есть период от установления Консульства до самых прекрасных мгновений Империи.

Фигуры сладострастия

Секс заставляет мечтать и диктует поведение. Не отдавать себе в этом отчета — значит впадать в анахронизм. По мнению Бронислава Бачко*, слово «сексуальность» появляется лишь

* Бронислав Бачко (1924–2016) — польский и французский историк, философ, основатель Варшавской школы истории идей.

в 1859 году (никак не ранее 1845-го). В то время оно относилось лишь к тому, что имело половые признаки. До появления *scientia sexualis* речь шла о «любви» и «любвонной страсти», о «желании» и «инстинкте продолжения рода», о «плотских» и «венерианских» актах; врачи называли это «совокуплением» и «коитусом». Упоминание о физической любви — монополия мужчин. И даже мужчины должны говорить о ней иносказательно. Лишь врачи могут называть вещи своими именами — им это позволяет понятие «инстинкта продолжения рода». В отрыве от страсти секс как необходимое условие сохранения вида приобретает низкий статус, отношение к нему снижательное, как к низшей форме любви. Медики пытаются кодифицировать супружеские отношения — что оправдывает их снисходительное отношение к оргазму. Однако они уже начинают метать молнии в сторону девиантного поведения, рассматриваемого как «извращение» инстинкта продолжения рода. В то время патологией объявляется прежде всего онанизм.

Романы и стихи наводят на мысли о плотской любви. Непристойность, присутствующая повсюду и в то же время скрываемая, сквозящая во всех поворотах сюжета, заставляет читателя догадываться самостоятельно, что обостряет удовольствие. Такие фигуры речи, как эллипсис, литота, перифраза или метафора, усиливают воображение. Так функционируют упоминания о пароксизме наслаждения. В этой литературе женщину «берут», она «отдается»; «счастье» — «соитие» или «оргазм» — состоит из «невыразимого», «неслышанного» наслаждения, удовольствия «сумасшедшего, почти конвульсивного». Роман касается секретных аспектов сексуальной жизни, ушедших из либертарианского дискурса, наводит на мысли о фригидности и импотенции, находит удовольствие в извращениях.

Юмор меняется. «Откровенное», «здоровое» веселье дает повод для появления грубоватых шуток. Разные куплеты, появление которых инспирировано галантным веком, входят в моду

в мелкобуржуазной и рабочей среде; они должны развеять меланхолию и поднять бодрость духа. Иносказание позволяет «смягчить» тему; контрпетри* усиливает намек на непристойность, заставляя работать воображение. В этом дискурсе постоянно говорится о нарциссизме мужского пола. «Мечта куплетиста, — пишет Мари-Вероник Готье, — это ненасытная женщина, не сводящая глаз с инструмента, доставляющего ей удовольствие». Здесь господствует воинственно-эротическая метафора. Девица постоянно «прекращает сопротивление»; удовольствие мужчины сводится к «стрельбе по мишени».

Двойственность женщины будоражит сладострастное воображение, то идеализирующее женщину, то, наоборот, демонизирующее ее; благодаря сердечному ритму этой сексуальности, как отмечает Жан Бори, набожность сменяется подвигами в борделе. Код романтической любви навязывает женщине «ангелизм в постели», который сегодня вызывает улыбку. Табу на проявление желания заставляет ее изображать жертву: она ни за что бы не «отдалась», если бы не сила натиска, заставившего ее признать «поражение». Во искупление своей «слабости» после «экстаза» женщина должна вести себя как чистый ангел. Луиза Коле — не недотрога; именно она набросилась в фиакре на юного Флобера. Однако по завершении их первой любовной сцены в какой-то гостинице она лежит на кровати, «с волосами, разметавшимися по подушке, подняв глаза, молитвенно сложив руки и обращая к небу безумные слова»**. «В 1846 году, — комментирует Жан-Поль Сартр, — женщина из буржуазного общества, после того как проявила свои животные стороны, должна была изображать ангела».

Несостоятельность в сексе вызывает у мужчины все большее беспокойство. Сладострастный рассказ одного из пер-

* Контрпетри — стилистический прием, предполагающий перестановку букв в словах для образования новых слов.

** Из письма Г. Флобера от 23 августа 1846 года.

сонажей Мюссе решительно отличается от триумфализма Ретифа*. В книгах описываются пароксизмы страсти, экстаз. Наслаждение опустошает Намуну**, на что указывают «легкий трепет, чрезвычайная бледность, конвульсии горла, проклятия, несколько бессвязных слов, произнесенных совсем тихо...»

Романтическая фигура сладострастия, далекая от садистских удовольствий, из которых она вышла, тем не менее сопровождается скрупулезным подсчетом совершенных половых актов и следующей за ними боязнью истощения и упадка. Тогдашний буржуа постоянно нуждался в обнадеживающих сексуальных подвигах или, по крайней мере, в математическом подтверждении регулярности. Гюго и Виньи подсчитывали количество испытанных оргазмов, Флобер — свои подвиги, а Мишле ежегодно подводил итог своей сексуальной активности. Все это говорит о том, что годобные вычисления были весьма распространены в буржуазной среде.

Этот театр сладострастия, где мешаются экстаз и деградация, разворачивается на периферии. В интерьере борделей, в случайных встречах на улице, в удовольствиях адюльтера формируются оттенки наслаждения; мы должны пройти этим маршрутом, по которому нас поведут многочисленные конфигурации пары.

Секс до брака

Для начала надо напомнить некоторые исторические факты, которые обуславливают знакомство. В XIX веке временной интервал, который разделяет половое созревание и брак, достаточно велик, особенно на фоне того, что возраст первой менструации снизился в среднем на два года. Увеличение продолжительности

* Никола Рестиф де ла Бретон (1734–1806) — один из самых популярных французских писателей XVIII века, последователь Руссо; его произведения неоднократно обвиняли в безнравственности.

** Намуна — персонаж одноименной поэмы Альфреда де Мюссе.

жизни вынуждает дольше ждать получения наследства, которое позволит вступить в законный брак. Отсюда — большое количество холостяков и появление целых городских гетто, в которых велика потребность в добрачном сексе. Временные мигранты, живущие в общежитиях в центре столицы, гарнизонные солдаты, студенты, служащие и продавцы из небольших магазинов, чей уровень доходов не позволяет им завести вожделенную семью, постоянно посягают на женскую добродетель; не надо забывать и о тех, кто в годы Июльской монархии переехал в города насовсем; в отдельных кварталах их присутствие влечет за собой очень большой дисбаланс в половом составе населения (Жанна Гайяр). В деревнях, где доминирует одноответвой тип семьи, многочисленные младшие сыновья этих семей в ожидании момента, когда станут взрослыми, осознают, что им вряд ли удастся найти себе жену. Пролетарии-слуги, слой, возникающий в отдельных регионах, например в Шампани, также знакомы с муками настоящего сексуального голода.

«Инстинкт продолжения рода», силу и распространенность которого признают врачи, рождает убеждение, что существуют два различных этических взгляда на секс. Моральный реализм, унаследованный от Отцов Церкви, в частности от святого Августина, заставляет минимизировать тягостность полового акта во всем его скотстве и мириться со сложной системой сексуального удовлетворения мужчины; это настоящий ад, который стремятся ограничить и который является зеркальным отражением любовного рая, изображенного, например, Луи Жанмо. Распространен извращенный секс, как бы компенсирующий идеализацию эмоциональных порывов.

Первые «незаконные удовольствия»

Мастурбация — первое звено в цепи незаконных удовольствий; мы не будем на нем останавливаться, но существуют и другие формы «досрочного» удовлетворения сексуальных

потребностей. Здесь надо сказать несколько слов об исторической демографии. В период с 1750 по 1860 год возрастает число незаконнорожденных детей и внебрачных беременностей. Цифры весьма значительны; к сожалению, история не может их интерпретировать. Существует мнение, что этот феномен доказывает появление сексуального выбора, рост чувственного индивидуализма и вместе с тем распад традиционных механизмов супружества. Эти показатели говорят и об отмирании ритуалов общения, которые сложились в XVII — начале XVIII века и основывались на самоконтроле партнеров. Напомним, что Церковь продолжала негативно относиться к общению молодежи, видя в нем лишь раннее проявление порочности. Таким образом, разрушение механизма контроля со стороны группы оставляет девушку безоружной перед натиском соблазнителя.

Можно было бы подумать, что рост числа внебрачных беременностей настоятельнее, чем раньше, обязывал парней жениться на соблазненных девицах; однако количество детей, рожденных вне брака, говорит об обратном. Зато ничто не мешает полагать, что усиление этого явления говорит не об угасании, а, наоборот, об укреплении семейных стратегий; влюбленным, которые не могут удовлетворить свою страсть законным путем в супружеской постели, не остается ничего кроме сеновала или луга за деревней.

В XIX веке в отдельных сельских районах практикуются формы «секса ожидания», которые выходят за рамки простого проявления любви. Иногда обычаи позволяют проводить ночи вместе, что не всегда влечет за собой полноценное соитие. На Корсике молодежь сожительствует до брака, в Стране басков возможен пробный брак. Кормилицы Морвана до вступления в законный брак должны доказать свою плодовитость, способную принести доход. 40% вступающих в брак женщин в епархии Арраса беременны; там тоже, как пишет Ив-Мари Илер, невесты должны доказать, что они в состоянии рожать детей.

Общественное мнение весьма толерантно. В 1838–1880 годы 15-17-летняя молодежь по воскресеньям парочками прячется в различных «укромных местах». Позже это стало преследоваться духовенством.

Однако существуют и менее ритуализированные формы: молодые ребята в Жеводане спят на конюшне, со слугами, где есть возможность все увидеть и потерять невинность прямо здесь, в соломе; бойкая служанка, освободившись от объятий взрослого, с удовольствием научит жаждущего «знаний» парня премудростям любви. В этом обществе нравы простые. К младшим сыновьям, отчаявшимся найти жену и насилующим юных пастушек, относятся терпимо; когда это заканчивается драматически, все хранят молчание и полиция оказывается не в силах найти виновного. Холостяцкий секс представляет большую проблему для зарабатывающих себе на жизнь женщин. В этой местности охраняют девственность лишь «наследниц». На забеременевшую девушку смотрят косо. Чтобы развеять слухи, она затягивает пояс, старается не опаздывать на исповедь, демонстративно причащается и стремится скрыть свое состояние, проявляя особое рвение в работе.

Разнообразные модели сожительства

Согласно идее, выдвинутой еще Луи Шевалье и вновь заявленной Эдвардом Шортером, сожительство в городской рабочей среде первой половины XIX века — это новая модель неузаконенных сексуальных отношений. Уставшие от вечного манипулирования молодые мигранты, только что вырвавшиеся из-под контроля деревенского сообщества и малочувствительные к социальному контролю на расстоянии, завязывают бурные внебрачные отношения, в то время как в среднем классе укреплялась жесткая семейная структура.

К несчастью, действительность не очень согласуется с этими внебрачными страстями. Мишель Фрей проанализировал

8588 незарегистрированных браков в Париже времени Июльской монархии. Рабочие составляют лишь две трети от общего числа мужчин, тогда как работницы — девять десятых всех сожительниц. Оставшаяся часть мужчин состояла из ремесленников, мелких лавочников, слуг, поденщиков и торговцев вразнос; доля фабричных рабочих не превышала 10,4%. Почти все женщины были служанками и фабричными или промышленными работницами. Эта асимметрия дает основание предполагать сложности в практике сожительства. Мишель Фрей показывает, что в Париже в 1847 году нет никакой корреляции между плотностью населения рабочих и масштабами сожительства; более того, представляется, что уже в это время рабочие проявляют склонность к браку.

Как бы ни было мало этих исследований, все они призывают к осторожности. Действительно, за термином «сожительство» скрывается множество разных вещей. Речь не идет об отрицании неузаконенных отношений в народной среде; весьма многочисленны ранние союзы, часто повторяющие супружескую модель; узаконивание этих союзов откладывается в связи с расходами, которых потребует брак. Пьер Пьеррар описывает расходы на брак в Лилле: покупка туалетов для жениха и невесты, подготовка приданого, оплата мессы, официальное объявление о браке, свадебный ужин; все это отвратило многих от законного брака. К тому же очень трудно собрать все необходимые документы; тем, кто переехал из другого места, нужно писать огромное количество официальных писем и делать дорогостоящие запросы; до 1850 года местные жители не пользовались бесплатными бюрократическими услугами. 20% лионских ткачей, вступивших в брак в 1844 году, уже сожительствовали со своими партнершами, и многие из них (80%) пошли на брак для узаконивания детей, родившихся в период добрачной связи. «Ясно, — пишет Лаура Штрумингер, — что в соответствии с культурной моделью, принятой в этой среде, сексуальные

отношения и наличие потомства не являлись достаточными основаниями для брака».

В городах население проявляет бóльшую толерантность, нежели на селе; здесь семейный контроль не так силен. В городах значительно спокойнее относятся к тому, что девушка «пользуется своей молодостью»: между сожителем и браком здесь практически нет никакой разницы и речь не идет ни о каком наследстве. Девушка, зарабатывающая себе на жизнь, может даже формулировать свои требования. Все анкетированные наперебой утверждали, что без мужчины в большом городе женщине выжить трудно. Таким образом, сожительница оказывается в зависимом положении. Ей сложно требовать узаконивания этих отношений; при этом неодобрение поведения молодого человека со стороны соседей совсем не так сильно, как в деревне.

Природа сожительства варьируется в зависимости от его продолжительности. В Париже в 1847 году 43% «ложных браков» существовали менее трех лет; их можно рассматривать как пробный брак; в то же время 34% пар сожительствовали более шести лет; такая продолжительность сожительства говорит о том, что партнеры презирали общественные нормы.

К внебрачным связям в рабочей среде, о которых писал Мишель Фрей, добавляется так называемое вынужденное сожительство, к которому имеет отношение чуть ли не треть представителей буржуазии, мелкой и крупной. Они сожительствуют с портнихами, гладильщицами или продавщицами. В отдельных случаях это «секс ожидания». Так обстоят дела во временных союзах студента и гризетки, девушки доступной, простодушной, остроумной, любящей сходить в кабачок, олицетворяющей динамизм, свежесть и искренность предместий; эта простота и подчеркнутая легкость смягчают циничность разрыва отношений, который наступает с окончанием учебы. По мнению Жана Эстеба, анализировавшего молодые годы будущих министров Третьей республики, все студенты вызывают

к импульсивной преданности той, которую называли «студенткой». У каждого студента Политехнической школы есть своя гризетка, которая приходит на вручение диплома; после этого он, как правило, расстается с девушкой, чтобы связаться с кем-нибудь пошикарнее, если у него есть на это деньги, или поддаться чарам какой-нибудь лоретки, возвышение которых вскоре последует за закатом гризеток.

Драконовские порядки гарнизонной жизни, необходимость иметь приданое затрудняет женитьбу офицера. Чтобы вступить в законный брак, офицерам часто приходится ждать выхода в отставку. Если офицер не хочет регулярно посещать бордели, ему позволено сожителство, при условии что связь не будет афишироваться и дама сможет доказать свою благовоспитанность. По мнению Уильяма Сермана, многие офицеры Второй империи прибегали к такому временному выходу из положения. Роман художника с моделью — общеизвестный штамп, и в то же время ни одно исследование не может изучить его в полной мере.

Некоторые такие вынужденные союзы длятся много лет. Для спокойного, солидного холостяка «завести жену» было необходимо. В те времена было трудно и к тому же смешно одинокому мужчине вести домашнее хозяйство: это требовало больших временных затрат и постоянного присутствия в доме. Растапливать и поддерживать огонь в печи, приносить чистую воду и выносить использованную, готовить еду, стирать и содержать в порядке белье — не один холостяк, уставший от еды из дешевых ресторанов, отступил перед этими задачами. В деревнях это вообще считалось недопустимым. В результате хозяева начинают жить со служанками, женщинами добрыми, тихими и умеющими создать уют; трудно сказать, была ли их преданность преданностью супруги или служанки. В деревнях Жеводана сожителство со служанкой решало проблему приданого; в ожидании лучших времен это была единственно возможная форма сожителства.

Не следует путать сожительство с прислугой из соображений экономии средств с «любовью» к молодым служанкам хозяев, жадных до молодого тела. В деревнях это практиковалось очень долго. Многочисленные уголовные дела, связанные с детоубийством, выводят на сцену «хозяина», который, с согласия супруги или даже своей тещи, без колебаний выгонял забеременевшую от него служанку. В Нанте уже в конце XVIII века этот тип зависимых отношений постепенно уступал место новому, более уважаемому, с намеком на какие-то чувства. Супруг теперь предпочитает содержать девицу вне своего дома. К этим выводам, однако, надо отнестись с осторожностью: Мари-Клод Фан изучила другие документы и обнаружила, напротив, рост любовных связей со служанками в ту же самую эпоху.

Как бы там ни было, содержание любовницы быстро стало обычным делом в больших городах во времена Июльской монархии. В романе «Побочная семья» Бальзак анализирует удовольствия и муки этой деликатной ситуации. Частная жизнь развивается, так сказать, на платной основе; буржуа хочет находить в доме у своей любовницы комфорт, налет эротизма. Складывается модель жизни, где разумная содержанка, верная своему любовнику, существует параллельно с надежной и нежной супругой. Обе живут в постоянном ожидании мужчины.

Продажная любовь

От вышеописанных женщин сильно отличаются проститутки и куртизанки. Власти империи, позже монархии создали образ управляемого борделя и *French system*, ставшую моделью для всей Европы. Это был золотой век «районного» дома терпимости. Он выполнял тройную функцию: вводил во «взрослую жизнь» несовершеннолетних, в основном учащихся коллежей (хотя это и было запрещено законом), удовлетворял «инстинкт продолжения рода» холостяков, в основном приехавших

на заработки мигрантов, а также умиротворял неудовлетворенных супругов. Осторожность и сдержанность некоторых девиц, часто принуждаемых к негармоничным союзам, отвращающее влияние исповедника, властная мать, регулярное прекращение половых отношений в связи с менструацией, беременностью, кормлением грудью, менопаузой, разнообразными гинекологическими заболеваниями, необходимость контрацепции — вот причины, приводившие мужчин в бордель. При этом в борделях часто царят дружба и непринужденность в отношениях, что незнакомо отцу семейства, скованного своим положением. Очарование народного «животного начала» и похотливые разговоры, «салон», в котором выставлялась напоказ нагота, прикрытая лишь духами, усиливали желание.

С первых решений канцлера Паскье регламентаристы мечтали о том, чтобы превратить бордель в место, где можно было бы в конфиденциальной обстановке удовлетворить свои с трудом сдерживаемые желания. Настроенные против эротических изощрений, они выступают за быстрое соитие, не ведущее к появлению привязанности. Дом терпимости, в отличие от подпольных притонов, претендует на то, чтобы быть храмом утилитарного секса. Девиц постоянно осматривают врачи из полиции нравов, за ними следит хозяйка заведения; они должны приносить клиенту умиротворение, но не волновать его чувств, чтобы он спокойно возвращался в семью и общество.

На самом деле, система, достигшая высшей точки развития к 1830 году, когда префекту Манжену удалось на несколько недель закрыть парижских проституток в домах терпимости, никогда не будет функционировать без сбоев. Она так и не смогла покончить с подпольной проституцией. Надуманный реализм какого-нибудь Паран-Дюшатле окажется бессильным: притоны, не поддающиеся контролю, продолжают функционировать; уличные проститутки отдаются в канавах и по обочинам дорог за несколько су; солдатские девки слоняются вокруг гарнизонов, буруемые страхом попасться представителям власти.

Между официальными и подпольными борделями существует постоянное движение.

В то же время создается образ женщины из народа, которая ассоциируется с вонью помоек, органических отходов, болезнью, трупом; университетская история еще не до конца определилась с происхождением этого образа. Следует обратить внимание на дионисийские функции этой сети вульгарных удовольствий, которые власти считают порождением ада.

Как известно, бедные содержанки, сумевшие освободиться и ловко воспользовавшиеся своими чарами, смогли сделать головокружительную карьеру. Темные личности, перепродававшие старую одежду, занявшиеся сводничеством, умели направлять деятельность своих протеже и управлять ею. Годы Июльской монархии подготавливали триумф «кокоток», куртизанок следующего поколения; нам мало что известно о предыстории имперского веселья.

Супружеская постель

Остается поговорить о супружеском сексе — вершине мечтаний и страхов повзрослевшей девочки и финальной точке в холостяцкой жизни, которую мы сейчас бегло рассмотрели. Современники мало говорили о супружеской постели — может быть, от осознания ее святости, а может быть, не считали достаточно интересным то, что там происходило. Демографы подсчитали ритм плодовитости, но эти данные никак не соотносятся с гедонистической практикой. Остаются диатрибы духовенства, в то время весьма расплывчатые, и нормативный дискурс врачей, дающий больше информации. Внимательное изучение целого комплекса источников показывает следующее. Прежде всего — важность женской инициации в первую брачную ночь; это значимо для всего века. Новобрачной навязывается образ стыдливости, страха и полнейшей неосведомленности, о чем говорят все медики. Частично для того, чтобы это событие

произошло вне семейного круга, получили широкое распространение свадебные путешествия. Все может пройти достаточно брутально, по крайней мере свидетели это повторяют; дело в том, что супруги ждут этой ночи, чтобы открыться друг другу. В 1905 году доктор Форель* отмечает, что нравы, царящие в среде его пациентов, не позволяют жениху и невесте говорить о том, чего они хотят друг от друга в постели.

Начиная с этого момента супруг должен стараться доставить удовольствие своей молодой жене. Всякая женщина, даже если она об этом не знает, может стать очень сладострастной; только умеренный секс позволит ей избежать мук нимфомании или, как тогда выражались, «истощения нервной системы». К счастью, полагали в то время, желание женщины нужно спровоцировать. Таким образом, по мнению медиков, на муже лежит тяжкое бремя ответственности. Понятно волнение молодого мужа, супруга которого оказывается чересчур знающей. Юная мадам Лафарж, вышедшая замуж в 1839 году, была изнасилована в каком-то провинциальном отеле. Полвека спустя Зелия Герен, мать святой Терезы, в ходе брачной ночи испытала настоящий шок.

Врачи бесконечно обсуждают опасности мужского истощения. В полном соответствии с ментальностью правящего класса они превозносят идею строго размеренного расходования спермы. Супружеский секс также может привести мужчину к потере сил. Отсюда — целая серия советов, как вести себя в зависимости от возраста. Подобная литература, черпающая сведения в старых книгах Линьяка и Никола Венетта**, указывает, как часто следует заниматься сексом, однако неизвестно, соблюдались ли эти рекомендации. Все врачи едины во мнении относительно старческого секса: для женщины после менопаузы,

* Огюст Форель (1848–1931) — выдающийся швейцарский невропатолог, психиатр, исследователь и практик гипноза.

** Жозеф Адриен Ле Ларж, аббат Линьяк из Пуатье (ум. 1762) — философ-картезианец. Никола Венетт — французский врач XVI века.

как и для бесплодной женщины, секс бесполезен. Мужчине следует с недоверием относиться к их ненасытности, которую никакая надежда на беременность уже не сможет успокоить. Многие врачи рассматривают пятидесятилетний возраст как критический для мужской сексуальной активности; секс в более позднем возрасте может привести к смерти.

Половой акт должен привести к беременности, отсюда — забота об энергичности соития. Медицинская мысль, далекая от того, чтобы восторгаться изысканностью и продолжительностью ласк, ассоциирует качество акта с мужской горячностью и скоростью; таким образом, врачи игнорируют проблему, возникающую в связи с преждевременной эякуляцией. Однако частота произвольных семяизвержений, о чем постоянно шла речь, наводит на мысль, что это очень неприятное для женщин явление было весьма распространенным. Так или иначе, очевидно, что супружеский секс на протяжении всего XIX века был быстрым и кратким; это заставляет думать, что одновременный оргазм был большой редкостью. В 1905 году Форель подчеркивает исключительную редкость этого явления среди своей клиентуры.

Однако следует избегать анахронизма. Постановка вопроса здесь иная: удовольствию партнера уделяется мало внимания. В конце Июльской монархии открытие механизма овуляции доказало, что женщина — не просто «сосуд», как думал Аристотель. Как и предполагал Гален, она активно участвует в зачатии. Однако, вопреки мнению греческого врача, для успешного зачатия женщине необязательно получать удовольствие. Осознание факта, что овуляция произойдет вне зависимости от того, испытала женщина оргазм или нет, провоцирует эгоизм мужчины. Начинается период враждебного отношения к женскому оргазму и бесполезному клитору. Тем не менее отметим, что это же открытие в некотором роде освободило женщин, которые, до того убежденные в том, что наслаждение — необходимое условие зачатия, старались не допустить его из боязни забеременеть. Даже в самом конце века

многие женщины, никогда не испытывавшие оргазма, будут отказываться признавать себя беременными. Все это доказывает пропасть, разделяющую науку и ежедневную практику.

Культ девственности, романтического ангелизма и религиозный восторг, вызываемый стыдливостью, провоцируют у набожного буржуа желание превратить спальню и супружеское ложе в святилище, алтарь, на котором совершается священный акт продолжения рода. Молодой Огюст Вакеи поставил в спальне своей Леопольдины церковную скамью; соседство кровати, распятия и мебели для молитвы часто подчеркивает религиозность места. Стыдливость предписывает заниматься любовью в темноте, вдали от зеркал; врачи советуют использовать так называемую миссионерскую позу; как и теологи, медики рекомендуют позы, благоприятствующие зачатию.

В какой мере сладострастие, которое супруг познал на стороне, доходит до супружеской постели? До какой степени может быть отважен мужчина и откровенна в своих желаниях женщина, чтобы это не шокировало партнера и не вызвало у него презрения и отвращения? Что они могут себе позволить без риска болезни или осуждения? Литературные источники ничего не рассказывают об этом: судебные процессы по поводу раздельного проживания не содержат никаких упоминаний о сексуальной неудовлетворенности, если только она не прячется за терминами «насилие» и «оскорбление». И лишь в самом конце века женщины отважатся публично признаться, что они отказываются практиковать оральный секс.

Опасность анахронизма

Секс, в настоящее время главная составляющая любого союза, в XIX веке был лишь фоном супружеской жизни. Аделина Домар показала, как прочны были в Париже того времени браки по расчету. Огромное количество дарственных между живыми супругами и распоряжений в завещаниях в пользу

одного из супругов доказывает существование настоящей нежности. В этой среде бездетные супруги редко оставляют друг друга ни с чем в случае смерти, давая наследство своим родственникам. Изучение завещаний со всей очевидностью доказывает привязанность, о которой говорит и крайне редкое раздельное проживание супругов.

О супружеском сексе крестьян известно мало. Не будем, однако, утверждать, что в этой среде отсутствовала близость и царил разнузданность нравов. Здесь очень часто любовный акт совершается не в спальне. Сексуальные потребности можно удовлетворить в любой момент где угодно — на чердаке, на сеновале, в роще. Тогда крестьяне не носили нижнего белья, не знали личной гигиены, им не мешали никакие буржуазные предрассудки. Однако, как советует Мартина Сегален, не стоит недооценивать нежность супругов. Тяжелый совместный труд, решение задач сообща, воспитание детей — все это создавало между супругами тесные и прочные связи. Джеймс Ленинг отмечает, что среди крестьян Марля, небольшой коммуны на Луаре, заключаются брачные контракты на совместное владение имуществом и оформляются дарственные между супругами.

Пришествие секса

Примерно с 1860-х начинается современная история секса. В традиционной культуре слышен глухой рокот; эротическое воображение меняется. Запертый в частном мире буржуа начинает страдать от своей морали. Образ народного секса, диковатого и свободного, усиливает желание бегства; проституция приобретает новые привлекательные черты. Золя интерпретирует эти страдания; в шокирующем монологе директора Энбо, жадно подсматривающего за любовными утехами шахтеров, сквозит это болезненное желание. Он «с радостью согласился бы голодать так же, как они, если бы

мог заново начать жизнь с какой-нибудь женщиной, которая отдавалась бы ему на куче щебня со всею силой страсти, всем своим существом»*.

Перемены в эротическом воображении

Романтический любовный код рушится. Вместе с ним у женщины исчезает волнение, связанное с чем-то запретным; соблазнение становится делом банальным. Фигура Дон Жуана деградирует и становится пассивной. «Милому другу» больше не надо скрывать свои порывы. Страсть все чаще уступает перед боязнью «неприятностей». Одновременно с этим растет страх перед женщиной. Буквально на завтра после падения Парижской коммуны почтенные граждане, испуганные тем, что преграды на пути женской сексуальности рушатся, стали совершать попытки установить моральный порядок, но это им не удалось. Ужас перед наступлением народа подпитывал сексуальную тревожность. Тема проституции захватила литературу. Максим Дюкан изобличает нарастающую порочность общества, которую Золя иллюстрирует, создавая образ Нана. Женщин-соблазнительниц становится все больше, это начинает беспокоить многих. Забыв том, что нужно устремлять глаза к небу, о полупрозрачных туалетах, слезах, вздохах и робких страстных признаниях, женщина открыто провоцирует желание; она душит тяжелыми мускусными духами. Дамы полусвета — яркий пример этого; вскоре соблазнительница, окруженная лианами и экзотическими растениями, захочет стать священной принцессой из слоновой кости.

Параллельно с этим зарождается *scientia sexualis*, которая вносит новизну в тактику спора. Первое поколение сексологов — от Молля до Хиршфельда, от Фере до Бине, от Крафт-Эбинга до Фореля — фрагментирует эротическое поле,

* «Жерминаль» (пер. Н. Немчиновой).

кодифицирует перверсии, табуирует с точки зрения патологии то, что раньше осуждалось лишь с моральной точки зрения. Таким образом подготавливается царство секса. Домашний мир, наполненный эротизмом, становится эпицентром назревающих подземных толчков.

Изоэренность юношеского флирта

В буржуазной среде конца века юношеский флирт модифицирует «секс ожидания», подготавливает грядущее потрясение. Этот поведенческий комплекс, на протяжении века характеризовавший взаимоотношения совсем молодых людей на Западе, не был темой ни одного исследования. Вместо того чтобы снова и снова возвращаться к литературному образу Мод де Рувр, «полудеве» Марселя Прево, предоставим специалисту, Огюсту Форелю, дать описание этой новой практики. Флирт заимствует у кода романтической любви необходимость первоначальной *дистанции*. Наш сексолог отводит большую роль взглядам, которые предваряют встречу. «Ласки глазами» открывают размеченный со знанием дела путь. Незаметные соприкосновения одежды, затем кожи, пожатия рук — вот начало. Затем начинают касаться друг друга колени — под столом за обедом или в вагоне поезда. Начинаются «любовные игры» — поцелуи, ласки, «лапанье». По мнению Фореля, если подойти к делу «с умом», то можно достичь «оргазма без соития». Многие молодые люди остерегаются «выдать себя словами»; «немой разговор» флирта сообщает о желаниях.

Новой любовной игре есть где развернуться: воды, курорты, казино, высококлассные отели. Флирт примиряет девственность и стыдливость с пробуждающимся желанием. Женщина позволяет лишь догадываться о своей чувственности и всячески избегает того, чтобы выдать себя полностью. Кроме того, новый эротизм требует деликатности, изысканности,

усложненности чувств. Грациозный и прелестный флирт дает возможность проявить интеллектуальные и артистические способности. Именно ему подчиняется ритуал помолвки. Для некоторых «безумцев», мужчин и женщин, такие отношения заменяют одновременно любовь и секс. Флирт отныне — это переходное поведение: девушка уже не совсем наивна и несведуща, но еще и не полностью раскрепостилась; она может удовлетворить свое желание и испытать удовольствие, в чем открыто признаться еще не решается.

Статус флирта будет долго обсуждаться. Жан-Луи Фландрен полагал, и это стало авторитетным мнением, что нескончаемые молчаливые ласки где-нибудь в укромном месте или под зонтиком отошли в прошлое. С ним спорит Эдвард Шортер, убежденный, что речь идет о новом типе поведения. Отметим все же, что «обжимания», рассматриваемые в 1900 году доктором Бодуэном и неким вандейским священником начиная с 1880-х годов как традиционный стиль поведения, выдержали влияние поведения господствующих классов. Фландрен утверждает, что ничего подобного не было тогда у буржуазии. Не следует недооценивать взаимопроникновения культурных моделей из среды в среду. Так, отмечает Форель, начиная с 1905 года приемы буржуазного флирта быстро проникают в народную среду. По его мнению, речь идет о грубоватой и неловкой имитации действий элиты. Деревенские «обжимания» приобрели новые свойства, навеянные моделью поведения высшего общества.

Эротизация супружеской жизни

Практика флирта меняет супружеский секс. Само собой разумеется, что «полудевы» и наивные девушки эпохи Июльской монархии ведут себя в постели по-разному. Женщине больше не запрещено получать удовольствие. В последней четверти века появляется новый тип пары, отношения в которой более

дружеские, которую больше не разделяют барьеры знания и не смущают вмешательства исповедника. Образ новой пары создан пророками нового республиканского режима, теми, кто вместе с Камилем Се дал девочкам доступ к среднему образованию. Супруги начали нежно обращаться друг к другу, и молодые женщины не таясь наслаждались завуалированным эротизмом модных романов.

Между более информированной девушкой и проявляющим большую заботу об удовольствии партнерши молодым человеком завязываются теплые доверительные отношения, а эгоизм сменяется обоюдным наслаждением. На это настаивают некоторые моралисты и воспитатели. В 1903 году угроза венерических заболеваний подвигла доктора Бюрлюро на написание брошюры по половому воспитанию девушек. При поддержке воспитательниц и добропорядочных матерей семейств идею подхватило Общество санитарной и моральной профилактики. На Луи Лиара, руководителя парижского образования, оказывается давление; он тем не менее не осмеливается официально ввести курс полового воспитания в государственные школы для девочек из опасений ополчить против себя своих противников.

Уже в 1878 году доктор Дартиг опубликовал работу «Об экспериментах в любви, или Причины супружеской неверности женщин в XIX веке», защищающую право женщины на оргазм. Автор видит в нем лучшее средство против измен. Доктор Монтальбан и многие его собратья рекомендуют супругу в первую очередь проявлять нежность и терпение и тоже придают большую важность женскому сексуальному удовлетворению. Скорее всего, речь идет о поведении меньшинства, но оно согласуется с прогрессом в области контрацепции. Использование современных методов контрацепции доказывает поворот к эротическому сексу, целью которого является в первую очередь наслаждение, а не продолжение рода.

Удовольствие без риска

Врачи начали выступать резко против «супружеского онанизма» в конце 1850-х годов. В 1857 году доктор Бержере составил список приемов, которые он рекомендовал своей клиентуре в Арбуа. Самой распространенной техникой предупреждения беременности был прерванный половой акт. Самоконтроль, которого это требует, созвучен моральной автономии, которую вскоре будут превозносить неокантианцы, вдохновители республиканской школы. Однако Бержере был настроен резко отрицательно к взаимной мастурбации, расцениваемой им как «недостойное занятие», оральному и даже более распространенному, если верить доктору Фио, анальному сексу. Самые богатые люди использовали презервативы, а рабочие по-прежнему были уверены в том, что секс в вертикальном положении предупреждает риск беременности.

В конце века начинает разворачиваться неомальтузианская пропаганда. Побуждаемая Полем Робеном и Эженом Умбером «Лига возрождения человечества» (1896), а потом группа, опубликовавшая манифест «Сознательное поколение» (1908), призывают к «забастовке чрева». Усилия неомальтузианцев не пропадают даром и доходят до рабочего класса. Пропаганда затрагивает рабочих Севера; Жерар Жакме отмечает, что она разворачивалась и в XX округе Парижа; местные власти отмечали, что народ буквально завален информацией о противозачаточных средствах. Брошюры и листовки рекомендуют механические методы, менее неприятные и более надежные, чем прерванный половой акт. Пациенткам доктора Фореля они хорошо известны. Некоторые из них применяют спринцевания теплой водой с небольшим количеством уксуса; другие вводят глубоко во влагалище губки, смоченные в дезинфицирующем растворе. Более прогрессивными считались маточные кольца с мембраной из каучука. Этим средством по совету врача решила воспользоваться Марта. Получают распространение английские презервативы из тонкого каучука, которые стоят

дешевле, чем кондомы из кишок животных, которые, к тому же, требуют более осторожного обращения. Коротко говоря, контрацепция развивается параллельно с интимной гигиеной. «Английская канюля» составляет компанию биде.

Начиная с 1882 года антисептика позволяет проводить овариоэктомию — удаление яичников. В больнице Сен-Луи доктор Пеан с января 1888 года по июль 1891-го сделал 777 таких операций. Его пациентки — проститюдинки. В 1897 году доктор Этьен Кан обнародовал шокирующие цифры: от тридцати до сорока тысяч парижанок были «кастрированы» таким образом. Золя обличает это явление в романе «Плодовитость», называя его «огромным супружеским мошенничеством». Но существовала и еще более чудовищная хирургия, оценить губительные последствия которой не представляется возможным. Некоторые женщины соглашались на так называемую операцию Болдуина Мари — создание искусственной вагины.

В то время предохраняться от нежелательной беременности означало отрицать требования церкви и большинства врачей, полагавших, что «супружеское мошенничество» влечет за собой разнообразные женские болезни: «чудовищные кровотечения» (Бержере), боли в животе, исхудание, «нервное истощение». Все эти напасти подстерегают женщину, которая не получает достаточного количества спермы, не беременеет и в связи с этим не находит умиротворения.

Эту убежденность разделяет и значительная часть клиентуры врачей. Семья Марты обеспокоена тем, что она переутомлена удовольствиями, которые доставляет ей муж. Когда мать обнаружила, что беременности нет и не будет и успокоить бурный женский темперамент нечем, она стала опасаться за рассудок и жизнь дочери. В то же время семья ее супруга полагала, что молодая женщина изнуряет мужа.

Один момент остается невыясненным: как распространялась практика использования контрацептивов? В самом

деле, неомальтузианская пропаганда затрагивает не все круги общества, а «супружеское мошенничество» распространяется массово — это доказывает опрос, проведенный в 1911 году доктором Жаком Бертильоном. Отметим здесь, что посещение протитутков, традиционно использующих спринцевание, укрепило представления о чисто эротическом поведении.

Если прерывание полового акта было распространенной практикой в крестьянской среде, то для рабочего плодovitость супруги является предметом гордости и доказательством его мужественности. Это чувство, как и мужские легкомыслие и небрежность, тормозит контрацепцию. Начиная с 1880-х, когда риск инфекции снизился, возникло явление, которое Ангус Макларен назвал «домашним феминизмом». Женщины проявляют солидарность друг с другом — мать с дочерью, повитуха, делающая подпольные аборты, с клиенткой; это помогает регулировать размеры семьи. Менее ловко управляющиеся с механическими контрацептивами, чем дамы из буржуазного общества, менее отважные, чтобы требовать от мужей прерывать половой акт, женщины из рабочей среды начали массово делать аборты. Когда никакие упражнения, никакие настои, отвары и спринцевания не помогают, они прибегают к услугам разных «бабок», которых становится все больше в городах. Многих женщин после их вмешательства приходилось отправлять в больницы.

Значительный рост числа абортов перед I Мировой войной можно объяснить воцарившейся вседозволенностью. По мнению экспертов, ежегодно прерывалось от ста до четырехсот тысяч беременностей. В начале XIX века к этой процедуре вынуждены были прибегать незамужние соблазненные и покинутые девицы или изнасилованные вдовы. Век спустя основную клиентуру абортариев составляют замужние женщины. Этот отчаянный поступок становится банальностью, а женщины все больше чувствуют себя хозяйками собственного тела.

Любовь со служанкой

В буржуазном доме, обитатели которого в это время робко познают радости жизни, — новый расцвет любви со служанкой. Наличие горничной стало показателем социального статуса: каждая мелкобуржуазная дама должна иметь свою служанку. В квартирах, где зачастую места едва хватало на семью хозяев, поселяется еще и юная крестьянка. Ее появление в доселе мирном частном мире становится постоянным искушением для хозяина. Когда же «османизация», продолжавшаяся в годы Третьей республики, переселила прислугу в мансарды, мужчине ничего не стоило подняться туда по черной лестнице. Утешить «мсье», дать ему возможность излить чувства на ее груди может быть для служанки веселой мезьей слишком строгой хозяйке. Буржуазия нового поколения, воспитанная кормилицей и няней, привыкла прибегать к помощи женщин из народа, когда надо решить какие-то телесные проблемы, например просветить подростковую девочку о том, что с ней происходит. Бонна обслуживает либидо буржуазии. Психологи наверняка могли бы многое рассказать о таком фетише, как фартук. Этот предмет одежды символизирует одновременно интимность частной сферы и доступность женского тела. В некоторых случаях хозяйка дома принимает условия игры и соглашается на брак втроем. Больная, фригидная или брошенная, таким образом она может контролировать мужа или даже сына. Отношения со служанкой позволяют не проматывать состояние и не вредить здоровью — в общем, избегать «неприятностей».

Романисты сплошь и рядом описывают такие «проказы» со служанками — тут и Золя, и Мопассан, и Мирбо. Литература, может быть, даже преувеличивает одержимость мужчин доступными и неприхотливыми женщинами из народа, поэтому не всегда стоит ей доверять.

Здесь следует упомянуть и значительное количество хозяев предприятий и, особенно, мастеров на производстве, которые

злоупотребляют своим положением, чтобы соблазнить молодых работниц. Общественные активисты, в частности анархосиндикалисты, беспрестанно выражают возмущение новым «правом первой ночи». Эта практика, по их мнению, способствует подрыву нравственности рабочих. Мы знаем, что речь идет не просто о фантазиях. В Лиможе в 1905 году началась настоящая охота на «сатиров». Это вызвало большие волнения в столице фарфора.

Супружеская неверность с точки зрения закона

Эротизация супруги влечет за собой появление страха адюльтера. С точки зрения закона положение супругов в этом вопросе очень разное. Мужа нельзя призвать к суду за неверность; это возможно только в том случае, если он содержит любовницу под крышей супружеского дома. Такое поведение можно рассматривать как бигамию, которая ставит под угрозу существование семьи. Только в этих обстоятельствах супруга имеет право подать жалобу, и мужу могут присудить большой штраф. Кроме того, женщина может возбудить процесс по поводу раздельного проживания, особенно если адюльтер мужа сопровождается скандалами и серьезными оскорблениями. Начиная с 1884 года супруга может требовать развода. Зато супружеская неверность женщины повсеместно считается преступлением. Неверная жена рискует получить два года тюрьмы. После вынесения приговора муж имеет право отменить наказание и позволить виновной вернуться в семью. Это настоящее право помилования. Любовник изменщицы также рисковал быть осужденным; это доказывает тот факт, что речь шла не о систематическом потворствовании мужчинам со стороны законодателей, но прежде всего — о сохранении семьи. Как бы там ни было, эти положения были «полуподстрекательством к мужским изменам». Также в случае вынесения решения о раздельном проживании женщина обязана

была продолжать хранить верность супругу, тогда как ему позволялось все что угодно, потому что супружеского дома как такового больше нет.

Для оправдания такой асимметрии юристы используют два главных аргумента: женщина, находящаяся в зависимом положении, не имеет права следить за мужем, который априори прав; к тому же лишь измена женщины может повлечь за собой попадание семейного достояния в руки чужих детей.

На самом деле юриспруденция пытается сгладить эти различия. Женщине последовательно предоставляется возможность судебного преследования мужа, если он не скрывает свою неверность или если ведет себя оскорбительно (1828), если он бросает семью (1843), если не соглашается на совместное проживание (1848) и даже если отказывается от выполнения супружеского долга (1869). Анжа-Мария Зон отмечает, что в интервале между 1890 и 1914 годами супружеская измена женщины наказывается не более сурово, чем неверность мужчины. С этой точки зрения юридическое неравенство мужчин и женщин становится лишь теоретическим. Вдобавок чиновники больше не придают важности тому, что отныне считается незначительным преступлением.

Отметим, что между 1816 и 1844 годами измена рассматривается лишь как второстепенная причина в судебных делах по вопросу о раздельном проживании; эта процедура главным образом дает женщине возможность не подвергаться побоям, отношение к которым с течением времени становится все менее терпимым. Начиная с 1884 года основными причинами, по которым женщины подают на развод, становятся плохое обращение мужей и нехватка денег.

Распространению такого явления, как супружеская неверность, в частности в мелкобуржуазной среде, способствует множество факторов. Ослабление, пусть запоздалое, контроля за выросшей девочкой, относительное распространение интимной гигиены, купания, занятие теннисом, катание

на велосипеде, привычка к ласкам понемногу смягчают запреты, давившие на созерцание собственного тела и на приобретение эротических навыков. Новые супружеские отношения, основанные на страсти, распространение контрацепции, даже отстаивание женщинами права на получение удовольствия, о чем пишет Мадлен Пелетье, уничтожают модель добродетельной супруги. Банализация мужских приемов соблазнения, снисходительность судов, страх венерических заболеваний заставляют мужчин интересоваться замужними женщинами, лучше информированными и более чувственными, чем до брака.

Желания замужней женщины

Османовская урбанизация позволила приличной женщине выходить из дома и осваивать центр больших городов; начиная с 1880-х годов она может сидеть на террасах кафе в лучах газового, позже электрического света. Поводов для встреч и мест для свиданий становится все больше. Посещение универсального магазина — удобный предлог отлучиться из дома; даже занятия благотворительностью могут быть полезными в этом плане. В 1897 году множество мужей с удивлением и радостью вновь обретут своих жен, которых считали погибшими во время пожара на Благотворительном базаре*. Разносятся слухи. Фиакры и целая сеть домов свиданий делают возможными тайные объятия. Перерывы в супружеской жизни становятся дольше и разнообразнее; поездки по железной дороге, выезды на курорты женщин без сопровождения мужей, массовые паломничества, даже однодневные увеселительные поездки на поездках способствуют разным приключениям.

* Благотворительный базар проводился в Париже ежегодно с 1885 года. Пожар 1897 года унес жизни 126 человек, в основном женщин-аристократок. — *Примеч. ред.*

Адюльтер — излюбленная тема вечерних разговоров. В высших политических кругах, отмечает Жан Эстеб, считается нормой иметь любовницу; «светские романы вызывают оценивающие отклики». Романы, водевили настраивают на измены. Адюльтеры — постоянная тема произведений Александра Дюма-сына, Фейдо, Бека и Батая. Брак втроем функционирует весьма эффективно, с буржуазным здравым смыслом. Он позволяет удовлетворить желания, а завеса тайны добавляет остроты в отношения. Он дает возможность не испортить здоровье и репутацию. Отметим все же, что водевильные сюжеты не напрямую внушают стиль поведения; своим юмором они смягчают нарастающую смутную тревогу. Смех в театре на легкой пьесе Фейдо, куда человек приходит рука об руку с женой, развеивает угрозу порока, способного разрушить семью.

Узкие эмансипированные круги начинают критиковать брачные институты и превозносить свободные союзы; в 1907 году Леон Блум высказывается за добрачный опыт; спустя пятнадцать лет Жорж Анкетиль посвящает толстые и весьма убедительные книги фигурам любовницы и любовника.

Несмотря на все сказанное, не следует переоценивать размах такого явления, как адюльтер. Многие слои общества сторонятся этой новации. В буржуазных представлениях по-прежнему доминирует образ добродетельной женщины. Большое внимание к материнскому долгу, провоцируемое немецкой угрозой, говорит о появлении беспокойства в обществе и способствует укреплению нравственности. Бонни Смит провела подробное исследование поведения жен хозяев промышленных предприятий Севера. Все эти дамы были добродетельны и деятельны. В 1890–1914 годах разные лиги борьбы за нравственность, высоко оцениваемые сенатором Беранже и деятелями протестантской церкви, вели отчаянную борьбу с непристойной литературой, распущенностью на улицах и деморализацией военных. Эффективность этой борьбы возросла непосредственно перед I Мировой войной, когда поднялась волна национализма. Во многих

кругах супружеские измены категорически осуждаются. Легкомысленная супруга стала помехой для чиновничьей карьеры. Слухи и анонимные обсуждения подстерегают чиновников: от их семей ожидают большей сдержанности.

Два образа любовницы

Во времена Прекрасной эпохи существуют два типа сожительства — таков предварительный вывод Анны-Марии Зон. Первый тип — асимметричное сожительство: более чем в половине случаев воспроизводится старинная модель, в которой буржуа, чаще всего вдовец или холостяк, берет в любовницы гризетку. Любовница супрефекта Форкалькье* — молодая портниха. Замужняя женщина, как правило, выбирает в любовники человека своего круга и одного с ней возраста. Анализ юридических архивов показывает, что женщина, которая ловко обманывает мужа с единственным любовником, не испытывает никаких угрызений совести. Эта связь в ее представлении — следствие неудачного брака. Иногда она видит в ней ответ на измену или сифилис мужа. Коротко говоря, представляется, что в сердцах людей зреет неудовлетворенность законным браком. Споры, разгорающиеся вокруг невозможности отчуждения имущества, входящего в состав приданого, также говорят о пересмотре брачных имущественных отношений. Так или иначе, в литературе говорится о том, что в таких случаях раскаиваться приходится матери, а не супруге.

В разных кругах женская неверность обнаруживается разными путями. В буржуазной среде тайное становится явным из-за неосторожных писем. Мужчина обычно болезненно переживает это. Чтобы защитить свое тщеславие и оправдать поведение супруги, он иногда ссылается на ее душевную болезнь. Мужчины из простонародья, наоборот, с трудом

* Форкалькье — город и коммуна на юге Франции.

переносят, когда над ними смеются, и не могут противостоять искушению насилия, особенно на юге. В основном здесь обманутые мужья идут на преступление. В Бельвиле причиной очень многих уголовных дел оказываются оскорбления или намеки, наводящие тень на нравственность женщин. По вечерам, напившись, обманутые мужья оглашают окрестности криками «шлюха!» или того хуже. Все соседи оказываются в курсе происходящего.

Обнаружение супружеской неверности женщины, о какой бы среде ни шла речь, всегда задевает чувства. Так же обстоят дела и в случае развода, который легче переживают жены, чем мужья. Мужья болезненно относятся к тому, что жены могут обрести сексуальную свободу, в результате чего проявляют насилие. Свободные эмансипированные девицы иногда реагируют бурно, когда их бросают. Женщина, долгое время прожившая с вдовцом или холостяком, плохо переносит разрыв отношений, после которого она остается один на один с осуждающим общественным мнением. Оправданием этих любовниц, которые долгое время бравировали слухами, является страсть. Это бывает настоящей проблемой для любовника — до такой степени бурной может быть реакция его партнерши. Некоторые покинутые женщины устраивают публичные скандалы, другие пишут мстительные письма, третьи обливают бывших любовников кислотой.

Иногда неверный возлюбленный пытается освободиться от ставшей обузой подруги при помощи прощального подарка. Суровый Жюль Ферри отправляет своего брата Шарля улаживать дела с хорошенькой блондинкой с улицы Сен-Жорж. В других случаях измученный мсье может сообщить о своих отношениях властям. Иногда мужчине кажется, что он должен убить свою бывшую любовницу. Общественное мнение в таких случаях бывает на стороне мужчины; на брошенных любовниц смотрят косо. Понятно, что, женившись, бывшие любовники эмансипированных девиц предпочитают более тихие радости.

Иллюзии продажной любви

Изменения в супружеском сексе влекут за собой и перемены в деле продажной любви. Узаконенные публичные дома постепенно сходят на нет. Излитие спермы вызывает отвращение. Многим клиентам кажется унижительным и даже отвратительным вульгарное выставление напоказ обнаженного тела и покорность девиц. Для районного борделя наступают тяжелые времена — за исключением глубокой провинции, где эволюция запаздывает в связи с косностью традиционного мышления. Кроме того, начинается ожесточенная кампания аболиционистов, поддерживаемых левыми радикалами, против легальной проституции. Чтобы выжить в новых условиях, легальному борделю нужно удовлетворять возросшие требования клиентов. В 1872 году старинные обитательницы Шато-Гонтье с возмущением говорили, что теперь девицы соглашаются на оральный секс, ранее запрещенный в домах терпимости.

Парижские бордели идут в ногу со временем. Опыняющие ароматы, роскошный декор, блеск зеркал, избыток ковров, электричество — все это обновляет тактику соблазна. В гротах Калипсо или садистских монастырях «нимфы» или «монахини» оттачивают свое мастерство. Глаза зрителей услаждают живые картины, представляемые в отдельных кабинетах, далеких предках кабин *life-show*. Некоторые бордели специализируются на чем-то конкретном. Требуются новые формы продажной любви. На каждое «извращение» есть теперь свои специалисты и свои ниши.

Параллельно распространяются новые формы проституции, лучше согласующиеся с новыми желаниями. Уже при Июльской монархии танцовщицы из Оперы проявляли благосклонность к солидным господам, которые соглашались их содержать. Гораздо более раскрепощенные кокетки имперских времен требовали галантного обращения. В дальнейшем стиль отношений демократизировался. Представители мелкой буржуазии мечтали об аристократическом разврате. Кафешантаны и кабаки

предоставляли им это. Здесь промышляли бедные артистки, вынужденные отдаваться господам на танцульках, в отдельных кабинетах, которых развелось великое множество. Буфетчицы из пивных в Латинском квартале предлагают студентам иллюзию любви и немного отсрочивают закат эры гризеток.

Надо сказать, что лучше всего новым формам утоления страсти отвечали подпольные или, по крайней мере, не очень заметные дома свиданий; префект Лепин даже решает относиться к ним терпимо, чтобы иметь возможность контролировать. Дом свиданий, который содержит респектабельного вида дама, как правило, занимает лучший этаж красивого дома. Открыт только днем. Знакомство происходит в гостиной, обставленной хорошей мебелью. Женщина приходит в шляпе, в одежде приличной буржуазной дамы. Она соглашается на то, чтобы долго «резвиться» в комнате, по виду напоминающей супружескую спальню. Разумеется, в конце ее ждет подарок. Приличные мужчины, завсегдатаи домов свиданий, ищут именно любви за деньги; они хотят секса с чужой женой, чего при других обстоятельствах им бы не удалось добиться. Дом свиданий дает им иллюзию светского соблазнения. Хозяйка заведения полагает, чаще всего ошибочно, что женщины, которые посещают ее салон, — это респектабельные жены, бедные светские «львицы» или сексуально неудовлетворенные женщины. Очень многие провинциальные рантье, приезжающие в большие города, охотно приходят в этот «театр теней». В любом случае бегство после неудачи — это ужасное бегство, мысль о котором преследует Гюисманса и Мопассана, — будет менее унижительным, чем бегство из борделя.

Потребность оставлять за собой хотя бы подобие чувства и возможность наслаждения спускается с вершины социальной пирамиды к ее подножию. С 1880 года либерализация розничной торговли алкогольными напитками в кабаках и кафешантанах делает менее унижительной всю ситуацию как для клиента, так и для девицы — по сравнению с борделем. С этого

же времени распространяется так называемая подпольная проституция. Уличная девица становится обычным явлением, растворяется в толпе, фланирующей по бульварам; оправдываются хитрости и уловки, особенно когда речь идет об одурачивании простачков, думающих, что они покорили сердце красавицы.

Очевидна важность пятидесяти прекрасных лет — от Второй империи до I Мировой войны. В паре мужчины и женщины медленно происходят изменения, новая сексуальная этика готова ворваться в жизнь общества. Не следует обманываться образом викторианской морали, бескомпромиссной и монолитной. Эти полвека, которые Эдвард Шортер рассматривает просто как переходную фазу от одной сексуальной революции к другой, мне кажутся в целом более новаторскими, чем долгий период, который тянется от эпохи Консульства до середины Второй империи.

Потрясения, происходящие в этот период в обществе, меняют облик частной жизни; они многим обязаны процессу имитации. Стиль поведения аристократии, затем буржуазии переходит «в народ». Разумеется, «народный секс» привлекателен; разумеется, низы общества обретают известную эротическую свободу, в частности во времена Июльской монархии. Однако это поведение не получило широкого распространения. Во Франции современные формы либерализации нравов, то, что Эдвард Шортер называет второй сексуальной революцией, сформировались в недрах господствующих классов. Авторы водевилей, леворадикальные политики, некоторые буржуазные феминистки, неомальтузианцы, теоретики свободной любви и особенно ученые, благодаря деятельности которых сложилась сексология как наука, — все они оказали больше содействия проявлению современной чувственности, чем смутные блуждающие союзы приехавших в Париж при Луи-Филиппе. Как отмечает Бронислав Бачко, сожителство людей из народа во времена Июльской монархии не соответствовало браку; современное сожителство чаще всего позиционируется вне этой институции.

КРИК И ШЕПОТ

Симптомы индивидуальных страданий

Новые источники тревоги

Углубление индивидуализации дает новые поводы для глубоко личных страданий. У людей изменяется представление о себе самих, что вызывает их неудовлетворенность. Происхождение понемногу перестает быть определяющим критерием принадлежности к тому или иному социальному слою, и каждый должен сам определить и обозначить свое положение. Социальная мобильность, размах которой, конечно же, не стоит преувеличивать, неполнота, нечеткость, ненадежность соподчиненности, как и сложность знаков, указывающих на ранг, лишь спутывают перспективы, провоцируют нерешительность, смятение, беспокойство. Усилия, приложенные каждым индивидом для создания собственной личности, зависимость от чужого мнения ведут к неудовлетворенности и недовольству собой, к чувству собственной неполноценности. Мы видели, как сильно страдали авторы дневников от этой мучительной внутренней недооценки. Социальная неразбериха, какой не было при Старом порядке, усиливает страх потерпеть поражение. Состязательный характер жизни ведет к переутомлению и усталости, усиливает беспокойство о работе. У человека, который с детства постоянно сдавал какие-то экзамены, растет страх неудачи; вечная необходимость приспособливаться, страх быть покинутым порождают боязнь жизни. Такие чувства вызывают паралич воли и, в более общем плане, болезнь века, описанную Мюссе.

Уверенности в себе не способствует и новое осознание долга быть счастливым, что модифицирует отношения между

желанием и страданием. Пустота в душе и сердце переживается отныне как горе. Новая вина по отношению к себе самому выражается через скуку, давящую на самые рафинированные умы, и бодлеровский сплин.

Все эти причины неудовлетворенности, в избытке описанные в личных документах, усугубляются развитием психиатрии; доступные подробные описания медицинских случаев усиливают тревогу. Наличие таких понятий, как «мания расстройств», «здоровое безумие», позволяют некоторым специалистам находить психические расстройства в спокойствии и тайне частной жизни. В более общем смысле, триумф клинической медицины модифицирует взгляд каждого человека на свое собственное тело; сколько призывников, считавших себя нормальными, с ужасом узнают о своих патологиях благодаря заключениям призывных комиссий?

Эволюция образа чудовища

Есть и еще более тревожная вещь: два образа дикаря, которые вызывают панику у господствующего класса. Луи Шевалье первым отметил, что в первой половине XIX века растет отторжение, боязнь — и в то же время интерес, к представителям трудящихся классов, множачимся в больших городах. В романах без конца описывается исходящая от них опасность; опросы общественного мнения намерены проанализировать этот процесс, а благотворительные организации пытаются как-то сдержать его. Здесь первоначальный оптимизм эпохи Реставрации сменяется черным пессимизмом во времена Июльской монархии. В то же самое время элиты отправляются открывать глубинную Францию и знакомятся с дикарями. Им кажется, что туповатые пастухи-горцы, суровые бретонские рыбаки, жители болот Пуату, мрачные обитатели Домба или Бренна таинственными нитями связаны с землей, почвой, минералами и растительностью; все они похожи на животных.

Смутная тревога, вызванная близостью этих многочисленных племен, усиливается вследствие присутствия в обществе настоящих монстров. Ужасающие уголовные дела — убийцы своей семьи Пьера Ривьера, людоедки из эльзасского города Селеста, которая в 1817 году потушила с капустой бедро своего ребенка и накормила этим блюдом мужа, виноградарь Антуан Леже, сожравший в 1823 году сердце маленькой девочки, — говорят о том, что человек недалеко ушел от животного. Бульварные газетенки распространяют эти ужасные истории, омрачающие частную жизнь. После казни короля 21 января 1793 года монстр бродит повсюду; людоеды, по словам Жан-Пьера Пете, «выходят из мирного пространства «сказок»; в 1831 году образ Квазимодо подтверждает тератологическую близость человека из народа и животного.

После поражения Коммуны, по мере постепенного затухания пролетарской жестокости, присутствие дикаря углубляется, от него исходит глухая угроза. Монстр засел в самом сердце организма; он может вторгнуться в воображение. Это возвращение предка, считавшегося вредоносным; от него исходит теперь самая пугающая угроза.

Нездоровая семья

Нездоровая семья — неотъемлемая черта того времени, и она заслуживает нашего внимания. Это она плетет нить, которая связывает ученого, идеолога и художника. Старинное представление о наследственности пользовалось в XVIII веке большим доверием; тогдашние врачи все как один повторяли, что потомство старого человека болезненно, что дети, зачатые в любви, очень красивы и что от пьяниц рождаются уроды. Разумный неогиппократизм, как напоминает Жак Леонар*, превозносил в те времена скрещивание темпераментов, нейтрализацию

* Жак Леонар (1935–1988) — французский историк.

сильнейших идиосинкразий. Вследствие этого изучение промышленных и городских патологий, страх, вызываемый «повстанческой истерией», представление о невропатии среди людей искусства стимулируют пессимизм и заставляют думать, что между цивилизацией и дегенерацией существует связь.

Старый тератологический миф, идущий из Книги Бытия, предлагал образ идеального человечества, подверженно-го вследствие первородного греха постепенной деградациии. В 1857 году Бенедикт Морель, вдохновленный Бюшезом*, возродил эту веру. Человек отходит от своей изначальной природы; он вырождается. Это отклонение отдаляет его от главенства нравственного закона и подчиняет физическим желаниям; короче говоря, опускает его на уровень животного. На протяжении тридцати лет (1857–1890) теория плохой наследственности навязывается просвещенным умам в лаицизированной (светской) форме. О законах Менделя тогда никто ничего не знал; полагали, что передаются приобретенные характеры; следовательно, ничто не мешает постепенному вырождению вида. Научная этиология уродства очень быстро привела к появлению социальной тератологии, к учреждению знаменитого музея, демонстрировавшего разные уродства. Наследственность сводилась к болезненному процессу. «Клеймо», «печать» на лице или теле вели к исчезновению индивида, привязывали его к уродливой семье. Понятие «плохой наследственной предрасположенности» (Моро де Тур**), удвоенное растущей верой во всевозможные скрытые пороки, делает напрасной надежду на искупление. «Каждая семья, — пишет Жан Бори, — держит оборону, как в башне замка, пряча в его дальних закоулках ужасный, скорченный и выжидающий народ».

* Филипп Бюшез (1796–1865) — французский политик и историк, один из основателей христианского социализма, отстаивал необходимость прогресса человечества.

** Моро де Тур (1804–1884) — французский психиатр.

Теория Дарвина, распространявшаяся в медицинских кругах начиная с 1870-х годов, настоятельно рекомендует, как пишет Жак Леонар, «пересмотреть с эволюционистской точки зрения наследственность». Ученые интересуются пороками, лежащими в основе болезненных процессов; им быстро навязывается народная вина. Нищета, антисанитарные условия жизни, отсутствие гигиены, аморальность, отравления порождают, выявляют или ускоряют наследственные процессы. С улицы, с завода, с последнего этажа идет угроза, которая может испортить генетическое наследие элиты. Боязнь подцепить заразу, находясь в протонародной толпе, переросла в страх вырождения, который, с учетом примата неврологии, превращается в невроз.

Признание вины, даже простой небрежности, облакает каждого новой ответственностью. Миф о наследственном сифилисе превращает желание в «адскую машину» (Жан Бори). Символическая фигура сифилиса без конца муссируется в романах, заполняет иллюстрации. Сны героев книг Гюисманса, уродливые фигуры на картинах Фелисьена Ропса выражают коллективный страх, подпитывающий трагедию великих сифилитиков. Разврат несет в себе серьезные риски; невозможность биологического искупления заменяет собой или удваивает страх греха и ада.

Не следует, однако, преувеличивать новые страхи. Тут же возникает умиротворяющее сопротивление им. Ученые, верные католической традиции, республиканские идеологи, проникнутые духом оптимизма, врачи старой школы, вдохновленные смесью неогиппократизма и витализма, а главным образом — инфекционисты, последователи Пастера, не принимающие теорию Дарвина, не считают плохую наследственность неизбежностью. В то время как Вейсман* подрывает веру в наследование приобретенных качеств, «микробная этиология, — пишет Жак Леонар, — ведет наступление на наследственные теории». Многие ученые, мечтающие об изменении среды, с доверием относятся

* Август Вейсман (1834–1914) — немецкий биолог-эволюционист, зоолог.

к санитарным и социальным реформам и к солидаризму; иные из них уповают на сознательность новых поколений, которую внушает наука. Это подпитывает критику браков по расчету и настоятельно рекомендует сексуальное просвещение и самоконтроль; поощряет новый, лучше информированный тип пары, сплоченной и гармоничной, о появлении которой мы уже говорили.

Импотенция и неврастения

Вспомним причины страданий — это поможет понять историческую важность всех симптомов индивидуального неблагополучия. Чтобы осознать это, необходимо вникнуть в дологизм — учение о пользе и нравственной ценности страдания, распространенное в те времена, с учетом того что не было четкой границы между нормой и патологией. Именно в домашней сфере, в сердце частной жизни проявляется этот симптом, порожденный тревогой — биологической или социальной, разочарованием, провалом. Здесь фигуры страдания различаются в зависимости от пола. Роли и поведение в те времена четко разделялись, старение вследствие работы шло асимметрично, поэтому следует рассматривать проблемы мужчин и женщин отдельно.

Начнем с мужчин, потому что именно их мучительные проблемы провоцируют неблагополучие женщины. В этот век сдержанности мужчины стараются скрывать свои болезни, по крайней мере не демонстрировать их на публике. По мнению Моро де Тура, наследственное заболевание всегда проявляется и вызывает любопытство окружающих. Отсюда необходимость сохранять тайну. Мужчина оставляет женщине демонстрировать боль, признаки которой сам силится скрыть.

Предлагаю рассмотреть лишь некоторые признаки мужского неблагополучия из огромного множества, и в первую очередь — неправильное отношение к своим желаниям, о чем говорит страх мужчины перед женщиной. Образ Евы-соблазнительницы,

постоянная боязнь темной стороны женственности, всепоглощающей женской сексуальности, загадочная фигура женщины-сфинкса, появившаяся в конце века, как мы видели, мешают паре наслаждаться друг другом. Анафема, которой медики предают мастурбацию и разврат, подпитывает чувство вины и тем самым благоприятствует импотенции.

На протяжении всего XIX века риск неудачи в постели маячит где-то на заднем плане мужских представлений о сексе. Хорошо известны периодические фиаско Стендаля с проституткой Александриной или Флобера с Луизой Коле. Отсутствие эрекции в нужный момент становится проблемой светского соблазнителя, о чем пишет Эдмон де Гонкур. Доктор Рубо посвящает этой напасти большую работу и обнаруживает существование идиопатической импотенции, вызванной стыдом. В главе, посвященной неудачам в постели, Стендаль описывает беседу с пятью красавцами в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. «Оказалось, — пишет он, — что за исключением одного фата, который, вероятнее всего, соврал, все мы потерпели фиаско в первый раз с нашими знаменитыми любовницами». Импотенция тем более тревожит, что механизм эрекции пока непонятен. Разные методы лечения обогащают шарлатанов. В газетах конца века, особенно с наступлением весны, появляется реклама каких-то бичеваний, душей, массажей, лечения электричеством, хлестания пениса крапивой, иглокалывания или магнетических пассов.

Можно очень долго описывать все проблемы и волнения личности по этому поводу, особенно принимая во внимание увеличение средней продолжительности жизни. Эти многочисленные трудности становятся предметом внимания психиатров и стимулируют развитие психиатрии вплоть до 1860 года, когда психическое нездоровье считалось следствием недостатка нравственности. В первые десятилетия века была очень распространена ипохондрия, затрагивавшая в первую очередь мужчин, главным образом — представителей

свободных профессий. В конце века появляются неврастения и психастения. Масса людей начинает страдать от головных болей, ставших следствием состязательного характера жизни и огромного количества «проблем».

Именно в это время во французской литературе появляются первые описания пережитого. В 1887 году, через сорок лет после опиумных снов Теофиля Готье и «Аврелии» Жерара де Нерваля, новелла Мопассана «Орля» показывает читателю ужасающую картину внутреннего слома, раздвоения личности. Именно тогда возникает новая тревога, тревога XX века. Монстр проявляется в животности желаний; он больше не Чужой; своим присутствием он нарушает самоидентичность человека.

Хлороз (анемия) юных девушек

Совсем иными выглядят в XIX веке специфические симптомы женских болезней. Удивительная физиология женщины, ее хрупкость, убежденность в том, что именно пол руководит болезнями, которые досаждают женщинам, — все это объясняет глубину проблем, которые принято называть «женскими болезнями». Эти болезни — постоянная головная боль для всей семьи, требующая большого внимания со стороны врачей, обслуживающих буржуазные семьи, и поглощающая все их время, и первейшая и самая распространенная из этих болезней — анемия. Тысячи бледных девушек заполняют картины, фигурируют в романах и медицинских отчетах. Ангелоподобная девственница, боящаяся солнечных лучей, белоснежный цвет лица которой говорит одновременно об изяществе и угасании, вскоре станет культовой фигурой у символистов.

Многословная медицинская литература, множество научных теорий свидетельствуют о беспокойстве, которое вызывает эта странная болезнь. К началу 1860-х годов объяснений становится очень много. Для тех, кто придерживается старинного гиппократовского мнения, анемия является результатом

неустановившегося менструального цикла и невольного проявления пробуждающейся сексуальности. Поэтому они настаивают на проведении терапии, предохраняющей от всего, что хоть сколько-нибудь пробуждает страсть; настоящим лекарством они считают брак. У других практикующих врачей существовал более ханжеский взгляд: анемия являлась следствием неправильной работы желудка, символического эквивалента матки. Для третьих анемия — проявление недостатка жизненных сил; речь идет не столько о полнокровии или ретенции, сколько о «неудаче при потере девственности» (Жан Старобинский), как правило, передающейся по наследству. Эта теория придает важности женской половой зрелости, которая, как мы знаем, очень волнует врачей и романистов. Трудности, испытываемые героинями Золя при переходе пубертатного порога, ясно свидетельствуют об этом. Связанная с началом менструаций анемия в данном случае близка к истерии и сродни «пубертатному безумию».

На протяжении последней трети века появляется новая истина; отныне принято считать, что болезнь является следствием недостаточности. Дальнейшее изучение анемии и подсчет эритроцитов крови подтверждают правильность лечения препаратами железа.

Все эти перипетии побудили взрослых внимательно следить за пробуждением женской сексуальности и использовать силу морали, способную оттянуть этот момент; также девушек, у которых в ходе последних десятилетий менструации начинались все раньше, стали сразу выдавать замуж. Фантазии, вызванные этим физиологическим проявлением, способствовали созданию соответствующих условий.

Матка и мозг истерички

Еще одна фигура, о которой стоит упомянуть, — женщина-истеричка, преследующая своих домашних, руководящая сексуальными отношениями, глухим голосом отдающая бес-

конечные команды. Вездесущая истерия давит на частную жизнь с тех пор, как исчезла публичная фигура страшной колдуньи. На протяжении почти всего века это заболевание считалось специфически женским. Мнение врачей, которые заявляли об обратном, не принималось во внимание. И лишь в последние десятилетия века мужская истерия заявила о себе. В иконографии больницы Сальпетриер первая фотография мужчины, страдающего этим необычным для мужского пола заболеванием, датируется 1888 годом. Истерия не оставляет органических следов; со времен Гиппократов это вносит смятение в ряды медиков. В античные времена болезнь приписывалась матке, которая якобы действовала как зверь, скрывающийся в глубине организма. Утверждалось, что желание невозможно подавить волевым усилием и что человек не в силах сдерживать свое тело. Считалось, что во время истерического припадка женщина не владеет собой и поэтому ни в чем не виновата.

В конце XVIII века истерия стала предметом новых исследований. Ученые заикнулись тогда на утверждении, что болезнь происходит от женской природы. В своей ежедневной практике врачи XIX века долго оставались сторонниками этой концепции, придававшей большое значение роли матки и проявлениям сексуального желания. С их точки зрения, истеричку должны были лечить гинекологи. Послушные тем же ментальным схемам, задолго до того как Мишле описал механизм овуляции, многие мужья прощали женам проблемы, которые возникали перед началом менструации. Некоторые из них бдительно следили за правильностью цикла.

Врачи, однако, на протяжении долгого времени обсуждали роль мочеполовой и нервной систем в этиологии заболевания. В середине XIX века некоторые стали придавать значение роли мозга. В 1859 году истерию назвали мозговым неврозом. Эта перемена во взглядах очень важна. Болезнь теперь связывается с качествами, которые формируют женщину, подверженную истерии, потому что она очень чувствительна, потому что

ей доступны благородные чувства и эмоции. Все существо женщины связано с этим специфическим заболеванием, вызванным теми же качествами, что делают ее хорошей женой и матерью. Болезнь, по мнению Жерара Важемана, отныне выходит за рамки патологии. Надо заметить, что книга Брике была опубликована пять лет спустя после утверждения догмата о Непорочном зачатии, на следующий день после видений в Лурде, когда ангелическая антропология укрепляет свои позиции в пансионах для молодых девиц.

В период между 1863 и 1893 годами Шарко остается верным примату невроза, который он считает наследственным заболеванием, спровоцированным «нервным шоком», вызывающим проявления бреда. Если болезнь проходит бесследно, то потому, что она затрагивает только мозговую оболочку.

Вне зависимости от того, каково происхождение истерии — маточное или мозговое, она по-прежнему рассматривается как телесное проявление, не зависящее от субъекта. Болезнь, пишет Глэдис Свэйн, «воспринимается человеком, в котором она живет, как нечто отдельное от него». Это неизвестная сила, воздействие которой женщине иногда приходится терпеть, как и жестокое желание мужчины. Женщина целомудренная, даже индифферентная и холодная, рискует, как в недавнем прошлом одержимые, подвергнуться действию природных сил, которые могут сделать из нее нимфоманку.

Убежденность в этом ведет к превозношению разумного удовлетворения желания и потребности в нежности, которых требует женская чувствительность. Эта мания, которой невозможно противостоять, говорит о необходимости сексуальной гигиены, основанной на умеренности, и восхваляет мирную супружескую жизнь, которая позволит женщине без всякого риска проявить свои лучшие качества супруги и любящей матери. Мужу предстоит развить чувствительность жены, не втягивая ее в чрезмерную чувственность, что может привести к вечной угрожающей истерии.

Однако в то же время шли и другие дебаты, способные усложнить решение проблемы. Анимисты XVIII века считали истерию не результатом напряжения и нарушения равновесия между субъектом и его телом, но следствием непорядка в душе. Для Штала эта болезнь — последствие страсти, знак конфликта, пережитого пострадавшей душой. Душа, по мнению Поля Гофмана, «мешает открыто проявлять удовлетворение и в то же время не способна высказать свое желание».

Мы видим, что эта теория предвосхищает субъективизацию тела, теоретическое обоснование которой наблюдается в период между 1880 и 1914 годами и которая приводит к появлению психологического анализа Жане*, а потом и психоанализа. С этих пор истерия понимается как раздвоение сознания, распад личности, внутренний слом субъекта. Впервые в истории исчезнет установка о внешнем характере тела; одновременно с этим истерия перестанет считаться исключительно женской долей.

Для того, кто изучает частную жизнь, существенной остается истерия на домашней сцене. Женщина того времени, когда она кричит и впадает в безумие только для того, чтобы быть услышанной, использует всевозможные формы недомогания, чтобы привлечь внимание окружающих к своим интимным проблемам. Историки начинают уделять внимание такому повороту событий.

В поисках женской идентичности

Некоторые истерические проявления бывают очень зрелищными; часто бывая коллективными, они случают и в частном, и в публичном пространстве. Одни привязаны к архаичной одержимости; другие сопровождаются судорогами. В интервале между 1783 и 1792 годами двое священников, братья Бонжур, в маленькой коммуне в трех километрах от Арса оказали ужасное влияние на группу молодых прихожанок. Девушки

* Пьер Жане (1859–1947) — французский психолог, психиатр и невропатолог.

перестали подчиняться отцовской власти, отказались выполнять епитимьи, наложенные кюре, стали предаваться разного рода эксцессам; одна из них позволила себя распять в маленькой местной церкви; самая экзальтированная, ставшая любовницей Франсуа Бонжура, родила нового Мессию. Эта странная деревенская ересь существовала вплоть до Третьей республики. «Лающие женщины» из города Жослен в Бретани в 1855 году, как и «одержимые» из Пледрана (также в Бретани) в 1881 году, — свидетельства живучести коллективного безумия, разрушающего частную жизнь.

Хорошо известен случай истеричек из Морзина. В этой деревушке, затерявшейся в альпийских горах, очень много одиноких женщин; сложился специфический тип женского общения. Духовенство, имеющее здесь сильное влияние, блокирует какую бы то ни было праздничную или игровую активность. Эти строгости, вкупе со смятением, внесенным наступающей современностью и рассматриваемым как угрожающее, вылились в истерические проявления у женщин на протяжении шестнадцати лет, с 1857 по 1873 год. Эти проявления демонстрируют нам симптомы женского неблагополучия в XIX веке.

Все начинается с двух девочек, весной 1857 года готовившихся к причастию. Вскоре им начинают подражать девочки-подростки: они выли, корчились, проклинали все вокруг, оскорбляли взрослых, пытавшихся успокоить их. Женщины, хранительницы моральных ценностей сообщества, которому не удалось интегрировать новшества, принесенные извне, и которое выражает желание продолжать жить как раньше, в свою очередь разбушевались.

В истерии также — и, возможно, особенно — проявляется индивидуальное неблагополучие девушек, ищущих свою идентичность, которым не разрешают танцевать, которые боятся остаться старыми девами и которые в результате находят удовольствие в коллективном безумии. Молодежь заявляет

о своем безразличии к родителям, матери — к детям. Девушки оскорбляют отцов и отказываются подчиняться их воле. Жены начинают бить мужей; религиозная практика ставится этими женщинами с ног на голову, ритуалы извращаются. 30 апреля 1864 года разбушевавшиеся истерички чуть было не убили епископа, который запретил изгонять из них бесов. Еще более показательная вещь — женщины отказываются от работы, начинают играть в карты и пить алкоголь, презирают картофель и едят теперь только белый хлеб.

Кюре в частном порядке, невзирая на рекомендации своего начальства, безуспешно пытается прибегнуть к экзорцизму. Французские власти начиная с 1860 года предпринимают настоящий цивилизаторский крестовый поход в надежде успокоить женщин. Они открывают дороги, размещают поблизости военные гарнизоны, устраивают балы. В особенности психиатр Констан, облеченный большой властью, старается загнать бредящих в частную сферу; он возлагает надежды на разделение и изоляцию женщин, на индивидуализацию случаев. И на заре Третьей республики ему удастся добиться успеха.

Надо отметить, что существуют и другие следы этой напасти и женского бунта, которыми, кстати, пренебрегают. Вот лишь несколько примеров. В 1848 году похожая эпидемия случилась в самом центре Парижа, на фабрике, где работало четыре сотни девушек. В 1860 году из-под контроля вышли ученицы одной из школ Страсбурга; в 1861-м — причащающиеся в приходе Монмартра; в 1880-м — воспитанницы пансиона в Бордо. В 1883 году массовые истерики разразились на одной из фабрик-интернатов в Ардеше, где девушки ткали из шелка.

Истерия очень влияла на умы, что вылилось в целые зрелища в больнице Сальпетриер с 1863 по 1893 год. Зрелища неслыханные, ошеломляющие, во время которых женщина истерически кричала, и этот крик говорил о страданиях века больше, чем что-либо другое.

Театр Сальпетриер

Этот «театр» был создан по воле Шарко, описавшего и кодифицировавшего фазы истерического припадка. Профессор привлекал к выступлениям послушных женщин, которые нуждались во внимании доктора и публики. Сохраняя дистанцию между своими желаниями и требованиями мэтра, они, казалось, наслаждались своей нарциссической болью. Шарко демонстрировал своих пациенток художникам, писателям, публицистам, политикам; на некоторых из его лекций, проходивших по вторникам, можно было встретить Лавижери^{*}, Мопассана или Лепина^{**}. Истерика, происходящая на сцене, зафиксированная фотоаппаратами Реньяром и Лондом, подчеркивает лицо, подталкивает к имитации, демонстрирует эротизм позы. Так в обществе распространяется мнение о привлекательности нервных болезней. Рождается язык жестов, который потом встречается на сценах многих парижских театров. Сара Бернар изображает больных, ставших актрисами. Начиная от душераздирающего раскаяния вагнеровской Кундри^{***} (1882) и заканчивая мстительными криками Электры Рихарда Штрауса (1905), оперные героини как бы соперничают со звездами больницы Сальпетриер, отныне известными повсюду на Западе.

Между литературой и психиатрией завязываются изысканные отношения. В основанной на документах трилогии Эдмон де Гонкур создает образ истерички-мужененавистницы («Девка Элиза»), набожной истерички («Госпожа Жервезе») и страдающей неврозом юной девушки («Милочка»). Проблемы Марты Муре из романа Золя «Завоевание Плассана» (1874) или Гиацинты Шантелув из романа «Бездна, или Там,

^{*} Шарль Лавижери (1825–1892) — французский кардинал, миссионер, архиепископствовал в Северной Африке.

^{**} Луи Лепин (1846–1933) — французский адвокат и политик.

^{***} Кундри — героиня оперы Р. Вагнера «Парсифаль».

внизу» Гюисманса напоминают безумие больницы Сальпетриер. В то же время писатели под воздействием Шарко и моды находили у себя истерию или подражали истеричкам.

В результате многим женщинам, имитирующим истерику, кажется, что они выступают на сцене. Беглые взгляды, двусмысленные улыбки истерички входят в арсенал женщины-соблазнительницы. Для мужчин теперь будет большим искушением путать проявления болезни с оргастическим безумием или провокациями уличных девок. Каждая женщина, дающая мужчине авансы, знает она о том или нет, напоминает Августину, молодую прелестную звезду Сальпетриер. Шарко и его последователей не утомляют ни эти беглые взгляды, ни «страстные позы», ни «экстазы»; они без конца заставляют своих актрис изображать горе, пока те не решатся на побег.

Откуда взялась идея этого театра? Откуда это неутолимое желание врачей наслаждаться непристойными метаморфозами на сцене? Откуда этот неслыханный авторитет врача, которого женщины принимают (а иногда кажется, что и сами врачи считают себя таковыми) то за Бонапарта, то за Иисуса? Неоспоримости терапевтической цели и необходимости совершенствования взгляда врача недостаточно, чтобы объяснить удовольствие от женского эротизма, замешанного на страдании. Возможно, этот театр истерии представляет собой тонченную тактику рационального использования мужского желания. В Сальпетриер в этой сложной игре эксгибиционизма и вуайеризма проявляется ущербное отношение к желанию, которое пытаются изобразить.

Частная клиентура Шарко огромна и частично состоит из иностранцев. Каждый год мэтр консультирует пять тысяч человек. Поэтому не удивляет такое количество истеричек, сидящих по домам; обычная девушка, раздираемая желанием, как Марта, в своей семье считается неизлечимо больной.

Вся эта бурная деятельность оборачивается жестокими — и бесполезными — методами лечения. Здесь речь не идет о театре

как таковом, который позволяет актрисам занимать привилегированное положение в аду под названием Сальпетриер, но о тысячах гистерэктомий (удаление матки), проводимых без участия Шарко, прижиганиях шейки матки — проводимых самим Шарко, гипнотическом лечении истерии и, наконец, о лечении измученных женщин наркотиками, что приводит к алкоголизму, эфиромании и морфинизму.

Потребность в алкоголе

Опьянение доставляет удовольствие; часто желание выпить сопровождает тяжелую жизнь. Показательно, что алкоголизм появился в XIX веке; именно тогда люди начали пить в одиночку. Господствующие классы и поддерживающие их врачи объясняют склонность рабочего класса к алкоголю отсутствием морали. Чтобы покончить с этой новой напастью, которая разрушает семью, мешает экономить деньги, благоприятствует сокращению населения, ускоряет вырождение расы, разжигает социальные противоречия, посягает на величие родины, следует повышать нравственность пролетариата. Начинается анти-алкогольная кампания; начиная с 1873 года появляются различные лиги и объединения, которые возлагают надежды на школу, казарму, идею города-сада, правильную организацию досуга рабочих и, более всего, на морализаторское действие женщины. Не так явно эта кампания направлена против алкоголизма в светском обществе. В частности, очень беспокоит пристрастие к абсенту. Абсент вреден для мозговых клеток, вызывает эпилепсию; как и его спутник — сифилис — он может уничтожить генофонд господствующих классов. Приличный человек, напивающийся в ярко освещенных кафе, кроме того, представляет собой непристойное зрелище.

В 1890 году рабочее движение подхватило кампанию, организованную буржуазией, однако зло при этом анализируется с другой точки зрения — с точки зрения нищеты пролетариата.

Несмотря на это, борьба с алкоголизмом ведется рабочими с неменьшим жаром. В их кругах он рассматривается как помеха в организации рабочего движения; в нем видят новый наркотик для народа. Когда влияние религии ослабевает, алкоголь начинает путать умы и мешать классовой борьбе. Здесь тоже морализаторская роль отдается женщине. Рабочая женщина должна настроить мужа на умеренность, а испугательная роль буржуазной дамы заключается в том, чтобы вернуть неверующего супруга на путь истинный.

Какими бы разными ни были причины, двигавшие аристократами и рабочими (последним историки априори рискуют уделить недостаточно внимания), все очевидцы единодушно подчеркивают изменение образа пьяницы. «На смену добродушному, краснолицему, болтливому, экспансивному весельчаку, — отмечает Шанталь Плоневе, — приходит алкоголик мертвенно-бледный, злобный, порой жестокий, агрессивный, иногда — преступник». Эти изменения соответствуют эволюции манеры пить, что можно увидеть на примерах западной Нормандии или Бретани. В первой половине века еще господствует «дикое» пьянство, «шумное и беспорядочное» (Тьерри Фийо). Когда нарушается ритм повседневной жизни, крестьянин напивается. Праздники хозяев предприятий, ярмарки, семейные церемонии — поводы для безудержного веселья, пьянства напоказ, что трудно было понять буржуазным наблюдателям. Парижане, оказывавшиеся в Бретани в такие праздники, бывали потрясены количеством мертвецки пьяных людей, валявшихся в придорожных канавах, и были склонны преувеличивать разврат, признаки которого подкрепляли их мнение о скотстве крестьян.

Начиная с 1870-х годов сдержанная, но хроническая алкоголизация вытесняет проявления показного пьянства. Определенный и обличенный в 1849 году шведом Магнусом Хуссом алкоголизм считается теперь главной причиной вырождения. В период приблизительно с 1850 по 1870 год разворачивается

промежуточная фаза, в ходе которой, продолжает Тьерри Фийо, «пьянство становится ежедневным делом» и переходит из публичной сферы в частную. Это признается властями; закон от 1873 года преследует тех, кто пьет на публике, и не замечает скрытого пьянства. Плохо проработанный и не очень важный, этот закон совершенно не затрагивает маргиналов, часто не имеющих дома и неспособных превратить употребление алкоголя в свое частное дело.

Алкоголь и вред здоровью

Все указывает на то, что процесс, шедший на Западе, имел большое значение; эпизоды этой истории сильно разнятся в зависимости от социальной среды. Представляется, что алкоголизация скрытая, тайная, происходящая в частной сфере, зародилась в буржуазной среде, хотя специфических исследований данного явления пока не проводилось. Аперитив, кофе с коньяком, даже сам абсент надолго останутся элитарными напитками, и шансов на их демократизацию мало. Медленная дегустация «зеленой феи» — так называли абсент — сопровождается специальным ритуалом, что свидетельствует об изысканности и дает основания предполагать добровольность саморазрушения.

В первую очередь алкоголизм распространяется в городских низах. Строители-мигранты из Лимузена пьют больше, чем земляки, оставшиеся в деревне; этот процесс начался при Июльской монархии. Можно подумать, что нас эта алкоголизация совсем не касается, — понятно, что она вызвана общительностью и проявляется в публичной сфере, если только не рассматривать дешевый кабак и винную лавку как места, где размываются границы публичного и частного. Содержатель кабака, которого считают другом, принимает участие в разговорах посетителей. Нередко он выступает доверенным лицом, дает деньги в долг; при необходимости помогает устроиться

на работу. Здесь алкоголь — не только физиологическая потребность, но и предлог для формирования неформальных, частных отношений. Он стимулирует, не перегибая палку, установление доверия между людьми.

В то же время он скрепляет рабочий ритуал. Тот, кто не пьет, рискует быть исключенным из сообщества. Он как бы строит из себя аристократа, «ставит себя выше других» (Шанталь Плонева). Употребление алкоголя, считаемое признаком мужественности, способствует созданию образа индивида. Чтение «Возвышенного» Дени Пуло позволяет осознать, какое недоверие испытывают к трезвости. Полагается обмывать любое радостное событие в жизни: день рождения, встречу друзей, поступление на работу и особенно получение зарплаты.

Кроме того, распространенное понимание термодинамики побуждает рассматривать тело как котел, а позже как мотор, который следует подпитывать алкоголем; так поддерживается вера в полезность алкоголя. Это иллюзия встряски, которая регулирует очень четкий ритм потребления алкоголя парижским каменщиком, руанским грузчиком, валансьенским сталеваром. «Утешительная порция», выпитая залпом в пять утра, позволяет на время забыть об усталости, о риске несчастных случаев и прочих тяготах жизни. Алкоголь — главный враг здоровья рабочего; этим можно объяснить неравномерное потребление его мужчинами и женщинами. Работающая женщина использует иные тактики, запрещенные для мужчин, что позволяет ей лучше сопротивляться преждевременному старению.

Историки предложили множество других объяснений росту потребления алкоголя в одиночестве, не приводя при этом обоснований своим утверждениям. Отмирание старых традиций праздников, потеря навыков, которые составляли гордость рабочего, монотонный труд, рост зарплаток и увеличение продолжительности свободного времени — все это стимулировало потребность «убить время», обостряло психологическое неблагополучие, которое трудящийся человек

пытался утопить в алкоголе. Завсегдатаи кабаков — это люди, достигшие некоторого финансового благополучия, но не знающие, как проводить свободное время.

Фабричное производство алкоголя, падение цен на него и либерализация продажи согласно закону от 1880 года, без сомнения, повлияли на рост его потребления в городах. Опрос, проведенный в Париже, позволяет понять, каковы были народные вкусы. Рабочий человек любит вино, горькие настойки, в том числе хинную и абсент, даже если пытается это скрыть; предпочитает водку рому. Зато сидр и пиво его совсем не привлекают. Пьющие женщины проявляют склонность к аперитивам, ликерам и фруктовым алкогольным напиткам.

Деревенское пьянство

Жерар Жакме отмечает постоянное присутствие алкоголя в частной жизни Бельвиля. Пьянство разжигает семейные ссоры, обостряет ревность обманутого супруга, провоцирует жестокость, возникающую на пустом месте, вызывает грубость мужа, которого жена упрекает в пьянстве. Драки и свары здесь — обычное дело, как и приступы белой горячки, что делает очевидной опасность вырождения.

В сельскую местность алкоголизм пришел несколько позже. На протяжении долгого времени крестьяне довольствовались молоком, водой, пикетом* или чуть забродившей жидкостью, которую в центральных и западных регионах называли «напитком». Еще во времена Второй империи большинство лимузенских селян пили в конце обеда «воду из ведра». Алкоголь пришел в разные регионы страны не одновременно. На Западе страны наступление началось в 1870-е годы. Триумф алкоголя на селе пришелся на годы сельскохозяйственного кризиса, время установления Республики и светской школы, хотя там

* Слабоалкогольный напиток на основе виноградного жмыха.

и пытались ограничить этот процесс. В некоторых районах Нормандии алкоголизация населения началась с середины века. Не так быстро это бедствие приходило в отдаленные от центра регионы, например в Вандею и Финистер; здесь долго сохранялись старые традиции питья. Не стоит недооценивать алкоголизацию в винодельческих регионах. Эффективная, с умом проводившаяся пропаганда в течение долгого времени поддерживала ложное представление об исключительной трезвости виноделов.

Помимо низких цен на алкоголь и роста уровня жизни, развитие средств связи, влияние города и призыв в армию, объявленный в 1872 году, стимулировали рост потребления алкоголя на селе. К этому надо добавить также, как подчеркивает историк Эрве Ле Бра, идейный разброд, вызванный упадком традиционного уклада жизни и ослаблением религиозности. Изоляция индивида или супружеской пары углубляется с массовым исходом сельского населения в города. В лоне однодетной семьи, когда происходит «закат дома», жизнь холостяка становится все более драматичной. В деревнях Креза, и это лишь один пример из множества, семейная группа стареет, жизнь в доме становится грустной; появление велосипеда позволяет молодежи сбегать в городские кафе. Лишь антропологический анализ, при необходимости опирающийся на этнопсихиатрические исследования, позволит выявить корни нового неблагополучия, сопровождающегося алкоголизацией сельского населения.

Этот анализ мог бы объяснить частный характер практики, которая затрагивает почти в одной и той же мере и мужчин и женщин. В домах Нормандии «рюмочка» не вызывала резкого неприятия со стороны женщин. Эхо деревенской нравственности затухало на просторах страны; очень часто супруги пили вместе. В деревенской жизни водка не порождала такого же насилия в частной сфере, как в городе, но пропитывала всю жизнь семьи. В этом регионе Франции ежедневное

потребление сидра, более крепкого алкоголя и в особенности кофе с кальвадосом постепенно разрушает здоровье крестьян. Земледельцы из Мортане, ежедневно выпивающие по поллитра водки, перестали быть исключением. В большинстве крестьянских дворов потребляется от 50 до 75 литров алкоголя в год. В ходе десятилетий «гамма» алкогольных напитков в деревнях меняется. В коммуне Порзе, что в Бретани, вермут появился в 1878 году, ром — в 1880-м, кирш и кюрасао — в 1889-м, абсент — в 1901-м. Однако эти изыски не играли большой роли, доминирующее положение здесь занимала водка.

В последнее время началась борьба за то, чтобы не считать гомосексуальность патологией, каковой ярлык на нее навесили в XIX веке. Существование «педераста» было очень тяжелым в то жестокое и бескомпромиссное время. Задержимся немного на теме такого поведения, в описываемую эпоху считавшегося «антифизическим». Проанализировать эту сферу очень важно, изучение поможет понять ментальность гетеросексуалов, меру давления, оказывавшегося на гомосексуалов, и поведение, которому они вынуждены были следовать, чтобы избежать травли.

Появление нового вида

В конце XVIII века гомосексуальность порой была делом случая и чаще всего сопровождалась и гетеросексуальной практикой. И вот появляется новый вид людей с клинической точки зрения. Из беспорядочного мира разврата выделяется новый человеческий тип, курьезный продукт биологической детерминации. Появляется «сексуальная дисперсия», обнаруженная Мишелем Фуко.

Вера в тесную связь между физическим и моральным побуждает создать женский образ новой породы людей. Любовь к драгоценностям, к разным румянам и помадам, покачивание бедрами, завивка волос делает «педераста» похожим на женщину. Недостатки у него тоже «женские»: болтливость,

любопытство, тщеславие, двуличность. Судебная медицина, осуждающая этого персонажа, сгущает краски. Педерастов обвиняют во всех смертных грехах. Доктор Амбруаз Тардьё пишет в 1857 году, что педераст не соблюдает гигиену, чистоплотность; ему неведомо очищение. Его можно узнать по телосложению. Ягодицы, расслабленный сфинктер, воронкообразный анус или же форма и размер пениса свидетельствуют о принадлежности к новому виду, так же как и «рот на сторону», «слишком короткие зубы, толстые, вывороченные, деформированные губы», говорящие о пристрастии к оральному сексу. Монстр из монстров, педераст наполовину животное; гомосексуальные соития напоминают собачью случку. Его природа ассоциируется с испражнениями; от него несет грязными сортами.

С точки зрения полицейских, гомосексуал пренебрегает социальными барьерами. «Антифизическая практика» перестала быть делом сугубо аристократическим. В этом пороке погрязли крупная буржуазия и артистический мир; статистические сводки говорят и о существенной доле пролетариев-гомосексуалов. Педераст еще больше, чем любитель публичных девок, испытывает соблазн побега из своего круга; он презирает классовые и расовые барьеры. Буржуазия так же заботится о предохранении тела от какой бы то ни было заразы и о гендерной чистоте, как аристократы — о благородстве крови.

На протяжении последней трети века сложный образ педераста говорит о нарастании биологической тревоги. Зарождающаяся сексология, как бы протосексология, увеличивает угрозу; она ужесточает рамки поведения, рисует различные картины перверсии. Педераст отныне не один из многочисленных извращенцев вроде фетишистов всех мастей, эксгибиционистов или зоофилов, которые считаются носителями патологии, последовательно признаются жертвами «морального безумия», «генитального невроза», неумолимо ведущих к вырождению. Маньян и Шарко считают педераста жертвой дурной наследственности.

С тех пор гомосексуал — слово появилось в 1809 году — это не просто фигура, телосложение, темперамент; это отдельная история, стиль жизни и чувств. Детство и даже внутриутробная жизнь определяют его судьбу. Ему предлагается удовольствие быть каким-то образом интерпретированным. Он теперь не просто грешник, а больной, если не носитель плохих генов. Ему требуется лечение. Вырабатывается специальная терапия, в каждом случае индивидуальная, основанная на гипнозе, гимнастике, жизни на свежем воздухе, целомудрии — или же услугах проституток.

Преследование в обществе

Было много споров о силе репрессий, применявшихся к «содомитам» в XVIII веке. Тем не менее ясно, что это преступление, которое в повседневной жизни выявить очень трудно и к которому относились терпимо, если речь шла о взрослых, в народе очень преследовалось. Как правило, довольствовались тем, что наказывали «содомитов» за какие-то другие провинности. Историки не знают наверняка, каковы масштабы либерализации в этой области в революционную эпоху. Как бы то ни было, в дальнейшем начинаются репрессии — и идут по нарастающей.

Врачи и полицейские едины в оправдании травли гомосексуалов; врач Тардьё всецело поддерживает полицейского Карлье. Уголовный кодекс 1810 года игнорирует специфику преступления педераста; закон от 28 апреля 1832 года объявляет преступлением акт педофилии в отношении ребенка моложе одиннадцати лет; он преследует также попытку соблазнения и даже простую ласку. 13 марта 1863 года возраст ребенка был поднят до тринадцати лет. На практике юриспруденция оказывается гораздо более чудовищной, чем в целом безобидный закон. Начиная с 1834 года полиция устраивает облавы, одна из которых, имевшая место 20 июля 1845 года

в саду Тюильри, стала знаменитой. В этот день толпа избивала несчастных «педерастов». В 1850–1880-х годах репрессии шли по той же модели, что и преследования проституток, иногда даже более сурово: в 1852 году суд запретил пребывание в департаменте Сена педерастам-профессионалам, не имеющим постоянного места проживания и приемлемой с точки зрения обывателя профессии. В 1872 году некий Альфред по прозвищу Мадам Саки*, который чересчур открыто приставал к мужчинам, получил два года тюрьмы; его арест был прецедентом.

Над частной жизнью гомосексуала висит дамоклов меч репрессий. Ему приходится скрываться. В больших городах складываются особые формы специфического общения — только так могут выжить эти маргиналы. Антропология мужской гомосексуальности возникает в годы Второй империи и сопровождает медицинский дискурс и полицейские меры. Этим людям требуется как-то сообщить о своем желании, а значит, должны появиться особые укромные места для их встреч. Боязнь донощиков порождает появление определенного жаргона, опознавательные знаки становятся все сложнее.

Как отмечает Филипп Арьес, преследование со стороны общества иногда оказывает очень болезненное действие на несчастных; некоторым не удавалось пережить осуждения окружающих. Вильмен, министр образования в правительстве Луи-Филиппа, не смог смириться со своей страстью к мужчинам и сошел с ума. В то же время не следует слишком сгущать краски. В первой половине века, по крайней мере, некоторые гомосексуалы, как, например, Камбасерес** и Жюно***, сделали

* Мадам Саки (Маргарита-Антуанетта Лалан, 1786–1866) — французская акробатка и воздушная гимнастка.

** Жан-Жак Режи де Камбасерес (1753–1824) — французский политический деятель, один из трех консулов в период Консульства (1799–1804) и один из авторов Кодекса Наполеона.

*** Жан Андош Жюно (1771–1813) — французский военачальник, наполеоновский генерал, участвовал в итальянской, португальской и русской кампаниях.

блестящие карьеры. Общественное мнение к однополым любовникам даже терпимо, лишь бы проявления их склонности не выходили за рамки частной жизни. Парижское общество вполне принимает союз Дестюта де Траси* с другим идеологом и терпимо относится к сожителю маркиза де Кюстина и англичанина Эдварда Сен-Барба. Жозеф Фьеве** живет с Теодором Леклерком, автором популярных салонных комедий; любовники будут похоронены в одной могиле на кладбище Пер-Лашез.

Как бы то ни было, «педерасты» XIX века создали модель исключительно гедонистического секса, не имеющего целью продолжение рода. Богатый образ будущего. Выйдя из подполья и заявив о своей нормальности, гомосексуалы, по мнению Филиппа Арьеса, предложат молодежи новый торжествующий образ мужественности.

Лесбиянки. Мужские симптомы

Сейчас невозможно проанализировать историю женской гомосексуальности. Кроме «амазонок» конца XVIII века и богатых американок, устроившихся в Париже Прекрасной эпохи, мы знаем о проблеме лишь из бесконечных медицинских и судебных отчетов, в которых говорится о росте количества лесбиянок в борделях и тюрьмах. Зато нам хорошо известно о том, что лесбиянка очень волнует воображение мужчин того времени, — это еще один симптом неправильного отношения к желанию, которое истощает мужчин XIX века. Сложившийся в обществе дискурс по поводу лесбийской любви отличается от мнения в отношении педерастии. Мужские фантазмы, ведущие к тому, что педерастия — это медицинская проблема,

* Антуан Луи Клод Дестют де Траси (1754–1836) — французский философ-идеалист, экономист, автор термина «идеология».

** Жозеф Фьеве (1767–1839) — французский публицист, писатель, драматург, тайный агент.

в то же время поэтизируют лесбиянок. В XIX веке возникла нежная, отмеченная изяществом и чистотой, фигура лесбиянки: одно это слово, по мнению Жан-Пьера Жака, ласкает уши тех, кто его слышит, и язык того, кто его произносит.

Конечно же, врачи озабочены появлением этого женского удовольствия, протекающего без какого бы то ни было участия мужчин; они безапелляционно утверждают, что во всех без исключения случаях одна из партнерш берет на себя роль мужчины; эта уверенность порождает бредовые разговоры по поводу чудовищных размеров клитора и деформированной вульвы лесбиянок. Префектура полиции начинает следить за женщинами, любящими носить мужскую одежду, и требует, чтобы они получали на это разрешение; требованию подчиняется художница Роза Бонёр. Однако мужеподобная внешность часто бывает обманчива. Паран-Дюшатле еще до 1836 года доказал, что нет никаких клинических признаков, по которым можно было бы отличить лесбиянку от гетеросексуальной женщины.

Образ Сафо, созданный мужчинами того времени, весьма двусмысленен; с одной стороны, он очаровывает мужчин, с другой — говорит о страхе, который вызывает удовольствие, испытываемое женщиной без мужчины.

Лесбийская любовь — излюбленный сюжет мужских разговоров, одержимых картинами гарема. Убежденные, что женщины занимают подчиненное положение в сексе, мужчины грезят эротической ненасытностью женщин, которые вольны выбирать себе утеху. Так появляется образ необузданных наслаждений. В своих излишествах лесбиянка конвульсивна и ненасытна. Именно эта фантазия читается в «Девушке с золотыми глазами», заставившей Фурье и позднее вуайеристов в борделях конца века наслаждаться зрелищем лесбийской любви. Женские тела здесь, как и в «истерическом» театре, становятся терапевтическим средством для мужчин.

Парадоксальным образом эта лесбийская булимия успокаивает мужчину; она выявляет неудовлетворенность,

вызванную его отсутствием. Нравится это или нет Мопассану, любовник не чувствует себя в полной мере обманутым, когда его партнерша отдается другой женщине; старый развратник герцог де Морни, как пишут Гонкуры, полагал, что лесбийская любовь делает женщин утонченнее; она развивает их эротизм, и этим впоследствии могут пользоваться мужчины — что объясняет в целом снисходительное отношение к этому явлению, действительных масштабов распространенности которого мы, скорее всего, не узнаем.

Отметим все же: то, что нам известно о лесбийских парах — например, Рене Вивьен и Натали Клиффорд-Барни, подтверждает безмятежность и нежность этих отношений. Глубину чувств подтверждают тексты. Салон Натали подталкивает лесбиянок к «выходу из подполья»; по словам Мари-Жо Бонне, он становится «плавильным котлом страсти и свободы». В общем, образ лесбиянки перестает зависеть от мужского взгляда; вырисовывается новая возможность быть счастливой, что плохо вписывается в главу, посвященную проявлениям индивидуального неблагополучия.

Рост числа самоубийств

Избыток страданий, мужских и женских, нередко ведет к самоубийству; этот отчаянный жест сам по себе — выражение протеста против неудачи в общении. В целом в Европе в XIX веке количество самоубийств растет; во Франции тоже так было до 1894 года. Конечно, можно допустить, что этот рост, частично или полностью, связан просто с более тщательным учетом, начатым в 1826 году. Как бы там ни было, все виднейшие психиатры и социологи — Герри, Кетеле и Дюркгейм, Фальрет и Бриер де Буамон — подробно анализируют это явление. Визит в морг, чтобы насытиться зрелищем остывших тел на мраморных столах, — часть воскресной «программы» многих парижских семей.

Нежелание жить часто следует за чувством неуверенности. Человек, который осознает, что не представляет ни для кого интереса, переживает разочарование, что, по словам Дюркгейма (1897), может привести к «эгоистическому самоубийству». Угасание желаний, чрезмерная втянутость в социальную неразбериху умножают риски разочарования; когда это разочарование становится невыносимым, оно подталкивает человека, неспособного преодолеть это чувство, к тому, что Дюркгейм расценивает как «аномическое самоубийство». Анализ статистических данных говорит о тяготах индивидуального одиночества и в то же время обо всех процессах антропологической природы, которые ему благоприятствуют. В связи с этим следует отметить огромное количество самоубийств среди холостяков, овдовевших и разведенных в XIX веке, тогда как супружество или по меньшей мере наличие детей защищает от искушения свести счеты с жизнью. Сказав все это, не будем продолжать бесконечные споры: на протяжении полутора столетий сторонники социальных причин этого явления полемизируют с теми, кто полагает, что суицид — результат индивидуальных факторов психиатрического и генетического порядка.

Причины, на которые ссылались сами жертвы и свидетели, отнюдь не всегда убедительны. Семьи и представители власти пытаются смягчить ситуацию, манипулируют свидетельскими показаниями, подправляют их. Отметим вскользь, что в иерархии причин самоубийств в 1860–1865 годах первое место занимают душевные болезни, далее идет то, что можно условно сгруппировать под рубрикой «любовь, ревность, безнравственность», а также нищета и несчастья в семьях.

Мужчины вешаются, женщины топятся

Благодаря тщательности следователей нам известно, кто во Франции в XIX веке кончал жизнь самоубийством. Не секрет, что подавляющее большинство самоубийц — мужчины: их

количество в ходе десятилетий четырехкратно превышало количество покончивших с собой женщин. Как отмечал Кетеле, склонность к самоубийству увеличивается с возрастом. Распределение самоубийц по социальным и профессиональным категориям вызывает больше споров. Если говорить коротко, можно обнаружить два пика самоубийств, расположенных на крайних точках социальной пирамиды. С одной стороны, это рантье, интеллектуалы или, если взять шире, представители свободных профессий, а также военные, в том числе воюющие в колониях. Они легче поддаются, чем население в среднем, искушению покончить с собой. Это может навести на мысль, что пульсация смерти усиливается, когда поднимается уровень культуры и самосознания.

Однако не менее явно прослеживается и очень высокая склонность к суицидам среди слуг, особенно в конце века, когда они с ужасом осознают свое рабское положение. Также к самоубийству склонны лица без профессии и заключенные.

В Париже времен Июльской монархии «отверженные» убивают себя толпами, как будто они не могут приспособиться к новым условиям жизни, навязанным большим городом. В то же время, не в пример тому, что происходит в наши дни, мы можем констатировать очень низкий уровень самоубийств среди сельского населения в XIX веке.

Более половины мужчин-самоубийц вешаются, четверть из них топитя, 15–20% предпочитают пулю в лоб или в сердце (этот благородный уход из жизни могут позволить себе представители элиты). Половина женщин, решившихся на отчаянный шаг, покончили с собой, утопившись, 20–30%, в зависимости от времени, повесились. Со временем растет количество несчастных женщин, выбравших удушение или яд.

Самоубийства в XIX веке чаще всего происходят по утрам или во второй половине дня, иногда по вечерам, изредка — ночью. Количество суицидов сокращается в период с пятницы по воскресенье и нарастает от января к июню, а во второй

половине года, с июля по декабрь, снижается. Коротко говоря, представляется, что долгота дня, наличие солнца, зрелище пробуждения природы вызывают больше склонности к самоубийству, чем интимность вечеров, ночные страдания или зимний холод.

Новые виды помощи

Женщины и врачи

С самого начала века в аристократической и буржуазной среде присутствие врачей становится постоянным. Семейный врач здесь — близкий человек, почти родственник. Его пациенты выслушивают диагноз, который он ставит, внимают его советам, умеют пользоваться его рецептами; у них есть средства, чтобы соблюдать предписываемую доктором гигиену. «Их воля к жизни, — пишет Жак Леонар, — помогает им с пониманием относиться к требованиям медицины». Отношения, которые складываются между врачом и пациентом, делают его визиты регулярными, и иногда непонятно, вызваны ли частые встречи с врачом дружбой, вежливостью или потребностью в его услугах. Доктор нередко пьет чай или проводит вечера у своих пациентов; по роду деятельности он связан с чиновниками; умея ездить верхом, он принимает участие в аристократической охоте. Эти тесные дружеские связи с врачами описаны в литературе: можно назвать «доброе доктора» Эрбо из романа Жюлья Сандо, доктора Санфена, описанного Стендалем, и циника Торти, персонажа Барбе д'Оревилли.

В конце века деревенский доктор без колебаний завязывает дружбу со школьным учителем или секретарем мэрии и не скрывает ее. Растет категория нуворишей и не очень богатых деревенских буржуа — торговцев лесом или скотом, содержателей кабаков, мельников, ветеринаров, которые теперь стараются почаще обращаться к дипломированному медику;

также появляется больше посредников, которые помогают ученым специалистам проникнуть глубоко в народную среду.

Эти пациенты могут позволить себе оплачивать медицинскую помощь; часто они платят вперед, что можно обнаружить, анализируя счета буржуазных семей. Кроме того, многие услуги в этой среде врачи оказывают бесплатно — такова их преданность пациентам.

Частная медицина, так называемая семейная, вначале определялась ритмом отношений. Практикующий врач располагает временем. При необходимости он проводит у пациента долгие часы и иногда компенсирует свое терапевтическое бессилие терпением, внимательным отношением и безукоризненной вежливостью. Врач знает семью и ее секреты и при необходимости помогает скрывать их (например, наследственные заболевания) или устраивать браки. Женщины всегда оказываются на его стороне. Каждый врач обязательно должен нравиться дамам; именно они могут нанести вред репутации; именно они занимаются вопросами здоровья в семье. «Женских болезней» становится все больше, и это обстоятельство оправдывает повышенное внимание к дамам со стороны врача. Лечение этих эмоциональных и стыдливых пациенток требует такта и сноровки. Врач становится доверенным лицом — ему сообщают о телесных порывах и желаниях; он должен понимать пациенток с полуслова, не пугать их и не быть грубым. С течением времени врачу, образ которого создается по модели отца или супруга, удается завоевать авторитет. Потихоньку врач делает из женщины свою посланницу; «вместе, — пишет Жан-Пьер Пете, — мы восстанавливаем, спасаем, женим, лечим».

Часто выражалось сожаление, что эта новая власть навязывается женщинам. Строгое следование указаниям врача могло привести к тому, что женщина теряла навыки, традиционно переходящие от матери к дочери. Есть очень много признаков того, что врачи все больше внимания уделяли заботам

о новорожденных. Врач все больше настаивал на том, чтобы определить младенца к кормилице, жившей в другом месте; он вел победоносную борьбу с пеленанием, настаивал на разнообразном вскармливании, не советовал резкого отлучения от груди. Матери прибегали к его помощи, когда требовалось рассказать подростке дочери о признаках полового созревания. Тем не менее не следует переоценивать успехи в педиатрии — она развивалась очень медленно.

Врач бедняков

Совсем иначе выглядит появление врача — зачастую того же самого человека — в семьях бедняков. Культурная пропасть, разделяющая врача и его бедных пациентов, порождает непонимание: требуется упрощение объяснений и предписаний. Вопрос о том, чтобы вкладывать душу в лечение, здесь не стоит. Медицинское вмешательство происходит только при необходимости — например, при обнаружении инфекционного заболевания, эпидемии, или если случай настолько тяжел, что вопрос не обсуждается. Подобные медицинские действия разворачиваются в благотворительной среде, иногда врача к больному направляет благотворительное общество, и тогда его визит оказывается почти бесплатным. В противном случае врач обязан лечить больных в кредит. Все это порождает патерналистский тон в отношении врача к пациентам.

Изучение пословиц проливает свет на поведение сельской клиентуры. В этой среде сильны суеверия, которые сильно отдаляют людей от рационализма и оптимизма эпохи Просвещения. Болезнь здесь считают неизбежной и часто неизлечимой. Крестьянин не пытается объяснить боль с точки зрения физиологии; как мы видели, он верит в медицину, основанную на аналогиях с природой, космосом, растительным и животным миром. В глазах селян больной играет определяющую роль. Нарушения, происходящие в его теле, — результат

небрежного отношения к себе, вины или предрасположенности. Чтобы победить болезнь, ему следует описать ее и стоически бороться с ней. Следовательно, не стоит обращаться к ученым медикам, если заболел ребенок, который неспособен описать свою боль. Страдающий заслуживает сочувствия, но сочувствие не оказывает терапевтического эффекта. Обращение к врачу в этой среде — лишь одна из мер. От него ждут решительности и энергичных действий. Он должен вправлять вывихи, без колебаний обрабатывать раны. Оказавшись в крестьянской семье, врач вынужден действовать в атмосфере вражды или, по крайней мере, недоверия. Ему ставят в упрек его молодость, элегантность, алчность; не прощают ему ни малейшего опоздания. Высмеять врача, с точки зрения крестьянина, — как бы отомстить господствующим классам за их ученость. ¶

Менее известно отношение к медицине со стороны рабочего населения до триумфа пастеровской доктрины. Открытия Пастера позволили начать хоть какую-то деятельность по профилактике инфекций. Иногда здесь применяются спонтанные медицинские меры в ущерб рабочему графику и ритму. Так, в случае угрозы туберкулеза рабочий начинает беречь свои силы и устраивает себе отдых в течение дня. Отношение рабочих XIX века к своему здоровью еще предстоит изучить.

Видимость традиции

По мнению этнологов, в XIX веке в низах общества очень активно функционировала народная медицина, основанная на магии и знаниях предков. Эта медицина, над которой не властно время, смогла ловко войти в современность во всей своей целостности. Мы знаем, что в течение всего века люди обращались к колдунам и целителям, что совершались масовые паломничества к «добрым святым» и «святым источникам». Клиентура разных «бабок», «костоправов», «магов»

всех мастей, обладающих неким жизненным опытом, также обширна. Все эти «колдуны» владеют искусством «врачевания», иногда весьма жестоким, нередко вызывающим тяжелейшие последствия.

Однако эти процедуры не так далеки от научной медицины, как можно предположить. Вписываясь в иную систему взглядов на здоровье и болезнь, народная медицина подчас принимает нетривиальные формы, что отражает состояние, предшествующее появлению науки. Между разными уровнями культуры существует постоянный взаимообмен знаниями. Врач в случае необходимости не пренебрегает использованием старинных методов; иногда он вдохновляет пациентов совершить паломничество; шарлатаны с дипломом процветают на протяжении всего века.

«Параллельная» медицина функционирует и в кругах господствующих классов. Кюре и его служанка, монахини-воспитательницы распространяют лекарства и раздают советы. В каждом замке существует своя простенькая аптека, и аристократки пользуются лекарственными средствами из нее. Именно они заботятся о заболевших селянах. Матери знатных семейств без колебаний прибегают к старым добрым «бабушкиным» методам лечения, особенно если речь не идет о серьезном заболевании. В дом Буало в Винье-ан-Сомюра дипломированного врача приглашают лишь в исключительных случаях. В этой видной семье предпочитают народную медицину.

И наоборот, торговцы вразнос и ярмарочные зазывалы бойко торгуют лекарствами официальной фармакопеи, предлагают зевакам ортопедические протезы. Деятельность этих распространителей так интенсивна, что можно их рассматривать как пионеров медикализации. Многословная реклама их товара поспособствовала подрыву деревенского фатализма. Сами «костоправы» и «целители», все чаще преследуемые за нелегальную медицинскую практику, понемногу начинают использовать достижения хирургии и ортопедии.

Гигиена семейной жизни и инфекции

Влияние медицины на частную жизнь варьируется в зависимости от отношений, которые завязываются между врачом и его клиентурой, и от эпохи. В буржуазных семьях вплоть до начала 1880-х годов престиж врача опережает его эффективность. Слабительное, пиявки, банки и еще некоторые простейшие способы лечения — вот основной арсенал врача, какими бы теориями он ни был вдохновлен. В то же время надо отметить, что терапевтические лакуны заполняются тщательным соблюдением гигиены. Не будем переоценивать влияния этой «семейной гигиены». Она зависит от возраста, пола, положения в обществе, профессии, темперамента и местного климата и охватывает все аспекты жизни группы; гигиена тела побуждает жить в чистоте; гигиена питания настоятельно рекомендует различные диеты; главное же в этом вопросе — это комплекс предписаний, цель которых — установить правила жизни. Гигиенист — а в те времена любой врач в той или иной мере являлся им — предписывает физические упражнения, верховую езду, посещение балов, чтение романов, а также половую жизнь. Медицинская наука выдвигает свои требования в отношении страстей, в отношении душевных метаний и, главное, в отношении чувств. Врачу не все равно, о чем мечтают и что видят во сне его пациенты. В целом следует поддерживать их умеренность, пребывание в здоровой среде, сдерживать эксцессы, покончить с экзальтацией.

Параллельно с этим существует натуральная медицина, продукт зарождающейся экологии. Рост различных патологий в городах, беспорядочное развитие промышленности приводят к возникновению вопроса, не испортились ли окончательно условия жизни. Особенно это волновало господствующие классы. Врачи рекомендуют «лечение воздухом», превозносят термальные воды, начиная с периода Июльской монархии популярными делаются поездки на море. Создается буржуазное «искусство отдыхать» — страх туберкулеза был мощным стимулятором его появления. В то же время семьи научаются

все более изощренно изолировать больных — не столько затем, чтобы избежать распространения инфекции, к чему относятся более чем легкомысленно, сколько с целью скрыть существование в семье чахоточного или душевнобольного, что является пятном на ее генетическом капитале.

Триумф открытий Пастера в 1880-е годы изменил картину: иным стало отношение к инфекциям, привычки; изменилась природа отношений врача и пациентов. Медицина теперь заявляет о способности эффективно лечить телесные заболевания; стали заботиться не столько о поддержании морального духа больного, сколько о его исцелении. Борьба стала проще, дороже врача — прямее. В области гигиены главной стала борьба с микробами. Вода, мыло, антисептические препараты вышли на первый план, а всякие сложные предписания прошлого были отнесены в разряд архаизмов. Врач, который тщательно моет руки, прежде чем подойти к больному, служит примером для окружающих. Его присутствие теперь не требуется так настойчиво, как раньше. Отныне он действует более оперативно. В то же время к ошибкам врача теперь относятся гораздо суровее.

Новые теории подчеркивают риск заражения в доме, где есть больной, поэтому хозяева крупных предприятий очень неохотно признают заразность туберкулеза. Эта истина, открытая Вильменом в 1865 году, в 1867-м еще не признается Медицинской академией; и даже когда риск заражения станет реальным, заявляет Пиду, следует скрывать этот факт, чтобы у родственников не было искушения избавляться от больных членов семьи. В 1882 году Кох выделил бациллу; с тех пор стало невозможно замалчивать правду.

Обнаружение микроба

В городах вплоть до 1880-х годов врач, обслуживавший бедняков, старался снизить угрозу инфекции, вызываемую скученностью населения; главным здесь было не допустить эпидемии.

В деревне же он лишь пытался воспитательными мерами оздоровить обстановку в крестьянских домах и окружающем пространстве. После 1880 года вмешательство врача и здесь стало более методичным и регулярным. В деревни проникают новые методы лечения и антисептические препараты; в Ниверне, например, в интервале между 1870 и 1890 годами начинают распространяться лекарства.

Конечно, последователи Пастера по-прежнему анализируют угрозу болезней с точки зрения окружающей среды, а не социальных отношений; последствия новых теорий не менее тяжелы. Эти теории требуют вмешательства, как санитарного, так и социального, новой тактики наблюдения за жизнью семей. Люк Болтански* показал, с каким трудом внедрялись новые методы ухода за новорожденными в народной среде. Необходимость предупреждать и обнаруживать болезнь, удаление заразившегося из семьи и проведение профилактических мер — все это ведет к вмешательству в семейные дела и размывает границы публичной и частной жизни; если учесть, что микробы не видны невооруженным глазом, выявлять их нужно шире и систематичнее, чем прежде, когда лишь шел поиск домов, где есть инфекция.

Одновременно появились такие персонажи, как медсестра и патронажная медсестра. Традиция, когда семьи бедняков навещает дама-патронесса, жена хозяина предприятия, на котором они работают, понемногу заменяется более методичной практикой. Девушки из семей крупной буржуазии, жаждущие эмансипации, а иногда и желающие избежать замужества, самоутверждаются, выполняя новые обязанности. Появлению этих новых профессий в большой мере способствует борьба с туберкулезом. Доктору Кальмету первому пришла в голову идея посылать «инструкторов по гигиене» в лильские семьи; вскоре за ними последовали сотрудницы социальной службы,

* Люк Болтански (р. 1940) — французский социолог.

анимающиеся вопросами гигиены. Готовить этот персонал олжны были специальные школы; самая известная из них гкрылась в 1903 году в Париже на улице Амьо.

Появление новых персонажей подтверждает ту связь, котоая возникла между медицинскими властями и победившими оследователями Пастера; именно эта победа позволила соверить «государственный санитарный переворот», перипетии оторого смог отследить Жак Леонар.

астная жизнь и психиатр

е стоит, однако, полагать, что внимание к физическим являиям чрезмерно возросло с 1800 по 1914 год; речь здесь может ти скорее об эволюции способов воздействия. В течение по ьнейшей мере двух первых третей века терапевтическая неффективность; синкретические представления, на которые еспомощно опирались дезориентированные врачи, метавшия от одной теории к другой; разглагольствования медиков хлорозе (анемии), истерии, ипохондрии и опасности страгей; убежденность в существовании связи между физической моральной сторонами жизни человека — все это стимулирует азвитие психиатрии.

Что касается буржуазной клиентуры, в этой среде появляетя смутная, эмпирическая психотерапия, проводимая в жизнь обродушными и степенными докторами. Деревенский врач, ровень знаний которого несоизмеримо ниже, чем у крупных сихиатров, опасается пренебрегать жалобами на головокружение, ночные кошмары, страхи, пароксизмы страстей.

Когда начинает проявляться душевная болезнь, родственники и врачи оказываются перед проблемой совсем иного рода. жасная тайна наносит вред чести семьи, угрожает матримониьным планам. Когда душевнобольной — ребенок, оставлять го в доме представляется естественным. Огюст Одоар, котоого удручали его обязанности старшего сына в семье, начал

проявлять признаки душевной болезни. Его держали в спальне, позже — в комнате, прилегающей к отцовскому кабинету, а потом поселили в какой-то каморке рядом с голубятней. Юные сестры, Сабина и Жюльена, кормили его, стригли ему волосы. Иногда семейный доктор, на плечи которого ложилась тяжелая обязанность по лечению таких больных, призывал на помощь психиатра, выступавшего в качестве консультанта. Так постепенно начинает развиваться психиатрическая практика. В 1866 году таким образом — на дому — оказывалась помощь 58 687 душевнобольным, а 323 972 больных содержались в психиатрических лечебницах.

Присутствие повзрослевшего сумасшедшего становится невыносимым; чаще всего родня принимает решение отделаться от него, особенно если речь идет о женщине, от которой нет никакой пользы в доме, в отличие от мужчины. До принятия в 1838 году закона, определявшего статус душевнобольных, в этой сфере царил ужасная анархия. По инициативе семьи решение о помещении несчастного в дом скорби принималось на основании бумаги, выданной мэром, кюре, монахиней-сиделкой или каким-нибудь местным видным лицом. Очень часто помещение в закрытое учреждение делалось на основании юридически оформленного признания недееспособности человека. В департаменте Мен и Луара начиная с 1835 года такую бумагу мог выдавать только врач. По закону от 1838 года, принятому для наведения порядка в этом вопросе, необходимо было обращаться к дипломированному психиатру. Освободившись от тяжелого бремени ухода за душевнобольным, о нем сразу же забывали. Янник Рипа пишет, что в столице в 1844–1858 годах удалось освободить из психбольниц 29% женщин, независимо от того, вылечились они или нет, и лишь 3% парижанок, попавших в провинциальные заведения.

В публичных приютах для душевнобольных существовало несколько классов комфорта — можно упомянуть заведения в Шарантоне, в Лиможе, в пригороде Нанси Марвиле, в Йоне

(департамент Нижняя Сена). Больные из обеспеченных семей пользовались здесь привилегиями; им предоставлялось более просторное помещение, чем другим, они могли выбирать меню; иногда им разрешалось иметь рядом с собой прислугу, присутствие которой говорило о некоторой приватности положения несчастного. Когда пришло время трудотерапии, они могли уклоняться от обязанности работать. В 1874 году из 40 804 находящихся в специальных учреждениях 5067 человек не соблюдали общий режим.

Кроме того, делаются слабые попытки создать сеть частных психиатрических клиник. Эти «привилегированные» учреждения предназначены для более утонченной публики, чем основная масса пребывающих в психбольницах. В 1874 году в 25 таких заведениях содержались 1632 человека. Самые знаменитые из этих частных сумасшедших домов — клиника Эскироля*, находящаяся недалеко от Ботанического сада в Париже, затем в Иври, замок Сен-Джеймс в Нейи, где работал Казимир Пинель, и клиника в Пасси. В 1853 году Жерар де Нерваль, дважды попадавший в муниципальную лечебницу Дюбуа, поступил в клинику доктора Бланша, перевез туда свою мебель и коллекции; в следующем году он снова попал сюда; здесь же находился и Ги де Мопассан. В провинции лечебницы были гораздо беднее, например клиника доктора Герена, открытая в 1829 году в Гран-Лоне, в департаменте Мен и Луара; богатые пациенты содержались здесь на особых условиях.

Наконец, существовало множество частных заведений, где лечились богатые пациенты, страдавшие легкими нервными расстройствами. Во всех этих лечебницах, как отмечает Робер Кастель, между врачом и пациентом, которому оказывалась персональная помощь, отношения сильно отличались от тех, что царили в большинстве крупных психиатрических больниц.

* Жан-Этьен Доминик Эскироль (1772–1840) — французский реформатор психиатрии, автор первого научного руководства о ней.

Здесь постепенно складывался классовый подход к проблеме психических заболеваний, на основании которого в дальнейшем будет практиковаться психоанализ.

Потребность в психоанализе

В последней четверти века приоткрывается завеса частной жизни, появляется потребность в психологической помощи, что уже не связано напрямую с душевными болезнями. Люди начинают обращаться к психологам, как это происходит в настоящее время; это можно было почувствовать уже по объему частной клиентуры Шарко. Мы не будем останавливаться на причинах, вызывающих душевное неблагополучие в те времена. В период с 1857 по 1890 годы нарастание тревоги, вызываемой боязнью дурной наследственности, престижность неврологии, усиление веры в психологическую поддержку говорят о новом вызове, о необходимости появления нового типа специалистов. Последователи Пастера весьма успешны в лечении инфекционных болезней, но абсолютно не расположены выслушивать бесконечные жалобы пациентов на разного рода недомогания. Выслушивание жалоб больного становится новой медицинской профессией.

Эти изменения совпадают с прогрессом науки. Престиж Ипполита Тэна стимулирует появление экспериментальной психологии, связанной с культом интеллекта. Оказавшаяся под влиянием личности Пьера Жане, иллюстрируемая работами Альфреда Бине и Теодюля Рибо и поддерживаемая бергсоновским самоанализом, эта новая наука развивается по двум главным направлениям. Психологический анализ, которому Пьер Жане дал определение в 1889 году — главное новшество. Этот метод, основанный на осмотре с глазу на глаз, на точной фиксации произнесенных слов и на поиске предпосылок, представляет собой прежде всего поиск причины, следа. В основе этого метода — вера в то, что подсознательное не полностью отделено от сознания и является лишь его фрагментом.

Другая важная вещь — замер интеллекта. Этот метод основан на убежденности, что между идиотом и гением существует континуум, сплошная среда. Шкала интеллекта, предложенная в 1903–1905 годах Бине и Симоном, и тест, помогающий определить место каждого индивида на этой шкале, входят в новое кредо французской психологии.

Эти открытия имеют множество последствий. Психологический анализ вызывает к жизни новый терапевтический идеал и побуждает отказаться от насильственных процедур в лечении и от гипноза. Пьер Жане в своей методике предлагает не столько слушать больного, сколько смотреть на него; ватная тишина кабинета врача берет верх над зрелищностью психиатрической больницы. Еще до появления психоанализа складывается новое психическое пространство.

Отметим здесь, что фрейдистский пансексуализм пока отталкивает французских сторонников теории бессознательного, которые вплоть до начала I Мировой войны будут эффективно противостоять распространению венских теорий. Усилия по их популяризации, предпринимавшиеся с 1903 года швейцарским психологом Теодором Флурнуа и малоизвестным профессором Моришо-Бошаном из Пуатье, не увенчаются успехом. Как бы там ни было, психологический анализ и еще некоторые достижения экспериментальной науки, например, определение фетишизма, сделанное Альфредом Бине, или изучение патологии эмоций Шарлем Фере, подготовили экспансию психоанализа в XX веке.

Измерение интеллекта, которое в то время стало в обязательном порядке проводиться в школах, будет иметь последствия для личной жизни многих детей; благодаря открытию Бине школа, этот «большой демократический трибунал», как ее называли Робер Кастель и Жан-Франсуа Ле Сер, сможет определять наличие ненормальности, которую раньше выявить было невозможно. О существовании идиотов и имбецилов уже было известно, теперь же научились обнаруживать умственную

отсталость. Из некогда однородной массы молодежи выделяются новые фигуры — неуравновешенные, дебилы, умственно отсталые. Закон 1909 года, предусматривающий создание коррекционных классов, санкционирует это разделение детей на группы. В пассивном состоянии этот закон просуществует до 1950-х годов.

Традиционные жесты и «формовка» тела

Образы тела, соответствующие социально-экономическим нуждам и зависящие от положения в обществе, диктуют свои требования педагогике, которая в свою очередь стремится создать модель поведения и предписывает определенные жесты и позы. Однако постепенно назревает желание освободиться от муштры; параллельно усиливается субъективация тела, что отмечают историки психологии. Так в XIX веке возникает целый комплекс соматических дисциплин и процедур сопротивления; историки еще очень далеки от его понимания. В этой области, как и во многих других, ученый дискурс еще только складывается. Кодекс жестов, наследник лассалевских правил приличия, позы, предписанные школьнику, воспитаннику пансиона, солдату, заключенному, жесты и движения промышленного рабочего, позы отдыха или простого расслабления, желание освободить движение, которое проявляется во времена Прекрасной эпохи, — все это представляет собой широчайшее поле для исследований. В частной жизни сталкиваются муштра и телесная эмансипация. Но и здесь все зависит от социальной среды.

В этой области в первую очередь бросается в глаза деревенская косность. Позы и жесты крестьян на полотнах Милле кажутся пришедшими из далекого прошлого — но это, опять же, может быть результатом нашей неосведомленности. Ги Тюилье, единственный из историков, кто обратил внимание на эту проблему, описал архаичные жесты крестьян из Ниверне; эти жесты вплоть до середины века свидетельствовали об отсутствии

каких бы то ни было изменений в данной сфере. Этнологи из Музея традиционного народного искусства, занимающиеся этой сложной темой, выдвигают гипотезу о том, что манера двигаться при приготовлении пищи с XIV века до 1850 года совершенно не изменилась. Начиная с этой даты и приблизительно до 1920 года традиции медленно меняются под влиянием новой техники и материалов. В дальнейшем произошел настоящий переворот, в результате которого полностью изменилась ежедневная жестикуляция. Эту хронологию следует уточнить. Филипп Жутар весьма разумно отмечает, что все жесты очень последовательны и взаимосвязаны: зная, как крестьянин хватает охапку соломы, можно представить себе, как он обнимает любимую женщину.

В сельской среде по-прежнему верили в возможность исправления тела. Матроны XIX века, как и раньше, пытаются исправить форму черепа младенца сразу после его рождения; пеленание детей, по крайней мере облегченный его вариант, оставляющий ручки младенца свободными, в некоторых деревнях сохраняется до начала Третьей республики. В истории протезирования описываются случаи, когда матери буржуазных семейств заставляли своих немного сутулых дочерей носить чудовищные железные кресты, державшие спину прямой; считалось, что правильная осанка — это «эстетическое приданое» для девушек на выданье.

Спины прямые, никакой вялости!

Однако все вышеописанное — архаика; благодаря, в частности, работам Жоржа Вигарелло сегодня мы можем обозначить этапы исправления осанки. В первой половине века механика, а начиная с 1851 года энергетическая модель, предложенная термодинамикой, меняют образ тела. Оно предстает сначала как комплекс разных сил, потом — как мотор; теперь становится важным не холить, а тренировать его. Физические упражнения выходят за рамки военной сферы; гимнастика,

цель которой — придать телу максимально возможную мощь, постепенно проникает всюду.

Апологеты этого обновленного искусства превозносят правильную осанку. Мужчина должен затянуть пояс, выкатить грудь колесом, убрать живот. Корсет, который носят женщины, с одной стороны, подчеркивает эротичность их форм, с другой — также улучшает осанку. Женщины эпохи Третьей республики были сутулы, и в каждом доме постоянно звучали окрики: «Выпрями спину!», «Втяни живот!». Страх туберкулеза заставляет делать дыхательные упражнения, чтобы заставить легкие работать в полную силу и даже развить их. Одновременно продолжает развиваться ортопедия; ко всяким аппаратам, которые фиксируют тело в прямом положении, добавляются первые тренажеры, которые облегчают выполнение упражнений. Именно в то время зарождается лечебная или корригирующая гимнастика, основанная на выполнении определенных движений для исправления того или иного недостатка.

Школьная и семейная педагогика вдохновлена этими новшествами. Учителя и родители стремятся к тому, чтобы их дети и воспитанники держались прямо, потому что вялость осанки говорит о праздности. Настало время динамичной живости. На заводах и в школах начинают следить за положением тела и осанкой. Акцент делается на пользе «укрепляющей усталости» (Жорж Вигарелло).

В конце века, как показали историки Эжен Вебер и Марсель Спивак, воспитывается способность при необходимости дать отпор. Занятия физкультурой становятся обязанностью; длительные пешие походы школьников выражают эти новые императивы. Именно тогда происходит слияние бесконечных гимнастических занятий и более непринужденной игровой деятельности, аристократической по своему происхождению; в целом это, имитируя английские *games*, кладет начало такому явлению, как спорт. Верховая езда, охота, игры в мяч создали

модель деятельности, которая, как и множество других, начинается наверху социальной пирамиды и распространяется вниз. Спорт под влиянием теории Дарвина и германской угрозы оказывал воздействие на поведение: он благоприятствовал тому, что англичане называют *self-government*, самостоятельности индивида; все стремились к победе, к набору очков, к восторгу чемпиона.

На пути к расцвету свободного тела

Еще одно неисследованное течение повышало внимание публики конца XIX века к развитию тела. Натуральная медицина, о которой мы уже упоминали, высоко ценила прогулки на свежем воздухе, походы в горы, позже — морские купания и катание на велосипеде. Со временем все эти занятия становятся очень популярными и постепенно выходят из чисто медицинской сферы. Отныне цель их не в исправлении осанки, не в тренировках и даже не в лечении, а просто в получении удовольствия. Этот поиск гармонии жестов и поз символизирует царящая на парижской сцене Айседора Дункан; ее танец — торжество свободного тела, которое больше не рассматривается как внешняя сторона личности. Здесь важно отметить, что эти телесные поиски совпадают по времени с новыми психологическими запросами и эротизацией пары. В кинестезии больше не доминирует прислушивание к дисфункциям организма; она теперь в большей мере направлена на получение удовольствия. Вскоре суровый Поль Валери будет сам анализировать удовольствие, которое испытывает обнаженное тело при купании в море.

Эта революция — не будем бояться слова, — которую Марсель Пруст, очарованный проказами велосипедисток на пляже, подчеркивает тем настойчивее, что она невозможна для него самого, полностью изменит поведение, стиль и привычки, составляющие частную жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мишель Перро

Неустойчивое равновесие между публичным и частным очень сильно зависело от господствовавшей политической теории. Руссо мечтал об абсолютной прозрачности: «Если бы я мог выбрать себе место рождения, я бы предпочел государство, где все люди знали бы друг друга и ничто нельзя было бы скрыть от общественного мнения — ни темные порочные дела, ни скромность и добродетель». Токвиль, наоборот, подчеркивал преимущества индивидуализма, называл его «недавним выражением» и писал, что прежде всего он является эквивалентом общительности: «Индивидуализм — это мирное чувство, которое дает возможность каждому гражданину отделиться от массы таких же, как он, и держаться вместе со своей семьей и друзьями в стороне; создав таким образом свое собственное маленькое общество, он с радостью мог бы оставить общество большое». В начале XX века Леон Буржуа находил в «солидаризме» средство примирения прав победившего индивида и его обязанностей — его «долга» — перед обществом, которое существовало до него и органичной частью которого он является. На этой связи основано «социальное право», которое не допускает ни тоталитарных решений общественных вопросов, ни либерального попустительства и в то же время оправдывает нарастающее вмешательство государства.

В XIX веке делались отчаянные попытки стабилизировать границу между частным и публичным, отдать частную жизнь семье, признать суверенитет родительского дома. Но лишь

только граница оказывалась зафиксированной, как тут же начинала двигаться и смещаться под действием множества неуловимых факторов.

На заре XX века складывается новая действительность. Бурное развитие рынка, производства, новой техники вызывает рост потребления и обмена. Реклама возбуждает желания. Новые виды транспорта порождают мобильность. Поезд, велосипед, автомобиль стимулируют перемещение людей и предметов. Почтовые открытки и телефонная связь облегчают передачу личной информации. Распространение моды меняет внешний вид людей. Фотография позволяет иметь множество собственных изображений и составить представление о себе. Этот фейерверк признаков иногда скрывает неподвижность фона.

Предрассудков, связанных с пространством и временем, становится меньше, и люди стремятся самостоятельно выбирать свою судьбу: дорога к поставленным целям кажется им открытой. В основе новой эстетики и философии лежат забота человека о себе; ухоженное, тщательно познанное тело со всей его сложной нервной организацией; душа, глубины которой люди начинают постигать; свободные проявления сексуальности у нового поколения; новые взгляды на брак и гетеросексуальность.

Наступление индивидуализма в той или иной степени затрагивает все слои населения, в особенности городского. Рабочий мир, например, в момент, когда укрепляется производственная дисциплина, начинает очень ценить нерабочее время и требует пространства для себя. А утверждение классового сознания не противоречит желанию вырваться из своего класса. Даже крестьяне, столетиями мирившиеся со своей судьбой, под влиянием трудовых мигрантов, этих проводников культуры, постепенно перестают подчиняться старым правилам жизни, любви и смерти.

Однако есть три категории людей, которые решительно сбрасывают оковы прошлого: это молодежь, женщины и интеллектуальный и артистический авангард. «Желать, воплощать

желания, жить» — таковы устремления двадцатисемилетнего героя «Становления» Роже Мартена дю Гара, альтер эго писателя. Получив доступ к различным новым профессиям и некоторую свободу, женщины решительнее требуют осуществления права на труд, путешествия, любовь. То поднимающийся, то затухающий феминизм XIX века, который выражал смутные чаяния многих и часто внедрялся в бреши власти, становится на твердую основу; через газеты (например, *La Fronde*) это движение требует равенства гражданских и политических прав, аргументируя свои требования, с одной стороны, необходимостью признания материнской и общественной роли женщин, с другой — логикой естественного права: если женщины — это индивидуальности, почему с ними ведут себя как с несовершеннолетними? По всей Европе появляется «новая женщина», образ которой прославляют, иногда двусмысленно, мужчины, желающие изменить отношения в паре.

Однако все эти изменения, по правде говоря, скорее декларируются, нежели осуществляются: они повсюду встречают ожесточенное сопротивление, религиозное, моральное и политическое. По мнению Арно Майера, это сопротивление поддерживается сторонниками уходящего Старого порядка и постоянно обновляет свои стратегии и оправдания. Молодежные движения (например, движение скаутов) нацелены на эмансипацию юношества. Яростный антифеминизм, проявление кризиса мужской идентичности, возлагает на женщин ответственность за падение нравов, предшествующее упадку нации. Разнообразные моральные лиги пропагандируют нравственность на улицах, требуют запретить обниматься и целоваться в публичных местах, обрушивают град проклятий на «порочную» литературу, будоражащую воображение картинами победившего Эроса.

Симптоматична эволюция мысли писателя Мориса Барреса, некогда прославлявшего культ «Я»; теперь он стал патриотом-почвенником.

Во всех европейских странах на закате века усилилась роль государства, начавшего действовать согласно психологии толпы; государство использует общественное мнение во имя защиты интересов нации и утверждает примат коллективных ценностей.

В «Манифесте футуризма», опубликованном Филиппо Томмазо Маринетти 20 февраля 1909 года, говорится: «Мы разрушим музеи, библиотеки, учебные заведения всех типов, мы будем бороться против морализма, феминизма... <...> Мы будем восхвалять войну — единственную гигиену мира».

Конечно, война. Ее «декларация» напоминает всем и каждому, что первично публичное, а частная жизнь ограничена, относительна и подчинена жизни публичной. Война дает сигнал о том, что отдых окончен. Мобилизует энергию молодежи, призванной выполнять свой долг, возвращает на место все гендерные роли, каждый индивид занимает свое место в гражданской иерархии. Даже если на деле ничто не нарушает частную жизнь, она должна раствориться, спрятаться, стать еще более секретной, особенно если она идет вразрез с национальным долгом.

История покажет, что именно блокировала, запретила, нарушила, изменила война. Не будем, тем не менее, забывать о новой системе отношений, начавших складываться непосредственно перед войной.

О чем думают эти молодые люди, с веселым видом отбывающие на войну, которая, по всеобщему мнению, будет короткой? Эти дети, вовлеченные в игры, о жестокости которых они не подозревают? Эти женщины, молодые и не очень, машущие платочками в порыве бьющего через край патриотизма? Какие связи, какие любви рвутся навсегда? Какие надежды разбиваются или, наоборот, появляются? Какое у них прошлое? И что их ждет в будущем? Чьи-то жизни, похожие и разные, мгновенно ставшие единой, уносятся вихрем истории.

Вокзал, поезд: современные фигуры судьбы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Рукопись настоящего тома была передана в издательство в марте 1986 года. Библиография актуальна на эту дату.

I. Общие вопросы

- Ariès Ph.* Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. Paris: Self, 1948.
- Ariès Ph.* L'Enfant et la Vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Éd. du Seuil, 1973.
- Ariès Ph.* L'Homme devant la mort. Paris: Éd. du Seuil, 1977.
- Ariès Ph.* Images de l'homme devant la mort. Paris: Éd. du Seuil, 1983.
- Certeau M. de* L'Invention du quotidien. T. I: Arts de faire. Paris: UGE, 1980.
- Dumont L.* Essai sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris: Éd. du Seuil, 1983.
- Elias N.* Über den Progress der Zivilisation. Basel: Verlag Haus zum Falken, 1939; фр. пер.: La Civilisation des mœurs et La Dynamique de l'Occident. Paris: Calmann-Lévy, 1973.
- Elshtain J. B.* Public Man, Private Woman. Women in Social and Political thought. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- Foucault M.* Histoire de la sexualité. T. I: La Volonté de savoir. T. II. L'Usage des plaisirs. T. III: Le Souci de soi. Paris: Gallimard, 1984 (и другие произведения Фуко).

- Goffman E.* La Mise en scène de la vie quotidienne. T. I: La Présentation de soi. T. II: Les Relations en public. Paris: Éd. de Minuit, 1973.
- Habermas J.* L'Espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. Paris: Payot, 1978.
- Hirschman A.* Bonheur privé, action publique. Paris: Fayard, 1983.
- Mayer A.* La persistance de l'Ancien Régime. L'Europe de 1848 à la Grande Guerre / trad. fr. Paris: Flammarion, 1983.
- Moore B.* Privacy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984.
- Sennett R.* Les Tyrannies de l'intimité. Paris: Éd. du Seuil, 1979.
- Sennett R.* La Famille contre la ville. Les classes moyennes de Chicago à l'ère industrielle (1872–1890) / postface de Ph. Ariès. Paris: Encre, 1980.

II. Частная жизнь и Французская революция

Мемуары

- La Révellière-Lépeaux. Paris: Plon, 1895, 3 vol.; Mme Roland. Paris: Baudouin, 1820, 2 vol.
- Baczko B.* «Le calendrier républicain. Décréter l'éternité», Les Lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. I: La République. Paris: Gallimard, 1984.
- Cobb R.* Death in Paris. Oxford: Oxford University Press, 1978.
- Dessertine D.* Divorcer à Lyon sous la Révolution et l'Empire. Lyon: PUL, 1981.
- Garaud M., Szramkiewicz R.* La Révolution française et la Famille. Paris: PUF, 1978.
- Ozouf M.* La Fête révolutionnaire (1789–1799). Paris: Gallimard, 1976.
- Roderick Ph.* Family Breakdown in Late Eighteenth Century France: Divorce in Rouen, 1792–1803. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- Staub M. S.* Cabanis: Enlightenment and Medical Philosophy in the French Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.

О маркизе де Садэ

- Barthes R.* Sade, Fourier, Loyola. Paris: Éd. du Seuil, 1971.
- Blanchot M.* Lautréamont et Sade. Paris: Éd. de Minuit, 1949.
- Lynch L. W.* The Marquis de Sade. Boston: Twayne Publishers, 1984.

III. Частная жизнь в Англии

- Basch F.* Les Femmes victoriennes. Roman et société, 1837–1867. Paris: Payot, 1979.
- Blunden K.* Le Travail et la Vertu. Femmes au foyer: une mystification de la révolution industrielle. Paris: Payot, 1982.
- Davidoff L.* The Best Circles. Society, Etiquettes and the Season. London: Law Book Co, 1973.
- Davidoff L., Hall C.* The Firm of Wife, Children and Friends: Men and Women in the English Provincial Middle Class, 1780–1850. London, [s. d.].
- Gilbert A. D.* Religion and Society in Industrial England: Church, Chapel and Social Change. London: Longman, 1976.
- Girouard M.* Life in the English Country House. N. Y.: Harmondsworth, 1980.
- Language, Gender and Childhood / ed. by B. Taylor, C. Urwin, V. Walkerdine. London, 1985.
- Navaille J.-P.* La Famille ouvrière dans l'Angleterre victorienne. Des regards aux mentalités, Seyssel, Champ Vallon, 1983.
- Pinchbeck I.* Women Workers and the Industrial Revolution, 1750–1850. London: Frank Cass, 1969.
- Quinlan M.* Victorian Prelude. A History of English Manners, 1700–1830. London, 1965.
- Taylor B.* Eve and the New Jerusalem. Socialism and Feminism in the Nineteenth Century. London, 1983.
- The Invention of Tradition / ed. by E. J. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- The Pursuit of Urban History / ed. by D. Fraser and A. Sutcliffe. London, 1983.
- The Rights and Wrongs of Women / ed. by J. Mitchell J. and A. Oakley. N. Y.: Harmondsworth, 1976.
- Vicinus M.* Independent Women. Work and Community for Single Women, 1850–1920. London, Virago: 1985.
- Vincent D.* Bread, Knowledge and Freedom. A Study of Nineteenth Century Working Class Autobiographies. London, N. Y.: Methuen, 1981.

IV. Частная жизнь во Франции (основные источники)

Здесь речь не идет о собственно литературных источниках. Цитируемые литературные произведения включены в указатель.

1. Переписка

Помимо частной переписки художников, писателей, политических деятелей (Бодлер, Флобер, Жорж Санд, чьи шестнадцать томов переписки, опубликованные в настоящее время Жоржем Любеном, являются неисчерпаемым источником информации, Нерваль, Стендаль, Софья Свечина, Токвиль — в частности, три тома его переписки с Гюставом де Бомоном, т. VIII из Полного собрания сочинений, изданного издательством Gallimard, и с Софьей Свечиной, т. XVI, переписка Ван Гога с братом Тео и пр.), использовалось некоторое количество семейных писем: «Неизданные письма дочерей Карла Маркса», подготовленные к печати Мишель Перро (Paris: Albin Michel, 1979): «Марта» (1892–1902) и «Эмили» (1802–1872), подготовленные к печати Бернаром де Фременвилем (Paris: Éd. du Seuil, 1982–1985).

Chotard-Lioret C. La Socialité familiale en province: une correspondance privée entre 1868 et 1920, thèse de 3e cycle. Paris-V, 1983.

Écrire, Publier, Lire. Les correspondances (problématique et économie d'un «genre littéraire»), actes du colloque international «Les correspondances». Nantes (octobre 1982): Université de Nantes, publication offset, 1982.

Frère C., Ripert C. La Carte postale. Son histoire, sa fonction sociale. Lyon: PUL; Paris: CNRS, 1983.

Georges R. Chronique intime d'une famille de notables au XIXe siècle. Les Odoard de Mercuro. Lyon: PUL, 1981.

Isambert-Jamati V., Sirota R. «La barrière, oui, mais le niveau?» (sur la correspondance familiale des Goblot) // Cahiers internationaux de sociologie. 1981. T. LXX. P. 5–33.

2. Личные дневники

а) Тексты

- Amiel H. F.* Journal intime. Lausanne: L'Âge d'homme, 1976, 1978, 1979.
Bashkirtseff M. Journal (1887). Paris: Mazarine, 1985.
Baude M. P. H. Azaïs, témoin de son temps, d'après son journal inédit (1811–1844), thèse. Lille-III, 1980.
Brame C. Journal intime / enq. de M. Perrot et G. Ribeill. Paris: Montalba, 1985.
Bréton G. Journal. Paris: Ramsay, 1985.
Constant B. Journaux intimes (1803–1816). Paris: Gallimard, 1957.
Delacroix E. Journal, 1822–1863. Paris: Plon, 1980.
Guérin E. de. Journal et Fragments. Paris: V. Lecoffre, 1884.
Maine de Biran. Journal. Paris: Vrin, 1954.
Renard J. Journal, 1887–1910. Paris: Gallimard, 1960.
Stendhal. Journal, 1801–1823. Paris: Gallimard, 1955.
Swetchine Mme. Lettres de Mme Swetchine. Paris: Didier, 1862.

б) Рукописи

- Дневник Габриэлли Лаген, 1890–1891.
 Дневник Рене Берреля, 1905–1916.
 Сборник Виктора Гюго, принадлежавший Клэр П. из Шатофора, 1893–1919 и пр.

с) О личных дневниках

- Didier B.* Le Journal intime. Paris: PUF, 1976.
Georgel P. Léopoldine Hugo, une jeune fille romantique. Paris: Catalogue du musée Victor-Hugo, 1967.
Girard A. Le Journal intime. Paris: PUF, 1963.
Leleu M. Les Journaux intimes. Paris: PUF, 1952.

3. Автобиографии, мемуары

а) Тексты

- Bouvier J.* Mes Mémoires ou Cinquante-Neuf Années d'activité industrielle, sociale et intellectuelle d'une ouvrière (1876–1935). Paris: Maspero, 1983.

- Canetti E.* La Langue sauvée. Histoire d'une jeunesse (1905–1921). Paris: Albin Michel, 1980.
- Chateaubriand F. R. de.* René. Paris, 1802.
- Chateaubriand F. R. de.* Mémoires d'outre-tombe. Paris, 1848–1850.
- Daudet Mme A.* L'Enfance d'une Parisienne. Enfants et mères. Paris, 1892.
- Dumay J.-B.* Mémoires d'un militant ouvrier du Creusot (1841–1926). Paris: Maspero, 1976.
- Feuillet Mme O.* Quelques Années de ma vie. Paris, 1894.
- Foucault M.* Moi, Pierre Rivière, ayant égorgé ma mère, ma sœur et mon frère. Paris: Gallimard, 1973.
- Gambon C. F.* Dans les bagnes de Napoléon III, Mémoires, présenté par J.-Y. Mollier. Paris: PUF, 1983.
- Gauny G.* Le Philosophe plebeian / ed. J. Rancière. Paris: Maspero, 1983.
- Grafteaux S.* Mémé Santerre. Une vie. Paris: Marabout, 1975.
- Lafarge M.* Mémoires de Marie Capelle veuve Lafarge écrits par elle-même. Paris, 1841.
- Lamartine A. de.* Le Manuscrit de ma mère. Paris: Hachette, 1924.
- Lejeune X. E.* Calicot. Enquête de Michel et Philippe Lejeune. Paris: Montalba, 1984.
- Martin du Gard R.* Souvenirs autobiographiques et littéraires. Paris: Gallimard, 1955. T. I.
- Nadaud M.* Mémoires de Léonard, ancien garçon maçon (1895), présenté par M. Agulhon. Paris: Hachette, 1976.
- Ozouf J.* Nous les maîtres d'école. Paris: Gallimard/Julliard, 1967.
- Ozouf J., Ozouf M.* La Classe ininterrompue. Cahiers de la famille Sandre, enseignants, 1780–1860. Paris: Hachette, 1979.
- Pange comtesse de.* Comment j'ai vu 1900. Paris, 1962–1968. 3 vol.
- Perdiguiet A.* Mémoires d'un compagnon / introd. d'A. Faure. Paris: Maspero, 1977.
- Proudhon P. J.* Mémoires de ma vie / ed. B. Voyenne. Paris: Maspero, 1983.
- Sand G.* Histoire de ma vie (1re éd., 1854–1855) / ed. G. Lubin. Paris: Gallimard, 1971. 2 vol.
- Sartre J.-P.* Les Mots. Paris: Gallimard, 1964.
- Simonin A.* Confessions d'un enfant de La Chapelle. Le faubourg. Paris: Gallimard, 1977.
- Stendhal.* Œuvres intimes / ed. Henri Martineau. Paris: Gallimard, 1955.
- Truquin N.* Mémoires et Aventures d'un prolétaire à travers la Révolution (1888). Paris: Maspero, 1977.

- Vallès J.* Œuvres complètes / ed. L. Scheler, M.-C. Bancquart. Paris, 1969–1970. 4 vol.
- Vanderwielen L.* Lise du plat pays (roman autobiographique). Lille, 1983.
- Voilquin S.* Souvenirs d'une fille du peuple. Paris: Maspero, 1978.
- Weiss L.* Mémoires d'une Européenne. Paris, 1968. T. I: 1893–1919.

b) Исследования

- Colloque de Cerisy. Individualisme et Autobiographie en Occident / ed. C. Delhez-Sarlet, M. Catani. Bruxelles: Éditions de l'Université Libre de Bruxelles, 1983.
- Lejeune Ph.* L'Autobiographie en France. Paris, 1971.
- Lejeune Ph.* Le Pacte autobiographique. Paris, 1975.
- Lejeune Ph.* Je est un autre. Paris, 1980.
- Lejeune Ph.* Moi aussi. Paris, 1986.

V. Действующие лица частной жизни

1. Теория и политика частной жизни и семьи

- Armogathe D., Albistur M.* Histoire du féminisme français. Du Moyen Âge à nos jours. Paris, 1977.
- Arnault F.* Histoire de Frédéric Le Play. De la métallurgie à la science sociale. Nancy, 1993.
- Deniel R.* Une image de la famille et de la société sous la Restauration (1815–1830), Étude de la presse catholique. Paris: Éd. ouvrières, 1965.
- Devance L.* La Pensée socialiste et la Famille de Fourier à Proudhon. Dijon, 1976.
- Donzelot J.* La Police des familles. Paris: Éd. de Minuit, 1977.
- Edelman B.* La Maison de Kant. Paris: Payot, 1984.
- Ewald F.* L'État-providence. Paris: Grasset, 1986.
- Meyer Ph.* L'Enfant et la Raison d'État. Paris: Éd. du Seuil, 1977.
- Picq F.* Sur la théorie du droit maternel. Discours anthropologiques et discours socialistes, doctorat d'État. Paris-IX, 1979.
- Prigent R.* Renouveau des idées sur la famille / Cahiers de l'INED. Paris: PUF, 1954. No. 18.
- Rosanvallon P.* Le Moment Guizot. Paris: Gallimard, 1985.

2. Комплексные исследования

- Goody J.* The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Guillaume P.* Individus, Familles, Nations. Essai d'histoire démographique, XIXe-XXe siècle. Paris: SEDES, 1985.
- Le Bras H., Todd E.* L'Invention de la France. Paris: Pluriel, 1981.
- Lequin Y.* Histoire des Français. Paris: A. Colin, 1983-1985.
- Segalen M.* Sociologie de la famille. Paris: A. Colin, 1981.
- Shorter E.* Naissance de la famille moderne. Paris: Éd. du Seuil, 1981.

3. Право

- Arnaud-Duc N.* Droit, Mentalités et Changement social en Provence occidentale. Une étude sur les stratégies et la pratique notariale en matière de régime matrimonial, de 1785 à 1855. Aix-en-Provence: Édisud, 1985.
- Bordeaux M.* Droit et femmes seules. Les pièges de la discrimination // Farge A., Klapisch Ch. Madame ou Mademoiselle? Paris: Montalba, 1984.
- Dhavernas O.* Droit des femmes, Pouvoir des hommes. Paris: Éd. du Seuil, 1978.
- Ourliac P., Gazzaniga L.* Histoire du droit civil français de l'an mil au Code civil. Paris: Albin Michel, 1985.

4. Функции семьи

- Borie J.* Mythologies de l'hérédité. Paris: Galilée, 1981.
- Capdevielle J.* Le Fétichisme du patrimoine. Essai sur un fondement de la classe moyenne. Paris: Fondation nationale des sciences politiques, 1986.
- Métral M.-O.* Mariage: les hésitations de l'Occident. Paris: Aubier, 1977.
- Zeldin Th.* Histoire des passions françaises, 1848-1945. Paris: Encre, 1978-1979. T. I: Ambition et Amour. T. II: Orgueil et Intelligence. T. III: Goût et Corruption. T. IV: Colère et Politique. T. V: Anxiété et Hypocrisie.

5. Семья и общество

a) Сельское население

- Claverie E., Lamaison P.* L'Impossible Mariage. Violence et parenté en Gévaudan, XVIIe, XVIIIe et XIXe siècle. Paris: Hachette, 1982.
- Garniche-Merritt M.-J.* Vivre à Bué-en-Sancerrois, thèse de 3e cycle. Paris-VII, 1982.
- Halévy D.* Visites aux paysans du Centre (1907–1934). Paris, 1978.
- Hubscher R.* L'Agriculture et la Société rurale dans le Pas-de-Calais du milieu du XIXe siècle à 1914. Arras, 1979. 2 vol.
- Lehning J.* Peasants of Marllhes, Economic Development and Family Organization in 19th Century France. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1980.
- Segalen M.* Mari et Femme dans la société paysanne. Paris: Flammarion, 1980.
- Segalen M.* Nuptialité et Alliance. Le choix du conjoint dans une commune de l'Eure. Paris: Maisonneuve et Larose, 1972.
- Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976.

b) Буржуазия

- Actes de la recherche en sciences sociales. Mars/avril 1978. Vol. 20–21 («Le patronat»).
- Chaline J.-P.* Les Bourgeois de Rouen. Une élite urbaine du XIXe siècle. Paris: Fondation nationale des sciences politiques, 1982.
- Charle Ch.* Les Hauts Fonctionnaires en France au XIXe siècle. Paris: Gallimard/Julliard, 1980.
- Daumard A.* La Bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. Paris: SEVPEN, 1963.
- Daumard A.* Les Fortunes françaises au XIXe siècle. Paris: Mouton, 1973.
- Estèbe J.* Les Ministres de la République, 1871–1914. Paris: Fondation nationale des sciences politiques, 1982.
- Miller M. B.* The Bon Marché; Bourgeois Culture and the Department Store, 1869–1920. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- Perrot M.* Le Mode de vie des familles bourgeoises, 1873–1953. Paris: A. Colin, 1961.
- Royer J.-P., Martinage R., Lecoq P.* Juges et Notables au XIXe siècle. Paris: PUF, 1982.
- Serman W.* Les Officiers français dans la nation, 1848–1914. Paris: Aubier, 1982.

с) Народная среда, мир рабочего класса

- Библиографии:** 1. Источников: *Perrot M. Enquêtes sur la condition ouvrière en France au XIXe siècle. Paris: Microéditions Hachette, 1972* (в первую очередь монографии о семье Ле Пле и его школе); 2. Работ: *Noiriel G. Les Ouvriers dans la société française, XIXe-XXe siècle. Paris: Éd. du Seuil, 1986.*
- Accampo E. Industrialization and the Working Class Family: Saint-Chamond, 1815-1880. Ann Arbor, MI: University Microfilms International, 1984.*
- Burdy J.-P. Le Soleil noir. Formation sociale et mémoire ouvrière dans un quartier de Saint-Étienne (1840-1940), these. Lyon II, 1986.*
- Chevalier L. Classes laborieuses et Classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle. Paris: Plon, 1958.*
- Frey M. Du mariage et du concubinage dans les classes populaires à Paris en 1846-1847 // Annales ESC. 1978. Juillet — août.*
- Gribaudo M. Procès de mobilité et d'intégration. Le monde ouvrier turinois dans le premier demi-siècle, these. Paris: EHESS, 1985.*
- Jacquemet G. Belleville au XIXe siècle. Paris: EHESS, 1984.*
- Lequin Y. Les Ouvriers de la région lyonnaise, 1848-1914. Lyon: PUL, 1977. 2 vol.*
- Noiriel G. Longwy. Immigrés et prolétaires (1880-1980). Paris: PUF, 1984.*
- Pierrard P. La Vie ouvrière à Lille sous le Second Empire. Paris: Bloud et Gay, 1965.*
- Rancière J. En allant à l'expo: l'ouvrier, sa femme et les machines // Les Révoltes logiques. 1975. No. 1.*
- Rancière J. La Nuit des prolétaires. Archives du rêve ouvrier. Paris: Fayard, 1981.*
- Reddy W. Family and Factory: French Linen Weavers in the Belle Epoque // Journal of Social History. 1975. No. 102-112.*
- Reddy W. The Rise of Market Culture. The Textile Trade and French Society, 1750-1900. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Maison des sciences de l'homme, 1984.*

6. Гендерные роли

- Aron J.-P. Misérable et Glorieuse: la Femme du XIXe siècle. Paris: Fayard, 1981.*
- Colloque Jules Ferry / présenté par F. Furet. Paris: EHESS, 1985.*

- Guillemin H.* L'Engloutie. Adèle, fille de Victor Hugo (1830–1915). Paris: Éd. du Seuil, 1985.
- Knibiehler Y., Fouquet C.* Histoire des mères du Moyen Âge à nos jours. Paris: Montalba, 1977.
- McMillan J. F.* Housewife or Harlot: the Place of Women in French Society. London: Harvester Wheatsheaf, 1981.
- Martin-Fugier A.* La Bourgeoise. Femme au temps de Paul Bourget. Paris: Grasset, 1983.
- Perrot M.* Une histoire des femmes est-elle possible? Marseille: Rivages, 1984.
- Sarrazin H.* Élisée Reclus ou la Passion du monde. Paris: La Découverte, 1985.
- Smith B.* Ladies of the Leisure Class. The Bourgeoises of Northern France in the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- Sohn A. M.* Les rôles féminins dans la vie privée: approche méthodologique et bilan de recherches // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1981. Oct. — déc.
- Tilly L. A., Scott J. W.* Women, Work and Family. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1978.
- Verdier Y.* Façons de dire, Façons de faire. La laveuse, la couturière, la cuisinière. Paris: Gallimard, 1979.

7. *Детство, отрочество, воспитание*

- Annales de démographie historique, 1973. Enfance et société. Paris: La Haye, Mouton & C°, 1973. (Важная библиография.)
- Berlanstein L. R.* Growing up as Workers in Nineteenth Century Paris: the Case of the Orphans of the Prince Imperial // French Historical Studies. 1980. Т. XI. No. 4.
- Boltanski L.* Prime Éducation et Morale de classe. Paris: La Haye, 1969.
- Bouillé M.* Les Pédagogies du corps. Lieux et corps pédagogiques du XVIIIe au XIXe siècle, doctorat d'État. Paris-VIII, 1984.
- Compère M.-M.* Du collège au lycée (1500–1850). Généalogie de l'enseignement secondaire français. Paris: Gallimard/Julliard, 1985.
- Cottureau A.* Travail, école, famille. Aspects de la vie des enfants d'ouvriers à Paris au XIXe siècle // Autrement. 1977. No. IX.
- Crubellier M.* L'Enfance et la Jeunesse dans la société française (1800–1950). Paris: A. Colin, 1970.
- Faye-Sallois F.* Les Nourrices à Paris au XIXe siècle. Paris: Payot, 1980.

- Gélis J., Laget M., Morel M.-F.* Entrer dans la vie. Naissances et enfances dans la France traditionnelle. Paris: Gallimard/Juliard, 1981.
- Gillis J.R.* Youth and History. Tradition and Change in European Age Relations, 1770–Present. N. Y.; London: Academic Press, 1974.
- Knibiehler Y., Bernos M., Ravoux-Rallo E., Richard E.* De la pucelle à la minette. Les jeunes filles de l'âge classique à nos jours. Paris: Temps actuels, 1983.
- Laplaige D.* Paris et ses sans-famille au XIXe siècle, thèse de 3e cycle, Paris-VII, 1981.
- Lévy M.-F.* De mères en filles. L'éducation des Françaises, 1850–1880. Paris: Calmann-Lévy, 1984.
- Mayeur F.* L'Enseignement secondaire des jeunes filles sous la Troisième République. Paris: Fondation nationale des sciences politiques, 1977.
- Mayeur F., Gadille J.* Éducation et Images de la femme chrétienne en France au début du XXe siècle. Lyon: L'Hermès, 1980.
- Perrot M.* Sur la ségrégation de l'enfance au XIXe siècle // La Psychiatrie de l'enfant. 1982. No. 1. T. XXV. P. 179–207.
- «Quand la société prend peur de sa jeunesse au XIXe siècle», colloque «Les Jeunes et les Autres», présenté par A. Percheron et Perrot. Paris: Centre de Vaucresson, 1986. 2 vol.
- Pouthas H.* La Jeunesse de Guizot. Paris: Alcan, 1936.
- Sartre J.-P.* L'Idiot de la famille: Gustave Flaubert de 1821 à 1857. Paris: Gallimard, 1971–1972. 3 vol.
- Schnapper B.* La correction paternelle et le mouvement des idées au XIXe siècle // Revue historique. 1980. Avr. — juin.

8. *Соседи и слуги*

- Ethnologie française. 1980. Avr. — juin («Provinciaux et province à Paris»).
- Fraisse G.* Femmes toutes mains. Essai sur le service domestique. Paris: Éd. du Seuil, 1979.
- Green N.* Les Travailleurs immigrés juifs à la Belle Époque. Le «Pletzl» de Paris. Paris: Fayard, 1985.
- McBride Th.* The Domestic Revolution, The Modernization of Household in England and France (1820–1920). London: Croom Helm, 1976.
- Martin-Fugier A.* La Place des bonnes. La domesticité féminine à Paris en 1900. Paris: Grasset, 1979.
- Raison-Jourde F.* La Colonie auvergnate de Paris au XIXe siècle. Paris: Bibl. historique de la Ville de Paris, 1976.

9. Семейная жизнь и ритуалы

- Boiraud H.* Contribution à l'étude historique des congés et des vacances scolaires. Paris: Vrin, 1971.
- Bonnet S., Cottin A.* La Communion solennelle. Paris: Le Centurion, 1969.
- Burnand R.* La Vie quotidienne en France, 1870–1900. Paris: Hachette, 1947.
- Burnand R.* La Vie quotidienne en 1830. Paris: Hachette, 1957.
- Daumard A.* Oisiveté et Loisirs dans les sociétés occidentales au XIXe siècle. Colloque pluridisciplinaire, Amiens (novembre 1982). Abbeville: Paillart, 1983.
- Désert G.* La Vie quotidienne sur les plages normandes du Second Empire aux années folles. Paris: Hachette, 1983.
- Gerbod P.* La Condition universitaire en France au XIXe siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 1965.
- Guillaume P.* La Population de Bordeaux au XIXe siècle. Paris: A. Colin, 1972.
- Thuillier G.* Pour une histoire du quotidien en Nivernais au XIXe siècle. Paris: Mouton, 1977.
- Thuillier G.* L'Imaginaire quotidien au XIXe siècle. Paris: Economica, 1985.
- Tulard J.* La Vie quotidienne des Français sous Napoléon. Paris: Hachette, 1978.

10. Драмы и конфликты

- Adler L.* L'Amour à l'arsenic. Histoire de Marie Lafarge. Paris: Denoël, 1985.
- Charuty G.* Le Couvent des fous. L'internement et ses usages en Languedoc aux XIXe et XXe siècles. Paris: Flammarion, 1985.
- Guillais J.* La Chair de l'autre. Le crime passionnel au XIXe siècle. Paris: Olivier Orban, 1986.
- Lévy F.-P.* L'Amour nomade. La mère et l'enfant hors mariage (XVIe–XXe siècle). Paris: Éd. du Seuil, 1981.
- Ripa Y.* La Ronde des folles. Femme, folie et enfermement au XIXe siècle. Paris: Aubier, 1986.
- Rouy H.* Mémoires d'une aliénée. Paris: P. Ollendorff, 1883.
- Schnapper B.* La séparation de corps de 1837 à 1914. Essai de sociologie juridique // Revue historique. 1978. Avr. — juin.
- Tricaud F.* L'Accusation. Recherches sur les figures de l'agression éthique. Paris: Dalloz, 1977.

11. Холостяки и одиночки

- Arnold O.* Le Corps et l'Âme. La vie des religieuses au XIXe siècle. Paris: Éd. du Seuil, 1984.
- Beaune J.-C.* Le Vagabond et la Machine. Essai sur l'automatisme ambulatoire. Médecine, technique et société, 1880–1910. Seyssel: Champ Vallon, 1983.
- Borie J.* Le Célibataire français. Paris: Sagittaire, 1976.
- Delbourg-Delphis M.* Masculin singulier. Le dandysme et son histoire. Paris: Hachette, 1985.
- Farge A., Klapisch Ch.* Madame ou Mademoiselle? Itinéraires de la solitude féminine au XIXe siècle. Paris: Montalba, 1984.
- Goffman E.* Asiles. Études sur la condition sociale des malades mentaux et autres reclus. Paris: Éd. de Minuit, 1972.
- Kempf R.* Dandies. Baudelaire et Cie. Paris: Éd. du Seuil, 1984.
- O'Brien P.* The Promise of Punishment. Prisons in Nineteenth Century France. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982.
- Seigel J.* Bohemian Paris. Culture, Politics and the Boundaries of Bourgeois Life, 1830–1930. N. Y.: Elisabeth Sifton Books, Viking, 1986.

VI. Пространства частной жизни (кроме работ, упомянутых в комментариях)

1. Комплексные исследования

- Bertillon D. J.* Essai de statistique comparée du surpeuplement des habitations à Paris et dans les grandes capitales européennes. Paris: Impr. Chaix, 1894.
- Burnet L.* Villégiature et Tourisme sur les côtes de France. Paris: Hachette, 1963.
- Daumard A.* Maisons de Paris et Propriétaires parisiens au XIXe siècle, 1809–1880. Paris: Éd. Cujas, 1965.
- Devillers Ch., Huet B.* Le Creusot, naissance et développement d'une ville industrielle, 1872–1914. Seyssel: Champ Vallon, 1981.
- Eleb-Vidal M., Debarre-Blanchard A.* Architecture domestique et mentalités. Les Traités et les pratiques au XIXe siècle. Paris: Édition de l'École d'architecture Paris-Villemin, 1985.

- Eleb-Vidal M., Debarre-Blanchard A.* La Maison. Espaces et intimités. Paris: École d'architecture Paris-Villemin, 1985.
- Fernandez M.* La Ceinture noire de Paris: histoire de la Zone, thèse de 3e cycle. Paris-VII, 1983.
- Gaillard J.* Paris: la ville, 1852–1870. Paris: Champion, 1976.
- Guerrand R.-H.* Les Lieux, histoire des commodités. Paris: La Découverte, 1985.
- Le Parisien chez lui au XIXe siècle, 1814–1914. Paris: Archives nationales, 1976.
- Le Siècle de l'éclectisme, Lille 1830–1930, Bruxelles. Paris: Archives d'architecture moderne, 1979. T. I.
- Thornton P.* Authentic Decor. The Domestic Interior, 1620–1920. London: Weidenfeld, 1984.
- Veillard J.-Y.* Rennes au XIXe siècle, architectes, urbanisme et architecture. Rennes: Éd. du Thabor, 1978.

2. Буржуазные резиденции

- Aron J.-P.* Le Mangeur du XIXe siècle. Paris: Laffont, 1973.
- Bedon M.* Le Château au XIXe siècle en Vendée. Fontenay-le-Comte: Lussaud, 1971.
- Cardon E.* L'Art au foyer domestique. Paris: Librairie Renouard, 1884.
- Chabot P.* Jean et Yvonne, domestiques en 1900. Paris: Tema-Éditions, 1977.
- Derouet Ch.* Grandes Demeures angevines au XIXe siècle. L'œuvre de René Hodé entre 1840 et 1870. Paris: Caisse nationale des monuments historiques, 1976.
- Marrey B., Monnet J.-P.* La Grande Histoire des serres et des jardins d'hiver, 1780–1900. Paris: Graphite, 1984.
- Petitpas M.* Maisons de campagne, Villas et Cottages. Paris: Bibliothèque de Ma Petite Maison, 1913.
- La Ville d'hiver d'Arcachon. Paris: Institut français d'architecture, 1983.

3. Жилище рабочего

- Archives d'architecture moderne. Jean-Baptiste Godin et le Familistere de Guise. Bruxelles, 1976.
- Bourniquel M.* Pour construire sa maison. Paris, 1919.
- Dumont M.-J.* Le Logement social à Paris, 1850–1950. Paris: Mardaga, 1991.

- Fijalkow Y.* La Construction des îlots insalubres, Paris 1850–1945. Paris: L'Harmattan, 1998.
- Flamand J.-P.* Loger le peuple. Paris: La Découverte, 1990.
- Flamand J.-P.* La Question du logement et le Mouvement ouvrier français. Paris: Éd. de la Villette, 1981.
- Godin J.-B. A.* Solutions sociales. Quimperlé: La Digitale, 1979.
- Guerrand R.-H.* Cent ans d'habitat social, une utopie réaliste. Paris: Albin Michel, 1989.
- Guerrand R.-H.* Le Logement populaire en France: sources documentaires et bibliographie, 1800–1960. Paris: Centre d'Études et de recherches architecturales, 1979 (2e éd. 1984).
- Guerrand R.-H.* Les Origines du logement social en France. Paris: Éd. ouvrières, 1966.
- Guerrand R.-H.* Propriétaires et Locataires au XIXe siècle. Paris: Éd. Quintette, 1987.
- Guillot É.* La Maison salubre. Paris: Dunod et Pinat, 1914.
- Jonas S.* La Cité de Mulhouse (1853–1870): un modèle d'habitation économique et sociale au XIXe siècle. Paris: ministère de l'Urbanisme et du Logement, secrétariat de la Recherche architecturale, 1981. 2 vol.
- Lucas Ch.* Étude sur les habitations à bon marché en France et à l'étranger. Paris: Aulanier et Cie, 1899.
- Marrey B.* Un capitalisme idéal (Menier à Noisiel). Paris: Clancier-Guénaud, 1984.
- Mesnil Dr. O. Du.* L'Habitation du pauvre. Paris, 1890.
- Taricat J., Villars M.* Le Logement à bon marché. Chronique. Paris, 1850–1930. Paris: Éd. Apogée, 1982.
- Trempe R.* Les Mineurs de Carmaux, 1848–1914. Paris: Éd. ouvrières, 1971. 2 vol.

4. Сельские дома

- Baudrillart H.* Les Populations agricoles de la France, 1885–1893. Genève: Mégariotis Reprints, 1978.
- Bouchard-Huzard L.* Traité des constructions rurales et de leurs dispositions. Paris: Ve Bouchard-Huzard, 1858–1860. 2 vol.
- Foville A. de.* Les Maisons types. Paris: Ernest Leroux, 1894.
- Layet A.* Hygiène et Maladies des paysans. Étude sur la vie matérielle des campagnards en Europe. Paris: G. Masson, 1882.

- Perthuis de Laillevaut L. de.* Traité d'architecture rurale. Paris, 1810.
Roux A. Recueil de constructions rurales et communales. Paris, 1843.
Vitry U. Le Propriétaire architecte. Paris: Audot, 1827.

VII. Индивиды и личная жизнь

1. В поисках собственной идентичности

- Bernard D.* Itinérants et Ambulants dans l'Indre au XIXe siècle, thèse de 3e cycle. EHESS, 1982.
Besançon A. Histoire et Expérience du moi. Paris: Flammarion, 1971.
Freund G. Photographie et Société. Paris: Éd. du Seuil, 1974.
Ginzburg C. Signes, traces, pistes. Racines d'un paradigme de l'indice // Le Débat. 1980. Novembre.
 L'Homme, 1980/4, numéro spécial sur la dénomination; статьи А. Бюргера, М. Сегалена, Ф. Зонабенд и др.
 Identités. Catalogue de l'exposition du Centre national de la photographie. Palais de Tokyo, 1986.
Kaluszynski M. Alphonse Bertillon, savant et policier. L'anthropométrie ou le début du fichage, maîtrise. Paris-VII, 1981.
Nahoum V. La belle femme ou le stade du miroir en histoire // Communications. 1979. No. 31.
Perouas L. Tricard J. Barrière B. Boutier J. Peyronnet J.-C. Léonard, Marie, Jean... Étude de l'évolution des prénoms depuis un millénaire. Paris: CNRS, 1984.
Rouillé A. L'Empire de la photographie, 1839-1980. Paris, 1982.
Sontag S. La Photographie. Paris: Éd. du Seuil, 1979.

2. Тело

- Corbin A.* Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe-XXe siècle. Paris: Aubier-Montaigne, 1982.
Delumeau J. Le Péché et la Peur. Paris: Fayard, 1983.
Desaive J.-P. Le nu hurluberlu // Ethnologie française. 1976. No. 3-4.
Gerbod P. Les métiers de la coiffure dans la première moitié du XXe siècle // Ethnologie française. 1983. Janv. — mars.
Goubert J.-P. La Conquête de l'eau. L'avènement de la santé à l'âge industriel, introd. d'Emmanuel Le Roy Ladurie. Paris: Laffont, 1986.

- Guermont M.-F.* La «Grande fille». L'hygiène de la jeune fille d'après les ouvrages médicaux (fin XIXe — début XXe siècle), maîtrise. Université de Tours, 1981.
- Heller G.* Propre en ordre, habitation et vie domestique, 1850–1930: l'exemple vaudois. Lausanne: Éd. d'En bas, 1979.
- Joutard Ph.* L'homme et son corps // L'Histoire. No. 22.
- Loux F.* Le Jeune Enfant et son corps dans la médecine traditionnelle. Paris: Flammarion, 1978.
- Loux F., Richard Ph.* Sagesses du corps: la santé et la maladie dans les proverbes français. Paris: Maisonneuve et Larose, 1978.
- Murard L., Zylbermann P.* Sanitas sanitatum et omnia sanitas. CERFI, 1980.
- Perrot Ph.* Les Dessus et les Dessous de la bourgeoisie. Une histoire du vêtement au XIXe siècle. Paris: Fayard, 1981.
- Perrot Ph.* Le Travail des apparences ou les Transformations du corps féminin (XVIIIe–XIXe siècle). Paris: Éd. du Seuil, 1984.
- Shorter E.* A History of Women's Bodies. N. Y.: Basic Books, 1982; trad. fr. Le Corps des femmes. Paris: Éd. du Seuil, 1984.
- Spivak M.* L'éducation physique et le sport français, 1852–1914 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1977. Janv. — mars.
- Starobinski J.* Brève histoire de la conscience du corps // Revue française de psychanalyse. 1981. No. 2.
- Vigarello G.* Le Corps redressé. Histoire d'un pouvoir pédagogique. Paris: Delarge, 1978.
- Vigarello G.* Le Propre et le Sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Age. Paris: Éd. du Seuil, 1985.
- Weber E.* Gymnastic and Sports in Fin de Siècle France: Opium of the classes // American Historical Review. 1971. Vol. 76 (7098).

3. Душа: мечта, молитва и признание

a) Мечта

- Beguín A.* L'Âme romantique et le Rêve. Paris: José Corti, 1937.
- Benjamin W.* Charles Baudelaire. Un poète lyrique à l'apogée du capitalisme. Paris: Payot, 1982.
- Bousquet J.* Les Thèmes du rêve dans la littérature romantique. Paris: Didier, 1964.
- Gusdorf G.* L'Homme romantique. Paris: Payot, 1984.

- Jeanneret M.* La folie est un rêve: Nerval et le Dr Moreau de Tours // *Romantisme*. 1980. No. 27.
- Raymond M.* *Romantisme et Rêverie*. Paris: José Corti, 1978.
- Steiner G.* Les rêves participent-ils de l'histoire? Deux questions adressées à Freud // *Le Débat*. 1983. Mai.
- Walter Benjamin et Paris: colloque international sur les «Passagen-Werk», 1983, présenté par Wismann H. Paris: Cerf, 1986.
- b) Молитва и исповедь*
- Bernos M.* De l'influence salutaire ou pernicieuse de la femme dans la famille et la société // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1982. Juil. — sept.
- Boutry Ph.* Les Vénérés Pasteurs du diocèse de Belley. Cheminement des mentalités et des opinions religieuses dans les paroisses du diocèse de l'Ain de 1815 à 1880, thèse de 3e cycle. Paris-I, 1983.
- Boutry Ph.* Réflexions sur la confession au XIXe siècle // *Pratiques de la confession des Pères du désert à Vatican II*. Paris: Cerf, 1983.
- Boutry Ph.* L'anticlérical, la femme et le confessionnal // *L'Histoire*. No. 16.
- Cabanis J.* Michelet, le Prêtre et la Femme. Paris: Gallimard, 1978.
- Cholvy G.* Religion et Société. Le diocèse de Montpellier au XIXe siècle, thèse. Paris, 1972.
- Cousin B.* Le Miracle et le Quotidien. Les ex-voto provençaux, images d'une société. Aix université, 1983.
- Hilaire Y.-M.* Une chrétienté au XIXe siècle. La vie religieuse des populations du diocèse d'Arras, 1840-1914. Lille: Presses universitaires, 1977.
- Lagree M.* Confession et pénitence dans les visites pastorales et les statuts synodaux bretons, XIXe-XXe siècle // *Pratiques de la confession...*
- Langlois C.* Le Diocèse de Vannes au XIXe siècle (1800-1830). Paris-XII, 1974.
- Marcilhacy Ch.* Le Diocèse d'Orléans sous l'épiscopat de Mgr Dupanloup. Paris: Plon, 1962.
- Michaud S.* Muse et Madone. Visages de la femme de la Révolution française aux apparitions de Lourdes. Paris: Éd. du Seuil, 1985.
- Pelckmans P.* Le prêtre, la femme et la famille: notes sur l'anticléricalisme de Michelet // *Romantisme*. 1980. No. 28.
- L'Église et les Ouvriers en France (1840-1940). Paris: Hachette, 1984.
- Savart C.* Le Livre catholique témoin de la conscience religieuse en France au XIXe siècle, these. Paris-Sorbonne, 1981.

4. Досуг, проводимый в одиночестве, и тайные удовольствия

а) Чтение и музыка

- Ataouche-Antoine M.-D. Espérasa*, 1870–1940: une ville ouvrière chante // Ethnologie française. 1986.
- Bailbe J.-M.* Le Roman et la Musique en France sous la monarchie de Juillet. Paris: Minard, 1969.
- Fabre D.* «Le livre et sa magie. Les lecteurs dans les sociétés pyrénéennes aux XIXe et XXe siècles», Pratiques de la lecture (R. Chartier ed.). Marseille: Rivages, 1985.
- Lamarre A.* L'Enfer de la IIIe République. Entrepreneurs moraux et pornographes, thèse. Paris-VII, 1986.
- Lenoir R.* Note pour une histoire sociale du piano // Actes de la recherche en sciences sociales. 1979. Juin. No. 28.
- Les Sauvages dans la cité. Auto-émancipation du peuple et instruction des prolétaires au XIXe siècle / prés. par J. Borreil. Seyssel: Champ Vallon, 1985.
- Ozouf J., Furet F.* Lire et Écrire. L'alphabétisation des Français de Calvin à Jules Ferry. Paris: Éd. de Minuit, 1977.
- Parent-Lardeur F.* Lire à Paris au temps de Balzac. Les cabinets de lecture à Paris, 1815–1830. Paris: EHESS, 1981.
- Pich E.* Pour une définition de la poésie comme phénomène social au XIXe siècle // Romantisme. 1983. No. 39.
- Pistone D.* Le Piano dans la littérature française des origines jusque vers 1900. Paris: Champion, 1975.
- Thiessé A.-M.* Le Roman du quotidien. Lecteurs et lectures populaires à la Belle Époque. Paris: Chemin vert, 1984.
- Voir Histoire de l'édition française. T. III: Le Temps des éditeurs. Du romantisme à la Belle Époque / ed. H. J. Martin, R. Chartier. Paris: Promodis, 1985.

б) Предметы и коллекции

- Baudrillard J.* Le Système des objets. Paris: PUF, 1968.
- Biasi J.-M. de.* Système et déviance de la collection de l'époque romantique // Romantisme. 1980. No. 27.
- Boime A.* Les hommes d'affaires et les arts en France au XIXe siècle // Actes de la recherche en sciences sociales. 1979. Juin. No. 28.

Martinet Ch. Objets de famille, objets de musée, ethnologie ou muséologie // Ethnologie française. 1980. No. 1.

Martin-Fugier A. La douceur du nid. Les arts de la femme à la Belle Époque // Urbi. V.

Pomian K. Entre l'invisible et le visible: la collection // Libre. 1978. No. 2-3.

с) *Животные и куклы*

Agulhon M. Le sang des bêtes. Le problème de la protection des animaux en France au XIXe siècle // Romantisme. 1981. No. 31.

Capia R. Les Poupées françaises. Paris, 1979.

Capia R. L'âge d'or de la poupée au XIXe siècle // Histoire de la poupée. Exposition de Courbevoie, 1973-1974.

Manson M. La poupée, objet de recherches pluridisciplinaires // Histoire de l'éducation. 1983. Avril. No. 18.

Pelosse V. Imaginaire social et protection de l'animal. Des amis des bêtes de l'an X au législateur de 1850 // L'Homme. XXI, XXII (Oct.-déc. 1981, janv.-mars 1982).

Pierre E. Histoire de la protection des animaux en France au XIXe siècle. DEA. Paris-VII, 1982.

5. *Любовь и секс*

Aimer en France (1760-1860): Actes du colloque international de Clermont-Ferrand / rec. et prés. par P. Viallaneix, J. Ehrard. Clermont-Ferrand, 1980. 2 vol.

Communications. No. 35 «Sexualités occidentales» (статьи Ph. Ariès, A. Bejin, M. Pollak (особенно о гомосексуальности), etc.).

L'Histoire. Janv. 1984 «Amour et Sexualité».

Romantisme. 1976. No. 4 «Mythe et représentation de la femme au XIXe siècle».

Adler L. Secrets d'alcôve. Histoire du couple de 1830 à 1930. Paris: Hachette, 1983.

Armengaud A. Les Français et Malthus. Paris: PUF, 1975.

Aron J.-P., Kempf R. Le Pénis et la Démoralisation de l'Occident. Paris: Grasset, 1978.

Bonello Ch. Le Discours médical sur l'homosexualité au XIXe siècle, thèse de 3e cycle. Paris-VII, 1984.

- Bonnet M.-J.* Un choix sans équivoque. Recherches historiques sur les relations amoureuses entre les femmes, XVIe-XXe siècle. Paris: Denoël-Gonthier, 1981.
- Corbin A.* Les Filles de noce. Misère sexuelle et prostitution aux XIXe-XXe siècles. Paris: Aubier, 1978.
- Danet J.* Discours juridique et Perversions sexuelles (XIXe et XXe siècle). Nantes: Centre de recherche politique de l'université de Nantes, 1977.
- Flandrin J.-L.* L'Église et le Contrôle des naissances. Paris: Flammarion, 1970.
- Flandrin J.-L.* Les Amours paysannes, XVIe-XIXe siècle. Paris: Gallimard/Julliard, 1975.
- Flandrin J.-L.* Le Sexe et l'Occident. Évolution des attitudes et des comportements. Paris: Éd. du Seuil, 1981.
- Gay P.* The Bourgeois Experience. Victoria to Freud. I. Education of the Senses. N. Y.: Oxford University Press, 1984.
- Gillet M.* L'Homme, la Vie et la Mort dans le Nord au XIXe siècle. Lille: Presses universitaires, 1972.
- Guerrand R.-H.* Libre Maternité. Paris: Casterman, 1971.
- Haan P.* Nos ancêtres les pervers. Paris: Olivier Orban, 1979.
- Herculine Barbin dite Alexina B. / prés. par. M. Foucault. Paris: Gallimard, 1978.
- Jacques J.-P.* Les Malheurs de Sapho. Paris: Grasset, 1981.
- MacLaren A.* Sexuality and Social Order. N. Y.: Holmes and Meier, 1983.
- Noonan J.-T.* Contraception et Mariage. Paris: Cerf, 1972.
- Quiguer C.* Femmes et Machines 1900. Lectures d'une obsession modern style. Paris: Klincksieck, 1979.
- Reytier D.* L'Adultère sous le Second Empire, DEA. Paris-VII, 1981.
- Ronsin F.* La Grève des ventres. Paris: Aubier, 1979.
- Termeau J.* Maisons closes de province (Maine-et-Loire, Sarthe, Mayenne). Le Mans: Éd. Cenomane, 1986.

6. Страдания, бегство, спасение

а) Новые симптомы

- Bercherie P.* Les fondements de la clinique. Ornicar, 1980.
- Boltanski L.* Pouvoir et impuissance: projet intellectuel et impuissance dans le Journal d'Amiel // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. Nov. No. 5-6.

- Borie J.* Le Tyran timide: le naturalisme de la femme au XIXe siècle. Paris: Klincksieck, 1973.
- Carroy-Thirard J.* Figures de femmes hystériques dans la psychiatrie française au XIXe siècle // Psychanalyse à l'université. 1979. Mars.
- Carroy-Thirard J.* Possession, extase, hystérie au XIXe siècle // Psychanalyse à l'université. 1980. Juin.
- Carroy-Thirard J.* Hystérie et littérature au XIXe siècle // Psychanalyse à l'université. 1982. Mars.
- Darmon P.* Le Tribunal de l'impuissance. Virilité et défaillances conjugales dans l'ancienne France. Paris: Éd. du Seuil, 1979.
- Didi-Huberman G.* Invention de l'hystérie. Charcot et l'iconographie de la Salpêtrière. Paris: Macula, 1982.
- Hau C.* Le Messie de l'an XIII. Paris: Denoël, 1955.
- Maire C.-L.* Les Possédées de Morzine, 1857-1873. Lyon: PUL, 1981.
- Moreau Th.* Le Sang de l'histoire. Michelet, l'histoire et l'idée de la femme au XIXe siècle. Paris: Flammarion, 1982.
- Peter J.-P.* Le corps du délit // Nouvelle Revue de psychanalyse. 1971. No. 3.
- Peter J.-P.* Ogres d'archives // Nouvelle Revue de psychanalyse. Automne 1972.
- Starobinski J.* Sur la chlorose // Romantisme. 1981. No. 31. Sangs.
- Swain G.* L'âme, la femme, le sexe et le corps. Les métamorphoses de l'hystérie à la fin du XIXe siècle // Le Débat. 1983. Mars.
- Vincent A.* Histoire des larmes, XVIIIe-XIXe siècle. Marseille: Rivages, 1986.
- Wajeman G.* Le Maître et l'Hystérique. Paris: Navarin, 1982.

b) Бегство: алкоголь и наркотики

- Fillaut Th.* L'Alcoolisme dans l'ouest de la France pendant la seconde moitié du XIXe siècle. Paris: La Documentation française, 1982.
- Hervier D.* Cafés et Cabarets en Berry de 1851 à 1914, maîtrise, université de Tours, 1979.
- Jacquemet G.* Médecins et maladies populaires dans le Paris de la fin du XIXe siècle // Recherches. 1977. Déc. No. 29.
- Lalouette J.* Le discours bourgeois sur les débits de boisson aux alentours de 1900 // Recherches. 1977. Déc. No. 29.
- Liedekerke A. de.* La Belle Époque de l'opium. Paris: La Différence-Le Sphinx, 1984.

- Marrus M.-R.* L'alcoolisme social à la Belle Époque // *Recherches*. 1977.
Déc. No. 29.
- Plonévez C.* L'Alcoolisme dans les milieux ouvriers à Paris, 1880–1914,
maîtrise. Paris-VII, 1975.

c) Самоубийства

- Baechler J.* Les Suicides. Paris: Calmann-Lévy, 1975.
- Chesnais J.-C.* Les Morts violentes en France depuis 1826. Paris: PUF, 1976.
- Chesnais J.-C.* Histoire de la violence. Paris: Hachette, 1982.
- Durkheim E.* Le Suicide. Paris: PUF, 1930.

d) Спасение: медицина и частная жизнь

- Cottureau A.* La tuberculose: maladie urbaine ou maladie de l'usure
du travail? Critique d'une épidémiologie officielle: le cas de Paris //
Sociologie du travail. No. 78.
- Guillaume P.* Du désespoir au salut: les tuberculeux aux XIXe et XXe siècles.
Paris: Aubier, 1986.
- Kniebiehler Y.* Nous, les assistantes sociales. Paris: Aubier, 1980.
- Kniebiehler Y., Fouquet C.* La Femme et les Médecins. Paris: Hachette, 1983.
L'usure au travail / sous la dir. de A. Cottureau // *Le Mouvement social*.
Juil.–sept. 1983. No. 124.
- Léonard J.* La Médecine entre les pouvoirs et les savoirs. Paris: Aubier, 1979.
- Léonard J.* La France médicale. Médecins et malades au XIXe siècle. Paris:
Gallimard, 1978.
- Léonard J.* La Vie quotidienne du médecin de province au XIXe siècle.
Paris: Hachette, 1977.
- Peter J.-P.* Les médecins et les femmes // *Misérable et Glorieuse: la Femme*
du XIXe siècle / prés. par J.-P. Aron. Paris: Fayard, 1981.

e) Психиатр, психолог и частная жизнь

- Baumfelder-Bloch E.* Médecine et Société face à l'enfance anormale de 1800
à 1940, thèse de 3e cycle. Paris: EHESS, 1983.
- Castel R.* L'Ordre psychiatrique. T. I: L'Age d'or de l'aliénisme. Paris: Éd.
de Minuit, 1976.
- Foucault M.* Naissance de la clinique. Une archéologie du regard médical.
Paris: PUF, 1963.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббема, Луиза 347
Абрантес, герцогиня д' 214
Абу, Эдмон 160, 496
Августина 587
Аврора Саксонская 158, 276
Адан, Жюльетта 125, 126
Адансон, Аглая 231
Азаис, Пьер Гиацинт 468
Аккампо, Э. 136
Аллеман, Жан 180, 321
Альбанк 403
Альбаре, Селеста 185
Альберт, принц 218
Альк, мадам 244
Альфред по прозвищу
мадам Саки 597
Амауш-Антуан,
Мари-Доминик 537
Амьель, Анри Фредерик 426,
462, 468
Антонелли, кардинал 257
Анфантен, Проспер 96, 99
Аристипп Киренский 445
Аристотель 445, 552
Арконати-Висконти,
графиня 123
Аркур, семья 351
Арман 115
Арно, Андре 102
Арно, Одиль 294, 457
Арон, Жан-Поль 460
Арриги, Антуан 230
Арриги, Элизабет 225, 255
Арьес, Филипп 7, 228, 263, 434,
486, 597, 598
Атже 324
Аттон 402
Баблон, Ж.-П. 366
Базен, Рене 358
Бакунин, Михаил 171
Бальзак, Оноре де 93, 152, 206, 301,
304, 305, 331, 333, 336, 353, 479,
496, 504, 523, 526, 532, 548
Баптерос, Ф. 379, 380
Барбе д'Оревилю, Жюль
302, 431, 486, 603
Бардет, сэр Фрэнсис 54
Барер 29
Баррес, Морис 622
Баррюэль 440
Барт, Ролан 46
Бассанвиль, графиня де 250
Батай, Анри 566
Бахофен 99
Бачко, Бронислав 538, 571
Башкирцева, Мария 469
Бейль, Анри *см.* Стендаль
Бек, Анри 566
Бекассин 183
Беккариа 161
Бекур, Жюли 144
Белгран 342
Бенаси (доктор) 451
Бентам, Иеремия 54, 70, 73, 74,
88, 184
Беньямин, Вальтер 323
Беранже (сенатор) 501, 566
Бергсон, Анри 483
Бержере (доктор) 515, 519, 559, 560
Бержерон, Луи 111
Бернар, Сара 287, 348, 586
Бернье 409
Беро, Жан 337
Берри, герцогиня де 215

- Беррюэль, Габриэль 199
 Беррюэль, Луи 199
 Беррюэль, Рене 199, 216, 260
 Бертильон, Альфонс 440, 441
 Бертильон, Жак (доктор)
 362, 363, 409, 561
 Бертильон, Луи-Адольф 521
 Беснар 406
 Бине, Альфред 454, 555, 614, 615
 Бирото, Цезарина 252, 448
 Бирото, Цезарь 206, 252, 274, 279
 Блан, Луи 97
 Бланки, Адольф 356, 364
 Бланш (доктор) 265, 613
 Бланшо, Морис 45
 Бовари, Шарль 138
 Бовари, Эмма 112, 138, 532
 Бовуар, Симона де 241
 Бодлер, Шарль 139, 161, 163, 167, 279,
 296, 297, 302, 400, 455, 478, 495
 Бодо, Анатолий де 400
 Бодрийяр, Анри-Жозеф-
 Леон 358
 Бодуэн (доктор) 557
 Болтански, Люк 610
 Бомон, Ашиль де 297
 Бомон, Гюстав де 153, 155, 297, 316
 Бомон, М. де (двоюродный дед
 Жорж Санд) 207
 Бон, Ж.-К. 309
 Бональд, Луи де 93, 290
 Бонёр, Роза 599
 Бонжур, братья 583, 584
 Бонне, Мари-Жо 192, 600
 Бонно, банда 407, 534
 Бори, Жан 113, 298, 540, 575, 576
 Босси, Мирей 188
 Боссю, семья 110
 Боссюэ, Жак Бенинь 444, 484
 Брам, Каролина 124, 130, 134, 152,
 155, 159, 160, 176, 181, 281, 327,
 449, 469, 474
 Брам, семья 134, 271
 Браммел, Джордж 302
 Бранка, граф де 232
 Брауншвейгская, Каролина
 16, 51
 Бредар, семья 110
 Бретон, Андре 158
 Бретон, Женевьева 18, 157, 181
 Бриан, Аристид 409
 Бриан, Шанталь 482, 483
 Бриё 513, 519
 Бриер де Буамон 600
 Брике, Поль 582
 Бро, Эме 277
 Бруардель, профессор 520
 Брум, Генри 54
 Брюлар, Анри см. Стендаль
 Брюне, Жозеф 508
 Брюнетьер, Фердинанд 286
 Буало, семья 140, 198, 199, 236,
 237, 241, 253, 262, 264, 390, 447,
 503, 518, 519, 523, 526, 607
 Буаро, Анри 234
 Бувье, Монсеньор 515
 Буиле, Луи 293
 Буйе, Мишель 161
 Бульль, Джон 52
 Бурбоны 214
 Бургуэн, А. де 356
 Бурдьё, Пьер 111, 135, 536
 Бурже, Поль 208, 291, 501
 Буржуа, Леон 215
 Буржуа, Феликс 620
 Буркар 384
 Бурникель 394
 Бусико, мадам 111, 505
 Буске, Жан 480, 481, 483
 Бутри, Филипп 441, 509, 513
 Буфар, Симона 296
 Бушар-Узар, Луи 354
 Бюге, аббат 485

- Бюккуа (доктор) 362
 Бюрлюро (доктор) 558
 Бюшез, Филипп 575
- Важеман, Жерар 582
 Вазон (инженер) 341
 Вайс, Луиза 239
 Вакери, Огюст 553
 Валери, Поль 619
 Валлаэр, семья 110
 Валлес, Жюль 156, 158, 163, 295,
 296, 300, 301, 381
 Вальжан, Жан 439
 Вальтер, Жан 404, 476, 498
 Ван Гог, Винсент 163
 Ван Гог, Тео 164
 Вандербильт 352
 Ванье, Жорж 209, 210, 215
 Варан, мадам де 532
 Ваттин, семья 110
 Вебер, Эжен 118, 618
 Вейнингер, Отто 303
 Вейсман, Огюст 576
 Венсан, Поль 252
 Вентра, Жак см. Жюль Валлес
 Вердье, Ивонна 141, 456
 Верн, Жюль 503
 Верре, Мишель 326
 Вессье 346
 Вианней, Жан-Мари Батист
 (святой) 484, 510, 511, 514
 Вивьен, Рене 308, 600
 Вигарелло, Жорж 183, 245, 617, 618
 Вийо 110
 Викар 26
 Виктория, королева 53, 218
 Виллерме, Луи-Рене (доктор)
 307, 321, 355, 356, 364
 Вильгельм IV 53
 Вильмен, Абель Франсуа 597, 609
 Вильмонт, Огюст 230, 231
- Вильтар, де Прюньер, мадам 230
 Винсент 71
 Виньи, Альфред де 541
 Виолле-ле-Дюк, Эжен 155, 184, 316,
 333, 348, 350
 Вуалькен, Сюзанна 458, 517
 Вюяр, Эдуард 328
- Гайяр, Жанна 542
 Гайяр, Эмиль 345
 Гакон-Дюфур, мадам 202
 Гален, Клод 552
 Гальтон, сэр Фрэнсис 441, 521
 Гамбетта, Леон 105, 123
 Гамбон, Шарль-Фердинанд
 447, 474, 493
 Ганская, мадам 353
 Ганьон (дед Стендаля) 104, 174
 Гарниш-Мерит, Мари-Жозе 458
 Гарнье (издатель) 394
 Гарнье, Тони 400
 Гарнье, Шарль 350, 400
 Гаррик, Дэвид 57
 Гатти де Гамон, Зои 97
 Гегель 88–90, 119, 138, 270
 Гед, Жюль 366
 Георг III 51
 Георг IV 51–53, 78
 Герен (доктор) 613
 Герен, Зелия де 551
 Герен, Морис де 303, 525, 526
 Герен, Эжени де 429, 435, 437, 447,
 449, 467, 469, 479, 484, 493, 522,
 525, 551
 Германт, герцог де 308
 Германт, семья 183
 Герри 600
 Гёте 218
 Гизо, мадам 501
 Гизо, Франсуа 91, 92, 123, 157, 533
 Гийе-Мори, Жозель 284
 Гиймен, Анри 124, 128

- Гийомен, Эмиль 131, 328
 Гийон, Шарль 396
 Гинзбург, Карло 502
 Гирш, баронесса 397
 Гиш, герцог де 246
 Глэз-Бизуэн 326
 Гобло, семья 188
 Годен, Жан-Батист Андре
 97, 374-378, 380, 381
 Годи, Жак 105
 Голдстейн, Джен 424
 Голль, Жозефина де 144
 Гольдони 229
 Гонкур, братья 126, 214, 253,
 302, 600
 Гонкур, Эдмон де 303, 317, 479,
 482, 495, 497, 516, 523, 578, 586
 Гонно 403
 Готье, Жан-Мари 533
 Готье, Мари-Вероник 540
 Готье, Теофиль 477, 495, 579
 Гофман, Поль 583
 Гоффман, Эрвин 10, 296
 Гоше, Марсель 294, 426
 Гранмезон, мадам де 222
 Графто, Серж 106
 Греви, Жюль 100
 Грегуар, аббат 32
 Грей 71
 Грендорж, Фредерик-Тома 206
 Грефюле, граф и графиня 246
 Грибауди, Маурицио 109, 322
 Грин, Нэнси 152, 179
 Гру 487
 Губер, Ж.-П. 151
 Гуссе, Тома 515
 Гюго, Абель 141
 Гюго, Адель 124, 125, 127, 170, 278,
 288, 533
 Гюго, Виктор 124, 125, 127, 128, 148,
 170, 200, 201, 267, 268, 426, 470,
 478, 492, 493, 498, 504, 533, 541
 Гюго, Леопольдина 170, 465, 469,
 477, 479
 Гюго, мадам 125
 Гюисманс, Жорис-Карл 318, 454,
 487, 507, 570, 576, 586
 Даби, Эжен 395
 Даверна, М.-Ж. 425
 Давид, Луи 25
 Давидовф, Л. 79
 Дагер 431
 Дали, Сезар 333
 Даллас, Грегор 472
 Дальзон, семья 526
 Дальзон, Эме 526
 Дантес, Эдмон 439
 Дантон, Жорж Жак 33
 Дарвин, Чарльз 482, 576, 619
 Дартиг (доктор) 558
 Дарьен, Жорж 158
 Де Корбюзье 405
 Де Шевалье (доктор) 359
 Дебрен, Пьер 488
 Дебу, Симона 97
 Деваврен, семья 110
 Девале, братья 345
 Деванс, Луи 96
 Девериа, Ашиль 143
 Деви, монсеньор 515
 Дезами, Теодор 96
 Декарт, Рене 445
 Делакруа 466
 Деларю-Мардрюс, Люси 248
 Дельбур-Дельфи, Марилен 302
 Делюмо, Жан 457
 Демар, Клэр 96, 99, 139, 291
 Демут, Хелен 185
 Деньель, Раймон 93
 Дерэм, Мария 291
 Дестют де Траси 598
 Джон 77

- Джонсон (доктор) 57
 Дидье, Беатрис 468, 469
 Диет-Моннен, сенатор 389
 Дисдери, Андре-Адольф-Эжен 432
 Доде, мадам Альфонс 197
 Доде, Эдме 211
 Дольфюс, Жан 383, 385, 386
 Домар, Аделина 103, 243, 331, 338, 366, 503, 553
 Домье, Оноре 145, 253, 335, 347
 Дон, Алексис 344
 Дофен, К. 306
 Дрейфус, Фердинанд 174
 Дроз, Гюстав 220
 Дункан, Айседора 619
 Дюбан, Феликс 344
 Дюбур, мадам 288
 Дюваль, Жанна 139
 Дюваль, Фернан 378
 Дюверне 248
 Дюдеван, Аврора
 см. Жорж Санд
 Дюдеван, Казимир 139
 Дюдеван, Морис 167
 Дюкан, Максим 477, 524, 555
 Дюкло (доктор) 521
 Дюкре, Жоржетта 216
 Дюкре-Дюминиль 45
 Дюма-сын, Александр 121, 125, 566
 Дюме, Жан-Батист 162
 Дюмон, Луи 7, 89, 423
 Дюпанлу, монсеньор 512
 Дюпен, Аврора *см.* Жорж Санд
 Дюпен, барон 92
 Дюпен, мадам 87, 181, 276
 Дюпен, Морис 158, 174, 276
 Дюпир 346
 Дюпра, Ж. Л. 166
 Дюран, Маргарита 292
 Дюранти, Луи Эдмон 471
 Дюрас, мадам де 216
 Дюркгейм, Эмиль 95, 100, 165, 309, 600, 601
 Дюрю, Виктор 235
 Евгения, императрица 192, 218, 232
 Жак, Жан-Пьер 599
 Жакме, Жерар 136, 559, 592
 Жане, Пьер 583, 614, 615
 Жанлис, мадам де 265, 501
 Жанмо, Луи 529, 531, 542
 Жансе, графиня де 258
 Жапи, семья 384, 385, 389
 Женевау, Морис 208
 Жерар, Генриетта 448
 Жерар, Франсуа 216
 Жери, Бланш де 265
 Жермен, Андре 211
 Жетаз, Давид 326
 Жид, Андре 293, 318
 Жиллан 162
 Жилле, Ж. 368
 Жильбер-Балле, профессор 521
 Жирар, Луи 360
 Жирарден, Луи де 357, 423
 Жируар, Марк 79
 Жона, С. 385
 Жордан, Марсиаль 171
 Жоржель, Пьер 469
 Журден, Франсис 343
 Журден, Франц 399
 Жутар, Филипп 190, 617
 Жуффруа 480
 Жэй, Луиза 111, 505
 Жюльен 465, 466
 Жюно 597
 Жюранвиль, Кларисса 260
 Замбако, Деметриус (доктор) 463
 Зельдин, Теодор 446, 462, 470
 Зигфрид, Жюль 369, 400

- Золя, Эмиль 113, 159, 171, 278, 317, 321, 335, 347, 358, 361, 378, 392, 393, 403, 454, 463, 516, 529, 554, 555, 560, 562, 580, 586
 Зон, Анна-Мария 284, 564, 567
 Зонтаг, Сьюзен 433
 Ибсен, Генрик 250
 Ивер, Колетт 308
 Илер, Ив-Мари 488, 543
 Кабанис, Пьер Жан Жорж 48, 49, 445, 446
 Кабе, Этьен 96, 470
 Казо, Бернар 212
 Каллан, Виктор 373-375
 Кальмет (доктор) 610
 Камбасерес, Жан-Жак де 597
 Камбри, Жан-Жак 356, 475
 Кан, Этьен 560
 Канетти, Элиас 319
 Кант, Иммануил 90, 119, 125, 127, 141, 154, 314
 Капдевьель, Жак 99, 104, 317
 Капель, Мария см. мадам Лафарж
 Капиа, Робер 490
 Карадек, Луи 357
 Кардон, Эмиль 337, 340
 Карлейль 302
 Карлье 596
 Карон, Ж. 299
 Каррель, Арман 423
 Кастан, Ив и Николь 533
 Кастеллан, Бони де 345
 Кастель, Робер 288, 613, 615
 Катребарб, граф де 349
 Каупер, Уильям 60
 Кемпф, Роджер 302, 303
 Кергомар, Жюль 126
 Кетеле, Адольф 600, 602
 Кеффелек, Лиз 131
 Киге, Клод 529
 Кине, Эдгар 87
 Клавери, Элизабет 103, 142, 285, 320
 Клиффорд-Барни, Натали 186, 308, 600
 Клодель, Камилла 288
 Клодель, Поль 288, 486
 Коббет, Уильям 73, 74, 75, 76
 Кодаксьони, Ф. 103
 Кодаксьони, Ф.-П. 331
 Кок, Поль де 335
 Коле, Луиза 304, 540, 578
 Колен, Жак 439
 Колон, Женни 506
 Конан Дойл, Артур 442
 Кондильяк 534
 Кондорсе 20, 190
 Кондорсе, мадам 48
 Консидеран, Виктор 97, 354, 356, 371, 372, 373, 375
 Констан, Бенжамен 87, 91, 407
 Констанс (доктор) 585
 Константен 344
 Конт, Огюст 125
 Коньяк, Эрнест 111, 505
 Корбен, Ален 132, 171, 180, 281, 298, 340, 426
 Кордонье, Луи 350
 Корневен (доктор) 283
 Коссе-Бриссак, семья 111
 Кох, Роберт 609
 Кошон, Жорж 407, 408, 409
 Крафт-Эбинг, Ричард фон 454, 555
 Креси Одетта де 308
 Кретъен, Жиль-Луи 431
 Кропоткин, Петр 106, 317
 Крукшанк, Джордж 17, 72
 Куантро, Франсуа 353
 Куассак, Виктор 115
 Кузен, Бернар 485
 Курбе, Гюстав 477
 Куэн, Анри 173

- Куэн, мадам де 532
 Кэдбери, семья 62–68
 Кэлторп, лорд 66, 81
 Кюстин, маркиз де 598
- Л'Эсторад, Рене де
 (героиня Бальзака) 93
 Лабюсьер 396
 Лавальер, Ева 486
 Лавижери 586
 Лавуазье, Антуан Лоран де 448
 Лагаш, семья 110
 Лагре, Мишель 513
 Лазар, Луи 360
 Лайе (доктор) 359
 Лакассань 521
 Лакло, Пьер Шодерло де 44
 Лакордер 487, 492
 Ламартин, Альфонс де 196, 199,
 274, 469, 479, 492
 Ламартин, мадам де 213, 467
 Ламезон, Пьер 103, 117, 142, 285, 320
 Ламенне 98, 484
 Ланген, Габриэль см. Беррюэль
 Ланглау, Клод 464, 512
 Ланже, герцогиня де 497
 Ларевельер-Лепо 39
 Ларошфуко, граф Антуан де
 349, 408
 Ларусс, Пьер 205, 218, 219, 224, 229,
 231, 298, 532
 Ластери дю Сайан 354
 Лаудон, Дж.-К. 67, 68, 80
 Лафарг, Поль 366
 Лафарж, мадам 176, 283, 551
 Лафорг, Жюль 496
 Лаффитт, Пьер 228
 Ле Бра, Эрве 100, 116, 134, 149, 150,
 154, 426, 593
 Ле Пле, Фредерик 93, 94, 95, 116,
 122, 131, 146, 147, 173, 298, 307, 315,
 324, 387, 390, 394, 397
- Ле Пуатвен, Альфред 524
 Ле Сер, Жан-Франсуа 615
 Лебоди (сахарозаводчики)
 396, 402, 406
 Левек 366
 Левен, Люсьен 500
 Леви, М.-Ф. 159
 Легуве, Эрнест 160, 164, 168
 Леже, Антуан 574
 Лежен, Ксавье-Эдуард 174, 176, 276
 Лежён, Филипп 190, 280
 Лейре, Анри 273
 Лекен, Ив 105, 136
 Лекёр, Эдуард 368
 Леклерк, Теодор 39, 598
 Лелю 480
 Ленинг, Джеймс 554
 Ленуар 375
 Леонар, Жак 574, 576, 603, 611
 Лепин (префект) 441, 570, 586
 Леру, Гастон 97, 442
 Леруа, Зоэ 157
 Леруа-Болье, Поль 389, 390
 Лесаж, Ален-Рене 331
 Лиар, Луи 558
 Либодьер, Жозеф 350
 Лигуори, Альфонсо де 515
 Лиссагаре 128
 Литтре, Эмиль 218, 219, 221, 313
 Локк, Джон 465
 Лонд 586
 Лоншан (слуга) 183
 Лу, Франсуаза 443
 Луис, Пьер 508
 Луи-Филипп 191, 252
 Люка, Проспер 521
- Мажорель 399
 Майер, Арно 506, 622
 Майёр, Франсуаза 119, 474
 Макарио 481, 482

- Макларен, Ангус 152, 561
 Малларме, Стефан 246
 Мало, Эктор 82, 218, 381, 382
 Мальбранш, Николя де 492
 Манжен (префект) 549
 Манжини, Феликс 368
 Маньян, Валентик 595
 Марат, Жан-Поль 21, 41
 Марбо, Камилла 251
 Маргерит, Виктор и Поль 503
 Марианна 30
 Мариетт 340
 Маринетти 303, 623
 Мария-Амелия, королева 252
 Мария-Антуанетта, королева 28
 Маркс, Карл 100, 128, 155, 185, 270, 366
 Маркс, семья 128, 155, 185, 366
 Марта 138, 188, 559, 587
 Мартен дю Гар, Роже 167, 328, 622
 Мартен, Мария 292
 Мартен-Фюжье, Анна 132, 184, 189, 191
 Мартине, Шанталь 507
 Масае, Жан 501
 Матильда, принцесса 125
 Матисс, Анри 328
 Мекленбургская, принцесса 218
 Мелен, Арман де 365, 374, 386, 387
 Мен, Бيران де 447, 467, 468, 476, 480, 481
 Мендель Йохан 575
 Менетра, Жак-Луи (парижский стекольщик) 42
 Мениль, дю (доктор) 363
 Менье, Эмиль Жюстен 345, 380, 381, 382
 Мериме, Проспер 493
 Мерсье, П. А. (священник) 301, 511
 Мерсье, Себастьян 301, 511
 Местрас 406
 Метрон, Жан 474
 Милле, Жан-Франсуа 616
 Милль, Джеймс 54, 74
 Мило, Карл 516
 Мирбо, Октав 183, 562
 Мирбо, Селестина 183, 562
 Мишле, Жюль 23, 115, 140, 184, 208, 304, 494, 510, 516–518, 541, 581
 Мози, Робер 234
 Молль 555
 Мольни, Жермена де 226, 227, 262
 Моне, Клод 328
 Моно, семья 189
 Монтебелло, маркиза де 352
 Монтегю 408
 Моо 149
 Мопассан, Ги де 251, 339, 454, 456, 477, 562, 570, 579, 586, 600, 613
 Мор, Ханна 54, 57–60, 68
 Морган 99
 Морё, Мария 344, 374
 Морель, Бенедикт 467, 521, 575
 Мори, Альфред 284, 481–483
 Мориак, Франсуа 158, 177, 178
 Моришо, Берта 155
 Моришо-Бошан 615
 Морни, герцог де 600
 Моро де Тур 481, 575, 577
 Моро, Жак-Луи 48
 Морсоф, мадам де 532
 Мотт, семья 110
 Муаньон, Пьер 171
 Мур, Джон 23
 Муру, Жюль 377
 Муссерон, Жюль 502
 Мэр, капитан 409
 Мюллер 383
 Мюрже, Анри 299–301
 Мюссе, Альфред де 541, 572
 Навель, Жорж 164
 Надо, Мартен 124, 135
 Наке, Альфред 290

- Нана 308
 Наполеон I 20, 30, 36, 42, 214
 Наполеон III 176, 230, 238, 332, 358, 383, 398
 Наполеон, принц 344
 Наум, Вероник 429
 Наэф, Ж. 190
 Некер де Соссюр, мадам 501
 Нерваль, Жерар де 11, 477, 481, 506, 579, 613
 Норман 345
 Нугаре, Пьер Жан Батист 38
- О'Брайен, Патрисия 296
 Обри, Октав 192
 Оде, Рене 52, 348, 349
 Одиган, А. 324
 Одоар, семья 493, 506, 507, 511, 519, 523, 525-527, 533, 611
 Одуар, Олимпия 292
 Озуф, Мона 93
 Ойон, А. 376, 377
 Оклер, Юбертина 291, 292
 Оллендорф, Поль 200
 Опик, мадам 139, 163, 279
 Орлеанские, семья 218, 345, 489, 512
 Осман, барон 263, 331-333, 360, 366
- Пакстон, Джозеф 351
 Пакстон, Роберт 93
 Панж, графиня де 226, 245
 Паран-Дюшатле, Александр 340, 500, 549, 599
 Паран-Лардер, Франсуаза 497
 Парвери, Симон 109
 Паризе (доктор) 494
 Паризе, мадам 202, 206, 252
 Паризи, монсеньор 516
 Паскаль (архитектор) 113, 350, 399
 Паскье (канцлер) 549
- Пастер, Луи 263, 340, 342, 442, 495, 521, 576, 606, 609-611, 614
 Пато, Э. 326
 Патюро, Жером 333
 Пеан, профессор 560
 Пеги, Шарль 298
 Пезера, П. 306
 Пейребрюн, мадам де 125
 Пекёр, Константин 97
 Пеладан, Жозеф 516
 Пелетье, Мадлен 565
 Пеллетан (доктор) 288
 Пеллико, Сильвио 493
 Пелосс, Валентин 492
 Пено (доктор) 382, 385
 Пердигье, Агриколь 162, 325, 500, 502
 Пере-Дортай 403
 Перейр, братья 345, 352, 505
 Перек, Жорж 328
 Перре, Огюст 323, 399
 Перро, Филипп 269, 453, 501
 Пете, Жан-Пьер 574, 604
 Петипа 394
 Пиду 609
 Пий IX 257
 Пий X 257
 Пико, Жорж 369, 396, 397, 400
 Пинель, Казимир 613
 Пипле 335
 Пистон, Даниель 495, 496
 Питт, Уильям 57
 Плейс, Фрэнсис 73, 74, 76
 Плоневе, Шанталь 589, 591
 Полле, Мелани 124
 Полле, семья 110
 Польштон, Жан-Клод 429
 Понс, кузен 504, 505
 Попино 505
 Порталис, Жан 120
 Праде, Луиза 284

- Прево, Марсель 208, 251, 479, 556
 Прессансе 125
 Провансаль, Анри 400, 406
 Прудон, Пьер Жозеф 98, 119, 121,
 125, 128, 129, 130, 134
 Пруст, Марсель 175, 183, 185, 308,
 329, 619
 Прюдом 304
 Пуже, Э. 326
 Пуло, Дени 591
 Пупар 341
 Пурталес, граф де 344
 Пута, Ипполит 534
 Пьеррар, Пьер 545
- Радклиф, Анна 45
 Райт, Винсент 471
 Раме, Клодина 38
 Рамон, де Карбоньер, Луи 475, 476
 Ранк, Артюр 357
 Рансьер, Жак 109, 472
 Распай, Франсуа 109
 Рёдерер, граф 184
 Резон-Журд, Франсуаза 109
 Рей, Адольф-Огюстен 400, 401, 402
 Рейбо, Луи 324
 Реклю, Поль 176
 Реклю, семья 157, 169, 189
 Реклю, Элизе 128, 174, 176
 Реклю-Кергомар, Полина 126
 Рембо, Артюр 158
 Реналь, мадам де 532
 Ренан, Генриетта 172
 Ренан, мадам 172
 Ренан, Эрнест 128, 172
 Ренар, Жюль 452, 482, 526
 Реноден, Эдме 241
 Реньо, Эмиль 248
 Реньяр (фотограф) 586
 Рессон, Гораций 213
 Рестиф де ля Бретон 541
- Рибо, Теодюль 614
 Ривьер, Пьер 102, 158, 436, 472, 493,
 502, 574
 Риголетта 301
 Рипа, Янник 123, 288, 612
 Рислер, Эжени 127, 140
 Ришар (инспектор) 264, 315
 Рише, Леон 291
 Робен, Поль 559
 Робер (доктор) 463
 Робеспьер 22, 42, 121
 Розанваллон, Пьер 91
 Ройе-Коллар 92, 313, 424
 Ролан, Манон 40-42
 Ропс, Фелисьен 576
 Ростан, Эжен 391
 Ротшильд, семья 351, 400-403,
 406, 409, 505
 Роша, Сеон, Жан-Батист 494
 Ру, Эрсили 288
 Рубо (доктор) 578
 Рувр, Мод де 556
 Рудинеско, Элизабет 426
 Руссель, Пьер (доктор) 48, 445
 Руссо, Жан-Жак 18, 23, 58, 98, 165,
 166, 208, 476, 479, 492, 530, 532,
 541, 620
 Рюо (парижский
 книготорговец) 42
- Савар, Клод 484, 490, 502
 Савиньяк, Алида де 202, 209
 Саган, принцесса де 352
 Сад, маркиз де 43-47
 Саладен, Анри 398
 Санд, Жорж 87, 98, 134, 139, 156,
 158, 160, 161, 167, 168, 174, 181, 187,
 188, 190, 207, 215, 223, 248, 276,
 291, 353, 474, 480, 516, 522
 Сандо, Жюль 603
 Сансо, Пьер 19, 179
 Сарразен, Берта 185

- Сарразен, Элен 126, 169, 189
 Сарсе, Франциск 223
 Сартр, Жан-Поль 112, 130, 433, 502,
 523, 524, 540
 Сафо 599
 Свечина, Софья 465
 Свэйн, Глэдис 582
 Се, Анри 360
 Се, Камиль 239, 558
 Сегален, Мартина 135, 141, 535, 554
 Сегюр, графиня де 195, 501
 Селин, Луи-Фердинанд 176, 459
 Селье, Анри 404
 Сельнар, мадам 202, 207, 209, 265
 Сен-Барб 598
 Сен-Мартен, Моник де 111
 Сеннет, Ричард 7
 Сент-Бёв 126, 532
 Серийе, Клеманс де 123, 270, 288
 Серийе, семья 188
 Серман, Уильям 547
 Серто, Мишель де 179
 Сибур, аббат 511
 Сигел, Джерольд 299
 Симон, Жюль 100, 101, 120, 140,
 154, 304, 342, 364
 Симон, Жюль и Густав 249
 Симон, Теодор (доктор) 615
 Симонен, Альберт 162, 176
 Скотт, Вальтер 476, 498
 Скриб, Эжен 216
 Смит, Бонни 143, 566
 Смит, Джон 72
 Соваж, Анри 399–401
 Сорель, Жюльен 295
 Соссюр, Орас Бенедикт де 475, 501
 Спивак, Марсель 618
 Стайн, Гертруда 308
 Стайнер, Джордж 482
 Стаклер, семья 247
 Сталь, Жермена де 48, 91, 157
 Старобински, Жан 445, 446, 580
 Стейнлен, Теофиль
 Александр 408
 Стендаль 18, 104, 115, 116, 148, 163,
 206, 231, 293–295, 313, 424, 477,
 493, 526, 532, 533, 578, 603
 Стенли, семья 58, 59
 Стоун 79
 Стрейчи, Литтон 329
 Сэй, Жан-Батист 316
 Сэй, Леон 370
 Сю, Эжен 301, 335, 373, 381
 Сюрвиль, Лора 496
 Таксиль (доктор) 330
 Таксиль, Лео 516
 Тард, Габриэль 431, 595, 596
 Тардьё, Амбруаз (доктор)
 440, 595, 596
 Тереза из Лизье (святая) 295
 Терно, Селин 176
 Тибодо 20
 Тинер, Марсель 308
 Тирье, семья 110
 Тиссо (доктор) 460
 Тиссо, Джеймс 337, 372
 Тодд, Эмманюэль 100, 116, 134, 149,
 150, 154
 Токвиль, Алексис де 91, 92, 132, 153,
 192, 297, 621
 Томпсон, Э. П. 74, 75
 Трамбах 79
 Трела, Улисс 289
 Трела, Эмиль 341, 389, 402
 Тременхир 77
 Трико, Франсуа 269, 274
 Тристан, Флора 97
 Троллоп, мадам 214
 Труйо, Жорж 399
 Трюкен, Норбер 137, 162, 316,
 327, 513
 Туану 162

- Тулуз-Лотрек, Анри де 185
 Туссенель, Альфонс 495
 Тьер, Адольф 344, 361, 404, 589, 590
 Тэн, Ипполит 134, 206, 497, 614
 Тюилье, Ги 451, 616
- Уилберфорс, Уильям 54, 57
 Умбер, Эжен 559
 Уолстонкрафт, Мэри 59, 60
 Уорт, Чарльз Фредерик 245
 Урлиак, П. 102
- Фабр д'Эглантин 24
 Фаллу, граф де 349
 Фальрет 600
 Фан, Мари-Клод 548
 Фатела 278
 Фейдо, Жорж 453, 566
 Ферри, Жюль 100, 119, 127, 140, 161, 568
 Фийо, Тьерри 589, 590
 Филомена (святая) 457, 458
 Фин, Аньес 141, 159, 470
 Фио (доктор) 559
 Флавины, Мария де 526
 Фландрен, Жан-Луи 460, 515, 516, 557
 Флобер, Ашиль 112
 Флобер, Ашиль Клеофас 130
 Флобер, Гюстав 112, 139, 155, 168, 182, 217, 221, 255, 284, 293, 298, 303, 314, 328, 482, 523, 525, 541
 Флурнуа, Теодор 615
 Фовиль, А. де 358
 Фор, Оливье 448
 Форель, Огюст (доктор) 551, 552, 555-557, 559
 Форестье 339
 Фори, Жан 516, 518
 Фосийон 147
 Франклин, Бенджамин 112, 465, 503
- Фрапье, Леон 305
 Фрапье-Мазюр, Люсьена 530
 Фрей, Мишель 544, 545
 Фрейд 19, 114, 158, 446
 Фрессине, Изабель 465, 469
 Фройнд, Жизель 430
 Фромантен, Эжен 302
 Фуко, Мишель 5, 86, 112, 113, 133, 166, 286, 461, 594
 Фуркруа 465
 Фурнье, Альфред, профессор 519
 Фурье, Шарль 96, 97, 98, 175, 280, 354, 371-375, 377, 378, 381, 599
 Фуше 351
 Фьеве, Жозеф 598
- Хабермас, Юрген 7
 Хальбвакс, Морис 322
 Хатцфельд, Элен 262
 Хеллер, Сэмюел 341
 Хиришман, Альберт 6
 Хиришфельд 555
 Холл, Кэтрин 16, 88
 Хоффман, Пол 530
 Хусс, Магнус 589
 Хюбшер, Рональд 537
- Цубер-сын, Жан 382, 383
- Чайанов, Александр 105
- Шабер, полковник 440
 Шабо, монсеньор 219
 Шабо, Ролан 21
 Шаброль 367, 408
 Шалин, Жан-Пьер 102, 243, 477
 Шамбор, граф де 345, 349
 Шантепи, мадемуазель де 277
 Шарко, Жан Мартен 520, 582, 586-588, 595, 614

- Шарлотта, принцесса 51
 Шарль, Кристоф 471
 Шарпантье 503
 Шастене, Жак 241
 Шатирон, Ипполит 174, 276
 Шатле, мадам дю 183
 Шатобриан 260, 476
 Шагофор, Клэр де 200, 254
 Шевалье, Луи 285, 544, 573
 Шевалье, Эрнест 524
 Шейсон, Эмиль 95, 390, 409
 Шекспир 200
 Шерон, Анри 404
 Шнайдер (из фонда
 Ротшильдов) 402, 406
 Шнайдер, семья 110, 380
 Шнайдер, Эжен 505
 Шнаппер, Бернард 287, 289
 Шольви, Жерар 464
 Шомет 25
 Шомон, аббат 262
 Шонар 300, 301
 Шортер, Эдвард 150, 536, 537, 544,
 557, 571
 Шотар-Льоре, Каролина 140, 188,
 198, 199, 236, 277
 Шпитцнер (доктор) 277
 Шталь, Георг 445, 583
 Штирнер, Макс 165
 Штраус, Рихард 586
 Штрумингер, Лаура 545
 Шуазэль-Прален, герцог де 182
 Эбер, Жак 28
 Эвальд, Ф. 149
 Эвелинг 128
 Эдельман, Бернар 90, 314
 Эду, Леон 336
 Эйнар, Эдуард 368
 Элиас, Норберт 6, 191
 Эмили 188, 192
 Энбик 392, 406
 Энгельс, Фридрих 99
 Энгр, Доминик 190, 398
 Эразм 6, 191
 Эркманн-Шатриан 503
 Эскироль, Жан-Этьен
 Доминик 613
 Эсмеральда 439
 Эстеб, Жан 546, 566
 Юнг, Артур 360

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- Les Actes des apôtres 28
L'Ami du peuple 21
L'Architecte 398
L'Architecture 398
L'Assiette au beurre 335
L'Atelier 98
Bottin mondaine 211
Bulletin du mouvement sociétaire
en Europe et en Amérique 375
Bulletin paroissial
de Saint-Sulpice 259
Le Charivari 335
La Construction lyonnaise 391
La Corbeille 242
La Décade philosophique 48, 316
La Dernière Mode 246
Démocratie pacifique 374
L'Économiste français 390
Edinburgh Review 54
L'En-dehors 115
Fémina 222
La Femme et la Famille 224
Le Figaro 225, 230, 231
La Fronde 292, 622
La Gazette des ménages 219, 231
La Gazette des salons 214, 246
La Gazette des touristes et des
étrangers 232
La Gazette des tribunaux 281
Le Guetteur de Saint-Quentin 374
High-Life 210
L'Humanité 174
L'Illustration 317, 339
L'Immeuble et la Construction
dans l'Est 405
Je sais tout 317
Journal de la mode et du goût 23
Le Journal des dames 232
Le Journal des débats 137
Journal des économistes 356
Le Journal des jeunes filles 216, 220
Lectures pour tous 317
Le Libérateur 292
Ma petite maison 394
Le Matin 409
La Mère de famille 224
Miner's Advocate 78
La Mode 222
Mon chez-moi 226
La Nature 277
Not' cabane 395
Le Père Duchesne 28
La Presse 357, 424
La Quotidienne 500
La Réforme sociale 95, 324, 387, 397
La Revue de Paris 112
La Revue des Deux Mondes 286
La Revue générale d'architecture 333
La Revue hebdomadaire 234
Revue municipale 361
La Revue pénitentiaire 287
La Semaine de Suzette 183
The Spectator 79
Le Temps 125
Les Usages du monde 207

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

- «Аврелия» (Aurélia) 481, 579
«Алина и Валькур» (Aline et Valcour) 44
«Альманах бедного Ричарда» (La Science du bonhomme Richard) 112
«Бездна, или Там, внизу» (Là-bas) 586
«В поисках утраченного времени» 175, 183
«В предместье» (En plein faubourg) 273
«В семье» (En famille) 381
«Вечный жид» (Le Juif errant) 373, 376
«Вилла „Оазис“, или Фальшивые Буржуа»
(Villa Oasis ou les Faux Bourgeois) 395
«Виноградник и дом» (La Vigne et la Maison) 196
«Внутренний мир Иисуса и Марии»
(L'Intérieur de Jésus et Marie) 487
«Возвышенное» (Le Sublime) 591
«Воззрения Анны-Катарини Эммерих на жизнь Христа
и его страдания» (Visions d'Anne-Catherine Emmerich
sur la vie de Jésus et sur sa douloureuse Passion) 487
«Воля к знанию» (La Volonté de savoir) 166
«Воспоминания двух юных жен»
(Mémoires de deux jeunes mariées) 93, 152, 155, 523
«Восставшие дети и виновные родители»
(Enfants révoltés et Parents coupables) 287
«Восьмилетний рабочий» (L'Ouvrier de huit ans) 154
«Гармония» (Harmonie) 115
«Главная ошибка» (Le Vice suprême) 516
«Госпожа Жервезе» (Madame Gervaisais) 516, 586
«Девка Элиза» (La Fille Elisa) 586
«Девушка с золотыми глазами» (La Fille aux yeux d'or) 599
«Девяносто третий год» (Quatrevingt-treize) 504
«Деньги» (L'Argent) 361
«Деревенский дом» (La Maison de campagne) 231
«Дешевые брошюры Ханны Мор» (Cheap Repository Tracts) 57
«Дневник Гонкуров» (Journal des Goncourt) 253, 303
«Дневник горничной» (Journal d'une femme de chambre) 183

- «Дневник Женевиэвы Бретон» (Journal de Geneviève Bréton) 157
 «Дневник моей матери» (Le Manuscrit de ma mère) 199
 «Дневник Стендаля» (Journal de Stendhal) 206
 «Дневники полковника Момора»
 (Lieutenant-Colonel de Maumort (Le) 167, 328
 «Доктор Паскаль» (Le Docteur Pascal) 113
 «Долг» (Le Devoir) 101
 «Дом художника» (La Maison d'un artiste) 317
 «Доминик» (Dominique) 302, 476
 «Европейские рабочие» (Ouvriers européens) 94
 «Единственный и его собственность» (L'Unique et sa propriété) 165
 «Женщина в XX веке» (La Femme au XXe siècle) 249
 «Жизнь» (Une vie) 251
 «Жизнь Анри Брюлара» (Vie de Henry Brulard) 104, 116, 148
 «Жослен» (Jocelyn) 492
 «Жюльетта» (Juliette) 44, 46, 47 8
 «Жюстина» (Justine) 44, 46
 «Забота о себе» (Le Souci de soi) 112
 «Завоевание Плассана» (La Conquête de Plassans) 516, 586
 «Завтрак в оранжерее» (Le Déjeuner dans la serre) 347
 «Замогильные записки» (Mémoires d'Outre-Tombe) 260
 «Записки туриста» (Mémoires d'un touriste) 231
 «Здравое безумие» (La Folie lucide) 289
 «Земля» (La Terre) 358
 «Зоология с любовью» (Zoologie passionnelle) 495
 «Идиот в семье» (L'Idiot de la famille) 112, 130
 «Изобретение повседневности» (L'Invention du quotidien) 179
 «Изобретено во Франции» (L'Invention de la France) 116
 «Икария» (Voyage en Icarie) 96, 97, 470
 «Иллюстрация» (L'Illustration) 317, 339
 «Имитация» (L'Imitation) 487
 «Индиана» (Indiana) 291
 «Инсургент» (L'Insurgé) 295
 «Искусство быть дедом» (L'Art d'être grand-père) 267
 «Исторические заметки о Революции»
 (Notices historiques sur la Révolution) 40
 «История дома» (Histoire d'une maison) 184, 316
 «История моей жизни» (Histoire de ma vie) 161, 167, 190

- «История молодости» (Histoire d'une jeunesse) 319
«История полковой лошади» (Histoire d'un cheval de troupe) 493
«История французов» (Histoire des Français) 105, 110
«Калико» (Calicot) 276
«Клодина в школе» (Claudine à l'école) 460
«Книга хозяйки дома» (Manuel de la maîtresse de maison) 202
«Кодекс общности» (Code de la Communauté) 96
«Коломбина-наследница» (Colombine héritière) 216
«Коринна» (Corinne) 216
«Кузина Бетта» (La Cousine Bette) 305
«Ларусс XIX века» 205, 224, 229, 231, 298, 532
«Лексикон прописных истин»
(Dictionnaire des idées reçues) 182, 255, 298
«Лелия» (Lélia) 291
«Лолотта и Фанфан» (Lolotte et Fanfan) 45
«Мадемуазель де ла Кентини» (Mademoiselle de la Quentinie) 516
«Манифест футуризма» (Manifesto del Futurismo) 303, 623
«Марта» (Marthe) 138
«Магушка Сантер» (Mémé Santerre) 106
«Мемуары Ларевельера-Лепо»
(Mémoires de La Révellière-Lépeaux) 39
«Мемуары Лоншана» (Mémoires de Longchamp) 183
«Мемуары мадам Лафарж» (Mémoires de Mme Lafarge) 176
«Мемуары мадам Ролан» (Mémoires de Mme Roland) 40
«Милочка» (Chérie) 523, 586
«Милый друг» (Bel-Ami) 339, 555
«Мой закон будущего» (Ma loi d'avenir) 98, 139
«Молодая владелица дома» (La Jeune Maîtresse de maison) 202
«Молодая хозяйка дома» (La Jeune Propriétaire) 202
«Моя сестра Генриетта» (Ma sœur Henriette) 172
«Мсье, Мадам и Младенец» (Monsieur, Madame et Bébé) 220
«Мятежница» (La Rebelle) 308
«Накипь» (Pot-Bouille) 159
«Нана» (Nana) 463, 555
«Невинные жертвы сифилиса» (La Syphilis des innocents) 519
«Немецкая идеология» (L'Idéologie allemande) 99
«Несчастье Генриетты Жерап» (Le Malheur d'Henriette Gérard)
448, 471

- «Новая Жюстина» (La Nouvelle Justine) 44
- «Новое полное руководство хозяйки дома»
(Nouveau Manuel complet de la maîtresse de maison) 202, 265
- «Новая Элоиза» (Julie ou la Nouvelle Héloïse) 533
- «Новый мир любви» (Le Nouveau Monde amoureux) 97, 280
- «О демократии в Америке» (De la démocratie en Amérique) 92
- «О женской природе» (Histoire naturelle de la femme) 49
- «О священнике, о женщине, о семье»
(Du prêtre, de la femme, de la famille) 516
- «О физической и моральной системе женщины»
(Du système physique et moral de la femme) 48
- «Об идентичности сна и безумия»
(De l'identité de l'état de rêve et de la folie) 481
- «Об экспериментах в любви, или Причины супружеской
неверности женщин в XIX веке» (De l'amour expérimental
ou des causes de l'adultère chez la femme au XIXe siècle) 558
- «Обвинение» (L'Accusation) 269
- «Обычай века» (Usages du siècle) 221, 265
- «Озорные сказки» (Contes drolatiques) 333
- «Онанизм» (Onanisme) 460
- «Опыт о расписании дня, или Метод правильного распределения
времени в течение дня, первое средство для счастья»
(Essai sur l'emploi du temps ou Méthode qui a pour objet de bien
régler l'emploi du temps, premier moyen d'être heureux) 465
- «Орля» (Le Horla) 579
- «От матери к дочери» (De mères en filles) 159
- «Отмена платы за жилье благодаря возведению всех жильцов в ранг
собственников» (Suppression des loyers par l'élévation de tous les
locataires au droit de propriété) 375
- «Отцы и дети в XIX веке» (Les Pères et les Enfants au XIXe siècle) 160
- «Отчаяние Луизон» (Le Désespoir de Louison) 216
- «Паноптикон» (Panopticon) 184
- «Париж, или Занавес поднят» (Paris ou le Rideau levé) 38
- «Письма к Франсуазе» (Lettres à Françoise) 251
- «Плодовитость» (Fécondité) 113, 560
- «Побочная семья» (Une double famille) 548
- «Поглощенная» (Engloutie) 124
- «Подростковая преступность. Причины и методы борьбы
с новым социальным злом» (La Criminalité dans l'adolescence.
Causes et remèdes d'un mal social actuel) 166
- «Пол и характер» (Sexe et Caractère) 303

- «Полная книга хозяйки дома, или Образцовая хозяйка»
(Manuel complet de la maîtresse de maison ou la Parfaite
Ménagère) 202
- «Порнократия, или Современность»
(La Pornocratie ou les Temps modernes) 121
- «Прародительница» (Génitrix) 158
- «Преступность в юном возрасте. Корни социального зла и средства
от него» (La Criminalité dans l'adolescence. Causes et remèdes
d'un mal social actuel) 166
- «Провинция» (La Province) 178
- «Путеводитель „Мишлен“» (1900) 234
- «Путешествие в Финистер» (Voyage dans le Finistère) 356
- «Путешествие двоих детей по Франции»
(Le Tour de la France par deux enfants) 452
- «Работница» (L'Ouvrière) 304, 342, 364
- «Рабочие двух миров» (Ouvriers des deux mondes) 173
- «Развод» (Le Divorce) 292
- «Распутство исповедника» (Les Débauches d'un confesseur) 516
- «Реальная жизнь» (La Vie réelle) 144
- «Рене, или Следствия страстей» (René, ou les Effets des passions) 476
- «Рождение страсти» (Naissance d'une passion) 175
- «Ругон-Маккары» 278, 527
- «Руководство для дам» (Manuel des dames) 207
- «Светские обычаи» (Les Usages du monde) 207
- «Сельская жизнь» (La Villegiatura) 229
- «Сельский врач» (Le Médecin de campagne) 353
- «Словарь для дам и юных особ» (Dictionnaire de conversation
à l'usage des dames et des jeunes personnes) 255
- «Словарь Литтре» 313
- «Словарь политической экономии»
(Dictionnaire d'économie politique) 328
- «Словарь рабочего движения»
(Dictionnaire du mouvement ouvrier) 475
- «Смерть в кредит» (Mort à crédit) 459
- «Сознательное поколение» (Génération consciente) 559
- «Социальные решения» (Solutions sociales) 375
- «Становление» (Devenir) 622
- «Сто двадцать дней Содомы» (Les 120 Journées de Sodome) 44, 46, 47
- «Супружеский кодекс» (Code conjugal) 249

- «Тетушка Флора» (Ma tante Flora) 216
 «Типовые дома» (Les Maisons types) 358
 «Тошнота» (La Nausée) 502
 «Труд» (Travail) 171, 317, 378, 392
 «Труженики моря» (Les Travailleurs de la mer) 470
 «Тысяча и одна ночь» 248
 «Универсальный словарь практической жизни в городе и деревне»
 (Dictionnaire universel de la vie pratique à la ville
 et à la campagne) 215, 254
 «Философия в будуаре» (La philosophie dans le boudoir) 44
 «Философия права» (Principes de la philosophie du droit) 88, 99
 «Франция чувствующая» (La France sensible) 19, 179
 «Хромой бес» (Le Diable boiteux) 331
 «Цезарь Бирото» (César Birotteau) 206, 274, 279
 «Целебс в поисках жены» (Coelebs in Search of a Wife,
 Coelebs en quête d'une épouse) 58
 «Частная архитектура в XIX веке»
 (L'Architecture privée au XIXe siècle) 333
 «Частная жизнь красавчика Лафайета, генерала васильков»
 (La Vie privée de Blondinet Lafayette, général des bluets) 28
 «Человек, который смеется» (L'Homme qui rit) 492
 «Чувствительная Франция» (La France sensible) 179
 «Экономика сельского дома» (Cottage Economy) 75
 «Элизе, Реклю, или Страсть к миру»
 (Élisée Reclus ou la Passion du monde) 126
 «Эмиль, или О воспитании» (Émile ou De l'éducation) 165
 «Якобитские шабаши» (Sabats jacobites) 28
 «Virginitas» 529

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Мишель Перро</i>)	5
Глава 1. Занавес поднимается	13
Время и место (<i>Мишель Перро</i>)	14
Французская революция и частная жизнь (<i>Линн Хант</i>)	19
Sweet Home (<i>Кэтрин Холл</i>)	51
Глава 2. Действующие лица	83
Триумф семьи (<i>Мишель Перро</i>)	87
Функции семьи (<i>Мишель Перро</i>)	101
Действующие лица и исполнители (<i>Мишель Перро</i>)	119
Жизнь семьи (<i>Мишель Перро</i>)	187
Ритуалы частной жизни буржуазии (<i>Анна Мартен-Фюжье</i>)	195
Семейные драмы и конфликты (<i>Мишель Перро</i>)	269
Маргиналы: холостяки и одиночки (<i>Мишель Перро</i>)	293
Глава 3. Сцены и пространства	311
Разные образы жизни (<i>Мишель Перро</i>)	313
Пространства частной жизни (<i>Роже-Анри Герран</i>)	330
Глава 4. Закулисье (<i>Ален Корбен</i>)	421
Секрет индивида	427
Интимные отношения, или Прелесть новизны	509
Крик и шепот	572
Заключение (<i>Мишель Перро</i>)	620
Библиография	624
Именной указатель	649
Указатель периодических изданий	662
Указатель произведений литературы и искусства	663

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

под общей редакцией
Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби

ТОМ 4

От Великой французской революции до I Мировой войны

Ален Корбен, Роже-Анри Герран, Кэтрин Холл,
Линн Хант, Анна Мартен-Фюжье, Мишель Перро

Под редакцией Мишеля Перро

Редактор *О. Виноградова*
Дизайнер обложки *С. Тихонов*
Корректор *С. Крючкова*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84 × 108 1/2. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 21. Тираж 2000. Зак. № 313
Отпечатано в ООО «Типография „Миттель-Пресс“»
Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

в серии: КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Юлия Яковлева
Создатели и зрители:
Русские балеты эпохи шедевров

Главный герой новой книги известной писательницы, критика балета Юлии Яковлевой, — Мариус Иванович Петипа, человек, который создал русский классический балет, каким мы его знаем. Но знаем ли на самом деле? Юлия Яковлева очищает историю русского балета от культурных наслоений советского времени — и погружает читателя в быт театральной конкуренции и балетомании, в условности изнурительной подготовки спектаклей и темные истории о небескорыстном покровительстве. На страницах этой книги читатель встретится с Артуром Сен-Леоном и Петром Чайковским, Вирджинией Цукки и Екатериной Вазем — люди, составившие славу русской культуры, а равно и те, кто остался лишь в учебниках по истории театра, вновь предстанут здесь как живые.

в серии: КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Вера Мильчина

Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь (2-е изд.)

Париж первой половины XIX века был и похож, и не похож на современную столицу Франции. С одной стороны, это был город роскошных магазинов и блестящих витрин, с оживленным движением городского транспорта и даже «пробками» на улицах. С другой стороны, здесь по мостовой лились потоки грязи, а во дворах содержали коров, свиней и домашнюю птицу. Книга историка русско-французских культурных связей Веры Мильчиной — это подробное и увлекательное описание самых разных сторон парижской жизни в позапрошлом столетии. Как складывался день и год жителей Парижа в 1814–1848 годах? Как парижане торговали и как ходили за покупками? Как ели в кафе и в ресторанах? как принимали ванну и как играли в карты? Как развлекались и, по выражению русского мемуариста, «зевали по улицам»? Как читали газеты и на чем ездили по городу? что смотрели в театрах и музеях? Где учились и где молились? Ответы на эти и многие другие вопросы содержатся в книге, куда включены пространственные фрагменты из записок русских путешественников и очерков французских бытописателей первой половины XIX века.

Пятитомная «История частной жизни» —
всеобъемлющее исследование, созданное в 1980-е годы
группой французских, британских и американских
ученых под руководством прославленных
историков из Школы «Анналов» —
Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби.
Пятитомник охватывает всю историю Запада
с Античности до конца XX века.

В ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ — ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙЦЕВ МЕЖДУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИЕЙ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ:
ТРАНСФОРМАЦИИ МОРАЛИ И ТРИУМФ СЕМЬИ,
ОСОБНЯКИ И ТРУЩОБЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЯЗВЫ
И ВЕРА В ПРОГРЕСС МЕДИЦИНЫ,
ДУХОВНАЯ И ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА
С БЛИЗКИМИ И НАЕДИНЕ С СОБОЙ.

ISBN 978-5-444-80729-3

9 785444 807293